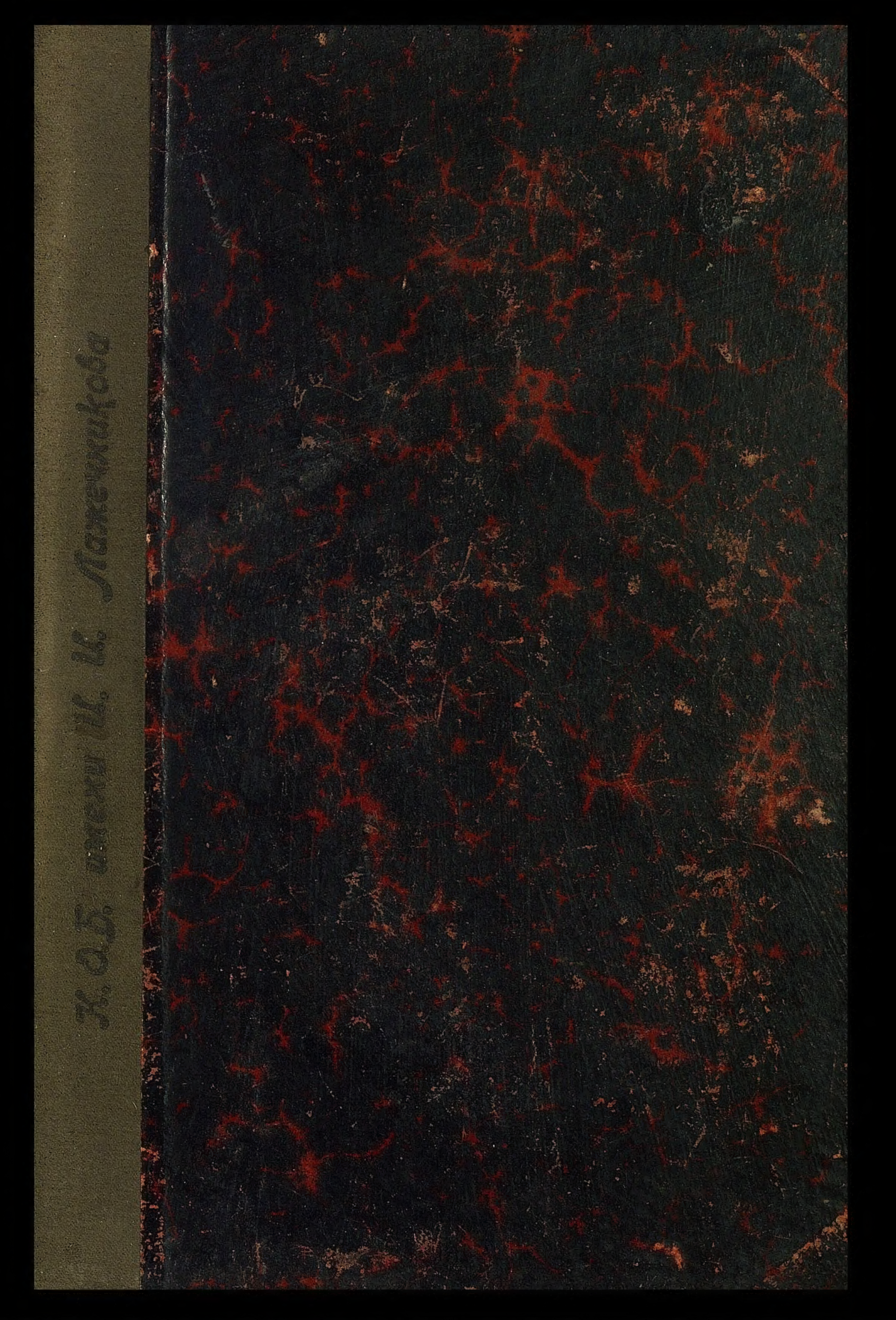
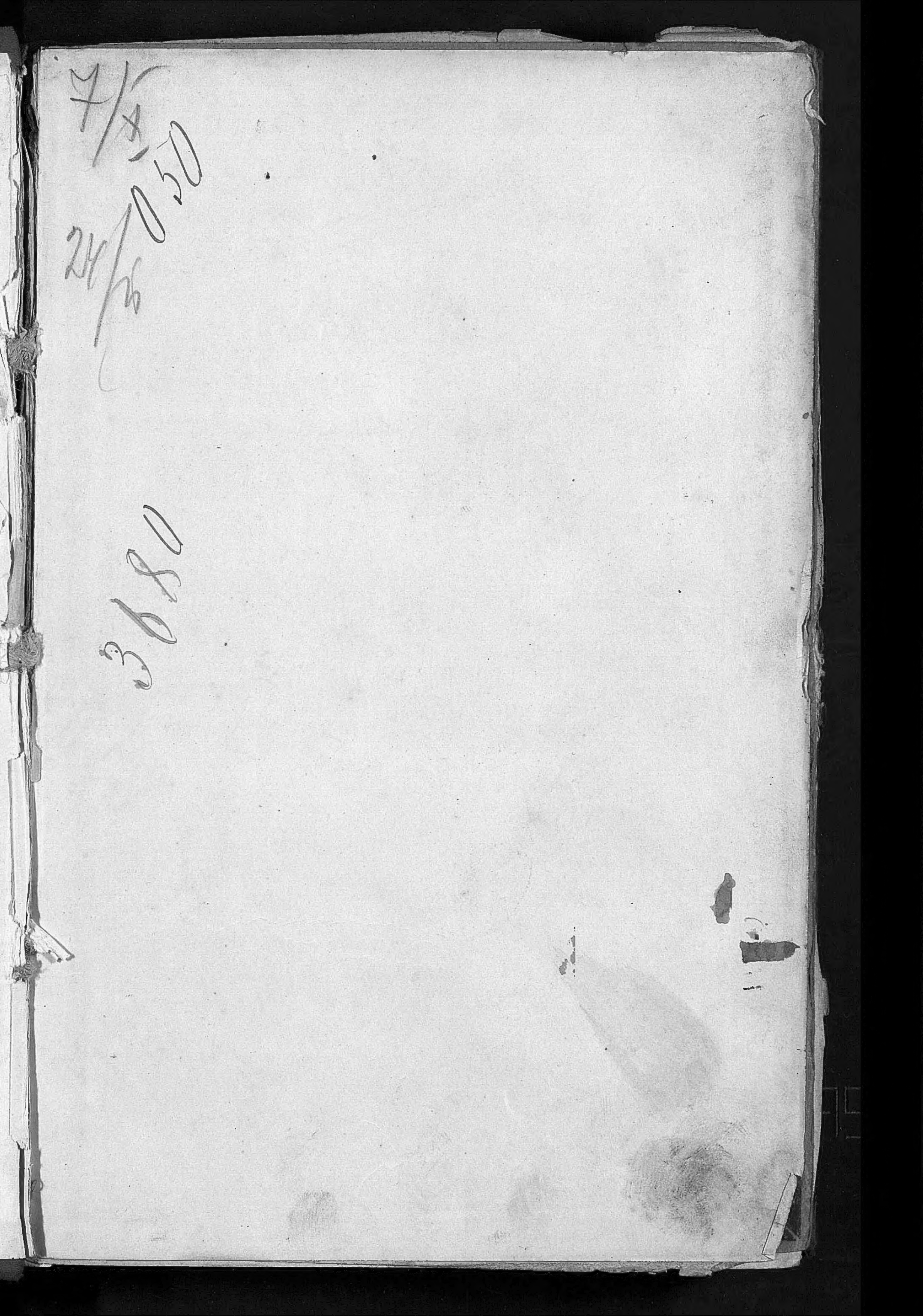
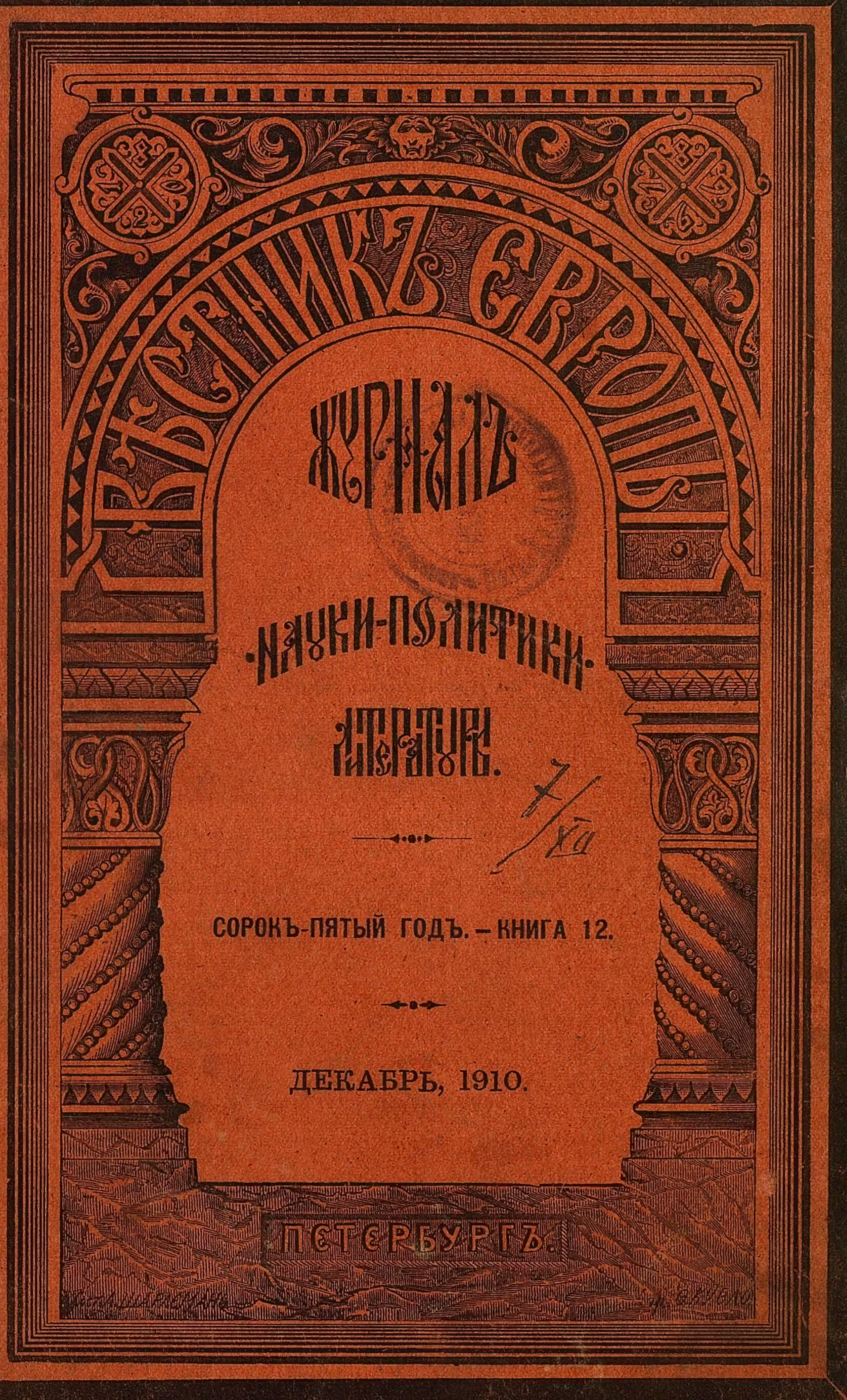

К. О. Б. имени И. И. Лажечникова

№12367 . ашд хѵііі





Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр. 5 л. 28.

КНИГА 12-я. — ДЕКАБРЬ, 1910.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

49 г.

СОРОКЪ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

ДЕКАБРЬ

Редакція и Главная Контора журнала:
Моховая, 37.

Экспедиція журнала:
Пет. ст., Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1910

4131

ПАМЯТИ
Л. Н. ТОЛСТОГО

Глубокую скорбь вызвала смерть Толстого во всемъ цивилизованномъ мірѣ: умеръ геніальный художникъ и великій другъ человѣчества, писатель, творенія котораго давно уже вошли въ міровую литературу и котораго цивилизованный міръ давно призналъ *своимъ*.

Но онъ прежде всего—*нашъ*. Онъ—нашъ не только потому, что былъ русскій, родился и жилъ въ Россіи и писалъ по-русски, а главнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что нашъ національный укладъ, такъ называемый „національный геній", выразился въ немъ съ необычайною яркостью и силой,—какъ ни у кого изъ нашихъ великихъ людей. Въ ряду русскихъ великихъ писателей онъ—*самый русскій*.

И прежде всего, характерное для русскаго національнаго уклада *совмѣщеніе реализма мышленія съ идеализмомъ настроенія* проявилось у него въ формѣ, которую также приходится признать „русскою по преимуществу".

Эта форма, какъ все національное, съ трудомъ поддается точному и сжатому опредѣленію. Попробуемъ описать, охарактеризовать ее. Тутъ прежде всего вспоминается намъ одно изъ геніальнѣйшихъ художественныхъ созданій Толстого — Платонъ Каратаевъ, который для Пьера Безухова явился „олицетвореніемъ духа простоты и правды".

Для всѣхъ насъ и для всего міра Толстой во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, отъ первыхъ повѣстей до предсмертныхъ писемъ, является олицетвореніемъ духа простоты и правды.

У Каратаева это—черта скорѣе народная, чѣмъ національная; она дана здѣсь въ наивномъ, можно сказать—архаическомъ выраженіи. У Толстого она возведена на высшую ступень и выявилась какъ черта національная, обнаруживающаяся во всемъ: въ способѣ мышленія, въ отношеніяхъ художника и мыслителя къ вещамъ и людямъ, въ самоанализѣ, въ манерѣ письма, въ языкѣ и стилѣ.

Ею характеризуется и реализмъ, и идеализмъ Толстого. Она же явилась тою закваскою, силою которой сочетаніе реализма мысли съ идеализмомъ настроенія, вообще свойственное русскому національному характеру, получило столь ярко-національное выраженіе и предстало передъ міромъ въ обличьи глубоко-русскомъ.

Толстой-художникъ открылъ міру простоту и правду въ искусствѣ, доведенныя до тѣхъ предѣловъ, гдѣ искусство становится *безъискусственнымъ*. У Толстого нѣтъ совсѣмъ *сочинительства* въ творчествѣ—грѣха, въ который вольно и невольно впадали всѣ, даже величайшіе, художники. Толстой никогда не писалъ, да и не умѣлъ писать *красиво*. Нѣтъ у него ни литературныхъ *фразъ*, ни *позъ*, — тѣхъ условностей письма, отъ которыхъ не свободна никакая литературная школа, не исключая и реалистической. Къ художественному творчеству Толстого не примѣнимы выраженія: „литературное направленіе", „школа". Онъ выше всѣхъ направленій и школъ, и поэтому не создалъ ни школы, ни направленія. Великій геній въ искусствѣ, и притомъ геній по преимуществу русскій, онъ, силою художественной простоты и правды, создалъ огромныя художественныя цѣнности, которыя навсегда останутся достояніемъ человѣчества.

Толстой-художникъ сталъ религіознымъ мыслителемъ и моралистомъ-проповѣдникомъ. И здѣсь, читаемъ ли мы „Исповѣдь", или „Въ чемъ моя вѣра", или „Чѣмъ люди живы" и т. д.,— мы чувствуемъ вѣяніе все того же духа простоты и правды... И, какъ бы мы ни относились къ „ученію" Толстого, нельзя отрицать одного: благодаря именно этому духу простоты и правды, его ученіе привлекло къ себѣ вниманіе во всемъ мірѣ и стало одною изъ силъ, по-своему движущихъ человѣчество къ лучшему будущему...

Но область религіознаго и моральнаго творчества — далеко не то, что творчество художественное, хотя и соприкасается съ этимъ послѣднимъ на многихъ пунктахъ. Элементы художественнаго мышленія входятъ въ составъ религіознаго и моральнаго, но религія и мораль имѣютъ свои особенности и задачи, для

которыхъ духъ простоты и правды, даже въ его геніальномъ проявленіи, оказывается недостаточнымъ.

Въ религіозной жизни и дѣятельности человѣчества, какъ проявляются онѣ и въ національныхъ религіяхъ, и въ религіяхъ міровыхъ, и въ многочисленныхъ сектахъ, первенствующая роль принадлежитъ такимъ факторамъ и элементамъ, какъ сила традиціи, символика, вѣра по принципу „credo quia absurdum“, мистика. Все это — чуждо Толстому. Внушенія духа простоты и правды привели его къ раціонализму въ религіи, къ своеобразному истолкованію и упрощенному изложенію Евангелія, которое въ этой формѣ вышло весьма далекимъ отъ настоящаго, къ созданію вѣроученія, которымъ онъ думалъ реставрировать первобытное христіанство временъ апостольскихъ, но которое такъ же мало походитъ на это христіанство, какъ Сютаевъ — на апостола Павла.

Но оставимъ религіозную сторону въ ученіи Толстого. Центръ тяжести этого ученія не здѣсь, а въ морали.

Обращаясь къ чисто-моральной дѣятельности Толстого, отмѣтимъ, прежде всего, все тѣ же внушенія духа простоты и правды. Толстой исходитъ изъ этики Евангелія и, „очищая“ ее ото всего, что представляется чуждымъ духу Евангелія, кладетъ въ основу современной морали—или, вѣрнѣе, морали будущаго—евангельскій принципъ любви къ ближнему. И въ геніальной простотѣ души онъ выводитъ оттуда моральныя предписанія, заключающія въ себѣ зерно великой нравственной правды, но неосуществимыя частью теперь, частью и вообще—въ той категорической формѣ, въ которой они высказаны имъ.

Толстой—*моральная натура*. Но для моральнаго творчества недостаточно быть моральной натурой. Мораль творятъ праведники и грѣшники. Толстой не былъ ни тѣмъ, ни другимъ... Но кромѣ этого — героическаго — пути моральнаго творчества, есть и другой — не творчества, а развитія морали: это — путь воспитанія поколѣній въ духѣ гуманности, это—путь постепеннаго накопленія новыхъ навыковъ совѣсти и постепеннаго отмиранія старыхъ нормъ морали и пережитковъ былого варварства. На этомъ—эволюціонномъ—пути моральныя предписанія и даже наглядные, живые примѣры святости, подвижничества, покаянія и т. д. не имѣютъ большого значенія. Тутъ рѣшающая роль принадлежитъ иного рода факторамъ: улучшенію матеріальнаго быта массъ, подъему благосостоянія, оздоровленію города и деревни, больницѣ, школѣ, распространенію просвѣщенія, облагораживающему вліянію науки...

На этомъ поприщѣ національный геній народа можетъ создать нѣчто цѣнное и прочное только въ томъ случаѣ, если онъ овладѣетъ орудіями общечеловѣческаго прогресса—на всѣхъ поприщахъ, всею, такъ сказать, „техникою" цивилизаціи, стремящейся къ усовершенствованію жизни, матеріальной и духовной, къ созданію культуры высшаго порядка.

Толстой въ своихъ моральныхъ исканіяхъ исходилъ изъ отрицанія всей этой „техники", этой всемірной цивилизаціи. Тутъ сказались внушенія все того же духа простоты и правды. Уже въ раннихъ повѣстяхъ, потомъ въ великихъ эпопеяхъ „Войны и Мира" и „Анны Карениной" Толстой художественно и морально осуждалъ все фальшивое, лживое и условное въ человѣческихъ отношеніяхъ, въ понятіяхъ и нравахъ. И можно сказать, что именно путемъ художественнаго познанія добра и зла человѣческаго пришелъ Толстой къ отрицанію цивилизаціи, прогресса, всѣхъ установившихся междучеловѣческихъ отношеній—юридическихъ, экономическихъ, общественныхъ—и къ проповѣданію замѣны ихъ отношеніями чисто-моральными, основанными на завѣтахъ Евангелія, какъ онъ его понималъ.

На этомъ новомъ поприщѣ онъ развилъ изумительную дѣятельность. Онъ изучилъ греческій текстъ Евангелія, онъ ознакомился съ еврейскимъ текстомъ Ветхаго Завѣта, онъ переработалъ Евангеліе, онъ старался проникнуть въ суть религіозныхъ ученій Востока, а главное — онъ трудился надъ мудреной и едвали разрѣшимой задачей: обосновать на предпосылкахъ человѣческаго разума, разсуждающаго въ духѣ простоты и правды, почти совпадающаго съ обыкновеннымъ здравымъ смысломъ, строгую истину морали евангельской и аскетической и утопію возрожденія всего человѣчества путемъ личнаго совершенствованія всѣхъ и каждаго.

И все вмѣстѣ—Евангеліе въ истолкованіи Толстого, проповѣдь абсолютной любви къ ближнему и отрѣшенія отъ всѣхъ общественныхъ связей, своеобразный „анархизмъ", ученіе о непротивленіи злу насиліемъ, наконецъ глубоко-русская идея „недѣланія",—все это явилось передъ изумленнымъ міромъ въ русскомъ національномъ обличьи, съ характернымъ русскимъ реализмомъ мысли, радикализмомъ выводовъ, утопизмомъ идеологіи. И міръ принялъ это созданіе русскаго національнаго генія не какъ нѣчто экзотическое, а какъ свое, міровое, какъ новое слово, сказанное великимъ человѣкомъ человѣчеству. Такъ всегда выходитъ, когда національный геній народа воплощается въ индивидуальномъ геніи великаго человѣка. Что будетъ дальше, какъ

воспользуется человѣчество ученіемъ и утопіей Толстого — это покажетъ время.

Пока мы видимъ одно: по твореніямъ нашего Толстого на Востокѣ и Западѣ люди учатся гуманности и высшимъ требованіямъ человѣчности, не смотря на то что тамъ, въ особенности на Западѣ, было и есть немало своихъ мудрецовъ — учителей гуманности, апостоловъ человѣчности.

Между Востокомъ и Западомъ находится Россія — страна, гдѣ многое, что̀ давно извѣстно старой культурѣ Востока и новой цивилизаціи Запада, кажется юродствомъ. Тамъ, гдѣ давно упрочилась настоящая культура, все равно—восточная или западная, утопіи, одушевленныя любовью къ человѣчеству и отмѣченныя печатью генія, пріемлются не къ исполненію (которое по существу дѣла невозможно), а къ свѣдѣнію, и это дѣйствуетъ воспитывающимъ образомъ. Въ странахъ, гдѣ нѣтъ настоящей культуры, ни восточной, ни западной, великія утопіи человѣчества разсматриваются слишкомъ многими какъ опасное покушеніе на существующій порядокъ вещей и не пріемлются—даже къ свѣдѣнію. Онѣ остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и о ихъ воспитательномъ значеніи говорить не приходится...

Толстой—въ Россіи не пророкъ. И не потому собственно, что Россія — его отечество, а потому, что въ ней все еще царитъ всяческая „бѣдность да бѣдность“ (какъ говорилъ Гоголь), матеріальная и духовная скудость, да еще неразлучные съ нею „жестокіе нравы“. При такомъ положеніи вещей, утопія—роскошь.

Но придетъ время, когда мы переступимъ ту грань, за которою начинается настоящая культура, въ странѣ водворяется минимумъ благосостоянія, возникаютъ духовныя потребности высшаго порядка и великія утопіи человѣчества становятся орудіемъ воспитанія. Тогда нашъ Толстой, который—нашъ и не нашъ—отъ насъ ушелъ въ міръ, вернется къ намъ...

Д. Овсянико-Куликовскій.

МОЛОДНЯКЪ

ОЧЕРКИ

I.

Бѣды Ивана Кириллыча Саламатина.

Въ грустной задумчивости сидѣлъ Иванъ Кириллычъ у окна и размышлялъ о томъ, что старыя деревенскія бабы, съ ихъ старозавѣтной мудростью и глубокомысленными изреченіями на всякіе случаи жизни, пожалуй и правду говорятъ: „пришла бѣда, отворяй ворота"... Раньше онъ немало воевалъ съ этими бабьими суевѣріями, но теперь, когда на него самого бѣды сыплются одна за другой, по неволѣ приходится примириться съ деревенскимъ фатализмомъ и терпѣливо ждать въ будущемъ и „тюрьмы", и „сумы", и „кольевъ", и „мяльевъ", и прочихъ неожиданностей, которыми такъ богата бѣдная русская жизнь.

Началось это съ того, что Иванъ Кириллычъ поссорился съ сельскимъ учителемъ, Михаиломъ Денисычемъ, когда-то первымъ другомъ и наставникомъ, а теперь соперникомъ и злѣйшимъ врагомъ. Какъ могло произойти столь невѣроятное событіе— Иванъ Кириллычъ и самъ хорошенько не зналъ, но, обдумывая всю эту исторію и въ сотый разъ перебирая въ умѣ подробности ссоры, онъ почти пришелъ къ убѣжденію, что всему причиной была Варвара Бутягина. Когда эта злокозненная особа сидѣла еще съ нимъ на одной партѣ и за обильныя веснушки на миловидной рожицѣ называлась не Варварой Михѣевной, а по-просту — „Варькой-воробьиное яйцо" — все шло какъ слѣ-

дуетъ и на горизонтѣ не было ни одной тучки. Михаилъ Денисычъ благоволилъ къ нимъ обоимъ, считалъ ихъ лучшими своими учениками и всячески поощрялъ въ нихъ стремленіе къ просвѣщенію и любовь къ книжной премудрости. Но вотъ Варька вдругъ выровнялась, перестала драться съ школярами, заплела свои желтые вихры въ аккуратную косичку — и картина совершенно перемѣнилась... Еще тогда Иванъ Кириллычъ замѣтилъ, что Михаилъ Денисычъ, разговаривая съ Варварой, какъ-то особенно поджимаетъ губы, но ему и въ голову не приходило подумать что-нибудь дурное. Никакихъ подозрѣній не возникало у него и послѣ того, какъ Михаилъ Денисычъ устроилъ Варвару учительницей раньше Ивана Кириллыча. Правда, немножко обидно было, что его обошли, но по простотѣ души онъ скоро объ этомъ и думать позабылъ и даже порадовался за Варьку, что судьба ея такъ счастливо устроилась. Не ожидалъ онъ, что впослѣдствіи изъ этого выйдетъ цѣлая исторія, и по прежнему ходилъ къ Михаилъ-Денисычу за книжками, просилъ у него совѣтовъ въ затруднительныхъ случаяхъ своей жизни и считалъ его лучшимъ изъ людей, какихъ дай Господи побольше...

При этой мысли Ивану Кириллычу стало такъ грустно, и обидно, и жалко себя, что у него даже слезы навернулись на глаза. Онъ съ испугомъ оглянулся и поспѣшно ихъ вытеръ, чтобы, Боже сохрани, кто-нибудь не замѣтилъ, хотя замѣтить рѣшительно было некому, кромѣ развѣ двухъ свиней, которыя валялись подъ окномъ въ грязной лужѣ. Успокоившись немного, Иванъ Кириллычъ снова устремилъ грустный взоръ на пустынную улицу и возвратился къ своимъ мыслямъ.

Оно правда, скрывать тутъ нечего, Варвара ему всегда нравилась,—нравилась даже и тогда еще, когда они дрались между собою въ большую перемѣну и дразнили другъ друга разными обидными прозвищами. Потомъ она стала нравиться ему еще больше, и между ними, вмѣсто дѣтской вражды, завязалась самая нѣжная дружба. Удивительнаго въ этомъ рѣшительно ничего не было... во-первыхъ, потому, что ихъ дворы стояли рядомъ, и они часто видѣлись; во-вторыхъ, оба они любили читать и разбирать прочитанныя книжки, а въ-третьихъ... да что тутъ „въ-третьихъ"!.. просто, обоимъ имъ было хорошо вмѣстѣ — и больше ничего. Когда же оба они сдѣлались учителями въ школахъ грамотности, то сблизились еще больше. Между ними шло соревнованіе, и они любили похвастаться другъ передъ другомъ своими педагогическими успѣхами. Случались у нихъ и маленькія ссоры, но онѣ всегда кончались примиреніемъ, и послѣ того дружба ихъ стано-

вилась еще тѣснѣе. И вотъ однажды, когда они, стоя на улицѣ, бесѣдовали о своихъ школьныхъ дѣлахъ, при чемъ Иванъ Кириллычъ держалъ зачѣмъ-то Варвару за руку,—вдругъ мимо нихъ прошелъ Михаилъ Денисычъ и такъ странно взглянулъ на бесѣдующую чету, что у обоихъ кровь бросилась въ голову... И вѣдь еслибы еще они о чемъ-нибудь нехорошемъ говорили, ну тогда все-таки не такъ бы было обидно, а то вѣдь нѣтъ, ничего дурного между ними не было, и Иванъ Кириллычъ просто разсказывалъ Варварѣ о томъ, какую задачу онъ сегодня задавалъ ученикамъ и какъ ловко они ее рѣшили. Но злой взглядъ сдѣлалъ свое дѣло, и деревенскіе педагоги въ глубокомъ смущеніи поспѣшили разойтись въ разныя стороны.

Вскорѣ послѣ этого случая Ивану Кириллычу понадобилось быть у Михаила Денисыча. Пришелъ, смотритъ... тотъ человѣкъ да не тотъ, словно кто-нибудь подмѣнилъ имъ учителя! Глядитъ— и не глядитъ, глаза какіе-то косые стали, говоритъ странно,— не то сквозь зубы, не то въ носъ,—ничего не разберешь... Иванъ Кириллычъ оробѣлъ, взялъ книжки и хотѣлъ поскорѣе домой идти, какъ вдругъ Михаилъ Денисычъ его остановилъ:

— Вотъ что, Иванъ...—началъ онъ, а самъ мнется и исподлобья смотритъ. — Я тебя спросить хотѣлъ (по старой памяти онъ говорилъ съ ученикомъ своимъ на „ты"):—Скажи пожалуйста, ты у Варвары Бутягиной часто бываешь?

— Нѣтъ... а что? — вымолвилъ Иванъ Кириллычъ и еще больше оробѣлъ.

— Ничего, такъ къ слову пришлось. Я полагалъ,—часто.

— Да гдѣ же мнѣ часто бывать, Михаилъ Денисычъ! — какъ бы оправдываясь, заговорилъ Иванъ Кириллычъ. — Развѣ только по праздникамъ, когда изъ хуторовъ къ своимъ прихожу. А то когда же? За шесть верстъ каждый день не набѣгаешься...

— Да нѣтъ, нѣтъ, я ничего... чего ты волнуешься?—сказалъ Михаилъ Денисычъ, а у самого глаза такъ и бѣгаютъ, словно мыши. — Я, видишь ли, только предупредить тебя хотѣлъ... Ты самъ знаешь, что Варвара—дѣвушка молодая... народъ у насъ ехидный — особенно бабы... пойдутъ по селу сплетни разныя... Неловко!

— Господи, да вѣдь я... Да что же? — забормоталъ Иванъ Кириллычъ.

— Ну да, ну да,—вотъ я только объ этомъ и хотѣлъ тебѣ сказать! Ты самъ отлично понимаешь, въ чемъ дѣло. Вы теперь съ нею учителя... надо себя такъ теперь держать, чтобы никто ничего дурного не подумалъ. Самъ знаешь, какъ и твои, и ея

родные были противъ того, чтобы вы подѣлались учителями. И вдругъ какая-нибудь неосторожность... сплетни... нехорошо, нехорошо будетъ... особенно для нея, то-есть для Варвары. Ну вотъ, я предупредилъ. Теперь можешь идти...

Опѣшенный, растерянный, вышелъ Иванъ Кириллычъ отъ учителя и всю дорогу думалъ объ его словахъ. Но Варварѣ онъ ничего не сказалъ... почему-то очень стыдно было. И когда въ слѣдующее воскресенье они снова, идя по улицѣ, нечаянно встрѣтились съ Михаилъ-Денисычемъ—Иванъ Кириллычъ такъ покраснѣлъ, что ему даже жарко стало, не смотря на двадцатиградусный морозъ.

Въ такихъ неопредѣленныхъ волненіяхъ прошла зима, а весной начались уже настоящія придирки. Михаилъ Денисычъ чуть не каждый день повадился къ нему на Епихины хутора, ревизовалъ учениковъ и жестоко распекалъ учителя. Прежде все было хорошо, теперь стало и то не такъ, и это не такъ. Прежде Михаилъ Денисычъ нахвалиться не могъ его учениками, а теперь и читаютъ-то они плохо, и пишутъ — ничего не разберешь, и объяснить ничего не умѣютъ. И еслибы еще все это говорилось наединѣ, ну, какъ-нибудь перенесъ бы, а то вѣдь при ученикахъ, и самыми обидными словами... Ивана Кириллыча стала разбирать злость, но человѣкъ онъ былъ смирный и притомъ такъ глубоко уважалъ своего бывшаго учителя, что по всей вѣроятности никогда не осмѣлился бы дать ему отпоръ, не замѣшайся опять тутъ Варвара Бутягина. Случилось это такъ: въ прощеный день на масляницу зашелъ онъ къ Варварѣ за баснями Крылова, которыя она брала у него читать,—глядь, а въ избѣ Михаилъ Денисычъ сидитъ. Свѣту не взвидѣлъ Иванъ Кириллычъ, — впору хоть сквозь землю провалиться, — да дѣлать было уже нечего. Сѣлъ и онъ, въ землю уставился и чувствовалъ, что не быть добру изъ всего этого. Михѣй, Варваринъ отецъ, водочки ему налилъ, блинами угощаетъ, а какіе ужъ тутъ блины, когда въ глазахъ все потемнѣло! И вдругъ Михаилъ Денисычъ съ этакой змѣиной улыбкой начинаетъ при всѣхъ, а главное при Варварѣ, его на всѣ корки раздѣлывать. И лѣнтяй-то онъ, и избаловался, и учить не умѣетъ, и то, и сё... Будь это въ школѣ, при ученикахъ—опять, можетъ-быть, Иванъ Кириллычъ стерпѣлъ бы, но при Варварѣ... нѣтъ, при Варварѣ онъ не могъ. Что-то горячее ударило его въ мозги, загорѣлось въ немъ сердце, и, самъ не зная какъ, онъ рѣзко и грубо сказалъ Михаилу Денисычу:

— Да что это вы на меня взъѣлись, Михаилъ Денисычъ?

Я вѣдь вамъ не мальчикъ дался шпынять-то.. и какое вамъ до меня дѣло? Вотъ пріѣдетъ ревизоръ, пускай онъ меня отчитываетъ, коли учу плохо, а васъ-то я и слушать не хочу... И вовсе я вамъ не „Иванъ“ и не „ты“... я такой же учитель, и не желаю, чтобы меня тыкали, вотъ вамъ и сказъ.

Михаилъ Денисычъ весь посинѣлъ и дико посмотрѣлъ на своего бывшаго ученика, котораго онъ еще такъ недавно видѣлъ тихимъ, услужливымъ мальчикомъ, съ нѣмымъ обожаніемъ глядѣвшимъ ему въ глаза. Но черезъ минуту онъ оправился и съ усмѣшкой сказалъ:

— Вотъ какъ ты нынче сталъ поговаривать... а еще учитель! Впрочемъ чего же и ожидать отъ дурака...

— Отъ дурака слышу! — отвѣчалъ Иванъ Кириллычъ, уже совсѣмъ не помня себя.

Михаилъ Денисычъ поднялся и вышелъ изъ избы, ни съ кѣмъ не простившись. Иванъ Кириллычъ съ кривой улыбкой посмотрѣлъ ему вслѣдъ, но въ душѣ у него все похолодѣло, точно въ погребѣ, и онъ почувствовалъ, что теперь онъ совсѣмъ пропалъ. Тутъ на него всѣ накинулись съ упреками; Михѣй, его жена, Варвара начали бранить его за дурной характеръ и, напротивъ, хвалили и оправдывали учителя. Это было уже совершенно нестерпимо, и Иванъ Кириллычъ „со смертью въ душѣ“, но сохраняя на лицѣ побѣдоносную улыбку, ушелъ отъ Бутягиныхъ и отправился къ себѣ на Епихины хутора.

За воротами его нагнала встревоженная Варвара.

— И что̀ ты надѣлалъ, Ваня, а? Что̀ ты, дуракъ, надѣлалъ? — заговорила она, хватая его за рукавъ. — Вѣдь теперь онъ насъ съ тобой со свѣту сгонитъ, а тебѣ, Ваня, вотъ помяни мое слово,—не миновать кутузки!

Но Иванъ Кириллычъ и слушать не сталъ: онъ выдернулъ свой рукавъ изъ рукъ Варвары, величественно, точно совершилъ какой-нибудь подвигъ, прослѣдовалъ по селу и только ужъ у себя, на полатяхъ, залился горькими слезами. Такъ онъ проплакалъ до самаго вечера... и не отъ страха онъ плакалъ, не отъ кутузки, которая угрожала ему впереди, а отъ жалости, что кончилось въ его жизни все хорошее и что самый лучшій человѣкъ, „какихъ дай Господи побольше“, оказался совсѣмъ не лучшимъ.

Черезъ недѣлю Ивана Кириллыча судили у земскаго начальника за оскорбленіе словами сельскаго учителя, Михаила Прокудина, и земскій начальникъ топалъ на него ногами, совалъ ему въ носъ какую-то бумагу и кричалъ на всю камеру: „Мужикъ!..

невѣжа!.. Я тебя проучу!.. Я тебя упеку!..“ Подъ конецъ онъ приговорилъ Ивана Кириллыча къ семидневному аресту при волостномъ правленіи, и какъ разъ на самое Благовѣщеніе на Епихины хутора явился сотскій, отвелъ бѣднаго учителя въ „одноглазку“, и Иванъ Кириллычъ просидѣлъ тамъ на хлѣбѣ и водѣ цѣлую недѣлю. Когда послѣ отсидки онъ вернулся къ себѣ въ школу, ему показалось, что онъ постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ, что жизнь его теперь окончательно испорчена, и что ученики поглядываютъ на него насмѣшливо, и Варвара его презираетъ, и весь свѣтъ измѣнился къ худшему. Иванъ Кириллычъ притихъ, безвыходно засѣлъ на хуторахъ и рѣшилъ никуда больше не показываться... Но новая бѣда стерегла его на порогѣ и вверхъ дномъ перевернула всѣ его благія намѣренія.

Произошло это сегодня утромъ. По случаю воскреснаго дня Иванъ Кириллычъ отдыхалъ передъ окномъ за чтеніемъ біографіи Никитина, какъ вдругъ на улицѣ показался хорошо знакомый ему сотскій, который водилъ его въ одноглазку. Эта роковая въ деревенской жизни фигура не предвѣщала ничего добраго, и у Ивана Кириллыча невольно ёкнуло сердце. Между тѣмъ сотскій приближался, отмахиваясь бадикомъ отъ злыхъ хуторскихъ псовъ, потомъ вошелъ въ школу, порылся за пазухой и протянулъ Ивану Кириллычу какую-то бумагу.

— Вотъ... отъ сельскаго старосты!—объявилъ онъ.

Ужъ одинъ видъ этой сѣрой, запечатанной рыжимъ сургучомъ бумаги имѣлъ въ себѣ нѣчто зловѣщее, и Иванъ Кириллычъ не сомнѣвался больше, что къ нему вмѣстѣ съ нею пришло новое несчастіе. Онъ отодралъ рыжую печать, носившую слѣды чьего-то громаднаго пальца, и прочелъ:

„Г. Учителю хутора Епихина параллельнаго отдѣленія Ивану Кириллову Саламатину — Сельскаго старосты хутора Епихина, Ивана Косаренкова—Приказъ. Вслѣдствіе послѣдовавшаго предписанія г. завѣдующаго параллельнымъ отдѣленіемъ Муравлевскаго начальнаго земскаго училища Михаила Денисова Прокудина отъ 7 апрѣля сего мѣсяца о томъ, что съ 7 сего апрѣля въ нашемъ Епихинскомъ младшемъ параллельномъ отдѣленіи ученіе прекращается по случаю увольненія вашего, т.-е. Ивана Саламатина. Въ виду этого предлагаю вамъ родъ занятій въ этомъ отдѣленіи болѣе не продолжать. Апрѣля 9 дня 190... г. Иванъ Косаренковъ“.

— Такъ-съ!..—проговорилъ задумчиво Иванъ Кириллычъ и почесалъ въ затылкѣ.

— На чаекъ бы съ тебя слѣдовало, Кирилычъ! — сказалъ

сотскій.—Въ этакую грязюку столько верстовъ перъ... брюхо озябло! Истинно!

Иванъ Кириллычъ пошарилъ въ карманѣ, разыскалъ какой-то завалявшійся пятакъ и отдалъ сотскому. И вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ пятакомъ онъ какъ будто отдалъ все, что было у него въ жизни хорошаго. Жалко было ему своей убогой школы, жалко учениковъ...

Сотскій ушелъ. Посидѣвъ въ раздумьѣ еще нѣсколько минутъ надъ бумагой, Иванъ Кириллычъ, наконецъ, сообразилъ, что дѣлать ему здѣсь больше нечего и что надо идти домой, въ Муравлевку. Онъ собралъ свои бѣдные пожитки въ узелокъ, простился съ хозяевами и вышелъ. На улицѣ по лужамъ съ звонкими криками шлепали ребятишки; тутъ же скакали и его ученики, которые кланялись ему и кричали вслѣдъ: „Дяденька-Кирилычъ, когда же въ училишшу-то приходить?“ Ивану Кириллычу было тоскливо до слезъ, и онъ, ничего не отвѣчая ученикамъ, чтобы не разревѣться, торопливо зашагалъ впередъ. А впереди его ждали новыя непріятности: дома будутъ пилить, мать начнетъ ворчать, отецъ скажетъ съ насмѣшкой: „Что, братъ, научительствовалъ? Получилъ благодарность въ загривокъ? Нѣтъ, видно, сколько стригуну ни бѣгать, а хомута не миновать... Ступай-ко-сь лучше пахать“!

Иванъ Кириллычъ вышелъ за околицу. По небу послѣ дождя плыли разорванныя, теплыя тучи, а изъ нихъ по временамъ падали на землю крупныя, теплыя слезы. Черныя, влажныя поля, казалось, дышали; на вспухшихъ межахъ весело выпрыгивала зеленая травка. Мокрые грачи дѣловито рылись длинными носами въ рыхлой пашнѣ и, шурша отяжелѣвщими крыльями, перелетали на другое мѣсто. Пахло землей, прѣлой травой и еще какимъ-то особымъ весеннимъ запахомъ. „Ну, что-жъ, пахать такъ пахать“...—подумалъ Иванъ Кириллычъ.

II.

Варвара Бутягина.

Варварѣ Бутягиной недавно сравнялось семнадцать лѣтъ, но на видъ она казалась гораздо старше, потому что была высокаго роста, съ широкими плечами, полной грудью и большими крѣпкими руками. У нея были густые, соломеннаго цвѣта волосы, большіе каріе глаза и яркій румянецъ, котораго не пор-

тили даже, знаменитыя желтыя веснушки, служившія когда-то предметомъ насмѣшки для ея школьныхъ товарищей, дразнившихъ ее „воробьинымъ яйцомъ". Подросткомъ Варвара любила пофрантить и въ подражаніе взрослымъ дѣвкамъ заплетала косу въ восемь пасмъ, дѣлала себѣ начесы на виски, втыкала за уши утиныя перья, носила коты съ разноцвѣтными сафьянными наличниками и ссорилась съ матерью изъ-за ожерелковъ, лентъ, корсетки съ позументами. Но кончивъ курсъ въ школѣ съ похвальнымъ листомъ, она вдругъ остепенилась, стала чесаться съ прямымъ рядочкомъ, носить платья изъ старушечьихъ ситчиковъ, голову покрывала неизмѣнно чернымъ платкомъ и въ то время, какъ ея сверстницы начали собираться „на линію", чтобы заработать себѣ приданое, Варвара ходила читать по покойникамъ псалтырь или учила сосѣдскихъ ребятишекъ грамотѣ. Подруги отнеслись къ этой перемѣнѣ съ большимъ удивленіемъ и сначала подняли Варвару на смѣхъ, называя ее „чернохвосткой" и монашенкой.

— Слышь, дѣвки, Варька-то у насъ въ монашки записалась!—говорили онѣ между собою.—Да ей-Богушки правда: на улицу не ходитъ, косу по-бабьи заплетаетъ и все съ книжкою, все съ книжкою, — совсѣмъ черничка! Того и гляди, въ монастырь закатится.

Удивлялась и Варварина мать, Трохимовна, и часто выговаривала мужу:

— Михѣй, а Михѣй, да что же это у насъ Варвара-то дѣлаетъ? Аль она въ вѣковушахъ хочетъ сидѣть? Небось, ей давно замужъ пора, а она все въ училище ходитъ, да по покойникамъ читаетъ. Ты бы ее потазалъ!

— Да Господь съ ней!—отвѣчалъ Михѣй, мужикъ смирный, серьезный и самъ очень любившій грамоту, хотя читалъ съ трудомъ, а писать и вовсе не умѣлъ.—За что ее тазать,—пущай читаетъ! Это тоже дѣло не плохое.

— Да что же это она—такъ на нашей шеѣ и будетъ весь свой вѣкъ сидѣть? Ну ужъ это я не согласна! И такъ дѣвокъ полна изба, а тутъ еще большуху корми... За нее женихи сватаются! Вонъ намедни Петровна мнѣ говоритъ: „эка у васъ Варвара-то ядреная какая стала,—вотъ бы моему Васяткѣ..." Варюха, слышишь, аль нѣтъ?

— Ну, слышу!—отзывалась Варвара.—Такъ что-жъ?

— Какъ что-жъ? Небось, тебѣ замужъ-то выходить—не мнѣ!

— Не пойду за Васятку, — съ спокойнымъ равнодушіемъ отвѣчала Варвара.

— Да что же это, матушки мои, за дѣвка! — вскрикивала Трохимовна, всплескивая руками.—Что же ты дѣлать-то будешь, а? На что надѣешься? На отцовой шеѣ весь вѣкъ не просидишь, онъ вѣдь у тебя не милліонщикъ, а васъ у него и такъ семь душъ...

Она долго ворчала и причитывала, но Варвара всегда въ этихъ случаяхъ отмалчивалась, и въ ея молчаніи было столько затаеннаго упорства, а каріе глаза смотрѣли на мать съ такою непоколебимой твердостью, что Трохимовна, наконецъ, плевалась и отходила прочь.

— У, лупоглазая этакая! Хоть объ печку ее бей, она все по-своему будетъ ладить... Ступа деревянная! Идолъ!

Молчаливое упорство Варвары, однако, сдѣлало свое дѣло. Мать поругалась-поругалась, сосѣди посудачили-посудачили, а потомъ все какъ-то и наладилось. Варвару все чаще и чаще стали звать читать псалтырь, находя, что старая черничка, Прасковеюшка, ужъ и видитъ плохо, и вычитываетъ не такъ внятно, а у Варюхи и голосокъ звончѣй, и читаетъ она словно бисеръ нижетъ. За свое чтеніе Варвара кое-что получала — то чулки шерстяные, то конецъ холста, то яичекъ, а богатые даже и деньгами иногда давали. Сердце Трохимовны умягчилось, и она перестала донимать дочку, хотя нѣтъ-нѣтъ, да и заведетъ разговоръ о томъ, какой, напримѣръ, хорошій женихъ—Тишка Сухаревъ, или сообщитъ извѣстіе, что Жеденевы свою Зинку вчера просватали. Но всѣ эти хитрости не достигали цѣли, и Варвара выслушивала материны намеки по прежнему съ видомъ „деревянной ступы“.

Когда позапрошлой осенью въ селѣ вдругъ открыли новую школу, потому что въ старой стало ужъ черезчуръ тѣсно, и Варвара Бутягина по желанію Михаила Денисыча начала ходить туда учить ребятъ, этому никто особенно не удивился, и только самые старые старики выразили нѣкоторое сомнѣніе въ томъ, можетъ ли „дѣвочка“ хорошо учить. Однако, къ великому удивленію всѣхъ муравлевцевъ, въ первую же зиму ребятишки выучились читать и писать, какъ и у самаго настоящаго учителя, и Варвара очень поднялась въ мнѣніи односельчанъ. „Смотри ты, какая вострая! — говорили они. — Что-жъ, пущай учитъ... стало-быть, ей ужъ это отъ Бога дадено“... А нѣкоторыя либеральныя бабы прибавляли къ этому: „И самое милое дѣло, что замужъ не пошла, — тоже вѣдь и замужемъ-то не сладко... Извѣстно, наша сестра потуль и человѣкъ, покуль не баба, а ужъ коли бабой назвалась, такъ хоть въ соху запрягайсь!

Весной въ Муравлевку пріѣхалъ инспекторъ ревизовать школы, и послѣ его отъѣзда Михѣй Бутягинъ долго разсказывалъ съ гордостью и торжествомъ, какъ онъ былъ у Варвары и какъ хвалилъ ее за хорошее ученье. И всѣ этому радовались, и всѣмъ было пріятно, что простая деревенская дѣвочка вышла на линію настоящей учительницы.

Вторая зима прошла такъ же благополучно, но къ веснѣ надъ Варвариной школой стали собираться какія-то сумрачныя тучи. За нѣсколько дней до того, какъ Иванъ Кириллычъ получилъ извѣстную бумагу о прекращеніи „рода занятій“ въ Епихинской школѣ, Михѣй зачѣмъ-то ходилъ въ волостное правленіе и вернулся оттуда съ удивительнымъ извѣстіемъ, что „вышнее начальство“ приказало будто бы закрыть всѣ земскія школы, учителей уволить, книжки пожечь, а вмѣсто того ребятъ опять будутъ учить дьякона въ церковныхъ сторожкахъ и отставные солдаты. При этомъ извѣстіи у Варвары похолодѣло въ груди, но она все-таки сначала не повѣрила.

— Можетъ, еще врутъ, батя?—сказала она съ тревогой.— Какъ это такъ — всѣхъ уволить! И Михаила Денисыча, стало-быть, уволятъ? Ни за что не повѣрю, зря болтаютъ!

— Да нѣтъ, дочка, вѣрно, сказываютъ! Самъ староста говорилъ. Потому, сказываютъ, отъ учителей одна смута и безпорядокъ, и церковныя книги ребята разучились читать, а теперь вотъ опять по часослову будутъ учить, да по четьи-минеямъ! Ишь ты, дѣло-то какое!

— А что-жъ?—вмѣшалась Трохимовна, которая все время внимательно прислушивалась къ разговору Михѣя съ дочерью.— И хорошее дѣло будетъ, когда опять дьячки да солдаты учить зачнутъ! Ужъ какой это порядокъ, когда дѣвочки учатъ? Одна колюта, больше ничего! Ребята—народъ озорной, нешто они станутъ дѣвочку слухать? Тутъ вотъ когда свои взголчатся, и то не знаешь, куда дѣваться, а вѣдь въ школѣ ихъ пятьдесятъ душъ! Пройти-то мимо и то жуть беретъ,—галдежъ, гомонъ,—не приведи ты, Господи, а она тамъ одна... Нѣтъ, и хорошее дѣло!

— Много ты понимаешь!—возразилъ ей Михѣй.

— Да ужъ много ли, мало ли, а что безпорядокъ, то безпорядокъ! Виданое ли дѣло, чтобы дѣвки учили ребятъ? Совсѣмъ это не дѣвичье дѣло. У самой еще молоко на губахъ не обсохло, а туда же за указку... Нѣтъ, ты сама сначала своихъ народи, а тогда ужъ и чужихъ учи. А то больно заумничались,—выше головы норовятъ прыгнуть...

— Ну, зазудѣла!..—сказалъ Михѣй и вышелъ изъ избы, зная, что жена не скоро слѣзетъ съ своего любимаго конька.

Прошло около недѣли, все шло по прежнему, и Варвара начала успокаиваться. „Наврали, должно быть!—думала она.— Наши деревенскіе горазды брехать. Ужъ еслибы правда была, давно бы Михаилъ Денисычъ оповѣстилъ“. Раза два встрѣтилась она съ Михаилъ-Денисычемъ на улицѣ, и ей очень хотѣлось подойти къ нему и спросить:—правда ли, что закрываютъ земскія школы? Но послѣ непріятнаго случая на масляницѣ ей было какъ-то неловко подходить къ учителю, да и онъ видимо посматривалъ на нее очень косо. „Ну, пускай, что будетъ, то и будетъ!“—рѣшила Варвара и стала ждать.

Въ воскресенье Михѣй опять былъ въ волостномъ и, придя оттуда, сказалъ:

— А вѣрно, что школы-то разгоняютъ! Епихину, говорятъ, ужъ разогнали.

— Кто тебѣ сказывалъ?—спросила Варвара, поблѣднѣвъ.

— Въ волостномъ говорятъ. Бумага, говорятъ, какая-то пришла. Сотскій будетъ съ бадикомъ ходить и всѣхъ учениковъ разгонять.

— Стало быть, и моихъ тоже разгонятъ?

— Да что-жъ, и разгонятъ! Супроть начальства, дочка, ничего не подѣлаешь.

Трохимовна позвала ихъ обѣдать, и они прекратили этотъ разговоръ. Такъ у нихъ часто бывало: по молчаливому соглашенію отецъ съ дочерью не во всѣ свои дѣла посвящали болтливую и безтолковую Трохимовну. Они уже по опыту знали, что наговоритъ она съ три короба, всѣхъ разстроитъ, все перепутаетъ, а дѣлу ничуть не поможетъ.

Послѣ обѣда Варвара вышла на крыльцо посидѣть и обдумать свое положеніе. На душѣ у нея было смутно и неспокойно, и мысль о томъ, что, можетъ-быть, завтра и ея школу будутъ разгонять, вызывала въ ней болѣзненное чувство злости и обиды. Даже и самое слово-то „разгонять“ было обидное! За что? Почему? Что такого дурного въ томъ, что они учили, какъ умѣли, деревенскихъ ребятъ? У Варвары даже слезы навернулись на глаза. Она привыкла къ школѣ, ей нравилось это дѣло, и вдругъ всему конецъ, и опять ходить читать псалтырь, опять мать будетъ приставать съ женихами. А ей замужъ вовсе еще не хочется, да и наглядѣлась она хорошо на жизнь деревенской бабы... Не нравится ей эта жизнь: цѣлый день въ работѣ, въ руготнѣ; ругаетъ мужъ, ругаетъ свекровь, ругаютъ деверья, золовки; угла

своего въ домѣ нѣтъ, пошить на себя, почитать некогда и негдѣ, ходи грязная, рваная, а захочешь вокругъ себя чистоту соблюдать—опять ругань и насмѣшки. Все это Варвара знаетъ, и потому замужество ее нисколько не прельщаетъ. Она любитъ чистоту, тишину, хорошую книжку, хорошее обращеніе, а вѣдь мужу ничего этого не нужно; ему нужно только, чтобы жена работала съ утра до вечера, какъ лошадь, а не захочешь работать—въ зубы кулакомъ. Нѣтъ, Богъ съ нимъ и съ замужествомъ, въ дѣвкахъ лучше. Еслибы еще кто-нибудь нравился изъ деревенскихъ парней, ну, пожалуй, можно бы еще подумать; но до сихъ поръ во всей Муравлевкѣ не было ни одного человѣка, который привлекъ бы на себя вниманіе Варвары. Даже къ Ивану Кириллычу, съ которымъ ее сближали общіе интересы и любовь къ школѣ и къ книжкѣ,—даже къ нему Варвара не питала никакихъ особенно нѣжныхъ чувствъ, хотя догадывалась, что нравится ему, и по-своему немножко съ нимъ кокетничала. Къ учителю же, Михаилу Денисычу, она еще со школьной скамьи привыкла относиться съ такимъ благоговѣйнымъ страхомъ и уваженіемъ, что даже и представить себѣ его не могла въ видѣ жениха. И сколько она ни думала о своемъ будущемъ, сидя на крыльцѣ отцовской избы,—ничего не могла придумать хорошаго, и впереди ясно рисовались только два исхода: или идти замужъ, или сдѣлаться черничкой, въ родѣ Прасковѣюшки, и всю свою жизнь провозиться съ покойниками, питаясь доброхотными даяніями и остатками поминальныхъ обѣдовъ.

„Нѣтъ, не хочу!—подумала Варвара и рѣшительно покачала головой.—Ни замужъ не хочу, ни въ чернички... Ну, а коли нѣтъ, такъ чего же еще? Больше-то вѣдь и дѣлать нечего. Эхъ, тоска какая! Хоть бы Иванъ пришелъ,—и чего сидитъ тамъ у себя на хуторахъ? Бывало, и въ будни бѣгаетъ, а теперь въ праздникъ носу не кажетъ. Вѣдь это ему, должно быть, послѣ одноглазки стыдно... Этакій дурачокъ, передо мной-то стыдиться... Небось, мы люди свои, оба—несчастные горе-учителя!“

III.

Горе-учителя.

Иванъ Кириллычъ былъ легокъ на поминѣ, и не успѣла Варвара подумать о немъ свою думу, какъ онъ самъ, своей персоной, показался на улицѣ. Шелъ онъ тихо, едва передвигая

ноги въ грязныхъ сапогахъ; ушастая шапка была надвинута на глаза, точно ему было тошно глядѣть на свѣтъ божій, а за плечами, на палкѣ, у него болтался какой-то узелокъ, изъ котораго выглядывали счеты и книжки. По его растерянному виду и унылой фигурѣ Варвара сейчасъ же догадалась, что съ нимъ случилось несчастье, и подумала: „ну вотъ, стало быть правда... школу-то, видно, закрыли!"

— Иванъ, куда это ты?—окликнула она его.—Ко дворамъ что-ли?

Иванъ Кириллычъ остановился, поглядѣлъ на нее взглядомъ побитой собаки, и Варварѣ стало его жаль.

— Что это ты, Ваня, какой?—ласково спросила она.

— Прогнали!..—глухо вымолвилъ Иванъ Кириллычъ и такъ неловко махнулъ узелкомъ, что счеты и книжки посыпались изъ него прямо въ грязь. Варвара бросилась помогать ему подбирать.

— Прогнали?—переспросила она.

— Окончательно въ отдѣлку! Вотъ я тебѣ сейчасъ бумагу... Гдѣ она у меня?.. Эхъ ты, Господи!—воскликнулъ онъ и опять уронилъ книжки въ грязь.

— Да ты чего на дорогѣ-то топчешься?—сказала Варвара, видя полную безпомощность и разстройство своего товарища.— Иди на крыльцо, здѣсь разскажешь. Совсѣмъ ты какой-то вареный сталъ.

— Будешь вареный...—съ горечью пробормоталъ Иванъ Кириллычъ.

Но на крыльцѣ онъ нѣсколько пришелъ въ себя и передалъ Варварѣ все, что произошло съ нимъ сегодня. Варвара внимательно прочла бумагу, и румяныя щеки ея опять побѣлѣли.

— Ну, стало быть, батенька-то правду сказывалъ!—прошептала она.—Теперь всѣ школы закроютъ; такой приказъ вышелъ.

— Нѣтъ, это все Михалъ-Денисычевы штуки!—со злостью воскликнулъ Иванъ Кириллычъ.—Это онъ отмещаетъ мнѣ за „дурака"! Мало ему, что на все село осрамилъ, такъ вотъ еще и изъ школы выгналъ! Ну, погоди, я ему этого не оставлю! Я ему...

— Постой, Ваня!—съ нетерпѣніемъ перебила его Варвара.— Это ты все зря говоришь. Къ чему ты Михаилъ-Денисыча припуталъ? Онъ самъ человѣкъ подначальный, безъ приказа никого уволить не посмѣетъ...

— Вонъ ты какъ!—съ злой усмѣшкой, исказившей его добро-

душное лицо, произнесъ Иванъ Кириллычъ. — За Михалъ-Денисыча заступаться? Стало быть, вы съ нимъ за одно? Снюхались? Это ничего... ловко! Выходитъ, это я во всемъ виноватъ! Можетъ, и въ одноглазку-то я самъ себя посадилъ, а Михаилъ Денисычъ тутъ ни при чемъ?.. Ишь ты, голубь какой, подумаешь... во всѣхъ статьяхъ онъ чистъ, а я выхожу дуракъ-дуракомъ!..

Варвара поглядѣла ему въ глаза и звонко расхохоталась.

— Дуракъ ты и есть! — проговорила она сквозь смѣхъ. — Ну, чего ты мелешь, чего мелешь, даже слушать тебя тошно! Когда это я съ Михаилъ-Денисычемъ снюхалась? Да я съ нимъ съ самой масляной ни единымъ словечкомъ не перекинулась! И совсѣмъ это мнѣ ни къ чему! Обалдѣлъ ты, Ваня, съ горя обалдѣлъ, вотъ и несешь околесицу.

— Да вѣдь ты же сама говоришь...

— Чего я говорю? Только и говорю, что отъ батеньки слыхала. Говорятъ, въ волостное бумага пришла; высшее начальство приказываетъ всѣ школы закрыть. А ты на Михаила Денисыча!

Иванъ Кириллычъ погасъ такъ же скоро, какъ и вспыхнулъ, и снова взглянулъ на Варвару взглядомъ побитой собаки.

— Всѣ школы закроютъ?..—повторилъ онъ.—А что же мы теперь съ тобой дѣлать-то будемъ, Варя?

— Да что? Ничего...—сдержанно и повидимому совершенно спокойно отвѣчала Варя. Она умѣла владѣть собою.

— Ахъ ты, Господи!—вздыхалъ Иванъ Кириллычъ.—Теперь домой хоть и не показывайся... Отецъ заѣстъ. Прямо хоть въ воду кидайся!

— Ты бы поумнѣе чего выдумалъ! — насмѣшливо сказала Варвара.—Въ воду-то всякій дуракъ съумѣетъ влѣзть, а мы съ тобой ученые! Неужто въ двѣ головы ничего не придумаемъ?

— А что-жъ придумаешь-то? Не знаю, какъ твоя голова, а моя прямо разскочиться хочетъ. Эхъ, Варя, горе мы съ тобой учителя!

Пока Иванъ Кириллычъ ахалъ, стоналъ и разливался въ потокѣ жалобныхъ словъ, Варя молчала и, крѣпко стиснувъ губы, что-то обдумывала. Толстый веснущатый носикъ ея забавно сморщился, брови были нахмурены, а въ карихъ глазахъ появилось то самое выраженіе упрямства и своеволія, которое всегда бывало у нея, когда мать начинала говорить ей о женихахъ.

— Ну, будетъ тебѣ скулить, только тоску наводишь!—сказала она.—Дай-ка мнѣ бумагу-то, я еще погляжу!

И просмотрѣвъ бумагу во второй разъ, Варвара добавила:

— Ничего не поймешь,—вотъ ужъ можно сказать: писалъ писака, а читать будетъ собака! Да и собака не всякая разберетъ. Про школу ничего не сказано, а выходитъ, будто увольняетъ тебя отъ должности самъ Михаилъ Денисычъ. Ужъ и вправду не онъ-ли это подстроилъ?

— Вотъ видишь! Вотъ видишь! — обрадовался Иванъ Кириллычъ.—Я вѣдь такъ сначала и подумалъ, а ты на меня...

— Постой! Знаешь, что̀ бы я на твоемъ мѣстѣ сдѣлала?

— А что?

— Ступай въ городъ. И прямо къ этому... какъ его? Ну, помнишь, у котораго ты лѣтомъ былъ? Ты мнѣ тогда разсказывалъ!

— Къ рыжему? Въ управѣ служитъ? Ну-ну-ну?

— Ну, такъ вотъ и ступай. Онъ тебѣ все разскажетъ. Можетъ, еще все это и вранье; можетъ, тутъ Михаилъ Денисычъ со зла нарочно путаетъ. А если правда, что школы закрыть велѣно, все-таки онъ что-нибудь посовѣтуетъ. Они тамъ въ городѣ-то лучше нашего все знаютъ.

— И то правда, надо пойти. И какъ это мнѣ сразу въ голову не пришло? Молодецъ ты, Варя, ты всегда ловко придумаешь! А я вотъ не могу: чуть бѣда какая—у меня сейчасъ и руки и ноги отвалятся, и ничего не соображу, и башка-то сдѣлается въ родѣ пузыря бараньяго—болтается на плечахъ, а толку изъ нея нѣтъ!—съ огорченіемъ сказалъ Иванъ Кириллычъ и потрясъ головой съ такимъ видомъ, какъ будто дѣйствительно у него была не голова, а бараній пузырь.

Легкая усмѣшка пробѣжала по губамъ Варвары, и она снисходительно посмотрѣла на Ивана Кириллыча.

— Ты, Ваня, нечаянно мужикомъ родился,—вымолвила она шутливо.—Тебѣ бы дѣвкой быть, а я на твое мѣсто!

— Ну ужъ, расхвасталась!—обиженно возразилъ Иванъ Кириллычъ.—Поглядѣлъ бы я, что бы ты на моемъ мѣстѣ сдѣлала, кабы на тебя этакъ земскій начальникъ зыкнулъ! Небось, тоже хвостъ-то поджала бы!

— А почемъ ты знаешь, можетъ, не поджала бы, а распушила!—подзадорила его Варя и сейчасъ же сама себя перебила:— Э, да что зря болтать, все равно не Богъ, себя не передѣлаешь! Такъ пойдешь въ городъ-то?

— Пойду, завтра же соберусь и пойду. Онъ, членъ этотъ, Никифоръ Петровичъ, хорошо меня тогда принималъ. Чаемъ поилъ и за руку видался, какъ слѣдуетъ; я у него сидѣлъ, какъ будто у дяди Михѣя, право! Простой господинъ, хорошій. Тогда

еще у него какой-то важный изъ губерніи былъ,—защитникъ что-ли, по судамъ разъѣзжаетъ,—тоже ничего, все меня разспрашивалъ, какія книжки читаю, почему въ учителя пошелъ... Хорошіе господа... пойду! Ей Богу, пойду!

— Ну, иди. Все какъ есть разспроси хорошенько, да запомни, чтобы все до словечка мнѣ разсказать. Деньги-то есть на дорогу? А то у меня возьми.

— Зачѣмъ у тебя?... я разживусь. Да и много ли ихъ нужно, денегъ-то? До города пѣшкомъ дойду, а тамъ у знакомаго дворника остановлюсь. Изъ дому хлѣба возьму—вотъ опять расходу никакого. Ну, утѣшила ты меня, Варюха, теперь пойду къ своимъ старикамъ. Они, небось, ужъ все знаютъ... вотъ жару-то насыпятъ, ой-ой-ой!... А твои какъ? Ничего?

— Мать все зудитъ, — сказала Варвара, улыбнувшись.—А батя-то у меня хорошій. Кабы всѣ такіе мужики были, какъ мой батя, можетъ и въ городъ бы не нужно было идти. Ну, прощай!

— Прощай, Варя. Давай руку на счастье!

Варвара, смѣясь, протянула ему руку, и какъ разъ въ это самое время изъ-за угла показалась длинная фигура Михаила Денисыча и направилась прямо на нихъ. Варвара вся вспыхнула и хотѣла-было вырвать у Ивана Кириллыча свою руку, но тотъ крѣпко ее стиснулъ, и такъ они оба остались стоять, рука съ рукой, съ смущенными и счастливыми лицами, на виду у всей улицы. А Михаилъ Денисычъ подвигался впередъ съ нарочитой медленностью, и брезгливая усмѣшечка ползала у него подъ усами. Поровнявшись съ молодыми людьми, онъ какъ-то особенно выпятилъ впередъ нижнюю губу, окинулъ ихъ съ ногъ до головы презрительнымъ взглядомъ и, не поклонившись, прослѣдовалъ мимо.

— Ахъ ты, чортъ подлый!—воскликнулъ Иванъ Кириллычъ.— Вотъ выскочилъ, какъ домовой изъ трубы! Вѣдь это онъ, Варя, за нами подслѣживаетъ... Вѣрно тебѣ говорю.

— Ну ужъ ты выдумаешь!—возразила Варвара.—Нехорошо такія слова про него говорить... все-таки онъ намъ учитель.

— Былъ учитель, а теперь мучитель! Помнишь, какъ мы на клиросѣ-то, бывало, въ страшную субботу пѣли: „гонителя мучителя подъ землею скрыша спасенныхъ отроцы"!... — запѣлъ онъ жиденькимъ, но пріятнымъ теноркомъ. А Варвара съ серьезнымъ лицомъ и просіявшими глазами подпѣла ему густымъ контральто: „но мы яко отроковицы Господеви поимъ: славно бо прославися!..."

Погода разведрилась; сѣрыя, грязныя тучи всѣ куда-то исчезли, точно ихъ вымели съ неба; крыши, мокрая земля, лужи, верхушки деревьевъ—все порозовѣло; надъ ветлякомъ гомонили вороны; всюду радостно журчали струйки воды, и этотъ весенній шумъ, и звонъ, и розовый свѣтъ возбуждали въ молодыхъ людяхъ радость жизни и надежды на лучшее будущее. Они взглянули другъ другу въ лица, освѣщенныя зарей, и засмѣялись.

— Дураки еще мы съ тобой, Ваня! — сказала Варвара. — Надо дѣло дѣлать, а мы ирмосы поемъ. Чисто маленькіе!

— А чтожъ и не спѣть? Я люблю ихъ. Помнишь, какъ мы съ тобой, бывало, дò свѣту встанемъ и на перегонки къ заутрени бѣжимъ? Хорошо было.

— Ну, будетъ, будетъ, домой иди. Тебѣ завтра рано вставать надо.

„Горе-учителя“ еще разъ крѣпко пожали другъ другу руки и разстались.

IV.

Въ городѣ.

Дѣло было уже подъ вечеръ, когда Иванъ Кириллычъ подходилъ къ городу. Солнце сѣло, и на закатѣ одиноко сіяла бѣлая звѣзда; небо, зеленовато-желтое, прозрачное, стало глубже, ушло какъ будто выше, и городъ, раскинутый подъ горою, съ своими темными домами и домишками, съ крошечными желтыми огоньками, казался маленькимъ и жалкимъ подъ этимъ огромнымъ зеленымъ небомъ съ таинственно сверкающею одинокою звѣздою. Иванъ Кириллычъ остановился на горѣ и призадумался. Сколько такихъ городовъ, сколько селъ разсыпано по всей землѣ, и вездѣ теперь огоньки горятъ, вездѣ люди живутъ, — копошатся, чего-то ищутъ, ссорятся, мирятся... зачѣмъ? Все равно, придетъ смерть, и ничего не будетъ нужно, и тѣ, которые теперь копошатся тамъ внизу, продаютъ, покупаютъ, строятъ, зажигаютъ огни—всѣ они когда-нибудь, можетъ-быть очень скоро, лягутъ на тихихъ кладбищахъ, и на мѣсто ихъ придутъ другіе, неизвѣстные, и тоже будутъ копошиться, и какой-нибудь другой Иванъ Кириллычъ будетъ вотъ такъ же стоять на горѣ и думать, а его, теперешняго Ивана Кириллыча, уже не будетъ на свѣтѣ, и никогда больше онъ ничего не увидитъ, не услышитъ, не почувствуетъ... Иванъ Кириллычъ постарался пред-

ставить себѣ это — и никакъ не могъ... а бѣлая звѣзда все смотрѣла прямо ему въ лицо, такая далекая, такая холодная и страшная. Ивану Кириллычу стало жутко и жалко себя, и чтобы не думать больше объ этихъ страшныхъ и непонятныхъ вещахъ, онъ сталъ спускаться съ горы. И только на постояломъ дворѣ, у знакомаго дворника, къ которому они съ отцомъ всегда заѣзжали, когда возили въ городъ на продажу сѣно и хлѣбъ, Иванъ Кириллычъ почувствовалъ, какъ у него гудутъ отъ усталости ноги и подошвы горятъ, точно обожженныя. Отъ Муравлевки до города было 45 верстъ, а онъ промахалъ ихъ почти безъ отдыха, только на одномъ хуторкѣ, гдѣ у него были знакомые, похлебалъ немного горячихъ щецъ.

На утро, по деревенской привычкѣ, Иванъ Кириллычъ всталъ спозаранку, и такъ какъ идти къ Никифору Петровичу было еще не время, онъ пошелъ отъ нечего дѣлать побродить по городу. Городъ былъ скучный, сонный и весь какой-то сѣрый. На базарной площади въ сѣрыхъ дощатыхъ балаганахъ сидѣли сѣрые купцы и отъ скуки пили мутный чай изъ грязныхъ стакановъ, заѣдая его сѣрымъ ситникомъ. Покупать было некому, но они все-таки по привычкѣ сидѣли и зѣвали, изрѣдка перекидываясь лѣнивыми и совершенно ненужными фразами въ родѣ слѣдующихъ:

— И что это, Мартьянъ Иванычъ, пью-пью чай, семой чайникъ опоражниваю, а все брюхо холодное!

Или:

— Къ чему это я нонѣ горохъ во снѣ ѣлъ? Къ снѣгу что-ли?

Когда на площади появлялся какой-нибудь пьяненькій мужичокъ и, чертя сапогами по землѣ, шарахался отъ одного балагана къ другому, базаръ на мгновеніе оживлялся, и во всѣхъ дверяхъ появлялись красныя, возбужденныя лица, съ растянутыми до ушей ртами, хохочущія, кричащія, улюлюкающія... Но пьяный человѣкъ благополучно достигалъ, наконецъ, какой-нибудь тихой пристани — забора или канавы—и снова сѣрая скука и тишина повисала надъ базаромъ. Единственными живыми людьми на улицахъ были школяры, которые съ галчинымъ гамомъ и пискомъ сыпались въ школы, таща на плечахъ сумки съ книжками, тетрадками и грифельными досками. Иванъ Кириллычъ остановился и съ удовольствіемъ полюбовался на нихъ. „Ишь, молоднякъ-то разошелся!“ подумалъ онъ и вспомнилъ своихъ собственныхъ учениковъ, Епихины хутора, роковую ссору съ Михаилъ-Денисычемъ, затѣмъ бумагу и увольненіе, и то неопре-

дѣленное положеніе, въ которомъ онъ теперь находился. И вдругъ ему показался нелѣпымъ и неумѣстнымъ его приходъ въ городъ, а надежды, какія они съ Варей возлагали на члена управы—странными и неосуществимыми...

Никифоръ Петровичъ Лукачевъ былъ еще молодой человѣкъ изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ, учился когда-то въ гимназіи, но дальше, по независящимъ обстоятельствамъ, не пошелъ, рано женился, засѣлъ въ деревнѣ и скоро былъ выбранъ въ гласные. Въ своемъ уѣздѣ онъ считался однимъ изъ передовыхъ, слѣдилъ за литературой, выписывалъ журналы, устраивалъ народныя чтенія, а во время холеры и голода выдвинулся какъ умѣлый организаторъ дешевыхъ столовыхъ и даровой помощи крестьянскому населенію. Его замѣтили, и когда старая управа, послѣ нѣкоторыхъ обнаружившихся въ ней неурядицъ, была смѣщена, Лукачевъ попалъ въ составъ новой управы. Онъ принялъ въ свое вѣдѣніе народное образованіе и очень много работалъ для него. По его иниціативѣ было открыто въ уѣздѣ много новыхъ школъ, увеличено жалованье сельскимъ учителямъ, организована учительская библіотека и большое вниманіе было обращено на учрежденіе училищъ, въ которыхъ, подъ наблюденіемъ сельскихъ учителей, первоначальнымъ обученіемъ занимались бывшіе ученики сельскихъ школъ. Иванъ Кириллычъ познакомился съ Никифоромъ Петровичемъ еще въ прошломъ году, когда у нихъ съ Михаилъ-Денисычемъ были хорошія отношенія, и онъ ѣздилъ къ Лукачеву съ порученіемъ отъ него. Михаилъ Денисычъ далъ ему тогда письмо, въ которомъ, должно быть, было что-нибудь особенно лестное для Ивана Кириллыча, потому что Лукачевъ встрѣтилъ его необыкновенно любезно и не отослалъ въ кухню, какъ это водится, а напротивъ пригласилъ къ себѣ въ комнаты, не смотря на то, что Иванъ Кириллычъ былъ въ лаптяхъ, въ деревенскомъ халатѣ и домашней бѣлой рубахѣ. У него сидѣли гости, между прочими—одинъ адвокатъ изъ губернскаго города, и всѣ они относились къ Ивану Кириллычу съ большимъ участіемъ и разспрашивали его о деревенскихъ дѣлахъ. Но Иванъ Кириллычъ отъ конфуза почти ничего не могъ говорить, не зналъ, куда дѣвать свои руки и ноги, которыя казались ему необыкновенно громадными, и когда вышелъ отъ Никифора Петровича, то былъ весь мокрый, точно изъ бани.

Теперь все это вспомнилось Ивану Кириллычу, и онъ заранѣе уже начиналъ обливаться потомъ, представляя себѣ, какъ онъ явится къ Лукачеву не съ чужимъ порученіемъ, а съ соб-

ственной просьбой. Это послѣднее обстоятельство особенно приводило его въ смущеніе, и ему было впору хоть бы и не идти... Однако идти было надо, и, скрѣпя сердце, Иванъ Кириллычъ зашагалъ къ дому, гдѣ жилъ Лукачевъ.

„Эхъ, Варя, Варя, кабы не ты—ни за что бы не пошелъ!“— подумалъ онъ и, зажмуривъ глаза, съ храбростью отчаянія, потянулъ звонокъ.

Никифоръ Петровичъ только что всталъ и, прохаживаясь по кабинету, на ходу прихлебывалъ изъ стакана горячій чай. На видъ онъ былъ довольно угрюмый господинъ, весь заросшій густыми рыжеватыми волосами, и вдобавокъ въ огромныхъ темныхъ консервахъ, которые придавали ему еще больше мрачности и недоступности. Но на самомъ дѣлѣ это былъ именно только одинъ „видъ“: Лукачевъ былъ добръ и мягокъ до слабости, въ просьбахъ почти никогда не отказывалъ и даже часто дѣлалъ промахи въ этомъ отношеніи. Его часто обманывали и злоупотребляли его добротой, такъ что Никифоръ Петровичъ даже глаза свои пряталъ въ очки не потому, что у него было слабое зрѣніе, а для того, чтобы придать своей наружности угрюмую свирѣпость, которой въ сущности у него совсѣмъ не было.

Увидѣвъ на порогѣ Ивана Кириллыча, Лукачевъ сначала не узналъ его и, думая, что это кто-нибудь изъ мужиковъ по дѣлу, спросилъ разсѣянно:

— Ты что, любезный?

— Я, Никифоръ Петровичъ, къ вамъ... — робко сказалъ Иванъ Кириллычъ.—Я съ Епихиныхъ хуторовъ... учитель!... Вы меня забыли?

Лукачевъ вглядѣлся въ него пристальнѣе и, поставивъ стаканъ на подоконникъ, протянулъ ему руку.

— А!... Да, да... Нѣтъ, какъ же, я помню. Епихины хутора? Саламатинъ? Помню, помню... Садитесь пожалуйста. Что скажете?

— Да вотъ, Никифоръ Петровичъ, школу-то мою закрыли. Теперь не знаю, что дѣлать... Извольте бумагу поглядѣть.

Лукачевъ мелькомъ пробѣжалъ бумагу, усмѣхнулся и возвратилъ ее Ивану Кириллычу.

— Любопытный документикъ, вы его поберегите. А школы, дѣйствительно, приказано закрыть. Теперь церковно-приходскія будутъ вмѣсто нашихъ школъ грамотности.

— Почему же такъ, Никифоръ Петровичъ? Что же мы— плохо учили?

Лукачевъ пожалъ плечами и снова усмѣхнулся.

— Ничего вамъ не могу сказать. Распоряженіе идетъ свыше: находятъ, что земскія школы грамоты неудобны, а почему — не знаю.

— Такъ... — со вздохомъ произнесъ Иванъ Кириллычъ. — Стало быть, это идетъ отъ высшаго начальства... А я вѣдь полагалъ, что тутъ не иначе, какъ Михаилъ Денисычъ орудуетъ, мнѣ въ отместку.

— Съ какой стати? — удивился Лукачевъ. — Насколько мнѣ извѣстно, Михаилъ Денисычъ былъ о васъ самаго лучшаго мнѣнія, онъ такъ всегда хлопоталъ за васъ, — зачѣмъ же ему теперь васъ преслѣдовать?

— Да потому, Никифоръ Петровичъ... дѣло такое вышло. Разладились мы съ Михаилъ-Денисычемъ вдребезги... т.-е. какъ огонь съ водой, въ этомъ родѣ... какъ встрѣнемся, такъ и зашипимъ!

— Какъ такъ? Почему?

Иванъ Кириллычъ, волнуясь, разсказалъ Лукачеву всю исторію своей ссоры съ Прокудинымъ, вплоть до одноглазки. Никифоръ Петровичъ выслушалъ внимательно, потомъ нахмурился и зашагалъ по комнатѣ.

— Жаль, очень жаль!.. Скверно! — проговорилъ онъ. — Я очень уважаю Михаила Денисыча и никогда этого отъ него не ожидалъ. Хотя, долженъ сказать, вы тоже поступили не совсѣмъ хорошо. Онъ вашъ наставникъ, вы ему много обязаны... зачѣмъ же такъ грубо, такъ дерзко... Нехорошо!

Иванъ Кириллычъ сидѣлъ весь красный, потный, разстроенный.

— Господи Боже мой, Никифоръ Петровичъ, да развѣ я... да я бы ни за что! — воскликнулъ онъ чуть не плача. — Вѣдь я его какъ отца родного почиталъ, а онъ меня этакъ разобидѣлъ! Дуракомъ при всѣхъ обкладываетъ... не могъ я этого стерпѣть! За что? Чѣмъ я это заслужилъ? Да я за него жизни готовъ былъ рѣшиться, а онъ меня — дуракомъ...

— Жаль, очень жаль! — повторилъ Лукачевъ. — Нехорошо-съ. Я васъ обоихъ такъ цѣнилъ и уважалъ; оба вы изъ крестьянъ, оба работали для общаго дѣла... Я разсчитывалъ, что вы внесете свѣтъ въ темную крестьянскую массу — и вдругъ такія мелкія, неприличныя дрязги... Непріятно!

Онъ опять забѣгалъ по комнатѣ, ероша свою густую бороду и хмурясь. Ему дѣйствительно было непріятно; онъ гордился тѣмъ, что у нихъ въ уѣздѣ много интеллигентныхъ крестьянъ, всячески поощрялъ ихъ къ общественной дѣятельности, возлагалъ

большія надежды на эту новую, свѣжую силу, идущую изъ самыхъ глубокихъ нѣдръ народной массы — и вдругъ такая глупая и самая обыкновенная мужицкая ссора, съ мужицкой руганью, чуть не съ мордобитіемъ и, въ заключеніе, съ судебнымъ разбирательствомъ и кутузкой! Было отъ чего огорчиться. Ивана Кириллыча онъ еще прощалъ, потому что въ его глазахъ Иванъ Кириллычъ былъ почти мальчишка и вчерашній мужикъ; но поведеніе Михаила Денисыча было для него совершенно непонятно. Человѣкъ учился въ учительской семинаріи, отлично зналъ свое дѣло, десять лѣтъ прослужилъ въ земской школѣ и всегда былъ на самомъ лучшемъ счету: что̀ такое могло съ нимъ случиться? Неужели деревенская жизнь, съ ея невѣжествомъ, грубостью, темнотой, способна такъ засасывать самыхъ лучшихъ своихъ представителей и возвращать ихъ въ первобытное состояніе? Къ чему же тогда вся ихъ культурная работа въ земствѣ, всѣ эти школы, библіотеки, чтенія, книжки? Лукачеву вдругъ припомнился читанный имъ когда-то разсказъ о негрѣ, который окончилъ курсъ въ университетѣ, сдѣлался миссіонеромъ и поѣхалъ просвѣщать своихъ сородичей... а черезъ нѣсколько лѣтъ въ дикомъ весельѣ, совершенно голый, плясалъ вокругъ костра воинственную пляску вмѣстѣ съ своими духовными чадами...

Они долго молчали. Лукачевъ ходилъ, погрузившись въ свои мысли, и совсѣмъ позабылъ объ Иванѣ Кириллычѣ, а тотъ сидѣлъ, какъ на иголкахъ, и не зналъ, что ему дѣлать. Наконецъ онъ рѣшился и, робко откашлявшись, спросилъ:

— Такъ что же вы теперь мнѣ посовѣтуете, Никифоръ Петровичъ?

— А? Что такое? — откликнулся Лукачевъ, останавливаясь.

— Да я вотъ насчетъ этого... какъ мнѣ, стало быть, бросить это дѣло, больше ничего?

— Какое дѣло? Съ Михаиломъ Денисычемъ? Конечно, бросить... зачѣмъ ссориться.

— Да я не про ссору, Никифоръ Петровичъ... Я насчетъ школы. Теперь ужъ, значитъ, это дѣло оставить надо? А я было привыкъ... Жалко мнѣ это дѣло бросить.

— Ахъ, да, вы о школѣ! — Лукачевъ сѣлъ и задумался.— Да, да... что же дѣлать, какъ видите, школы грамоты у земства отняты. А въ земскую школу мы васъ назначить не можемъ, потому что у васъ нѣтъ свидѣтельства на званіе сельскаго учителя. Вотъ еслибы вы сдали экзаменъ... Постойте! Отчего бы вамъ въ самомъ дѣлѣ не подготовиться и не сдать экзамена на учителя?

— Да какъ же это?—растерянно произнесъ Иванъ Кириллычъ.—Да я бы, Никифоръ Петровичъ, всей душой... но какъ же я могу? Надо учиться, а у меня никакой возможности нѣту... Дома жить—и учиться, я этого, Никифоръ Петровичъ, никакъ не могу...

— Ну, положимъ, можно бы, еслибы вы не поссорились съ Михаилъ-Денисычемъ. Онъ бы васъ, конечно, великолѣпно подготовилъ! Но теперь, послѣ ссоры, разумѣется, этого ужъ нельзя. Онъ не захочетъ, да и вамъ... неловко! Скажите, сколько вамъ лѣтъ?

— Да ужъ... пропасть! Двадцать второй пошелъ.

— Да... поздно! Въ семинарію васъ не примутъ, а то мы могли бы стипендію вамъ дать. Ужъ и не знаю, не знаю, что съ вами дѣлать... А хотѣлось бы помочь. Я помню, у васъ школа очень хорошо шла, инспекторъ обратилъ вниманіе. Видно, что вы это дѣло любите... Ваше домашнее положеніе какое?

— Да какое мое домашнее положеніе, Никифоръ Петровичъ!— безнадежно отвѣчалъ Иванъ Кириллычъ.—Положеніе самое плохое! Если я дома буду жить и учиться, отецъ меня сгонитъ. Прямо сгонитъ въ шею, да и шабашъ. А такъ жить тоже вовсе не при чемъ. Хозяйства у насъ никакого нѣтъ, отецъ землю давно заложилъ, живемъ такъ себѣ, ни то, ни се, ни мужики, ни дворяне... Одно остается — въ работники идти надо, да больше ничего.

— Отчего же это у васъ такъ случилось?

— Да такъ... совсѣмъ раззорились. То голодные года были, то холера — вотъ оно все и расшаталось. Насъ трое братьевъ было, ну и хорошо жили; потомъ одного брата въ солдаты взяли, другой въ холеру померъ,—остались старики да я. Какое ужъ это хозяйство, Никифоръ Петровичъ, когда лошади даже нѣту!

Лукачевъ съ участіемъ смотрѣлъ на Ивана Кириллыча изъ-подъ своихъ свирѣпыхъ очковъ и думалъ, теребя бороду. Передъ нимъ былъ одинъ изъ представителей нарождающагося деревенскаго пролетаріата, и жалостливое сердце Никифора Петровича горѣло желаніемъ помочь ему выбиться на дорогу. Вдругъ онъ вскочилъ, осѣненный какой-то мыслью.

— Постойте! Я попробую кое-что для васъ сдѣлать... Что еслибы вамъ отправиться въ губернскій городъ и подыскать себѣ какую-нибудь работу? Понимаете, чтобы вы и существовать могли, и въ то же время готовиться къ экзамену? Постойте, постойте... Я напишу одному своему знакомому... Помните, вы, кажется, его у меня видали лѣтомъ? Черненькій такой, маленькій,

адвокатъ. Ну вотъ, отправляйтесь вы къ нему и передайте отъ меня письмо. Онъ попробуетъ найти вамъ занятіе. Если удастся— хорошо; не удастся — что-нибудь еще придумаемъ. Деньги у васъ есть?

— Съ рублевку есть...—краснѣя, отвѣчалъ Иванъ Кириллычъ.

— Рублевка — это мало. Я васъ ссужу; когда заработаете, отдадите... И сегодня же поѣзжайте. Онъ какъ разъ въ это время въ городѣ; въ другое его не застанете. Онъ человѣкъ очень добрый и, если можно, все для васъ сдѣлаетъ. Въ большомъ городѣ работу легче найти, чѣмъ здѣсь. А на обратномъ пути пожалуйста зайдите ко мнѣ разсказать, какъ тамъ у васъ все это устроится.

Часа черезъ два Иванъ Кириллычъ опять шагалъ по грязной дорогѣ на желѣзно-дорожную станцію, гдѣ долженъ былъ сѣсть на поѣздъ, идущій въ городъ Z. Въ карманѣ у него было пять цѣлковыхъ денегъ и письмо къ присяжному повѣренному, Валерьяну Дмитріевичу Булыжникову, а въ головѣ—тысячи самыхъ радужныхъ плановъ. И шлепая по лужамъ, онъ то начиналъ декламировать изъ Некрасова: „Ноги босы, грязно тѣло и едва прикрыта грудь... Не стыдися, что за дѣло? Это многихъ славныхъ путь“... то восторженно восклицалъ: „Господи, люди-то, люди-то какіе на свѣтѣ бываютъ, а? Ангелы, а не люди!..“ Съ телеграфныхъ столбовъ на него смотрѣли востроносыя галки въ сѣрыхъ чепчикахъ, чрезвычайно похожія на деревенскихъ просвирень, и насмѣшливо каркали ему вслѣдъ: „крра-крра, дурракъ-дурракъ!“ — но Иванъ Кириллычъ не слышалъ ихъ насмѣшливыхъ криковъ и, самоувѣренно размахивая палкой, шелъ впередъ. Не смотря на то, что вчера онъ отмахалъ сорокъ пять верстъ, а теперь предстояло пройти еще верстъ пятнадцать, онъ не чувствовалъ ни усталости, ни отчаянія. Онъ былъ счастливъ, потому что вѣрилъ, а вѣрилъ потому, что былъ еще въ такомъ возрастѣ, когда всѣ люди кажутся ангелами и всѣ дороги—ведущими къ счастью.

V.

Первыя неудачи и разочарованія.

Утренній поѣздъ Z-й желѣзной дороги примчалъ Ивана Кириллыча въ Z. около шести часовъ утра и, выбросивъ его на платформу, запруженную народомъ, умчался дальше. Растерянная фигура муравлевскаго учителя, въ странномъ кожухѣ, съ таліей подъ

мышками, въ грязныхъ сапогахъ и ушастой шапкѣ, обратила на себя всеобщее вниманіе, и серьезный жандармъ очень вѣжливо посовѣтовалъ этой фигурѣ убраться куда-нибудь подальше. Иванъ Кириллычъ хотѣлъ-было спросить его—какъ пройти въ городъ, но, взглянувъ попристальнѣе въ его сверхчеловѣчески-неподвижную, точно изъ желѣза сдѣланную физіономію, рѣшилъ ужъ лучше ни о чемъ не спрашивать и поспѣшно юркнулъ въ толпу. Потолкавшись туда-сюда, онъ примазался, наконецъ, къ кучкѣ бабъ, которыя такъ же, какъ и онъ, растерянно тѣснились у рѣшетки платформы, очевидно не зная, куда идти.

— Вы, тетушки, куда идете?—спросилъ онъ.

Бабы подозрительно на него воззрились, но, увидѣвъ его кожухъ съ таліей и распознавъ въ немъ своего деревенскаго, перемигнулись между собою, о чемъ-то перемолвились, и одна изъ нихъ отвѣчала:

— Мы-то къ угоднику. А ты куда?

— Да вотъ пріѣхалъ въ городъ по дѣламъ, а куда идти—не знаю.

— Да мы, парень, и сами не знаемъ. Мы впервой.

— Ничего, пойдемъ вмѣстѣ, найдемъ двѣсти!—весело сказала маленькая, курносая бабенка, но товарки такъ строго на нее посмотрѣли, что она сразу осѣклась. Богомолки, идя къ угоднику, были такъ благоговѣйно и торжественно настроены, что всякая шутка казалась имъ неумѣстной.

Они спустились съ платформы и, миновавъ толпу извозчиковъ, которые рвали на части пріѣзжихъ пассажировъ, вышли на широкую, пустынную улицу, обсаженную высокими тополями. Время было еще раннее, и городъ спалъ; ѣхали только извозчики съ пассажирами и чемоданами, да утренній благовѣстъ разливался въ свѣжемъ весеннемъ воздухѣ. Богомолки крестились.

— Къ утреной попадемъ въ самый разъ,—сказала одна изъ нихъ, сердитая старуха, которая видимо верховодила всей артелью.

— А ты, паренекъ, тоже къ угоднику? — спросила Ивана Кириллыча курносая баба.

— Нѣтъ, я по другому случаю. Да еще рано, я тоже съ вами въ монастырь пойду. Ни разу не доводилось бывать здѣсь.

— Помолись, помолись передъ начатіемъ дѣла!—вымолвила наставительно сердитая старуха. — А то вы, молодые, совсѣмъ нынче Бога-то забыли! Избаловался народъ въ отдѣлку, оттого Господь и наказанія посылаетъ.

Иванъ Кириллычъ хотѣлъ-было возразить, но курносая баба

смѣшливо подмигнула ему—дескать, не замай ее!—и онъ промолчалъ.

На встрѣчу имъ стали попадаться кухарки съ корзинками, изъ которыхъ торчали рыбьи хвосты, морковь, караваи хлѣба. Старуха остановила одну и, придавъ своему суровому лику самое умильное выраженіе, спросила ее, какъ надо пройти къ угоднику.

— Идите, матушка, все прямо, прямо, а потомъ спросите, вамъ укажутъ!—отвѣчала кухарка и бойко засѣменила впередъ.

Они опять пошли. Старуха все вздыхала и что-то бормотала, потомъ вдругъ опять обратилась къ Ивану Кириллычу:

— Ты грамотный?

— Грамотный.

— Ну-ну! Такъ ты вотъ чего, запиши намъ грамотку—одну за здравіе, а другую за упокой, къ угоднику подать. Да не охальничай, не набреши тамъ пустяковины какой ни-то! А то вѣдь вы рады надъ темнымъ человѣкомъ шутейничать!

— Зачѣмъ же, тетенька, шутейничать?—возразилъ Иванъ Кириллычъ.

— То-то, то-то, я вижу, ты не изъ такихъ, обличье-то у тебя смиренное. А то бываютъ такіе страмники—бѣда! На Святыхъ горахъ вотъ этакъ же попросила я одного заздравную грамотку мнѣ записать, а онъ, жеребецъ, возьми, да такихъ скверныхъ словъ мнѣ насажай, что и меня-то чуть было въ три шеи изъ церкви не выгнали! Ужъ монахъ-то читальщикъ плевался-плевался... „Ахъ ты, говоритъ, дура старая, нешто не видишь, что подаешь? да за этакія слова тебя не токмо изъ церкви Божіей, а изъ трактира съ барабаннымъ боемъ выставятъ!“ Что ты подѣлаешь, бываютъ же такіе мазурики безбожные! А я еще ему отъ всего сердца двѣ копѣйки дала за написаніе...

— Ну, тетенька, ты не бойся, я тебѣ этакого не сдѣлаю и денегъ не возьму!—успокоилъ ее Иванъ Кириллычъ.

— Ахъ ты мое дитятко милое, вотъ спасибо, я тебя за это въ молитвахъ помяну!—сказала смягченная старуха.

— Вотъ и хорошо, что вмѣстѣ пошли, вотъ человѣкъ-то и пригодился!—подхватила курносая баба.

Ивану Кириллычу она очень понравилась, и онъ старался держаться къ ней поближе. По дорогѣ она разсказала ему, что онѣ всѣ—старооскольскія, были по обѣщанію въ Кіевѣ, а теперь идутъ къ угоднику, а отъ угодника пойдутъ къ Тихону Задонскому.

— Такъ все и странствуете?—спросилъ Иванъ Кириллычъ.

— Такъ и странствуемъ... Что-жъ дѣлать-то, парень, по

крайности свѣтъ увидишь, окромя того, что душѣ спасеніе. Кабы угодниковъ не было, я тебѣ скажу, милый, нашей сестрѣ-бабѣ деревенской одно остается: пропадомъ пропадать...

Между тѣмъ впереди засинѣли главы монастыря, усѣянныя золотыми звѣздами, и бабы закрестились, охваченныя благоговѣйнымъ молчаніемъ. Въ широкомъ полутемномъ коридорѣ за прилавками стояли монахи и продавали образки, крестики, шапочки отъ мощей; у стѣнъ толпились нищіе и съ поклонами протягивали руки къ мимоидущимъ богомольцамъ. По дощатымъ росткамъ широкаго монастырскаго двора неслышно скользили черныя фигуры монаховъ, распространяя отъ своихъ одеждъ запахъ ладана, кипариснаго дерева и старинныхъ церковныхъ книгъ... странный, неживой запахъ, возбуждавшій въ умѣ мысль о смерти, тлѣніи, могильной тишинѣ... Этотъ запахъ, эти скользящія темныя тѣни—все это казалось отраженіемъ какого-то нездѣшняго міра, и лица людей, вступавшихъ въ уголокъ этого міра, принимали выраженіе отрѣшенности отъ земли и жизни.

Богомолки прошли черезъ дворъ и очутились въ главной церкви. Шла утренняя служба, и хоръ пѣвчихъ глухо гудѣлъ подъ обширными сводами храма. Въ яркомъ свѣтѣ солнечнаго утра, глядѣвшаго въ высокія окна, огни лампадъ и свѣчей передъ иконостасомъ казались маленькими тусклыми звѣздочками. Золоченыя, узорчатыя ризы отсвѣчивали розовымъ блескомъ на образѣ Божіей Матери съ Младенцемъ, и цѣлые пуки свѣчей, оплывая, теплились передъ нимъ въ громадныхъ серебряныхъ подсвѣчникахъ. Къ иконѣ безпрестанно подходили все новые и новые богомольцы, зажигали свѣчи и ставили ихъ на мѣсто оплывшихъ. Сердитая старуха остановилась и долго копалась у себя за пазухой; потомъ достала оттуда холщевый мѣшокъ, туго завязанный, изъ мѣшка вынула тряпицу, изъ тряпицы кожаный кошелекъ, добыла изъ него нѣсколько мѣдяковъ и, купивъ свѣчей у ларя, сунула всѣмъ бабамъ по свѣчкѣ. Когда свѣчи всѣ были водружены передъ иконою Богоматери, старуха повела своихъ спутницъ къ ракѣ угодника, передъ которой на возвышеніи стоялъ сѣдой монахъ. Упавъ на колѣни, женщины долго лежали на полу. Свѣчи съ легкимъ трескомъ тихо мерцали; сизый дымокъ кадильницъ тонкой прозрачной пеленой разстилался надъ головами молящихся; нѣжные, немного заглушенные звуки хора растекались по храму тихоструйною волной... Казалось, поютъ не на клиросѣ, а гдѣ-то высоко вверху.

Послѣ утренней службы толпа окружила раку, и начались молебны. Старый монахъ дребезжащимъ голосомъ читалъ ака-

ѳистъ; при пѣніи хора толпа падала ницъ съ шорохомъ, напоминающимъ испуганное трепетаніе лѣса, когда надъ нимъ внезапно проносится вѣтеръ. Народъ, наполнявшій церковь, былъ преимущественно сѣрый—деревенскіе мужики, бабы, монахини; но были и городскіе. Толстый купецъ съ румяными щеками и глазами на выкатѣ истово крестился, потряхивая головой, рядомъ съ старухой въ бѣломъ чекунѣ и лаптяхъ. Молодой мастеровой, съ чахоточными пятнами на скулахъ и въ красномъ шарфѣ на тонкой костлявой шеѣ, молился съ какой-то страстью, стукаясь лбомъ въ полъ и судорожно втягивая въ себя воздухъ вмѣстѣ съ словами молитвы. Хорошенькая барышня, вся въ завиткахъ, въ модной вуалеткѣ и съ голубыми сережками въ розовыхъ ушахъ, непрерывно опускалась на колѣни, не жалѣя своего новенькаго костюма, и со слезами на глазахъ что-то быстро шептала. Но особенно Ивана Кириллыча поразила одна женщина въ бурнусѣ съ стеклярусной отдѣлкой, въ черномъ платкѣ, надвинутомъ на лобъ, съ красивыми, хотя и поблекшими чертами лица и громадными сверкающими глазами. Она какъ будто ничего не видѣла и не слышала; ее толкали, она не замѣчала, и, вонзивъ свои пылающіе глаза въ образъ Божіей Матери, она словно хотѣла прожечь его насквозь огнемъ своей страдающей души. А бѣлый старикъ въ черномъ клобукѣ безстрастнымъ голосомъ все читалъ слова акаѳиста, и всѣ эти люди, охваченные общимъ чувствомъ религіознаго экстаза, изливали свои скорби, свои радости, свои болѣзни у подножія великолѣпной раки, въ которой почивалъ смиренный монахъ, при жизни отказавшійся отъ всѣхъ почестей и благъ земныхъ, а по смерти сдѣлавшійся посредникомъ между Богомъ и людьми, жаждавшими именно этихъ земныхъ благъ.

Молебны кончились, и молящіеся начали прикладываться къ мощамъ святителя. Сердитая старуха этимъ не ограничилась и долго еще ходила по церкви, прикладываясь ко всѣмъ иконамъ и передъ каждой отбивая безчисленное множество земныхъ поклоновъ. Ей какъ будто совсѣмъ не хотѣлось уходить изъ храма; она старалась вобрать въ себя какъ можно больше святости. Но ея молодыя и легкомысленныя спутницы уже устали и робко напоминали своей коноводкѣ, что пора идти.

— Молитвенница она у насъ! — шепнула курносая баба Ивану Кириллычу.—Съ молоду, говорятъ, дюже нравная была, двухъ невѣстокъ поѣдомъ заѣла, одинъ сынъ въ бѣгахъ, другой въ проруби утопъ... вотъ теперича и замаливаетъ!

Иванъ Кириллычъ взглянулъ въ сухое лицо старухи, изсту-

пленно крестившейся передъ каждымъ образомъ, и ему вспомнились слова псалма: „нѣсть исцѣленія въ плоти моей отъ лица гнѣва Твоего и нѣсть мира въ костехъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ"... Дѣйствительио, такъ жадно молиться могъ только человѣкъ, ищущій „исцѣленія" и „мира" своей душѣ, отягченной жестокими грѣхами.

Наконецъ старуху удалось вытащить изъ церкви, и богомолки вышли на паперть. Весенній день, душистый и свѣжій, ослѣпилъ и опьянилъ ихъ послѣ сумрака и кадильныхъ благовоній, наполнявшихъ храмъ. Птицы беззаботно чирикали въ красныхъ, гибкихъ вѣтвяхъ еще обнаженныхъ деревьевъ; солнечные лучи дробились въ лужицахъ воды, застоявшихся въ пескѣ, которымъ былъ усыпанъ внутренній дворъ монастыря. И призрачныя тѣни монаховъ все такъ же неслышно скользили по мосткамъ, равнодушныя и безучастныя къ этому радостному шуму и сверканію жизни, разлитой вокругъ.

— Удостоилась! Слава тебѣ, Царица Небесная, удостоилась!— шептала старуха.

Вдругъ въ толпѣ богомольцевъ, выходившихъ изъ церкви, произошло какое-то смятеніе. Всѣ сгрудились въ одномъ мѣстѣ и о чемъ-то разсуждали, ахая и удивляясь. Крикливые женскіе возгласы, глухіе голоса мужчинъ странно и непріятно звучали въ этомъ тихомъ уголкѣ, созданномъ для мирныхъ размышленій и молитвъ.

Курносая баба встрепенулась, и ея живые глаза загорѣлись.

— Что-й-то тамъ такое? Пойтить посмотрѣть...—сказала она и устремилась впередъ.

— Куда, куда,—эка вѣдь шишига востроносая!..—заворчала-было старуха, но бабье любопытство превозмогло, и она тоже заковыляла къ толпѣ. За нею послѣдовали и ея товарки, и Иванъ Кириллычъ.

— Родимые, что это тутъ такое? — взывала курносая баба, протискиваясь сквозь толпу.

— Дитё!.. Вишь, дитё подкинули,—послышались сдержанные голоса.—Гле-ко-сь, что дѣлаютъ... Ахъ ты, Господи!.. И грѣха не боятся...

На мосткахъ подъ деревомъ лежалъ какой-то сѣрый комочекъ, и изъ него исходилъ тоненькій, жалобный пискъ. Никто не рѣшался взять его въ руки, и всѣ эти люди, еще такъ недавно объединенные общимъ чувствомъ благоговѣнія къ святому человѣку, отказавшемуся отъ всѣхъ благъ земли ради любви къ Богу

и человѣчеству, теперь боязливо жались и сторонились отъ этого живого, плачущаго комочка, валявшагося въ грязи.

— Мать-то, мать-то подлая!..—ворчали старухи. — Въ этакомъ мѣстѣ бросила... Да ее бы за этакое дѣло...

— Безобразничаетъ народъ!—сказалъ жирный лавочникъ.— Ни стыда, ни грѣха на нихъ нѣту. Нагуляетъ по панелямъ, а потомъ родитъ, да и подъ заборъ...

— Городъ!—задумчиво и смущенно замѣтилъ бородатый мужикъ.—Нужда!..

А комочекъ все пищалъ надрывисто и тоскливо... Внезапно курносая баба, все время смотрѣвшая на него въ какомъ-то оцѣпенѣніи, растолкала сосѣдей локтями и ринулась къ ребенку.

— Что ты, что ты, ай сдурѣла?—зашипѣла на нее старуха, вцѣпляясь ей въ зипунъ.

— Ничего не сдурѣла, а что же ему на землѣ-то валяться? Не котенокъ, чай!—сказала курносая баба и, поднявъ ребенка, стала привычнымъ движеніемъ укачивать его. — Родимушка ты моя!.. Сынушка мой! Шш... шшъ!..—приговаривала она.

— А ты ему сиськю дай! — участливо посовѣтовалъ бородатый мужикъ.

— Дура! Брось, тебѣ говорятъ! Бѣды еще съ тобой наживешь... — выходила изъ себя сердитая старуха, и лицо у нея опять стало злое и жестокое.

— Какъ это такъ брось? Выдумали!.. Теперича не лѣто, онъ и такъ весь заколѣлъ. Гляди-ка, синій-разсиній! Ахъ ты, крошечка моя, ахъ ты, несчастненькій!.. — причитала курносая баба, проворно разворачивая тряпки и свидѣтельствуя младенца.

Изъ тряпокъ высунулись посинѣлыя, тонкія ручки, и крючковатые пальчики судорожно ловили воздухъ. Всѣ тѣснѣе сдвинулись вокругъ ребенка.

— Мальчикъ... Господи, жалко-то какъ!.. Крещеный... Мать-то подлюга гдѣ теперь?.. А можетъ, и правда—нужда!..

Въ эту минуту на мосткахъ показался низенькій, кудлатый послушникъ, дѣловито попросилъ публику посторониться и, опытнымъ взглядомъ окинувъ ребенка, сказалъ безъ всякаго удивленія:

— Опять подкинули? Давай его сюда!

— Куда вы его?—спросила курносая баба, не давая ребенка.

— Въ пріютъ. Куда же еще? Если всѣхъ на воспитаніе брать, это и мѣста въ обители не хватитъ.

— А у васъ развѣ часто?—спросилъ Иванъ Кириллычъ.

— Да постоянно! На прошлой недѣлѣ въ церкви оставили. Просто бѣда! Ну, давай что-ли, если себѣ не хочешь оставить!

Баба неохотно отдала ему ребенка, который пригрѣлся у нея на рукахъ и пересталъ плакать. Послушникъ взялъ его и пошелъ къ выходу; народъ хлынулъ за нимъ, жужжа какъ пчелиный улей.

— Ну, дѣла! ну, дѣла! — говорили богомольцы, и въ голосахъ ихъ слышались тревога и смущеніе. Крошечный человѣчекъ, такъ неудачно вступившій въ жизнь, разсѣялъ торжественно-благоговѣйное настроеніе, и всѣ ощутили въ сердцахъ своихъ смутное безпокойство и грызущую тоску встревоженной совѣсти. Всѣмъ казалось, что нужно было что-то сдѣлать, и всѣ сознавали, что это нужное не было сдѣлано, и оттого каждый чувствовалъ себя въ чемъ-то виноватымъ—и передъ плачущимъ комочкомъ, и передъ тѣмъ, кому еще такъ недавно, въ дыму кадилъ, въ блескѣ свѣчей, возносились горячія молитвы.

За оградой монастыря послушникъ кликнулъ извозчика и послалъ его за полицейскимъ. Полицейскій не замедлилъ явиться, ловко принялъ подкидыша изъ рукъ послушника и, крикнувъ извозчику: „пошелъ!“ — скоро исчезъ изъ виду. Богомольцы стали расходиться; курносая баба плакала.

— Жалко-то какъ! — твердила она, всхлипывая и сморкаясь.—Кабы своихъ не было, взяла бы, а то какъ безъ мужа возьмешь? Приди-ка-сь домой съ робенкомъ — онъ те всыпетъ!

— И слѣдуетъ!—брюзжала сердитая старуха.

— Ну, вы теперь куда пойдете? — спросилъ ее Иванъ Кириллычъ.

— А мы въ страннiй домъ пойдемъ. Вотъ тутъ одна бабочка къ намъ прибилась, бывалая такая, мы ужъ съ ней.

— А тамъ всякому можно пристать?

— А чего нельзя? Извѣстно, можно!—затрещала „бабочка“, сухая, вертлявая старушонка съ птичьимъ носомъ.—Тамъ всѣхъ странниxъ принимаютъ, — дюже хорошо! Положишь въ кружку сколько-нибудь—и живи!

— Ну, ладно, я послѣ приду, а теперь по дѣламъ, — сказалъ Иванъ Кириллычъ и пощупалъ свой карманъ. Въ ту же минуту на лицѣ его выразился ужасъ.

— Батюшки! Обокрали! Деньги вытащили!—закричалъ онъ не своимъ голосомъ.

— Родимые вы мои, да что ты?—взвыла курносая баба.— Какъ же это ты, парень, этакъ опростоволосился? Много ли денегъ-то было?

— Почитай пять цѣлковыхъ... всѣ вытащили до копейки!

Ивана Кириллыча обступили, ахали, соболѣзновали, ощупы-

вали его, выворачивали карманы наизнанку — денегъ не было. Иванъ Кириллычъ, весь блѣдный, растерянный, поворачивался изъ стороны въ сторону и, какъ вѣтряная мельница, нелѣпо размахивалъ руками. На шумъ за ограду вышелъ опять кудлатый послушникъ и, узнавъ, въ чемъ дѣло, равнодушно почесалъ свои желтыя патлы.

— Это у насъ постоянно!—сказалъ онъ и удалился.

— Ну, и городъ! Ну, и народъ отчаянный!—говорила курносая баба. — Ахъ ты, сердечный, что ты теперича дѣлать-то будешь?

— Ужъ и не знаю. И деньги-то чужія... взаймы взялъ.

— Постой, парень...—баба покосилась на сердитую старуху и, ловко вывернувъ откуда-то пятиалтынный, застѣнчиво сунула его Ивану Кириллычу. На-ка вотъ тебѣ серебрушку... а то какъ же безъ денегъ-то на чужой сторонѣ?

— Спасибо, милая, — сказалъ Иванъ Кириллычъ, тронутый добротой бабы.—Береги для себя, а я, можетъ, достану. У меня знакомые тутъ есть.

Онъ распростился съ богомолками и, огорченный своими первыми неудачами и разочарованіями въ городѣ, пошелъ разыскивать Валеріана Дмитріевича Булыжникова.

VI.

Горизонтъ начинаетъ проясняться.

Булыжниковъ жилъ на Краснослободской улицѣ, въ нижнемъ этажѣ съ парадным подъѣздомъ на улицу, и солидная мѣдная доска, прибитая на дверяхъ, гласила, что присяжный повѣренный такой-то принимаетъ отъ такихъ-то и до такихъ-то часовъ, при чемъ бѣдныхъ безплатно. Все это вмѣстѣ—и парадный подъѣздъ, и доска, и выгравированные на ней часы пріемовъ—все имѣло видъ внушительный, располагало къ довѣрію и указывало, что здѣсь живетъ не шантрапа какая-нибудь, а настоящій дѣлецъ, дѣлающій настоящія дѣла. Такъ же солидно и внушительно была обставлена квартира и внутри. Кабинетъ со шкафами, до верху набитыми книгами, мягкіе ковры, тяжелые занавѣсы, картины въ золоченыхъ рамахъ, массивные дубовые стулья—все говорило, что хозяинъ умѣетъ жить, умѣетъ и дѣла дѣлать. Дѣйствительно, Булыжниковъ имѣлъ хорошую практику и считался однимъ изъ лучшихъ адвокатовъ въ городѣ. Очень ловкій, самоувѣренный, бойкій

на языкъ, онъ обладалъ кромѣ всего этого особымъ профессіональнымъ нюхомъ, нѣкоторою литературной начитанностью и умѣньемъ прибѣгать къ внѣшнимъ эффектамъ, когда не хватало аргументаціи. Его рѣчи трогали и волновали чувствительныхъ людей не столько искренностью, сколько звонкой и красивой фразой, а самоувѣренность его дѣйствовала на противниковъ ошеломляющимъ образомъ и сбивала съ толку самыхъ хладнокровныхъ представителей обвиненія. Эти качества помогали Булыжникову преуспѣвать и въ то время, какъ многіе его товарищи, гораздо болѣе даровитые, застыли въ одномъ положеніи, Валеріанъ Дмитріевичъ гремѣлъ, и его имя было извѣстно уже не въ одной провинціи. Таковъ онъ былъ и въ университетѣ: всюду лѣзъ впередъ, кричалъ, обращалъ на себя вниманіе, и между тѣмъ какъ другіе принуждены были уходить, не кончивъ курса, онъ оказывался цѣлъ и невредимъ и на самомъ лучшемъ счету у начальства... Но происходило это вовсе не оттого, что онъ, подобно щедринскому либералу, дѣйствовалъ „примѣнительно къ подлости“, а просто оттого, что, пламенно увлекаясь, онъ скоро и остывалъ, и такъ весь перегоралъ въ собственныхъ рѣчахъ, что на дѣло у него ничего уже не оставалось. Поэтому онъ до сихъ поръ сохранилъ за собою репутацію вполнѣ честнаго, порядочнаго человѣка, и его бывшіе товарищи относились къ нему съ уваженіемъ. Правда, онъ чрезвычайно рѣдко исполнялъ то, что̀ обѣщалъ, но за то никогда ни отъ чего не отказывался и въ обѣщаніяхъ своихъ былъ такъ же пылокъ и стремителенъ, какъ и въ рѣчахъ. За это ему многое прощали.

Въ своей личной жизни Булыжниковъ былъ не совсѣмъ счастливъ. Онъ женился рано и повидимому удачно, по любви и на очень богатой дѣвушкѣ; но жена его послѣ первыхъ родовъ какъ-то захирѣла, вѣчно лечилась и все свое время проводила или въ клиникахъ, или въ курортахъ, не выздоравливая и не умирая. Булыжниковъ остался соломеннымъ вдовцомъ и одиноко жилъ въ своей роскошной квартирѣ.

Наружность его немножко не гармонировала съ громкимъ именемъ и солидностью положенія. Онъ былъ маленькаго роста, смуглый какъ цыганъ, взъерошенный и вдобавокъ косой. Это производило непріятное впечатлѣніе. Многіе кліенты, видя его въ первый разъ, подозрительно поглядывали на его разбѣгающіеся глаза и думали: „Богъ шельму мѣтитъ!..“ Но при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ примирялись и находили даже, что это очень оригинально. Особенно дамы были въ восторгѣ отъ Валеріана Дмитріевича и въ своемъ кругу сравнивали его

съ Ричардомъ Третьимъ, который, какъ извѣстно всѣмъ, читавшимъ Шекспира, былъ хотя и горбатъ, и хромъ, но все-таки—неотразимъ!

Валеріанъ Дмитріевичъ только что всталъ и пилъ кофе, когда въ передней звякнулъ нерѣшительный звонокъ. Такъ звонили бѣдные кліенты, и Булыжниковъ поморщился.

— Баринъ, васъ тамъ какой-то мужикъ спрашиваетъ!—доложила хорошенькая горничная въ изящномъ фартучкѣ и бувляшкахъ.

— А, ч-чортъ!—пробормоталъ Булыжниковъ.—Ну чтожъ, проводи его въ пріемную, пусть подождетъ.

— Онъ говоритъ, у него какое-то письмо къ вамъ.

— Ну, возьми письмо, дай сюда!.. Навѣрное, какой-нибудь пріятель подсудобилъ, черти бы его взяли...—прибавилъ онъ уже для себя, по опыту зная, что пріятели любятъ запутанныя дѣла сваливать съ своихъ плечъ на чужія. Вотъ и этотъ мужикъ... непремѣнно явился съ запутаннымъ дѣломъ „насчетъ землицы", и непремѣнно его прислалъ какой-нибудь пріятель.

Горничная возвратилась съ обезкураженнымъ видомъ.

— Онъ письма не отдаетъ!—объявила она.—Говоритъ, въ собственныя руки велѣно отдать.

— Экая дурацкая привычка мужицкая! „Въ собственныя руки"... удивительно нужно его письмо! Ерунда какая-нибудь...

И запахивая полы халата, онъ вышелъ въ пріемную. У порога, совершенно подавленный окружающимъ великолѣпіемъ, стоялъ Иванъ Кириллычъ, и по лицу его видно было, что ему ужасно хочется провалиться сквозь землю.

— Что такое? Ты отъ кого?—глядя на сапоги Ивана Кириллыча, спросилъ Валеріанъ Дмитріевичъ.

Иванъ Кириллычъ тоже посмотрѣлъ на свои сапоги и, удрученный ихъ безобразнымъ видомъ, окончательно растерялся.

— А вотъ... Никифоръ Петровичъ письмо вамъ...—пролепеталъ онъ, доставая изъ шапки скомканный конвертъ.

„Ну, я такъ и зналъ!"—подумалъ Булыжниковъ и нетерпѣливо распечаталъ конвертъ. Но, пробѣжавъ нѣсколько строкъ, онъ поглядѣлъ уже не на сапоги, а на самого Ивана Кириллыча и воскликнулъ совсѣмъ другимъ тономъ:

— Саламатинъ? Тотъ самый, который?.. Батенька мой, да что же это вы такъ... сразу не сказали! Вѣдь я васъ не узналъ—вотъ комическое положеніе! Какъ же, какъ же... Саламатинъ—очень хорошо помню! Садитесь пожалуйста. Да нѣтъ, постойте, вы чай пили? Нѣтъ еще? Такъ пойдемте въ столовую, тамъ у меня са-

моварчикъ грѣется и коньякъ имѣется... ха-ха! Что такое? Сапоги грязные? Э, пустяки, батенька, пойдемте!

Иванъ Кириллычъ еще разъ съ упрекомъ взглянулъ на свои сапоги и, осторожно ступая на цыпочкахъ по коврамъ, послѣдовалъ за хозяиномъ. „Книгъ-то, книгъ-то сколько!“—подумалъ онъ, проходя мимо шкафовъ. „А портреты-то... все, должно быть, писатели“... Но въ эту минуту взглядъ его упалъ на картину, гдѣ была изображена дама, снимавшая съ себя рубашку, и Иванъ Кириллычъ скромно потупился, не желая конфузить своего гостепріимнаго хозяина.

— Садитесь!—говорилъ между тѣмъ Валеріанъ Дмитріевичъ, подвигая ему стулъ и наливая чай.—Ну, какъ же это вы такъ, а? Никифоръ Петровичъ пишетъ, что васъ уволили. Это ужасно непріятно. Я совершенно не понимаю, что̀ у насъ въ Россіи дѣлается. Закрываютъ, сокращаютъ, ломаютъ, — помилуйте, это какая-то бѣлая революція! Гдѣ, въ какой странѣ вы слыхали о „рецидивѣ безграмотности“? А у насъ онъ есть, потому что нѣтъ школъ, нѣтъ библіотекъ, нѣтъ книгъ для народа, нѣтъ учителей... Ничего не понимаю—зачѣмъ, почему, что̀ такое?

Иванъ Кириллычъ сидѣлъ, оглушенный этимъ потокомъ словъ, и тоже ничего не понималъ. Осторожно, стараясь производить какъ можно меньше шума, онъ отгрызалъ отъ сахара крошечные кусочки и, запивая ихъ чаемъ, думалъ: „Говоритъ-то, говоритъ какъ, прямо какъ книга! Вѣдь наградитъ же Богъ этакимъ даромъ слова,—говоритъ и не зацѣпится! А нашъ братъ зачнетъ мусолить, ужъ мнетъ-мнетъ — слушать тошно, словно во рту-то не языкъ, а рукавица!“

Наговорившись всласть, Булыжниковъ немного помолчалъ, перечиталъ письмо Лукачева и обратился къ Ивану Кириллычу.

— Скажите пожалуйста, а что же такое вышло у васъ съ земскимъ учителемъ?

Иванъ Кириллычъ сразу вспотѣлъ и сбивчиво, проклиная себя въ душѣ, сталъ разсказывать о своихъ злоключеніяхъ. Булыжниковъ постоянно перебивалъ его негодующими возгласами: „Вотъ подлость!“ „Ахъ, негодяй!“—и когда Иванъ Кириллычъ кончилъ, онъ былъ уже воспламененъ и весь красный, взъерошенный, носился по комнатѣ, развѣвая полами халата. Этотъ деревенскій парень въ кожухѣ, съ такой настойчивостью стремящійся къ образованію, былъ во всякомъ случаѣ чрезвычайно интересною новинкой, и Валеріанъ Дмитріевичъ заранѣе представлялъ себѣ, какъ онъ будетъ его вездѣ показывать, какъ устроитъ его судьбу и какой эффектъ произведетъ появленіе овчиннаго кожуха на фонѣ изящной гостиной.

— Скажите, какая мерзость!—кричалъ онъ.—Въ кутузку... Ха-ха-ха! Ну, мы покажемъ имъ кутузку! Вотъ положеніе нашихъ тружениковъ-учителей! Скудное жалованье, сырость, темнота и въ заключеніе — изъ школы въ кутузку. Или, какъ вы говорите, въ „одноглазку“? Ха-ха-ха... c'est le mot, это надо записать. Это, я вамъ скажу, прямо въ печать, въ печать просится! Этакій комизмъ... Но вы не унывайте, милѣйшій, мы васъ устроимъ. Никифоръ Петровичъ пишетъ, чтобы я вамъ помогъ... Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ, даже съ наслажденіемъ! Вы хотите подготовиться въ сельскіе учителя? Прекрасное дѣло. И сущіе пустяки, я васъ увѣряю. Мы васъ такъ устроимъ, что вы будете зарабатывать и въ то же время учиться. Устроимъ, устроимъ, я все это обдумаю... Кстати: щекотливый вопросъ... Вамъ сейчасъ не нужно ли денегъ?

Иванъ Кириллычъ вспыхнулъ и почувствовалъ, что во рту у него не языкъ, а рукавица.

— У меня всѣ деньги сейчасъ въ монастырѣ вытащили...—сказалъ онъ.

— Какъ вытащили?

Иванъ Кириллычъ разсказалъ все про младенца, про курносую бабу и про то, какъ его обокрали. Булыжниковъ расхохотался.

— Вотъ комичное положеніе! Вамъ, батенька, не везетъ. Но это ничего, это все поправимо. Вотъ вамъ пока (онъ сунулъ Ивану Кириллычу какую-то бумажку)... Ну, а теперь мы съ вами должны разстаться, мнѣ нужно по дѣламъ. Вы приходите сюда къ четыремъ часамъ—прямо обѣдать... Что? Въ кожухѣ неловко? Вздоръ! Что такое—кожухъ? Кожухъ—это одна прелесть! „И въ рубищѣ почтенна добродѣтель!..“ Ха-ха-ха! Ну, до свиданья. Въ четыре часа жду.

Иванъ Кириллычъ вышелъ отъ Булыжникова совершенно очарованный, не чуя подъ собою ногъ отъ радости. „Люди-то, люди-то какіе на свѣтѣ!—думалъ онъ.—А все Варя-молодецъ придумала. Небось, сидитъ тамъ въ Муравлевкѣ, и не снится ей, какія у меня тутъ дѣла! Эхъ! только бы мнѣ здѣсь за маленькій крючочекъ зацѣпиться, а тамъ я ужъ изъ рукъ не выпущу. Какъ-ни-какъ, а въ учителя выйду. И тебя, Варюха, выведу. А книжищъ-то у него сколько—я сроду этакой громадины и не видалъ. Ученый человѣкъ, а какой простой... Бываютъ же этакіе люди на свѣтѣ!..“

VII.

Еще одна сочувствующая душа и неожиданныя осложненія.

Проводивъ Ивапа Кириллыча, Булыжниковъ одѣлся, взялъ извозчика и черезъ четверть часа звонилъ у подъѣзда, на дверяхъ котораго была прибита карточка Маргариты Андреевны Киндѣевой. Это была молодая вдовушка, недавно схоронившая своего мужа, полкового врача, и теперь вновь жаждавшая выйти замужъ, чтобы отдохнуть отъ перваго, очень неудачнаго супружества. Булыжниковъ познакомился съ ней недавно на литературномъ вечерѣ у своего хорошаго знакомаго, предсѣдателя контрольной палаты, Курандина, и ему понравилась ея хорошенькая рожица, бойкій язычокъ, а главное — нескрываемое восхищеніе передъ его ораторскимъ талантомъ. Изъ разговора выяснилось, что Маргарита Андреевпа была любительницей уголовныхъ дѣлъ и не пропускала ни одного судебнаго засѣданія, гдѣ защитникомъ выступалъ Валеріанъ Дмитріевичъ. Это ему польстило, и онъ еще больше заинтересовался вдовушкой. Она показалась ему очень умненькой, начитанной и съ большимъ тяготѣніемъ къ общественнымъ вопросамъ, что выгодно выдѣляло ее изъ сѣрой толпы провинціальныхъ дамъ, которыя умѣли только говорить взасосъ о модныхъ выкройкахъ, о скверной прислугѣ и объ интимныхъ дѣлахъ своихъ хорошихъ знакомыхъ. Булыжниковъ сталъ довольно часто посѣщать свою новую знакомую, и такъ какъ во время этихъ визитовъ говорилъ больше онъ, а она только слушала, то оба оставались очень довольны другъ другомъ. Притомъ всегда выходило какъ-то такъ, что Маргарита Андреевна во всемъ была согласна съ Валеріаномъ Дмитріевичемъ, и это заставило его думать, что онъ нашелъ въ ней „родственную душу“. Вдовушка не разочаровывала его въ этомъ и своими хорошенькими пальчиками тонко и умѣло пряла вокругъ Булыжникова такую же невидимую паутину, въ какой нѣкогда запутался покойный полковой врачъ.

Передъ приходомъ Валеріана Дмитріевича Маргарита Андреевна примѣряла новую кофточку и капризничала, находя, что спинка морщитъ, хотя портниха всѣми богами клялась въ противномъ. Заслышавъ звонокъ и по звуку его догадавшись, что звонитъ Булыжниковъ, Маргарита Андреевнапо спѣшно сбросила кофточку, пригладила передъ зеркаломъ свои завитые, но

какъ будто натурально вьющіеся волосы и, схвативъ со стола книжку новаго журнала, сдѣлала видъ, что совершенно углублена въ чтеніе. Въ такой позѣ и засталъ ее Булыжниковъ.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ, стремительно подходя къ ней.—Вотъ хорошо, что вы дома!

— Ахъ, это вы?—воскликнула Маргарита Андреевна, взглядывая на него затуманенными глазами, какъ будто она вся была еще въ той книгѣ, которую держала въ рукахъ.—Какая интересная статья... о положеніи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ! Вы читали?

— Что такое? Нѣтъ, не читалъ,—разсѣянно отвѣчалъ Булыжниковъ.

Маргарита Андреевна сейчасъ же поняла, что онъ занятъ чѣмъ-то другимъ, и отложила книгу въ сторону.

— Валеріанъ Дмитріевичъ, съ вами что-то случилось,— сказала она, нѣжно прикасаясь пальчиками къ его рукаву.— Вы озабочены.

— Какая вы наблюдательная, Маргарита Андреевна! — съ удовольствіемъ сказалъ Булыжниковъ. — Отъ васъ ничего не скроешь,—вы читаете въ моей душѣ... Да, я озабоченъ. Именно— озабоченъ!

— Ну, что же это? Какое-нибудь интересное дѣло въ судѣ?

— Очень интересное дѣло, но не въ судѣ, и вы должны мнѣ помочь. Вы ничѣмъ не заняты? Тогда я попрошу у васъ капельку вашего вниманія.

— Ахъ, пожалуйста, Валеріанъ Дмитріевичъ! Вы знаете, какъ меня интересуетъ все, что съ вами и у васъ. Все это такъ свѣжо, оригинально... не похоже на другихъ.

Булыжниковъ расцвѣлъ и ласково посмотрѣлъ на вдову.

— Да, случай не совсѣмъ обыкновенный,—началъ онъ.— Представьте, сижу сегодня утромъ за кофе, вдругъ является ко мнѣ нѣкто... Любопытный экземпляръ, я вамъ скажу! Великолѣпный экземпляръ! Но позвольте, я лучше по порядку... Въ прошломъ году былъ я въ городѣ N на выѣздной сессіи и остановился у своего бывшаго товарища, члена управы, Лукачева. Однажды возвращаюсь изъ суда и вижу такую картину: за столомъ сидитъ этакій благообразный парень, волоса въ скобку, зипунъ, лапти, все какъ слѣдуетъ, и чай съ Лукачевымъ пьетъ. Я, конечно, воззрился, а Лукачевъ его мнѣ представляетъ: учитель Саламаткинъ... или Саламатовъ, не помню хорошенько, но это все равно. Понимаете: учитель! Въ зипунѣ, въ лаптяхъ—учитель...

— Въ лаптяхъ? Ахъ, какъ это интересно!

— Да... Разговорились мы съ нимъ. Оказывается, исторія не обыденная; такія не каждый день случаются, особенно въ нашей россійской имперіи. Простой парень, мужичокъ форменный, учился въ земской школѣ, потомъ почти самоучкой занимался, урывками читалъ книги — гдѣ-нибудь въ овинѣ или въ избѣ, съ телятами, съ поросятами. Ну, разумѣется, его за виски трепали, можетъ-быть даже сѣкли... и вдругъ говоритъ съ вами о Тургеневѣ, о Добролюбовѣ, о Достоевскомъ—не правда ли, оригинально? И при всемъ томъ — имѣетъ страстное призваніе къ педагогической дѣятельности, понимаете, просто весь горитъ, трепещетъ, школу свою любитъ до безумія... Я забылъ сказать, что земство назначило его учителемъ школы грамотности. Вы, конечно, имѣете понятіе объ этихъ школахъ?

— Ахъ, конечно! Это что-то въ родѣ воскресныхъ школъ?

— Ну... не совсѣмъ, но пожалуй... Занимался, говорятъ, прекрасно, и вообще все шло отлично,—вдругъ циркуляръ: закрыть школы грамотности! И вотъ человѣкъ выброшенъ за бортъ, безъ мѣста, въ полномъ отчаяніи...

— Боже мой, такъ ему надо помочь! — пылко воскликнула Маргарита Андреевна.—Непремѣнно помочь!

— Въ томъ-то и штука, Маргарита Андреевна, но какъ?

— Постойте... Хотите, я сейчасъ поѣду къ директору народныхъ школъ и попрошу его, чтобы вашему мужичку дали мѣсто въ другой школѣ?

— Нельзя, дорогая моя, въ томъ-то и штука, что нельзя! У него нѣтъ диплома, а безъ этого мѣста ему нигдѣ не дадутъ. Надо ему подготовиться, выдержать экзаменъ на сельскаго учителя, тогда другое дѣло.

Маргарита Андреевна поняла, что она что-то перепутала, и осторожно молчала. Булыжниковъ продолжалъ:

— Въ деревнѣ ему оставаться нельзя никоимъ образомъ; тамъ онъ не подготовится, да и съ учителемъ у него какія-то непріятности. Заглохнетъ онъ въ деревнѣ, больше ничего. А паренекъ способный, и этакая, понимаете, жажда къ книгѣ... Жаль, очень жаль, если пропадетъ, намъ будетъ стыдно...

— А что если стипендію ему выхлопотать?—нерѣшительно замѣтила Маргарита Андреевна.

— Стипендію? Но гдѣ? Кто дастъ ему стипендію?

— Ну, конечно, земство...

— Объ этомъ и думать нечего. Лукачевъ мнѣ подробно пишетъ. Земство даетъ стипендіи только тѣмъ, которые находятся въ учебныхъ заведеніяхъ, а этотъ паренекъ никуда не

можетъ поступить, изъ лѣтъ вышелъ. Нѣтъ, я вотъ что думаю: надо ему найти такое мѣсто, чтобы онъ и заниматься могъ, и въ то же время зарабатывалъ бы что-нибудь.

— Ахъ, это прекрасно!—воскликнула Маргарита Андреевна и захлопала въ ладоши. — Мѣсто, мѣсто, конечно мѣсто! Вы— геніальный человѣкъ, Валеріанъ Дмитріевичъ, какъ вы всегда хорошо придумаете...

Булыжниковъ взъерошилъ волосы и самодовольно прошелся по гостиной.

— Такъ-съ, мѣсто! — повторилъ онъ. — Но вотъ вопросъ: какое? Въ писцы куда-нибудь?

— А къ Курандину? Попросить Курандина...

— Вотъ-вотъ-вотъ!.. Ну, какая же вы догадливая, Маргарита Андреевна, вѣдь я и забылъ совсѣмъ о Курандинѣ. Конечно, къ нему, въ контрольную палату. Тамъ у нихъ всякая дрянь напихана, кого-нибудь можно и въ шею... Курандинъ — очень хорошій человѣкъ, либералъ и народникъ, онъ долженъ сочувствовать. Не откажетъ онъ, какъ вы думаете?

Но Маргарина Андреевна не успѣла отвѣтить, что̀ она думаетъ, потому что раздался новый звонокъ, и въ гостиную вошелъ низенькій, толстенькій человѣкъ съ подстриженными бобрикомъ волосами, въ очкахъ и съ ядовитою улыбкой на тонкихъ губахъ. Это былъ управляющій имѣніемъ одного богатаго помѣщика, бывшій петровецъ, по фамиліи Кулаковскій.

— Ахъ, какъ вы кстати, Семенъ Александровичъ!—сказала Маргарита Андреевна.—Идите, идите, мы тутъ обсуждаемъ одно очень-очень важное дѣло!..

— Что такое? Колонію малолѣтнихъ преступниковъ? Или пріютъ глухонѣмыхъ?

— Ахъ, вы все смѣетесь! Садитесь и слушайте...

Кулаковскаго усадили и разсказали ему сначала исторію Ивана Кириллыча, при чемъ самую главную роль въ разсказѣ играли опять лапти и кожухъ. Кулаковскій слушалъ и ехидно улыбался. Онъ не раздѣлялъ народническихъ восторговъ, да и плохо имъ вѣрилъ; онъ былъ человѣкъ практическій, человѣкъ-дѣлецъ и никакихъ особенно нѣжныхъ чувствъ къ мужичку не питалъ. По его мнѣнію, любить людей вообще, а мужика въ особенности, можно было только издали, и онъ всегда совѣтовалъ своимъ увлекающимся знакомымъ не подходить къ мужику близко, чтобы не разочароваться.

— Ну, что скажете, Семенъ Александровичъ? — спросила

Маргарита Андреевна, когда разсказъ о злополучномъ Иванѣ Кириллычѣ былъ конченъ.

Кулаковскій погладилъ себя по бобрику и сдѣлалъ безмятежное лицо.

— Что я скажу? Да ничего не скажу. Это меня не касается.

— Какъ? Васъ это не трогаетъ? Лапти, кожухъ...

— Кожухъ очень нехорошо пахнетъ,—невозмутимо сказалъ Кулаковскій.—А лапти—учрежденіе совершенно отжившее.

— Вы право ужасный! Человѣкъ погибаетъ, ему надо помочь—и такое равнодушіе!

— Да вы помогайте, я развѣ мѣшаю? Ну, а меня ужъ увольте, я въ филантропіи ничего не смыслю.

Булыжниковъ, который все время слушалъ молча, вдругъ запылилъ и заскакалъ.

— Какая тутъ филантропія, батенька, тутъ человѣческая душа гибнетъ, понимаете — гибнетъ, гибнетъ! — закричалъ онъ.

— Ну, если вашъ мужичокъ не кислятина, то не погибнетъ, не безпокойтесь,—спокойно сказалъ Кулаковскій.—А кислятину никакія ваши филантропіи не спасутъ. Кромѣ того, долженъ вамъ замѣтить, странный вы способъ выдумали человѣка осчастливить! Вотъ вы хотите его въ писцы контрольной палаты упечь, а спросите меня, я не знаю, почему писцу лучше живется, чѣмъ мужику?

Булыжниковъ при этихъ словахъ немножко остылъ и посмотрѣлъ на Кулаковскаго внимательнѣе. Ему показалось, что онъ, пожалуй, и правъ.

— Гм... да! Но вѣдь это мы только пока... это временно, понимаете, временно, чтобы дать ему возможность подготовиться!

— Да никогда онъ въ писцахъ не подготовится! Будетъ строчить съ утра до вечера и окончательно обалдѣетъ.

— Обалдѣетъ, вы думаете? Чортъ... дѣйствительно!—Послушайте, Семенъ Александровичъ, въ такомъ случаѣ возьмите вы его къ себѣ, а? Вѣдь нужны же вамъ въ экономіи люди, вотъ вы его и возьмите.

Лицо Кулаковскаго сдѣлалось серьезнымъ.

— Ну ужъ это позвольте подумать! — сказалъ онъ. — Какъ это такъ „возьмите“? Во-первыхъ, я его совершенно не знаю: можетъ-быть, онъ никуда не годится, а во-вторыхъ, вѣдь у меня и мѣстъ нѣтъ свободныхъ сейчасъ, куда же я его дѣну?

— Какъ не годится?—подпрыгнула Маргарита Андреевна.— Интеллигентный крестьянинъ, школьный учитель, а вы говорите— не годится?

— Да если хотите, тѣмъ хуже, что онъ учитель! Мнѣ рабочій нуженъ, понимаете, простой рабочій, чтобы онъ могъ работать какъ волъ, а вы мнѣ рекомендуете учителя! Спрашивается, на что мнѣ вашъ учитель? Мнѣ нужно прежде всего, чтобы человѣкъ дѣло дѣлалъ, а вашъ этотъ интеллигентный мужичокъ будетъ книжки читать, да еще, пожалуй, начнетъ тамъ что-нибудь проповѣдывать насчетъ равенства и братства... Покорно васъ благодарю, мнѣ это невыгодно! Ну, представьте себѣ, Маргарита Андреевна, вдругъ ваша кухарка будетъ о положеніи рабочаго класса читать и потребуетъ себѣ три восьмерки—что вы тогда будете дѣлать? Кушать-то, кушать-то что будете, а?

Маргарита Андреевна на минутку смутилась и прикусила язычокъ, но сейчасъ же снова воспламенилась и съ новой энергіей ринулась въ аттаку.

— Ахъ, вы невозможны! Что вы сравниваете? То кухарка, а то... совсѣмъ другое дѣло! И притомъ вѣдь это фиктивно... Вы придумайте для него что-нибудь такое, гдѣ бы онъ могъ и ничего не дѣлать, и жалованье получать, и въ учителя готовиться... Неужели это такъ трудно?

— Очень трудно,—усмѣхнулся Кулаковскій.—Платить человѣку жалованье за то, что онъ ничего не будетъ дѣлать... такого мѣста, я думаю, на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ.

— А вы придумайте, если нѣтъ! Создайте!

— Не-могу-съ. Вы забываете, что я не хозяинъ въ чужомъ имѣньѣ, а такой же рабочій и долженъ отдавать отчетъ въ каждой копейкѣ. И потомъ какъ это такъ „фиктивно"? Значитъ, обманывать и себя, и другихъ? Благодѣтельствовать на чужой счетъ? Въ такомъ случаѣ, лучше ужъ прямо собрать деньги въ его пользу, отдать ему, и пусть онъ дѣлаетъ съ ними что хочетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—закричалъ Булыжниковъ.—Все, что хотите, только не это! Даровая помощь подѣйствуетъ на него растлѣвающе! Для молодого человѣка нѣтъ ничего хуже, когда деньги достаются ему легко. Онъ излѣнится, избалуется, привыкнетъ брать—и не отдавать...

— И потомъ ничего изъ этого не выйдетъ,—поддержала его Маргарита Андреевна.—Гдѣ вы въ нашемъ городѣ соберете такъ много денегъ? Будутъ давать гроши, я ужъ это по опыту знаю, потомъ начнутся разныя подозрѣнія, сплетни, разговоры... ахъ, это ужасно!

Долго спорили, шумѣли и кричали, не слушая другъ друга, наконецъ Булыжниковъ убѣдилъ Кулаковскаго взять Ивана Ки-

риллыча пока на испытаніе, и если онъ окажется малый дѣльный, то дать ему какую-нибудь работу за небольшое вознагражденіе. Валеріанъ Дмитріевичъ почему-то особенно настаивалъ на небольшомъ вознагражденіи и, совершенно позабывъ о томъ, что Ивану Кириллычу нужно готовиться въ учителя, съ увлеченіемъ рисовалъ идиллическія картины его житья въ качествѣ рабочаго.

— Я увѣренъ, что ему будетъ у васъ отлично, — говорилъ онъ. — Да и вы навѣрное останетесь имъ довольны. Честный, грамотный рабочій — вѣдь это идеалъ для сельскаго хозяина! Ужъ онъ васъ не обокрадетъ, не запьетъ, и притомъ на Западѣ уже давно доказано, что трудъ интеллигентнаго рабочаго гораздо продуктивнѣе, чѣмъ трудъ рабочаго неразвитого!

— Положимъ, на Западѣ также говорятъ, что die dummsten sind die besten Arbeiter!—посмѣиваясь, сказалъ Кулаковскій.— Но ничего, пусть, я его возьму,—кстати у меня на дняхъ освободится мѣсто ночного сторожа, старый что-то баловаться началъ. Только мнѣ все-таки надо сначала посмотрѣть вашего интеллигентнаго мужичка. И затѣмъ еще одинъ пунктъ: вы знаете, что я безъ своего принципала не смѣю кухарки прогнать—таково условіе. Такъ вотъ я долженъ къ нему сходить сегодня и сообщить о наймѣ новаго сторожа. Чувствуете?

На этомъ разстались, вполнѣ довольные другъ другомъ и условившись вечеромъ сойтись у Булыжникова, чтобы поглядѣть на „учителя въ лаптяхъ“.

VIII.

Дѣло осложняется еще больше.

Заѣхавъ въ судъ и еще кое-куда по своимъ дѣламъ, Булыжниковъ къ четыремъ часамъ вернулся домой. Въ столовой уже, какъ всегда въ это время, былъ накрытъ столъ и все готово для обѣда. Булыжниковъ любилъ хорошо поѣсть, придавалъ ѣдѣ большое значеніе и чрезвычайно заботился о томъ, чтобы этотъ актъ былъ обставленъ изящно и красиво. Поэтому обѣденный столъ у него убирался очень нарядно: каждая подробность сервировки должна была сама по себѣ ласкать взоры и возбуждать аппетитъ. Бѣлая скатерть была тщательно выглажена и благоухала розами; серебро сверкало; разныя тарелочки, стаканчики, блюдца, рюмки и рюмочки—все имѣло свое особое назначеніе и стояло на своемъ мѣстѣ. Одинъ конецъ стола занимала

закуска: изящный графинчикъ съ водкой, какіе-то пузатые флаконы, икра въ фарфоровой банкѣ, розовая семга, грибки въ хрустальныхъ судкахъ и проч. При одномъ взглядѣ на всѣ эти прелести у зрителя начинало пріятно сосать подъ ложечкой, а челюсти поводило легкой судорогой. Но на этотъ разъ Валеріанъ Дмитріевичъ оглядѣлъ свой столъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ и подумалъ: „Гм... водку-то, пожалуй, надо убрать... нехорошо! А то пойдетъ тамъ у себя въ деревнѣ разсказывать: однако, молъ, интеллигенты-то каждый день водку лущатъ, не то что нашъ братъ мужики, которые только по праздникамъ... Да и закуска тоже... икра, напримѣръ... все это предметы роскоши. Надо поскромнѣе, поскромнѣе!“

Онъ позвонилъ. Вошла горничная.

— Что у насъ сегодня къ обѣду?—спросилъ Булыжниковъ.

— Супъ, рыба заливная, жаркое дичь, салатъ. Потомъ кремъ сливочный.

„Гм... Вотъ тоже кремъ и дичь — совсѣмъ это лишнее при мужичкѣ. Скажетъ: ну и жрутъ же господа-то... Неловко какъ-то. Да и на него будетъ имѣть развращающее вліяніе. Какъ это говорится въ Евангеліи: аще кто соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ, уне бо тому“...

— Каша гречневая... у насъ есть?—спросилъ онъ вслухъ.

— Каша? — съ удивленіемъ спросила горничная, поднимая брови.—Не знаю... Я пойду спрошу.

— Постойте... Если есть, принесите послѣ супа кашу... а кремъ и дичь не нужно, не подавайте. Потомъ вотъ что еще... уберите эти закуски и водку тоже. Я пить сегодня не буду.

— Хорошо,—сказала горничная съ недоумѣніемъ.—Я сейчасъ уберу, только сбѣгаю на минутку въ кухню насчетъ каши.

„Ну, а я все-таки пока хлопну рюмочку!“ — подумалъ Булыжниковъ и только что налилъ себѣ водки, какъ въ передней позвонили. Валеріанъ Дмитріевичъ наскоро выпилъ рюмку, чуть не поперхнулся, сунулъ поспѣшно графинчикъ въ буфетъ и съ физіономіей, еще носившей на себѣ впечатлѣніе отъ проглоченной водки, вышелъ въ пріемную. „Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!“—думалъ онъ, вытирая заслезившіеся глаза платкомъ и стараясь принять самый невинный видъ.

Въ передней слышались осторожное покашливанье и шарканье вытираемыхъ ногъ, затѣмъ на порогѣ показался и самъ Иванъ Кириллычъ. Кожухъ свой онъ снялъ и остался въ одной бѣлой холщевой рубахѣ съ красными ластовицами и тканымъ пояскомъ, на которомъ висѣлъ гребешокъ. Комната немедленно

наполнилась особымъ деревенскимъ запахомъ, — смѣсью дегтя, дубленой овчины и кислаго ржаного хлѣба. Булыжниковъ потянулъ носомъ.

„Какъ отъ него пахнетъ!“ —подумалъ онъ.— „Правду давеча Кулаковскій сказалъ... а я раньше этого не замѣтилъ. Странный запахъ!“

— Ну, еще здравствуйте!—сказалъ Иванъ Кириллычъ, застѣнчиво протягивая Булыжникову руку.

— Здравствуйте, здравствуйте, милѣйшій! Садитесь пока, сейчасъ обѣдать будемъ.

— Покорно васъ благодарю,—я ужъ почти что пообѣдалъ.

— Какъ такъ пообѣдали?

— Да тамъ на подворьѣ съ богомольцами закусили.

— Ну, это закусили, а обѣдать само собой будемъ. Нельзя безъ обѣда. И что вы тамъ закусывали,—я думая, постное, болтушку какую-нибудь! Впрочемъ, вы какъ: скоромное-то вкушаете?

— Да отчего же, мнѣ все равно. Я этого фанатизма не придерживаюсь.

— И отлично дѣлаете! Фанатизмъ, батенька, это ржавая цѣпь, которая стѣсняетъ высокіе порывы духа; человѣкъ долженъ быть свободенъ!

„Говоритъ-то, говоритъ-то какъ!“ —въ восхищеніи подумалъ опять Иванъ Кириллычъ.

— Ну-съ, батенька!—продолжалъ Булыжниковъ.—А я почти что васъ устроилъ. Тутъ пріѣхалъ одинъ мой знакомый изъ имѣнья, и ему нуженъ ночной сторожъ. Вы какъ, ничего не имѣете противъ этого?

— То-есть, это насчетъ чего?—спросилъ Иванъ Кириллычъ, не понимая, какое отношеніе имѣетъ къ нему то, что кому-то понадобился ночной сторожъ.

— Да вотъ, чтобы поступить на это мѣсто. Мой знакомый— человѣкъ гуманный, и вамъ у него будетъ великолѣпно. Будете получать жалованье, конечно, на всемъ готовомъ, потребности у васъ небольшія, скопите что-нибудь, подготовитесь въ это время, а затѣмъ подавайте прошеніе и держите экзаменъ.

Иванъ Кириллычъ смотрѣлъ на него круглыми глазами, и этотъ взглядъ, полный недоумѣнія и тоски, началъ почему-то раздражать Булыжникова.

„Чего онъ наивничаетъ, — не понимаетъ что-ли?“ —думалъ онъ. „И глаза какіе-то бараньи сдѣлалъ,—удивительно!..“ А Иванъ Кириллычъ, дѣйствительно, чувствовалъ себя въ положеніи ба-

рана, котораго на веревкѣ волокутъ рѣзать, и душа находилась въ полномъ смятеніи. Что такое? Какъ это такъ въ сторожа, а изъ сторожей—въ учителя? Чудно что-то.

— А жалованья сколько?—спросилъ онъ, наконецъ, робко.

„Однако онъ небезкорыстный!"—съ непріятнымъ чувствомъ отмѣтилъ про себя Булыжниковъ.—„Сейчасъ уже и объ жалованьѣ заговорилъ... А я считалъ его за идеалиста"...

— Дѣло не въ жалованьѣ,—сухо сказалъ онъ.—Это ужъ я не знаю... Вѣдь вамъ что̀, главное, нужно: освободиться отъ деревенскаго гнета и быть поближе къ городу, чтобы подготовиться къ экзамену—не такъ ли?

— Такъ-то такъ...—уныло согласился Иванъ Кириллычъ.—Да вѣдь когда же это я готовиться-то буду, ежели въ ночные сторожа наймусь?

— Какъ когда? Въ вашемъ распоряженіи будетъ масса времени. Ночью вы будете сторожить, а днемъ—готовиться...

— А спать-то когда же?—еще унылѣе спросилъ Иванъ Кириллычъ.

„Тьфу!"—мысленно плюнулъ Булыжниковъ. Иванъ Кириллычъ началъ ему нравиться гораздо меньше, чѣмъ давеча утромъ.

Горничная доложила, что обѣдъ готовъ, и, стѣсненный своими грязными сапогами, Иванъ Кириллычъ неловко сѣлъ за столъ. Нарядная горничная въ кудряшкахъ казалась ему барышней, и его очень смущало, что она подавала ему кушанья. Встрѣчаясь взглядомъ съ ея лукавыми глазами, онъ краснѣлъ, терялся и дѣлалъ не то, что̀ было нужно. Отъ этого съ нимъ произошелъ цѣлый рядъ несчастій: во-первыхъ, онъ обжегся супомъ, и отъ нестерпимой боли уронилъ ложку къ себѣ на колѣни; потомъ изъ рукъ какъ-то вывернулась проклятая вилка и, три раза перевернувшись въ воздухѣ, воткнулась въ полъ, а когда онъ бросился ее поднимать, то изо всѣхъ силъ треснулся лбомъ объ уголъ стола. Въ заключеніе онъ потянулся за солью и опрокинулъ стаканъ съ пивомъ на скатерть. Это его совсѣмъ доконало, и онъ до смерти былъ радъ, когда обѣдъ кончился. Ему было уже не до ѣды, и онъ даже не помнилъ хорошенько, что такое онъ ѣлъ и пилъ въ этотъ несчастный день его жизни.

Послѣ обѣда Булыжниковъ прилегъ на диванѣ въ кабинетѣ, а Ивану Кириллычу предложилъ что-нибудь почитать. Иванъ Кириллычъ досталъ изъ шкафа Некрасова и погрузился въ чтеніе „Русскихъ женщинъ", но ему не пришлось дочитать и до половины, потому что пришелъ Кулаковскій.

— Лежите, лежите, пожалуйста!—закричалъ онъ, входя въ

кабинетъ и махая рукой на Булыжникова.—Я самъ, знаете, въ деревнѣ люблю этакъ послѣ обѣда немножко соснуть... Мы вотъ лучше пока съ молодымъ человѣкомъ побесѣдуемъ,—прибавилъ онъ, съ любопытствомъ поглядывая на Ивана Кириллыча.

— Нѣтъ, у меня ужъ и сонъ прошелъ,—сказалъ Булыжниковъ, вставая и закуривая папиросу.—Сейчасъ чай будемъ пить. Ну, разсказывайте, что у васъ новенькаго?

— Да ничего утѣшительнаго. Представьте, какая исторія вышла... Являюсь я къ своему принципалу и, между прочимъ, говорю ему, что вотъ, молъ, мнѣ нуженъ ночной сторожъ, что желаю я нанять на это мѣсто одного человѣка, ну, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Глубокомысленно выслушалъ и спрашиваетъ: „А кто такой?“ Я ему и ляпни сдуру: очень, молъ, прекрасный юноша, былъ въ сельскихъ учителяхъ, но гонимъ превратною судьбой и все въ этомъ родѣ. Мой принципалъ даже посинѣлъ весь... „Какъ? Сельскій учитель? Въ ночные сторожа?.. Пусть представитъ свидѣтельство о благонадежности!“ Ей-Богу, я ему чуть въ физіономію не плюнулъ. Ну, не идіотъ ли? А вѣдь либераломъ считается и даже статьи благородныя въ газетахъ пишетъ...

— Н-да! — задумчиво протянулъ Булыжниковъ, чувствуя какое-то смутное безпокойство и душевную усталость отъ всей этой возни съ Иваномъ Кириллычемъ. И то, что давеча утромъ казалось ему такъ легко и просто, теперь уже начинало его тяготить и разстраивать ему нервы.—Да... это очень непріятно. И зачѣмъ вы ему такъ откровенно говорили?

— Да вѣдь чортъ же его зналъ! Я именно этимъ и хотѣлъ его пронять; думаю-себѣ—либералъ, „Русскую Мысль“ выписываетъ, расчувствуется... а онъ, извольте, что выдумалъ,— свидѣтельство о благонадежности... Это—въ ночные сторожа-то—ха-ха-ха! Съ стукушкой ходить да усадьбу отъ воровъ караулить— свидѣтельство о благонадежности...

— Дѣйствительно, положеніе комическое!—усмѣхнулся Булыжниковъ и крикнулъ Ивану Кириллычу:—Слышите, батенька? Не выгорѣло наше дѣло...

— Э, ну, зачѣмъ пугать заранѣе?—перебилъ его Кулаковскій и подсѣлъ къ Ивану Кириллычу.—Не выгорѣло здѣсь, выгоритъ въ другомъ мѣстѣ, а унывать во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ. Не больно ужъ какая сласть за три цѣлковыхъ въ мѣсяцъ барское добро сторожить. Можно найти дѣло получше. Скажите, молодой человѣкъ, вы собственно какого бы мѣста хотѣли?—обратился онъ къ Ивану Кириллычу, ощупывая его своими острыми, живыми глазками.

— Да я... право не знаю...—пробормоталъ Иванъ Кириллычъ, не подготовленный къ такому быстрому и рѣшительному натиску.

— Ну, все-таки? Напримѣръ, въ конторщики—можете?

— Не могу сказать—не пробовалъ.

— Считаете, пишете хорошо?

— Пишу... Кто его знаетъ какъ... Въ сельской школѣ учился...

„Парень-то, видать, честный, да ужъ больно, кажется, простоватъ... Врядъ ли куда-нибудь годится!“—подумалъ Кулаковскій и продолжалъ:

— Жаль, значитъ, конторщикомъ вы быть не можете. Ну, а если простымъ рабочимъ—этого не желаете?

— Да чтожъ... мнѣ все равно... въ батраки-то идти. Что у васъ, что въ деревнѣ—все одно батрачить. Готовиться въ учителя некогда будетъ.

— Да ужъ это, конечно, некогда. Но, насколько я понялъ Валеріана Дмитріевича, ваша цѣль пока именно уйдти изъ деревни, заработать гдѣ-нибудь на сторонѣ денегъ и потомъ уже готовиться въ учителя. Вѣдь такъ?

„А шутъ меня знаетъ, такъ или не такъ,—я теперь и самъ что-то ничего не разберу!“—подумалъ Иванъ Кириллычъ и тяжко вздохнулъ.

— Такъ-съ! — отвѣчалъ за него Кулаковскій и еще глубже вонзилъ въ своего собесѣдника испытующій взглядъ. — А если такъ, то я съ удовольствіемъ вамъ въ этомъ помогу. Мѣсяца черезъ два мнѣ будутъ нужны рабочіе, и тогда—милости просимъ. Жалованья вы будете получать шестьдесятъ рублей въ годъ, харчи хозяйскіе, жить въ людской избѣ. Харчъ у меня хорошій, я самъ слѣжу за этимъ, и гнилой солонины, затхлаго хлѣба, капусты съ червями вы у меня не увидите. Я люблю, чтобы рабочій былъ сытъ и здоровъ, потому что сытый и здоровый человѣкъ вдвое больше сработаетъ. Но... предупреждаю васъ, что вы будете для меня только простой рабочій и больше никакихъ. Понимаете? Я совершенно забываю, что вы—учитель. Я вамъ буду говорить *ты*. Вы должны будете стоять передо мной безъ шапки и безпрекословно исполнять всѣ мои приказанія. Однимъ словомъ, какъ другіе, такъ и вы: никакихъ привилегій, никакой фамильярности. Потому что мнѣ прежде всего нуженъ рабочій, а не учитель, не компаньонъ и не совѣтникъ, понимаете? Согласны ли вы на такія условія?

Иванъ Кириллычъ былъ совершенно подавленъ. Онъ не зналъ,

что отвѣчать; ему хотѣлось встать и какъ можно скорѣе уйти отъ этихъ острыхъ, холодныхъ глазъ, пронизывающихъ его насквозь, отъ этого маленькаго, самоувѣреннаго человѣчка, каждое слово котораго било его точно молоткомъ по лбу. Душа Ивана Кириллыча замерзала.

IX.

Иванъ Кириллычъ сходитъ со сцены.

Кулаковскій такъ и не дождался отвѣта отъ Ивана Кириллыча, потому что какъ-разъ въ эту минуту появилась Маргарита Андреевна, вся въ ароматахъ, въ кружевахъ, въ шуршащихъ шелковыхъ юбкахъ, и наполнила квартиру Булыжникова запахомъ „trèfle incarnat“, пискомъ, щебетаньемъ и серебристымъ смѣхомъ. Объ Иванѣ Кириллычѣ на время забыли, и онъ уже подумывалъ какъ-нибудь незамѣтно улизнуть, но вдругъ Маргарита Андреевна пошепталась о чемъ-то съ Булыжниковымъ, оглядѣла комнату и, увидѣвъ Ивана Кириллыча, поспѣшно приставила къ глазамъ лорнетъ.

— Вотъ онъ какой!—прошептала она разочарованно, разсматривая бѣднаго епихинскаго учителя.—Представьте, я его совсѣмъ не такимъ воображала. Лицо не интеллигентное... и даже не въ лаптяхъ! Гдѣ же лапти?

Булыжниковъ въ смущеніи взъерошилъ волосы.

— Ну, что же, сдѣлали для него что-нибудь?—продолжала вдова.

Ей разсказали о неудачной попыткѣ Кулаковскаго пристроить Ивана Кириллыча въ ночные сторожа. Маргарита Андреевна пришла въ негодованіе.

— Фу, какая гадость!—воскликнула она.—Это возмутительно... Семенъ Александровичъ, вашъ принципалъ—презрѣнный трусъ, я давно это говорила.

— Не помню, когда вы это говорили,—возразилъ ей Кулаковскій.—Напротивъ, вы такъ восхищались его статьями, а когда я васъ увѣрялъ, что это онъ все вретъ, вы мнѣ чуть голову не откусили.

— Не смѣйте говорить мнѣ дерзости! Ахъ, бѣдный, бѣдный!—она опять приложила лорнетъ къ глазамъ и посмотрѣла на Ивана Кириллыча.—Нѣтъ, онъ ничего... онъ начинаетъ мнѣ нравиться! У него красивые волосы... я очень люблю красивые волосы! Бѣдный!.. Но вы утѣшьтесь, господа: сейчасъ сюда пріѣдетъ

Дмитрій Дмитріевичъ Курандинъ. Ахъ, вотъ человѣкъ! Я у него была, все разсказала, и онъ ужасно сочувствуетъ. Вѣдь вы знаете, онъ самъ такой народникъ! Ему только до пенсіи немного дослужить, и онъ сейчасъ же сядетъ на землю. Это его мечта! Онъ такъ и говоритъ всегда: „сѣсть на землю—это моя мечта“!

— А всетаки прежде пенсію выслужить!—замѣтилъ Кулаковскій.

— Ахъ, Боже мой, безъ этого нельзя! Какъ же безъ средствъ? Вѣдь чтобы сѣсть на землю, прежде всего нужны средства!

Кулаковскій хотѣлъ-было сказать, что̀ нужно для того, чтобы сѣсть на землю, но вспомнилъ, что при дамѣ это будетъ неудобно, и усмѣхнулся. Маргарита Андреевна приняла это на свой счетъ и разсердилась.

— Невѣрующій! Скептикъ! Вы все смѣетесь, для васъ нѣтъ ничего святого. Но я не позволю вамъ смѣяться надъ Дмитріемъ Дмитріевичемъ! Это самый лучшій, самый благороднѣйшій человѣкъ во всемъ городѣ! Я его глубоко уважаю, глубоко преклоняюсь передъ нимъ... Ахъ, да вотъ и онъ!

Въ комнату входилъ новый гость. Это и былъ Дмитрій Дмитріевичъ Курандинъ, честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ во всемъ городѣ. Высокій, довольно тучный, съ розовымъ, безъ всякой растительности, круглымъ лицомъ, съ рѣденькими и тонкими, какъ пухъ, бѣлокурыми волосами, сквозь которые просвѣчивала кожа, съ маленькими прищуренными глазками и толстыми, красными губами, онъ напоминалъ католическихъ монаховъ, какими обыкновенно изображаютъ ихъ художники—гдѣ-нибудь въ прохладномъ погребкѣ, передъ громадными бочками вина: пьяненькихъ, хохочущихъ, забавныхъ... Но это было только наружное сходство: на самомъ дѣлѣ Курандинъ не имѣлъ ничего общаго съ этими веселыми монахами. Онъ велъ жизнь строгую и аскетическую, не пилъ ничего, кромѣ воды и молока, не курилъ, не ѣлъ мяса и любилъ много говорить о вредѣ пиршествъ и о пользѣ воздержанія. Впрочемъ, были люди, которые весьма двусмысленно посмѣивались, когда рѣчь заходила о добродѣтеляхъ Курандина, а въ нѣкоторыхъ вольнодумныхъ кружкахъ даже ходили темные слухи, что Курандинъ въ свое время пожилъ и оченьтаки недурно пожилъ; если же теперь и разыгрываетъ изъ себя постника, то просто потому, что все уже ему пріѣлось—что называется, „не лѣзло въ горло“, да и кондрашки онъ сильно побаивался. Но такое мнѣніе о Курандинѣ существовало только среди немногихъ—главнымъ образомъ среди его подчиненныхъ,

которые почему-то терпѣть его не могли; въ своемъ же кругу Дмитрій Дмитріевичъ пользовался репутаціей безупречно честнаго человѣка и слылъ за яраго народника. По его собственнымъ словамъ, онъ сильно тяготился своей службой и часто съ печальной улыбкой на устахъ говорилъ, что вотъ только бы ему кончить всю эту „ложь", и онъ сейчасъ же пріобрѣтетъ себѣ маленькій клочокъ земли, выстроитъ хату, разведетъ огородъ и будетъ жить трудами рукъ своихъ и въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой. Объ этомъ онъ говорилъ уже лѣтъ пятнадцать, и нѣкоторые его знакомые такъ привыкли къ его вѣчнымъ стремленіямъ „сѣсть на землю", что уже считали это какъ бы совершившимся фактомъ. По крайней мѣрѣ, когда Курандинъ праздновалъ свой двадцатипяти-лѣтній юбилей, на парадномъ обѣдѣ его чествовали не столько какъ чиновника, безпорочно и непостыдно дослужившагося до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, но главнымъ образомъ какъ человѣка, который призванъ посѣять плодотворныя зерна культуры на вспаханной его собственными руками нивѣ. И хотя всѣ очень хорошо знали, что Курандинъ и не пахалъ никогда, да и зеренъ никакихъ у него не было, но это нисколько не мѣшало всеобщему умиленію, и на эту тему было произнесено множество чувствительныхъ рѣчей, которыя обильно поливались слезами и шампанскимъ. А на другой день Дмитрій Дмитріевичъ засѣдалъ, какъ всегда, на своемъ предсѣдательскомъ креслѣ въ контрольной палатѣ и, подписывая бумаги, всѣмъ своимъ грустнымъ и покорнымъ видомъ какъ будто говорилъ: „вотъ погодите, когда я кончу всю эту ложь, я непремѣнно и сейчасъ же сяду на землю..."

Войдя въ кабинетъ Булыжникова, Дмитрій Дмитріевичъ сначала тщательно протеръ надушеннымъ батистовымъ платочкомъ свое пенсне, потомъ вскинулъ его на носъ и тогда только пошелъ со всѣми здороваться, подолгу и какъ-то особенно нѣжно задерживая въ своей рукѣ руки гостей. Когда очередь дошла до Ивана Кириллыча, изнывавшаго отъ тоски въ самомъ темномъ углу комнаты, Булыжниковъ съ особымъ удареніемъ сказалъ:

— А вотъ это, Дмитрій Дмитріевичъ, тотъ самый, который...

— А? Да, да...—вымолвилъ Курандинъ, ласково глядя на Ивана Кириллыча своими узенькими глазками.—Здравствуйте, здравствуйте, молодой человѣкъ... я очень радъ, очень радъ съ вами познакомиться.

Голосъ у него былъ тонкій, сиповатый, и говорилъ онъ немного въ носъ, растягивая слова, что придавало его рѣчи ка-

кую-то особенную слащавость. Иванъ Кириллычъ приподнялся и почтительно пожалъ пухлую генеральскую руку.

— Слышалъ, слышалъ о васъ...—продолжалъ Курандинъ съ большимъ участіемъ.—Хотите быть сельскимъ учителемъ? Святое дѣло!.. Но не увлекайтесь, молодой человѣкъ, не увлекайтесь! Поприще сельскаго учителя благородно и свято, и душа моя наполняется умиленіемъ, когда я представляю себѣ этихъ святыхъ тружениковъ, среди ужасовъ нищеты, въ тѣсныхъ и жалкихъ лачужкахъ, съ самоотверженіемъ и любовью дѣлающихъ великое дѣло просвѣщенія народнаго... Но не отрывайтесь отъ земли, молодой человѣкъ!.. Не уходите въ городъ... Городъ—это язва, разъѣдающая здоровую душу народа, это—могила красоты, какъ сказалъ Джонъ Рёскинъ. Вы счастливы, юноша, своей простой жизнью, своей бѣдностью: я глубоко завидую вамъ. Вы уже осуществили то, о чемъ я только мечтаю; вы—свободный пахарь, а я—жалкій рабъ 20-го числа. Не увлекайтесь же, молодой человѣкъ, и не стремитесь къ матеріальнымъ благамъ и легкой жизни. Пашите, сѣйте хлѣбъ, учите и учитесь, но не мудрствуйте лукаво. Не ищите мудрости, но ищите кротости... И поменьше книгъ—не въ книгахъ счастье, а въ трудѣ. Вашу руку, молодой человѣкъ,—руку свободнаго пахаря!.. О, какъ бы я желалъ быть на вашемъ мѣстѣ!—

И еще разъ крѣпко пожавъ руку Ивана Кириллыча, онъ отошелъ въ сторону и сталъ вытирать душистымъ платочкомъ заслезившіеся отъ волненія глаза. Иванъ Кириллычъ, разинувъ ротъ, смотрѣлъ ему вслѣдъ. У него въ головѣ точно пчелы жужжали; столько всего онъ насмотрѣлся и наслушался сегодня, что, наконецъ, пересталъ понимать самого себя и совершенно забылъ, зачѣмъ онъ здѣсь, и что̀ собственно ему было нужно.

— Ну какъ, Дмитрій Дмитріевичъ?—спросилъ Булыжниковъ, подхватывая Курандина подъ руку.—Что вы скажете объ этомъ юношѣ?

— Прекрасный молодой человѣкъ! Я въ восторгѣ!—съ чувствомъ воскликнулъ Курандинъ.—Какая у него рука!.. Какія плечи!.. Настоящій сынъ Микулы Селяниновича... Отъ него землей пахнетъ... зеленой травкой... цвѣтущей рожью!

„Ну, поѣхалъ!“—съ нетерпѣніемъ подумалъ Булыжниковъ и, еще нѣжнѣе прижавъ къ себѣ руку Курандина, сказалъ вслухъ:

— Я очень радъ, что онъ вамъ понравился. Значитъ, можно разсчитывать, что у васъ въ палатѣ найдется для него подходящее мѣстечко?

— У меня въ палатѣ?—съ удивленіемъ вымолвилъ Курандинъ, и слезы умиленія высохли на его глазахъ.—Почему именно у меня въ палатѣ?

— Но вѣдь Маргарита Андреевна вамъ говорила... Видите ли, ему нужно найти въ городѣ какое-нибудь занятіе, чтобы подготовиться къ экзамену, и я думалъ...

— Не одобряю!—перебилъ его Курандинъ. — Совершенно не одобряю! Пусть ѣдетъ къ себѣ въ деревню и тамъ готовится, а въ городѣ—ни-ни, пальцемъ не шевельну для того, чтобы онъ остался въ городѣ. Это противъ моихъ убѣжденій!

„Чортъ бы тебя подралъ!“—мысленно выругался Булыжниковъ и уже почти съ недоброжелательствомъ поглядѣлъ въ сторону, гдѣ торчала жалкая фигура Ивана Кириллыча.—„Ну что я теперь буду съ нимъ дѣлать? Куда его дѣвать? Ишь, разсѣлся тутъ, какъ бревно, а ты изъ-за него распинайся... Ну ужъ удружилъ Никифоръ Петровичъ, вѣкъ не забуду...“

Иванъ Кириллычъ неожиданно его выручилъ. Онъ уже понялъ, что дѣло его здѣсь окончательно проиграно, и, поймавъ на себѣ недружелюбный взглядъ Булыжникова, подошелъ къ нему.

— Ну, Валеріанъ Дмитричъ... я ужъ пойду...—сказалъ онъ, переминаясь съ ноги на ногу.—Пора ужъ мнѣ.

У Булыжникова точно камень свалился съ сердца.

— Уходите?—почти радостно воскликнулъ онъ, но сейчасъ же, спохватившись, прибавилъ:—Но... куда же вы теперь?

— Да ужъ ко дворамъ... Переночую на постояломъ, а завтра чуть свѣтъ и на чугунку. Не выйдетъ, должно быть, мое дѣло, Валеріанъ Дмитричъ!—прибавилъ онъ со вздохомъ.

Булыжниковъ поглядѣлъ въ его убитое лицо—и почувствовалъ что-то въ родѣ раскаянія и жалости.

— Нѣтъ, нѣтъ... вы не того... вы не отчаявайтесь, голубчикъ!—торопливо заговорилъ онъ, провожая Ивана Кириллыча до передней.—Теперь не вышло, потомъ выйдетъ, я васъ увѣряю! Я сдѣлаю для васъ все, что могу, и если удастся, немедленно извѣщу васъ черезъ Никифора Петровича. Вы надѣйтесь! Не унывайте... Я попробую... у меня тутъ еще есть одна комбинація... Непремѣнно, непремѣнно я васъ устрою!

— Покорно васъ благодарю, Валеріанъ Дмитричъ... Счастливо оставаться!—сказалъ Иванъ Кириллычъ и, нахлобучивъ свою ушастую шапку, вышелъ. Когда его тяжелые шаги затихли на лѣстницѣ, Булыжниковъ съ облегченіемъ вздохнулъ и, уже не чувствуя никакихъ угрызеній совѣсти, вернулся къ гостямъ.

Они сидѣли въ кабинетѣ, который Маргарита Андреевна особенно любила, потому что, по ея словамъ, тамъ даже отъ стѣнъ „пахло геніальностью". Хорошенькая горничная подала чай, и Дмитрій Дмитріевичъ, полулежа на бархатной оттоманкѣ и макая въ свой стаканъ сахарный сухарикъ, говорилъ Маргаритѣ Андреевнѣ:

— Да, да... это противъ моихъ убѣжденій! Посмотрите на этого цвѣтущаго деревенскаго юношу и подумайте, что̀ вы хотите изъ него сдѣлать? Вы хотите отнять его отъ земли... Отъ труда (онъ прихлебнулъ изъ стакана)... отъ простой, здоровой пищи (онъ, смакуя, пососалъ сухарикъ)... Нѣтъ, это преступленіе! Вы его видѣли? Не правда ли, какъ онъ милъ теперь въ своей домотканной рубашкѣ, съ своими кудрями, подстриженными въ скобку, съ своимъ румянцемъ и застѣнчивой улыбкой? А посмотрите, что̀ изъ него будетъ, когда вы перетащите его въ городъ. Да черезъ годъ вы его и не узнаете! Онъ „спинжакъ" надѣнетъ, волосы остирижетъ „подъ польку", цыгарку въ зубы, въ руки гармошку, и когда вы встрѣтитесь съ нимъ на улицѣ, онъ нахально засвищетъ вамъ въ лицо, пожалуй еще толкнетъ, обругаетъ какъ-нибудь... вамъ это нравится?

— Ахъ нѣтъ, это было бы ужасно!—воскликнула Маргарита Андреевна и вся брезгливо содрогнулась, какъ избалованная кошечка, которую погладили противъ шерстки.

— Именно ужасно! — подтвердилъ Курандинъ. — Эти ситуайены, оторванные отъ сохи и вкусившіе гнилого плода цивилизаціи, это—самый отвратительный типъ въ мірѣ. Я ихъ не выношу. По моему мнѣнію, этихъ господъ надо истреблять, какъ вредныхъ насѣкомыхъ, ссылать ихъ куда-нибудь, учредить для нихъ принудительныя работы, а не поощрять и не культивировать ихъ собственными руками, какъ мы это дѣлаемъ на свою собственную погибель.

— Вотъ это правильно!—сказалъ Кулаковскій.—Совершенно согласенъ съ вами, ваше превосходительство! Душить, душить надо этихъ негодяевъ, душить безъ всякаго милосердія, иначе вѣдь они, нахалы этакіе, чего добраго, наше мѣсто займутъ и вмѣсто того, чтобы на насъ работать, потребуютъ себѣ и чаю съ сахаромъ, и сладкихъ пироговъ, и еще, пожалуй... оперетку!

Курандинъ подозрительно покосился на Кулаковскаго, но ничего ему не отвѣтилъ и продолжалъ, обращаясь къ Маргаритѣ Андреевнѣ:

— Нѣтъ, я рѣшительно противъ этого! Пусть этотъ мальчикъ остается такимъ, какъ есть... добрымъ русскимъ мужич-

комъ, въ своихъ липовыхъ лаптяхъ, въ рубахѣ съ ластовицами, въ святой простотѣ и наивности! Пусть онъ пашетъ, коситъ, сѣетъ и ѣстъ, à la sueur de son front, свой простой черный хлѣбъ... Въ этомъ счастье!

— Ахъ, вы правы!—подтвердила Маргарита Андреевна.— Вы всегда правы... слушать васъ—наслажденіе!

— Боже мой!—спохватился вдругъ Булыжниковъ.—Дмитрій Дмитріевичъ, вѣдь вы со сливками пьете? Стеша, что же это вы—дайте сливокъ!

Стеша принесла сливокъ.

— Спасибо, милая,—сказалъ Курандинъ, беря съ подноса сливочникъ, до верху наполненный густыми сливками, и ласково глядя на Стешу.—Да, я теперь всему предпочитаю молоко... Это самый здоровый, самый естественный напитокъ... мы всѣ черезчуръ удалились отъ природы!

И наливъ до краевъ свой стаканъ сливками, онъ прихлебнулъ, почмокалъ своими толстыми губами и снова началъ медленно и тягуче:

— Да... такъ вотъ я и говорю: мы, интеллигенты, дѣлаемъ колоссальную ошибку, отрывая крестьянина отъ земли! Это все равно, что пересадить деревцо изъ лѣса въ сухую и каменистую почву городскихъ мостовыхъ. Тамъ, въ лѣсу, оно цвѣло и зеленѣло, а здѣсь оно захирѣетъ и погибнетъ... если же и останется жить, то приметъ уродливыя формы, оскорбляющія наше зрѣніе...

— Дмитрій Дмитріевичъ, да вы поэтъ!—въ восхищеніи сказала Маргарита Андреевна, всплескивая руками.

— Послушайте, куда вы своего мужичка дѣвали?—спросилъ Кулаковскій, отводя Булыжникова въ сторону.

— Ушелъ!—сказалъ тотъ и махнулъ рукой.

— Да ну? Молодецъ! А мнѣ онъ такимъ разгильдяемъ показался. Нѣтъ, молодецъ, ей Богу... смекнулъ, что отъ насъ ему, какъ отъ козла, ни шерсти, ни молока.

— Почему? Что такое?—съ неудовольствіемъ проговорилъ Булыжниковъ.—Здѣсь къ нему такъ хорошо отнеслись, желали ему добра...

— Ну, знаете, за этакое добро и въ физіономію можно наплевать, это какъ кому!—съ усмѣшкой сказалъ Кулаковскій.

Не смотря на эту маленькую размолвку, вечеръ прошелъ очень весело и закончился ужиномъ, за которымъ, между прочимъ, были съѣдены дичь и кремъ, припрятанные отъ Ивана Кириллыча. Всѣ были очень оживлены и довольны; Марга-

рита Андреевна мило щебетала о положеніи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ; Булыжниковъ говорилъ, что слѣдуетъ почаще собираться вмѣстѣ вотъ такъ, какъ сегодня, и что интеллигенціи давно пора объединиться на какомъ-нибудь общемъ дѣлѣ. А виновникъ этого „объединенія" лежалъ въ это время на грязныхъ нарахъ монастырской ночлежки, и отъ духоты, отъ усталости и неудачъ ему снились страшные сны.

X.

Старый другъ лучше новыхъ двухъ.

Въ тотъ же день, какъ Иванъ Кириллычъ совершалъ свои неудачные визиты къ „сочувствующимъ народникамъ", въ судьбѣ Варвары Бутягиной произошла неожиданная и счастливая перемѣна.

Въ Муравлевкѣ было два священника и, какъ всегда это бываетъ не знаю почему,—и въ жизни, и въ повѣстяхъ,—одинъ священникъ былъ хорошій, а другой—нѣтъ, и поэтому оба были недовольны другъ другомъ и часто ссорились. Впрочемъ въ повѣстяхъ обыкновенно бываетъ такъ, что нехорошій священникъ принадлежитъ къ старому поколѣнію, а хорошій—къ молодому; но такъ какъ мы пишемъ не романъ, а очерки дѣйствительной жизни, то у насъ было совершенно наоборотъ: молодой батюшка былъ нехорошій, а старый—хорошій. Старый батюшка, отецъ Георгій, былъ замѣчательно добрый человѣкъ, хотя немножко робкій и нерѣшительный. Овдовѣвъ очень рано и оставшись съ двумя дѣтьми—дочерью и сыномъ,—онъ какъ-то замкнулся въ себѣ, затихъ, оробѣлъ, да такимъ и остался на всю жизнь. Мужики очень любили своего „папашу Ягорія"., хотя онъ ничего самостоятельно не дѣлалъ для того, чтобы заслужить эту любовь. Онъ просто былъ по-евангельски добръ и кротокъ, никогда никого не притѣснялъ, просящему не отказывалъ и дѣлалъ все это такъ же естественно, какъ свѣтитъ солнце, какъ благоухаетъ цвѣтокъ и поетъ птица. Мужики это чувствовали и безъ стѣсненія несли къ нему всѣ свои затрудненія въ разныхъ случаяхъ жизни. У нихъ даже поговорка на этотъ счетъ сложилась: „у кого бѣда да горе, иди къ попу Ягорью". И дѣйствительно, двери о. Георгія были всегда и для всѣхъ открыты. Онъ и лечилъ по малости, и совѣты юридическіе давалъ, и прошенія писалъ, и все это дѣлалъ совершенно безвозмездно,

ничего не требуя взамѣнъ. Но и крестьяне не оставались у него въ долгу, и когда о. Георгію требовалось что-нибудь „по домашности“, они безъ всякаго зова и напоминанія съ его стороны являлись къ нему „поработаться“ или привозили соломки на топку, убоинки, если рѣзали скотину, и т. д. „Простой у насъ папаша“, говорили они,—„ему не принеси, такъ онъ голодомъ насидится!“ Молодому батюшкѣ, о. Агафонику, это очень не нравилось, и онъ не вѣрилъ въ простоту о. Георгія: ему самому приходилось вести такія жестокія баталіи съ мужиками изъ-за каждаго ковша крупъ или куска свинины, что онъ подозрѣвалъ о. Георгія въ заговорѣ съ муравлевцами и считалъ его необыкновенно хитрымъ политикомъ, чуть не іезуитомъ. На этой почвѣ у нихъ происходили иногда очень непріятныя столкновенія, и хотя о. Георгій по привычкѣ своей больше отмалчивался, но это не только не умиротворяло о. Агафоника, а напротивъ, еще больше распаляло въ немъ зависть и досаду.

Дѣтей, какъ мы сказали, у о. Георгія было двое: сынъ его кончилъ курсъ въ университетѣ и давно уже служилъ земскимъ врачомъ, а дочь кончила епархіальное училище и въ настоящее время училась на Рождественскихъ курсахъ. Звали ее Анночкой, и вотъ эта-то самая Анночка и играла роль судьбы въ жизни Варвары Бутягиной. Когда-то въ дѣтствѣ онѣ были пріятельницами и вмѣстѣ бѣгали по деревенскимъ улицамъ; потомъ Анночка выросла и поступила въ епархіальное училище, а Варька начала франтить и бѣгать по хороводамъ. Это ихъ разъединило, и онѣ охладѣли другъ къ другу. Но когда Варвара остепенилась, Анночка сильно заинтересовалась ея превращеніемъ, и дружба ихъ опять возобновилась. Въ каждомъ письмѣ къ отцу Анночка освѣдомлялась о своей подругѣ, совѣтовала что ей читать, иногда сама присылала книги; въ свою очередь Варька писала Анночкѣ неуклюжія посланія, повѣряла ей свои мечты и надежды и съ нетерпѣніемъ ждала ея пріѣзда на каникулы. Анночка въ ея глазахъ стояла такъ же высоко, какъ и Михаилъ Денисычъ, съ той разницей только, что Михаила Денисыча она уважала и побаивалась, Анночку же любила и нисколько передъ ней не стѣснялась.

На другой день послѣ ухода Ивана Кириллыча въ городъ была закрыта и школа Варвары Бутягиной. Это произошло немножко не такъ, какъ въ Епихиныхъ хуторахъ, но, пожалуй, еще обиднѣе: въ школу явился самъ Михаилъ Денисычъ, объявилъ ученикамъ, что занятія по распоряженію начальства прекращаются и, даже не поздоровавшись съ Варварой, не ска-

завъ ей ни одного ободряющаго слова, приказалъ выносить парты и доску. Варвара стояла ошеломленная, и когда ученики со смѣхомъ и говоромъ подхватили доску и торжественно понесли ее черезъ всю площадь въ земское училище, у Варвары точно сердце оторвалось, и она горько заплакала. Михаилъ Денисычъ поглядѣлъ на нее, и на губахъ его появилась ехидная улыбочка.

— Ну-съ, пожалуйте... здѣсь вамъ больше дѣлать нечего!— сказалъ онъ съ ядовитою вѣжливостью и показалъ ей на дверь.

Отъ этихъ словъ и, особенно, отъ этого жеста у Варвары слезы высохли на глазахъ. Она повернулась къ Михаилу Денисычу, заглянула ему прямо въ лицо и съ ненавистью сказала:

— Чему радуетесь... Эхъ вы!.. А еще учитель...

Отъ неожиданности Михаилъ Денисычъ оторопѣлъ и пока собирался отвѣтить, Варвары уже и слѣдъ простылъ. Съ кислымъ лицомъ вернулся онъ въ училище и цѣлый день ходилъ злой, растерянный и какъ будто побитый. Ему все мерещился презрительный взглядъ Варвары, и онъ чувствовалъ, что слишкомъ далеко зашелъ въ своей ревности и злости. Невольно вспоминалось недавнее прошлое, когда эти самые глаза смотрѣли на него съ наивнымъ довѣріемъ и восторгомъ. И хотѣлось вернуть это прошлое, хотѣлось все заново передѣлать... но было поздно, и было скучно, и было такъ одиноко на душѣ.

Приблизительно то же самое переживала и Варя, возвращаясь домой изъ своей разгромленной школы. Нѣсколько разъ на ходу она принималась плакать; встрѣчные прохожіе съ удивленіемъ на нее смотрѣли. Навѣрное они ничего не знали объ ея горѣ, но ей казалось, что теперь уже все село говоритъ о ней и смѣется надъ ея униженіемъ. Проходя мимо церкви, она увидѣла попову работницу и хотѣла-было проскользнуть мимо, но та замѣтила ее и замахала руками. Варвара остановилась.

— А наша питерская-то пріѣхала!—закричала работница весело.

— Да ну? Когда?—спросила Варвара, и ей тоже стало весело.

— Только сейчасъ. Приходи повидаться-то, она ужъ объ тебѣ спрашивала!

— Ладно, приду.

Когда Варвара пришла домой, Трохимовна сейчасъ же замѣтила ея заплаканные глаза и спросила:

— Ай ты ревѣла? Съ чего это?

— Школу закрыли.

— Вотъ дурища-то, нашла объ чемъ плакать!—насмѣшливо

воскликнула Трохимовна. — Закрыли — и хорошее дѣло; тебѣ-то что? Чѣмъ хвосты трепать, сиди лучше дома. Все тятька-баловникъ; отстегать бы васъ обоихъ хорошенько и съ тятькой-то!

— Про волка разговоръ, а волкъ и самъ на дворъ! Чѣмъ тятька провинился?—спросилъ Михѣй, входя въ избу.

Увидѣвъ отца, Варвара опять немножко всплакнула и разсказала о томъ, какъ закрывали ея школу. Теперь, когда все это уже прошло, поведеніе Михаила Денисыча казалось ей особенно страннымъ. Отчего онъ не прислалъ ей бумагу, какъ Ивану Кириллычу? Просто ему хотѣлось осрамить ее передъ учениками, и онъ нарочно пришелъ самъ, чтобы посмотрѣть, какъ она будетъ плакать, когда ее будутъ выгонять изъ школы.

— И съ чего онъ такъ разсерчалъ? — задумчиво сказалъ Михѣй, посасывая трубочку.—Какой парень былъ смирный; бывало, придетъ въ избу, наговоришься съ нимъ, словно меду наѣшься. А вѣдь вотъ поди ты: испортился!

— Заучился, оттого и испортился! — вмѣшалась Трохимовна.—Грамота—она человѣка ѣстъ, чисто ржа желѣзо! Такъ вотъ и Варюшка наша; говорила тебѣ, Михѣй, на свою голову ты дѣвчонку учишь!

Отецъ съ дочерью переглянулись и тихо улыбнулись. Потомъ Варвара вытерла фартукомъ глаза и сказала другимъ тономъ:

— А знаешь, батя, Анночка попова изъ Питера пріѣхала! Надо къ ней пойтить.

— Это еще зачѣмъ?—заворчала Трохимовна. — Что она тебѣ подружка?

Варвара промолчала, но послѣ обѣда накинула шубенку, покрылась чернымъ платочкомъ и побѣжала къ о. Георгію. Она застала ихъ за чаемъ: Анночка разливала и что-то разсказывала, а батюшка, сіяющій и довольный, расхаживалъ по комнатѣ со стаканомъ въ рукахъ и издавалъ только односложныя восклицанія, поощряя ими дочь къ дальнѣйшему разсказу. Онъ вообще былъ очень молчаливый и сдержанный человѣкъ; за то Анночка, должно быть, вышла не въ него. Худенькая, стройная, съ огромною косой, большими блестящими глазами и нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ, она была страшная хохотушка и, по ея собственнымъ словамъ, такъ любила говорить, что могла выпускать по тысячѣ словъ въ одну секунду. Въ училищѣ и потомъ на курсахъ ее звали „волчкомъ", потому что когда она что-нибудь дѣлала, ходила и говорила—это было какое-то непрерывное мельканіе и звонъ. Но Анночка не ограничивалась одною только болтовней: слова у нея всегда сопровождались дѣйствіемъ, и она

терпѣть не могла „мямлить“. Во всѣхъ дѣтскихъ шалостяхъ она была и зачинщицей, и исполнительницей, и отвѣтчицей; эти же свойства сохранились у нея и теперь. Нерѣшительность была совершенно не въ ея характерѣ, и если Анночка забивала себѣ что-нибудь въ голову, то уже не останавливалась ни передъ чѣмъ, чтобы осуществить задуманное. При этомъ она еще отличалась необыкновеннымъ прямодушіемъ и имѣла очень рѣзкій язычокъ, который часто пускала въ дѣло. За это многіе ее не долюбливали, и въ числѣ ея враговъ былъ между прочимъ и о. Агафоникъ, который за глаза называлъ ее „еретицей“ и послѣ каждой ссоры съ о. Георгіемъ пророчествовалъ, что „Аннѣ Златокудровой не сносить своей головы“.

При входѣ Варвары Анночка вскочила такъ быстро, что чуть было не опрокинула самоваръ, и бросилась цѣловать пріятельницу. Варвара была очень обрадована и смущена такой горячей встрѣчей, но очень сдержанно отвѣтила на поцѣлуи Анночки и, освободившись изъ ея рукъ, подошла къ о. Георгію подъ благословеніе.

— Ахъ ты, монашка! —разсмѣялась Анночка.—Все такая же... и платочекъ черненькій, и ротикъ сердечкомъ, — настоящая мать-Манефа! Ну что, учительствуешь? Садись, разсказывай...

— Да что же разсказывать?—степенно сказала Варвара.—У насъ разсказывать нечего, а вотъ вы лучше про себя разскажите.

— Это что еще за „вы“ такое?—съ сердитымъ изумленіемъ воскликнула Анночка.—Ну ужъ, матушка моя, ты эти фокусы оставь—терпѣть я этого не могу! Я тебѣ не игуменья, чтобы мнѣ „вы“ говорить!

— Да какъ же, Анночка, вѣдь вы теперь питерская...

— Ну, и питерская, такъ что жъ такое? Что же меня въ Питерѣ-то въ генералы что-ли произвели? Какъ была Анночка, такъ и осталась Анночка, и не смѣй меня „выкать“ и чтобы все было по прежнему, а то лучше и не приходи. Чаю хочешь?

И не дожидаясь отвѣта, она быстро налила чашку и подвинула ее къ Варварѣ. Варвара смотрѣла на нее съ восхищеніемъ.

— А ты въ Питерѣ-то и вправду ни чуточки не перемѣнилась!—сказала она.—Вотъ только нешто съ лица сдалась немножко, похудала.

— А, да, да! Есть!—подтвердилъ батюшка и съ нѣжностью посмотрѣлъ на дочь.

— Ну, это ничего! Папаша, пожалуйста не дѣлай страш-

ныхъ глазъ, не люблю! Здѣсь я живо растолстѣю, можете успокоиться. Ну, Варя, разсказывай, разсказывай, что у васъ тутъ дѣлается!

— Да ничего не дѣлается. Вотъ школы наши закрыли.

— Какъ закрыли? А говоришь—ничего нѣтъ... Почему закрыли? Кто? Когда?

Варвара по порядку разсказала все происшедшее, не забыла даже и того, какъ Иванъ Кириллычъ сидѣлъ въ одноглазкѣ, какую бумагу получилъ и какъ отправился въ городъ.

— Вотъ такъ исторіи у васъ!—восклицала взволнованная Анночка.—Значитъ, вы съ Ваней на бобахъ остались, и дѣваться некуда?.. Но каковъ Михаилъ Денисычъ-то, а? Ну, не ожидала я отъ него; ну ужъ и отчитаю же я его! Молодецъ Ваня, что дуракомъ его назвалъ! Къ земскому начальнику жаловаться полѣзъ,—ахъ, ренегатъ этакій, ахъ, подхалюза! Папаша, ты слышишь? Михаилъ Денисычъ-то...

— Кто ихъ тамъ разберетъ!—задумчиво сказалъ о. Георгій.

— Какъ кто разберетъ? Вотъ я разберу. Слушай, Варя, нѣтъ, я просто ушамъ своимъ не вѣрю! Тотъ самый Михаилъ Денисычъ, который намъ про Добролюбова разсказывалъ, про „Грозу“, про Катю Кабанову... Помнишь, бывало, подъ колокольней на бревнахъ мы сидѣли?

Варя очень хорошо помнила и колокольню, и бревна, и задушевные разсказы Михаила Денисыча, и при этомъ воспоминаніи къ горлу у нея снова подступили горячія, злыя слезы. Но она проглотила ихъ и дрожащимъ голосомъ сказала:

— Вотъ вѣдь оттого-то, Анночка, пуще всего мнѣ и обидно, что это Михаилъ Денисычъ сдѣлалъ! Кабы другой какой человѣкъ, такъ и горевать бы нечего... а то вѣдь Михаилъ Денисычъ... вѣдь мы съ Ваней на него, какъ на бога, молились!

Она украдкой вытерла глаза кончикомъ своего чернаго платка и докончила твердымъ голосомъ:

— Ну, да Богъ съ нимъ! Видно, чего потерялъ, того не воротишь! Былъ Михаилъ Денисычъ, а теперь нѣту... теперь объ немъ, какъ объ упокойникѣ, молиться надо!

— Хорошо! Вотъ это хорошо сказано!—похвалилъ о. Георгій.

— Э, папаша, ничего хорошаго нѣту!—съ нетерпѣніемъ сказала Анночка.—Этакъ если за всѣхъ подлецовъ молиться, ихъ столько разведется, что и житья не будетъ! Нѣтъ, по моему, за покойниковъ молись, а съ живыми борись, вотъ какъ надо! Выдумали тоже: покойникъ! Покойники никому зла не дѣлаютъ, а

вашъ Михаилъ Денисычъ вонъ какія штуки выкидываетъ, значитъ, живъ-живехонекъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, Анночка... ты не спорь!—возразилъ о. Георгій.—Варвара... она глубокое слово сказала... у-у, какое глубокое! Не живъ онъ... то-есть тѣломъ живъ, а духъ въ немъ мертвъ... понимаешь—духъ...

— Какой тамъ духъ... все это, папаша, одна метафизика! И кромѣ того, о. Георгій, позвольте вамъ замѣтить — вы проповѣдуете ересь; хорошо еще, что Агафоникъ далеко и ничего не слышитъ. Вы говорите: духъ мертвъ! Какъ такъ мертвъ? Духъ-то? Вѣдь онъ безсмертенъ! Духъ живетъ вѣчно; онъ былъ, когда и насъ съ вами еще не было,—вы забыли, о. Георгій? „И духъ носился надъ водами"...

— Ну, занеслась, затрещала!.. — съ улыбкой произнесъ о. Георгій и махнулъ рукой.

Дверь пріотворилась, и въ нее просунулась веселая, рябая физіономія работницы.

— Папаша!—таинственно позвала она.—Тамъ къ тебѣ Кубариха пришла.

— А? Кубариха? Которая?

— О, Господи, да энта, которая дитё-то надысь родила! Пупочекъ у него чего-й-то гноится!

— А, да, да... знаю! Сейчасъ, сейчасъ!—сказалъ о. Георгій и поспѣшно вышелъ.

— Милый мой батя, онъ ужъ, кажется, акушерить здѣсь началъ!—воскликнула Анночка.—Охъ, скорѣй бы ужъ мнѣ выучиться, а то время идетъ, идетъ, а я все еще ничего не знаю, ничего не дѣлаю!..

— А много еще осталось?—спросила Варвара.

— Три года, матушка моя, три года! Ну, да я-то ужъ какъ-ни-какъ на дорогѣ, а вотъ что мы съ тобой-то, Варя, будемъ дѣлать, а?

— Да что дѣлать, я ужъ и не знаю! — печально проговорила Варвара.—Должно, за прялку опять приниматься надо, чего же еще? Нашего брата не очень-то, значитъ, уважаютъ, ходу не даютъ! Не лѣзь, стало быть, съ суконнымъ рыломъ, да въ калашный рядъ...

— Ну ужъ нѣтъ! Это мы еще увидимъ... Постой, Варя, ты носа-то не вѣшай! Я не я буду, если тебя въ учительницы не выведу! Пряхъ-то, матушка моя, въ деревнѣ много, да учить-то ихъ некому, вотъ въ чемъ наша бѣда деревенская! Конечно, это *имъ* на руку, я это очень хорошо знаю; *они* этого и хотятъ,

чтобы мужикъ весь свой вѣкъ въ грязи сидѣлъ, но извините пожалуйста, это *имъ* не удастся...

Кто были эти таинственные *они* — Анночка и сама хорошенько не знала, но при живости своего воображенія она сейчасъ же представила себѣ, что тамъ гдѣ-то сидятъ какіе-то невѣдомые враги, которые только и думаютъ о томъ, чтобы помѣшать Варюхѣ Бутягиной сдѣлаться учительницей. И воинственная Анночкина душа уже заранѣе пламенѣла желаніемъ вступить съ этими врагами въ бой.

— Да, это мы еще посмотримъ! — продолжала она, перемывая посуду съ такой энергіей, что ложки и стаканы такъ и дребезжали въ ея рукахъ.—Это еще мы увидимъ—кто кого! *Они* желаютъ, чтобы мужичокъ грамотѣ не зналъ, они мужичка изъ школы выгоняютъ,—отлично, пусть! А мы вотъ на это не поглядимъ, да по своему и сдѣлаемъ,—вотъ вамъ и все.

— Что сдѣлаемъ-то?—спросила Варвара, усмѣхаясь.

— А ужъ я знаю что! Ты, Варя, не безпокойся, твое дѣло не пропащее. Есть у меня въ городѣ одинъ человѣчекъ знакомый,—вотъ я ему нынче же письмо напишу, а черезъ недѣлю, Варвара, укладывай свои пожитки, ты сама въ городъ поѣдешь.

— Какъ въ городъ? Зачѣмъ? — растерянно проговорила Варвара.

— Вотъ тебѣ и разъ—да учиться! Къ будущей веснѣ настоящей учительницей будешь, и дадутъ тебѣ настоящую земскую школу. Тогда ужъ извините, никакой Михаилъ Денисычъ ничего съ тобою не подѣлаетъ.

Варвара поблѣднѣла, потомъ покраснѣла, схватилась за голову и засмѣялась.

— О, Господи!—прошептала она.—Ажно голова закружилась... Анночка, да что же это, правду ты говоришь, аль нѣтъ?

— Ну ужъ, матушка, я сроду не врала! — отозвалась Анночка.—Слава Богу, мы съ тобой не первый день знакомы,—когда же я тебя обманывала?

Варвара поднялась, глубоко вздохнула, точно у нея съ плечъ сняли тяжкую ношу и, приблизившись къ Анночкѣ, съ робкой нѣжностью поцѣловала ее въ розовую щеку.

— Анночка, милая ты моя...—вымолвила она, запинаясь отъ волненія.—Сказала бы я тебѣ, да не умѣю... Вѣдь ты меня... вѣдь еслибы я... да ты, небось, и сама знаешь!.. Ишь вѣдь языкъ-то какой у меня глупый,—чего надо, ни за что не скажетъ!—прибавила она съ застѣнчивой улыбкой.

— Да потому что и говорить ему сейчасъ нечего!—сказала Анночка.—Давай-ка вотъ лучше посуду въ шкафъ поставимъ.

— А что если я и тамъ этакъ буду?—озабоченно вымолвила Варвара.—Страшно мнѣ что-то, Анночка... ну какъ вдругъ я тамъ никуда не гожусь?

— Э, глупости! Пошла теперь перебирать—то да се, тпру да ну... терпѣть этого не могу! Нечего заранѣе придумывать; придетъ время, все само собой устроится. А покуда сиди и жди, да знай себѣ — помалкивай, а то, не дай Богъ, Трохимовна узнаетъ, она меня загодя поѣдомъ заѣстъ. А, скажетъ, это все Анютка попова-овца верченая, выдумала! Помнишь, какъ она меня хворостиной отъ своего двора гоняла? Кричитъ, бывало, на всю улицу: „ну, погоди, верченая овца, я не погляжу, что ты попова дочка,—я тебѣ всѣ косы оболтаю“!.. Ухъ, и сердитая была!—со смѣхомъ закончила Анночка.

— Да она и сейчасъ такая же,—сказала Варвара и вздохнула.—Житье-то ей, Анночка, плохое! Я вотъ тоже иной разъ разсерчаю на нее, когда она ужъ очень разворчится, а потомъ погляжу-погляжу, да и жалко станетъ.

— Ну, конечно, жалко!—согласилась Анночка. — Одиннадцать дѣтей родить, да изъ нихъ шесть похоронить — это вѣдь не шуточка! Хуже нѣтъ бабьяго житья—этакая тьма-тьмущая, прямо вѣдь ни зги не видно! Съ мужикомъ еще можно какъ-нибудь столковаться, ну а ужъ съ бабой—ни за что, я пробовала! Говоришь съ ней, она будто и слушаетъ, а отвернись— она все по своему сдѣлаетъ.

— Учить было некому... — какъ бы извиняясь за бабъ, проговорила Варвара.

— Ну, вотъ ты теперь будешь учить. Эхъ, Варюха!— воскликнула Анночка и, схвативъ подругу за плечи, начала ее тормошить. — Кабы намъ побольше этакихъ, какъ ты, вотъ бы мы армію-то двинули!

Варвара не успѣла возразить, потому что вернулся о. Георгій и съ разстроеннымъ лицомъ обратился къ дочери.

— Вотъ вѣдь глупая-то какая, а? Этакая глупая баба, что надѣлала! Ты послушай, Анночка: далъ я ей примочки для ребенка, а она возьми, да привяжи вмѣсто нея какую-то наговоренную нитку! Что же ты думаешь, вѣдь у ребенка-то, пожалуй, антоновъ огонь, а? Почернѣло все и запахъ такой... нехорошій запахъ! Послалъ ее къ доктору, да забылъ записку написать, а вѣдь она безъ записки-то не пойдетъ. Ребенка жалко... этакій ребеночекъ славный... Надо записку!

Онъ ушелъ писать записку, и подруги снова остались однѣ.

— Да, вотъ тебѣ и армія! — задумчиво сказала Анночка, прохаживаясь по комнатѣ.—Покуда мы ее соберемъ, да въ эту тьму-то-тьмущую двинемъ — сколько вотъ этакихъ славныхъ ребеночковъ на тотъ свѣтъ отправится! Ну, а все-таки лучше вѣрить, чѣмъ не вѣрить! Умремъ или побѣдимъ... правда, Варюха? „Побѣда! Побѣда!" —запѣла она вдругъ изъ „Руслана и Людмилы" и сейчасъ же сама себя остановила, приложивъ палецъ къ губамъ.—Фу, что это я, совсѣмъ съ ума сошла... великій постъ, а я ору... Папа огорчится! Вотъ на Святой соберемся опять подъ колокольней, тамъ ужъ я себѣ душу отведу. Напоемся мы съ Валентинычемъ! А кстати, какъ вся наша колокольная компанія поживаетъ? Валентинычъ—живъ? А Ѳомка-косорукій?

— Ѳомка ничего, все рисуетъ, а вотъ съ Валентинычемъ несчастье: глазъ себѣ прострѣлилъ?

— Что ты? Какъ прострѣлилъ?

— Да спьяну, должно быть. Передъ масляницей пошелъ волковъ стрѣлять на гумно, да вмѣсто волка себѣ въ глазъ попалъ. Въ городъ, въ больницу возили, цѣлый мѣсяцъ лежалъ, ну, ничего не помогло. Глазъ вынули, а на мѣсто его стеклянный вставили. Теперь его мужики одноглазымъ дразнятъ.

— Экій дуракъ какой!—сердито сказала Анночка.—И все пьетъ?

— Какъ изъ города вернулся, еще пуще началъ пить. Недавно попу Агафонику всѣ окна переколотилъ, Агафоникъ на него жаловаться хочетъ.

— А папаша мнѣ и не писалъ ничего! Ну, милые мои, скверно у васъ что-то въ деревнѣ! Валентинычъ спился, Михаилъ Денисычъ въ подлости ударился, школы ваши позакрыли... плохо! Какъ я сюда рвалась изъ Петербурга... прямо, точно въ рай! А пріѣхала... и радости никакой нѣтъ. Но погодите, я васъ всѣхъ къ рукамъ приберу! Распустились вы тутъ безъ меня, раскисли,—я васъ подтяну, голубчики!..

Она долго еще кипятилась и угрожала перевернуть вверхъ дномъ всю Муравлевку, а Варвара сидѣла, слушала, и что-то доброе, сильное, смѣлое вливалось въ ея душу, точно живая вода въ сказкахъ. Ушла она отъ Анночки совершенно успокоенная и радостная. Она вѣрила, что ужъ если Анночка за что нибудь взялась, то такъ и будетъ.

XI.

Иванъ Кириллычъ опять дома.

Варвара начала уже безпокоиться объ Иванѣ Кириллычѣ, когда на третій день къ вечеру на Муравлевскомъ „планту" снова показалась его печальная фигура, въ томъ же кожухѣ съ таліей подъ мышками, въ той же ушастой шапкѣ и съ бадикомъ въ рукѣ. Шествовалъ онъ далеко не такъ увѣренно, какъ три дня тому назадъ, и во всѣхъ его движеніяхъ, въ опущенной долу головѣ, въ колеблющейся походкѣ чувствовались глубокое уныніе и усталость. Онъ даже весь осунулся, точно послѣ тяжкой болѣзни; щеки его ввалились, глаза потухли. Варя, давно уже поджидавшая его на крыльцѣ, первая замѣтила знакомый кожухъ и ушастую шапку и перехватила Ивана Кириллыча между своимъ дворомъ и его воротами.

— Ну что, Ваня?—спросила она торопливо.

Иванъ Кириллычъ безнадежно махнулъ рукой. По одному этому движенію Варвара поняла, что всѣ ихъ планы рухнули.

— Плохо наше дѣло! — сказала она. — И здорово же ты раскисъ!

— Да!.. — отвѣчалъ Иванъ Кириллычъ кисло и даже немножко враждебно. — Хорошо тебѣ тутъ сидѣть-то... попробовала бы сама!

Варварѣ стало его жаль и захотѣлось чѣмъ-нибудь утѣшить.

— А знаешь, Ваня, Анночка-то пріѣхала!—весело сообщила она.

Иванъ Кириллычъ очень любилъ и уважалъ Анночку, но теперь, послѣ удручающихъ городскихъ впечатлѣній, онъ даже и къ ней потерялъ довѣріе, и поэтому Варины слова не произвели на него никакого впечатлѣнія.

— Пріѣхала?—равнодушно сказалъ онъ.—Ну такъ что-жъ!

— Какъ „что-жъ"? Она объ тебѣ спрашивала и безпремѣнно просила къ ней придти, когда изъ города вернешься.

— Нечего тамъ у ней дѣлать-то!.. — пробурчалъ Иванъ Кириллычъ.

Варвара посмотрѣла на него и покачала головой.

— Ну, съ тобой, видно, сейчасъ не сговоришь! Поди домой, прочухайся хорошенько, а потомъ къ батюшкѣ приходи. Тамъ потолкуемъ. Я тебѣ хорошую штуку скажу!

Но Ивану Кириллычу казалось, что теперь для него уже

никакихъ хорошихъ штукъ не можетъ быть на свѣтѣ, и онъ, какъ пришибленный, побрелъ домой. Онъ чувствовалъ себя такимъ униженнымъ и такъ глубоко былъ оскорбленъ въ своемъ достоинствѣ, что даже самому себѣ представлялся ничтожнымъ, жалкимъ, никому ненужнымъ человѣчишкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто онъ такой? Мужичишка, темный деревенскій парень, котораго всякій можетъ толкнуть въ спину, сказать: „пошелъ вонъ, скотина!“—взять за шиворотъ и посадить въ одноглазку, наконецъ завтра же разложить и выдрать въ волостномъ... И этакое-то ничтожество полѣзло къ господамъ и вбило себѣ въ башку, что такъ вотъ его сейчасъ и посадятъ рядомъ съ собой, какъ равнаго, и будутъ съ нимъ обращаться какъ съ человѣкомъ... Иванъ Кириллычъ никогда еще такъ ясно не представлялъ себѣ, какая глубокая пропасть лежитъ между нимъ и этими великолѣпными господами, которые смотрѣли на него свысока и читали ему разныя нотаціи, какъ надо себя держать и что̀ дѣлать. Особенно Ивану Кириллычу врѣзались въ память насмѣшливые глазки господина, который нанималъ его въ рабочіе, и сладкій голосъ Курандина, совѣтовавшаго ему возвращаться въ деревню и пахать. А эта барыня даже въ лорнетку его разсматривала, точно онъ какое-то чудище заморское!.. Небось, еслибы тотъ же Михаилъ Денисычъ былъ на его мѣстѣ — ему бы нотацій не читали и въ ночные сторожа его бы не посылали, а вотъ Ивана Кириллыча такъ посылали, и издѣвались надъ нимъ всячески, и онъ все это выслушивалъ, какъ дуракъ, и только глазами хлопалъ. Теперь онъ отлично понималъ, какого дурака разыгралъ у Булыжникова, и жгучій стыдъ, обида, злость ѣли его нутро. Ему даже стыднѣе было теперь, чѣмъ тогда, когда земскій начальникъ топалъ на него ногами и совалъ въ носъ какую-то бумагу. Земскій начальникъ—такъ онъ и есть земскій начальникъ, и ждать отъ него больше нечего, потому что онъ уже привыкъ считать мужика немножечко получше свиньи. А вѣдь *тѣ*—совсѣмъ другое; къ тѣмъ Иванъ Кириллычъ шелъ съ довѣріемъ, съ надеждой, съ открытой душой, и они такъ унизили его и оплевали. Эхъ, дуракъ, дуракъ, и зачѣмъ только онъ ходилъ въ городъ! Все Варька выдумала... Сама, небось, не пошла, его послала, вотъ теперь и раздѣлывайся. Иванъ Кириллычъ былъ такъ убитъ своими приключеніями въ городѣ, что на обратномъ пути даже къ Никифору Петровичу не заходилъ. Все теперь представлялось ему въ черномъ свѣтѣ и всѣ люди казались одинаковыми. Что тамъ ни говори, а баринъ такъ бариномъ всегда и останется, и ни съ какой стороны его къ мужику не прилѣпишь, — все будетъ

видно, что оба изъ разнаго тѣста сдѣланы. Вотъ и выходитъ опять, что деревенскія бабы правду говорятъ: „сколько въ воду масла ни лей, оно все поверху плавать будетъ...“

Съ этими мрачными мыслями Иванъ Кириллычъ вступилъ подъ крышу родной избы и заранѣе приготовился къ домашней бурѣ. Но сверхъ всякаго ожиданія его встрѣтили безъ обычной ругани, а мать даже собрала ему пообѣдать и достала чистую рубаху перемѣниться. Такой ласковый пріемъ подѣйствовалъ на Ивана Кириллыча ободряюще, а когда онъ въ первый разъ за всѣ эти три дня поѣлъ и отдохнулъ какъ слѣдуетъ, міръ показался ему уже не такимъ чернымъ, и розовая вечерняя заря, пылавшая на небѣ, возбудила въ немъ такія же розовыя чувства. „А надо вѣдь къ Анночкѣ пойти!“—подумалъ онъ, и ему стало весело при мысли о хорошенькой поповнѣ, съ которой они когда-то въ дѣтствѣ играли въ „кашу“ и разсказывали сказки, сидя на бревнѣ подъ колокольней.

О. Георгій былъ у вечерни и Анночка сидѣла дома одна. Она встрѣтила Ивана Кириллыча съ шумной радостью, сейчасъ же усадила его за самоваръ, налила ему чаю и принялась разспрашивать о городѣ. Потомъ пришла Варвара, и когда они всѣ втроемъ усѣлись вокругъ чайнаго стола, въ уютномъ поповскомъ домикѣ, Иванъ Кириллычъ снова ожилъ, отогрѣлся и почувствовалъ себя уже не чудищемъ заморскимъ, а человѣкомъ. Языкъ у него развязался, руки уже не висѣли, какъ ненужныя тряпки, и когда онъ разсказывалъ о своихъ городскихъ похожденіяхъ, у него все это выходило и остроумно, и занимательно. Варвара, Анночка и онъ самъ хохотали до слезъ надъ его разсказами, но потомъ, нахохотавшись вдоволь, всѣ трое вдругъ призадумались, а Варя угрюмо насупилась.

Первая заговорила Анночка.

— Ну ужъ гадины, такъ гадины! — воскликнула она, вскакивая и мелькая по комнатѣ.— Ну, я бы на твоемъ мѣстѣ, Ваня, ихъ отдѣлала! Ужъ такъ бы отдѣлала, что они и до сихъ поръ бы это чувствовали. Да что, ты мямля! Разнюнился, небось, и слюни распустилъ... Ахъ, отцы! Ахъ, благодѣтели! Хороши благодѣтели: человѣкъ учиться хочетъ, а они его въ сторожа... И какъ это ты утерпѣлъ, какъ это ты ихъ всѣхъ къ чорту не послалъ за это?

Иванъ Кириллычъ сталъ оправдываться.

— Да вѣдь кто же ихъ зналъ-то? Вѣдь этотъ господинъ Булыжниковъ сначала ко мнѣ съ такимъ вниманіемъ... Ну я и повѣрилъ сдуру, а вышла одна насмѣшка... Чѣмъ же я виноватъ? Ты въ городѣ жила, ты, Анночка, ихъ знаешь, а вѣдь я сроду

и не видалъ, какіе-такіе господа бываютъ. Мнѣ что ни попъ, то и батька!

— Ну, и попы тоже вѣдь разные бываютъ,—вонъ мой батя и Агафоникъ. А это ужъ твое счастье такое, что ты на этакихъ господъ налетѣлъ. Булыжникова-то я знаю, слыхала про него, болтунъ извѣстный, что ни слово скажетъ, то совретъ! Его такъ и въ городѣ зовутъ: звонарь съ пустой колокольни! Ну, а про этого, про другого-то что-то не слыхала. Толстый, ты говоришь? Мягкій? Ну, и видать, что мягко стелетъ, да жестко спать! И третьяго тоже не знаю, кто онъ такой. Ты хоть бы фамиліи-то ихнія запомнилъ.

— Да шутъ ихъ разберетъ... они какъ всѣ на меня насѣли, я и свою-то фамилію забылъ. Одинъ съ одного боку, другой съ другого,—пекли-пекли, я ужъ думалъ, что и живой не выйду. А тутъ еще барыня въ четыре глаза смотритъ... ну, прямо хоть караулъ кричи, ей-Богу! Нечаянно посмотрѣлъ на себя въ зеркало, такъ даже не узналъ—не то я, не то не я. Рыло красное, глаза полоумные, ротъ во всѣ стороны разъѣхался... страмотища! Не даромъ она на меня уставилась—небось, сроду этакихъ дурней не видывала!

— А ея фамилія какъ? Не помнишь?—спросила Анночка.

— Да я и не зналъ. Называли ее какъ-то при мнѣ... мудреное такое имя—въ родѣ Маргариты.

— Стой, стой, стой!.. Маргарита Андреевна! Киндѣева! Знаю, знаю, у нея одна моя подруга, епархіалка, въ компаньонкахъ лѣтомъ живетъ. Какъ же, помню ее, видала! Либералка такая, и все охаетъ: „Ахъ, народъ! Ахъ, мужичокъ! Ахъ, голодающіе!..“ А придетъ къ ней нищенка—она ей старую кофту отдастъ, да и то сначала пуговицы отпоретъ,—самой пригодятся. Жадная до смерти! И все притворяется: сама цѣлый день на кушеткѣ лежитъ, конфекты ѣстъ да романы читаетъ, а моей подругѣ, бывало, всѣ глаза протычетъ: „работать, моя милая, надо, работать—человѣкъ созданъ для труда“!.. Лицемѣрка ужасная. Ну ужъ и влетѣлъ ты, батюшка мой, нечего сказать, повезло тебѣ!

— Да, Анна Егоровна,—со вздохомъ сказалъ Иванъ Кириллычъ.—Вотъ какія мои похожденія!

— Очень глупыя! Нашелъ куда соваться—къ Маргаритѣ Андреевнѣ! Ты бы еще къ губернаторшѣ разскакался, тебя бы оттуда еще не такъ выставили. Нѣтъ, вотъ ужъ съ Варварой этого не случится! Варюха, да что ты на меня быкомъ смотришь?

— Страшно въ городъ ѣхать,—угрюмо вымолвила Вар-

вара.—Ишь, тамъ какъ нашего брата-то принимаютъ... словно мы обезьяны!

— Ну, это Ивана Кириллыча такъ принимали, а съ тобой другой разговоръ будетъ. Да ты что, или мнѣ не вѣришь? А? Это что за новости такія? Гляди мнѣ въ глаза сейчасъ!

Варвара посмотрѣла на Анночку и улыбнулась.

— Ну, то-то! Чтобы я этакихъ кислыхъ рожъ у тебя больше не видала. Знаешь ты меня, Варя: что̀ я сказала, то и будетъ. А я что сказала? Черезъ недѣлю укладывай свои пожитки, въ городъ поѣдешь.

— А я-то какъ же останусь?—сказалъ Иванъ Кириллычъ, изумленный и опечаленный.

Варвара и Анночка взглянули на него, и имъ стало его жаль.

— Ну, что же дѣлать, Ваня, ужъ придется тебѣ подождать,— сказала Анночка въ раздумьѣ.—Сразу васъ обоихъ я не могу въ городѣ пристроить. Можетъ-быть, потомъ какъ-нибудь... Да ты что? Никакъ ужъ раскисъ?

— Да вѣдь какъ же, Анночка... вѣдь одинъ я останусь... Совсѣмъ пропаду... Только на кулачкахъ драться останется.

— Глупости! Объ кулачкахъ ты и думать не смѣй. Зачѣмъ пропадать? Мы тебѣ будемъ письма писать, я книгъ пришлю. Читай побольше, а тамъ видно будетъ. Да и какъ это ты одинъ останешься? А Ѳомка-то косорукій?

— Ѳомка тоже въ городъ собирается. Тамъ, говорятъ, есть училище такое, гдѣ рисовать задаромъ учатъ, вотъ онъ и наладилъ туда идти. Разбредутся всѣ, а мнѣ, стало-быть, крышка... Ишь ты вѣдь, какъ сразу все перевернулось: и школы нѣтъ, и ничего нѣтъ... Остается одно—въ батраки наниматься!

Ни Анночка, ни Варя ничего не могли сказать ему въ утѣшеніе. И всѣ трое грустно задумались въ грустной тишинѣ умирающаго дня.

В. І. Дмитріева.

ПРОБУЖДЕНІЕ

Какая боль вѣковъ въ одномъ мгновеньѣ,
Когда въ душѣ моей подъемлютъ споръ
Сонъ, тихо умирающій, и бдѣнье.
Какъ скорбенъ ихъ безсловный разговоръ.

Я никогда еще не пробуждался
Съ сознаніемъ блаженнымъ: я живу.
Послѣдній сонъ мнѣ на душу спускался,
Какъ злой туманъ на блеклую траву.

А тамъ, въ душѣ, далеко отъ сознанья,
Прекрасенъ, тихъ, невиненъ и жестокъ,
Скрывая дрожь и радость прозябанья,
Таился смерти дремлющій цвѣтокъ.

Какая боль вѣковъ въ одномъ мгновеньѣ,
И голосъ мой дрожалъ, въ слезахъ звеня;
„О, подожди, земное пробужденье,
О, встань, заря таинственнаго дня!“

П. Соловьева.

КАКЪ РОСЛА МОЯ ВѢРА

Отрывки изъ автобіографіи *).

(Окончаніе.)

VIII.

Съ аттестатомъ зрѣлости въ карманѣ я пріѣхалъ изъ Пскова въ Казань, разсчитывая поступить тамъ на историко-филологическій факультетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ былъ занять первенствующее положеніе въ веденіи отцовскихъ дѣлъ.

Но прошло нѣсколько недѣль—и я убѣдился, что мы съ отцомъ вмѣстѣ ужиться не можемъ. Мы разно понимали жизнь и людей и оба отличались большой стойкостью взглядовъ. И я рѣшилъ опять уѣхать въ Петербургъ, чтобы идти своей дорогой.

Отецъ ни за что не хотѣлъ отпускать меня, я ни за что не хотѣлъ остаться. Но я не просилъ у него теперь никакихъ средствъ къ существованію; я взялъ заимообразно двадцать пять рублей у двоюроднаго брата и съ этими деньгами поѣхалъ въ Петербургъ. Я былъ молодъ, я хотѣлъ доказать, что обойдусь теперь безъ посторонней помощи, и, конечно, всего менѣе думалъ о помощи Божіей. У меня были золотые часы съ цѣпочкой: я ихъ заложилъ тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ за пятьдесятъ рублей и изъ нихъ сорокъ запечаталъ въ конвертъ, чтобы сохранить ихъ нетронутыми для взноса въ университетъ за слушаніе лекцій, десять рублей заплатилъ за мѣсяцъ впередъ

*) См. ноябрь, стр. 104.

за меблированную комнату, а оставшіеся еще рубли отъ взятыхъ на дорогу заплатилъ за газетныя объявленія о томъ, что ищу уроковъ. И затѣмъ—голодалъ.

Я уже три дня не обѣдалъ, когда по счастливой случайности получилъ мѣсто репетитора въ очень хорошей семьѣ, съ полнымъ пансіономъ и всего съ семью рублями въ мѣсяцъ жалованья: мнѣ предложили то, что получалъ мой предшественникъ. Я былъ на седьмомъ небѣ, я считалъ себя совершенно обезпеченнымъ.

Разныя соображенія заставили меня въ то время измѣнить мое первоначальное намѣреніе поступить на историко-филологическій факультетъ. Я поступилъ въ Технологическій. Эта зима была для меня суровой школой жизни и работы.

Какъ нѣкогда латинскій языкъ, такъ теперь увлекала меня математика,—увлекала своей отвлеченностью, стройностью, незыблемостью формулъ. Знакомство съ высшими отдѣлами математики открывало мнѣ путь къ небу, сближало меня съ міромъ хотя и видимымъ, но недосягаемымъ. Я какъ будто чувствовалъ, что, только изощряя умъ въ отвлеченныхъ выводахъ математическихъ теорій, и только измѣряя повидимому неизмѣримыя міровыя пространства, можно постичь все величіе того Невѣдомаго, кому имя можетъ быть *Богъ*. Какъ это всегда со мной бывало—ближайшее, практическое интересовало меня меньше, чѣмъ далекое, отвлеченное, ненужное. Меня охватила страсть къ астрономіи. Въ Технологическомъ не преподавали ея, и я всѣ свободные часы, какими могъ располагать, проводилъ въ Публичной библіотекѣ, перечитывая „Космосъ“ Гумбольдта, поверхностно мнѣ знакомый уже съ дѣтства, и читая вновь—какъ вѣрующій читалъ бы Евангеліе—„Mécanique céleste“ Лапласа. Я не читалъ въ этой „небесной поэмѣ“ всего по порядку, не читалъ многихъ подробностей, имѣвшихъ спеціально научный характеръ,—я читалъ избранныя мѣста, то, что меня захватывало, какъ великая повѣсть о жизни вѣчныхъ свѣтилъ. Я находилъ въ этомъ удовлетвореніе тому чувству, которое охватило меня еще въ Псковѣ, когда я готовился къ послѣднему гимназическому экзамену и былъ увлеченъ космографіей. Космографія и тригонометрія открыли мнѣ уже тогда тѣ тайны, съ помощью которыхъ человѣкъ получаетъ о жизни неба такія же свѣдѣнія, какъ о томъ, что совершается на землѣ. Въ дѣтскіе годы, когда я читалъ Бюхнера и отвергалъ Бога, я принималъ науку еще только на вѣру. Тогда я тому, что говорятъ ученые, долженъ былъ довѣрять такъ же слѣпо, какъ вѣрующіе въ священное

писаніе довѣряютъ тѣмъ пророкамъ и апостоламъ, которые говорятъ о бывшемъ имъ божественномъ откровеніи. Теперь я зналъ, что точность вычисленія разстояній между звѣздами несомнѣнна, и что я самъ, при помощи данныхъ инструментовъ, могу измѣрить эти разстоянія такъ же точно, какъ величину моего стола и лежащей на немъ книги. Чрезъ спектральный анализъ я зналъ, что я дѣйствительно могу опредѣлить, какіе металлы находятся въ расплавленной массѣ солнца. Я зналъ, кромѣ того, что это далеко еще не все, что человѣчество можетъ знать и рано или поздно узнаетъ, и что откровеніе, которое нисходитъ на людей науки, отличается отъ откровенія богослововъ и пророковъ тѣмъ, что однажды открывшаяся научная истина становится доступной, осязательной для всѣхъ: каждый можетъ ее *провѣрить*. И я былъ страшно гордъ этимъ.

Въ числѣ предметовъ, преподававшихся въ Технологическомъ, было и богословіе. Какъ добросовѣстный студентъ, пошелъ на одну лекцію и я. Я былъ тамъ въ числѣ тѣхъ десяти человѣкъ, которые изъ нѣскольких сотъ первокурсниковъ заглядывали туда иногда изъ любопытства. Но послѣ этой единственной лекціи я уже всѣ часы богословія отдавалъ какимъ-нибудь другимъ занятіямъ. И худо ли это, хорошо ли—не сужу, но долженъ сознаться, что я и посейчасъ не знаю, въ чемъ состоитъ богословіе, которое преподается въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Я только хорошо помню, что никто изъ знакомыхъ мнѣ товарищей по курсу не интересовался ни этимъ богословіемъ, ни религіозными вопросами вообще. И когда я, просидѣвъ, бывало, въ Публичной библіотекѣ два-три часа за „Mécanique céleste“, выходилъ оттуда въ такомъ возвышенномъ настроеніи, точно я провелъ это время въ молитвѣ, въ храмѣ, мнѣ не съ кѣмъ было подѣлиться этимъ настроеніемъ,—я переживалъ его одинъ.

Но если самое это настроеніе я могу назвать религіознымъ, то слова: *нашъ* Богъ, *наша* вѣра—приходили мнѣ тогда на умъ скорѣе въ отрицательномъ, чѣмъ въ благоговѣйномъ смыслѣ. Научное ознакомленіе съ величіемъ вселенной заставляло меня понять все ничтожество человѣка въ ряду всего существующаго и всю сказочность религіозныхъ домысловъ о происхожденіи міра и появленіи первыхъ людей на землѣ, объ общеніи боговъ съ людьми и объ исполненіи богами людскихъ просьбъ, о божьихъ карахъ за людскія прегрѣшенія. А въ то же время я проникался благоговѣніемъ предъ величіемъ этого ничтожнаго существа, имя которому — человѣкъ. И я готовъ былъ обоготворить тотъ маленькій комочекъ мозгового вещества, который давалъ

мнѣ возможность постичь весь этотъ необъятный міръ и мое отношеніе къ нему!

Было совершенно естественно, что въ моемъ тогдашнемъ увлеченіи науками *положительными* я не замедлилъ ознакомиться съ *позитивной* философіей, хотя знакомство ограничилось пока чтеніемъ Контова „Катихизиса“ (Cathéchisme positiviste), изъ котораго я извлекъ ученіе о „Религіи Человѣчества“. Правовѣрнымъ контистомъ я не сталъ отъ этого чтенія. Но зато я готовъ былъ тогда же признать, что, за невозможностью пока проникнуть къ *невѣдомому* Богу, обожествленіе *человѣчества* въ его цѣломъ, какъ лучшаго, что намъ извѣстно въ мірѣ—это хорошая морально-практическая религія для позитивиста, не желающаго лишиться надежды на безсмертіе или на подобіе его на землѣ въ сліяніи съ Богомъ-Человѣчествомъ. Я не чувствовалъ потребности примкнуть къ этой религіи и принять ея іерархію,—моя душа хотѣла въ этомъ отношеніи анархической свободы,—но мнѣ казалось, что религіозная схема Конта, какъ переходная ступень прогресса, менѣе другихъ можетъ мѣшать правильному развитію гармоничнаго существованія всѣхъ народовъ міра во взаимномъ мирѣ и любви. Предложенная Контомъ полная замѣна „правъ человѣка“ исключительно „общечеловѣческими обязанностями“ не должна мѣшать расцвѣту отдѣльной личности, разъ *всѣ* будутъ жить *для другихъ*, а не каждый только для себя.

IX.

Технологомъ сдѣлаться мнѣ не пришлось. Не дослушавъ перваго курса, я долженъ былъ опять уѣхать въ Казань по отцовскимъ дѣламъ.

Вскорѣ мнѣ минулъ двадцать одинъ годъ. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, съ этимъ формальнымъ совершеннолѣтіемъ, я сдѣлался и фактически самостоятельнымъ, независимымъ гражданиномъ: отецъ далъ мнѣ въ собственность одинъ изъ своихъ винокуренныхъ заводовъ,—тотъ, на которомъ прошло мое дѣтство. Я вступалъ въ новую полосу моей жизни. Мнѣ предстояло на свой рискъ и страхъ вести дѣло, обремененное долговыми обязательствами предъ отцомъ и предъ посторонними кредиторами, дѣло, дававшее за послѣдніе два года убытки. Взяться за него можно было только не имѣя что терять, только въ надеждѣ на молодыя силы. Мнѣ предстояла большая черная работа. И мнѣ было въ

это время уже не до метафизики, не до Бога, хотя бы даже въ контовскомъ воплощеніи его въ Человѣчествѣ. Если еще раньше, живя въ Москвѣ, я подмѣнилъ вопросъ о существованіи Бога и *божескихъ* законовъ вопросомъ *о цѣли жизни* и о законахъ достойнаго *человѣческаго* существованія, то теперь самый вопросъ о цѣли жизни сводился къ ближайшей задачѣ — укрѣпить ту почву, на которую я всталъ для обезпеченія себѣ благосостоянія, для пріобрѣтенія средствъ, которыя дали бы мнѣ возможность быть гражданиномъ въ широкомъ и лучшемъ смыслѣ этого слова. Я былъ тогда весь подъ впечатлѣніемъ Некрасова:

„Ахъ, будетъ съ насъ купцовъ, кадетовъ,
Мѣщанъ, чиновниковъ, дворянъ,
Довольно даже намъ поэтовъ,
Но нужно, нужно намъ гражданъ."

Я былъ купцомъ по роду дѣятельности, я хотѣлъ быть гражданиномъ по сущности.

Живо помню мой пріѣздъ на заводъ въ качествѣ его владѣльца. Я провелъ ночь въ дорогѣ, въ почтовой перекладной телѣжкѣ, почти безъ сна. Пріѣхалъ раннимъ утромъ. Но я и не думалъ спать, не думалъ отдыхать. У меня былъ такой нервный подъемъ, какъ будто мнѣ предстояло сейчасъ идти въ битву, изъ которой я навѣрняка выйду побѣдителемъ. Все, что было въ жизни яркаго, свѣтлаго, что было передумано возвышеннаго, что манило надеждами на какую-то еще мнѣ самому невѣдомую, но непремѣнно значительную дѣятельность, — все сливалось въ какое-то солнце, освѣщавшее мнѣ и прошлое, и будущее такъ ярко, какъ ярко было въ тотъ день іюньское солнце на синемъ небѣ. Была суббота. Я поспѣшилъ обѣгать всѣ торговыя помѣщенія, увидѣть всѣхъ служащихъ, познакомиться съ текущими дѣлами конторы, чтобы не откладывать этого до понедѣльника. И потомъ я ходилъ по дому. О, этотъ старый барскій домъ, въ которомъ, съ сѣнями и передними, было въ общемъ тридцать комнатъ! Каждый уголокъ въ немъ мнѣ былъ хорошо знакомъ, въ каждомъ воскресали дорогія дѣтскія и отроческія воспоминанія. Онъ былъ пустъ теперь; всѣ наши переѣхали жить въ Казань. И мнѣ было такъ пріятно чувствовать себя хозяиномъ этого дома, пріятно занять теперь отцовскій кабинетъ, спать на отцовской кровати, что называлось здѣсь *нашимъ*—назвать *моимъ*. Это чувство собственности освѣщало мнѣ бенгальскимъ огнемъ все, что воскресало въ памяти изъ старыхъ воспоминаній въ этомъ домѣ. На душѣ было радостно и въ то же время какъ-то жутко. Жутко отъ сознанія полной свободы и отъ сознанія

власти—хотя и въ этой ограниченной сферѣ, но власти. Тамъ, гдѣ прежде каждый мой шагъ зависѣлъ отъ отцовской воли, гдѣ я всѣ свои дѣйствія долженъ былъ согласовать съ желаніями и чувствами другихъ — теперь было мое царство. Не только во всемъ моемъ домѣ, не только во всемъ моемъ торговомъ дѣлѣ, но и во всемъ маленькомъ уѣздномъ городкѣ не было никого, кто могъ бы какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь стѣснить свободу моихъ дѣйствій, моихъ чувствъ, мыслей.

Я помню, уже вечерѣло, когда я, все осмотрѣвъ, все припомнивъ, мысленно многое переживъ, стоялъ въ свѣтломъ настроеніи у открытаго окна, облокотившись на старый рояль, съ которымъ у меня было связано столько дорогихъ воспоминаній о миломъ нѣмцѣ Б. Я смотрѣлъ на зеленѣвшій передъ домомъ лугъ, на расходившіяся въ небѣ перистыя облачка—и можетъ-быть былъ близокъ къ религіозному настроенію. И вдругъ, среди полной тишины, какая только можетъ быть въ тихій лѣтній вечеръ на окраинѣ уѣзднаго городка, раздался тихій, меланхоличный ударъ колокола, къ вечернѣ:

— Бо-о-ммъ!..

Я никогда не думалъ прежде, что отраженіе старыхъ чувствъ можетъ еще быть такъ сильно чрезъ такой большой промежутокъ времени.

Точно кто ударилъ меня въ спину: я вздрогнулъ отъ неожиданности удара, сердце сжалось, точно оно въ самомъ дѣлѣ замерло отъ этого благовѣста. Все, что я пережилъ въ дѣтствѣ, когда этотъ благовѣстъ отрывалъ меня отъ рыбной ловли, отъ музыки, всѣ жуткія ощущенія тогдашняго сознанія своего безсилія предъ чужой волей, безпощадно влекущей отъ пріятнаго къ непріятному, все униженіе безправія младшаго предъ старшимъ, вся ненависть къ путамъ, которыя во имя формы сковываютъ свободное проявленіе духа, — все воскресало въ памяти. А церковный колоколъ посылалъ ударъ за ударомъ:

— Бо-о-ммъ!.. бо-о-ммъ!..

Нервное, почти болѣзненное состояніе охватило меня.

И это впечатлѣніе неизгладимо сохранилось у меня до сихъ поръ.

Я зналъ, что никто уже не потащитъ меня ни ко всенощной, ни къ обѣднѣ. Я зналъ, что теперь, въ качествѣ владѣльца завода, я буду приглашать поповъ по обычаю въ началѣ и концѣ винокуренія, попы эти будутъ приходить ко мнѣ на Рождество и на Пасху, но никто не обязываетъ меня присутствовать при этомъ: принять ихъ можетъ за меня, по довѣренности, управ-

ляющій. Встрѣчу стараго попа—поговорю съ нимъ какъ со старымъ знакомымъ безъ всякихъ разсужденій о Богѣ, о вѣрѣ, объ обрядахъ. Если будетъ новый попъ, будетъ то же самое, или вовсе не будетъ никакого знакомства. Я зналъ все это, — но еще долго, и въ поздніе годы, церковный благовѣстъ вызывалъ во мнѣ болѣзненное чувство. Я когда-то читалъ, что Валленштейнъ, уже будучи великимъ полководцемъ, боялся пѣнія пѣтуха и дрожалъ, заслышавъ его. И я не разъ вспоминалъ Валленштейна, когда знакомое „бо-о-ммъ!" вызывало у меня нервный трепетъ.

X.

Моя жизнь въ Царевококшайскѣ въ качествѣ заводовладѣльца была непохожа на ту, которую велъ здѣсь когда-то отецъ. Вмѣсто прежнихъ большихъ доходовъ, приходилось думать, какъ бы свести концы съ концами. И я опростился. Я сшилъ себѣ пиджачную пару изъ сѣраго солдатскаго сукна, совершенно такую же, какую сшилъ прислуживавшему мнѣ въ комнатахъ крестьянскому мальчику; я надѣлъ высокіе сапоги, упростилъ весь складъ моей жизни и отказался отъ всякихъ нужныхъ или ненужныхъ знакомствъ съ мѣстными жителями. Сначала это у многихъ возбудило недовольство. Подыскивали всякія объясненія моей нелюдимости. Потомъ къ этому привыкли. Одни смѣялись надъ тѣмъ, что я рисуюсь, другіе считали меня чудакомъ, третьи— дѣльнымъ человѣкомъ. А я просто только былъ увлеченъ сознаніемъ необходимости работать. Я всей своей дѣятельностью подчеркивалъ, что всякое самое простое, грубое дѣло почтенно. Я работалъ и въ конторѣ въ качествѣ конторщика или кассира, работалъ нерѣдко заполночь и до разсвѣта, работалъ и въ кузницѣ съ мѣдниками и кузнецами, работалъ и съ плотниками; я, какъ печникъ, лазилъ въ узкіе дымовые прогары, когда надо было осмотрѣть неисправность паровика. Не было такой работы, за которую я не взялся бы въ первую голову, если нужно показать примѣръ. Я не хотѣлъ быть ни мужикомъ, ни рабочимъ, потому что я умѣлъ дѣлать многое другое, чего не умѣли они; но я хотѣлъ и самому себѣ, и рабочимъ показать, что еслибы я не умѣлъ быть ничѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ нихъ, я несъ бы ихъ трудъ если не съ охотой, то съ покорностью, и если не съ такой же выносливостью, то съ такимъ же умѣньемъ, какъ они.

Но напряженная дѣловая жизнь не мѣшала мнѣ находить время, чтобы по прежнему читать, читать, читать. Я устроилъ при конторѣ для своихъ служащихъ библіотеку, въ которую выписывалъ газеты, журналы и разнообразныя книги. Въ то время въ „Русскомъ Вѣстникѣ" печаталась „Анна Каренина". Я любилъ Толстого за его „Войну и миръ" и помнилъ, какъ я плакалъ надъ нѣкоторыми страницами этой эпопеи. Съ такимъ же увлеченіемъ принялся я теперь за „Анну Каренину". Но романъ совсѣмъ не удовлетворилъ меня. Мнѣ, опростившемуся не столько по идейнымъ побужденіямъ, сколько по необходимости, всѣ разсужденія Левина казались несерьезными, барскими. Почти одновременно съ „Анной Карениной" прочелъ я „Вѣчнаго жида" Сю. Романъ забавлялъ меня своей фабулой, и я сталъ читать его только въ видѣ отдыха отъ утомлявшихъ меня занятій бухгалтеріей. Но совершенно неожиданно я вынесъ изъ него идею, ставшую съ тѣхъ поръ одною изъ тѣхъ задачъ, которыя я во всю мою жизнь стремился осуществить въ той или другой формѣ. Описаніе фабрики одного изъ „благородныхъ героевъ" романа навело меня на мысль придать и моему заводскому дѣлу подобіе коопераціи. И въ теченіе всего времени, пока я владѣлъ моимъ заводомъ, эта мысль не выходила у меня изъ головы. Я мечталъ организовать дѣло такъ, чтобы одна треть чистой прибыли поступала въ мое распоряженіе, другая треть присоединялась къ основному капиталу, подраздѣленному на оборотный и запасный, а послѣдняя треть раздавалась бы въ дивидендъ между всѣми безъ исключенія служащими и рабочими, пропорціонально получаемому каждымъ жалованью. Я встрѣтилъ въ моемъ управляющемъ ревностнаго сторонника этого проекта, и мы подробно обсуждали его. И если осуществить эту идею намъ не удалось, то только потому, что у меня-то самого въ сущности не было никакого капитала, а только рядъ долговыхъ обязательствъ, обезпеченныхъ имуществомъ и дѣломъ. Проведеніе новшествъ въ это старое дѣло могло по тому времени отразиться на моей кредитоспособности гораздо болѣе неблагопріятно, чѣмъ еслибы я проигрывалъ деньги въ карты. Были и другія, не зависѣвшія отъ меня причины, по которымъ я не могъ выполнить задуманное. Но зато кооперативное начало во всякомъ торговомъ и промышленномъ дѣлѣ вошло съ тѣхъ поръ однимъ изъ членовъ въ символъ моей житейской вѣры.

Я владѣлъ царевококшайскимъ винокуреннымъ заводомъ почти четыре года. Работа на заводѣ была только зимняя; лѣтомъ я имѣлъ возможность путешествовать. Я побывалъ въ эти годы въ

Германіи и Италіи, во Франціи и въ Англіи, въ Сѣверной Америкѣ. Богатство впечатлѣній, которыя давала мнѣ и художественная, и общественная, и экономическая жизнь этихъ странъ, заставляло меня думать больше о земномъ, чѣмъ о небесномъ: впечатлѣнія религіознаго характера были случайными, побочными. И когда я вернулся изъ своей американской поѣздки домой, я уже сознательно и надолго отстранился отъ всякихъ религіозныхъ вопросовъ. Я сказалъ себѣ: дѣлая обыкновенное житейское дѣло, какъ мнѣ подсказываетъ дѣлать его моя *совѣсть*, я дѣлаю дѣло Божіе, я служу Невѣдомому Богу такъ, какъ это только и доступно мнѣ въ данное время. Такъ думаютъ вѣрующіе и молящіеся, призывая благословеніе Бога на свой трудъ; такъ хотѣлъ думать и я, отказываясь отъ вѣры и молитвы.

И вотъ, одна изъ задачъ, подсказанныхъ мнѣ *совѣстью*— мечта устроить мое винокуренное дѣло на кооперативныхъ началахъ,—оказалась несбыточной. А какъ дѣло только ради доходовъ—оно уже не могло удовлетворить меня. Производство спирта и торговля водкой, на какихъ бы прекрасныхъ началахъ я ни велъ ее, не располагали къ тому, чтобы придавать этой дѣятельности общественное экономическое значеніе. И я уже думалъ о продажѣ завода на сколько-нибудь сносныхъ условіяхъ, чтобы развязаться съ винокуреннымъ дѣломъ и извлечь изъ этой продажи хотя небольшой капиталъ для начала какой-нибудь другой дѣятельности, гдѣ я могъ бы себѣ сказать: ты служишь своей родинѣ и своему народу какъ настоящій гражданинъ.

Не чувствуя никакого влеченія къ дѣятельности разрушительной, я, какъ подвига, всегда жаждалъ дѣятельности созидательной. Теорія „малыхъ дѣлъ", имѣвшая такое широкое распространеніе въ русскомъ обществѣ впослѣдствіи, была мнѣ тогда по душѣ. Уже въ началѣ 70-хъ годовъ я хотѣлъ, чтобы создаваемое мною хорошее на любомъ поприщѣ моей дѣятельности неизмѣнно вытѣсняло все, что мѣшало прогрессу русской жизни. Въ этомъ заключалась моя вѣра того времени; хотя тогда я еще не читалъ Маркса, и марксистскія идеи не были распространены въ русскомъ обществѣ, но уже и тогда я, какъ купецъ, признавалъ, что въ жизни народовъ главная основа — экономическій фундаментъ, а все остальное — легковѣсная надстройка надъ нимъ. Но въ то же время, художникъ въ душѣ, я признавалъ, что самое существованіе экономическаго фундамента только и нужно для того, чтобы возвести надъ нимъ эту легковѣсную надстройку, что если не для нея, такъ самъ по себѣ фундаментъ ни для чего не нуженъ. Слѣдовательно, весь во-

просъ въ томъ, что это за надстройка. И я желалъ явиться въ роли строителя народной жизни и приложить свои силы къ заложенію прочнаго экономическаго фундамента — но фундамента только для такихъ надстроекъ, которыя я считалъ достойными. Я хотѣлъ для себя и для другихъ благосостоянія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, благосостоянія матеріальнаго и духовнаго. Я хотѣлъ богатства, чтобы расточать это богатство на развитіе высокой духовной жизни родного народа. Я видѣлъ у него не только отсутствіе, но и непониманіе культурныхъ потребностей. А моимъ девизомъ были въ то время слова Лассаля изъ его „Книги для рабочихъ": „Развѣ довольствоваться малымъ дурно? Вѣдь это добродѣтель? Да, передъ проповѣдникомъ христіанской морали ограниченность потребностей—добродѣтель. Это добродѣтель индійскаго факира и христіанскаго монаха, но для историка и экономиста добродѣтель заключается не въ этомъ. Имѣть *какъ можно больше потребностей*, но удовлетворять имъ *честнымъ и пристойнымъ образомъ*—вотъ добродѣтель нашего экономическаго времени".

Таково было мое настроеніе, когда въ апрѣлѣ 1877-го года была объявлена восточная война. Всѣмъ памятенъ тотъ энтузіазмъ, съ какимъ она была встрѣчена русскимъ обществомъ. Всѣмъ памятно добровольческое движеніе въ Сербію еще задолго до войны, охватившее всѣ слои народа. Оно не осталось безъ вліянія и на меня. Въ 1874-мъ году я подлежалъ призыву по только-что введенной тогда всеобщей воинской повинности; у меня была по семейному положенію льгота перваго разряда, и я въ солдаты не попалъ. Но послѣ объявленія восточной войны я рѣшилъ записаться вольноопредѣляющимся.

Однако идти на войну не значило идти на вѣрную смерть, не значило отречься отъ надежды на пользованіе въ будущемъ всѣми плодами побѣды. И, разумѣется, я хотѣлъ для этого будущаго сохранить и тѣ средства, какія могъ извлечь изъ моего завода. Значитъ, прежде чѣмъ надѣть солдатскую шинель, надо было ликвидировать свои дѣла и выполнить свои долговыя обязательства по отношенію къ отцу и другимъ лицамъ. Какъ ни старался я сдѣлать это спѣшно, дѣло затягивалось, подходящаго покупателя не находилось, и только къ осени это мнѣ кое-какъ удалось: торопясь развязаться съ заводомъ во что бы то ни стало, я продалъ его своему двоюродному брату, человѣку безденежному, на такихъ условіяхъ, что полная ликвидація, а слѣдовательно и полученіе хотя части денегъ, безъ которыхъ я никуда не могъ двинуться, откладывалась до 1-го марта. А между тѣмъ 19-го февраля

1878-го года былъ заключенъ Санъ-Стефанскій договоръ. На войну я не попалъ.

XI.

Санъ-Стефанскій договоръ засталъ меня, однако, вполнѣ готовымъ къ отъѣзду изъ Царевококшайска. Не только я не жалѣлъ о томъ, что проявившаяся во мнѣ воинственность заставила меня бросить дававшее мнѣ хорошій доходъ дѣло—напротивъ, я былъ благодаренъ этому настроенію, безъ котораго я, можетъ-быть, не такъ бы скоро осуществилъ свое намѣреніе найти себѣ другой родъ дѣятельности.

Послѣ заключенія мира поступать въ военную службу для меня не имѣло уже никакого смысла. Я охладѣлъ и къ общеславянской миссіи русскаго народа. Вмѣсто того, чтобы „прибить Олеговъ щитъ на вратахъ Цареграда" и водрузить крестъ на Айя-Софіи мы пошли въ Каноссу—на берлинскій конгрессъ. Крушеніе этой мечты заставило меня подвергнуть пересмотру и многія другія изъ юношескихъ моихъ мечтаній. Меня потянуло къ свѣту, къ центру умственной жизни—въ Петербургъ. Разставшись съ заводомъ и Царевококшайскомъ, я рѣшилъ разстаться и съ Казанью. Были еще и особенныя причины, чтобы „покинуть отчій домъ" навсегда. И уже 1-го марта 1878 года я былъ въ Петербургѣ.

Я начиналъ новую жизнь. Мнѣ было двадцать пять лѣтъ. У меня была обезпеченная рента въ 1.200 рублей въ годъ и полная независимость отъ кого бы то ни было и отъ чего бы то ни было. Я рѣшилъ посвятить себя литературной дѣятельности. Еще въ гимназіи я писалъ стихи, писалъ разсказы, театральныя рецензіи, переводилъ Бокаччіо. Все это было только *для себя*. Теперь я рѣшилъ писать уже для печати.

Но первая же моя попытка въ этомъ смыслѣ заставила меня самому себѣ поставить вопросъ: что̀ я хочу сказать тѣмъ или другимъ произведеніемъ, которое я напишу? Сказать непремѣнно *свое*, сказать не то, что̀ я вычиталъ у другихъ писателей разныхъ категорій, а что-нибудь такое, что̀ составляло бы результатъ дѣйствительно пережитого, передуманнаго, наблюденнаго и осмысленнаго. Разсказать просто что-нибудь видѣнное, какъ бы оно ни было интересно, для меня было недостаточно. Непремѣнно нужно указать даже въ обыденномъ явленіи что-нибудь такое, чего не видали въ немъ другіе, о чемъ не говорили другіе. И мнѣ казалось, что я знаю страшно мало, что я

ничего не видалъ. Я самому себѣ показался провинціаломъ. А у меня была большая вѣра въ авторитетъ какого-то особеннаго столичнаго міровоззрѣнія, стоящаго выше міровоззрѣнія провинціальнаго. „Дѣло писателя—дѣло великое и не подъ силу инымъ", твердилъ я самому себѣ. И я рѣшилъ временно отступить и, пока-что, приглядѣться къ столичной жизни, приглядѣться не поверхностно, а проникнувъ въ ея среду.

Ближе всего мнѣ была знакома среда купеческая, жизнь торговаго міра. Я предполагалъ, что, описывая его, я могу что-нибудь сказать новое объ этомъ мірѣ, объ этихъ людяхъ. И чтобъ ознакомиться съ нимъ и въ столицѣ, я поступилъ на службу къ одному богатому фабриканту.

Въ первый мѣсяцъ у меня въ конторѣ было столько свободнаго времени, что я, сидя за конторкой, написалъ разсказъ. Но скоро случилось нѣчто, на что я не разсчитывалъ: я получилъ отъ моего хозяина командировку по торговымъ дѣламъ за границу, и на занятія литературой у меня уже не осталось времени. Мой первый разсказъ остался и донынѣ въ рукописи, а я помимо желанія и воли *втянулся* въ торговлю. И черезъ два года службы въ экспортномъ дѣлѣ, тяготясь служебнымъ положеніемъ, самъ сдѣлался экспортеромъ хлѣбныхъ и льняныхъ товаровъ изъ Россіи за границу.

Эта моя торговая дѣятельность, кончившаяся крупной торговой несостоятельностью, длилась четыре года. Я потерялъ въ ней не только все, что имѣлъ, не только время, силы и здоровье, но и вышелъ изъ нея обремененный неоплатнымъ долгомъ. Но наблюденія и переживанія, которыя мнѣ дали эти четыре года, были для меня чрезвычайно цѣнны. По самому характеру торговли мнѣ приходилось ежегодно предпринимать поѣздки во Францію, въ Англію, въ Германію, а зимой—поѣздки въ самыя глухія села сѣверовосточной России. Я долженъ былъ постоянно соприкасаться съ экономической жизнью народа, съ русскимъ крестьяниномъ, съ русскими мелкими скупщиками, прасолами, съ богатыми купцами, съ пароходчиками, съ биржевиками. Это—съ одной стороны, дома; а съ другой—съ тѣмъ же торговымъ міромъ во Франціи, Англіи и Германіи. Я невольно ознакомился непосредственно съ бытомъ тамошнихъ рабочихъ, тамошнихъ фабрикантовъ, коммиссіонеровъ, банкировъ, портовыхъ рабочихъ, грузчиковъ, перевидалъ немало матросовъ и капитановъ морскихъ пароходовъ. Эта дѣятельная торговая жизнь чрезвычайно увлекала меня. Въ передвиженіи зерновыхъ и льняныхъ товаровъ изъ глухихъ уголковъ Россіи на заграничные рынки было для меня

много своеобразной поэзіи. Лихорадочная работа, съ которой часто совершается все это движеніе, заставляла нервы напрягаться до послѣдней степени, вызывала энергію, подъемъ духа. Для этой поэзіи практической дѣятельности я на время забылъ мечту о дѣятельности литературной, сталъ менѣе внимателенъ къ наукѣ. Я изучалъ жизнь въ ея непосредственныхъ проявленіяхъ. Но хотя можетъ-быть и нѣсколько меньше, чѣмъ прежде, я все-таки находилъ досугъ, чтобы слѣдить за новинками книжнаго рынка. И этотъ періодъ моей жизни былъ для меня вмѣстѣ съ тѣмъ періодомъ наиболѣе напряженнаго всесторонняго мышленія по поводу встрѣчавшихся на пути явленій.

Повторныя, ежегодныя поѣздки за границу и возвращеніе на родину вызывали у меня неизбѣжное сравненіе убожества жизни русскаго мужика и русскаго рабочаго съ тѣмъ относительнымъ благосостояніемъ, какое я встрѣчалъ, въ громадномъ большинствѣ, у крестьянъ и рабочихъ западной Европы. Встрѣчалъ и тамъ я бѣдность, но крестьянскаго убожества не встрѣчалъ нигдѣ. Нищета тамъ вся какъ будто сосредоточилась только въ столицахъ міра—въ Парижѣ, въ Лондонѣ. Я твердилъ себѣ тогда только-что вычитанный афоризмъ: „Только вполнѣ сытый человѣкъ можетъ быть духовно свободнымъ, истинно умнымъ, честнымъ и добрымъ". Голодъ не можетъ способствовать развитію этихъ качествъ, и если острый голодъ не уничтожаетъ ихъ сразу, то хроническій неизбѣжно заставляетъ ихъ атрофироваться. И христіанское ученіе, призывавшее жить какъ птицы небесныя, никогда не казалось мнѣ такимъ вредно дѣйствующимъ на безпечный характеръ русскаго человѣка, какъ въ первый періодъ моей заграничной торговли. Къ русской религіозности я сталъ относиться въ то время съ особеннымъ недружелюбіемъ. Мнѣ приходилось тогда наблюдать религіозность и массъ, и отдѣльныхъ лицъ на Западѣ; но тамъ я какъ-то никогда не замѣчалъ, чтобы она вліяла на бездѣятельность народа. Тамъ—„Божіе Богови, Кесарево Кесареви". Не то у насъ. Культъ бѣдности, какъ состоянія необходимаго для святости, проникъ у насъ чрезъ писателей, вышедшихъ изъ духовнаго сословія, и чрезъ „кающагося дворянина" во всю нашу литературу. Если Евангеліе учило вѣрующихъ, что „удобнѣе верблюду пройти сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ Царство Божіе", то литература, въ лицѣ ея передовыхъ представителей, учила насъ, что всякій богатый непремѣнно эксплоатируетъ бѣдняковъ. Быть богатымъ было если и не совсѣмъ стыдно, то стыдновато. Богатство было у насъ всегда грѣхомъ, который могъ въ извѣст-

ной мѣрѣ искупаться добродѣтелями, но лучше, еслибъ самого грѣха совсѣмъ не было. Бѣдность была всегда какъ бы удостовѣреніемъ честности,—богатство означало: „оставленъ въ подозрѣніи". Любимъ Торцовъ, говоря: „бѣдность не порокъ", въ сущности выражалъ болѣе опредѣленный взглядъ всего православнаго народа русскаго: „бѣдность—добродѣтель, *христіанская* добродѣтель; и если мы стремимся къ богатству, то это по слабости духа нашего, по соблазну дьявольскому".

Мой умъ, мой характеръ, все мое „я", сложившееся подъ вліяніемъ воспитанія въ извѣстной средѣ, не мирилось съ такимъ міровоззрѣніемъ. Для меня богатство было благомъ, къ которому каждый долженъ стремиться, чтобъ имѣть возможность распространять это благо на другихъ и содѣйствовать этимъ другимъ дѣлаться богатыми, а слѣдовательно — и духовно независимыми и совершенными. Для меня это былъ прямой и единственно вѣрный путь къ совершенствованію земной жизни человѣка, къ совершенствованію всего человѣчества. Сословіе богатыхъ, поставившее своей цѣлью не мелкое личное наслажденіе, а идею обожествленія человѣчества по Конту, имѣло бы возможность осуществлять теорію подбора лучшихъ особей въ свое сословіе, а также рожденіе и воспитаніе ихъ въ своемъ сословіи, для того, чтобъ пріобщить къ нему постепенно всѣхъ способныхъ войти въ грядущее царство Бога-Человѣчества. Отголосокъ этихъ тогдашнихъ мечтаній моихъ прозвучалъ у меня потомъ въ бытовой драмѣ моей: „Озими".

Но если и тогда уже я не закрывалъ глазъ на утопичность такихъ мечтаній, если и тогда уже я понималъ, какія препятствія встрѣтитъ желанный подборъ идеальнаго „сословія богатыхъ", и какъ легко и незамѣтно можетъ богатство-средство превращаться въ самоцѣль, то съ другой стороны мое отрицательное отношеніе къ религіозности русскаго народа все-таки росло по мѣрѣ того, какъ росли мои наблюденія надъ жизнью. Библія сказала мнѣ, что „избранному народу Божію" обѣщано владычество надъ міромъ посредствомъ накопленія богатства. Жестокій Богъ „жестоковыйнаго" Израиля былъ чуждъ мнѣ по духу, его обѣщаніямъ я не придавалъ вѣры, и для меня, какъ не-еврея, всѣ они не имѣли никакого значенія,—но я видѣлъ, какъ богатство, въ чьихъ бы рукахъ оно ни было, захватывало власть надъ міромъ. Это въ своемъ родѣ физическій законъ всеобщаго тяготѣнія. А христіанство, въ его чистомъ видѣ, должно было вести или къ добровольному рабству — къ подчиненію богатству, — или къ бунту противъ богатства, къ разру-

шенію его для освобожденія рабовъ, не признающихъ счастія и свободы внѣ состоянія бѣдности. Меня ничуть не утѣшало, что и Эпиктетъ былъ рабомъ. Я предпочелъ бы, чтобы Эпиктеты были владыками, и Эпафродиты подчинялись ихъ нравственному вліянію, а не ломали имъ ногъ палками. И если самъ Эпиктетъ считалъ свое стоическое ученіе выше христіанскаго, я относился критически и къ максимамъ Эпиктета. Онъ говорилъ, что „власть—это позолоченная цѣпь, которая скоро ржавѣетъ", а я думалъ: отчего бы не сдѣлать ее изъ чистаго золота, изъ золота ума и сердца?

И мнѣ хотѣлось тогда, чтобы среди насъ возсталъ новый пророкъ, который оправдалъ бы предъ всѣмъ міромъ все то добро, которое христіанство и стоицизмъ такъ долго клеймили именемъ зла, и въ то же время, во имя христіанскихъ и стоическихъ началъ, сокрушилъ бы тотъ духъ жестокости, нетерпимости и всяческаго угнетенія, которымъ проникнута каждая страница Ветхаго Завѣта.

Вотъ мысли, которыя занимали меня тогда.

Моя жизнь въ Казанской губерніи, среди татарскаго населенія, дала мнѣ немало случаевъ убѣдиться въ той ходячей истинѣ, что магометанская религія, и не что иное, какъ только религія, а не расовыя особенности, привела жизнь магометанскихъ народовъ въ каталептическое состояніе. Стоитъ вспомнить одного калифа Омара, сжигающаго Александрійскую библіотеку. А рядомъ съ очевиднымъ вліяніемъ магометанства на косность татаръ я постоянно видѣлъ и притупляющее вліяніе многихъ христіанскихъ вѣрованій на русскій народъ. Я видѣлъ, какъ у насъ сумѣли сдѣлать изъ религіи источникъ всякихъ препятствій для правильной работы и правильнаго образа жизни. И наши изнурительные посты въ страдное время, когда изнурительная работа, производимая организмомъ, требовала бы и усиленнаго питанія его; и наши праздники, мѣшающіе производить пахоту или посѣвъ въ то время, когда благопріятствуетъ погода и отодвигающіе эту работу на тѣ дни, когда погода испортилась; и многое другое, что прямымъ или косвеннымъ образомъ вредно вліяетъ на благосостояніе народа; и чисто языческое пьянство и обжорство, отъ котораго люди, подъ вліяніемъ массоваго внушенія, никакъ не могутъ отказаться въ праздничный день—все это заставляло меня тогда относиться къ религіозности русскаго народа съ неизмѣнно возраставшей враждебностью. Многія явленія русской жизни, которыя другихъ способны были при-

вести въ умиленіе, вызывали у меня негодованіе. Вотъ на базарѣ неграмотная, но благочестивая баба предъ плутомъ торговцемъ. Онъ ее обмѣритъ, обвѣситъ, обсчитаетъ. Попробуйте предупредить ее, она вамъ отвѣтитъ: „такъ что-жъ, на ёмъ грѣхъ-отъ будетъ!“ Славянофилы могутъ воскликнуть: „какая вѣра, какая кротость!“ А мнѣ въ такихъ случаяхъ думалось: „какая ничѣмъ непобѣдимая тупость!“ Отъ такой вѣры—одинъ шагъ до отчаяннаго, безсмысленнаго невѣрія. Вотъ картинка. Денно и нощно плачущую бабу въ неутѣшномъ горѣ о покойномъ мужѣ ласково утѣшаетъ сосѣдка: „Ты Богу больше молись“. — А та, вся въ слезахъ, безнадежно махнула рукой: „Молилась... Глаза-то мои не глядѣли бы на Бога-то!“

Каждое лѣто, отправляясь въ тѣ годы за границу, я съ восторгомъ наблюдалъ тамъ все умножавшіяся колоннады фабричныхъ трубъ въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ городѣ. Въ Германіи, во Франціи, въ Англіи вся жизнь напоминала мнѣ на каждомъ шагу о растущемъ народномъ благосостояніи. Я чувствовалъ на себѣ вліяніе массоваго внушенія труда: я дѣлался энергичнѣе. Предо мной въ нагроможденіи впечатлѣній отъ новѣйшихъ промышленныхъ построекъ какъ-то незамѣтно тонули всѣ старые средневѣковые храмы, не смотря на ихъ бьющую въ глаза грандіозность. Для меня всѣ они вмѣстѣ взятые были только кладбищемъ прошлаго, памятниками духовнаго развитія— и въ то же время духовнаго порабощенія—тѣхъ народовъ, которые ихъ воздвигли. А въ новѣйшей кипучей промышленной жизни и міровой торговлѣ этихъ странъ я видѣлъ колыбель будущаго объединенія всѣхъ народовъ въ одинъ міровой торговопромышленный союзъ, залогъ общаго мира и благоденствія.

Когда, мѣсяца два-три побывъ за границей, я возвращался потомъ въ Россію, опять—точно тяжелый сонъ—ползли на меня по унылой, плохо воздѣланной равнинѣ ряды покосившихся, крытыхъ соломою избъ... За ними—жалкіе уѣздные города, сонные, неподвижные, бѣдные... И вездѣ, на фонѣ нашего сѣренькаго сѣвернаго пейзажа, красивымъ, но одинокимъ пятномъ, выдѣлялись золоченые кресты, а иногда и золоченые куполы безчисленныхъ и старыхъ и новыхъ церквей. И онѣ раздражали меня, эти церкви: въ нихъ прежде всего, больше всего въ нихъ, я видѣлъ причину нашей бѣдности, нашей неподвижности. За границей я вездѣ слышалъ свистки фабрикъ, гулъ машинъ, стукъ парового молота, а дома—то заунывный благовѣстъ, то какой-то безшабашно удалой трезвонъ. И подъ этотъ звонъ я не разъ думалъ: „лучшая задача всѣхъ друзей человѣчества—разрушеніе

вѣры въ божественное происхожденіе всѣхъ существующихъ религій".

XII.

Но вскорѣ за внѣшними впечатлѣніями, какія давала мнѣ заграничная жизнь, у меня явились впечатлѣнія отъ нея и болѣе глубокія, болѣе обоснованныя. Я узналъ, что и тамъ далеко не все то золото, что блеститъ; я познакомился и съ тяжелыми условіями, въ которыхъ живетъ западно-европейскій пролетаріатъ, и съ положеніемъ женщины на Западѣ, и съ тѣмъ пьянствомъ, которымъ славятся Англія и Ирландія, и съ причинами, его вызывающими, — и тогда, снова вдумываясь въ русскую жизнь, я увидалъ все, что въ ней есть прекраснаго, скрытаго иногда подъ непригляднымъ обличіемъ русской деревни, какъ бываютъ скрыты подъ грубымъ армякомъ золотое сердце и подъ рваной мужицкой шапчонкой проницательный природный умъ.

Ближайшее изученіе иностранной жизни и ознакомленіе со складомъ ума, съ душевнымъ настроеніемъ народовъ Запада, научило меня не только извинять нѣкоторыя темныя стороны нашего быта и характера русскаго народа, но въ особенности цѣнить и любить то, что называется нашими свѣтлыми сторонами. И теперь—въ числѣ ихъ—на первомъ мѣстѣ была религіозность. Я не могу сказать, что со мной совершился какой-нибудь переломъ, что-нибудь особенно рѣзкое. Нѣтъ, новое отношеніе къ русской жизни создалось какъ-то незамѣтно,—очевидно, подъ вліяніемъ повторнаго наблюденія однихъ и тѣхъ же явленій жизни и дома, и за границей. Я уже не помню случаевъ и поводовъ, вызывавшихъ у меня эти настроенія, но я помню годы, когда я, возвращаясь изъ заграничныхъ поѣздокъ, смотрѣлъ на куполы и кресты нашихъ церквей уже не съ отвращеніемъ, какъ еще недавно, но съ вѣрой въ то, что именно въ этихъ храмахъ кроткій душою русскій человѣкъ находитъ то умиротвореніе, то доступное ему на землѣ тихое, свѣтлое счастіе, какого онъ только и желаетъ и какого не въ состояніи были бы дать ему, на его теперешней ступени развитія, никакія самыя лучшія учрежденія современной западно-европейской культуры.

Помню, возвратился я какъ-то разъ изъ Франціи въ очень мрачномъ настроеніи. Не понравились мнѣ тамъ люди, — не высшіе слои, которые во всѣхъ странахъ болѣе или менѣе интернаціональны и пестры, а тѣ, кого принято называть *народомъ*. Мнѣ приходилось сталкиваться во Франціи довольно

часто съ простыми рабочими, иногда съ крестьянами; у меня не разъ являлось желаніе проникнуть въ ихъ душу, и почти никогда не находилъ я у нихъ отзывчивости ни на какіе вопросы высшаго порядка. Богъ, нравственность, право, патріотизмъ, взаимныя отношенія народовъ,—о чемъ ни спросишь, всѣ отвѣты съ оттѣнкомъ чисто практическаго отношенія къ жизни: выгода—и притомъ *ближайшая* выгода — на первомъ планѣ.

Я хорошо понималъ, что этотъ матеріализмъ и долженъ былъ оказаться причиной той высокой внѣшней культуры, которая такъ привлекала меня у народовъ западной Европы. Но въ этой богатой красотою культурѣ мнѣ недоставало теперь одного: исканія *связи* всего совершающагося на землѣ съ невѣдомой конечной цѣлью бытія и съ невѣдомой первопричиной ея. Мыслители, поэты, художники — да, между ними вездѣ и всегда есть эти ищущіе; но масса, народъ — нѣтъ. Западные европейцы представлялись мнѣ дальше отъ Невѣдомаго Бога, чѣмъ мы, русскіе. Потому ли, что я ближе зналъ русскую жизнь, *роднѣе* чувствовалъ ее, или, дѣйствительно, западный человѣкъ черствѣе сердцемъ, но я нигдѣ не находилъ тамъ, въ чужихъ краяхъ, той мятущейся души народной, которая неуловимо касалась моей души въ такихъ явленіяхъ русской жизни, гдѣ предъ лицомъ вѣчности всѣ важныя мелочи нашего существованія кажутся большими ничтожностями. Бываютъ минуты, когда всякое достигнутое земное благополучіе начинаетъ казаться ненужнымъ, если только оно не находится въ связи съ тѣмъ, что можно и нужно предположить вѣчнымъ. Всѣ религіи — только попытка создать эту связь. Но уже одно разнообразіе религій показываетъ, что настоящая связь и до сихъ поръ не найдена. Пока она только и можетъ быть въ исканіи и въ неопредѣленномъ желаніи жить по Божьи, жить по тому закону Божію, который называется человѣческой совѣстью. И вотъ, когда мнѣ, по роду моей торговой дѣятельности, приходилось теперь часто сталкиваться съ простонародьемъ и, рядомъ съ явленіями отрицательнаго характера, встрѣчать въ народной массѣ, еще не проникнутой никакимъ просвѣщеніемъ, это широко развитое чувство совѣсти, выраженное словами: „по Божески", —я часто, очень часто не могъ не отдавать убогой мѣщанкѣ—русской народной жизни—предпочтеніе передъ изящной дамой—культурной Европой. И теперь фабричныя трубы европейскихъ промышленныхъ городовъ уже не радовали меня, какъ символъ высшаго благополучія, какого можетъ достигнуть человѣчество, а русскіе

храмы, которые еще недавно возмущали меня своимъ множествомъ, теперь уже не казались мнѣ такими ненужными, какъ прежде.

Мнѣ лично молитвенное настроеніе въ обычномъ смыслѣ слова было и въ тѣ годы совершенно несвойственно; я только понималъ, признавалъ и уважалъ его у другихъ, когда я былъ увѣренъ въ его искренности, чистотѣ и непосредственности. Но мнѣ было трудно дать себѣ отчетъ, почему мнѣ стала вдругъ такъ близка именно *русская* религіозность. Вѣдь искреннее молитвенное настроеніе знакомо и народамъ западной Европы. Почему же мнѣ казалось, что ихъ религіозное чувство нѣсколько иного порядка, чѣмъ то же чувство у русскаго народа? Подыскивая опредѣленіе разницы между этими двумя оттѣнками чувства, я не нашелъ болѣе яснаго выраженія моего отношенія къ нимъ, какъ взявъ сравненіе съ настроеніями, какія могутъ возбудить два рода картинъ: съ одной стороны — жанръ, съ другой — пейзажъ.

Жанровая картина можетъ дать очень сильное настроеніе, но всегда одно, всегда строго опредѣленное — то, которое соотвѣтствуетъ ея *ограниченному* содержанію. Пейзажъ, напротивъ, даетъ настроеніе болѣе мягкое, менѣе сильное и опредѣленное, но зато болѣе широкое, болѣе свободное. Жанръ можетъ подчинить себѣ — пейзажъ вызываетъ въ душѣ то, что именно этой душѣ индивидуально свойственно. Жанръ — это жизнь человѣческая, такая, какою она создается самими людьми, такая, какая можетъ быть измѣнена людьми въ ту или другую сторону. Пейзажъ — это сама природа, неизмѣнная, вѣчная; это непосредственная связь души человѣческой съ божествомъ.

Вотъ такая-то разница настроеній всегда чуялась мнѣ и въ религіозности христіанъ Запада при сравненіи ея съ религіозностью простого русскаго человѣка.

Помню, вернувшись изъ-за границы съ такими мыслями и сразу же попавъ по своимъ торговымъ дѣламъ на базары въ селахъ и деревняхъ, я какъ-то на одной изъ станцій, въ ожиданіи, пока перепрягали лошадей, зашелъ изъ любопытства въ сельскую церковь. Благовѣстили къ вечернѣ. Но священника еще не было, и только одинъ за другимъ начали собираться молящіеся. Въ небольшой церкви было всего нѣсколько человѣкъ. Церковный сторожъ ходилъ отъ иконы къ иконѣ, зажигая свѣчи. Какая-то женщина молилась на колѣняхъ предъ иконой Божіей Матери. Была ранняя осень, начало сентября, было еще тепло, а молившаяся женщина была въ полушубкѣ, хотя раз-

стегнутомъ и распахнутомъ. На головѣ бѣлый бумажный платокъ. Блѣдная, худая, она казалась больной. Выразительные темные глаза были подняты къ высоко висѣвшему надъ ея головой образу. Она крестилась истово, медленно, губы ея что-то шептали. И мнѣ вспомнились Некрасовскія строки:

„Храмъ воздыханья, храмъ печали—
Убогій храмъ земли твоей:
Тяжелѣ стоновъ не слыхали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ—
И облегченный уходилъ!
Войди! Христосъ наложитъ руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной...
Я внялъ... я дѣтски умилился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомъ,
Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ
Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ,
Богъ поколѣній предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ.“

Я былъ тогда вообще подъ сильнымъ вліяніемъ Некрасова, но никогда я не чувствовалъ такъ всю глубину его чисто русской поэзіи и истинной любви къ народу, какъ въ эту минуту. Я не всталъ на колѣни, я не бился челомъ о мраморныя плиты,—я былъ увѣренъ, что и самъ Некрасовъ этого не сдѣлалъ,—но я чувствовалъ, что въ словахъ поэта нѣтъ ни одного преувеличенія. Мое внутреннее духовное „я“ въ это время было распростерто ницъ рядомъ съ этой молящейся женщиной и вмѣстѣ съ ней и за нее взывало къ небу объ утоленіи ея скорби.

Я пробылъ въ храмѣ дольше, чѣмъ хотѣлъ, и, выходя изъ него, я чувствовалъ, что мое сердце было полно любви къ моему родному народу, любви именно за то, что еще такъ недавно казалось мнѣ его слабой стороной, казалось тѣми чертами его характера, которыя мѣшали ему идти впередъ, въ ногу съ другими народами.

Когда, немного спустя, я трясся въ своемъ тарантасѣ по скверной проселочной дорогѣ, гдѣ недавно разведенная осенними дождями грязь уже успѣла засохнуть въ кочки, а незначитель-

ное число проѣзжающихъ здѣсь телѣгъ и экипажей еще не успѣло укатать ее, я, подпрыгивая на мало-упругихъ дрогахъ, опять проклиналъ нашу русскую жизнь, нашу скверные порядки, нашу некультурность, и опять вспоминалъ Некрасова:

„О мечты! О волшебная власть
Возвышающей душу природы!
Пламя юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы—
Все въ душѣ угнетенной моей
Пробудилось... но гдѣ же ты, сила?
Я проснулся ребенка слабѣй...“

Мы всѣ немножко „рыцари на часъ“. Въ стремленіи ли побѣдить міръ и раздвинуть наши границы до океана, въ стремленіи ли создать благополучіе родного народа, или въ порывахъ къ небу, въ готовности во имя божескихъ идей отбросить всѣ сатанинскія приманки земной культуры и, ища единенія съ Невѣдомымъ, погрузиться въ „недѣланіе“, мы всѣ — „рыцари на часъ“. Является какой-нибудь внѣшній толчокъ — мы уже свернули съ колеи, мы „ребенка слабѣй“...

Я только-что молился духовной красотѣ простой русской жизни, а уже сейчасъ же я былъ готовъ презирать эту жизнь за то, что она, именно она, съ своей духовной красотой, красотой мужицкой простоты, не даетъ мнѣ ни шоссейныхъ дорогъ, ни другихъ удобствъ культурной жизни. Настроеніе некрасовское смѣнилось настроеніемъ щедринскимъ.

XIII.

Въ этотъ годъ мнѣ предстояло жениться. Необходимо было свидѣтельство объ исповѣди и причастіи. Со времени пребыванія въ гимназіи я ни разу не исполнялъ этого обряда. Нужно было сдѣлать это теперь. Я въ это время находился въ Петербургѣ. Мнѣ сказали, что въ томъ соборѣ, куда я по мѣсту своей квартиры долженъ былъ быть причисленъ прихожаниномъ, не потребуется никакого говѣнія, а все здѣсь сдѣлается по-петербургски просто: приходите въ среду на Страстной на исповѣдь, а затѣмъ дьяконъ выдастъ вамъ свидѣтельство съ приложеніемъ церковной печати. И все тутъ. Даже къ причастію можно не ходить: никто не замѣтитъ. Я такъ и рѣшилъ.

Мнѣ было все-таки не по себѣ. Невѣрующій, я шелъ на совершеніе религіознаго обряда, требующаго вѣры. Я не видѣлъ

въ этомъ ни кощунства, ни обмана, потому что я дѣлалъ это не съ худой цѣлью, не по своей волѣ и никому не въ ущербъ. Я не видѣлъ возможности избѣжать этого иначе, какъ путемъ отреченія отъ женитьбы и торжественнымъ исповѣданіемъ отрицанія существующихъ паспортныхъ узаконеній, что̀ по тогдашнимъ обстоятельствамъ моимъ имѣло бы характеръ только неразумнаго и комическаго „подвига“. Мнѣ было извѣстно изъ біографіи Вольтера, что даже онъ, живя уже въ Фернейскомъ замкѣ, въ качествѣ seigneur'а, не считалъ нужнымъ сражаться съ вѣтряными мельницами и однажды, для поддержанія хорошихъ отношеній съ окружающими, не отказался faire ses pâques. Но меня смущало невѣдѣніе того, въ какой формѣ можетъ произойти предстоящая исповѣдь. Я никогда не лгалъ, не могъ бы солгать и на этотъ разъ. И вотъ я представилъ себѣ все, что могло произойти между мной и священникомъ. Я мысленно задавалъ себѣ его вопросы и придумывалъ на нихъ отвѣты, изощряясь придать имъ такую дипломатическую форму, чтобъ избѣжать возможнаго конфликта. Мнѣ вспомнилась исповѣдь Левина въ „Аннѣ Карениной“, и я думалъ: „Хорошо было Толстому писать, что Левинъ признавался попу въ своемъ „сомнѣніи“, невѣріи тожъ, и все-таки получилъ отпущеніе грѣховъ. То было въ романѣ, по волѣ автора. А мнѣ предстоитъ имѣть дѣло съ попомъ „на дѣлѣ“. Будь еще это въ Царевококшайскѣ, съ знакомымъ попомъ, спокойнѣе бы...“ И я уже начиналъ подумывать, не отложить ли. Но тѣ, кто ближе меня зналъ, съ какимъ равнодушіемъ относится духовенство большихъ приходовъ къ массѣ исповѣдающихся, смѣялись надъ моими колебаніями.

Чтобы не сдѣлать какой-нибудь неловкости при исповѣданіи по незнанію обряда, я купилъ себѣ требникъ, для ознакомленія съ тѣмъ, что̀ мнѣ предстоитъ дѣлать и какъ отвѣчать.

И я прочелъ о томъ, какъ послѣ семи страницъ предварительныхъ молитвъ начинается самая исповѣдь.

„И тако вопрошаетъ его прилѣжно едино ко единому, и ожидаетъ его, донелѣже отвѣщаетъ противу коегождо вопрошенія.

„Прежде всего вопрошаетъ его о вѣрѣ, глаголя:

„Рцы ми чадо: аще вѣруеши, яко церковь каѳолическая апостольская, на востокѣ насажденная и возращенная, и отъ востока по всей вселеннѣй разсѣянная, и на востокѣ и доселѣ недвижимо, и непремѣнно пребывающая, предаде и научи: и аще не сумнишися въ коемъ преданіи;

„И аще вѣритъ православно, и несумнѣнно, да чтетъ символъ вѣры:

„Вѣрую во единаго Бога...

„И сіе скончавъ, вопрошаетъ его:

„Рцы ми чадо: не былъ ли еси еретікъ, или отступникъ; не держался ли еси съ ними, ихъ капища посѣщая, поученія слушая, или книги ихъ прочитывая; не любиши ли чесого мірскихъ, паче Творца твоего; не лжесвидѣтельствовалъ ли еси; не преступилъ ли еси коего обѣта Богу обѣщаннаго; писанія божественная на кощуны не пріимовалъ ли еси; рцы ми чадо: не растлилъ ли еси дѣвства твоего...“

Далѣе шли такіе вопросы, отъ которыхъ покроется краской стыда бумага любого свѣтскаго изданія, и типографскій шрифтъ, попавъ въ строки, убѣжитъ обратно въ кассы; такія мельчайшія подробности грѣховъ могутъ печататься только въ духовныхъ книгахъ славянскимъ шрифтомъ.

Я читалъ и глазамъ не вѣрилъ. Какъ! Неужели все это должно быть спрошено исповѣдникомъ у исповѣдающагося?..

Я вспомнилъ мои прежнія исповѣди. Ничего подобнаго меня не спрашивали. И слава Богу. То были вѣдь исповѣди дѣтскія, отроческія, а многое, включенное въ эти исповѣдные вопросы, я и теперь-то узнавалъ впервые. И когда я читалъ въ требникѣ еще дальше все новые и новые грѣхи, о какихъ простому человѣку и не догадаться, я понималъ нашихъ священниковъ, которые не соблюдаютъ предписаній требника по исповѣди съ такой точностью, какъ по другимъ обрядамъ, и руководствуются тѣмъ, что предписано тѣмъ же „чиномъ исповѣданія“: „со всякимъ разсуднымъ испытаніемъ смотря различіе лицъ, и потому испытаніе творя: инако бо духовна, инако людина, инако монаха, инако мірска, инако юна, инако старца“. Но я понималъ теперь и то, что слыхалъ раньше про католическое безбрачное духовенство: развращеніе дѣвушекъ начинается иногда съ конфессіонала. Не знаю, какіе вопросы полагается предлагать по католическому требнику, а по православному предписано „отъ женъ вопрошати“, „яко и отъ мужей“, о такихъ вещахъ, о которыхъ имъ самимъ, пожалуй, и не догадаться бы.

Вооруженный этими знаніями изъ требника, я пошелъ на исповѣдь съ чувствомъ еще большей непріязни къ тѣмъ условіямъ гражданскаго общежитія, которыя вынуждали меня пройти чрезъ этотъ ненужный для меня духовный обрядъ; но я шелъ на него уже безъ опасенія конфликта. Я готовъ былъ сказать священнику:

— У васъ не хватитъ духу съ искреннимъ убѣжденіемъ задать мнѣ *всѣ* безъ исключенія вопросы по „чину исповѣданія"—оставьте же на моей совѣсти не отвѣтить на *тѣ*, которые кажутся неудобными мнѣ.

Когда я вошелъ за ширмочку, священникъ, при видѣ изысканно одѣтаго молодого человѣка, повидимому сразу сообразилъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Онъ поздоровался со мной за руку, спросилъ имя, отчество и фамилію, и кто я.

Я назвалъ себя и сказалъ, что я купецъ.

— Чѣмъ торгуете?

— Хлѣбомъ, льномъ.

— Гдѣ же?

— Покупаю въ Вятской и Пермской губерніи, а отправляю за границу, во Францію и въ Англію.

— За гра-ни-цу...—съ оттѣнкомъ уваженія въ голосѣ, протянулъ священникъ.—Что же, выгодно?

— Всяко бываетъ. Въ коммерческомъ дѣлѣ, какъ говорятъ, барышъ съ убыткомъ рядомъ ходятъ.

— Такъ... А вы петербургскій?

— Нѣтъ. Казанецъ.

— А!..—обрадовался священникъ.—Я вѣдь тамъ долго жилъ. Вы не знаете ли тамъ помѣщицу М-ву?

— Фамилію слыхалъ, а лично не знакомъ.

— Вотъ хорошая барыня была. Жива и теперь, я думаю, еще. Я у нея въ имѣньѣ, въ селѣ, священникомъ былъ. Года четыре. Хорошо жили. Въ особенности лѣтомъ. Гостей любила. А то бывало и такъ—пріѣдетъ исправникъ, судебный слѣдователь, за мной пошлютъ: цѣлыми днями въ картишки дуемся... Да... Такъ вы не знаете ее?.. Жаль, жаль. Славная барыня. Ну, можетъ, встрѣтитесь, увидитесь, скажите, что я вотъ гдѣ.

Онъ назвалъ свою фамилію.

— Все ей же спасибо. Она сюда хлопотала за меня, а то бы сиди гдѣ-нибудь въ селѣ... Ну, чай, у васъ грѣховъ никакихъ особенныхъ нѣтъ?—прервалъ онъ себя съ довольно равнодушной усмѣшкой:—Скоромное ѣли? Въ церковь не ходите? А можетъ тамъ и по купечеству не все ладно? А?.. Но особеннаго ничего нѣтъ?

Я все время находился въ какомъ-то недоумѣніи и былъ настроенъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ мой исповѣдникъ. Но совершенно равнодушно, такъ же, какъ онъ, я отвѣтилъ ему:

— Нѣтъ, ничего особеннаго.

— Ну, помолитесь. Встаньте на колѣни.—И, накрывъ меня

епитрахилью, онъ скороговоркой заговорилъ:—Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, благодатію и щедротами своего человѣколюбія, да проститъ ти, чадо, вся согрѣшенія твоя: и азъ, недостойный іерей, властію Его, мнѣ данною, прощаю и разрѣшаю тя отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь.

Прощаясь съ нимъ, я вручилъ ему три рубля. И онъ еще разъ сказалъ мнѣ:

— Ну, такъ если увидите М-у, кланяйтесь, кланяйтесь ей.

Къ причастію я не ходилъ, а чрезъ день получилъ отъ дьякона свидѣтельство съ приложеніемъ церковной печати.

Мнѣ было невесело, когда я и въ то время, и потомъ думалъ объ этой исповѣди. Я, взрослый человѣкъ, съ опредѣлившимся міровоззрѣніемъ, съ самымъ благимъ желаніемъ быть честнымъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, долженъ былъ сдѣлать нѣчто такое, что̀ вызывало у меня въ душѣ если не стыдъ, то какое-то неопредѣленное, но во всякомъ случаѣ нехорошее чувство и за себя, и за священника, который въ этомъ участвовалъ.

И это мнѣ было непріятно тѣмъ болѣе, что все оказалось совершенно ненужнымъ: моя женитьба тогда не состоялась.

XIV.

Почти черезъ годъ послѣ этого мнѣ пришлось тяжело заболѣть воспаленіемъ легкихъ. Это случилось весной, во время моего пребыванія по дѣламъ въ Казани. Болѣзнь сразу приняла очень серьезный характеръ. Лечилъ меня извѣстный въ Казани профессоръ Хомяковъ. Въ критическую минуту, опасаясь за исходъ болѣзни, онъ предложилъ мнѣ пригласить на консиліумъ еще болѣе извѣстнаго по всему Поволжью профессора же казанскаго университета, Виноградова. Было ясно, что мнѣ можетъ угрожать смерть завтра, послѣзавтра. Надо было подумать о дѣлахъ, сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія. Я все, что необходимо, дѣлалъ.

Но въ такихъ случаяхъ, въ часъ смертный, приходитъ обыкновенно мысль о душѣ. Человѣкъ вѣрующій призываетъ священника; невѣрующій задумывается, быть-можетъ, надъ своимъ невѣріемъ. Я былъ безусловно равнодушенъ къ этому вопросу. Не думаю, чтобы и отецъ, лично или черезъ моего управляющаго, рѣшился мнѣ напомнить объ исповѣди. Никакіе законы не принуждали меня сдѣлать это, какъ формальность. А для

меня въ эту минуту вопросъ о загробной жизни, о Богѣ, о моей праведности или неправедности не существовалъ. Да не существовало для меня тогда и земныхъ вопросовъ. Мои торговыя дѣла? Они приняли къ тому времени очень крупные размѣры, но шли чрезвычайно неудачно: я былъ наканунѣ банкротства, завѣщать мнѣ было нечего. Заботиться объ остающихся послѣ меня? Не приходилось ни о комъ. Моя дальнѣйшая жизнь, если я не умру? Она не сулила мнѣ—по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ — никакихъ радостей: напротивъ, грозила непріятностями, нищетой. Я готовъ былъ умереть такъ спокойно, какъ лечь спать послѣ дня, измучившаго меня непріятной работой. И пусть изъ меня растетъ лопухъ, а оставшіеся въ живыхъ пусть продолжаютъ свою жизнь млекопитающихъ. Адъ я считалъ безсмыслицей, никакого рая я себѣ не рисовалъ и не желалъ, безсмертія души—тоже. Но смерть сама по себѣ все-таки представлялась чѣмъ-то любопытнымъ. Промѣнять на нее свою обанкротившуюся жизнь я могъ безъ сожалѣнія. Откровеніе тайны смерти, если тутъ какая-нибудь тайна окажется — это было во всякомъ случаѣ самое интересное, что я могъ еще узнать отъ жизни. И насколько мнѣ позволяло мое полубредовое сознаніе, я еще иногда размышлялъ объ этомъ, и былъ совершенно спокоенъ.

Но смерть не пришла. Рѣшительныя мѣры, принятыя профессоромъ Виноградовымъ, скоро поставили меня на ноги. Черезъ мѣсяцъ я былъ уже по своимъ дѣламъ въ Рыбинскѣ, потомъ въ Петербургѣ. А еще черезъ два мѣсяца я умеръ—умеръ какъ купецъ: прекратилъ платежи. Моя болѣзнь отчасти повліяла на подрывъ моего кредита и въ то же время настолько надломила мои физическія силы, что дальнѣйшая борьба съ торговыми неудачами и убытками стала мнѣ непосильной.

Я былъ въ такомъ положеніи, когда люди иного склада ума, чѣмъ я, иного характера, кончаютъ самоубійствомъ. Но какъ не было у меня страха смерти въ критическую минуту болѣзни, такъ не было теперь и мрачныхъ помысловъ о самоубійствѣ въ моментъ торговой несостоятельности. Я встрѣтилъ эту гражданскую — торговую — смерть такъ же спокойно, какъ готовился встрѣтить смерть настоящую. И такъ же, какъ тогда я ожидалъ смерти съ нѣкоторымъ любопытствомъ откровенія тайны, такъ теперь я встрѣчалъ новую жизнь съ любопытствомъ къ ожидаемымъ впечатлѣніямъ.

Кто пережилъ такое положеніе, пойметъ, что такой переходъ расширяетъ кругозоръ. Узнаешь настоящую цѣну друзьямъ,

людямъ, дѣламъ, вообще жизни. А новое мое положеніе уже подзадоривало меня на борьбу съ людскими предразсудками, со всей ложью житейскихъ отношеній въ капиталистическомъ строѣ. Никогда мнѣ не была такъ противна вся условность оцѣнки людей по ихъ богатству, какъ въ моментъ переживанія банкротства... Я зналъ, что тамъ, позади меня, въ торговомъ мірѣ, остались десятки и сотни такихъ же несостоятельныхъ должниковъ, какъ я. Но ихъ несостоятельность еще не обнаружена, и всѣ относятся къ нимъ съ прежнимъ почтеніемъ, какъ къ представителямъ капитала. А въ то же время уже о многихъ изъ нихъ подъ шумокъ говорятъ, какъ о неблагонадежныхъ плательщикахъ. Тѣ, кто поопытнѣе, имъ уже не довѣряютъ, но все-таки относятся къ нимъ какъ къ равноправнымъ коммерческимъ величинамъ. Менѣе опытные или болѣе склонные къ риску, вѣрящіе въ позолоту, какъ въ настоящее золото, или въ то, что эта позолота долго не сойдетъ, продолжаютъ еще оказывать давно несостоятельнымъ фирмамъ кредитъ и даютъ имъ возможность продолжать блистать, какъ настоящимъ звѣздамъ на биржевомъ небѣ. Про нравственныя качества многихъ изъ этихъ звѣздъ говорятъ съ величайшимъ пренебреженіемъ, но пока ихъ торговая фирма не исключена изъ биржевого списка, всѣ они пользуются вниманіемъ, соотвѣтствующимъ ихъ торговымъ оборотамъ. Наступитъ день—прекращеніе платежей—и тѣ, кто имъ сегодня кланялся съ почтеніемъ, завтра съ пренебреженіемъ отвернутся отъ нихъ. Другіе, наоборотъ, начинаютъ кланяться съ ними еще почтительнѣе, въ ожиданіи, что несостоятельность есть простое „ломаніе рубля" и что, расплатившись съ кредиторами, по соглашенію, за рубль полтиной, несостоятельный сдѣлается уже *настоящимъ* капиталистомъ и займетъ *прочное* положеніе между равными себѣ. Но если окажется, что у него дѣйствительно ничего нѣтъ, эти люди выкинутъ его изъ своего общества, какъ пустой мѣшокъ. Имъ некогда даже будетъ отвѣтить на его поклонъ: на это у нихъ не найдется времени, ибо каждое движеніе купеческой руки неизбѣжно оцѣнивается въ какую-нибудь сумму...

Все это пришлось испытать отчасти и мнѣ.

Но условія моей несостоятельности были еще достаточно благопріятны.

Мое дѣло держалось на кредитѣ съ самаго начала, на кредитѣ, открытомъ мнѣ заграничными торговыми фирмами. Этотъ кредитъ былъ подорванъ 1-го марта 1881-го года, когда былъ убитъ императоръ Александръ II. Мои заграничные довѣрители

ожидали, что у насъ, вслѣдъ за этимъ, начнется революція и полный разгромъ. Не хотѣли дать ни копейки, пока у насъ все не успокоится. А мнѣ какъ разъ въ то время предстояли огромные платежи за товары, купленные въ разсчетѣ на заграничный кредитъ. Предстояло или объявить себя несостоятельнымъ должникомъ сейчасъ же, или, въ надеждѣ на дальнѣйшую удачу, продолжать свои дѣла, ища кредита въ Россіи. Я избралъ послѣднее. Для этого съ самаго начала пришлось тѣ товары, которые я покупалъ съ разсчетомъ на прибыль, продать съ огромными убытками, и уже въ 1881-мъ году мой пассивъ значительно превышалъ мой активъ. Я продержался однако еще два года. Это были годы большихъ душевныхъ страданій, годы пребыванія въ непрерывномъ ложномъ положеніи. Но я никому не лгалъ и въ это время, какъ это ни трудно было при такихъ условіяхъ; я умѣлъ обходиться умолчаніемъ. Требовать у меня отчета въ моихъ торговыхъ дѣлахъ никто вѣдь не имѣлъ права: коммерческая тайна узаконена,—она ограждала меня отъ обнаруженія состоянія моихъ дѣлъ и ото лжи.

Довѣріе къ моимъ словамъ, какимъ я пользовался при веденіи своихъ дѣлъ, сохранилось ко мнѣ и тогда, когда я прекратилъ платежи. Всѣ вѣрили, что я не утаю ничего, и никто не просилъ судъ объ объявленіи меня несостоятельнымъ должникомъ. Рѣчь шла о мировой сдѣлкѣ. Но тутъ оказалось такъ трудно согласить интересы однихъ кредиторовъ съ интересами другихъ, что я, уставъ отъ безполезной борьбы и чувствуя себя больнымъ, самъ объявилъ Коммерческому суду о своей несостоятельности. Судъ оставилъ меня на свободѣ, и никто изъ семидесяти человѣкъ моихъ кредиторовъ не потребовалъ моего личнаго задержанія, за исключеніемъ Государственнаго Банка, который сдѣлалъ это съ чисто формальной стороны. Коммерческій судъ такъ же формально отказалъ ему въ этомъ, тѣмъ болѣе, что имѣлись въ виду основанія отнести мою несостоятельность къ разряду несчастныхъ.

Я сдалъ моимъ кредиторамъ все свое имущество, деньги, товары, недвижимость и движимость, все, до мельчайшихъ предметовъ моей домашней обстановки, и получилъ отъ назначеннаго судомъ присяжнаго попечителя на первое время на проживаніе 50 рублей. А по моему торговому балансу выходило, что, за ликвидаціей имущества и за уплатой вырученной суммы кредиторамъ, у меня останется 250.000 рублей долговъ, неоплатныхъ до десятилѣтней давности еще послѣ окончанія конкурса.

Съ этимъ я начиналъ новую жизнь. Я переѣхалъ изъ моей квартиры въ дешевенькую меблированную комнату и сейчасъ же сталъ просить себѣ мѣсто въ той экспортной конторѣ, гдѣ я служилъ раньше. Мѣсто мнѣ дали. Но съ окладомъ уже втрое меньшимъ, чѣмъ прежде.

Въ бѣдно обставленной, но чистенькой комнаткѣ, у хозяйки-нѣмки, я почувствовалъ сразу такую бодрость, такое душевное спокойствіе, какого не зналъ съ тѣхъ поръ какъ былъ студентомъ. Я почувствовалъ себя здѣсь на своемъ мѣстѣ. Точно я послѣ долгаго путешествія, послѣ жизни въ разныхъ дорогихъ отеляхъ, вернулся домой. Ночи не пугали меня безсонницей, утро не приносило мнѣ заботъ о предстоящихъ платежахъ. Мнѣ вспоминался одинъ изъ афоризмовъ Берне, гдѣ онъ говоритъ, что потерялъ свою независимость съ тѣхъ поръ, какъ купилъ впервые фарфоровый сервизъ. Я могъ сказать, что я сталъ независимымъ въ тотъ день, когда у меня всѣ сервизы продали съ аукціона.

Прошло нѣсколько дней послѣ моего заявленія въ судъ. Утромъ, когда я, только-что вставъ, пилъ чай, горничная сказала мнѣ, что меня спрашиваетъ судебный приставъ. По тѣлу у меня пробѣжала нервная дрожь. Все передъ этимъ пережитое дѣлало меня до болѣзненности впечатлительнымъ. Но вошедшій судебный приставъ оказался человѣкомъ очень вѣжливымъ и симпатичнымъ.

— Я принесъ вамъ повѣстку о вызовѣ васъ въ Коммерческій судъ для принятія присяги,—сказалъ онъ, вынимая изъ портфеля бумагу.

Я взялъ бумагу, чтобы расписаться. Предложилъ приставу садиться и предложилъ ему чаю. Отъ чаю онъ отказался; но, принимая отъ меня расписку и объясняя, когда мнѣ явиться и кого спросить въ судѣ, онъ осторожно и деликатно спросилъ меня:

— Скажите, пожалуйста, я слышалъ, что вы сдали кредиторамъ наличныя деньги?

— Да,—отвѣчалъ я, не понимая, почему онъ задалъ мнѣ этотъ вопросъ.—А что?

Онъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, улыбнулся и сказалъ:

— Да такъ, любопытно.

— Почему?

Онъ не то съ усмѣшкой, не то съ уваженіемъ, не то просто съ недоумѣніемъ сказалъ:

— А то, что вотъ я двадцать лѣтъ судебнымъ приставомъ,

а ни въ моей личной практикѣ, ни въ практикѣ моихъ товарищей не знаю случая, чтобы несостоятельные должники сдавали наличныя деньги.

И онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза испытующимъ взглядомъ.

Онъ прочелъ въ нихъ, вѣроятно, спокойную увѣренность, что для меня не могло быть иного образа дѣйствій. А о дѣйствіяхъ другихъ я въ это время не судилъ.

Когда въ назначенный день и часъ я явился въ судъ для принятія присяги, я разсуждалъ, что вотъ опять я иду на такой компромиссъ, какой былъ сдѣланъ мною съ исповѣдью. Я не вѣрилъ въ значеніе присяги и не вѣрилъ во всѣ слова, какія долженъ былъ при этомъ произнести, во всѣ тѣ дѣйствія, которыя долженъ былъ совершить.

Но долженъ ли былъ я отказаться отъ присяги? Почему отказаться? Съ какой цѣлью? Я могъ сказать себѣ, что, присягая, я этимъ укрѣпляю въ умахъ другихъ то, что я считаю предразсудкомъ. Но вѣдь отъ меня въ данномъ случаѣ не требовалось исповѣданія моей вѣры, доказательства моей принадлежности къ извѣстному вѣроисповѣданію. Не требовалось быть примѣромъ для другихъ ни въ какомъ смыслѣ, не поднималось вопроса о положительномъ или отрицательномъ отношеніи моемъ къ обряду, а требовалось просто соблюденіе извѣстной, чисто судебной процедуры. Отказъ отъ присяги могъ возбудить и у суда, и у моихъ кредиторовъ сомнѣніе въ правдивости моихъ показаній относительно моего имущества и хода моихъ дѣлъ. А между тѣмъ для меня доказательство этой правдивости, въ особенности послѣ того, что говорилъ мнѣ судебный приставъ, представлялось съ общественной точки зрѣнія гораздо болѣе важнымъ, чѣмъ тотъ компромиссъ, на который я долженъ былъ пойти, соблюдая формальность присяганія. Правдивость моихъ показаній была важна для меня не только какъ примѣръ для другихъ, если я могъ послужить кому-нибудь примѣромъ, но и для меня самого. Я не могъ бы себѣ представить спокойной жизни въ дальнѣйшемъ будущемъ, еслибы на душѣ моей была хоть одна ложь. Я могъ въ этотъ моментъ дѣйствительно присягнуть передъ моимъ Богомъ—предъ своей совѣстью,—что каждое мое дальнѣйшее слово, каждое мое дѣйствіе будетъ правдой. Мой Богъ—моя совѣсть—такой присяги отъ меня не требовалъ, но это разумѣлось само собой. А въ *какой* формѣ, въ *какихъ* словахъ это могло выразиться для другихъ—это для меня было совершенно безразлично. Мнѣ эти слова подсказывали, я ихъ произносилъ. Я вступалъ

въ новую жизнь, и это былъ послѣдній компромиссъ, которымъ я покончилъ съ своимъ прошлымъ.

Несостоятельность поставила меня въ такое положеніе, при которомъ всѣ недавнія мечты о богатствѣ, какъ орудіи въ моихъ рукахъ для совершенія добра, разрушались. Я долженъ былъ для моихъ цѣлей выбирать иной путь. Этотъ путь для меня былъ ясенъ: литературная дѣятельность. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я временно отказался отъ нея—теперь она сдѣлалась для меня единственной цѣлью. И теперь я уже не думалъ, какъ тогда, что я еще недостаточно знаю жизнь, что мнѣ еще нечего сказать своего. Если вопросъ о цѣли жизни и тѣсно связанный съ нимъ вопросъ о Богѣ и религіи оставался для меня, какъ и прежде, все еще нерѣшеннымъ, то пройденный жизненный путь давалъ мнѣ уже болѣе опредѣленныя указанія, гдѣ и какъ искать рѣшенія этихъ вопросовъ, которые сами по себѣ сдѣлались цѣлью моей жизни. Вмѣсто богатства, силы и власти, къ которымъ я стремился, не только какъ къ благамъ, общимъ для всѣхъ, но и собственно для себя, я вступалъ теперь въ своей личной жизни на путь лишеній, болѣзни, неудачъ, разочарованій. Но и на путь такихъ духовныхъ радостей, какихъ не зналъ раньше! Съ этого момента всѣ мои силы, всѣ мои помыслы были посвящены литературѣ.

Я сталъ писателемъ.

А вѣрой моей стало исканіе проявленія Невѣдомаго Бога въ жизни и исканіе чрезъ это путей къ Нему и общенія съ Нимъ—внѣ всѣхъ существующихъ религій.

Ал. Луговой.

РАЗСВѢТЪ НА ГАРЦѢ

Ударомъ тяжелаго молота
Расколоты сны золотые.
Пронизаны брызгами золота
Уступы крутые.
Туманы лилово-багряные
Сползаютъ лѣниво по склонамъ
И таютъ, качаясь какъ пьяные,
Надъ лѣсомъ зеленымъ.
И вѣтеръ холодными струями
Ихъ гонитъ все ниже и ниже.
Заря обожгла поцѣлуями...
Придвинулась ближе...
И вдругъ надъ притихшими склонами
Побѣдную пѣсню запѣли:
То—солнце съ веселыми звонами,
То день въ колыбели!

Л. Василевскій.

Земмерингъ.

НА СѢВЕРѢ

Круче срывъ лѣсистыхъ горъ,
Небо Сѣвера блѣднѣе,
Все тоскливѣй, все тѣснѣе
Валуны, слѣды озеръ.

За сиреневой каймой
Тучи сѣро-голубыя.
Таютъ волны, какъ живыя
Ускользая за кормой.

Тамъ—безсонный водопадъ,
Здѣсь—покой и сонъ озерный:
Двухъ стихій чередъ упорный,
Двухъ началъ извѣчный рядъ.

Л. Василевскій.

МОДЕРНИЗМЪ
ВЪ РУССКОЙ ПОЭЗІИ

II *).

Между Бодлэромъ и Верхарномъ.

Изъ иностранныхъ поэтовъ двое были главными, великими учителями Брюсова: Бодлэръ и Верхарнъ. Уже въ „Tertia Vigilia“ мы читаемъ:

Радость вторая—въ огняхъ лучезарна!
Строфы поэзіи—смыслъ бытія.
Тютчева пѣсни и думы Верхарна,
Васъ—поклоняясь—привѣтствую я.

Верхарнъ расширилъ содержаніе поэзіи Брюсова. Онъ вырвалъ его изъ узкихъ тропинокъ чисто-индивидуальныхъ переживаній, онъ толкнулъ его къ всемірному, къ общечеловѣческому. Въ этомъ смыслѣ ознакомленіе съ Верхарномъ, и затѣмъ долгая, упорная, строгая къ себѣ работа надъ переводами изъ Верхарна полосою врѣзалась въ исторію творчества нашего автора, стала гранью перелома въ этомъ творчествѣ. Но какъ ни велика была революція, произведенная Верхарномъ, она не была полной. Верхарнъ пе смогъ придать поэту своей вдохновенной вѣры въ будущее человѣчества, зажечь его огнемъ боеваго энтузіазма во имя этого будущаго и освѣтить этимъ огнемъ всю multiple splen-

*) См. ноябрь, стр. 209.

deur, всю многогранность красоты міра и жизни... Иныя вліянія здѣсь перевѣсили...

Другой великій учитель—Бодлэръ. Строгость его стиха, выточенное изящество формы также создаетъ новую грань въ творчествѣ поэта. „Свободный стихъ", такъ соотвѣтствующій бурному, своевольному темпераменту Верхарна, не привился и не могъ привиться къ Брюсову. Для этого Брюсовъ слишкомъ внутренно-холоденъ, слишкомъ уравновѣшенъ, слишкомъ застегнутъ въ свой длинный черный сюртукъ. Углубленныя мотивами Верхарна думы поэта продолжаютъ оставаться строгими и спокойными. И чеканность бодлэровскаго стиха, вмѣстѣ съ его классической мѣрностью, краткостью и силой, чаще служитъ образцомъ, къ которому стремится Брюсовъ. Конечно, вліяніе Бодлэра не ограничивается формой: бодлэровскій пессимизмъ также налагаетъ свой отпечатокъ на поэзію нашего автора. Но здѣсь вліяніе его—какъ и вліяніе Верхарна—не идетъ до послѣднихъ глубинъ. Вся непосредственность, вся напряженность бодлэровскихъ переживаній ему не передается; его пессимизмъ остается головнымъ. Тамъ, гдѣ Бодлэръ, какъ зачарованный, какъ загипнотизированный, созерцаетъ „цвѣты зла" въ самыхъ затаенныхъ уголкахъ на днѣ человѣческой души, фиксируя ихъ своими очами—этими огромными увеличительными стеклами,—словомъ, тамъ, гдѣ Бодлэръ умѣетъ *мучительно предчувствовать*, Брюсовъ только скорбно-иронически *раздумываетъ*, иногда даже резонируетъ...

Бодлэръ и Верхарнъ—это живая антитеза, это какъ будто два полюса... И все-таки между ними, въ болѣе зрѣлую эпоху, прокладываетъ свою орбиту поэзія Брюсова. Между ними она колеблется, прежде чѣмъ открыть свою „равнодѣйствующую". Бодлэръ и Верхарнъ—вотъ два великіе образца, вытѣсняющіе постепенно всѣхъ другихъ. „Да не будутъ тебѣ бози иніе"... Эти иные боги—dii minores декадентства—не разъ направляли раньше фантазію поэта въ тупики безсильныхъ пріемовъ творчества. Онъ выбрался, хотя и не безъ труда и не сразу, изъ этихъ тупиковъ. Блужданья по нимъ провели, однако, не легко изгладимыя морщинистыя борозды на ясномъ и красивомъ челѣ его поэзіи...

Кромѣ появившейся недавно „Елены Спартанской", Брюсовъ далъ переводъ около двадцати отдѣльныхъ пьесъ Верхарна, среди которыхъ фигурируютъ такіе шедевры, какъ „Кузнецъ", „Возстаніе", „Банкиръ", „Трибунъ". Брюсовъ не только *первый* познакомилъ русскую читающую публику съ этимъ всемірнымъ поэтическимъ геніемъ: ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, принадлежатъ и *лучшіе* изъ переводовъ Верхарна на русскомъ языкѣ.

Въ большей части этихъ тщательно выписанныхъ переводовъ Брюсовъ оказался вполнѣ на высотѣ выпавшей на его долю трудной задачи. Трудной—ибо порывистый, смѣлый, гиперболически-образный и страстно безпорядочный, порою намѣренно неправильный языкъ Верхарна съ трудомъ поддается переводу на нашу сѣверную рѣчь. Если присоединить сюда своеобразную музыку стиха, сочетанія звуковъ, соотвѣтствующихъ темѣ, часто недостижимыя при переводѣ, поражающіе воображеніе эпитеты, а иногда и прозаизмы въ темахъ и терминахъ, которые дерзко беретъ приступомъ геній Верхарна,—то мы составимъ себѣ нѣкоторую приблизительную картину этихъ трудностей.

Брюсовъ, однако, умѣетъ справляться съ ними. Когда же онъ съ ними не справляется—въ видѣ рѣдкаго исключенія,—то объясненіе этому нужно искать въ причинахъ особаго порядка, глубоко заложенныхъ въ психологіи нашего автора...

Такъ, Брюсовъ далъ, въ общемъ, мастерской переводъ верхарновскаго „Кузнеца“. Но въ одномъ пунктѣ, съ одного момента крылья творческой фантазіи переводчика вдругъ неожиданно ослабѣваютъ. Тамъ, гдѣ символическій „кузнецъ“ исповѣдуетъ свои задушевнѣйшія мечты и упованія, нашъ авторъ—вмѣсто вдохновенныхъ картинъ соціалистическаго будущаго человѣчества, восторженно рисуемыхъ Верхарномъ,—даетъ что-то блѣдное, сантиментальное, отдающее прѣсной добродѣтелью прописей... Судите сами—

И ясно предъ собой онъ видитъ эти дни,
Какъ еслибъ, наконецъ, уже зажглись они:
Когда содружества простѣйшіе уроки
Дадутъ народамъ миръ, а жизни—свѣтлый строй...
. . . .
Сойдетъ любовь, чья благостная сила
Еще невѣдома въ послѣднихъ глубинахъ,
Съ надеждой къ тѣмъ, кого судьба забыла
. . . .
И люди, лишь себя величащіе нынѣ,
Себялюбивые слѣпцы,
Всѣмъ братьямъ расточатъ свои живые миги,
И будетъ жизнь людей проста, ясна...
. . . .
Причастны Цѣлому, съ своимъ удѣломъ скромнымъ
Сроднятся слабые, и тайны вещества,
Быть можетъ, явятъ тайну Божества...

Не нужно думать, будто эти внутренно-слабыя строки принадлежатъ французскому оригиналу, а не русской копіи. Начнемъ хотя бы съ конца.

. . . . . . la matière
Confessera peut-être, alors, ce qui fut Dieu.

Здѣсь не „небеса повѣдаютъ славу Божію"—на что сильно смахиваютъ туманныя выраженія перевода о „явленіи тайны Божества" въ „тайнахъ вещества": здѣсь какъ разъ обратное. „То, что *было* Богомъ" для людей—тайное, загадочное въ вещахъ и явленіяхъ — это раскроется, объяснится; и разгадку тайному дастъ прозаическая матерія... Ибо вѣдь это пишетъ тотъ же Верхарнъ, который въ другомъ мѣстѣ восклицаетъ:

Nous apportons, ivres du monde et de nous mêmes,
Des coeurs d'hommes nouveaux dans le vieil univers.
Les Dieux sont loin et leur louange et leur blasphème;
Notre force est en nous et nous avons souffert.

S'il est encor là-bas des caves de mystère
Où tout flambeau s'éteint ou recule effaré,
Plutôt que d'en peupler les coins par de chimères
Nous préférons ne point savoir que nous leurrer.

И не „причастные Цѣлому", да еще „Цѣлому" съ большой буквы, примирятся слабые со своимъ *скромнымъ* удѣломъ; нѣтъ, авторъ и здѣсь вкладываетъ въ свои стихи содержаніе гораздо болѣе реальное, конкретное, пусть даже прозаическое, но вмѣстѣ съ тѣмъ жизненно-боевое: „Le faible aura sa part dans l'existence entière"—провозглашаетъ онъ.

И не только ту банальную вещь утверждаетъ онъ, что „себялюбивые слѣпцы" тогда полюбятъ ближнихъ своихъ. Нѣтъ, у него какъ разъ здѣсь звучатъ особенно боевыя ноты; его крылатыя строфы здѣсь рѣзко бьютъ въ догматъ безсмертія души, въ которомъ поэтъ видитъ высшее выраженіе эгоистической самовлюбленности, доходящей до чудовищной попытки въ мечтѣ, въ фантазіи увѣковѣчить всякое конкретное ограниченное человѣческое „я", придавъ ему безсмертное самодовлѣніе... И онъ мечтаетъ о томъ времени,

Quand l'homme, au lieu de croire à l'égoïste effort,
Qui s'éterniserait en une âme immortelle,
Dispensera vers tous sa vie accidentelle.

Наконецъ, сильнѣе, оригинальнѣе, глубже въ подлинникѣ и предыдущее мѣсто—

Ces temps, où fixement les plus simples étiques
Diront l'humanité paisible et harmonique;
. . . .
L'amour, dont la puissance encore est inconnue,

Dans sa profondeur douce et sa charité nue,
Ira porter la joie égale aux résignés.

Но вѣдь здѣсь, въ этихъ строкахъ—весь Верхарнъ, въ его самыхъ завѣтныхъ надеждахъ и вѣрованіяхъ, въ „святая святыхъ“ его оцѣнки человѣчества. За то здѣсь же—и наиболѣе чуждая Брюсову сторона верхарновскаго творчества. Не даромъ Брюсовъ обошелъ въ своихъ переводахъ всѣ тѣ стихотворенія Верхарна, гдѣ онъ фигурируетъ какъ философъ и мыслитель, со своей своеобразной позитивной религіозностью или мистическимъ позитивизмомъ, съ враждой къ вѣрѣ въ Бога, въ безсмертіе души, съ почти мистическимъ культомъ разума... Брюсова не можетъ вдохновить эта вѣра. Образцовый переводчикъ, съ рѣдкимъ умѣньемъ найти для каждаго образа въ подлинникѣ соотвѣтствующій образъ въ переводѣ, даже чуть не каждую строфу передать также не болѣе, чѣмъ въ одной строфѣ—злѣсь безсильно опускаетъ крылья. Брюсову очевидно приходится себя слишкомъ приневоливать, чтобы вслѣдъ за Верхарномъ восторженно рисовать картину будущаго строя, какъ зарю обновленія всѣхъ силъ человѣчества, какъ царство новаго счастья, новой красоты, новаго расцвѣта индивидуальности.

Мы говорили о рѣзкой противоположности между Верхарномъ и Бодлэромъ: здѣсь она достигаетъ своего максимума. Въ противоположность земному, слишкомъ земному идеализму Верхарна, Бодлэръ живетъ идеаломъ безплотнымъ, способнымъ лишь освѣтить своимъ яркимъ факеломъ все пошлое, мелкое, уродливое, дисгармоническое въ нашей жизни. Идеалъ Верхарна—это почти конкретная цѣль, которую нужно осуществить; идеалъ Бодлэра—только мѣрка для обличенія неидеальнаго. Первый родитъ боевой энтузіазмъ, второй—глубокую меланхолію и скорбное ощущеніе несовершенства всего земного. Первый зоветъ впередъ, къ свѣтлому будущему человѣчества, второй—уводитъ изъ граней земного бытія туда, за предѣлы опыта...

Художникъ перерабатываетъ жизнь, конденсируетъ, а не копируетъ ее; онъ, до извѣстной степени, есть творецъ своеобразнаго идеальнаго міра; въ этомъ-то смыслѣ онъ и „не можетъ не быть пророкомъ“; здѣсь именно и сказывается глубокая *косвенная* связь между столь различными областями какъ искусство и мораль. Бодлэръ прекрасно говоритъ объ этомъ—конечно, въ терминахъ своего умонастроенія.

„Чистый Разумъ добивается Истины; Вкусъ указываетъ намъ Красоту; Нравственное Чувство научаетъ насъ Долгу. Правда, что среднее изъ этихъ трехъ чувствъ имѣетъ интимную внутрен-

нюю связь съ двумя крайними; въ частности, отъ Нравственнаго Чувства оно отдѣляется различіемъ столь тонкимъ, что Аристотель не усомнился помѣстить нѣкоторыя изъ наиболѣе высшихъ проявленій этого чувства среди „добродѣтелей“. Въ самомъ дѣлѣ, что болѣе всего возмущаетъ человѣка съ тонкимъ вкусомъ въ зрѣлищѣ порока, такъ это его отталкивающее безобразіе, дисгармоничность. Порокъ покушается одновременно на истину и на справедливость, отталкивающе дѣйствуетъ на разумъ и на совѣсть; но иныя поэтическія сердца онъ въ особенности уязвитъ, какъ диссонансъ, какъ оскорбленіе, нанесенное гармоніи; и я не думаю, чтобы было неумѣстно разсматривать всякое нарушеніе нравственности, нравственной красоты, какъ своего рода преступленіе противъ универсальнаго ритма и всемірной просодіи... Именно это изумительное, это безсмертное чувство прекраснаго даетъ намъ возможность разсматривать землю и зрѣлища ея событій, какъ отраженіе, какъ соотвѣтственныя звенья иного, неземного міра... Ненасытимое тяготѣніе ко всему, что находится по ту сторону жизни, что скрывается ею — есть лучшее доказательство нашего безсмертія. Въ одно и то же время благодаря поэзіи и чрезъ нее, благодаря музыкѣ и чрезъ нее духъ человѣческій провидитъ ослѣпительныя сіянія того, что находится за могилой. И когда чудная поэма вызываетъ на нашихъ глазахъ слезы, эти слезы — вовсе не свидѣтельство избытка радости: нѣтъ, онѣ скорѣе свидѣтельствуютъ о взволнованной меланхоліи, о мольбѣ всѣхъ нашихъ нервовъ, о встревоженномъ существѣ нашей природы, природы существъ, изгнанныхъ въ несовершенный міръ и жаждущихъ немедленно, здѣсь же, на этой землѣ, открывающагося имъ рая“.

Отъ позитивизма Верхарна мы уходимъ здѣсь далеко, далеко въ область чистѣйшаго философскаго идеализма; мы возвращаемся въ сѣдую древность, къ старику Платону... Впрочемъ, еще Лаасъ, въ своемъ „Positivismus und Idealismus“, блестяще доказалъ, что платоновскіе мотивы, въ такъ или иначе видоизмѣненномъ видѣ, варьируясь на всѣ лады, лежатъ въ основѣ всѣхъ идеалистическихъ системъ, вплоть до настоящаго времени. Для платонизма прекрасное есть проявленіе или выраженіе высшаго идеала, а этотъ идеалъ въ то же время есть единственная истинная реальность, умопостигаемый объектъ, который, преломляясь сквозь призму нашихъ чувствъ, даетъ пестрый спектръ *нашего* міра, міра какъ представленія, міра относительнаго, кажущагося, „внѣшняго“. Высшій духовный разумъ, поднимаясь *надъ* грубыми чувствованіями, постигаетъ въ „явленіи міра нашимъ чув-

ствамъ" то, чего чувства не могли бы улавливать: порядокъ, величіе, гармонію, т.-е. нѣчто духовное, сверхчувственное въ вещахъ. Теорія эта тѣсно связывается съ общимъ представленіемъ о нашемъ, чувственномъ мірѣ, какъ о преходящемъ и несовершенномъ состояніи; ему предшествуетъ и за нимъ слѣдуетъ дѣйствительное, истинное, сверхчувственное существованіе; въ этомъ мірѣ человѣкъ, какъ падшій ангелъ, лишь смутно вспоминаетъ о чистомъ идеальномъ мірѣ и лишь провидитъ слабые контуры его будущаго сіянія... Эта „эстетика идеала", по выраженію Буарака, или эстетика объективно-метафизическая, по выраженію Фулье, смѣнилась сначала „эстетикою перцепціи", эстетикой субъективно-психологической, берущей свое начало отъ Канта и подробно развитой Шиллеромъ и англійскою школой. Платонъ требовалъ постиженія истинной реальности, основывая чувство прекраснаго на смутномъ понятіи о мірѣ идеала и гармоніи, объ умопостигаемомъ объектѣ. Кантъ отвергъ знаніе объекта и субъективировалъ все наше мышленіе. Въ частности, онъ субъективировалъ и чувство прекраснаго, перенеся его—какъ и весь міръ—„внутрь" человѣка. Съ этой точки зрѣнія художественное наслажденіе есть слѣдствіе свободнаго и легкаго упражненія нашей способности воспринимать и вызывать въ своемъ представленіи формы явленій. Эта эстетика, по существу своему, глубоко индивидуалистична. Эстетическое наслажденіе становится чѣмъ-то близкимъ къ наслажденію игрой, чѣмъ-то сходнымъ съ легкой гимнастикой интеллекта. Если съ платоновскимъ взглядомъ искусство получало высшее назначеніе—обращать духъ человѣческій отъ чувственнаго къ сверхчувственному, отъ преходящей жизни на землѣ къ тому высшему, что находится „по ту сторону" жизни,—то эстетика кантовская болѣе всего способна была обосновать „искусство для искусства". Но и платоновской, и кантовской эстетикѣ, какъ и любому соединенію ихъ обѣихъ (а такія соединенія—въ большой модѣ) противостоитъ эстетика современная, позитивно-соціальная. Она чужда абсолютнаго, метафизическаго объективизма платоновской эстетики, какъ чужда и абсолютнаго субъективизма эстетики кантовской. Она нашла высшую точку зрѣнія, синтезирующую объективизмъ и субъективизмъ, провозглашающую относительность того и другого, разсматривающую „объективное" какъ обобщенное субъективное, какъ субъективное, „приведенное къ одному знаменателю" въ соціологическомъ процессѣ общенія людей. Ея принципъ—соціализація жизни. Искусство, съ этой точки зрѣнія, принадлежитъ не „потусторонней", а этой, земной жизни; какъ и мораль, какъ

и политика, какъ и наука, искусство вноситъ свой элементъ въ созданіе верховнаго человѣческаго „панидеала“, воплощающаго въ одномъ гармоническомъ единствѣ summum bonum, способное объединить—*соціализировать*—все человѣчество. И поэтому же, съ другой стороны, искусство—не гимнастика, не игра, а часть дѣйственной, активной, устремленной къ будущему, направляемой „панидеаломъ“ *жизни*. Искусство перестаетъ быть высокой иллюзіей, утѣшающей и отвлекающей насъ отъ несовершенствъ грубой житейской дѣйствительности; оно само становится великой преобразующей силой въ этой дѣйствительности.

Всякій художникъ долженъ разрѣшить для себя этотъ вопросъ о смыслѣ искусства, тѣсно связанный съ вопросомъ о смыслѣ жизни. Отношеніе искусства къ идеалу — рѣшающій моментъ для опредѣленія духовной физіономіи художника. Поэтъ можетъ выработать себѣ опредѣленный глубоко-жизненный идеалъ, который окраситъ собою все его отношеніе къ дѣйствительности, весь характеръ его творческой переработки дѣйствительности. Поэтъ можетъ не найти этого идеала въ области „жизненнаго“ и перенести его „по ту сторону“ жизни. Наконецъ, поэтъ можетъ не найти его ни тамъ, ни здѣсь. Тогда—если только онъ способенъ чувствовать глубоко, а не принадлежитъ къ числу беззаботныхъ нравственныхъ бонвивановъ—его отношеніе къ дѣйствительности неминуемо окрасится въ цвѣтъ универсальнаго пессимизма...

Мы видѣли, что Бодлэръ именно размышленіями объ искусствѣ былъ доведенъ до признанія потустороннягo „міра добра“. И это сознаніе согрѣваетъ и освѣщаетъ глубокій пессимизмъ его отношенія къ дѣйствительности. Мы знаемъ, что Верхарнъ находитъ животворящую силу жизни въ самой жизни, и что это придаетъ его поэзіи такой свѣтлый, жизнерадостный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бурный, боевой характеръ. Какъ же прошелъ Валерій Брюсовъ между Бодлэромъ и Верхарномъ?

Онъ прошелъ путь Бодлэра—и не могъ успокоиться на немъ. Для него одно время и жизнь, и люди — все это было какъ царство тѣней, съ которымъ нужно примириться, которое нужно полюбить, ибо все это скользитъ на грани, за которой—настоящая дѣйствительность, покрытая великимъ очарованіемъ предвѣчной тайны.

И я съ людьми какъ братъ, я все прощаю имъ,
Печальнымъ, вдумчивымъ, идущимъ въ тихой смѣнѣ,
За то, что вмѣстѣ мы на грани сновъ скользимъ,
За то, что и они, какъ я—причастны тѣни.

И вотъ почему очи поэта отвращаются отъ земли.

Не мысли о земномъ и маломъ
Въ дыханьи бури роковой!
Любовью—съ міровымъ началомъ
Роднится духъ безсильный твой.

И наконецъ, совершенно въ тонъ бодлэровскихъ разсужденій о прекрасномъ, написано стихотвореніе „Отрады“, съ его заключительнымъ аккордомъ:

Радость послѣдняя—радость предчувствій,
Знать, что за смертью есть міръ бытія.
Сны совершенства! въ мечтахъ и въ искусствѣ
Васъ—поклоняясь—привѣтствую я.

Радостей въ мірѣ таинственно много,
Сладостна жизнь отъ конца до конца.
Эти восторги—предвѣстіе Бога,
Это—молитва на лонѣ Отца.

Но недолго длилась эта наивно-свѣтлая полоса. Рядъ навѣянныхъ ею стихотвореній, какъ „Дозоръ“, „Пасха, праздникамъ праздникъ“, „Рождество Христово“ — помѣщены поэтомъ въ отдѣлѣ „Книжка для дѣтей“... Другимъ тономъ проникнуты стихотворенія зрѣлой полосы его творчества. „Блаженъ, кто вѣруетъ...“ Но блаженство вѣры отлетаетъ отъ поэта. И наивная, свѣтлая, дѣтская вѣра отцовъ замѣняется не какой-либо другой вѣрою, а только мрачнымъ разочарованіемъ. Гдѣ смыслъ жизни? Здѣсь ли, въ этой жизни, гдѣ человѣкъ, какъ жалкая муха-поденка, промелькнетъ и исчезнетъ, какъ сонъ? Тамъ ли, въ иной жизни — но тогда зачѣмъ все земное, къ чему эта безсмысленная комедія, и не продолженіе ли ея — тамъ, за гробомъ? Вотъ вопросы, которые осаждаютъ поэта и которыхъ онъ не разрѣшилъ.

Ты—въ неистовствѣ явленій,
Какъ въ пучинѣ волнъ щепа.
Краткій срокъ ты въ безднахъ дышешь,
Отцвѣтаешь, чуть возникъ.
Что ты видишь, что ты слышишь —
Измѣняетъ каждый мигъ.
Совершивъ свой путь тяжелый,
Съ бою капли тайнъ собравъ,
Ты предъ смертью встанешь голый,
О, мудрецъ, какъ сынъ забавъ!
Если-жъ смерть тебѣ откроетъ
Тайны всѣ, что ты забылъ,
Такъ чего жъ твой подвигъ стоитъ!
Такъ зачѣмъ ты шелъ и жилъ!

И вмѣсто „молитвъ на лонѣ Отца", у поэта зарождается бунтъ противъ него. Онъ „міра не пріемлетъ", какъ не пріемлетъ и смерти, если она—начало новой жизни, ибо жизнь—жестокая шутка надъ человѣчествомъ кого-то Злого...

Я жизни твоей не желаю, гробница,
Ты хочешь солгать, гробовая плита!
Такъ, значитъ, за гранью—вторая граница,
И смерть, какъ и жизнь—только тѣнь и черта?

Такъ, значитъ, за смертью—такой же безплодный,
Такой же безцѣльный, безсмысленный путь?
И то же мечтанье о волѣ свободной?
И та жъ невозможность во мглѣ потонуть?

И нѣтъ намъ исхода! и нѣтъ намъ предѣла!
Исчезнуть, не быть, истребиться нельзя!
Для воли, для духа, для мысли, для тѣла—
Единая, та же, все та же стезя!

Вотъ—тезисъ и антитезисъ. Свѣтлыя эмоціи дѣтства, связанныя съ вѣрою отцовъ, вытравляются новыми мрачными чувствами, поднятыми роемъ неразгадываемыхъ, неразрѣшимыхъ, проклятыхъ вопросовъ. Ядъ скептицизма отравляетъ вѣру; острое, безжалостно-критическое „зачѣмъ?" подкашиваетъ подъ самый корень нѣжный цвѣтокъ сладостныхъ упованій на „потусторонній" міръ предвѣчной истины и добра. И какъ только исчезаютъ эти эмоціи, „потусторонній міръ", какъ чисто-логическое построеніе, не можетъ держаться. Его не нужно добивать—онъ самъ медленно гаснетъ и умираетъ...

Но, свернувши съ этого пути, нашъ авторъ не сталъ и на путь Верхарна. Мимолетнымъ, навѣяннымъ, преходящимъ промелькнулъ живой аккордъ вѣры въ „посюсторонній" міръ идеала.

Единый Городъ скроетъ шаръ земной,
Какъ въ чешую, въ сверкающія стекла,
Чтобъ вѣчно жить ласкательной весной,
Чтобъ листьевъ зелень осенью не блекла.

Чтобъ не было разсвѣтовъ и ночей,
Но чистый свѣтъ, безъ облаковъ, безъ тѣни;
Чтобъ не былъ міръ ни твой, ни мой, ничей,
Но общій даръ идущихъ поколѣній.

Свобода, братство, равенство, все то,
О чемъ томимся мы, почти безъ вѣры,
Къ чему изъ насъ не припадетъ никто,—
Тѣ вкусятъ смѣло, полностью, сверхъ мѣры.

Разоблаченныхъ тайнъ святой родникъ
Ихъ упоитъ въ безсонной жаждѣ знанья,

И красоты осуществленной ликъ
Насытитъ ихъ предѣльныя желанья.

Этотъ мотивъ—одинокій, случайный въ творчествѣ Брюсова. Это—пересаженное, нежизнеспособное растеніе въ саду его поэзіи. Оно и выглядитъ такимъ—оно не дышетъ могучей внутреннею силою, и хотя съ внѣшней стороны въ немъ „все въ порядкѣ", но ему недостаетъ чего-то такого, что захватываетъ, проникновенно убѣждаетъ и увлекаетъ. Мы еще увидимъ, какую метаморфозу въ творчествѣ Брюсова суждено претерпѣть „единому Городу". Столь же мимолетнымъ является и другой верхарновскій мотивъ (напр. въ „L'impossible")—гимнъ величавой красотѣ вѣчной смѣны идеаловъ, постоянной замѣны однѣхъ цѣлей новыми, высшими, ибо

Жизнь не счастье, но томленіе,
Но прозрѣнья, но борьба.
Все впередъ—отъ возрожденія
Къ возрожденью, сквозь гроба!

—

Но что жъ! Пусть такъ! Клони меня, судьба,
Дышать грядущимъ—гордая услада!
И есть иль нѣтъ дорога сквозь гроба,
Я былъ! я есмь! мнѣ вѣчности не надо!

Въ концѣ концовъ совсѣмъ не эти мотивы завладѣли творчествомъ поэта, не они окрасили его собою. Это былъ только одинъ изъ чужихъ путей, на который Брюсовъ ступилъ такъ же, какъ ступалъ и на противоположные—всюду въ поискахъ красоты и всюду какъ временный гость. Брюсовъ перепробовалъ много мотивовъ, но ни одинъ мотивъ не былъ настолько властенъ, чтобы покорить его себѣ, чтобы переполнить его собою до совершеннаго слиянія. „Что же ты любишь, дитя маловѣрное? гдѣ же твой идолъ стоитъ?" Брюсовъ готовъ гордо отвѣтить, что онъ не творитъ себѣ кумировъ. Мы увидимъ, что Брюсовъ остается болѣе чѣмъ безъ кумировъ...

Брюсовъ—этотъ горячій поклонникъ Верхарна, считающій, что „вліяніе его только недавно начало расти, но невозможно предвидѣть, какъ широко распространится оно во всемірной литературѣ"; Брюсовъ, публично заявляющій о „своемъ преклоненіи передъ геніемъ Верхарна" въ предисловіи къ своимъ переводамъ его стихотвореній; Брюсовъ, самъ на себѣ испытавшій всю силу этого вліянія—въ одномъ пунктѣ остался, однако, совершенно ему недоступнымъ: въ вопросѣ о томъ, гдѣ поставить свой идолъ. Мало того: въ этомъ пунктѣ нашъ почитатель Вер-

харна является, наоборотъ, самымъ рѣзкимъ и рѣшительнымъ анти-Верхарномъ. Тамъ, гдѣ его учитель говоритъ (я позволю себѣ привести здѣсь свой собственный переводъ этого мѣста изъ Верхарна) про „новый строй, чудесно вызванный народомъ къ жизни“:

Его узрятъ грядущіе вѣка:
Онъ расцвѣтетъ нѣжнѣй весенняго цвѣтка,
Ликующій, простой, великодушный;
Вѣка кровавой мглы, какъ дымная струя,
Растаютъ въ синевѣ воздушной,
И будетъ новый строй не оболочкой душной,
А чистой сущностью живого бытія—

—тамъ Брюсову рисуется другая, мрачная картина, что-то въ родѣ спенсеровскаго „Грядущаго рабства“.

И, какъ кошмарный сонъ, видѣньемъ безпощаднымъ,
Чудовищемъ размѣренно-громаднымъ,
Съ стекляннымъ черепомъ, покрывшимъ шаръ земной,
Грядущій Городъ-домъ являлся предо мной.
Пріютъ земныхъ племенъ, размѣченный по числамъ,
Обязанъ жизнію—машина изъ машинъ!—
Колесамъ, блокамъ, коромысламъ,—
Предвидѣлъ я тебя, земли послѣдній сынъ!
Предчувствовалъ я жизнь замкнутыхъ поколѣній,
Ихъ думы, сжатыя познаньемъ, ихъ мечты,
Мечтамъ былыхъ вѣковъ подвластныя, какъ тѣни,
Весь ужасъ переставшей пустоты!

Вотъ онъ, эпилогъ „комедіи всемірной исторіи“, результатъ многовѣковой борьбы, страданій и жертвъ—

Всѣхъ нашихъ помысловъ обманутая старость,
Срокъ завершившихся временъ.

Послѣ этого становится понятнымъ, почему съ извѣстнаго пункта въ „Кузнецѣ“ брюсовскій талантъ переводчика становится лишь блѣдною тѣнью себя самого. Человѣку, передъ духовнымъ взоромъ котораго носится кошмарное видѣнье „Грядущаго Города-дома“, не легко рисовать своею кистью свѣтлыя видѣнья верхарновскаго „Кузнеца“. Нѣтъ, здѣсь мы вступаемъ совершенно въ другую плоскость, въ область психологіи декаданса цивилизаціи.

Что, если Городъ мой—прообразъ первый, малый
Того, что нѣкогда жизнь явитъ въ полнотѣ,
Что, если міръ, унылый и усталый,
Стоитъ, какъ странникъ запоздалый

Передъ трясиною, на роковой чертѣ?
. . . .
И страшная мечта меня въ тѣ дни томила:
Что, если Городъ мой—предвѣстіе вѣковъ?
Что, если пошлость—роковая сила,
И созданъ человѣкъ для рабства и оковъ?

Но это—уже широко распахнутая дверь для бодлэровскихъ мотивовъ, и даже болѣе того: здѣсь—бодлэровскіе мотивы, обобщенные въ цѣлое соціологическое предсказаніе... Помните его „Le Voyage", съ заключительнымъ аккордомъ:

Amer savoir, celui qu'on tire de voyage!
Le monde, monotone et petit, aujourd'hui,
Hier, demain, toujours, nous fait voir notre
Une oasis d'horreur dans un désert d'ennui!

И вотъ, въ брюсовскомъ „Ennui de vivre" слышатся нотки бодлэровскаго „Spleen" и „Le Goût de Néant", въ „Замкнутыхъ"—„Le Voyage" и частью „Préface", и т. д., и т. д. Брюсовъ провозглашаетъ декадансъ всей человѣческой цивилизаціи. И психологія декаданса—психологія больного, изъѣденнаго внутренней червоточиной *типа* развитія, вознесеннаго на крайнюю, высшую, возможную для него *степень* развитія—богато развертывается въ цѣломъ рядѣ его стихотвореній. Красивая и мрачная утонченность, одновременно съ горечью и съ гордостью любующаяся сама на себя, скульптурно выдѣляется въ цѣломъ рядѣ произведеній...

Проходятъ дни, проходятъ сроки,
Просвѣта тщетно жаждемъ мы.
Мы безпощадно одиноки
На днѣ своей души-тюрьмы!

Напрасно жизнь проходитъ рядомъ
За днями день, за годомъ годъ.
Мы лжемъ любовью, словомъ, взглядомъ—
Вся сущность человѣка лжетъ!

—

И всѣ мечты—какъ призраки, и всѣ мечтанья—ложь.

—

Великое презрѣніе и къ людямъ, и къ себѣ
Растетъ въ душѣ властительно, царитъ въ моей судьбѣ.

—

Облегчи намъ страданія, Боже!
Мы, какъ звѣри, вгнѣздились въ пещеры.
Жестко наше гранитное ложе,
Душно намъ безъ лучей и безъ вѣры.
. . . .

Наши язвы наполнены гноемъ,
Наше тѣло на падаль похоже...
О, простри надъ могильнымъ покоемъ
Покрывало послѣднее, Боже!

Мы вступили здѣсь въ область больныхъ чувствованій... Касаясь аналогичной психологіи у Бодлэра, съ его полосами глубокой меланхоліи и гипертрофированной возбудимости, Т. Готье даетъ прекрасную характеристику этой индивидуальной „психологіи декаданса“: „Приходитъ неврозъ со всѣми своими странными безпокойствами, безсонницами, полными галлюцинацій, неопредѣленными страданіями, болѣзненными капризами, безпричинной тоской, то безумнымъ порывомъ энергіи, то вялымъ безсиліемъ, съ поисками возбуждающихъ средствъ и отвращеніемъ ко всякой здоровой пищѣ“...

И у Брюсова ярко бросается въ глаза, напримѣръ, это чисто бодлэровское стремленіе взглянуть на дно чаши хотя бы съ самымъ опьяняющимъ жизненнымъ напиткомъ, чтобы, прерывая моментъ экстаза, усмотрѣть тамъ, на днѣ, горькій осадокъ и съ мучительнымъ наслажденіемъ упиться самому и заставить упиться другихъ его горечью.

Въ минуты любовныхъ объятій
Къ безстрастью себя приневоль,
И въ часъ безпощадныхъ распятій
Прославь изступленную боль.

Помните ли бодлэровскую вещицу—„Une charogne“? Фантазія поэта съ какой-то странной, болѣзненной причудливостью вкуса прерываетъ прогулку съ любимой женщиной внезапною встрѣчей на дорогѣ: они наталкиваются на разлагающійся трупъ женщины, раскинувшей ноги и цинически выпятившей безобразный позеленѣвшій животъ съ копошащимися червями, съ внутренностями, вытекающими въ видѣ ужасной слизи... И съ какой-то неестественной настойчивостью, граничащей съ садизмомъ, поэтъ восклицаетъ:

Et pourtant vous serez semblable à cette ordure,
A cette horrible infection,
Étoile de mes yeux, soleil de ma nature,
Vous, mon ange et ma passion!

И подобное же странное направленіе фантазіи мы встрѣчаемъ у Брюсова, описывающаго мученія родовъ женщины: „кривясь отъ мукъ, она безстыдно обнажала тѣло, и каждый стонъ ея былъ дикій звукъ“... Погасли разумъ и любовь, животная боль

овладѣла всѣмъ существомъ, всѣ въ мірѣ стали гадки и противны, тупая боль и ярость отпечатались на посѣрѣвшемъ, обезображенномъ лицѣ... И съ тою же настойчивостью авторъ бросаетъ въ бодлэровскомъ вкусѣ свое memento mori:

О, дѣвушки! о, мотыльки на волѣ!
Васъ на балу звенящій вальсъ влечетъ,
Вы въ нашей жизни—какъ цвѣты магнолій!

Но каждая узнаетъ свой чередъ,
И, корчась, будетъ припадать на ложе,
Глаза сжимая, искривляя ротъ...

Всѣ станете звѣрями—тоже! тоже!

Сочетаніе любви и смерти, любви и мученія или мучительства вообще такъ же часто овладѣваетъ вооображеніемъ Брюсова, какъ и Бодлэра. Одно изъ лучшихъ по формѣ стихотвореній Бодлэра — „Une martyre“ — рисуетъ намъ картину послѣ дикаго пира садической страсти: прекрасное, юное тѣло женщины, раскинувшееся въ пластической красотѣ наготы, въ позѣ любовнаго экстаза—и рядомъ отдѣленная отъ туловища голова съ окостенѣвшими глазами и блѣдными, обезкровленными щеками, и кровь, льющаяся изъ шеи и обильно обагряющая подушку...

Валерій Брюсовъ поглощенъ тѣмъ же мотивомъ въ своемъ стихотвореніи „Къ монахинѣ“, гдѣ онъ взываетъ къ этой „лиліи Бога“, „навѣки невѣстѣ Христа“:

Выходи же! Иди мнѣ навстрѣчу!
Я послѣдней любви не таю!
Я безумно тебя обовью,
Дикой лаской отвѣчу!
Но подъ тѣмъ же таинственнымъ звономъ
Я нащупаю горло твое,
Я сдавлю его страстно—и все
Будетъ кончено стономъ.

Что касается Бодлэра, то его странное, болѣзненное пристрастіе—силою властной фантазіи примѣшивать къ любовному экстазу ужасающее дуновеніе трупнаго запаха — нельзя не поставить въ связь съ тѣмъ взглядомъ на женщину, который выразился хотя бы въ его „Le vampire“. Женщина—это вампиръ, съ которымъ человѣкъ связанъ, какъ пьяница съ бутылкой, какъ падаль со своими червями; ядъ и кинжалъ отказываются служить ему противъ этого вампира, ибо знаютъ, что онъ пытался бы

воскресить его своими поцѣлуями. Это—тотъ взглядъ на женщину, къ которому, въ концѣ концовъ, пришелъ Бодлэръ, взглядъ, согласно которому женщина есть врагъ человѣка и одна изъ обольстительныхъ формъ дьявола...

Или у Брюсова:

Ты—женщина, ты—вѣдьмовскій напитокъ!
Онъ жжетъ огнемъ, едва въ уста проникъ,
Но пьющій пламя подавляетъ крикъ
И славословитъ бѣшено средь пытокъ.

И если у Бодлэра—хотя бы, напр., въ извѣстномъ стихотвореніи, гдѣ онъ говоритъ о ночи, проведенной съ женщиной,—вдругъ врывается это страшное сравненіе:

Comme au long d'un cadavre un cadavre étendu,

то это сравненіе имѣетъ огромную и странную притягательную силу для Брюсова, повторяющаго его во всевозможныхъ варіаціяхъ:

И ласки юношей, и грязь
Восторговъ старчески-безсильныхъ
Переношу я не томясь,
Какъ трупъ въ объятіяхъ могильныхъ.

—

Я помню боль, я помню ужасъ страсти,
И страшный видъ окровавленныхъ губъ,
И смутный звонъ разорванныхъ запястій!
. . . .
Кругомъ свѣтло, въ моихъ объятьяхъ трупъ.

—

Я узналъ безобразіе радостей,
Весь позоръ открываемыхъ губъ,
Но обрѣлъ затаенныя сладости,
Тамъ, гдѣ члены недвижны, какъ трупъ.

—

А потомъ замру, застыну,
Буду словно теплый трупъ,
Члены въ сладости раскину,
Яства пышныя для губъ.

—

Я—трупъ пловца, заброшенный на сушу.
Ты—зыбкихъ водъ неистовая дочь.
Бери меня. Я клятвы не нарушу,
Въ твоихъ рукахъ я буду мертвъ всю ночь.

—

Раскрыты дневныя гробницы,
Выходитъ за трупомъ трупъ.
Загораются румянцемъ лица,
Кровавится блѣдность губъ.

Этотъ царящій надо всѣмъ трупный запахъ какъ будто нуженъ больному воображенію, какъ пряное, возбуждающее средство. Такова атмосфера декаданса, въ которую мы теперь вступили. Здѣсь все—утонченное, изощренное, обостренное примѣсью „экзотическихъ" средствъ, и все—ненормальное, больное...

Гдѣ же Верхарнъ? Верхарнъ, страстный и жизнерадостный, многоцвѣтный, многогранный, тонко-чувствительный ко всѣмъ впечатлѣніямъ бытія, умѣющій впивать въ себя свѣтъ, запахи цвѣтовъ, музыку звуковъ—и въ то же время порывистый, бунтующій, брызжущій энергіей, здоровьемъ и силами, переполняющими черезъ край чашу его жизни? Онъ далеко-далеко, его уже нѣтъ; напѣвы, навѣянные имъ, подкошены подъ корень ядовитымъ скептицизмомъ...

Правда, иногда въ стихахъ Брюсова вдругъ, неожиданно, раздаются его трубные, боевые звуки:

Славлю я день ослѣпительный
(Въ тысячахъ дней неизбѣжный),
Когда среди крови, пожара и дыма,
Неумолимо,
Толпа возвышаетъ свой голосъ мятежный,
Властительный,
Въ безуміи пьяныхъ веселій
Все прошлое топчетъ во прахѣ,
Играетъ, со смѣхомъ, въ кровавыя плахи,
Но, словно влекома таинственнымъ геніемъ
(Какъ рѣчка, свои воды къ просторамъ несущая),
Съ неуклоннымъ прозрѣніемъ
Стремится къ торжественной цѣли,
И, требуя царственной доли,
Глуха и слѣпа,
Открываетъ дорогу въ столѣтья грядущія!

— Славлю я правду твоихъ своеволій,
Толпа!

Это, конечно, Верхарнъ. Настолько Верхарнъ, что если не помнить его очень хорошо—можно удивиться, почему эти строки читаешь на страницахъ „Путей и Перепутій", а не въ „Стихахъ о Современности", какъ озаглавилъ Брюсовъ свои переводы изъ Верхарна. Да, это даже слишкомъ Верхарнъ. Это — пересказъ, и даже не слишкомъ вольный, преимущественно изъ „La Révolte" въ „Les villes tentaculaires". Здѣсь ярко видно, что Брюсовъ не справился съ Верхарномъ, не претворилъ въ себѣ его бунтарскихъ мотивовъ. Самъ онъ не могъ ихъ вмѣстить— и могъ лишь подражать, лишь копировать, лишь писать „подъ

Верхарна", въ тѣ исключительные моменты русской жизни, когда она сорвалась со своихъ вѣковыхъ цѣпей и гордымъ размахомъ, казалось, взметнулась къ тѣмъ „запредѣльнымъ вершинамъ", о которыхъ мечтаютъ верхарновскіе „избранники", „les élus". И эти случайные проблески мотивовъ „подъ Верхарна" не только затериваются, сиротливо-одинокіе, среди совершенно иныхъ аккордовъ. Нѣтъ, этого мало. Вглядитесь въ нихъ—и вы увидите, что въ нихъ преобладаетъ не элементъ субъективно-лирическій, а элементъ эстетически-созерцательный. Это цѣльно, это красиво, и потому исторгаетъ у поэта красивые звуки. Но холодокъ эстетизма, искусственнаго становленія на данную позицію даетъ себя чувствовать и здѣсь. Не даромъ и въ своихъ переводахъ изъ Верхарна Брюсовъ избиралъ такія пьесы, гдѣ созерцательно-объективный моментъ играетъ большую роль. Такова, въ особенности, у самого Верхарна „La Révolte". Въ „Кузнецѣ", гдѣ подъ конецъ субъективныя ноты такъ гармонически сливаются съ избраннымъ объективнымъ символомъ, входятъ въ него такимъ широкимъ, могучимъ и свѣтлымъ потокомъ, мы уже видѣли ослабленіе творческаго вдохновенія нашего автора. Онъ наполовину чужой переживаемому образу. Вѣдь для него —

Прекрасенъ, въ мощи грозной власти,
Восточный царь Ассаргадонъ,
И океанъ народной страсти,
Въ щепы дробящій утлый тронъ.

Такой эстетизмъ не можетъ не отдавать внутреннимъ холодкомъ. Легкость замѣны Ассаргадона его антитезой и обратно, какъ образовъ, покоряющихъ творческую фантазію поэта, скажется на его произведеніяхъ.

Неколебимой истинѣ
Не вѣрю я давно,
И всѣ моря, всѣ пристани
Извѣдалъ я равно.

—

Мнѣ сладки всѣ мечты, мнѣ дороги всѣ рѣчи,
И всѣмъ богамъ я посвящаю стихъ.

Поэту кажется, что въ этомъ—высшее выраженіе его полной свободы. Онъ можетъ быть то съ тѣми, то съ другими, но самъ онъ—по выраженію друга его Бальмонта—„для всѣхъ и ничей".

Какъ вѣрный ученикъ, я былъ ласкаемъ всѣми,
Но самъ любилъ лишь сочетанья словъ.

И поэтъ не видитъ, что, можетъ-быть, именно здѣсь—источ-

никъ тѣхъ душевныхъ метаморфозъ, которыя заканчиваются этими, посылающими сѣрую мглу на душу, аккордами:

Мнѣ все равно, мнѣ все равно,—слѣжу игру тѣней.
Я долго жизнь разсматривалъ, я присмотрѣлся къ ней.
Какъ листъ, въ потокъ уроненный, я отдаюсь судьбѣ,
И лишь растетъ презрѣніе и къ людямъ, и къ себѣ.

III.

Во власти „демоновъ пыли“.

Брюсовъ — плоть отъ плоти и кость отъ костей соціальной атмосферы „конца вѣка“, со всею утонченностью переживаній наверху его соціальной пирамиды, со всею пышною роскошью цвѣтовъ духа, выращенныхъ въ душной и пряной оранжерейной атмосферѣ, нѣжащей и разслабляющей... Брюсовъ — тепличное растеніе, и хотя порою у него чувствуются порывы, на подобіе гаршинской „Attalea princeps“, пробить дорогу вверхъ, къ открытому небу, съ его чистымъ воздухомъ, открытымъ небомъ и внезапными бурями, но эти порывы заранѣе отравлены скептицизмомъ. Его бурныя настроенія, достигая высшихъ аккордовъ, все-таки обезпложены пессимизмомъ—пессимизмомъ сына современной культуры, съ его „блазированной“ усталостью и красивымъ равнодушіемъ пресыщенности.

Мы сказали бы, что Брюсовъ есть дитя современной нашей цивилизаціи, даже больше — современнаго соціальнаго строя... Но здѣсь насъ останавливаетъ боязнь, чтобы насъ не поняли слишкомъ плоско, вульгарно и грубо.

Слишкомъ много было и есть охотниковъ говорить о „буржуазности“ того тонкаго эстетизма, представителемъ котораго является Брюсовъ, и заключающаяся въ этомъ утвержденіи крупица истины слишкомъ искажена и опошлена. Правда, все это дѣлается радикализма ради... Но Богъ съ нимъ, съ этимъ дешевымъ радикализмомъ, гордымъ своею школьною мудростью. Ибо, въ общемъ, Брюсовъ слишкомъ сложное явленіе, чтобы для измѣренія его было достаточно ученической линейки. Онъ—сынъ своего времени вовсе не въ томъ простомъ, элементарномъ смыслѣ, чтобы для него было „добро зѣло“ строеніе всего нашего соціальнаго жизненнаго уклада, чтобы онъ былъ изъ числа довольныхъ его жрецовъ и служителей. Нѣтъ, онъ брезгливо сторонится отъ нихъ:

Довольство ваше—радость стада,
Нашедшаго клочокъ травы,
Быть сытымъ—больше вамъ не надо,
Есть жвачка—и довольны вы!

Несомнѣнно, Валерій Брюсовъ даннаго соціальнаго міра „не пріемлетъ“. Но отрицаніе его слишкомъ безпредметно, безплотно, теплично. Наша цивилизація разорвала „духъ“ и „тѣло“. Она одну часть человѣчества впрягла въ лямку обездушеннаго труда, другую часть вознесла въ эмпиреи обезплоченнаго духа. Брюсову достался второй жребій. Онъ „отрицаетъ“ нашу современную дѣйствительность:

Какъ ненавидѣлъ я всей нашей жизни строй,—
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый...

Но есть отрицаніе и отрицаніе. Есть отрицаніе конкретное, чреватое положительнымъ. Это—какъ будто „ограниченное“ отрицаніе, ибо вѣдь отрицаніе „всего строя жизни“ возможно и болѣе обобщенное, универсальное, одѣвающееся въ плащъ пессимистическаго отношенія къ жизни вообще, развѣнчивающее всякій идеалъ, усматривающее въ немъ черты прѣснаго, застывшаго „мѣщанскаго счастья“. И однако... равно отрицая, съ этой абстрактной высоты, *всякій* возможный конкретный строй, оно приведетъ, въ сущности, къ нѣкоторому философскому примиренію съ каждымъ даннымъ реальнымъ строемъ, ибо его муки и болѣзни окажутся свойственными самой „природѣ вещей“. Можно примириться съ нимъ не только глядя на него снизу вверхъ, но и глядя сверху внизъ. Но примиреніе остается примиреніемъ, принимая лишь форму то скорбнаго, то ироническаго философскаго безразличія...

Поднявшись *надъ* дѣйствительностью, Брюсовъ остается ея сыномъ именно *безплотностью своего отрицанія*. Переставъ быть сыномъ вѣка сего въ грубомъ, прямомъ смыслѣ этого слова, Брюсовъ не порываетъ болѣе тонкой, но поистинѣ роковой связи. Его отрицаніе остается такимъ же пышнымъ, махровымъ оранжерейнымъ цвѣткомъ—не болѣе...

Всякое болѣе грубое связываніе поэзіи Брюсова съ соціальнымъ укладомъ современности будетъ явною натяжкою. Но такія натяжки дѣлаются. У Брюсова есть стихотвореніе „Міръ“, особенно соблазняющее марксистскую литературную критику. Въ самомъ дѣлѣ, на первый взглядъ это—благодарнѣйшій матеріалъ, который самъ плыветъ въ руки критика-марксиста. Поэтъ рисуетъ „міръ, утраченный имъ съ дѣтства“—тотъ міръ, съ ко-

торымъ онъ самъ „когда-то былъ какъ свой, сливался съ нимъ въ одно“. И этотъ міръ оказывается міромъ комедіи Островскаго, мирною заводью патріархальнаго мѣщанства, міромъ „купцовъ въ поддевкахъ синихъ“, монахинь, „юркихъ половыхъ“, „самоувѣреннаго скрипа“ телѣгъ, запаха дегтя, кумача и лампадокъ съ постнымъ масломъ. „Стѣной и вывѣской кончался кругозоръ“ этого мірка, и за каждымъ мелкимъ оживленіемъ слѣдовалъ „снова душный сонъ всѣхъ звуковъ, красокъ, линій“... Я помню этотъ міръ—говоритъ поэтъ—

Я помню формы, звуки, запахъ... О! и запахъ!
Амбары темные, огромные кули,
Подвалы подъ-поломъ, въ грудяхъ земли,
Со сходами, припрятанными въ трапахъ,
Картинки въ рамочкахъ на выцвѣтшей стѣнѣ,
Старинныя скамьи и прочныя конторки,
Сквозь пыльное окно какой-то свѣтъ незоркій,
Лежащій безъ тѣней въ лѣнивой тишинѣ.
И запахъ надо всѣмъ,—нежалящіе когти
Вонзающій въ мечты, въ желанья, въ рѣчь, во все!
Быть-можетъ, выросшій въ веревкахъ или въ дегтѣ,
Иль вползшій, какъ змѣя, въ безлюдное жилье,
Но царствующій здѣсь надъ всѣмъ житейскимъ складомъ,
Проникшій все насквозь, держащій все въ себѣ!
О, позабытый міръ! И я дышалъ тѣмъ ядомъ,
И я причастенъ былъ твоей судьбѣ!

Чего же еще больше нужно для „экономическаго матеріалиста“! Подсудимый самъ сознался, и доказательствъ больше никакихъ не нужно. „У поэзіи Брюсова былъ хозяинъ“ — пишетъ Ю. Каменевъ въ „Литературномъ Распадѣ“—„и хозяиномъ этимъ былъ—амбаръ. Тотъ самый амбаръ, который такъ рельефно данъ намъ самимъ Брюсовымъ... и о сродствѣ съ которымъ онъ такъ прямодушно повѣдалъ въ вышеприведенныхъ стихахъ“. „Сквозь „пыльное окно“ этого угла жизни взглянулъ Брюсовъ на міръ, и „незоркій свѣтъ“ былъ его огненнымъ столпомъ въ раскрывшейся пустынѣ“.

Трудно найти болѣе яркій примѣръ того, какъ догматизмъ принижаетъ человѣка, не лишеннаго чуткости, и какъ этотъ догматизмъ врывается рѣзкимъ диссонансомъ въ ходъ болѣе вдумчиваго анализа. Г-нъ Ю. Каменевъ способенъ болѣе тонко подмѣчать пружины и мотивы творчества, чѣмъ онъ это дѣлаетъ въ приведенныхъ строкахъ; но онъ боится, что это будетъ недостаточно правовѣрно и прямолинейно. Въ самомъ дѣлѣ, какой аляповатый пріемъ! Тамъ, гдѣ авторъ поднимается *надъ*

мѣщанской Обломовкой — поднимается настолько, что констатируетъ: „и я дышалъ тѣмъ ядомъ“—усматривать доказательство продолженія власти этого „стараго міра“! Какъ будто „тѣмъ ядомъ“ не дышали и не дышутъ всѣ, какъ будто въ современномъ строѣ онъ не разлитъ во всей атмосферѣ, какъ будто мѣщанскими навыками не заражаются до извѣстной степени всѣ, даже наиболѣе „динамическіе“ элементы и силы нашего времени! Разница лишь въ томъ, что одни замѣчаютъ вліяніе „нежалящихъ когтей“, запускаемыхъ мѣщанствомъ „въ желанья, въ мысль, во все“—и потому получаютъ возможность бороться съ нимъ и побѣждать его. Другіе же — поистинѣ „прямодушно“ и простодушно—не замѣчаютъ его и, отдаваясь всецѣло его скрытой власти, воображаютъ себя свободными и ходятъ настоящими имянинниками...

Вѣдь тотъ „міръ“, о которомъ говоритъ здѣсь Брюсовъ, міръ, характеризуемый „незоркимъ свѣтомъ“, „нежалящими когтями“ и „душнымъ сномъ всѣхъ звуковъ, красокъ, линій“—для поэта есть міръ „демоновъ пыли“... Помните это прекрасное стихотвореніе, гласящее, что „есть демоны пыли, какъ демоны снѣга и свѣта“...

Демоны пыли
На шкапахъ притаились, какъ звѣри,
Глаза закрыли,
Но едва распахнутся двери,
Они дрожатъ,
Дико глядятъ;
Взметнутся, качнутся демоны пыли.

Гдѣ они побѣдили,
Тамъ покой, тамъ сонъ, сновидѣнья,
Какъ въ обширной могилѣ.
Они дремлютъ, лежатъ безъ движенья,
Притаясь въ углу,
Не смотрятъ во мглу,
Но помнятъ сквозь сонъ, что они побѣдили.

Но и этого мало для характеристики отношенія Брюсова къ „амбарному міру“. Онъ открываетъ его черты вездѣ, открываетъ ихъ въ высшихъ формахъ жизни „Города“, во всѣхъ мыслимыхъ формахъ будущей жизни человѣчества, вплоть до его конца—до рокового финала нашей планеты...

О, демоны пыли!
Ваша власть съ вѣками все шире!
Вашъ день придетъ,—

И все уснетъ
Подъ тихое вѣянье сѣрыхъ воскрылій.

„Ваша власть съ вѣками все шире"... Внѣшность говоритъ другое — но это не смущаетъ поэта. Онъ посѣтилъ знакомыя мѣста, описанныя въ „Мірѣ" много лѣтъ спустя. Ихъ какъ будто нельзя было узнать. „Тотъ, мнѣ знакомый міръ, былъ тусклъ и нѣмъ,—теперь сверкало все, гремѣло въ гулѣ гулкомъ". На мѣсто мелко-мѣщанскаго затишья водворилось величье современнаго города—„воздвиглись зданія изъ стали и стекла, дворцы огромные, гдѣ вольно бродятъ взоры, безстрастный свѣтъ вошелъ туда, гдѣ жалась мгла..." И въ себѣ самомъ поэтъ находитъ такія же перемѣны—„въ душѣ все новое, какъ въ городѣ торговля"—съ ѣдкой ироніей отмѣчаетъ онъ. И побѣды этого „новаго" онъ отмѣчаетъ какъ „напрасныя" побѣды...

Да, напрасныя! Ибо для Брюсова мѣняются только формы, но не сущность. Ибо глубокимъ, всепроницающимъ—и въ то же время уравновѣшеннымъ, примиреннымъ съ собою пессимизмомъ запечатлѣна поэзія Валерія Брюсова.

Нашъ современный міръ—міръ городской цивилизаціи—Брюсову кажется одной громадною тюрьмой. „Въ пропасти улицъ закинуты, Городомъ взятые въ-плѣнъ", мы потеряли жизнь, солнце, свободу — все, чѣмъ живетъ даже элементарный міръ природы. „Области солнца задвинуты плитами комнатныхъ стѣнъ", и вся наша цивилизація уводитъ насъ все дальше и дальше въ эту мертвенную жизнь „въ свѣтѣ искусственномъ, четкомъ, умѣренномъ", гдѣ „взоры отъ красокъ отучены", гдѣ только поэзія, искусство — слабый проблескъ, окно къ утерянной жизни и волѣ... И въ то же время къ нимъ нѣтъ возврата — развѣ въ мечтѣ, да еще въ крушеніи цивилизаціи, которое, однако привело бы насъ снова къ исходной точкѣ того же неизбѣжнаго „историческаго круговорота"... И въ этой *неизбѣжности*—примиреніе съ дѣйствительностью: примиреніе не наивное, не самодовольное, а просвѣтленное, умудренное горькимъ сознаніемъ, философское. Надо жить этой жизнью; другой жизни нѣтъ; но, живя этой жизнью, можно видѣть ее не прикрашенной, не позолоченной, а такой, какова она есть, съ одной безотрадной перспективой. „Міръ, унылый и усталый, стоитъ, какъ странникъ запоздалый, передъ трясиною, на роковой чертѣ"...

И все-таки намъ, жалкимъ дѣтямъ „запоздалаго странника", приходится довольствоваться этимъ даннымъ міромъ и взять отъ него все, что можно...

Здравствуй же, Городъ, всегда озабоченный,
Въ свѣтѣ искусственномъ,
Въ царственной смѣнѣ сверканій и тьмы!
Сладко да будетъ намъ въ сумракѣ чувственномъ
Этой всемірной тюрьмы!

Какова цѣнность этого пессимизма, завершающагося примиреніемъ? Не есть ли это пессимизмъ усталаго, пресыщеннаго сына современной цивилизаціи, который разочаровался въ ней только потому, что извѣдалъ всѣ самыя утонченныя ея блага, и не находитъ больше средствъ къ изощренію своей притупившейся воспріимчивости? За кажущейся полнотой отрицанія дѣйствительности, „непріятія" даннаго міра, не скрывается ли фактическая невозможность для автора дѣйственно оторваться отъ него, фактическое родство съ даннымъ міромъ? Всѣ эти вопросы законны; но самая постановка ихъ требуетъ предварительнаго пониманія всей широты брюсовскаго отрицанія.

Въ блестящей цивилизаціи Новаго Города мы, для Брюсова, такіе же „замкнутые", такіе же плѣнники, какъ въ „сорной заводи" патріархальной мѣщанской Обломовки. „Замкнутые"— таково названіе цѣлой „сатирической поэмы" Брюсова. Ея герои—все тѣ же „толпы людскія", „въ пропасти улицъ закинуты, Городомъ взятые въ плѣнъ"... И Городъ „замкнутыхъ"— тотъ же Городъ, который „гуломъ сопутственнымъ, лязгомъ желѣзнымъ" нависъ надъ нами, сгрудился въ огромную чуждую силу, со своими „златыми дворцами разврата", „стеклянными башнями газетъ", улицами, „гдѣ съ дерзостнымъ взоромъ и мерзостнымъ хохотомъ предлагаютъ блудницы любовь, гдѣ съ топотомъ, ропотомъ, грохотомъ движутся лицъ вереницы", и гдѣ „летятъ экипажи, какъ строй безразсудный, мимо зеркальныхъ сіяній, мимо рукъ, что хотятъ подаяній, къ сіяющимъ вывѣскамъ наглыхъ огней".

Современная цивилизація, складываясь въ опредѣленный, законченный строй и въ самозащитѣ своей отъ напирающихъ на нее новыхъ, „разрушительныхъ" соціальныхъ силъ ревностно блюдущая свои устои—Брюсову противна, какъ все кристаллизованное, застывшее. На ней тяготѣетъ для него печать „демоновъ пыли", ею „міръ снова замкнутъ безнадежно". Ее постигаетъ судьба всѣхъ отжившихъ общественныхъ укладовъ. Въ законченности ея застывающихъ формъ, въ ея стройности и цѣлостности — ея смерть. Какъ каждый общественный укладъ, вынужденный сосредоточиться въ борьбѣ за свое существованіе, Городъ „замкнутыхъ" Брюсова „угрюмъ и дряхлъ, но гордъ и строенъ".

Передавался трудъ къ потомкамъ отъ отца,
Но каждый камень, взвѣшенъ и размѣренъ,
Ложился въ свой чередъ по замыслу творца,
И линій общій строй былъ строгъ и вѣренъ,
И каждый малый сводъ продуманъ до конца.
Въ стремленьи въ высь, величественно-смѣломъ,
Вершилось зданіе свободнымъ остріемъ,
И было конченнымъ, и было цѣлымъ,
Спокойно-замкнутымъ въ себѣ самомъ...

Но эта эстетическая цѣлостность и стройность зданія современной цивилизаціи, съ ея демократической государственностью и съ ея торговой и промышленной культурой, не радуетъ сердца Брюсова. Мертвечиной пахнетъ для него эта уравновѣшенная стройность, и все внѣшнее величіе Города заставляетъ его только поставить мучительно-раздумчивый вопросъ: „что̀, если пошлость—роковая сила, и созданъ человѣкъ для рабства и оковъ?“ Одна за другой проходятъ передъ Брюсовымъ „надстройки“ нашей духовной культуры, и ни одна не колеблетъ его рокового сужденія.

Для однихъ путеводною звѣздою, факеломъ, освѣщающимъ лабиринтъ жизни, является религія, въ которой „духъ столѣтій смѣло воплотилъ и вѣру въ геній свой, и вѣру въ Бога“. Но вотъ—

Я въ ихъ церквахъ бывалъ, то пышныхъ, то пустынныхъ.
Въ однихъ—все статуи, картины и рѣзьба,
Обрядъ, застывшій въ пышностяхъ старинныхъ,
Безсмысленно-пустая ворожба!
. . . .
Въ другихъ церквахъ восторгъ опустошенья.
На черныхъ стѣнахъ цифры, рядъ страницъ,
Молящіеся, въ чинномъ изступленьи,
Кричатъ псалмы, какъ стаи хищныхъ птицъ...

Другіе нашли новаго бога—въ Наукѣ. Но и здѣсь та же мертвенная, безплодная пустыня—

Я залы посѣщалъ ученыхъ засѣданій
И слышалъ съ ужасомъ размѣрность ихъ рѣчей.
Казалось мнѣ—влекутъ кумиръ огромный знаній
Покорные быки подъ щелканье бичей.
. . . .
Однажды ошибясь при выборѣ дороги,
Они упрямо шли, глядя на свой компасъ.
И былъ ихъ трудъ великъ, шаги ихъ были строги—
Но уводилъ ихъ прочь отъ цѣли каждый шагъ...

Есть еще два блага, скрашивающія пошлую прозу существованія: это—свободное, по существу своему, искусство, и столь же

свободная, по существу своему, любовь. Но и на нихъ накладываютъ свою неизгладимую, властную печать рутинныя требованія окаменѣлаго уклада жизни.

Къ художникамъ входилъ я въ мастерскія—
О, бѣдность горькая опустошенныхъ думъ!
. . . .
За городомъ былъ паркъ, развѣсистый и старый,
Съ руиной замка въ глубинѣ.
Тамъ тайно въ сумерки ходили пары—
„Я васъ люблю"—промолвить при лунѣ.
Имъ было сладостно въ условности давнишней,
Казались сочтены движенья ихъ.
Кругомъ покой аллей былъ радостенъ и тихъ,
Но въ этой тишинѣ я былъ чужой и лишній...
Я къ пристани бѣжалъ отъ оскорбленныхъ липъ,
Чтобъ сердце вольностью хотя на мигъ растрогать...

Вотъ онъ, заколдованный кругъ мѣщанства, безнадежнаго мѣщанства... какъ прорвать его? Какъ изъ него вырваться? Куда бѣжать? Гдѣ та „пристань", въ широкомъ смыслѣ этого слова, гдѣ можно „сердце вольностью растрогать"?

Этихъ выходовъ къ „пристани" можетъ быть нѣсколько, и всѣ они перепробованы Брюсовымъ. Поэтому тема его „Замкнутыхъ" имѣетъ центральное значеніе для его поэзіи. Изъ нея, какъ изъ центра, расходятся въ разныя стороны лучи его творчества; къ ней, прямо или косвенно, примыкаютъ почти всѣ его мотивы. Кто хочетъ понять Брюсова и его поэзію, по содержанію, какъ нѣчто цѣлостное, долженъ прежде всего ознакомиться съ сердцевиной его умонастроеній, сказавшихся въ этой „сатирической поэмѣ" сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Она особенно ярко рисуетъ современную цивилизацію, какъ міръ, находящійся подъ властью „демоновъ пыли".

Жизнь, подчиненная привычкамъ и условью,
Елеемъ давности была освящена.
Никто не смѣлъ—ни скорбью, ни любовью
Упиться, какъ виномъ пылающимъ, до дна;
Никто не подымалъ съ лица холодной маски,
И каждымъ взглядомъ лгалъ, и пряталъ каждый крикъ;
Разсчетомъ и умомъ всѣ оскверняли ласки
И берегли свой паѳосъ—лишь для книгъ...

Не правда ли, если мы прибавимъ сюда нѣсколько строкъ изъ Бодлэра—

И если ядъ, пожаръ и остріе кинжала
Еще не вышили узоровъ роковыхъ

На нашихъ скудныхъ дняхъ, и пошлыхъ, и пустыхъ,—
Увы—лишь потому, что въ насъ отваги мало!—[1])

то покажется, что мы читаемъ одно и то же стихотвореніе одного и того же автора?

Еще рельефнѣе предстанетъ передъ нами этотъ параллелизмъ темы и настроенія, если мы возьмемъ нѣсколько строфъ изъ бодлэровскаго „Un voyage“, гдѣ авторъ съ скорбною ироніей наблюдаетъ повсюду

На мѣстѣ женщины, съ зари вѣковъ донынѣ,
Самодовольную и пошлую рабу;
Мужчину-деспота, раба своей рабыни,
Съ душой, похожею на сточную трубу.

Лобъ мѣдный палача и жертвы взоръ молящій,
За пиромъ—амброю приправленную кровь;
Власть опьянѣлую, народъ всевыносящій,
Къ кнуту сыновнюю питающій любовь.

Религій множество: подобно нашей, тоже
Всѣ лѣзутъ къ небесамъ... Какъ нѣжный сибаритъ
Подъ пологомъ изъ розъ на ароматномъ ложѣ,—
Блаженно на гвоздяхъ святоша спитъ!

Но иронія Бодлэра бьетъ еще глубже и дальше... Въ томъ же мірѣ „демоновъ пыли“, какъ его необходимый аксессуаръ, какъ отбрасываемую имъ чужую тѣнь, поэтъ отмѣчаетъ:

Кичливый человѣкъ, ребячески болтливый,
Безумствуя теперь точь въ точь, какъ въ старину,
Взываетъ къ божеству въ агоніи тоскливой:
— О Ты, подобный мнѣ, кляну Тебя, кляну!

А кучка смѣльчаковъ изъ загородки тѣсной,
Отъ стада общаго, живущаго день въ день,
Уходитъ въ опіумъ свободный и чудесный...
— Вотъ шара нашего обычный бюллетень... [2])

Въ картинѣ, рисуемой Бодлэромъ, есть мѣсто и для Брюсова съ его „отрицаньемъ“... Когда Брюсовъ, въ страстной реакціи послѣ былыхъ безмятежныхъ „молитвъ на лонѣ Отца“, „взываетъ къ божеству въ агоніи тоскливой“:

Ты мнѣ отвѣтишь ли, о Сущій,
Зачѣмъ я жажду тѣхъ границъ?

---

[1]) Пер. П. Я. (П. Якубовича), Стихотворенія, т. II, стр. 116.
[2]) Ibid., стр. 268.

Когда онъ—въ своемъ „Искушеніи"—„подымается, вольный и дикій", и потрясаетъ молчаніе ночи „хриплыми криками"—послѣ которыхъ ему „дьяволы шепчутъ со смѣхомъ: ты нашъ!"—скорбно-ироническая усмѣшка Бодлэра говоритъ ему: это все та же ребяческая болтовня кичливаго человѣка, безумствующаго и теперь точь въ точь, какъ въ старину...

И когда Брюсовъ, среди своихъ пессимистическихъ раздумій, вдругъ восклицаетъ:

Намъ должно жить! Лучомъ и свѣтлой пылью,
Волной и бездной должно опьянѣть!

или говоритъ про себя:

Когда не видѣлъ я ни дерзости, ни силъ,
Когда всѣ подъ ярмомъ клонили молча выи,
Я уходилъ въ страну молчанья и могилъ,
Въ вѣка загадочно-былые,—

то та же саркастическая усмѣшка Бодлэра отвѣчаетъ: да, вотъ онъ, особый родъ опіума, создающаго „искусственный рай", paradis artificiel... Это—необходимый аксессуаръ общей картины, безъ него былъ бы нарушенъ ея ансамбль; это нисколько не выходитъ изъ рамокъ, которыя даетъ „шара нашего обычный бюллетень".

Въ самомъ дѣлѣ, есть бунтъ и есть борьба. Борьба—удѣлъ свободныхъ людей, бунтъ—удѣлъ рабовъ. Борьба творчески преобразуетъ жизнь по цѣлостному, стройному идеалу. Бунтъ непосредственно ломаетъ и разбиваетъ узы и запоры, безъ сознанія идеала, безъ просвѣтленной вѣры въ лучшее будущее. „Міра Твоего не пріемлю"—дальше этого рабъ нейдетъ, ибо міръ для него всегда останется собственностью другого—или другихъ. „Создамъ *свой* міръ" или „пересоздамъ міръ по своему идеалу и желанію"—рабу сказать не дано. Рабы—и въ буквальномъ, и въ иносказательномъ, расширенномъ значеніи этого слова—могли выставлять всегда только буйную вольницу, и ея „отрицаніе" не было и не могло быть чревато ничѣмъ положительнымъ. Они не могли выставить коллективнаго идеала, чтобы во имя его организовать коллективное творческое дѣйствіе; коллективность ихъ дѣйствія была не органической, а механической; она представляла простую сумму индивидуальныхъ бунтарскихъ дѣйствій; вмѣстѣ ломали окостенѣвшіе устои, вмѣстѣ проявляли своевольную жажду выйти изъ проторенной колеи жизни—и только. Въ этомъ смыслѣ бунтъ „вольницы" не выходитъ изъ рамокъ

стараго міра, не шагаетъ *изъ* него и *чрезъ* него въ новый міръ; онъ—органическая составная часть этого міра; онъ послушно слѣдуетъ за нимъ, какъ его черная тѣнь. Въ этомъ-то смыслѣ бунтъ и есть удѣлъ раба, удѣлъ человѣка, который не освободился изъ-подъ духовной власти этого міра, и, даже враждуя съ нимъ, не можетъ себѣ представить возможности съ нимъ разъ навсегда покончить. Старый міръ тяготѣетъ надъ его сознаніемъ, какъ фатумъ. Вся исторія развитія человѣчества представляется ему какъ роковое удаленіе отъ „золотого вѣка", лежащаго гдѣ-то далеко, безконечно далеко позади. „Рабы" всѣхъ временъ и народовъ на землѣ знаютъ только „потерянный рай". Обрѣсти этотъ рай здѣсь, на землѣ, никто изъ нихъ не смѣетъ и мечтать. Начиная отъ простого деревенскаго старика, наивно вздыхающаго о добромъ старомъ времени, когда и люди были здоровѣе и добрѣе, и жили дольше и лучше, и земли было на всѣхъ достаточно—и кончая рафинированнымъ Брюсовымъ, доходящимъ въ своемъ пессимизмѣ до мечтаній о крушеніи всей нашей цивилизаціи и возвратѣ къ первобытной цѣлостности далекихъ предковъ,—эта черта, варьируясь на всѣ лады, остается неумирающей и одинаковой въ своей основѣ. И вотъ почему Брюсовъ, въ интимнѣйшихъ мотивахъ своей поэзіи, проявляетъ всѣ черты историко-психологическаго типа, получившаго отъ Михайловскаго названіе „вольницы" и представляющаго собою причудливое сплетеніе явнаго бунта противъ „демоновъ пыли" и скрытой, безсознательной зависимости отъ „тихаго вѣянія ихъ сѣрыхъ воскрылій".

Викторъ Черновъ.

ДВѢ МАТЕРИ

(Joséphin Soulary.)

Двѣ матери сошлись на паперти церковной:
Одна за гробикомъ, въ слезахъ, рыдая, шла,
Печали полная, походкою неровной,
И небесамъ укоръ въ душѣ своей несла.

Другая—шла крестить... И первенца, съ улыбкой,
Сіяя гордостью, держала на рукахъ,
И счастья вѣрила волнѣ невѣрно-зыбкой,
И взоръ съ надеждою терялся въ небесахъ.

Окончился обрядъ, и снова у порога
Сошлась двухъ матерей неравная дорога,
И взглядъ ихъ встрѣтился, безмолвный, но живой.

На гробикъ ранній, съ тихою слезою,
Глядитъ счастливая... и, скорбь смиривъ мольбою,
Мать грустная въ отвѣтъ улыбку шлетъ другой!

Е. М. Миличъ.

БЕЗРАБОТИЦА

и

БОРЬБА СЪ НЕЮ ВЪ АНГЛІИ

I.

Въ Англіи самымъ больнымъ вопросомъ общественной жизни является теперь проблема безработицы. Съ одной стороны несоотвѣтствіе между темпомъ развитія англійскаго производства и эволюціи емкости его рынковъ, угрожающее стать еще болѣе ярко выраженнымъ вслѣдствіе успѣшной конкурренціи со стороны Германіи, создаетъ ту неуравновѣшенность экономической дѣятельности, которая еще съ 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія была основной причиной рѣшительныхъ выступленій рабочихъ массъ. Съ другой стороны—въ Англіи эти массы все болѣе эволюціонируютъ отъ того духа исключительности и корпоративности, который, по словамъ Веббовъ [1]), ослаблялъ силу рабочаго движенія, и все настойчивѣе требуютъ отъ государства участія въ борьбѣ съ безработицей. Первымъ въ этомъ отношеніи крупнымъ историческимъ фактомъ былъ внесенный рабочими депутатами въ палату общинъ 13-го марта 1908-го года „билль о правѣ на трудъ“ (Right to Work Bill). Быстрый ростъ политической организаціи англійскаго рабочаго класса не только вліяетъ на парламентскія и муниципальныя сферы, но охватываетъ и *обыденную* жизнь, въ ея самыхъ разно-

[1]) См. ихъ „Industrial Democracy“, Лондонъ, 1900.

образныхъ проявленіяхъ. Отсюда необходимость для стоящихъ у власти партій оріентироваться въ этомъ вопросѣ, опредѣлить свою позицію и сообразно съ этимъ выработать программу мѣропріятій.

Задача эта не изъ легкихъ. Явленіе, противъ котораго должна быть направлена энергія законодательныхъ органовъ, настолько сложно и настолько связано съ самыми существенными сторонами современнаго общественнаго строя Англіи, что всякая рѣшительная попытка организовать цѣлесообразную борьбу съ нимъ неизбѣжно должна затронуть кровные интересы значительныхъ слоевъ англійскаго общества. Уже одинъ тотъ фактъ, что основная причина наличности резервной арміи рабочихъ—неорганизованность мѣстнаго и интернаціональнаго торговыхъ рынковъ—значительно съуживаетъ и осложняетъ эту задачу, дѣлаетъ ее почти неразрѣшимою. Въ самомъ дѣлѣ, въ Англіи періоды максимальной безработицы за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ падаютъ послѣдовательно на 1858, 1862, 1868, 1879, 1886, 1893 и 1904 г.г.—годы наиболѣе выраженной депрессіи въ производствѣ [1]). Такимъ образомъ государство должно было бы, въ цѣляхъ борьбы съ безработицей, выполнить геркулесову, до сихъ поръ никому непосильную работу организаціи торговыхъ рынковъ. Организація страхованія, какъ компенсація государственнаго безсилья въ борьбѣ съ этой причиной, влечетъ за собой огромные расходы, на которые съ легкимъ сердцемъ „отвѣтственный политикъ" не рѣшится.

Но — скажутъ, быть-можетъ — помимо этой, общей всѣмъ индустріализированнымъ странамъ и неустранимой въ рамкахъ современнаго экономическаго порядка причины, существуетъ еще цѣлый рядъ другихъ, носящихъ преимущественно національный характеръ и менѣе огражденныхъ отъ вліянія государственныхъ мѣропріятій. Наличность ихъ, несомнѣнно, обостряетъ безработицу среди англійскаго пролетаріата. Къ нимъ принадлежатъ, прежде всего, неорганизованность мѣстнаго рабочаго рынка и вырожденіе англійскаго сельскаго хозяйства. Эти причины не связаны необходимо съ капиталистической формой производства. Отъ неорганизованности рабочаго рынка страдаютъ, хотя и не въ одинаковой степени, и предприниматели, и рабочіе. Часто предпринимательскими союзами дѣлаются попытки — напр. въ Германіи — организовать бюро по пріисканію рабочихъ. Мелкое

---

[1]) 1856-ой годъ былъ послѣднимъ годомъ кризиса и первымъ—начавшагося промышленнаго возрожденія; 1862-ой—послѣднимъ годомъ т.-наз. „хлопковаго голода", а 1868-ой и слѣдующій—послѣдними годами общей депрессіи.

сельское хозяйство существуетъ бокъ-о-бокъ съ крупнымъ повсюду, даже въ Англіи, и нигдѣ, кромѣ Англіи, не наблюдается тенденція къ исчезновенію его. Для крупной индустріи наличность его даже крайне желательна въ силу того, что размѣры потребленія деревни всегда были и будутъ однимъ изъ факторовъ, опредѣляющимъ степень развитія національнаго производства.

А priori все это совершенно вѣрно. Но въ Англіи обѣ причины не могутъ быть устранены просто и безболѣзненно. Профессіональные союзы, играющіе далеко не послѣднюю роль въ экономической жизни страны, самымъ кровнымъ образомъ заинтересованы въ сохраненіи отвоеванныхъ долгой и упорной борьбою позицій. И если они безъ всякаго сожалѣнія откажутся отъ практикуемаго ими въ широкихъ размѣрахъ подысканія работы для своихъ безработныхъ членовъ, то только на томъ условіи, что государство, принявъ на себя эту функцію, не сыграетъ по отношенію къ организованнымъ рабочимъ роль штрейкбрехерскаго агентства, поставляющаго согласныхъ на любыя условія работниковъ тѣмъ предпринимателямъ, которые, путемъ локаутовъ, ведутъ борьбу съ трэдъ-юніонами. Иначе—принятая парламентомъ мѣра легко вызоветъ серьезныя осложненія или рискуетъ не дать никакихъ практическихъ результатовъ.

Еще труднѣе правильно намѣтить линію поведенія государства по отношенію къ современнымъ аграрнымъ условіямъ. Въ Англіи въ настоящее время преобладаетъ латифундарный характеръ землевладѣнія. Изъ 72.119.961 акра годной къ обработкѣ земли принадлежитъ:

крупнымъ хозяйст.	(свыше 1.000 акр.) . .	51.855.118 акр.	или 72%	всей пл.
среднимъ „	(отъ 100 до 1000 акр.).	15.133.057 „	„ 21 „	„ „
мелкимъ „	(„ 1 „ 100 акр.).	4.910.723 „	„ 6,8 „	„ „
мельчайшимъ „	(менѣе акра)	118.413 „	„ 0,2 „	„ „

Такимъ образомъ *типъ* англійскаго сельскаго хозяйства опредѣляется характеромъ эксплоатаціи латифундій. Въ силу того, что послѣднія, за рѣдкими исключеніями, превращены въ пастбища и пустоши [1]—степень развитія англійскаго сельскаго хозяйства крайне низка, и соотвѣтственно незначителенъ спросъ на рабочія руки.

Мало того. Превращеніе земель въ пустоши — явленіе не

[1]) По даннымъ 1908 г., изъ всего числа акровъ, находившихся во владѣніи крупныхъ собственниковъ, пустовало 73%.

только постоянное, но и *развивающееся.* Въ то время, какъ по даннымъ 1888 г. подъ посѣвами было 21.178.585 акровъ и пустовало 26.698.229 акровъ — въ 1908 г., т.-е. через двадцать лѣтъ, площадь обрабатываемой земли равнялась уже лишь 19.478.399 акровъ, а площадь пустошей — 27.523.562. Иначе говоря, площадь обрабатываемой земли уменьшилась на 8,2%, площадь же пустошей увеличилась на 3%, *при общемъ уменьшеніи годной къ обработкѣ земельной площади на* 1,9%. Это постоянное сокращеніе посѣвной площади и превращеніе ея въ негодные къ обработкѣ участки является одною изъ главнѣйшихъ причинъ обостренности безработицы среди англійскаго пролетаріата. Въ деревняхъ остается лишь та часть населенія, которая можетъ прокормиться либо въ качествѣ labourers (батраковъ), либо въ качествѣ фермеровъ. Остальное населеніе деревни, не имѣя возможности воспользоваться ни арендными предложеніями, ни спросомъ на рабочія руки, принуждено переселяться въ городъ или эмигрировать въ колоніи. За двадцатилѣтній періодъ (съ 1881 по 1901 г.) по даннымъ всеобщаго ценза число лицъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, упало съ 2.574.031 до 2.262.454, или на каждыя 10.000 душъ населенія приходилось лицъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ:

въ 1881 г.	738	человѣкъ.
„ 1901 „	546	„

Пониженіе, такимъ образомъ, равно 192 душамъ съ каждыхъ 10.000 душъ всего населенія. Спросъ на рабочія руки въ другихъ отрасляхъ производства поглощаетъ этотъ избытокъ деревенскаго населенія только отчасти. По тѣмъ же даннымъ, на каждыя 10.000 душъ населенія, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, текстильной и металлургической промышленностяхъ, приходилось:

въ 1881 г.	1.428	человѣкъ	
„ 1901 „	1.255	„	или *менѣе на 173 человѣка.*

Эти краснорѣчивыя цифры совершенно опредѣленно подчеркиваютъ крайнюю необходимость мѣропріятій противъ современныхъ аграрныхъ условій. Только вызвавъ въ надлежащемъ объемѣ „тягу изъ городовъ въ деревню“, государство сможетъ достигнуть значительнаго измѣненія размѣровъ резервной арміи и сдѣлать болѣе дѣйствительными другія свои мѣропріятія. Однако, сколько-нибудь существенныя мѣры въ этомъ направленіи неизбѣжно встрѣтятъ ожесточенный отпоръ со стороны землевладѣльческаго класса, показавшаго, въ минувшую легислатуру, до

какой степени онъ цѣнитъ привилегію безконтрольнаго распоряженія землею. Его общественныя и политическія позиціи достаточно устойчивы, чтобы создать значительныя осложненія въ работѣ государственнаго механизма.

Трудность задачи, конечно, не исключаетъ возможности ея рѣшенія. Если пройти мимо проекта „тарифной реформы", этого неудачнаго „praeterea censeo" консервативной партіи, имѣющаго, какъ показываетъ опытъ протекціонистскихъ странъ и, главнымъ образомъ Россіи, развѣ только отрицательное значеніе въ борьбѣ съ безработицей, — то мы въ теченіе перваго десятилѣтія XX-го вѣка можемъ отмѣтить рядъ болѣе или менѣе замѣтныхъ попытокъ рѣшенія этой задачи, какъ со стороны консерваторовъ, такъ, особенно, и со стороны либераловъ и „Рабочей партіи" (Labour Party). Послѣдняя внесла уже упомянутый нами „Билль о правѣ на трудъ", настойчивыми выступленіями В. Грейсона, Кейръ-Гарди, Макъ-Дональда, В. Торна и Крукса добилась скорѣйшаго разсмотрѣнія проектовъ кабинета Асквита и оказала значительное вліяніе на ихъ характеръ. Консерваторы провели въ 1905 г. „Актъ о безработныхъ" (Unemployed Workmen Act.), а либералы — Labour Exchanges Act, 1909, Small Holdings and Allottment Act, 1907, и почти закончили предварительную работу по организаціи страхованія на случай безработицы.

II.

Собственно говоря, все, что въ Англіи сдѣлано или проектируется сдѣлать въ области борьбы съ безработицей, является максимумомъ, доступнымъ въ настоящее время государству. Страхованіе на случай безработицы, долженствующее компенсировать отсутствіе возможности, въ рамкахъ существующихъ общественныхъ отношеній, предупредить тяжелыя послѣдствія безработицы, затѣмъ организація рабочаго рынка и борьба съ крупнымъ, безплоднымъ, въ хозяйственномъ смыслѣ, землевладѣніемъ — фигурируютъ одинаково и въ программѣ англійскихъ либераловъ, и въ текущей періодической и непеdo періодической литературѣ, и въ резолюціяхъ послѣдняго Международнаго Соціалистическаго Конгресса. Весь вопросъ въ томъ, въ какой мѣрѣ отвѣчаютъ своему назначенію уже принятыя или проектируемыя мѣры, насколько удовлетворительно онѣ локализируютъ или предупреждаютъ то общественное зло, противъ котораго онѣ направлены.

Съ этой точки зрѣнія актъ 1905 г.—хронологически первая въ Англіи попытка борьбы съ безработицей—слѣдуетъ признать совершенно неудовлетворительнымъ. Сущность его предписаній сводится къ предоставленію муниципалитетамъ права учреждать, во-первыхъ, особые „комитеты по вспомоществованію безработнымъ“ (Distress Committees) и во-вторыхъ—бюро труда въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (Labour Bureau или Labour Exchanges). Отъ Distress Commitee зависѣлъ выборъ формы вспомоществованія—въ видѣ организаціи общественныхъ работъ, подысканія работъ, помощи на дому натурой (out-door relief) и т. п. „Комитеты вспомоществованія“ поставили во главу угла своей дѣятельности ту мѣру, къ которой англійскіе муниципалитеты время отъ времени прибѣгали и ранѣе: организацію муниципальныхъ работъ. Однако, то, что сравнительно удачно примѣнялось въ 1885 г. въ Бирмингамѣ, а потомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ — въ качествѣ мѣры ad hoc, спорадической,—не могло не потерпѣть краха въ качествѣ мѣры регулярно примѣняемой. По свидѣтельству „Королевской Коммиссіи по законамъ о бѣдныхъ“, особенно ея эмиссаровъ, К. Джаксона и свящ. Прингля, собравшихъ по этому вопросу огромный матеріалъ, „муниципальную помощь работой слѣдуетъ признать совершенно обанкротившеюся, и банкротство ея только подчеркивается попыткой организовать ее на основаніи акта о безработныхъ“. Исключеніе представлялъ до сихъ поръ только Лондонъ, выбравшій изъ мѣръ, рекомендованныхъ актомъ, главнымъ образомъ подысканіе работы и поставившій это дѣло довольно удачно. Но даже въ Лондонѣ положительная сторона дѣятельности Distress Commitee (организовавшаго Central Unemployed Body—бюро по пріисканію работы для всѣхъ округовъ Лондона) совершенно была уничтожена тѣмъ обстоятельствомъ, что, по смыслу акта 1905 г., всякій рабочій, обратившійся къ комитету за помощью или за работой, заносился въ списки пауперовъ, что влекло за собой потерю гражданскихъ и иныхъ правъ [1]). Конечно, рабочіе не могли не перенести своего отрицательнаго отношенія къ „законамъ о бѣдныхъ“ на актъ 1905 г., устанавливавшій почти такія же ограниченія, какъ и первые. Результаты дѣятельности муниципальныхъ бюро труда, въ большинствѣ случаевъ, къ

[1]) Напомнимъ, что по первоначальному тексту „Акта о пенсіяхъ старости“ (Old Age Pensions Act, 1908), рабочій терялъ право на пенсію, если былъ занесенъ въ списки въ качествѣ хотя бы разъ получившихъ помощь отъ организованнаго по „законамъ о бѣдныхъ“ (Poor Laws) „наблюдательскаго совѣта“ (Board of Guardians) или отъ иныхъ благотворительныхъ коллективовъ, въ томъ числѣ и Distress Committees.

тому же, ограничившихся подборомъ рабочихъ лишь на муниципальныя работы [1]), въ силу этого были крайне незначительны. За первые три года (1905—1908 гг.) къ ихъ посредничеству обратилось всего 287.894 человѣка, что даетъ ежегодную среднюю въ 95.965 человѣкъ, и лишь когда либеральное министерство, въ концѣ 1908 г., уничтожило правоограниченія, которыя влекло за собою обращеніе къ бюро, цифра эта поднялась до 196.756 въ годъ. Число пристроенныхъ рабочихъ за все время дѣйствія Unemployed Workmen Act едва достигло 88.190 человѣкъ, что составляетъ только 18,2% всего числа обращеній. По сравненію съ данными о дѣятельности германскихъ муниципальныхъ бюро труда цифра эта представляется совершенно ничтожной. Въ Кельнѣ, напр., по даннымъ 1904 г. (годъ промышленнаго кризиса), число пристроенныхъ мѣрами бюро составляетъ 40%, въ Берлинѣ—68%, въ Лейпцигѣ—почти 88% всего числа обратившихся къ бюро рабочихъ [2]).

За этой неудачной попыткой организаціи рабочаго рынка въ Англіи послѣдовала другая, вызванная результатами разслѣдованій уже упомянутой нами „Королевской Коммиссіи по законамъ о бѣдныхъ“. Коммиссія эта была назначена въ 1904 г. консервативнымъ министерствомъ, съ цѣлью обслѣдованія положенія рабочаго класса въ Англіи и указанія практическихъ способовъ къ его улучшенію. Коммиссія, въ цѣломъ, совершенно категорически осудила, послѣ непрерывной пятилѣтней работы, всѣ мѣры, ранѣе принимавшіяся правительствомъ, но къ единогласному выводу относительно мѣръ, которыя слѣдовало бы принять, ей придти не удалось. Большинство членовъ коммиссіи предложило ограничиться кое-какими заплатами на законы о бѣдныхъ. Радикальное меньшинство въ пять человѣкъ [3]) предложило гораздо болѣе послѣдовательную схему проектовъ, въ числѣ которыхъ видное мѣсто принадлежало планомѣрной организаціи рабочаго рынка. Мнѣніе меньшинства было положено либеральнымъ министерствомъ Асквита въ основу „закона о бюро труда“ (Labour Exchanges Act, 1909), занявшаго первое мѣсто въ рядѣ аналогичныхъ мѣръ.

---

[1]) См. „Report of the Commission on the Poor Laws, Minority Report“, стр. 547.

[2]) См. Philippe de Las-Cases, „L'Assurance contre chomage en Allemagne“, стр. 22—24, а также „Bulletin de l'Office du Travail“, 1910, стр. 505 и сл.

[3]) Кромѣ извѣстной и въ Россіи своими изслѣдованіями по исторіи трэдъ-юніонизма Беатрисы Веббъ, въ меньшинство коммиссіи вошли Россель Вакфильдъ, Фрэнсисъ Чэндлэръ и Джорджъ Лэнсбери—лица, близко стоящія къ Fabian Society, а послѣдній, кромѣ того, членъ Центральнаго Административнаго Совѣта Labour Party.

Основными положеніями этого акта устанавливается организація *безплатныхъ* оффиціальныхъ *бюро по найму рабочихъ* всѣхъ безъ исключенія категорій труда. Для объединенія функціи пріисканія работы въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, актъ подчиняетъ министерству торговли *всѣ* бюро какъ частныя, и общественныя) безразлично, возникли ли они до или послѣ опубликованія акта. Всѣ эти бюро могутъ быть переданы и въ непосредственное административное завѣдываніе министерства, причемъ самостоятельное существованіе организованныхъ по акту 1905 г. муниципальныхъ бюро ограничивается годичнымъ срокомъ. Администрація переданныхъ въ вѣдѣніе министерства или имъ учрежденныхъ бюро *назначается* министерствомъ и содержится цѣликомъ на средства государства. Въ этомъ отношеніи Labour Exchanges отчасти напоминаютъ муниципальныя бюро Германіи, администрація которыхъ также назначается, а не избирается, какъ во французскихъ bourses du travail [1]. Сходство англійскихъ и германскихъ бюро подчеркивается еще тѣмъ, что какъ въ Германіи извѣстная часть бюро (75 изъ 283) организована по „паритарной системѣ“ (paritätisches System), такъ и въ Англіи министерство имѣетъ право привлекать къ участію въ руководствѣ работой бюро равное число представителей отъ рабочихъ и отъ предпринимателей, составляющихъ вмѣстѣ „совѣщательные промышленные комитеты“ (Advisory Trade Committees).

Въ Англіи законы, выработанные палатой общинъ, весьма часто намѣчаютъ лишь общій духъ устанавливаемыхъ ими распорядковъ. Болѣе подробная регламентація становится дѣломъ соотвѣтствующаго министерства, хотя и подлежитъ одобренію палаты. Необходимость такой регламентаціи предусматривается и актомъ 1909 г.: онъ поручаетъ министерству торговли издать необходимыя правила, опредѣляющія функціи бюро труда, но предписываетъ обязательно внести въ эти правила пунктъ, оговаривающій право рабочаго отказаться—*безъ всякихъ для него послѣдствій* — отъ предложенной работы, если, во-первыхъ, эта работа не принадлежитъ къ его спеціальности, во-вторыхъ если заработокъ и всѣ вообще условія найма, предложенныя предпринимателемъ, ниже нормальныхъ, въ-третьихъ—если на лицо забастовка или локаутъ на фабрикѣ у предложившаго работу.

[1] „Биржа труда“ (bourse du Travail), Labour Exchanges—выраженія идентичныя. Тѣмъ не менѣе мы повсюду переводимъ послѣднее выраженіе словами: *„бюро труда“* такъ какъ по существу Labour Exchanges болѣе похожи на германскія *бюро*, чѣмъ на французскія *биржи*.

Наиболѣе слабое мѣсто акта—это *необязательность* участія заинтересованныхъ сторонъ въ отправленіи функцій бюро. Вообще весь актъ составленъ въ условныхъ выраженіяхъ: въ немъ равно „предоставляется Board of trade“ (министерство торговли) и учреждать бюро „въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно сочтетъ это необходимымъ“, и приглашать заинтересованныя стороны къ участію въ руководствѣ работой. Нѣкоторые факты позволяютъ думать, что необязательные „промышленные комитеты“ будутъ функціонировать при мало-мальски важныхъ бюро. Министерство съ первыхъ шаговъ привлекло къ дѣлу общественныя силы. Завѣдывающимъ центральнымъ бюро труда былъ назначенъ Бевераджъ, авторъ книги „Unemployment — a problem of industry“, заслуженно считающійся однимъ изъ лучшихъ знатоковъ вопроса въ Англіи. Выборъ завѣдующихъ областными и мѣстными Labour Exchanges бюро былъ произведенъ не менѣе тщательно. На 200 вакансій было подано 9 тысячъ прошеній. Подборъ министерство поручило особой коммиссіи, въ составъ которой вошелъ, кромѣ представителя отъ министерства и Бевериджа, извѣстный трэдъ-юніонистъ, предсѣдательствовавшій на прошлогоднемъ ипсвичскомъ конгрессѣ, членъ независимой рабочей партіи (I. L. P.) Давидъ Шакльтонъ. Кромѣ того, въ составъ центральнаго Advisory Committee вошли, въ числѣ представителей отъ рабочихъ, такіе видные дѣятели независимой рабочей партіи, какъ миссъ Макъ-Артуръ, Боверманъ и О'Грэди (послѣдніе двое—члены парламента).

III.

Актъ 1909 г. долженъ былъ войти въ силу съ 1-го января 1910 г., но въ виду затрудненій въ пріисканіи помѣщеній [1]) оффиціальное открытіе бюро было отложено до 1-го февраля. Къ этому времени министерство торговли издало требуемыя актомъ правила и выработало систему отношеній между бюро различныхъ категорій. Остановимся сперва на послѣдней.

Надлежаще понятое, пріисканіе работы заключается не только въ томъ, чтобы свести предпринимателя съ рабочимъ *въ одной* мѣстности, но и въ томъ, чтобы *организовать миграціонное движеніе рабочихъ по всей странѣ*. Чаще всего паденіе спроса на трудъ

[1]) Пока всѣ бюро помѣщаются въ случайныхъ помѣщеніяхъ: неиспользованныхъ почтовыхъ конторахъ, нанятыхъ спеціально квартирахъ и т. д. Въ теченіе 25-ти лѣтъ проектируется построить спеціальныя зданія.

на данномъ рынкѣ сопровождается повышеніемъ его на нѣкоторыхъ другихъ. Это объясняется во многихъ случаяхъ *мѣстными* кризисами, нисколько не отражающимися на общенаціональной промышленности. Вслѣдствіе такихъ кризисовъ въ Англіи ежегодно теряютъ работу отъ 60 до 80 тысячъ человѣкъ. Неосвѣдомленность потерявшихъ работу рабочихъ, а часто и недостатокъ средствъ на переѣздъ, мѣшаетъ имъ использовать благопріятную коньюнктуру въ другихъ мѣстностяхъ. Задачей бюро труда является въ такомъ случаѣ освѣдомленіе ихъ о положеніи дѣлъ *на всемъ* рабочемъ рынкѣ. Съ этой точки зрѣнія крайне важна правильная координація дѣятельности отдѣльныхъ бюро и своевременная информація ихъ о положеніи спроса и предложенія труда на каждомъ данномъ рынкѣ. Въ этихъ видахъ министерство раздѣлило всю Англію на двѣнадцать округовъ, изъ которыхъ въ каждомъ есть свое окружное бюро. Окружныя бюро непосредственно связаны съ центральнымъ, куда они еженедѣльно представляютъ общіе доклады и ежедневно сообщаютъ о числѣ и родѣ занятій непристроенныхъ рабочихъ и гдѣ, наконецъ, ежемѣсячно происходятъ съѣзды управляющихъ clearing houses. Подъ контролемъ областныхъ бюро и центральнаго функціонируютъ мѣстныя бюро трехъ классовъ: къ категоріи первоклассныхъ принадлежатъ бюро труда въ 30-ти промышленныхъ городахъ, съ населеніемъ свыше 100 тысячъ человѣкъ, къ числу второклассныхъ— въ 30-ти промышленныхъ городахъ, съ населеніемъ отъ 30 до 100 тысячъ, къ числу третьеклассныхъ—въ остальныхъ мѣстностяхъ. О каждомъ зарегистрированномъ, но непристроенномъ рабочемъ и о каждомъ неудовлетворенномъ мѣстными силами спросѣ на трудъ мѣстныя бюро ежедневно сообщаютъ по телефону въ окружныя, а оттуда свѣдѣнія эти, послѣ попытки областного бюро пристроить рабочаго черезъ другое подчиненное ему бюро, передаются въ центральное бюро. Благодаря такой организаціи *въ каждый данный моментъ областныя бюро*, равно какъ и центральное, *находятся въ курсѣ дѣла* и могутъ, пользуясь свѣдѣніями, передвигать рабочихъ на мѣста, гдѣ на ихъ трудъ существуетъ спросъ.

Система эта уже проведена въ жизнь цѣликомъ [1]. Не учреждены лишь бюро труда въ нѣкоторыхъ мелкихъ городахъ. Такой цѣлесообразной организаціи мы не находимъ ни въ одной изъ европейскихъ странъ. Координація дѣятельности германскихъ

[1]) Къ 1-му февраля было учреждено 83 бюро. Къ 1-му марта насчитывалось уже 93 бюра, къ 1-му мая — 104. Теперь число бюро доходитъ до 127. См. „Board of Trade Labour Gazette“, March—September 1910.

бюро труда не установлена никакимъ закономъ. Существующая въ Германіи федерація обязана своимъ существованіемъ иниціативѣ частной, а не правительственной, и охватываетъ, по даннымъ 1909 г., всего 113 бюро изъ 283 или только 39,9% всего числа [1]). Девять областныхъ федерацій, выполняющихъ ту же задачу въ небольшихъ государствахъ Германіи, также не покрываютъ *всей* арены дѣятельности муниципальныхъ бюро этихъ государствъ. О французскихъ „биржахъ труда" приходится сказать почти то же, что и о германскихъ. Формально объединенныя въ федерацію, центральнымъ органомъ которой является секція биржъ труда при генеральной конфедераціи труда (C. G. T.), на дѣлѣ онѣ лишь крайне слабо связаны другъ съ другомъ и многія отрасли ихъ дѣятельности поставлены далеко не удовлетворительно. Любопытной иллюстраціей разобщенности французскихъ биржъ труда служитъ слѣдующій фактъ, разсказанный секретаремъ секціи биржи труда, Жоржемъ Ивето: когда въ маѣ 1907 г. секретаріатъ секціи предпринялъ анкету о заработкѣ, объ условіяхъ труда, о нуждахъ и о жизни рабочихъ, *ни одна* изъ биржъ не отозвалась на разосланные циркуляры и опросные листы [2]). Такимъ образомъ англійская система является наиболѣе полной и строго координированной системой организаціи рабочаго рынка. Анализъ изданныхъ министерствомъ правилъ не только подтверждаетъ этотъ выводъ, но и даетъ право признать англійскую систему наиболѣе цѣлесообразною.

Правила охватываютъ собою самыя различныя функціи бюро. То обстоятельство, что и самый актъ, и правила, регулирующія его примѣненіе, обязаны своимъ происхожденіемъ дефектамъ разсмотрѣннаго нами выше акта 1905 г., наложило на нихъ извѣстный отпечатокъ. *Правила подчеркиваютъ основную посредническую задачу бюро.* Чиновникъ обязанъ доставлять ищущему работы *всѣ* справки о предлагаемомъ мѣстѣ—о размѣрахъ заработной платы, о взаимоотношеніяхъ хозяевъ и рабочихъ даннаго предпріятія; онъ тщательно ведетъ регистрацію стачекъ и локаутовъ, сообщать о которыхъ ему *обязаны* какъ предприниматели, такъ и трэдъ-

---

[1]) Кромѣ того, въ федерацію входятъ 20 (изъ 89) бюро, организованныхъ рабочими и предпринимательскими ассоціаціями, но пользующимися въ той или иной мѣрѣ матеріальной поддержкой муниципалитетовъ.

[2]) Франція и Германія обладаютъ, между тѣмъ, *наиболѣе развитой*, по сравненію съ остальными континентальными странами, организаціей бюро по найму рабочихъ. Въ Швеціи существуетъ всего 19 бюро, въ Швейцаріи — 11. Австрія и Россія ровно ничего не сдѣлали въ дѣлѣ организаціи рабочаго рынка, Италія крайне слабо принимаетъ въ немъ участіе.

юніоны; онъ собираетъ копіи коллективныхъ договоровъ и т. п.— и все это представляетъ на разсмотрѣніе ищущихъ работы. *Но въ его задачу не входитъ подача какихъ-либо совѣтовъ рабочему.* Послѣдній самъ долженъ рѣшить, подходятъ ли ему данныя условія, или не подходятъ, тѣмъ болѣе, что и актомъ, и правилами предусмотрѣнъ безпрепятственный отказъ рабочаго отъ предложенной работы. Въ силу этого сама собой отпадаетъ отвѣтственность чиновника или бюро за тотъ или иной поступокъ рабочаго.

Порядокъ регистраціи, установленный правилами, совершенно чуждъ формализма. Всякій желающій получить работу при посредствѣ бюро, обязанъ сдѣлать заявленіе объ этомъ лично, если разстояніе, отдѣляющее его постоянное мѣсто жительства отъ бюро, не превышаетъ трехъ миль, и письменно, по почтѣ—если онъ живетъ на бо́льшемъ разстояніи. При этомъ онъ долженъ дать чиновнику свѣдѣнія какъ объ адресѣ своемъ, имени, фамиліи и возрастѣ, такъ и о родѣ желательной работы, о предшествовавшемъ заявленію мѣстѣ найма и о времени, когда онъ можетъ поступить на новое мѣсто. Предприниматели, въ свою очередь, *обязаны* сообщать бюро списки требующихся для нихъ рабочихъ. Эти списки предъявляются на разсмотрѣніе всѣхъ ищущихъ работы. Избравшій работу получаетъ отъ бюро карточку—такъ называемую identification card,—съ которой и отправляется къ данному предпринимателю. Если предприниматель нанимаетъ рабочаго, онъ обязанъ подписать карточку послѣдняго и вернуть ее на свой счетъ въ бюро. При неудачѣ, карточка возвращается рабочимъ. Списки непристроенныхъ рабочихъ мѣстное бюро ежедневно сообщаетъ въ окружное, которое, въ свою очередь, увѣдомляетъ о числѣ свободныхъ рабочихъ и о характерѣ желательныхъ работъ всѣ подчиненныя ему бюро. Если зарегистрованный нашелъ работу не въ мѣстности, гдѣ онъ живетъ, а въ другомъ городѣ, бюро имѣетъ право выдать ему заимообразно деньги на проѣздъ. Долгъ этотъ погашается частичными вычетами изъ заработка.

Мы говорили уже, что министерство торговли можетъ привлечь къ участію въ управленіи бюро такъ называемые Advisory Trade Committees. Роль этихъ комитетовъ — не только совѣщательная, какъ это можно было бы предположить судя по ихъ названію. Главной задачей ихъ является рѣшеніе вопросовъ, вытекающихъ изъ практики мѣстнаго бюро. Въ составъ ихъ входятъ въ равномъ количествѣ представители отъ предпринимателей и отъ рабочихъ, предсѣдатель же назначается министерствомъ. Срокъ

полномочій членовъ комитета—трехгодичный. Всѣ текущіе вопросы рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ; особо важные—требуютъ большинства голосовъ отъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Предсѣдатель не имѣетъ голоса ни въ какомъ случаѣ; когда голоса раздѣляются поровну, онъ долженъ доложить о немъ министерству, при чемъ, если сочтетъ нужнымъ, можетъ высказать и свое мнѣніе.

Не трудно замѣтить, что, по сравненію съ актомъ 1905 г., данный законъ представляетъ большія преимущества. Онъ, прежде всего, рѣзко отдѣляетъ функціи пріисканія работы отъ благотворительныхъ и иныхъ. Обращеніе къ бюро не связано съ потерей какихъ бы то ни было правъ. Предусматривается полное безпристрастіе чиновниковъ бюро, въ извѣстной мѣрѣ поставленныхъ подъ контроль заинтересованныхъ сторонъ и не отвѣтственныхъ за рѣшеніе рабочаго, такъ какъ имъ запрещена подача какихъ-либо совѣтовъ. Наконецъ, законъ создаетъ такую цѣлесообразную и дѣеспособную организацію *всего* рабочаго рынка, какой не существуетъ еще нигдѣ. Всѣ эти преимущества побудили частныя и общественныя организаціи пойти навстрѣчу намѣреніямъ правительства. Мы видѣли, каково было отношеніе къ акту большинства трэдъ-юніоновъ, одинъ изъ лидеровъ которыхъ принялъ непосредственное участіе въ организаціи дѣла. Labour Party голосовала въ палатѣ общинъ *за* проектъ. Отношеніе муниципалитетовъ также не оставляетъ желать ничего лучшаго. Къ 15-му марта всѣ (кромѣ двухъ) учрежденныя на основаніи „акта о безработныхъ" бюро были переданы муниципалитетами въ вѣдѣніе министерства. Во многихъ городахъ совѣты приняли всѣ мѣры, чтобы популяризировать новыя бюро въ широкихъ кругахъ населенія. Въ Глазго съ этой цѣлью на оборотной сторонѣ трамвайныхъ билетовъ, вмѣсто обычныхъ объявленій, напечатаны, по постановленію городского совѣта, какъ адресъ мѣстныхъ бюро, такъ и краткое изложеніе ихъ задачъ.

Жизнеспособность новаго института ярко проявилась уже въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ дѣятельности бюро. За это время было зарегистрировано 506.250 требованій работы и 184.559 случаевъ спроса на рабочія руки. Удовлетворенъ былъ спросъ на послѣднія въ 156.369 случаяхъ, т.-е. въ процентномъ отношеніи ко всему:

	Спросу на рабочихъ.	Предложенію труда.
Въ первый мѣсяцъ	59,5%	11,2%
„ второй „	68,6%	22,5%
„ третій „	75,2%	29,2%

	Спросу на рабочихъ.	Предложенію труда.
Въ четвертый мѣсяцъ	70,0%	31,9%
„ пятый „	81,0%	56,5%
„ шестой „	85,0%	46,5%
За полгода . .	84,1%	30,6%

Изъ приведенныхъ въ этой таблицѣ данныхъ видно, какъ быстро налаживается работа бюро. За сравнительно короткій срокъ бюро достигли того, что всего 15% спроса на рабочихъ остаются неудовлетворенными. Успѣхъ, можно сказать, поразительный. И наличность его является какъ нельзя болѣе яркимъ аргументомъ въ пользу англійской системы организаціи рабочаго рынка.

IV.

Перейдемъ теперь къ проекту страхованія на случай безработицы, о которомъ широкая публика узнала впервые изъ бюджетной рѣчи Ллойдъ-Джорджа, произнесенной 29 апрѣля 1909 г. Здѣсь мы опять-таки встрѣчаемся съ предложеніемъ меньшинства „Коммиссіи по законамъ о бѣдныхъ", докладъ котораго въ извѣстной мѣрѣ можно считать комментаріемъ къ соціальной политикѣ кабинета Асквита. Ллойдъ-Джорджъ, говоря о предполагаемыхъ мѣрахъ борьбы съ гибельными послѣдствіями безработицы, предложилъ палатѣ общинъ одобрить принципъ факультативности страхованія, рекомендованный меньшинствомъ коммиссіи. „Мой товарищъ, министръ торговли—сказалъ онъ—раздѣляетъ мнѣніе коммиссіи, и министерство въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ прилагаетъ усилія къ выработкѣ схемы, которая, *поощряя добровольную иниціативу трэдъ-юніоновъ...*, распространила бы выгоды страхованія на возможно болѣе широкіе слои рабочаго класса, *включая сюда и представителей неквалифицированнаго труда*".

Меньшинство коммиссіи предлагало принять ту форму страхованія, которая дала наиболѣе осязательные результаты на континентѣ, а именно форму субвенціональнаго страхованія при посредствѣ трэдъ-юніоновъ [1]). Проектъ его въ основныхъ чертахъ напоминаетъ болѣе всего датскую систему. Отъ французской

---

[1]) Въ своемъ докладѣ представители меньшинства писали: „Мы полагаемъ, что въ нашей странѣ долженъ быть принятъ проектъ, реализованный повсюду на континентѣ, а именно—проектъ субсидированія трэдъ-юніоновъ изъ общественныхъ фондовъ съ цѣлью помочь имъ расширить ихъ собственное страхованіе".

онъ отличается тѣмъ, во-первыхъ, что субсидироваться будутъ, по проекту, кассы безработицы профессіональной организаціи, тогда какъ во Франціи получаютъ субсидію исключительно *не*-синдикальныя кассы, а во-вторыхъ, тѣмъ, что на государство предполагается возложить *половину* всѣхъ расходовъ по поддержкѣ безработныхъ членовъ кассы, тогда какъ во Франціи максимальный размѣръ субсидій установленъ въ 20% для мѣстныхъ и въ 30%—для областныхъ кассъ. Отъ гентской системы онъ отличается тѣмъ, что профессіональныя организаціи получаютъ субсидію отъ государства, а не отъ муниципіи.

Считая субвенціонную систему страхованія „наилучшей", меньшинство коммиссіи самымъ категорическимъ образомъ высказалось противъ всеобщности обязательной формы страхованія. Оно „не считаетъ для себя возможнымъ рекомендовать какое-либо обязательное страхованіе въ виду его вѣроятнаго отрицательнаго вліянія на составъ и организацію трэдъ-юніоновъ", которые ведутъ свое происхожденіе отъ кассъ взаимопомощи и до сихъ поръ даютъ бо̀льшую часть своихъ доходовъ на поддержаніе безработныхъ членовъ [1]). Этотъ аргументъ меньшинства станетъ вполнѣ понятенъ, если мы вспомнимъ характерныя особенности англійскаго профессіональнаго движенія. Англійская трэдъ-юніонистская организація почти всю свою дѣятельность сводитъ къ функціямъ страхованія. Въ отличіе отъ французскихъ синдикатовъ, англійскіе трэдъ-юніоны растутъ, преимущественно, не въ силу сознанія рабочими противоположности ихъ общественныхъ интересовъ интересамъ непроизводительныхъ классовъ, а главнымъ образомъ потому, что англійскому рабочему необходима увѣренность, что про черный день у него имѣется членская карточка, дающая право на опредѣленныя пособія. Введеніе всеобщаго обязательнаго страхованія, помимо и безъ участія трэдъ-юніонистскихъ кассъ, значительно подорвало бы трэдъ-юніонистское движеніе, вызвавъ уходъ изъ союзовъ значительной части рабочихъ, для которыхъ единственнымъ побужденіемъ къ записи въ члены были соображенія матеріальнаго порядка.

Докладъ меньшинства признаетъ, все-таки, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ и при соблюденіи нѣкоторыхъ условій обязательное страхованіе допустимо. Для этого необходимо, во-первыхъ, чтобы оно примѣнялось исключительно къ наилучше-опла-

---

[1]) По даннымъ 1908 г., на одного члена каждаго изъ 100 главнѣйшихъ трэдъ-юніоновъ приходилось: расхода на безработныхъ—14 шиллинговъ (или 37,5% *всѣхъ* расходовъ), на увѣчныхъ и больныхъ — 6 ш. 5¾ пенса, на стачечное движеніе — 8 ш. 6 п., на администрацію, издательство и прочее—8 ш. 4½ пенса.

чиваемымъ и наименѣе страдающимъ отъ безработицы слоямъ рабочаго класса, а во-вторыхъ, чтобы функціи страхованія и пріисканія работы были строго координированы. Послѣднее условіе даетъ матеріально заинтересованнымъ правительству и предпринимателямъ возможность свести число безработныхъ среди застрахованныхъ до минимума, а первое обезпечиваетъ бездефицитность кассъ.

Руководясь, въ общемъ, этими соображеніями, министерство Асквита вырабатываетъ теперь схему страхованія на случай безработицы. Субвенціональная система сохраняется имъ для большинства рабочихъ. Въ то же время предполагается установить—въ строгомъ согласіи съ оговорками меньшинства коммиссіи—и обязательное страхованіе для части рабочихъ. Обязательному страхованію—какъ объ этомъ было заявлено въ палатѣ общинъ 19 апрѣля 1909 г. бывшимъ тогда министромъ торговли Черчиллемъ (теперь онъ—статсъ-секретарь по внутреннимъ дѣламъ)—будутъ подлежать всѣ рабочіе строительнаго производства, затѣмъ рабочіе машино-, корабле- и вагоно-строительныхъ, а также лѣсопильныхъ заводовъ, въ общей сложности отъ $2^1/_4$ до $2^1/_2$ милліоновъ человѣкъ или около 22% всего числа рабочихъ. Страховой капиталъ будетъ составляться изъ равныхъ еженедѣльныхъ взносовъ со стороны предпринимателей, государства и рабочихъ, въ размѣрѣ 2 или $2^1/_2$ пенсовъ на каждаго застрахованнаго. Организація страховыхъ кассъ предполагается нѣсколько необычная: мѣсто самоуправляющейся кассы будетъ занимать знакомое намъ уже бюро труда, откуда застрахованный будетъ получать особую карточку, въ которую онъ и его предприниматель должны еженедѣльно вклеивать спеціальныя марки, обозначающія сумму сдѣланныхъ взносовъ. Предпринимателямъ будетъ предоставлено право оставлять свою карточку въ бюро, чиновникъ котораго будетъ заносить туда сумму сдѣланныхъ предпринимателемъ за всѣхъ рабочихъ взносовъ. Во избѣжаніе попытокъ со стороны предпринимателя компенсировать, путемъ пониженія заработка, новый „непроизводительный" расходъ, министерство предполагаетъ установить за всякую такую попытку довольно высокій штрафъ.

Немедленно послѣ того какъ застрахованный рабочій потеряетъ работу, онъ долженъ сообщить объ этомъ въ бюро. Первымъ дѣломъ послѣдняго будетъ пріисканіе для него новой работы. Затѣмъ, если застрахованный состоитъ членомъ кассы не менѣе 8-ми мѣсяцевъ, онъ въ теченіе 15-ти недѣль, начиная со второй недѣли безработицы, будетъ получать по 8-ми шиллинговъ въ недѣлю — или соотвѣтственно меньшій размѣръ по-

собія въ теченіе 20-ти недѣль. По истеченіи этого срока онъ теряетъ право на пособіе и долженъ, по вторичной регистраціи, пройти болѣе продолжительный предварительный стажъ.

Государственный расходъ по обязательному и субвенціональному страхованію исчисленъ Черчиллемъ для перваго года въ 1.500.000 ф. ст. (около 14-ти милліоновъ рублей).

Исходя изъ схемы, предложенной меньшинствомъ коммиссіи, министерство, какъ мы видимъ, сдѣлало шагъ впередъ по сравненію съ тѣмъ, что сдѣлано или проектируется сдѣлать въ области страхованія отъ безработицы на континентѣ — и даже по сравненію, отчасти, и съ самой схемой меньшинства: оно проектируетъ ввести обязательное страхованіе для значительныхъ слоевъ рабочаго класса, болѣе или менѣе остро переживающихъ безработицу. Такой шагъ диктуется не только теоретическими выкладками, но и соображеніями чисто житейскими. Въ Англіи до самаго послѣдняго времени—да и сейчасъ пока еще—функціи страхованія всецѣло находятся въ рукахъ у профессіональной организаціи. Не смотря на то, что Англія по числу организованныхъ рабочихъ занимаетъ второе мѣсто (первое принадлежитъ Германіи, гдѣ организовано 26,6% всѣхъ рабочихъ [1]), всего организовано лишь 19,5% англійскихъ рабочихъ. Такимъ образомъ, трэдъ-юніонистская система страхованія примѣняется лишькъ одной пятой рабочихъ. Субвенціональная система, въ общемъ нѣсколько повысивъ темпъ развитія профессіональной организаціи, все-таки не въ состояніи достигнуть всеобщности, въ силу того, что развитіе профессіональной организаціи обусловливается законами, ставящими непреодолимыя преграды созданію ея среди наиболѣе страдающихъ отъ безработицы слоевъ рабочаго класса. Это явствуетъ изъ того, что интенсивность безработицы *обратно пропорціональна* уровню техническихъ познаній и высотѣ заработной платы рабочихъ, тогда какъ организованность послѣднихъ и мощь профессіональныхъ союзовъ *прямо пропорціональны* имъ. Слѣдующая таблица даетъ представленіе о значеніи этого закона въ Англіи.

[1]) См. „Deutscher Reichsanzeiger" отъ 10-го декабря 1909 г.

Родъ занятій:	Число трэдъ-юніонистовъ по даннымъ 1909 г. (100 главн. союзовъ):	%-ное отношеніе числа организованныхъ ко всему числу рабочихъ по даннымъ переписи:	Средній % безработныхъ среди трэдъ-юніонистовъ за 1909—1910 гг.:	Сумма ежегоднаго расхода трэдъ-юніонистскихъ кассъ по даннымъ 1909 г.:
1) Строительные рабочіе (безъ раб. по дереву)	238.161	21,0%	11,0%	80.774 ф. ст.
2) Горнорабочіе	529.056	59,5%	6,2%	18.468 „ „
3) Рабочіе по металлу, машинисты, судостроит. рабочіе	337.133	26,9%	9,3%	224.950 „ „
4) Рабочіе текстильной промышленности	246.236	24,4%	?	113.745 „ „
5) Желѣзнодорожные рабочіе	74.815	24,4%	0,0%	0,0 „ „
6) Типографскіе рабочіе	68.221	23,3%	5,4%	38.690 „ „
7) Остальные рабочіе	508.134	9,5%	?	39.125 „ „
Всего	2.001 836	19,5%	7,7%	516.125 ф. ст.

Изъ этой таблицы видно, что въ Англіи наиболѣе организованы горнорабочіе, среди которыхъ безработица проявляется значительно менѣе, чѣмъ среди строительныхъ, организованныхъ слабо. Хорошо оплачиваемый и требующій большой технической выучки трудъ типографскихъ рабочихъ самъ по себѣ даетъ гарантію отъ безработицы даже сравнительно слабо организованнымъ работникамъ [1]): среди типографовъ безработица проявляется даже слабѣе, чѣмъ среди горнорабочихъ.

Таково положеніе дѣла среди *организованныхъ* работниковъ. Мы видѣли, что организація тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе страдаютъ ея члены отъ безработицы. Для неорганизованныхъ же рабочихъ безработица является страшнымъ бѣдствіемъ, противъ котораго они не могутъ направить даже сравнительно недостаточно вооруженную профессіональную организацію. По даннымъ „Board of Trade Labour Gazette", изъ всего числа обращеній къ бюро труда приходилось:

1) Обращеній представителей неквалифицированнаго труда . . . 54%
   а) Приходящей прислуги . . . 10,4%

---

¹) Въ Германіи и Франціи типографы организованы лучше: въ Германіи они даже занимаютъ по организованности первое мѣсто (всего тамъ организовано 57,2% всѣхъ типографскихъ рабочихъ), во Франціи—третье.

b) Перевозчиковъ тяжестей	18,1%	
c) Чернорабочихъ.	11,4%	
d) Прочихъ представителей неквалифицированнаго труда (лица безъ опредѣленныхъ занятій)	14,1%	
2) Обращеній представителей квалифицированнаго труда [1])		15,2%
3) Прочихъ рабочихъ		30,8%
a) Строительныхъ рабочихъ (чернорабочіе и обученные рабочіе)	12,0%	
b) Машинисты, судостроительные рабочіе и рабочіе по металлу	14,8%	
c) Торговые служащіе и прочіе	6,0%	
Итого		100%

Ясно, такимъ образомъ, что ни трэдъ-юніонистская, ни субвенціонная система страхованія не въ состояніи удовлетворительно разрѣшить задачу обезпеченія безработныхъ. Конечно, и проектъ министерства, вводящій страхованіе *всѣхъ* строительныхъ рабочихъ, машинистовъ и т. д., не разрѣшаетъ еще эту задачу. Попрежнему основной контингентъ безработной арміи — чернорабочій людъ — будетъ предоставленъ самому себѣ, хотя именно его-то и слѣдовало бы обезпечить на случай безработицы. Но если отказаться отъ слишкомъ большихъ требованій, то систему страхованія Асквита слѣдуетъ признать огромнымъ шагомъ впередъ. Къ тому же половинчатость, нерѣшительность ея вполнѣ понятны. Дѣло обязательнаго страхованія не только совершенно новое — если не считать крайне неудачнаго и въ силу своей недолговѣчности не имѣющаго практическаго значенія опыта швейцарскаго кантона Сенъ-Галлена, Англія *первая* вводитъ обязательное страхованіе — но и связано съ огромными расходами, что, при современномъ отягченіи бюджетовъ непрерывнымъ ростомъ тратъ по вооруженію, даже для богатой Англіи является немаловажнымъ препятствіемъ.

Намъ остается только сказать нѣсколько словъ о Small Holdings and Allottment Act, чтобы закончить анализъ мѣръ борьбы съ безработицей, принятыхъ кабинетомъ Асквита или вошедшихъ въ его програму.

---

[1]) Такъ какъ безработица среди строительныхъ рабочихъ вызывается перерывами строительныхъ работъ въ дурную погоду, а среди металлургистовъ — успѣшной конкурренціей германскихъ предпринимателей, сваливающихъ свои фабрикаты на англійскіе рынки по цѣнамъ „себѣ-стоимости" и даже ниже, то мы выдѣлили эти двѣ категоріи работъ въ отдѣльную рубрику, хотя онѣ принадлежатъ къ квалифицированнымъ работамъ.

Мы видѣли, что англійская деревня переживаетъ періодъ упадка, въ силу чего создается отливъ деревенскаго населенія въ городъ, и основная причина этого — отсутствіе на деревенскомъ арендномъ и рабочемъ рынкѣ соотвѣтствующихъ предложеній труда. Актомъ 1907 г. министерство Асквита сдѣлало попытку вызвать обратную тягу изъ городовъ въ деревни, путемъ облегченія условій аренды и найма земли. Актъ этотъ (Small Holdings and Allottment Act) предоставляетъ мѣстнымъ самоуправленіямъ (County Councils) право покупать и арендовать землю съ цѣлью сдачи ея въ аренду или продажи мелкими участками, при чемъ имъ допускается даже *принудительное отчужденіе* ея по справедливой оцѣнкѣ. Посредническая дѣятельность органовъ самоуправленія, по смыслу акта, не оплачивается арендаторомъ и покупателемъ, точно также какъ не оплачивается ими и содержаніе особой землеустроительной коммиссіи, на которую актъ возлагаетъ обязанность оказывать техническую помощь муниципіямъ и самостоятельно вырабатывать проекты разбивки намѣченныхъ ею участковъ повсюду, гдѣ органы самоуправленія не воспользуются предоставленнымъ имъ правомъ. Эти расходы государство принимаетъ на себя; въ Bank of England съ этой цѣлью открытъ особый „кредитъ по мелкому хозяйству" (Small Holdings Account), который въ настоящее время равенъ 100 тысячамъ ф. ст.

Актъ 1907 г., однако, не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. Въ теченіе первыхъ двѣнадцати мѣсяцевъ дѣйствія его, правда, были одобрены планы 13.202 участковъ, съ общей площадью въ 185.098 акровъ, а куплено было 11.346 акровъ, арендовано — 10.071. Но по 23 октября 1909 г. количество земли, проданной и арендованной [1]) у муниципій, едва достигло 59.165 акровъ. Такіе ничтожные, сравнительно съ ожидавшимися, результаты показываютъ, что примѣненіе акта не можетъ сколько-нибудь замѣтно разрѣдить резервную армію рабочихъ и тѣмъ ослабить интенсивность безработицы. Мало того: нельзя надѣяться, что въ дальнѣйшемъ темпъ землеустройства измѣнится. Актъ предоставляетъ исключительное право рѣшенія вопроса о необходимости покупки земли въ цѣляхъ насажденія мелкаго хозяйства тѣмъ самымъ органомъ самоуправленія, составъ которыхъ цѣли-

---

[1]) Актъ предоставлялъ органамъ самоуправленія право *продажи и аренды* участковъ. Практика показала, однако, что мелкій фермеръ предпочитаетъ арендовать землю, чѣмъ быть ея собственникомъ. 98% всѣхъ лицъ, обратившихся за землей, ограничилось арендой; только 2% воспользовались правомъ купить участокъ.

комъ находится подъ вліяніемъ крупныхъ землевладѣльцевъ, уже и теперь объявившихъ акту войну [1]).

Таково, въ самомъ общемъ видѣ, положеніе вопроса о борьбѣ съ безработицей въ Англіи. Если сравнить нарисованную нами картину съ тѣмъ, что̀ мы видимъ на континентѣ, то не приходится ли сказать, что Англія является такимъ же піонеромъ въ области борьбы съ безработицей, какимъ долго была въ области фабричнаго законодательства? Англійская демократія прокладываетъ новые пути общественнаго развитія, по которымъ, рано или поздно, придется пойти и другимъ.

А. Чекинъ.

---

[1]) Недавно герцогомъ Бэдфордскимъ выработанъ проектъ насажденія Small Holdings *безъ участія государства,* исключительно для лицъ, желающихъ *купить* землю. Этотъ проектъ, по мысли его автора, долженъ подорвать „муниципализаторскія тенденціи акта“.

ВЪ ТИХОМЪ УГЛУ

РАЗСКАЗЪ

I.

Габушъ—крохотная крѣпостца на черноморскомъ побережьѣ, глухой и заброшенный уголокъ. Небольшой заливъ со многими песчаными отмелями и крутыми глинистыми скалами-кручами, узкой дугой омываетъ городокъ, а за полуостровомъ начинаются новороссійскія степи. Вокругъ, на десятки верстъ—ни лѣса, ни рощи; гладь земли спокойно стелется ровнымъ просторомъ, и по его пастбищамъ лѣниво бродятъ тысячныя отары овецъ. Стерегутъ ихъ подростки-пастухи. Они босы, вѣчно въ смушковыхъ шапкахъ, и отъ скуки щелкаютъ тонкими кнутовищами длинныхъ бичей и играютъ на „сопѣлкахъ".

Въ городкѣ, какъ и въ степи, тихо и безмятежно мирно. Пѣтухи, какъ въ деревнѣ, среди бѣла дня раздольно бродятъ по его заросшимъ пустырямъ-улицамъ и, нахохлившись, горланятъ свои несложные мотивы.

И безлюдно тутъ: бо̀льшую часть года все населеніе неотлучно занято на неводахъ, у моря, а весь гарнизонъ крѣпостцы состоитъ изъ одной-двухъ ротъ артиллеріи и резервнаго батальона пѣхоты мирнаго состава, со спившимися офицерами и неизмѣнной музыкантской командой.

Леонидъ Лагунинъ, двадцатидвухлѣтній студентъ-филологъ, худощавый брюнетъ въ пенснэ, попалъ сюда на кондиціи еще до весеннихъ экзаменовъ.

У вѣчно нуждающагося, постоянно ищущаго работы Лагунина какъ-разъ теперь обстоятельства сложились такъ, что совершенно не на что стало жить. И вотъ выпалъ случай: подвернулся богатый урокъ, до самой осени.

Репетировать пришлось у коменданта крѣпостцы, готовить его сына въ корпусъ.

Репетитора обставили по-барски: ему отвели цѣлый флигель съ обширной стеклянной верандой. Окна флигелька выходили въ садъ, густой и запущенный.

Урокъ у Лагунина отнималъ мало времени: всего въ день часа два-три, и отъ сытой жизни, сонной тишины и непривычнаго безлюдья студентъ томился и скучалъ.

Въ городкѣ не было ни зрѣлищъ, ни библіотеки, и единственнымъ развлеченіемъ студента были концерты батальоннаго оркестра.

Концерты эти давались въ военные праздники, въ военномъ собраніи, и Лагунину, какъ учителю комендантскаго сына, входъ туда былъ открытъ и свободенъ.

Такъ какъ офицеры чванливо сторонились студента, то на этихъ вечерахъ единственнымъ собесѣдникомъ Лагунина былъ капельмейстеръ музыкантской команды, Викторъ Ивановичъ Вѣтвицкій.

Капельмейстеръ служилъ по вольному найму—и его, какъ штатскаго, военная среда также чуждалась.

Въ буфетѣ во время антрактовъ, длинныхъ и частыхъ, студентъ и капельмейстеръ вмѣстѣ выпивали, вмѣстѣ курили, разговаривали и отъ этого, какъ водится въ захолустьѣ, быстро сошлись.

Батальонный капельмейстеръ, выкрестъ изъ литовскихъ евреевъ, пожилой блондинъ, низко-остриженный и въ бачкахъ котлетками, недавно женатый вторымъ бракомъ на рѣдкой красавицѣ, не довѣрялъ женѣ, считалъ себя обойденнымъ судьбой и одинокимъ.

Жена Вѣтвицкаго, Ирина Александровна, хрупкая и нѣжная, напоминала молодую березку ранней весной на снѣжной полянкѣ.

Высокая, синеглазая, головка какъ у античной скульптуры. Богатые волосы, сплетенные въ пышныя косы, свѣтлой діадемой вѣнчали ея изящный лобъ, бѣлый-бѣлый, точно осіянный.

Въ Габушѣ, гдѣ, какъ и во всякомъ медвѣжьемъ углу, умѣли и любили сплетничать, разсказывали, что за Вѣтвицкаго Ирина Александровна пошла изъ-за нужды. Она рано лишилась матери;

отецъ у нея былъ въ чахоткѣ, и дѣвушкѣ уже съ пятаго класса приходилось бѣгать по урокамъ. Ей платили скудно и неаккуратно.

На восемнадцатомъ году, когда Ирина Александровна была въ выпускномъ классѣ, она встрѣтилась съ Викторомъ Ивановичемъ, недавно овдовѣвшимъ.

Послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ батальонный капельмейстеръ, пораженный необыкновенной красотой сироты-гимназистки, предложилъ ей выйти за него замужъ.

Дѣвушка долго колебалась, но больной отецъ настаивалъ; онъ жалко хныкалъ, заискивающе убѣждалъ дочь не искушать судьбы, не упускать счастья. Нужда донимала—и дѣвушка дала свое согласіе.

Передавали, что въ день свадьбы, чуть ли не за часъ до вѣнца, на невѣсту напало раздумье. Она вновь заколебалась и заявила жениху, что, питая къ нему глубокое уваженіе, она все-же не чувствуетъ къ нему любви. Поэтому она не считаетъ себя въ правѣ сдѣлать послѣдній шагъ: она тревожится, она опасается за будущее.

Вѣтвицкій успокоилъ ее и уговорилъ.

Этимъ эпизодомъ габушскія женщины и объясняли, почему у супруговъ съ перваго же мѣсяца ихъ совмѣстной жизни начались нелады.

Подозрительному отъ натуры Виктору Ивановичу чуть ли не со второго дня послѣ свадьбы стало казаться, что Ирина никогда съ нимъ не была искренна. Она его ловко провела: съ виду скромная, она въ дѣйствительности отчаянная кокетка. И Вѣтвицкому уже мерещилось, что жена питаетъ къ нему скрытую, но глубокую антипатію, какъ къ бывшему еврею, какъ къ старику. Она не ласкова съ нимъ, не цѣнитъ всѣ его заботы о ней, всѣ его хлопоты.

И размолвки участились. И иногда, въ ссорѣ, вспыльчивый Викторъ Ивановичъ бросалъ женѣ грубые укоры. Онъ напоминалъ ей о ея былой бѣдности.

— Онъ взялъ ее голую, босую, голодную!

— Онъ изъ состраданья женился на ней!

Онъ упрекалъ ее въ неблагодарности...

II.

Батальонный капельмейстеръ былъ боленъ ревностью.

То, что офицеры гарнизона держались съ нимъ какъ съ посторроннимъ, и задѣвало болѣзненно-самолюбиваго Виктора Ива-

новича, и радовало: оно дало ему возможность внѣ службы не встрѣчаться съ офицерами и такимъ образомъ избавиться отъ назойливыхъ соперниковъ, а жену уберечь отъ искушенія и соблазна.

Вѣтвицкій, поэтому, поддерживалъ со своими сослуживцами только оффиціальныя отношенія. Онъ вообще избѣгалъ лишнихъ знакомствъ, никого не приглашалъ къ себѣ, самъ почти ни къ кому не ходилъ. Семья Вѣтвицкихъ жила на окраинѣ, на степной дачкѣ, жила уединенно и замкнуто.

Все-же уберечь жену отъ знакомства съ посторонними батальонному капельмейстеру не удалось; по необходимости, изъ-за своего служебнаго положенія ему кое-гдѣ пришлось побывать, кое-кого и у себя принимать. Но и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ, у чужихъ ли, или у себя на дому, Викторъ Ивановичъ устраивался такъ, занималъ такое мѣсто, чтобы ни на минуту не упускать изъ вида жену.

Разговаривая съ гостями, угощая ихъ, притворно-любезно занимая дамъ, встрѣчая пришедшихъ и провожая уходящихъ, капельмейстеръ въ то же время незамѣтно и непрестанно слѣдилъ за Ириной.

Каждый ея шагъ, ея малѣйшее движеніе рѣдко ускользали отъ его напряженнаго глаза. Онъ подмѣчалъ, какъ, кому она подавала руку, какъ улыбалась. Изъ пестраго гула голосовъ его настороженный слухъ выдѣлялъ голосъ жены, старательно пытаясь уловить всѣ ея слова, и все это тщательно собиралось въ больномъ воображеніи.

Порой Викторъ Ивановичъ перехватывалъ переписку Ирины Александровны.

И хотя ему ни разу не случалось находить то, чего онъ опасливо искалъ, но отъ этого его тревожная бдительность только усиливалась. Такъ, возвращаясь домой послѣ занятій въ музыкантской командѣ, Викторъ Ивановичъ, подъ предлогомъ заботливаго безпокойства, осторожно и подробно выпытывалъ у прислуги, не приходилъ ли кто къ барынѣ въ его отсутствіе.

Вѣчно въ тревожномъ ожиданіи, постоянно охваченный безпокойнымъ подозрѣніемъ, волнуемый смутными предчувствіями, больной мозгъ батальоннаго капельмейстера напряженно работалъ въ одномъ и томъ же направленіи: въ каждомъ онъ видѣлъ возможнаго любовника жены, въ любой моментъ ждалъ ея измѣны.

Съ необыкновеннымъ искусствомъ Вѣтвицкому такъ удалось распредѣлить свое время, что онъ почти не разлучался съ женой. Все это онъ продѣлалъ съ обычной ловкостью маніака. И какъ-то

само собой сложилось такъ, что Ирина Александровна стала сопровождать мужа на его занятія, даже сама на это вызвалась.

Молодой женщинѣ долгими часами приходилось просиживать въ угрюмомъ, сараеобразномъ помѣщеніи, гдѣ происходили экзерциціи музыкантской команды.

Съ недѣлю Ирина Александровна покорно терпѣла шумную скуку однообразныхъ упражненій, но оглушительныя гаммы трубачей, сухая и надоѣдливая дробь барабана, визгливый звонъ мѣдныхъ тарелокъ и однообразный пискъ флейтъ больно ударяли по расшатаннымъ нервамъ, томили, разстраивали и мучили. Истерзанная, она запротестовала.

Между супругами произошла тяжелая сцена; отъ волненія Ирина Александровна совершенно расхворалась, и на этотъ разъ Виктору Ивановичу пришлось уступить.

Батальонному капельмейстеру теперь подолгу приходилось оставлять жену безъ надзора.

Терзаемый ревностью, онъ сталъ небреженъ по службѣ: бывало, что въ самый разгаръ экзерцицій онъ терялъ необходимое для занятій спокойствіе и становился болѣзненно раздражительнымъ. Паническій страхъ охватывалъ его: ему мерещилось, что какъ разъ теперь, когда Ирина увѣрена въ его долгомъ отсутствіи, тамъ, дома, совершается то неминуемое, чего онъ такъ опасался. И въ воображеніи, распаленномъ похотливымъ испугомъ, рисовались жуткія картины.

Капельмейстеръ вдругъ прерывалъ экзерциціи, сказывался больнымъ, передавалъ руководство оркестромъ старостѣ музыкантовъ и уходилъ домой.

Всю дорогу шагалъ онъ быстро, взволнованной, торопкой ходьбою, но недалеко отъ воротъ своей дачи останавливался, дѣлалъ передышку, зорко и подозрительно осматривался, а затѣмъ быстро и неслышно открывалъ калитку и тихими, шпіонскими шажками крался по двору.

Въ квартиру онъ проникалъ съ чернаго хода, спѣшно переходилъ полутемный коридорчикъ, у дверей спальни вновь останавливался (почему-то у него была увѣренность, что Ирина именно въ этой комнатѣ прячется со своимъ любовникомъ) и, пытаясь унять гулкіе стуки сердца, съ минуту прислушивался. Дверь онъ открывалъ сразу и безъ предупредительнаго стука.

Передъ Ириной онъ появлялся внезапно и неожиданно, и такъ какъ не находилъ у нея воображаемаго соперника, то совѣстился и съ притворнымъ спокойствіемъ называлъ подходящій мотивъ своему преждевременному возвращенію.

По большей части Викторъ Ивановичъ ссылался на сердцебіеніе и головную боль. Волненія ревности дѣйствительно вызывали у него сильный приступъ мигрени.

Мотивы эти, конечно, сначала варьировались, но съ теченіемъ времени у батальоннаго капельмейстера оскудѣла изобрѣтательность, и при своихъ неожиданныхъ возвращеніяхъ онъ, безпокойно глядя на жену, краснѣлъ, конфузился и, слегка заикаясь отъ смущенія, неизмѣнно произносилъ:

— Понимаешь? Опять забылъ ноты.

III.

Изъ всѣхъ своихъ знакомыхъ батальонный капельмейстеръ только къ одному Леониду Лагунину относился безъ враждебной подозрительности.

По городу шли слухи, что комендантскій репетиторъ—крупный дѣятель тайнаго сообщества, что за агитацію онъ уволенъ изъ университета — и вотъ это именно обстоятельство въ глазахъ Вѣтвицкаго подняло престижъ студента на необычайную высоту.

Дѣло въ томъ, что Викторъ Ивановичъ искренно считалъ себя передовымъ человѣкомъ. Когда ему случалось подвергаться непріятностямъ по службѣ, онъ отчаянно фрондировалъ, выставлялъ себя сторонникомъ самыхъ крайнихъ направленій и при обращеніи къ студенту Лагунину называлъ его не Леонидъ Михайловичъ—по имени и отчеству,—а такъ, какъ принято у соціалъ-демократовъ—„товарищъ“.

И по мнѣнію батальоннаго капельмейстера выходило, что такіе люди, какъ студентъ Лагунинъ, исключительно заняты всякими превыспренними дѣлами. Личной жизни у нихъ нѣтъ, и они совершенно неспособны заниматься „ерундистикой“.

Этимъ терминомъ на языкѣ Виктора Ивановича обозначалась любовь къ женщинѣ, и, въ частности, ухаживаніе за чужими женами.

Сошедшись со студентомъ въ буфетѣ офицерскаго собранія, батальонный капельмейстеръ постепенно сталъ выказывать ему все бо̀льшую и бо̀льшую пріязнь. Онъ съ нимъ часто пускался въ интимные разговоры, изливался предъ нимъ, жаловался на свое одиночество.

Въ добрыхъ чувствахъ къ новому пріятелю подозрительный Вѣтвицкій дошелъ до того, что однажды, желая показать ему, какъ онъ его почитаетъ, сдѣлалъ ему въ присутствіи Ирины Александровны откровенное признаніе.

Произошло это на третьей недѣлѣ послѣ знакомства.

Былъ погожій день начала мая; въ раскрытыя окна дачной веранды, сверкая молодыми травами, привѣтливо глядѣла весенняя степь; снизу изъ-подъ обрыва доносились шипѣніе и плескъ моря. Капельмейстеръ, медленно прихлебывая послѣобѣденный кофе, испытывалъ особенный приливъ благодушія.

Онъ опорожнилъ чашку, скрутилъ папироску, закурилъ, крѣпко затянулся и, мечтательно пуская дымъ колечками, предложилъ Лагунину свой портсигаръ. Затѣмъ Вѣтвицкій неопредѣленно хмыкнулъ, многозначительно прокашлялся и, съ дружеской довѣрчивостью взглянувъ на студента, сказалъ:

— Скрывать нечего: мы тутъ вѣдь всѣ свои.—Онъ какъ-то интимно осклабился, будто смущенно погладилъ свои бачки и сказалъ многозначительнымъ полушепоткомъ: — Я таки немножечко ревнивъ...

Онъ сдѣлалъ паузу, конфузливо поперхнулся и испустилъ глубокій двойной вздохъ.

— Что прикажете дѣлать? Характеръ ужъ у меня такой!

Викторъ Ивановичъ замялся и съ недоумѣніемъ и покаянно пожалъ плечами.

— Такой ужъ характеръ! Несносный характеръ!..

Онъ какъ-то пренебрежительно развелъ руками, отодвинулъ отъ себя пустую чашку и, вдругъ хитро сощуривъ глаза, продолжалъ съ неестественной улыбкой:

— А можетъ и не я виноватъ, а-а? Можетъ тутъ совсѣмъ другіе виноваты, а-а? Какъ вы думаете, Леонидъ Михайловичъ?

— Я-а-а? Собственно я не понимаю, въ какомъ смыслѣ? То-есть я, собственно, ничего не думаю!

Лагунинъ нервно снялъ пенснэ и недоумѣло уставился въ капельмейстера.

— Викторъ! Зачѣмъ ты это!

Ирина Александровна оскорбленно приподнялась со своего мѣста.

— Да господаа-а! Риночка! Леонидъ Михайловичъ! Вы меня совершенно не поняли! Я совершенно въ другомъ смыслѣ!.. Я хочу вамъ выяснить... Хочу, такъ сказать, попросить вашего совѣта... Посовѣтоваться съ вами... вотъ сейчасъ увидите... одну секундочку... только одну секундочку...

Викторъ Ивановичъ задвигался съ озабоченной суетливостью, завертѣлся, замахалъ руками.

— Видите ли... Я буду говорить прямо: ревнивъ!—Вѣтвицкій нервно дернулъ головой—и ко многимъ ревную... Рина вотъ...

она даже утверждаетъ, что я ко всѣмъ ревную, рѣшительно ко всѣмъ... Даже къ... къ... къ неодушевленнымъ предметамъ...

Вѣтвицкій возбужденно всталъ, быстро подошелъ къ Лагунину и дружески положилъ ему на плечо правую руку.

— Рина немножко ошибается...

Капельмейстеръ загадочно закрылъ лѣвый глазъ, лукаво-добродушно улыбнулся и, внезапно сдѣлавъ серьезное лицо, произнесъ раздѣльно и торжественно:

— Вотъ къ вамъ, товарищъ, я не ревную. Нисколько. Увѣряю васъ.

— Какъ это прикажете понять?

Леонидъ Лагунинъ обидчиво и удивленно вскинулъ глазами.

— Очень просто!

Капельмейстеръ осторожно и деликатно обнялъ пріятеля за талію и съ преувеличенной искренностью продолжалъ:

— Очень просто: я считаю, что такой человѣкъ, какъ вы, не станетъ заниматься ерундистикой! Да-а... Вы для мимолетнаго удовольствія не станете играть чужимъ покоемъ... И я думаю: еслибы такой человѣкъ, какъ вы, съ вашими принципами, съ вашими идеями... еслибы вамъ случилось увлечься моей Ириной—вы не пошли бы на подлость, на обманъ, какъ другіе, какъ всякіе шалапаи. Случись это съ вами, вы тотчасъ же признались бы...

Вѣтвицкій спохватился и поправился:

— То-есть, я хочу сказать, вы поступили бы по нашему: тотчасъ же заявили бы откровенно и честно: такъ и такъ, Викторъ Ивановичъ! Да...

Батальонный капельмейстеръ напалъ на свою любимую тему. Онъ необыкновенно оживился, разгорячился, возбужденно бѣгалъ по верандѣ, жестикулировалъ.

— О-о! Я хорошо знаю женскую природу! Умѣлый ловеласъ въ любой моментъ сумѣетъ взять любую женщину! Лу-уч-шу-ю изъ жен-щи-инъ! Дда-а!

— А здѣсь, въ этомъ паршивомъ городишкѣ, сколько шалапаевъ офицеровъ? Фендриковъ всякихъ? А?

— А Рина молода, неопытна, не знаетъ жизни! Оттого я и тревожусь... Только отъ этого!

— Строго говоря, я собственно и не ревную. Развѣ я не понимаю, что ревновать глупо?.. Но меня бѣситъ мысль, что меня могутъ оставить въ дуракахъ! Вотъ собственно что!

Викторъ Ивановичъ еще долго говорилъ объ этомъ больномъ для него вопросѣ и закончилъ самодовольно и увѣренно:

— Но къ вамъ все это не имѣетъ никакого касательства: вамъ, товарищъ, вамъ я вѣрю!

IV.

У Лагунина съ Ириной Александровной установились странныя отношенія. Не было между ними ни непринужденности, ни простоты. Какая-то неуловимая неловкость стѣсняла ихъ, отдаляла ихъ другъ отъ друга.

Замѣтно было, что молодая женщина относится къ студенту съ доброжелательной привѣтливостью. Въ ея обращеніи съ нимъ явно сквозила застѣнчивая почтительность, робкое уваженіе. Было въ этомъ много наивнаго, дѣвичьяго, плохо скрытаго благоговѣнія. Вѣтвицкая смотрѣла на студента снизу вверхъ. Она относилась къ нему какъ ученица къ любимому учителю.

Въ первые дни послѣ ихъ знакомства имъ почти не случалось оставаться однимъ, безъ Виктора Ивановича. Но на другой день послѣ того, какъ капельмейстеръ сдѣлалъ студенту свое откровенное признаніе, Викторъ Ивановичъ, очевидно желая на дѣлѣ доказать свое безпредѣльное довѣріе къ пріятелю, оставилъ его наединѣ съ женой.

Какъ только за Вѣтвицкимъ закрылись двери веранды и по песчаной дорожкѣ дачнаго дворика захрустѣли шаги уходящаго, студенту стало не по себѣ. Повидимому, и Ирина Александровна почувствовала себя неважно: во внезапно притихшемъ домѣ молодыми людьми овладѣло тревожное смущеніе. Охваченные однимъ и тѣмъ же настроеніемъ, они вдругъ поднялись со своихъ мѣстъ и, точно заранѣе сговорившись, молча вышли изъ дачи. Нѣсколько минутъ они въ глубокомъ раздумьѣ постояли у дачки и безмолвно спустились къ морю. Тамъ они долго гуляли по извилистому берегу, медленно бродили по глинистымъ кручамъ залива.

Имъ было хорошо, и все-же ихъ не оставляло неопредѣленное смущеніе.

Вѣтвицкая точно чего-то остерегалась, всю дорогу отъ своего спутника держалась немного поодаль, и только въ тѣснинахъ межъ глинистыхъ скалъ невольно прикасалась къ нему, а при крутыхъ спускахъ да на осыпяхъ брала его подъ руку, брала неохотно, точно подчиняясь неизбѣжному.

Прогулка какъ началась, такъ и кончилась: почти въ полномъ молчаніи.

Впрочемъ, Лагунинъ раза два-три сдѣлалъ попытку занять свою даму разговоромъ; но отъ волненія у него выходило не то, что ему хотѣлось сказать.

Не желая и совершенно некстати студентъ похвалилъ природу. Онъ тотчасъ же почувствовалъ, что сказалъ банальность, оборвалъ себя на полусловѣ и сталъ разспрашивать свою спутницу про ея дѣвичьи годы. Тутъ же онъ вспомнилъ про городскія сплетни о замужествѣ Ирины Александровны, и у него зародилось опасеніе, что его вопросы будутъ сочтены неумѣстными и легкомысленными, быть-можетъ даже дерзкими. Не окончивъ фразы, онъ растерянно остановился.

Лагунинъ смущался, говорилъ нескладно, безтолково, а Ирина Александровна отдѣлывалась короткими, односложными отвѣтами.

Она шла медленно, сосредоточенно-задумчивая. У калитки воротъ своей дачки она пріостановилась, обернулась назадъ, осмотрѣлась.

Живой просторъ полей, весь въ зелени, весь въ блескѣ весенняго дня, яркая синева залива отъ солнечнаго отраженія съ золотымъ мостомъ у горизонта, зыбкимъ и трехугольнымъ, степь и море блаженно утопали въ благостномъ сіяніи...

Ирина быстро скрестила пальцы рукъ, закинула ихъ за голову и, вся взволнованная ароматами весны, воскликнула:

— Ххор-рош-шо!

Разняла руки, обдала юношу свѣтлымъ, ласкающимъ взглядомъ и съ милой застѣнчивостью и неопредѣленной робостью не то спросила, не то утверждала:

— Хорошо жить!..

V.

Съ этого времени у Вѣтвицкихъ непрестанныя ссоры, свары и столкновенія почти прекратились и въ домѣ у нихъ стало значительно тише. Было похоже на то, что Викторъ Ивановичъ совершенно излечился отъ своей болѣзненной ревности; онъ теперь не проявлялъ своей обычной подозрительности, въ немъ исчезла его постоянная настороженность, прекратились его внезапные приходы, его неожиданныя появленія.

Капельмейстеръ бросилъ слѣдить за женой; онъ велъ себя съ нею ровно, спокойно и корректно. Вновь, какъ до женитьбы на Иринѣ Александровнѣ, онъ отдался службѣ, сталъ исправно бывать въ музыкантской командѣ, старательно заниматься оркестромъ.

Виктору Ивановичу стало казаться, что теперь онъ за свое семейное благополучіе можетъ быть спокоенъ. Конечно, онъ замѣтилъ, что вниманіе жены занято его пріятелемъ; но изощренное отъ постояннаго напряженія чувство ревниваго человѣка на этотъ разъ не уловило ничего тревожнаго. Вѣтвицкій былъ доволенъ. Онъ считалъ, что сближеніе со студентомъ отвлечетъ Ирину отъ другихъ, дѣйствительно опасныхъ соперниковъ, а на Лагунина можно положиться: онъ не обманетъ.

И студентъ Лагунинъ сталъ частымъ гостемъ въ степной дачкѣ. Онъ бывалъ тамъ ежедневно. И отъ этого, отъ непрестаннаго общенія съ Вѣтвицкой у Лагунина прошла неловкость. Постепенно и у Ирины Александровны стала проходить застѣнчивая робость: она свыклась со студентомъ, чувствовала себя съ нимъ свободно и хорошо. Порой дѣлилась впечатлѣніями, разсказывала о своемъ прошломъ.

Черезъ двѣ-три недѣли отношенія у молодыхъ людей укрѣпились, упрочились и перешли въ добрую пріязнь, въ чистое молодое товарищество.

Своей дѣтской безпомощностью и милой граціей Ирина Александровна совершенно покорила студента.

Возвращаясь домой съ прогулки, иногда она по дорогѣ заходила къ Лагунину, въ его флигелекъ, прибирала его комнату, что-то переставляла, перемѣщала, что-то чинила, пришивала— и въ ея хлопотахъ, какъ во вниманіи каждой женщины, было много материнства и трогательной заботливости. И отъ этой милой возни Лагунину становилось молитвенно-хорошо.

Вообще съ юношей творилось что-то для него совершенно непонятное.

У себя дома, во время занятій съ ученикомъ, его не покидала свойственная ему спокойная уравновѣшенность и благодушіе. Но это мирное настроеніе длилось только до полудня, до окончанія урока. Едва лишь наступалъ послѣобѣденный часъ, когда студентъ, по установившемуся уже обыкновенію, собирался на дачу къ Вѣтвицкимъ, едва лишь въ сознаніи вставало „пора", Лагунина охватывало жуткое томленіе, такое, какое находитъ передъ наступленіемъ болѣзни, скорой и неминуемой.

Къ двумъ часамъ Лагунинъ становился тревожно-раздражительнымъ. Его душой овладѣвалъ одинъ импульсъ, сильный и слѣпой, и никакіе доводы разсудка не могли побороть это мощное побужденіе порабощенной воли.

Юноша еще не былъ въ состояніи разобраться, что происходитъ въ тайникахъ его смятенной души, но уже предчув-

ствовалъ, что тамъ зародилось, растетъ и зрѣетъ новое, до сихъ поръ имъ совершенно неизвѣданное.

VI.

Двѣнадцатаго іюня былъ день батальоннаго праздника и, какъ полагалось въ такихъ торжественныхъ случаяхъ, вечеромъ въ офицерскомъ клубѣ давали балъ съ музыкальнымъ отдѣленіемъ.

Такъ какъ передъ концертомъ Виктору Ивановичу еще предстояло устроить вторую репетицію, то изъ дому онъ ушелъ послѣ вечерняго чая, въ началѣ седьмого часа.

Вскорѣ послѣ его ухода изъ дачи вышли и Лагунинъ съ Ириной Александровной; они отправились погулять.

Погожій день южнаго лѣта, какъ старецъ, безмятежно прожившій вѣкъ свой, отходилъ мирно и безоблачно.

Море, спокойное и ласковое, было подернуто серебристымъ налетомъ, и по нему тонкими золотистыми нитями сквозили отсвѣты заходящаго солнца.

На берегу, близъ рыбачьихъ куреней, у утлыхъ дощатыхъ мостковъ то и дѣло съ разбѣгу причаливали крутобокіе челны. Густо осмоленные и влажные, они отъ огня заката украсились черными сіяющими блестками, а на ихъ коричневыхъ днищахъ, въ мокрыхъ комьяхъ на-спѣхъ собранныхъ сѣтей, тяжело ворошилась только что пойманная, еще живая рыба.

У тоней воровато сновали собаки. Бакланы—бѣлыя, острокрылыя птицы съ тупымъ клювомъ и рулевиднымъ хвостомъ—жадно кружились надъ лодками, хищно стонали.

Бабы-перекупщицы, краснощекія и грудастыя, съ подтыканными юбками и оголенными ногами, суетливо перебѣгали отъ куреня къ куреню; онѣ шумно торговались, весело и съ разсчетливымъ кокетствомъ заигрывали со старыми рыбаками, задирали молодыхъ.

Прибрежная сутолока захватила и Ирину Александровну. Обыкновенно сосредоточенная и замкнутая, она теперь рѣзвилась какъ сорванецъ-мальчишка.

Граціозно и кокетливо подбирая юбки, она крохотными шаловливыми прыжками перебѣгала по влажному гравію изрытыхъ волнами песчаныхъ тропъ, перескакивала съ камня на камень, заставляла и Лагунина бѣгать и догонять ее.

Иринѣ везло: нѣсколько разъ ей удалось увернуться отъ студента, проскользнуть подъ самымъ его носомъ.

Длительная бѣготня, однако, скоро утомила не совсѣмъ крѣпкую здоровьемъ женщину—и на пятый разъ юноша ее нагналъ, настигъ и поймалъ.

Когда онъ ее обхватилъ, она блѣдно заалѣлась; мигомъ прошло все ея оживленіе, она проворно освободилась изъ рукъ Лагунина, какъ-то сразу ослабѣла, затихла и, еле внятно проронивъ: „будетъ“, торопливо стала взбираться вверхъ по глинистому обрыву.

Лагунинъ задумчиво побрелъ за нею.

Уже вечерѣло. Небо, ясное и нѣжное, глубоко высилось. Тихо стлались поля. Надъ темнѣющимъ просторомъ величаво покоилось молчаніе угасшаго дня, и въ душистомъ воздухѣ грядущихъ сумерекъ сиреневые и тускло-желтые квадраты созрѣвающихъ хлѣбовъ настороженно прислушивались къ загадочному безмолвію степи.

Гдѣ-то раздавались одинокіе голоса; изъ сада какой-то дачки доносился птичій пересвистъ, страстный, замирающій въ сладострастномъ призывѣ... Съ кургана, гдѣ бѣлѣла овечья отара, доносилась жалоба „сопѣлки“ пастуха. Она жаловалась и изнывала въ любовномъ томленьѣ.

И сонное дыханіе моря подъ обрывомъ, и слабые отголоски водяныхъ шороховъ въ грудахъ прибрежной гальки, всплески дремлющей волны, шуршаніе и влажное шипѣніе, непрестанное стрекотанье кузнечиковъ во ржахъ — все наполняло атмосферу тревожной истомой.

Ирина и Лагунинъ усѣлись на невысокомъ бугрѣ, сплошь заросшемъ узловатыми стеблями мяты, полевыми васильками и кашкой. Усѣлись. Слушали ночь.

VII.

— Какъ хорошо!

У Ирины восхищеніе вырвалось тихимъ восклицаніемъ; она въ профиль обернулась къ студенту.

— Восхитительно!

Лагунинъ восторженно отозвался; онъ перемѣстился поближе къ Иринѣ.

Помолчали.

— Кажется, вѣкъ бы сидѣла здѣсь... Такъ бы и сидѣла...

Ирина потянулась руками впередъ, точно хотѣла обнять и небо, и степь, и ароматный воздухъ—всю эту ночь, полную истомы и ласки.

Она оправила юбки, подобрала подъ нихъ ноги, слегка тронула прическу.

— Въ жизни не помню такого вечера!

Положила свои руки на согнутыя колѣни и продолжала, медленно и очень тихо:

— Хочется сидѣть здѣсь и не шевелиться... не двигаться... впивать въ себя ночь, и чтобы кто-нибудь близкій говорилъ тебѣ что-нибудь такое хорошее... разсказывалъ бы... ну, сказку, такую чудесную сказку...

Замѣшкалась на мгновенье и съ особой послѣдовательностью, свойственной однѣмъ только женщинамъ, спросила:

— Мы вѣдь друзья, правда-а?

— Конечно, конечно!.. Я къ вамъ отношусь... то-есть вы для меня...

— Дда-а?

Ирина спѣшно прервала студента:

— Вотъ вы и разскажите мнѣ... что-нибудь такое... интересное... захватывающее...

— Видите ли...—У Лагунина это неопредѣленное слово вырвалось непроизвольно.

Юноша совершенно не былъ въ состояніи говорить. Чарующая истома южной ночи разбудила въ немъ властные инстинкты. Ему хотѣлось сидѣть, и молчать, и слушать голосъ Ирины; но, опасаясь, что его молчаніе ею не будетъ понято, онъ сталъ говорить.

Бойкій ораторъ студенческихъ сходокъ, онъ теперь говорилъ нескладно, съ длинными, спутанными отступленіями и частыми, неловкими паузами: близость Ирины туманила ему голову и путала мысли.

Студенту было жарко и душно. Внезапно оборвавъ начатую фразу, онъ какъ-то по-дѣтски взмолился и сказалъ просто и откровенно:

— Простите, Ирина Александровна! Мнѣ теперь очень трудно разсказывать!.. Болтаю вотъ всякую чепуху!

Онъ пріостановился и, точно извиняясь, смущенно пояснилъ:

— Вѣдь ночь-то какая!

Ирина на это какъ-то особенно улыбнулась: поощрительно и кокетливо вздохнула и вполголоса запѣла, проникновенно и съ тоскующей страстью:

„Ни сло-ваа, о дру-у-угъ м-мой!
Ни зву-ук-кааа!
Мы будемъ съ тобой молчаливы!“

Она скорбно умолкла, поникла головой, спрятала лицо въ сложенныя какъ на молитву ладони.

Лагунинъ безсознательно подался къ ней. Этимъ движеніемъ онъ заразилъ ее; она плотно придвинулась къ нему, и въ то же мгновенье юноша ощутилъ раздражающее прикосновеніе упругаго плеча.

Жуткая робость овладѣла студентомъ: онъ почувствовалъ свои руки, ноги, спину, не зналъ, что съ ними дѣлать, куда ихъ дѣть, боялся шевельнуться и сидѣлъ въ сладкомъ оцѣпенѣніи...

А шуршащая ткань кофточки Ирины щекотала его, а теплота женскаго тѣла обжигала и мучительно дразнила.

VIII.

Были колебанія: желанія боролись, и мгновенія томительно тянулись.

Возбужденіе толкало юношу впередъ, оно обостряло его слухъ, обостряло его зрѣніе: во мглѣ сумерекъ Лагунинъ ясно различалъ, какъ на щекахъ Ирины занимался и рдѣлъ румянецъ, какъ онъ потухалъ, смѣняясь блѣдностью, и вновь зажигался.

Возбужденіе усиливало и учащало біеніе сердца. Юноша порывался обнять Ирину, прижать ее къ себѣ... ужъ онъ шевельнулъ руками...

Вдругъ легкое дуновеніе воздуха принесло далекую волну музыкальныхъ звуковъ. Въ ласковое безмолвіе ночи нѣжно вплелась элегическая мелодія—острая тоска одиночества, безмѣрная жалоба по утраченному была въ ней.

Ирина вздрогнула. Вздрогнулъ и Лагунинъ.

Въ воображеніи студента всталъ клубный залъ офицерскаго собранія, оркестръ, небольшое возвышеніе капельмейстера...

...Вотъ онъ палочкой трижды быстро ударилъ по пюпитру,—сухіе, нервные удары,—пріостановился, въ полуоборотъ и строго осмотрѣлъ музыкантовъ, инструменты и замахалъ палочкой. Плавно, увѣренно.

Волна согласованныхъ звуковъ гармонично поплыла по внимательному залу...

У юноши невольно закрылись глаза, заработала разбуженная память; въ ней нудно засверлило:

— „Вамъ, товарищъ, вамъ я вѣрю!“

Разслабляющій холодокъ рѣзко хлеснулъ юношу прямо по сердцу, и въ взбудораженномъ мозгу понеслись обрывки путающихъ чувствованій и трусливыхъ соображеній. И въ этомъ хаосѣ ощущеній и противорѣчивыхъ импульсовъ ярко выдѣлялась одна назойливая мысль:

„Я не буду въ силахъ смотрѣть ему въ глаза...“

И Лагунинъ явственно созналъ, что, если онъ сейчасъ обниметъ Ирину, то дѣйствительно не будетъ въ силахъ смотрѣть Вѣтвицкому въ глаза...

Тѣлу стало зябко и стихли перебои сердца.

— Свѣжо какъ-то... сыро... Боюсь, какъ бы вамъ не схватить простуды?..

У Лагунина вопросъ вышелъ виновато, прорвался жалкимъ, заискивающимъ шепоткомъ, плохо скрытой, лицемѣрной заботливостью. Въ голосѣ студента была легкая хрипота.

— Пойдемте!—Ирина отвѣтила холодно.

Въ ея интонаціи слышалась изнемогающая усталость, легкій оттѣнокъ брезгливой досады и непріязни.

Ирина вяло поднялась, апатичнымъ жестомъ оправила юбки, прическу и торопливо пошла.

Когда они пришли на дачу, Викторъ Ивановичъ уже былъ дома, и на столѣ, злобно пыхтя, шумѣлъ самоваръ.

Сѣли за чай.

Ирина притворилась возбужденной и съ неестественной торопливостью, будто съ радостной заинтересованностью, стала разспрашивать мужа о вечерѣ въ офицерскомъ собраніи, но, почувствовавъ его встревоженный взглядъ, съ несвойственной ей ловкостью перемѣнила и тему, и тонъ разговора, подсѣла къ Виктору Ивановичу и любовно положила ему голову на плечо.

Не выдержала. Сильный приступъ тоски сдавилъ ей грудь и виски; она пожаловалась на головную боль и, простившись съ Лагунинымъ, ушла къ себѣ въ спальню.

IX.

Съ этого вечера у Лагунина разстроился весь укладъ его несложной, размѣренной жизни. Онъ неаккуратно и разсѣянно занимался съ ученикомъ, безпрестанно курилъ, часто впадалъ въ тяжелую задумчивость и долгими часами апатично валялся на кровати. Встревоженный мозгъ упорно работалъ.

То, что произошло у него съ Ириной въ степи въ ночь на

тринадцатое іюня, не давало Лагунину покоя. Перебирая въ умѣ всѣ подробности этого событія, юноша испытывалъ неопредѣленное, но очень тягостное чувство—какъ бы сожалѣніе о дорогой и невозвратной утратѣ. Онъ пробовалъ уговорить себя, убѣждалъ, доказывалъ себѣ, что по отношенію къ Вѣтвицкой, замужней женщинѣ и женѣ пріятеля, онъ поступилъ такъ, какъ долженъ поступить всякій честный человѣкъ. Убѣждалъ—и не убѣдилъ. Онъ старался и никакъ не могъ отвлечься отъ этихъ назойливыхъ думъ.

Передъ нимъ рѣзко и грубо всталъ спутанный вопросъ—и, безпомощный, онъ не былъ въ силахъ рѣшить его.

Онъ по прежнему продолжалъ бывать у Вѣтвицкихъ, по прежнему въ послѣобѣденные часы бродилъ съ Ириной по берегу залива, по степи; но прогулки эти, которыхъ онъ раньше ждалъ съ сладостнымъ томленіемъ, теперь для него превратились въ сплошное терзаніе.

Въ дорогѣ, во время прогулки, Лагунинъ, всецѣло былъ поглощенъ Ириной. Онъ пытался отвлечь отъ нея свое плѣнное вниманіе: онъ старательно смотрѣлъ на море, на степь, въ небо—тщетно. Вся его душевная сила, весь его умъ, точно направлялись и управлялись кѣмъ-то инымъ: помимо и вопреки волѣ, глаза упорно впивались въ Ирину, неотступно слѣдили за плавными движеніями ея маленькихъ ногъ, за поворотами ея круглыхъ плечъ, за изгибами ея бѣлой шеи.

Съ напряженностью, доходящей порой до одурѣнія, мозгъ юноши наполнялся тяжелой мутью, а въ ушахъ звонко тикала взволнованная кровь.

Была ли это любовь, подлинная, сильная, или просто желаніе здороваго мужчины, Лагунинъ не могъ опредѣлить; онъ не былъ въ состояніи разобраться въ своемъ сложномъ чувствѣ, и это было для него самое мучительное. Онъ нѣсколько разъ былъ близокъ къ признанію, но всегда въ эти мгновенья, какъ впервые въ степи вечеромъ, имъ овладѣвали колебанія и сомнѣнія. Въ душѣ, рядомъ съ властнымъ велѣніемъ проснувшейся страсти, неотступно, какъ тѣнь въ солнечный день, вставалъ образъ капельмейстера и, въ унисонъ мощному голосу крови, въ мозгу сверлило: „Вамъ, товарищъ, вамъ я вѣрю!“

И тотчасъ же угасалъ порывъ; тошнотворный холодокъ подкатывался къ сердцу, сохло въ гортани и неповоротливымъ становился языкъ. Находило тупое оцѣпенѣніе. Юноша становился понурымъ и жалкимъ.

Когда Лагунинъ уходилъ отъ Ирины, къ нему отчасти воз-

вращалось самообладаніе, возвращалась способность говорить. По дорогѣ къ себѣ домой онъ останавливался, жестикулировалъ руками и шопотомъ произносилъ страстные монологи. Тутъ, на улицѣ, онъ былъ краснорѣчивъ, какъ на митингахъ въ университетѣ.

Ночью у Лагунина душевное смятеніе возрастало. Онъ сталъ поздно ложиться, въ постели долго ворочался, тоскливо вслушиваясь въ гулкое молчаніе ночи.

Онъ возбужденно думалъ, необузданно фантазировалъ, строилъ планы, все искалъ выхода изъ запутаннаго положенія.

Если на дворѣ было тихо, ему, послѣ двухъ-трехъ часовъ тяжелой безсонницы, все-же удавалось забыться тревожнымъ полусномъ. При вѣтрѣ или дождѣ, когда за окномъ его комнаты ряды тополей и группы каштановъ, грузно сгибаясь обросшими вѣтвями, шумно переговаривались съ непогодой, тогда въ потревоженномъ саду поднималось взволнованное гудѣніе съ свистящими шелестами листьевъ, съ протяжными скрипами стволовъ— и отъ Лагунина уходилъ сонъ.

За окномъ волны звуковъ наростали и падали, мѣняясь въ темпѣ и тонѣ, и въ этой сложной гаммѣ Лагунину чудился знакомый голосъ—голосъ Ирины.

Онъ вскакивалъ съ постели, спѣшно одѣвался, торопливо выбѣгалъ въ садъ. Никого.

Онъ бѣжалъ дальше, въ глубь аллей.

Вотъ, гдѣ-то совсѣмъ близко, слышно пѣнье... ея голосъ... Лагунинъ останавливался, напряженно вслушивался. Нѣтъ. Это только галлюцинація возбужденнаго мозга.

Припадки эти повторялись нѣсколько ночей подрядъ.

На исходѣ пятой ночи, уже передъ самымъ разсвѣтомъ, когда юноша, измученный безсонницей, торопливо бѣжалъ на зовъ знакомаго голоса, сквозь ажурную листву деревьевъ мелькнула стройная женская фигура. Она шла по направленію къ окну комнаты студента, шла медленно, задумчиво...

Студентъ узналъ Ирину и испугался. Тихо, крадучись, онъ сталъ осторожно отъ нея уходить, пробрался въ глубь сада и тутъ остановился. Закрытый широкимъ стволомъ стараго каштана, онъ стоялъ и настороженно смотрѣлъ. Выжидалъ. Его знобило, и онъ весь трясся мелкой дрожью.

Ирина приблизилась къ окну; она подошла къ нему, постояла нѣсколько мгновеній недвижно и подняла руку, видно собиралась постучать, но не постучала. Опустила руку. Обер-

нулась, осмотрѣлась, точно кого-то искала, не нашла и удалилась.

Впрочемъ, на другой день у Лагунина уже не было увѣренности, дѣйствительно ли онъ видѣлъ Ирину, или ему это, по обыкновенію, померещилось.

X.

На дачѣ у Вѣтвицкихъ произошли большія перемѣны. Викторъ Ивановичъ какъ-то весь преобразился. Обыкновенно угрюмый, настороженный и вѣчно недовольный, онъ теперь находился въ приподнятомъ настроеніи, блаженно и многозначительно улыбался, неподдѣльно радовался и сіялъ. Онъ трогательно ухаживалъ за женой, проявлялъ къ ней необычайную нѣжность, искренно заботился о ея покоѣ.

Наоборотъ, Ирина Александровна безпричинно раздражалась, капризничала и на рѣдкія теперь выходки Виктора Ивановича отвѣчала рѣзкими, истерическими вспышками. Случалось, что она сама нападала на присмирѣвшаго мужа, часто плакала, нервничала. Съ нею творилось что-то неладное. Она непрестанно жаловалась на скуку, на тоску. Она забросила свои прогулки, почти не выходила изъ спальни. Запиралась тамъ, никого туда не впускала и цѣлыми часами таинственно возилась тамъ, все что-то примѣряла, кроила, шила.

Ирина нѣсколько разъ угрожала Виктору Ивановичу, что она оставитъ его, немедленно уѣдетъ.

Порой ея рѣшеніе казалось непреклоннымъ, и, быть-можетъ, она и привела бы въ исполненіе свою угрозу, но ей помѣшало одно обстоятельство: Ирина была беременна.

Этимъ и объяснялась перемѣна въ поведеніи Виктора Ивановича... Въ капельмейстерѣ, какъ въ евреѣ, заговорилъ инстинктъ, такъ развитый у его племени—чадолюбіе, и онъ сталъ оберегать и холить будущую мать, мать своего ребенка.

Между тѣмъ лѣто подходило къ концу; у Лагунина истекалъ срокъ кондиціи. Найти какую-либо иную работу въ городкѣ оказалось невозможнымъ—и надо было подумать объ отъѣздѣ.

Лагунинъ медлилъ, все оттягивалъ отъѣздъ, но нужда давала себя знать, и пришлось ускорить сборы.

Съ Ириной студенту удалось проститься наединѣ.

Разставанье было тяжелое. Они волновались и успокаивали другъ друга, убѣждали себя, что разстаются не надолго. Усло-

вились, что какъ только Лагунинъ по прiѣздѣ добудетъ работу, онъ немедленно вышлетъ Иринѣ деньги (конечно, деньги онъ ей дастъ взаймы, иначе она не согласна); тогда она прiѣдетъ, и онъ поможетъ ей устроиться отдѣльно отъ мужа, зажить трудовой, самостоятельной жизнью.

XI.

Какъ большею частью бываетъ въ такихъ случаяхъ, изъ этого плана ничего не вышло. Лагунину, по возвращенiи въ университетъ, не удалось найти сноснаго заработка: ему только изрѣдка перепадала случайная переписка, и какъ въ прежнiе годы, онъ еле перебивался, голодалъ, такъ что о немедленномъ прiѣздѣ Ирины нельзя было и думать.

Пришлось отложить дѣло до болѣе благопрiятнаго момента, когда обстоятельства улучшатся, а пока что ограничиться перепиской.

Изъ опасенiй, чтобы письма какъ-нибудь не попадали къ Виктору Ивановичу, Лагунинъ и Вѣтвицкая приняли самыя строгiя предосторожности и писали очень рѣдко.

Тѣмъ временемъ у Лагунина настала предэкзаменацiонная страда. У Ирины близились роды, и переписка между ними прекратилась.

Экзамены длились мѣсяца два. Когда они окончились, Лагунинъ собрался-было возобновить прерванныя сношенiя, да все мѣшкалъ: ему было неловко, что онъ такъ долго не справлялся объ Иринѣ, и отъ этого онъ все откладывалъ и откладывалъ.

А время набѣгало, и въ такомъ неопредѣленномъ положенiи прошелъ цѣлый годъ.

Лагунинъ уже сталъ-было привыкать къ тому, что съ Вѣтвицкой у него все покончено, какъ вдругъ получилъ отъ нея письмо. Оно было очень коротенькое, всего изъ нѣсколькихъ строкъ. Вѣтвицкая извѣщала Лагунина, что у нея открылся наслѣдственный недугъ—чахотка, повидимому скоротечная, и вотъ, она проситъ его, своего единственнаго друга, поспѣшить прiѣхать въ Габушъ, повидаться. Повидаться и проститься.

Письмо сильно встревожило Лагунина. Онъ забѣгалъ по знакомымъ и товарищамъ, бралъ взаймы у кого только могъ, заложилъ все, что можно было заложить, кое-какъ и съ невѣроятными усилiями сколотилъ на проѣздъ.

Въ крѣпость Лагунинъ прибылъ на третьи сутки на разсвѣтѣ.

Когда онъ сошелъ на берегъ, городокъ еще спалъ и улицы были нѣмы и пустынны.

Полагая, что у Вѣтвицкихъ еще не встали, и опасаясь потревожить сонъ больной, студентъ отъ нечего дѣлать отправился бродить. Онъ скоро обошелъ весь городокъ и вышелъ въ степь.

Утро занялось необыкновенно свѣжее и ясное. Иней бѣлой настилкой, шершавой и искристой, прикрылъ низкіе ростки озими и оголенные просторы пара.

Было тихо и немного зябко. Ежась отъ бодрящаго холодка, студентъ шагалъ быстро. И подъ гулкій стукъ его спѣшной ходьбы въ потревоженной памяти роилось минувшее: степь будила воспоминанія...

Заголосило утро, проснулась крѣпость, и Лагунинъ повернулъ обратно въ городъ.

Вотъ и знакомый дворикъ. Изъ-подъ изсиня-бѣлой изморози скромно голубѣютъ тоненькія, ровно окрашенныя дощечки палисада. Оголенный садъ грустно затихъ; поникли вѣтвями тополи; въ мертвой оправѣ льдистыхъ футляровъ онѣ теперь недвижно повисли...

Дверь у подъѣзда раскрыта; отперты ставни.

Вотъ у окна показалось знакомое лицо капельмейстера. Онъ стоялъ прислонившись къ вспотѣвшему стеклу, повидимому высматривалъ кого-то...

Лагунинъ тихо постучался.

XII.

Погода рѣзко измѣнилась. Небо потемнѣло и нахмурилось, закуталось въ тяжелыя осеннія облака. Засѣяло дождемъ.

Было холодно и непріютно. Ирина лежала на обтрепанной оттоманкѣ, зябко куталась въ большую теплую шаль, кашляла.

— Вотъ...

Она слегка приподнялась и оперлась на согнутую руку.

— Бастую.

И она сдѣлала скорбную паузу, потомъ дѣланно спокойно заговорила, и моментами у нея въ голосѣ прорывались волненіе и растерянность.

— Дѣло рѣшенное: не сегодня-завтра и я поѣду...

Она запнулась, чего-то пошарила въ карманѣ пеньюара.

— То-есть меня повезутъ... на похоронныхъ дрогахъ...

— Ну, полноте!

Лагунинъ съ тревожной ласковостью взялъ ее за руку.

— Вотъ отправимъ васъ въ Италію, на солнышко, на теплыя воды... вы и того... Живо поправитесь! Выздоров...

— Бросьте!

Больная рѣзко прервала студента. Она взволнованно завозилась на своемъ ложѣ, плотнѣе закуталась въ платокъ и заговорила быстро-быстро:

— Зачѣмъ? Зачѣмъ вы это говорите? Зачѣмъ вы меня успокаиваете? Къ чему этотъ обманъ? Будетъ съ меня! Наглоталась я его за всѣ эти годы... достаточно... Сыта по горло!

Она нервно приложила платокъ къ губамъ, сплюнула краснымъ и продолжала:

— Повѣрьте, Леонидъ Михайловичъ, для меня положеніе мое совершенно ясно. У меня никакихъ иллюзій! Я знаю, что вотъ-вотъ и придется поставить точку... То-есть жизни поставить точку. Я это вполнѣ сознаю и, повѣрьте, не боюсь. Жалко только...

Она оборвала себя, внезапно какъ-то вся съежилась, сгорбилась, всплакнула короткимъ, горькимъ плачемъ, но сдержалась, быстро отерла глаза и заговорила медленнѣе, со скорбной раздумчивостью:

— Вотъ подвожу итоги, жизни своей подвожу итоги, осматриваюсь назадъ—и ни одного свѣтлаго денька, ни одного часа! Жила—для кого? Для другого, чуждаго! Всегда для другого,—всю свою жизнь! Понимаете? всю жизнь!..

— Рина! Тебѣ вредно много говорить! Вѣдь докторъ запретилъ!

Викторъ Ивановичъ пытался успокоить жену; у него въ голосѣ слышался заботливый укоръ и просьба.

— Не перебивай! Дай мнѣ договорить!.. Вѣдь не долго... скоро умолкну... совсѣмъ... навсегда!

Больная гнѣвно задвигалась и съ усиліемъ удержала прорвавшійся кашель.

— Вредно? Хххаа!

Она испустила злобный, ироническій смѣшокъ. Немного успокоилась.

— Вообще нелѣпо какъ-то все сложилось...

Сказала, задумчиво примолкла, пытливо осмотрѣла мужа и продолжала:

— Вотъ, чтобы доставить удовольствіе этому вотъ господину,—она пальцемъ указала въ сторону Виктора Ивановича,—чтобы служить для него утѣхой, я себя блюла... была ему не-

укоснительно вѣрна!.. Я умираю, и я не знаю, я не испытывала, никогда не испытывала и ужъ не испытаю чувства: отдаваться, принадлежать любимому!.. И все это для того, чтобы усладить такого... такого!..

Она брезгливо поморщилась, ее всю передернуло, и вдругъ она ослабѣла и любовно склонилась къ плечу Лагунина, приникла къ нему, но тотчасъ же забезпокоилась и оттолкнулась.

Тяжелый гнѣвъ, смѣшанный съ глубокой обидой, бѣглыми искорками засверкалъ у нея въ глазахъ. Вскинувъ внезапно поблѣднѣвшее лицо, она впилась въ студента острымъ, колючимъ взглядомъ и жестко отчеканила:

— Вы! Вы какъ онъ! Вы такой же! Трусъ вы!

Судорожно схватилась за грудь, зашаталась, закашлялась съ протяжными, мучительными надрывами и въ полномъ изнеможенiи упала на подушки.

XIII.

Отъ Габуша до ближайшей станцiи желѣзной дороги верстъ шестьдесятъ надо было ѣхать водой. На другой день послѣ похоронъ Ирины, вечернимъ рейсомъ, Лагунинъ уѣхалъ.

Былъ теплый, ясный вечеръ южнаго сентября. Надъ заливомъ нѣжно рѣяла сосредоточенная задумчивость осеннихъ сумерекъ. Стоялъ почти полный штиль; по рейду тихо зыбились перламутровыя морщинки ряби.

Пароходъ двигался плавно и быстро.

Гулъ машины, однообразный и въ два тона, низкiй и высокiй, поразительно схожiй съ раздѣльнымъ боемъ барабана при военныхъ похоронахъ, мѣрно отбивалъ жуткiй тактъ. Сипло, съ глубокими, стонущими интервалами, дышалъ въ трубѣ паръ, подъ аккомпаниментъ густого оханья топокъ и скрипучихъ содроганiй корпуса судна. Его носъ размашисто раздвигалъ и стремительно бугрилъ темнозеленую поверхность воды, а она, мгновенно сплетаясь въ пѣнистые жгуты, шуршала, хлюпала и разсыпала искристыя брызги, расплеталась, убѣгала назадъ, быстро сливаясь съ широкимъ слѣдомъ судна, неровнымъ и глубоко взрыхленнымъ острыми лопастями пароходнаго винта.

Лагунинъ былъ на рубкѣ. Короткими, нервными шагами, онъ расхаживалъ по зыбкой площадкѣ. Порой онъ останавливался, впадалъ въ глубокое раздумье и снова безпокойно шагалъ. Наконецъ онъ подошелъ къ трапу; видимо собрался сойти внизъ

въ каюту, чтобы прилечь—но внезапно его охватила глубокая апатія: онъ неопредѣленно махнулъ рукой и устало опустился на свернутый въ круги якорный канатъ.

Онъ сидѣлъ, бездумно слушалъ шумную гамму пароходныхъ стуковъ, бездумно смотрѣлъ на сіяющую равнину водъ, освѣщенную мѣсяцемъ—и вдругъ у него въ памяти всталъ другой просторъ. Степь... іюньскій вечеръ, истомный, весь въ пряныхъ ароматахъ лѣта... Ирина...

Лагунинъ вспомнилъ и тотчасъ же у него въ мозгу нудно и съ издѣвкой засверлило:

„Вамъ, товарищъ, вамъ я вѣрю!“

Передъ глазами Лагунина, качаясь, поплыла фигура батальоннаго капельмейстера, самодовольная, увѣренная... И рядомъ Ирина, съ укоромъ въ тоскующихъ глазахъ...

Тошнотворный холодокъ сжалъ сердце Лагунина. Точно подброшенный внезапнымъ толчкомъ, онъ всталъ, ошалѣло осмотрѣлся, и, безнадежно махнувъ рукой, поплелся внизъ, въ каюту.

Н. Осиповичъ.

ЭПИТАФІЯ

Здѣсь сердце мертвое лежитъ.
Любовь и скорбь оно въ себѣ таило...
Не все-ль равно, о чемъ оно грустило,
Какой здѣсь кладъ души зарытъ?..

И черепъ здѣсь... Роятся черви въ немъ...
Не все-ль равно, какія грезы снились,
Куда мечты и думы уносились?..
Уснуло все могильнымъ сномъ...

* * *

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ
ТОКВИЛЯ

Французскій либерализмъ первой половины XIX вѣка сыгралъ громадную роль въ общественномъ развитіи Франціи. Въ эпоху реставраціи либералы были естественными вождями той новой Франціи, которая возникла въ эпоху революціи и Наполеона, въ борьбѣ съ попыткой возстановить старый порядокъ. Черпая свои силы главнымъ образомъ въ кругахъ просвѣщенной буржуазіи, либерализмъ бралъ подъ свою защиту созданный революціей и консолидированный Наполеономъ безсословный гражданскій строй. Выставляя на своемъ знамени идеалъ гражданской свободы, онъ ополчался противъ средневѣковыхъ тенденцій реакціи, стремившейся добиться безусловнаго подчиненія личности духовнымъ и свѣтскимъ авторитетамъ. Отстаивая свои политическіе и соціальные идеалы, либерализмъ дѣлалъ общенародное дѣло, и парижское населеніе инстинктивно поняло важность торжества либерализма надъ реакціей, когда въ іюльскіе дни 1830-го года выступило въ защиту нарушенной конституціонной хартіи, хотя эта хартія не давала массѣ народа никакихъ политическихъ правъ.

Съ іюльской революціей закончился героическій періодъ либерализма. Одержавъ побѣду, онъ вступилъ въ борьбу съ той самой силой, которая только что доставила ему торжество.

Дѣло въ томъ, что буржуазный либерализмъ 20-хъ годовъ XIX в. вовсе не былъ простымъ повтореніемъ „принциповъ 1789 г.“. И на немъ сказалось вліяніе реакціи. Исходя изъ индивидуалистической концепціи государства, либералы видѣли

въ немъ общественный союзъ, единственной цѣлью котораго является охрана свободы гражданъ. Вспоминая о революціонномъ террорѣ, они находили, что предоставленіе политическихъ правъ низшимъ классамъ населенія несовмѣстно съ политической свободой. Обезпечивъ гражданское равенство и организовавъ правительственную власть по англійскому образцу, они строили государство на фундаментѣ высокаго избирательнаго ценза. Новый порядокъ обезпечивалъ буржуазіи привилегированное положеніе, создавалъ изъ нея новую аристократію, и она отнюдь не хотѣла отказаться отъ своего политическаго преобладанія. Доктрина либерализма оказывалась ей выгодна и въ другомъ отношеніи. Признавая принципъ полной свободы труда и промышленности, либералы требовали въ экономической области предоставленія самой широкой самодѣятельности личной иниціативѣ и невмѣшательства государственной власти въ гражданскія отношенія.

Франція совершала въ это время переходъ къ крупному капиталистическому хозяйству. Ученіе о невмѣшательствѣ давало буржуазіи возможность использовать въ своихъ интересахъ новые экономическіе порядки и обрекало низшіе классы общества на экономическое рабство. Пролетаріатъ реагировалъ на свое тяжелое положеніе не прекращавшимся революціоннымъ броженіемъ, и правящій классъ, вмѣсто прежней борьбы съ реакціей во имя правъ личности, началъ теперь борьбу съ демократіей во имя порядка. Подъ предлогомъ защиты гражданской свободы отъ деспотизма черни, онъ отстаивалъ политическое и соціальное господство буржуазіи.

Немудрено, поэтому, что либерализмъ скоро потерялъ свою популярность. Народное движеніе пошло теперь подъ знаменемъ демократическаго радикализма и соціализма. Нападая на привилегированное положеніе буржуазіи, демократы громили вмѣстѣ съ тѣмъ и благопріятное для нея политическое ученіе. Свобода, которой добивались либералы, въ глазахъ демократовъ являлась только привилегіей высшихъ классовъ и источникомъ несправедливаго распредѣленія благъ земныхъ.

Кабэ объявлялъ страсть къ свободѣ „слѣпою“; Луи Бланъ прямо провозглашалъ, что свобода народа состоитъ въ народовластіи. Любовь къ умѣренной свободѣ на англійскій манеръ уступала мѣсто ненависти къ привилегіямъ и страсти къ равенству. Возрождалась якобинская традиція; идеализировались времена конвента и террора. Такой характеръ демократическаго движенія грозилъ, очевидно, не только господству буржуазіи, но и самому существованію свободы. Въ этотъ-то моментъ остраго

кризиса либерализма въ его защиту выступилъ политическій мыслитель, который поставилъ своей задачей перекинуть мостъ черезъ пропасть, образовавшуюся между либерализмомъ и демократіей, примирить въ общемъ синтезѣ идеалъ свободы съ идеаломъ равенства. Это былъ Токвиль. Попытка его при его жизни кончилась неудачей: въ послѣдніе годы своей дѣятельности онъ сталъ свидѣтелемъ крушенія своихъ идеаловъ. Но его ученіе оказало несомнѣнное вліяніе на умы послѣдующихъ поколѣній и помогло торжеству во Франціи свободы и демократіи.

I.

Алексисъ де-Токвиль родился въ 1805 г. и выросъ въ эпоху реставраціи. Его отецъ принадлежалъ къ числу дворянъ, подвергшихся опалѣ во время террора, и спасся отъ смерти только благодаря перевороту 9-го термидора. Его мать была внучкой знаменитаго Мальзерба, защищавшаго Людовика XVI передъ конвентомъ. Все это связывало Токвиля съ традиціями до-революціонной Франціи. Въ соотвѣтственномъ духѣ было направлено и его воспитаніе. Не смотря на это, изъ него не выработался заурядный защитникъ легитимной монархіи и феодальнаго дворянства. Онъ понялъ, что попытка воскресить во Франціи уничтоженныя дворянскія привилегіи—совершенно безнадежное предпріятіе, и съ ранней молодости сталъ увлекаться политической свободой и парламентаризмомъ. Аристократическое происхожденіе и воспитаніе заставляло его иногда съ нѣкоторымъ презрѣніемъ (подчасъ справедливымъ) смотрѣть на буржуазію, бывшую главной опорой французскаго либерализма; но основной принципъ либерализма—вѣра въ свободу самоопредѣляющейся личности, какъ самый могущественный рычагъ прогресса—остался навсегда краеугольнымъ камнемъ его политическаго ученія. „Я провелъ лучшіе годы моей молодости"—пишетъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ",—„среди общества, которое повидимому дѣлалось великимъ и счастливымъ, становясь свободнымъ. Я воспринялъ въ немъ идею свободы—свободы умѣренной, правильной, сдерживаемой религіею, нравами и законами. Прелести этой свободы тронули меня. Она сдѣлалась страстью моей жизни".

Исходя изъ принципа свободы личности, Токвиль сразу становится на сторону новой Франціи въ ея борьбѣ съ представителями стараго порядка. Позднѣе, развивая свою основную идею, онъ идетъ еще дальше въ этомъ направленіи и, вмѣстѣ съ Бенжаме-

номъ Констаномъ, признаетъ принципы народнаго верховенства—съ одной, впрочемъ, существенной оговоркой. Нѣтъ на свѣтѣ—говоритъ онъ—такой власти, которой можно было бы предоставить дѣйствовать безъ контроля и господствовать безъ противовѣса. „Когда я вижу, что государственная власть получаетъ право и возможность все дѣлать,—все равно, называютъ ли ее народомъ или королемъ, аристократіей или демократіей—я говорю: вотъ гдѣ зародышъ тиранніи—и стараюсь уйти, чтобы жить подъ другими законами“. Древнія республики были основаны на принесеніи частныхъ интересовъ въ жертву общественному благу. Новое время должно уважать оба интереса—и частный, и общественный. На задачи государства существуютъ два противоположные взгляда. „Должно ли оно охранять личность и заботиться о ея счастьѣ? Или его единственная обязанность—доставлять отдѣльному лицу легкія и вѣрныя средства для самозащиты и для созданія счастливой жизни? Первый взглядъ на задачи общества проще, однообразнѣе, понятнѣе. Второй—сложнѣе и труднѣе для пониманія; но это—единственно истинный взглядъ. Онъ одинъ согласуется съ существованіемъ политической свободы и одинъ способенъ создавать гражданъ и даже вообще людей“. Итакъ, Токвиль не только свою личную задачу, но и цѣль государственнаго союза видитъ въ обезпеченіи индивидуальной свободы. Онъ не желаетъ, чтобы государство „заботилось о счастьѣ“ человѣка. Онъ не считаетъ государство самобытнымъ организмомъ, самодовлѣющей единицей. Такой единицей для него является свободная личность, и чѣмъ больше будетъ сфера, предоставленная ея самостоятельной инициативѣ, тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе будетъ достигнута конечная цѣль всякаго общественнаго союза — общее благо. Такая чисто индивидуалистическая концепція государства—характерная черта всѣхъ либераловъ первой половины XIX-го вѣка, и Токвиль въ данномъ случаѣ является вѣрнымъ адептомъ либерализма. Сходится онъ съ либералами и въ томъ, что лучшей формой правленія, наиболѣе обезпечивающей личную свободу, является въ его глазахъ конституціонная монархія. Но самостоятельность, присущая его уму, позволяетъ ему глубже вдуматься въ жизнь и избѣгнуть нѣкоторыхъ ошибокъ, въ которыя впадали его единомышленники. Онъ не можетъ не замѣтить, что либеральная доктрина есть достояніе однихъ высшихъ классовъ общества, народныя массы чужды уваженію къ правамъ личности, и простой пересадки на французскую почву англійскихъ центральныхъ учрежденій далеко еще недостаточно, чтобы свобода свила себѣ прочное гнѣздо во фран-

цузской общественной жизни. Онъ старается понять ту новую Францію, которая вышла изъ горнила революціи, старается понять, что именно мѣшаетъ установленію въ ней свободы, и выяснить себѣ тѣ средства, которыя могутъ парализовать эти препятствія.

Въ 1831-мъ году Токвиль отправляется въ Америку, чтобы собрать тамъ достаточный запасъ наблюденій для рѣшенія занимающей его проблемы. Монтескьё и Б. Констанъ совершали въ свое время паломничества въ Англію, для изученія англійскаго конституціоннаго строя. Для цѣлей Токвиля, при всемъ его преклоненіи предъ англійскимъ парламентаризмомъ, Англія оказывалась страной неподходящей: въ ней еще слишкомъ сильны были тогда остатки аристократическаго прошлаго. Америка, наоборотъ—единственная страна, гдѣ соединеніе началъ гражданскаго равенства и индивидуальной свободы уже достигнуто и не привело къ гибели свободы. Плодомъ путешествія въ Америку явилась знаменитая книга Токвиля: „De la Démocratie en Amérique". Это, собственно говоря, трактатъ не объ Америкѣ, а о демократіи вообще. Америка нужна автору только для изученія того общественнаго строя, къ которому съ каждымъ днемъ приближается Европа. Это — школа жизненнаго опыта, которымъ можетъ воспользоваться его родина. „Признаюсь, — говоритъ онъ — что въ Америкѣ я видѣлъ болѣе чѣмъ Америку. Я искалъ въ ней образецъ демократіи вообще, ея наклонностей, ея характера, ея предразсудковъ, ея страстей". Франція и ея судьбы—вотъ мысль, не оставляющая Токвиля, когда онъ изучаетъ Америку. Онъ хочетъ, чтобы французское общество, прочитавъ его книгу, поняло, какія опасности грозятъ политической свободѣ отъ разростающагося демократическаго движенія, и приняло мѣры для совмѣщенія грядущей демократіи съ свободой.

„Демократія въ Америкѣ" даетъ окончательную формулировку взглядамъ Токвиля. Выводы, къ которымъ его привело изученіе Америки, онъ пытался примѣнить во Франціи, въ качествѣ политическаго дѣятеля, въ 30-хъ и 40-хъ гг. Когда переворотъ 2-го декабря положилъ конецъ его практической работѣ, онъ все-таки остается вѣренъ своей основной задачѣ. Онъ посвящаетъ послѣдніе годы своей жизни (онъ умеръ въ 1859 г.) объясненію историческихъ судебъ своей родины. Своей второй книгой: „Старый порядокъ и революція", написанной на основаніи архивныхъ данныхъ, онъ создаетъ эпоху въ исторіографіи французской революціи, доказывая, что историческое развитіе фран-

цузской демократіи подготовило ее къ торжеству идеи равенства, но не внушило ей любви къ свободѣ.

Въ виду того, что вся жизнь и дѣятельность Токвиля проникнуты одной основной идеей, мы будемъ при изложеніи его ученія пользоваться не одной только „Демократіей въ Америкѣ", но и другими его сочиненіями.

II.

Демократическія движенія совершаются обыкновенно подъ знаменемъ двухъ началъ—свободы и равенства. Каковы истинныя отношенія между этими обоими принципами? Равенство, дѣлая людей независимыми другъ отъ друга, пріучаетъ ихъ руководствоваться только своей волей, располагаетъ ихъ недовѣрчиво относиться ко всякому авторитету и внушаетъ имъ идею политической свободы. На высшей ступени своего развитія оба эти принципа совмѣщаются. Предположимъ, что всѣ граждане принимаютъ участіе въ управленіи страной, и каждый имѣетъ равное съ другими право на это участіе. Тогда „люди будутъ вполнѣ свободны, потому что они вполнѣ равны, и будутъ вполнѣ равны, потому что они вполнѣ свободны. Къ этому идеалу и стремятся демократическіе народы". Но не всегда равенство и свобода такъ совпадаютъ. Равенство можетъ водвориться въ гражданскомъ обществѣ и не быть признаннымъ въ сферѣ политическихъ отношеній. Можно жить и домогаться богатства одинаковымъ съ другими гражданами способомъ—и не принимать участія въ правленіи, хотя другіе и имѣютъ на то право. Наконецъ, даже въ области политической можно себѣ представить полное равенство безъ свободы. Можно быть равнымъ всѣмъ своимъ согражданамъ, за исключеніемъ одного, одинаково повелѣвающаго всѣми. Стремленіе народовъ къ равенству и стремленіе ихъ къ свободѣ—двѣ различныя, хотя иногда и совпадающія страсти. Свобода являлась людямъ въ разныя времена подъ разными формами. Она не связана ни съ какимъ опредѣленнымъ соціальнымъ строемъ и встрѣчается не только въ демократіяхъ. Наоборотъ, характерная черта, обособляющая демократическій вѣкъ отъ всѣхъ другихъ эпохъ—именно равенство. Равенство привлекаетъ людей прежде всего своей прочностью. Чтобы уничтожить его, нужно измѣнить соціальный строй народа, преобразовать законы, обновить идеи, перемѣнить нравы. А чтобы потерять свободу, надо только не удерживать ее:

она ускользнетъ сама собой. Всякій сознаетъ, къ какимъ эксцессамъ можетъ привести политическая свобода, какъ она можетъ угрожать общественному спокойствію и праву собственности—а вредныхъ послѣдствій равенства обыкновенно не видятъ или не хотятъ видѣть. Наконецъ, полезные плоды свободы замѣчаются только послѣ большихъ промежутковъ времени. Она, правда, доставляетъ высшее удовольствіе, но только по временамъ и только небольшому числу просвѣщенныхъ людей. Между тѣмъ, равенство ежедневно доставляетъ всякому человѣку массу мелкихъ удовольствій и выгодъ. Особенно разгорается въ обществѣ страсть къ равенству въ тѣ эпохи, когда старая общественная іерархія, давно уже подтачиваемая демократическимъ движеніемъ, падаетъ подъ ударомъ демократической революціи. Люди тогда бросаются на равенство, какъ на завоеванное благо, и особенно имъ дорожатъ, боясь вновь его лишиться.

Когда всѣ привилегіи, доставляемыя рожденіемъ или богатствомъ, уничтожены, когда всѣ профессіи открыты для всѣхъ, для честолюбія людей открывается, повидимому, обширная и легкая карьера. Но опытъ скоро обнаруживаетъ противное. Прежде путь заграждали отдѣльныя привилегіи, теперь — всеобщая конкурренція. Выдвинуться становится крайне трудно. Къ тому же полное равенство совершенно неосуществимо. Какъ бы ни было демократично политическое и соціальное устройство страны, всегда каждый найдетъ множество пунктовъ, въ которыхъ онъ уступаетъ тому или другому изъ своихъ согражданъ—и всегда, поэтому, будетъ изо всѣхъ силъ стремиться сравняться съ ними. По мѣрѣ развитія равенства стремленіе къ нему дѣлается все болѣе ненасытнымъ. Люди не могутъ добиться того абсолютнаго равенства, котораго они желаютъ. „Постоянно они думаютъ, что вотъ-вотъ они его настигнутъ—и постоянно оно ускользаетъ изъ ихъ рукъ. Они видятъ его достаточно близко, чтобы сознавать его прелести, но не приближаются къ нему настолько, чтобы имъ наслаждаться — и умираютъ, не вкусивъ вполнѣ его сладости“. Конечно, и къ свободѣ демократическіе народы имѣютъ естественное влеченіе. „Предоставленные самимъ себѣ, они стремятся къ ней, любятъ ее, страдаютъ отъ ея потери. Но къ равенству они питаютъ пылкую, ненасытную, вѣчную, непобѣдимую страсть. Они ищутъ равенства въ свободѣ—и если не могутъ этого достигнуть, то ищутъ его въ рабствѣ. Они вынесутъ бѣдность, порабощеніе, варварство, но не потерпятъ аристократіи“.

Эта совершенно исключительная любовь демократическихъ

народовъ къ равенству влечетъ за собой важныя послѣдствія. Утвержденіе соціальнаго строя на принципѣ равенства мало-помалу убиваетъ въ народѣ духъ общественности. У аристократическихъ народовъ фамиліи вѣками сохраняютъ свою незыблемость и свое единство. Человѣкъ знаетъ тамъ своихъ предковъ и уважаетъ ихъ; съ любовью относится онъ къ своимъ будущимъ потомкамъ, охотно поступается своимъ личнымъ интересомъ для интереса фамильнаго. Такъ какъ классы разъединены и неподвижны, то всѣ граждане находятся въ строго опредѣленномъ положеніи. Каждый видитъ надъ собой человѣка, въ покровительствѣ котораго нуждается, а подъ собой—людей, нуждающихся въ немъ самомъ. Все это связываетъ другъ съ другомъ и послѣдовательныя поколѣнія, и отдѣльныя категоріи гражданъ. Наоборотъ, въ демократическомъ обществѣ ни лицо, ни фамилія не занимаютъ опредѣленнаго мѣста въ общественномъ строѣ. Родовая связь разрывается. Классы сближаются и смѣшиваются. Ихъ члены становятся взаимно равнодушными и чуждыми. Возрастаетъ число людей съ матеріальнымъ достаткомъ, избавляющимъ отъ необходимости искать чьего-нибудь покровительства, но не дающимъ возможности играть роль покровителей. Все это развиваетъ партикуляризмъ, равнодушіе къ общественной жизни, стремленіе замкнуться въ узкомъ кругѣ интересовъ. „Аристократія составляла изъ всѣхъ гражданъ громадную цѣпь, которая поднималась отъ крестьянина до короля. Демократія разбиваетъ эту цѣпь и отдѣляетъ каждое звено ея отъ другихъ“.

Другой характерной особенностью демократическихъ народовъ является ненасытная страсть къ матеріальному благосостоянію. Въ аристократическомъ обществѣ богатства наслѣдствено принадлежатъ однѣмъ и тѣмъ же фамиліямъ. Эти послѣднія такъ привыкли пользоваться своимъ благосостояніемъ, что не могутъ себѣ представить другого положенія и не имѣютъ особой страсти къ пріобрѣтенію. Въ свою очередь народъ такъ же привыкъ къ бѣдности, какъ меньшинство—къ достатку, и потерялъ надежду пріобрѣсти благосостояніе. Но когда классы смѣшиваются, привилегіи уничтожаются, наслѣдства дѣлятся, просвѣщеніе и свобода распространяются, тогда желаніе пріобрѣсти овладѣваетъ воображеніемъ бѣдняка, а боязнь потерять — умомъ богатаго. Возникаетъ многочисленный средній классъ, собственной энергіи обязанный своимъ обогащеніемъ. Онъ достигаетъ достаточнаго богатства, чтобы съумѣть его оцѣнить, но далеко недостаточнаго, чтобы имъ удовлетвориться. Вмѣстѣ съ возвышеніемъ средняго класса, страсть къ наживѣ становится преобладающею.

Съ одной стороны она дѣлаетъ человѣка поборникомъ порядка, но съ другой—приводитъ его къ своего рода „честному матеріализму", который не развращаетъ душу, но ослабляетъ ее и въ концѣ концовъ уничтожаетъ всю ея энергію.

Разъ въ людяхъ развилась страсть къ наживѣ, земледѣліе—это обычное занятіе народа въ аристократическій вѣкъ—перестаетъ удовлетворять. Оно пригодно или для богатыхъ, которые уже пользуются излишкомъ, или для бѣдныхъ, которые хотятъ только пропитанія. При помощи его человѣкъ обогащается медленно и съ трудомъ. Теперь выдвигаются болѣе легкія средства обогащенія. Крестьянинъ продаетъ свое поле, переселяется въ городъ и ищетъ заработка въ торговлѣ или промышленности.

Народъ достигаетъ демократическаго соціальнаго строя съ помощью бурныхъ усилій, послѣ цѣлаго ряда тяжелыхъ перемѣнъ. Когда эта революція совершилась, долго еще сохраняются революціонныя привычки. Обыкновенно думаютъ, поэтому, что есть органическая связь между равенствомъ и революціями. Это—глубокая ошибка. Демократическій строй вовсе не располагаетъ народъ къ переворотамъ. Если мы станемъ разбирать причины, вызывавшія тѣ или другія революціи, то легко найдемъ, что основной причиной всякой революціи было неравенство между людьми въ томъ или другомъ отношеніи. Между тѣмъ, соціальное устройство демократіи характеризуется именно равенствомъ положеній. Преобладающимъ значеніемъ въ демократіяхъ пользуется средній классъ, который всегда бываетъ страшнымъ врагомъ революцій. Во-первыхъ, всякая революція болѣе или менѣе угрожаетъ собственности. Во-вторыхъ, революція всегда гибельно отражается на успѣхахъ торговли и промышленности, такъ какъ общественный порядокъ и спокойствіе—необходимыя условія ихъ правильнаго развитія. Поэтому демократическое общество высоко цѣнитъ общественный порядокъ и благоустройство и всѣми силами старается избѣгнуть общественныхъ потрясеній.

Итакъ, установленіе демократическаго общественнаго строя приводитъ къ упадку духа общественности, къ развитію страсти къ наживѣ, къ быстрымъ успѣхамъ торговли и промышленности, къ высокой оцѣнкѣ общественнаго спокойствія и порядка. Посмотримъ теперь, къ какимъ политическимъ послѣдствіямъ ведутъ эти наклонности. Въ средѣ аристократическихъ народовъ естественно возникаетъ представленіе о посредствующихъ органахъ власти, стоящихъ между сувереномъ и подданными. Въ ихъ средѣ всегда находятся отдѣльныя лица и фамиліи, какъ бы предназначенныя повелѣвать. Наоборотъ, демократиче-

скому обществу, основанному на принципѣ равенства, свойственно понятіе о единой власти, занимающей центральное мѣсто и одинаково руководящей всѣми гражданами. Равенство требуетъ однообразныхъ нормъ, одинаково примѣняемыхъ ко всѣмъ членамъ общественнаго организма. Всѣ люди являются для него какъ бы снимкомъ съ одного образца. По мѣрѣ того какъ общество демократизируется, отдѣльныя лица, уподобляясь другъ другу, какъ бы теряются въ толпѣ; сохраняется только грандіозный, величественный образъ цѣлаго народа. По общему убѣжденію, власть должна вытекать непосредственно изъ народа и не имѣть границъ. Къ идеѣ всемогущей, единой центральной власти влекутъ демократическое общество и его наклонности. При развитіи партикуляризма люди съ неохотой отрываются отъ своихъ частныхъ интересовъ, чтобы заняться общественнымъ дѣломъ. Они стремятся сложить заботу о немъ на единственнаго видимаго и постояннаго представителя коллективныхъ интересовъ—государство. Съ другой стороны, страхъ предъ общественными потрясеніями и любовь къ общественному спокойствію тоже побуждаютъ ихъ предоставлять центральному правительству все новыя прерогативы, такъ какъ правительство, по ихъ мнѣнію, одно заинтересовано въ борьбѣ съ анархіей и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ средства для такой борьбы. Страсть къ равенству возбуждаетъ во всѣхъ гражданахъ неумолимую ненависть къ какимъ бы то ни было привилегіямъ. Человѣкъ не выноситъ, чтобы его сосѣди имѣли передъ нимъ какое-нибудь преимущество. Но онъ охотно подчиняется единой центральной власти, лишь бы эта власть была одинакова по отношенію ко всѣмъ. Это, въ свою очередь, облегчаетъ сосредоточеніе власти въ рукахъ правительства.

Централизація власти—характерная особенность демократическихъ народовъ. Въ средніе вѣка въ государствѣ встрѣчались отдѣльныя лица или цѣлыя корпораціи, пользовавшіяся почти полной независимостью отъ государственной власти. Они творили судъ, собирали и содержали войско, взимали подати и даже издавали законы. Теперь повсюду въ Европѣ привилегіи сеньеровъ, городскія вольности, мѣстное самоуправленіе разрушены или близки къ концу. Всѣ права сосредоточились въ рукахъ центральнаго правительства. Въ прежнее время благотворительными учрежденіями и народнымъ просвѣщеніемъ завѣдывали частныя лица или самостоятельныя корпораціи. Теперь государство кормитъ голодныхъ, помогаетъ больнымъ, даетъ работу тѣмъ, кто ея не находитъ. Оно беретъ ребенка изъ рукъ ма-

тери и поручаетъ его своимъ агентамъ. Оно внушаетъ ему соотвѣтственныя идеи, развиваетъ въ немъ извѣстныя наклонности, водворяетъ въ обученіе полнѣйшее однообразіе. Даже религіи грозитъ подчиненіе государству. Оно не вмѣшивается въ догматы, но отнимаетъ у духовенства его собственность, назначаетъ ему жалованье и, обративъ его въ сословіе чиновниковъ, старается утилизировать въ своихъ видахъ его вліяніе на народъ. Прежде государство довольствовалось доходами съ казенныхъ земель и налогами. Теперь оно прибѣгаетъ еще къ государственнымъ займамъ, становится должникомъ большинства богатыхъ людей. Въ его вѣдѣніе повсюду переходятъ сберегательныя кассы; оно пускаетъ въ оборотъ сбереженія бѣдныхъ. Такимъ образомъ въ его рукахъ скопляются всѣ богатства страны. Развитіе промышленности вызываетъ необходимость сооруженія дорогъ, каналовъ, портовъ и т. д. Государство старается монополизировать всю эту дѣятельность въ своихъ рукахъ. Суды когда-то пользовались самостоятельностью, ихъ права были очень широки. Не посягая прямо на ихъ независимость, правительство старается съузить область ихъ дѣйствія и поручаетъ вѣдѣнію особыхъ, зависящихъ отъ него судовъ всѣ столкновенія администраціи съ населеніемъ.

Итакъ, демократизація общества ведетъ къ централизаціи и къ расширенію функцій государственной власти. Съ перваго взгляда этому противорѣчитъ цѣлый рядъ революцій, приведшихъ или къ ограниченію власти монарховъ, или даже къ сверженію ихъ съ престола. Но это противорѣчіе, по мнѣнію Токвиля, только кажущееся. Революціи произошли потому, что старыя правительства были представителями стараго порядка, основаннаго на соціальномъ неравенствѣ. Всякая демократическая революція, низвергая во имя равенства старое аристократическое правительство, во имя той же идеи увеличивала и расширяла власть новаго правительства.

Сторонники централизаціи видятъ въ ней необходимое условіе правильнаго хода дѣлъ въ государствѣ. Правда, централизація даетъ возможность собрать въ данный моментъ всѣ силы, которыми располагаетъ народъ, одержать побѣду въ часъ битвы. Она даетъ текущимъ дѣламъ правильное теченіе, поддерживаетъ въ обществѣ „родъ спячки, которую администраторы называютъ обыкновенно общественнымъ порядкомъ и спокойствіемъ“. Но она не можетъ дать обществу жизнь и движеніе. Чрезмѣрное ея развитіе приводитъ къ тому, что населеніе становится совершенно индифферентнымъ къ судьбамъ

своего государства. Демократія вообще способствуетъ развитію партикуляризма. Человѣка перестаютъ задѣвать даже интересы его деревни или улицы. Онъ думаетъ, что все это касается не его, а „того могущественнаго чужестранца, который зовется правительствомъ". Произволу власти онъ и не думаетъ сопротивляться: онъ безропотно скрещиваетъ руки и покоряется давленію.

III.

Самымъ важнымъ учрежденіемъ въ демократическихъ государствахъ является законодательное собраніе, состоящее изъ народныхъ представителей. Въ его рукахъ демократіи склонны концентрировать всю общественную силу. „Законодательный корпусъ, какъ власть, наиболѣе непосредственно вытекающая изъ народа, пользуется и наибольшей долей народнаго всемогущества". Власть такого законодательнаго собранія становится безмѣрной. Въ рукахъ той политической партіи, которая добилась большинства на выборахъ, оказывается деспотическая власть. Большинство не только обладаетъ всей полнотой матеріальной государственной власти: оно пользуется, сверхъ того, громаднымъ моральнымъ авторитетомъ. Этотъ авторитетъ основывается, прежде всего, на убѣжденіи, что отъ собранія можно ожидать бо̀льшей просвѣщенности и разумности, чѣмъ отъ одного лица.

Особое значеніе рѣшеніямъ большинства придаетъ и то соображеніе, что интересы бо̀льшаго числа людей должны быть предпочтены интересамъ меньшаго числа. Вотъ почему въ демократіяхъ устанавливается вѣра въ непогрѣшимость большинства; его верховенство признается одинаково всѣми партіями, такъ какъ каждая изъ нихъ надѣется рано или поздно добиться большинства.

Мысль—власть невидимая и неуловимая: она смѣется надъ всѣми тиранніями. Самые абсолютные монархи никогда не могли помѣшать возникновенію взглядовъ, враждебныхъ ихъ власти. Въ демократическихъ государствахъ устанавливается извѣстная тираннія даже надъ мыслью. Монархъ обладаетъ только матеріальной силой и можетъ дѣйствовать лишь на поступки людей. Народное большинство обладаетъ, кромѣ того, моральной силой и дѣйствуетъ не только на поступки, но и на желанія людей. Монархи наказывали несогласныхъ съ ихъ видами смертью. „Они, такъ сказать, матеріализировали насиліе. Современныя демократическія республики сдѣлали это насиліе такимъ же духовнымъ,

какъ и человѣческая воля, которую оно хочетъ подавить“. Онѣ предоставляютъ людямъ свободу мыслить и за несогласіе съ общими взглядами не лишаютъ жизни или гражданскихъ правъ. Но онѣ объявляютъ человѣка, идущаго въ разрѣзъ съ большинствомъ, какъ бы прокаженнымъ. Онъ не можетъ получить общественную должность, не можетъ даже разсчитывать на простое уваженіе. Даже близкіе люди должны порвать отношенія съ нимъ. При самыхъ абсолютныхъ монархахъ, въ родѣ Людовика XIV, всегда была возможность описывать пороки и смѣшныя стороны современниковъ. Мольеръ осмѣивалъ нравы придворныхъ въ пьесахъ, которыя представлялись предъ этими самыми придворными. Но власть народнаго большинства не позволяетъ, чтобы ею играли. Малѣйшій упрекъ ее оскорбляетъ, малѣйшая обидная истина ее тревожитъ. Ей нужно, чтобы ее безпрерывно превозносили: она живетъ въ постоянномъ самообожаніи.

Такая тираннія надъ мыслью неизбѣжно должна привести къ пониженію духовнаго уровня всего общества. Въ абсолютныхъ монархіяхъ придворные льстятъ страстямъ своего повелителя и преклоняются предъ его капризами; но народная масса подчиняется монарху по слабости, по привычкѣ или по невѣдѣнію, иногда даже въ силу любви къ нему и къ его власти. Въ демократическихъ государствахъ, гдѣ суверенъ-народъ всегда на виду, гораздо болѣе, чѣмъ въ абсолютныхъ монархіяхъ, встрѣчается людей, основывающихъ свои разсчеты на слабостяхъ народа-государя. Люди здѣсь не хуже, но искушенія сильнѣе. Деспотическая власть всегда больше портитъ тѣхъ, кто ей подчиняется, чѣмъ тѣхъ, кто ею обладаетъ. Въ абсолютныхъ монархіяхъ король часто отличается большими достоинствами, но придворные—всегда низки. А что такое, какъ не тѣ же придворные—всѣ льстящіе народу и играющіе на его страстяхъ, чтобы выдвинуться и достигнуть власти? Правда, такіе куртизаны не говорятъ своему повелителю „Государь“ и „Ваше Величество“, но они безпрерывно распространяются о природномъ разумѣ народа. „Они не задаются вопросомъ, какая изъ добродѣтелей ихъ государя наиболѣе заслуживаетъ восхищенія; они увѣряютъ его, что онъ обладаетъ всѣми добродѣтелями сразу... Они не даютъ ему своихъ женъ и дочерей, чтобы онъ соизволилъ возвысить ихъ до званія своихъ любовницъ; но, принося въ жертву свои убѣжденія, они сами безчестятъ себя“.

Такой гнетъ надъ мыслью, такая тираннія общественнаго мнѣнія приводитъ къ тому, что въ демократическомъ государствѣ всегда меньше выдающихся людей, чѣмъ въ аристократическомъ.

А если и попадаются болѣе или менѣе замѣчательные люди, то они обыкновенно держатся въ сторонѣ отъ политики. Съ легкой руки Монтескьё обыкновенно думаютъ, что народъ выбираетъ на общественныя должности самыхъ достойныхъ людей. Этотъ взглядъ ошибоченъ. Народъ совсѣмъ не умѣетъ цѣнить выдающихся общественныхъ дѣятелей. При неудержимой страсти къ равенству, стремящейся нивеллировать общество, всякій возвышающійся надъ обычнымъ уровнемъ возбуждаетъ къ себѣ зависть и недоброжелательство. Способные люди и сами предпочитаютъ уклоняться отъ общественной дѣятельности, такъ какъ для того, чтобы выдвинуться, необходимо льстить народу и приноровляться къ общепринятымъ взглядамъ и теченіямъ. Вотъ почему, при нормальныхъ условіяхъ, въ демократическихъ государствахъ политическіе дѣятели не возвышаются надъ посредственностью, и только въ эпохи національныхъ кризисовъ выдвигаются великіе люди и сильные характеры.

Итакъ, въ демократическихъ государствахъ личность оказывается гораздо болѣе подавленной государствомъ, чѣмъ даже въ абсолютныхъ монархіяхъ. Народное большинство оказывается всемогущимъ. Всемогущество само по себѣ всегда вредно и опасно, въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось. Разъ есть чье-нибудь всемогущество, то уже нѣтъ свободы. Но всемогущество большинства въ демократическомъ государствѣ особенно опасно потому, что противъ его злоупотребленій нѣтъ рѣшительно никакихъ гарантій. Когда человѣкъ терпитъ несправедливость, ему не къ кому обратиться за заступничествомъ, если онъ имѣетъ несчастье принадлежать къ меньшинству, а не къ большинству. Общественное мнѣніе создается большинствомъ. Законодательное собраніе выбирается имъ же. Оно же избираетъ главу исполнительной власти. Судъ присяжныхъ—опять то же большинство. Даже судьи, если ихъ должности выборныя—представители все того же большинства. Вотъ почему въ подобной республикѣ „деспотизмъ можетъ сдѣлаться болѣе невыносимымъ, чѣмъ въ любой абсолютной монархіи Европы. Нужно будетъ отправиться въ Азію, чтобы найти что-нибудь на него похожее“.

Такимъ образомъ, демократическое устройство государства и общество легко можетъ привести къ всемогуществу государственной власти, къ тиранніи большинства, къ полному подавленію личности. Правда, при этомъ сохранится участіе народа въ правленіи: всемогущее законодательное собраніе будетъ состоять изъ представителей, выбранныхъ народомъ. Но существованіе политической свободы будетъ крайне непрочно. При упадкѣ духа

общественности, при господствѣ индифферентизма и партикуляризма, отъ тиранніи собранія останется только одинъ шагъ до тиранніи одного лица. Стоитъ только лицу, пользующемуся популярностью, овладѣть властью—и народъ, воспитанный въ безпрекословномъ подчиненіи, покорно склонитъ голову предъ счастливцемъ. „Когда работающіе люди не желаютъ думать объ общественныхъ дѣлахъ, и нѣтъ класса, который бы взялъ на себя эту заботу, чтобы наполнить свои досуги, мѣсто правительства остается какъ бы пустымъ. Если въ этотъ критическій моментъ ловкій честолюбецъ захочетъ овладѣть властью, онъ найдетъ дорогу открытой для всякихъ узурпацій. Пусть только онъ позаботится нѣкоторое время о процвѣтаніи матеріальнаго благосостоянія народа—и ему легко простятъ остальное“.

Такъ легко можетъ установиться въ демократіи деспотизмъ. Какимъ же характеромъ онъ будетъ отличаться? „Монтескьё сказалъ, что нѣтъ болѣе абсолютной власти, чѣмъ власть государя, смѣнившаго собой республику... Это вѣрно вообще, но особенно примѣнимо къ демократической республикѣ“.

Въ европейской исторіи былъ періодъ, когда государи въ принципѣ имѣли неограниченную власть. Но они ею не пользовались. Привилегіи дворянства, независимость судовъ, права различныхъ корпорацій, провинціальное и городское самоуправленіе,—все это поддерживало въ народѣ, въ извѣстной мѣрѣ, духъ сопротивленія. Помимо этого, религія, привязанность подданныхъ къ государю, честь, семейныя традиціи, старинные обычаи, общественное мнѣніе ограничивали власть государей и заключали ее въ невидимыя границы. „Конституція народовъ была тогда деспотической, но ихъ нравы были свободны. Государи имѣли право все дѣлать, но у нихъ не было къ тому ни возможности, ни охоты“. Теперь всѣ эти „барьеры“ тиранніи уничтожены. Религія потеряла свое вліяніе на человѣческія души. Революціи лишили государей той любви и уваженія, которыя прежде ихъ окружали. Особыя права городовъ и провинцій исчезли. Дворянство потеряло свои привилегіи. Классы сравнялись и смѣшались; принципъ чести утратилъ свою силу. Фамильныя и корпоративныя традиціи забыты; отдѣльная личность сдѣлалась въ обществѣ совершенно изолированной. Организованной силѣ правительства она можетъ теперь противопоставить только индивидуальную слабость. Поэтому теперь государи легко могутъ соединить въ своихъ рукахъ всю полноту государственной власти и проникнуть въ кругъ частныхъ интересовъ болѣе глубоко, чѣмъ это могли сдѣлать государи прежнихъ временъ. Порабощеніе, угрожающее

демократическимъ народамъ, не походитъ на прежнее. Оно несравненно сильнѣе.

„Я хочу — говоритъ Токвиль — представить себѣ, подъ какими новыми чертами можетъ быть введенъ въ міръ деспотизмъ. И я вижу безчисленную толпу сходныхъ и равныхъ между собою людей, которые безъ отдыха хлопочутъ, чтобы доставить себѣ мелкія, пошлыя удовольствія, заполняющія ихъ душу. Каждый изъ нихъ, замыкаясь въ себѣ самомъ, какъ бы чуждъ судьбѣ другихъ. Его дѣти и личные друзья составляютъ для него все человѣчество. Съ остальными своими согражданами онъ стоитъ рядомъ, но не видитъ ихъ. Онъ къ нимъ прикасается, но не чувствуетъ ихъ. Онъ существуетъ только въ себѣ и для себя. И если у него остается еще семья, то можно сказать, что у него уже нѣтъ отечества. Надъ всѣмъ этимъ возвышается громадная власть, берущая на себя обязанность обезпечить довольство людей и заботиться о ихъ судьбѣ. Она абсолютна, мелочна, регулярна, предусмотрительна и умѣренна. Она походила бы на отцовскую власть, еслибы... ея цѣлью было приготовленіе человѣка къ зрѣлому возрасту. Но, напротивъ, она только и старается о томъ, чтобы удержать человѣка въ дѣтствѣ. Она охотно заботится о счастьѣ гражданъ, но хочетъ быть въ этомъ отношеніи единственнымъ дѣятелемъ и посредникомъ. Она охраняетъ ихъ безопасность и обезпечиваетъ ихъ нужды, облегчаетъ имъ удовольствія, ведетъ ихъ главныя дѣла, направляетъ ихъ промышленность, регулируетъ изслѣдованіе, дѣлитъ результаты. Отчего не можетъ она избавить ихъ совершенно отъ труда мыслить и отъ заботы жить? Съ каждымъ днемъ она дѣлаетъ все менѣе полезнымъ и болѣе рѣдкимъ пользованіе свободой сужденія... Надъ обществомъ она протягиваетъ сѣть сложныхъ, мелочныхъ и однообразныхъ правилъ, исключающихъ возможность проявленія оригинальнаго ума и сильнаго характера... Она не разрушаетъ, но мѣшаетъ созиданію. Она не тиранствуетъ: она стѣсняетъ, сжимаетъ, истощаетъ, заглушаетъ, притупляетъ и обращаетъ, наконецъ, народъ въ стадо боязливыхъ промышленныхъ животныхъ, пастухомъ котораго служитъ правительство“.

IV.

Демократія пугаетъ Токвиля. Индивидуалистъ по убѣжденіямъ, видящій цѣль общежитія прежде всего въ гарантіи личной свободы, считающій политическую свободу высшимъ благомъ, онъ

съ ужасомъ наблюдаетъ, какъ легко охладѣваетъ любовь къ свободѣ въ демократическомъ обществѣ, готовомъ предпочесть демократическій деспотизмъ аристократической свободѣ. Вопреки своимъ аристократическимъ традиціямъ, Токвиль хочетъ быть безпристрастнымъ къ демократіи и указываетъ, наряду съ ея недостатками, и ея достоинства. Онъ отмѣчаетъ, напр., что въ демократическихъ государствахъ законодательство всегда болѣе соотвѣтствуетъ реальнымъ нуждамъ народа, что въ нихъ высоко развито среди гражданъ правосознаніе, что любовь къ родинѣ въ нихъ отличается большей сознательностью и разумностью, что, наконецъ, народъ въ такихъ государствахъ чувствуетъ себя счастливымъ, такъ какъ пользуется матеріальнымъ достаткомъ. Но для осуществленія высшаго блага человѣческаго общества—свободы самоопредѣляющейся личности—аристократическое общество болѣе пригодно, чѣмъ демократическое. Еслибы для современнаго общества былъ возможенъ вполнѣ свободный выборъ между аристократіей и демократіей, еслибы отъ воли людей зависѣло, какую предпочесть форму государственнаго и общественнаго строя, Токвиль, пожалуй, предпочелъ бы аристократію. Но остановить демократизацію общества невозможно. Хотятъ ли этого люди или нѣтъ, все равно развитіе общества приведетъ къ полному торжеству принципа равенства. „Постепенное развитіе равенства положеній—дѣло Провидѣнія и имѣетъ всѣ характерныя черты такого дѣла: оно всеобще, оно продолжительно, оно ускользаетъ съ каждымъ днемъ отъ человѣческой власти; всѣ событія, какъ и всѣ люди, служатъ его распространенію". Пытаться остановить демократію — значитъ бороться съ самимъ Богомъ. Народамъ остается только приспособиться къ тому общественному устройству, которое имъ даетъ Провидѣніе.

Неужели, однако, торжество деспотизма является фатальнымъ результатомъ демократизаціи общества? Неужели нельзя парализовать вредныя наклонности, порождаемыя страстью къ равенству, и научить народъ изъ демократіи и деспотизма выбрать первую, а не послѣдній? Неужели, однимъ словомъ, нельзя примирить свободу и равенство?

Токвилю положеніе дѣлъ не кажется безнадежнымъ. Онъ думаетъ, что бороться съ вредными послѣдствіями равенства еще возможно. Для этого есть только одно дѣйствительное средство: политическая свобода. „Одна свобода можетъ въ демократическихъ обществахъ успѣшно бороться съ свойственными имъ пороками и удержать ихъ на наклонной плоскости, по которой они скользятъ. Она одна можетъ извлечь гражданъ изъ

того состоянія изолированности, въ которомъ удерживаетъ ихъ матеріальная обезпеченность, и заставить ихъ приблизиться другъ къ другу. Она согрѣетъ ихъ душу и ежедневно будетъ соединять ихъ, благодаря необходимости понять и убѣдить другъ друга при выполненіи общаго дѣла. Она одна способна оторвать людей отъ культа денегъ и отъ мелкой будничной сутолоки частныхъ дѣлъ, заставить ихъ ежеминутно чувствовать свою связь съ отечествомъ. Она одна отъ времени до времени замѣняетъ погоню за матеріальной обезпеченностью болѣе энергичными и возвышенными стремленіями, ставитъ честолюбію болѣе значительныя цѣли и творитъ свѣтъ, дающій возможность видѣть и цѣнить добродѣтель. Демократическія общества, лишенныя свободы, могутъ отличаться богатствомъ, изысканностью, блескомъ, даже великолѣпіемъ, могутъ быть сильны вѣсомъ своей однородной массы; въ нихъ можно встрѣтить качества, украшающія частную жизнь—можно встрѣтить хорошихъ отцовъ семейства, честныхъ торговцевъ и весьма почтенныхъ собственниковъ; мы найдемъ въ нихъ даже добрыхъ христіанъ, потому что отчизна христіанъ—не отъ міра сего... Но въ средѣ подобныхъ обществъ—говорю смѣло—никогда не окажется великихъ гражданъ и, тѣмъ болѣе, великаго народа, и я не боюсь утверждать, что общій уровень сердецъ и умовъ никогда не перестанетъ понижаться, пока равенство и деспотизмъ будутъ соединены въ нихъ".

Разъ что свобода является единственнымъ средствомъ противъ торжества демократическаго деспотизма, то нравственная обязанность всякаго общественнаго дѣятеля — помогать дѣлу свободы. Трудно пріучить народъ къ участію въ управленіи, еще труднѣе снабдить его необходимой для того опытностью и возбудить въ немъ соотвѣтственныя наклонности. Но если нѣтъ иного выбора, какъ свободная демократія или деспотизмъ, то необходимо бороться за торжество первой. Не задерживать надобно демократическое движеніе, а направлять его въ русло свободы.

Размышленія надъ судьбами отечества и наблюденія надъ политической жизнью Америки даютъ Токвилю возможность указать тѣ условія, при которыхъ возможно сохраненіе свободы въ государствѣ. Отчасти здѣсь играютъ роль внѣшнія обстоятельства, но главное значеніе имѣютъ учрежденія и нравы.

Такъ какъ политическая свобода состоитъ, прежде всего, въ участіи общества въ управленіи, то ея существованіе возможно только въ конституціонныхъ монархіяхъ и въ республикахъ. Очевидно, что самый характеръ конституціи, на основаніи которой управляется данная страна, не безразличенъ для судьбы свободы

въ ней. Но, въ противоположность большинству своихъ современниковъ, Токвиль не старается подвергнуть всестороннему анализу принципы конституціоннаго права и дать построеніе идеальной конституціи. Больше симпатизируя конституціонной монархіи, онъ и въ республикѣ признаетъ форму правленія вполнѣ подходящую для торжества свободы, и ограничивается немногими замѣчаніями объ устройствѣ центральныхъ органовъ власти. Онъ признаетъ ученіе Монтескьё о раздѣленіи властей, съ тѣми поправками, которыя внесъ въ него Констанъ, и находитъ необходимымъ основать отношенія между властями законодательной и исполнительной на принципѣ равновѣсія. Съ этой точки зрѣнія онъ предпочитаетъ двухпалатную систему — однопалатной. Существованіе верхней палаты оказываетъ существенныя услуги дѣлу свободы: съ одной стороны она предохраняетъ нижнюю палату отъ порабощенія общественнымъ мнѣніемъ и не даетъ ей возможности развить въ себѣ тиранническія поползновенія; съ другой стороны верхняя палата является естественной посредницей въ случаяхъ конфликта между нижней палатой и представителемъ исполнительной власти. Что касается избирательнаго права, то въ демократіи можетъ существовать извѣстный цензъ, но въ концѣ концовъ неизбѣжно торжество принципа всеобщаго голосованія, такъ какъ всеобщее избирательное право есть логическій выводъ изъ принципа народнаго суверенитета. Токвиль находитъ, однако, нужнымъ подвергнуть народную волю извѣстной фильтровкѣ и предпочитаетъ прямымъ выборамъ двухстепенные, такъ какъ при прямыхъ выборахъ составъ избранной палаты бываетъ обыкновенно крайне невысокъ, а двухстепенные выборы, наоборотъ, даютъ въ результатѣ собраніе, блещущее талантами.

Значеніе исполнительной власти въ государствѣ опредѣляется, по мнѣнію Токвиля, вовсе не тѣмъ, носитъ ли глава ея титулъ монарха или президента, а тѣмъ, каковы ея дѣйствительныя полномочія и сфера дѣятельности. Вліяніе главы исполнительной власти тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше количество должностныхъ лицъ, которыхъ онъ можетъ назначать или смѣщать по своему усмотрѣнію, чѣмъ выше численность арміи и флота, естественно состоящихъ подъ его командой. Поэтому въ Европѣ, гдѣ въ управленіи господствуетъ бюрократическая централизація и подъ ружьемъ содержатся громадныя арміи, глава государства всегда пользуется гораздо бо́льшимъ значеніемъ, чѣмъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ, распоряжающійся небольшимъ количествомъ служебныхъ мѣстъ и незначительной арміей. По этой же причинѣ, во избѣжаніе острыхъ конфликтовъ между законодательной и

исполнительной властью, въ Европѣ необходимо существованіе парламентскаго министерства, а Америка можетъ обходиться безъ него. Конфликты между властями законодательной и исполнительной всегда опасны для свободы: какая бы ихъ сторона ни побѣдила, въ государствѣ неизбѣжно установится тираннія. Поэтому всѣми силами надо стараться установить между ними равновѣсіе. Если исполнительная власть слаба, то она легко можетъ быть порабощена законодательною — и тогда необходимо принять мѣры, чтобы создать для главы исполнительной власти независимое положеніе, какъ это сдѣлано, напр., въ Америкѣ. Наоборотъ, если исполнительная власть обладаетъ значительной матеріальной силой, побѣда единоличнаго главы правительства надъ законодательнымъ собраніемъ можетъ привести къ установленію деспотизма. Въ силу этихъ соображеній, въ 1848 г., когда во Франціи вырабатывалась республиканская конституція, Токвиль противился тому, чтобы президентъ республики избирался непосредственно всенароднымъ голосованіемъ. Опасенія его оказались пророческими.

Признавая однимъ изъ основныхъ принциповъ либерализма равновѣсіе властей, Токвиль очень далекъ отъ того, чтобы приписывать этому принципу первенствующее значеніе. Одной либеральной конституціи недостаточно для торжества свободы, особенно когда во всѣхъ сферахъ общественной жизни, кромѣ законодательной, проводится принципъ всепоглощающей государственной опеки и строжайшей централизаціи власти. Въ такомъ случаѣ, думаетъ Токвиль, граждане выходятъ изъ зависимости только на одну минуту, чтобы выбрать себѣ господина. Хартія 1830-го года, соединявшая торжество парламентаризма съ бюрократической централизаціей, казалась ему, поэтому, „придѣлываніемъ головы свободы къ тѣлу раба“, и онъ предсказывалъ ей скорый конецъ. Нельзя допустить, чтобы либеральное, энергичное и мудрое правительство могло явиться результатомъ голосованія народа рабовъ. „Конституція—восклицаетъ Токвиль—республиканская вверху (par la tête) и ультра-монархическая во всемъ остальномъ всегда казалась мнѣ недолговѣчнымъ уродствомъ“ (un monstre éphémère).

V.

Правильная организація конституціонныхъ властей должна сопровождаться соотвѣтственнымъ устройствомъ другихъ сферъ государственной жизни. На первомъ планѣ въ этомъ отноше-

нія надо поставить мѣстное самоуправленіе. Въ государственной жизни Токвиль различаетъ централизацію правительственную и административную. Есть интересы, общіе всей націи, какъ напр. изданіе законовъ или сношенія съ иностранными державами. Завѣдываніе ими должно находиться въ рукахъ центральной власти. Такая правительственная централизація является conditio sine qua non единства государства. Но совершенно излишне сосредоточивать въ рукахъ центральной власти завѣдываніе чисто мѣстными интересами и проводить административную централизацію. Такая централизація, обезпечивая внѣшнюю видимость порядка, обезсиливаетъ общество и отучаетъ его и отъ самостоятельности, и отъ любви къ свободѣ. Участіе гражданина въ мѣстномъ самоуправленіи возбуждаетъ въ немъ интересъ къ государственной жизни, развиваетъ въ немъ тотъ инстинктъ общественности, который является лучшимъ залогомъ силы государства. Самоуправленіе пробуждаетъ дѣйствительный патріотизмъ. Гражданинъ привыкаетъ смотрѣть на интересы своего отечества, какъ на свои собственные. Слава отечества становится его славой. Въ успѣхахъ, достигнутыхъ государствомъ, онъ узнаетъ свой собственный трудъ и гордится ими. Онъ научается вѣрить въ самого себя, полагаться на свой разумъ и свою волю.

Являясь такимъ убѣжденнымъ сторонникомъ мѣстнаго самоуправленія, Токвиль готовъ раздвинуть его рамки до возможныхъ предѣловъ и лучшей формой государственнаго общенія считаетъ федеративное устройство государства. Какъ Монтескьё и Руссо, онъ убѣжденъ, что небольшія государства самой природой созданы для свободы, а въ большихъ, наоборотъ, свободу сохранить трудно. Федерація представляется ему удачной формой соединенія преимуществъ какъ малыхъ, такъ и большихъ государствъ. Въ торжествѣ федеративнаго принципа онъ видитъ одну изъ самыхъ прочныхъ гарантій существованія свободы въ Америкѣ.

Правильная организація судовъ обезпечиваетъ законность. Свобода въ государствѣ можетъ быть обезпечена только при господствѣ законности. Громадная заслуга суда состоитъ въ томъ, что онъ обезпечиваетъ повиновеніе законамъ путемъ моральнаго, а не матеріальнаго принужденія и замѣняетъ принципъ силы принципомъ права. Но эту пользу судъ можетъ принести только тогда, когда обладаетъ достаточной силой и независимостью. Независимость суда достигается несмѣняемостью его членовъ или замѣщеніемъ судебныхъ мѣстъ путемъ народнаго выбора, на извѣстный срокъ. Суду должно принадлежать право объявлять законы неконституціонными. Подсудными суду должны быть не

только частныя, но и всѣ должностныя лица. Именно такая система принята въ Соединенныхъ Штатахъ, благодаря чему судебные приговоры являются тамъ прекраснымъ противовѣсомъ тираническимъ тенденціямъ законодательной власти. Найдется очень немного законовъ, которые въ теченіе значительнаго промежутка времени не были бы затронуты судебными рѣшеніями. Разъ что судьи откажутся принять какой-нибудь законъ, онъ скоро потеряетъ значеніе, и законодательная власть принуждена будетъ его отмѣнить. Право суда объявлять законы неконституціонными можетъ показаться, съ перваго взгляда, опаснымъ для государства. На самомъ дѣлѣ оно было бы опасно только въ томъ случаѣ, еслибы судьи прямо могли посягать на законодательство вообще. Между тѣмъ, судебныя рѣшенія постановляются всегда относительно даннаго, частнаго случая, а не относительно общихъ принциповъ. Законъ затрогивается случайно и теряетъ свою силу постепенно, подъ цѣлымъ рядомъ ударовъ, наносимыхъ ему судами. Въ силу этого судъ рѣдко даже можетъ увлечься партійными интересами. Онъ вовлекается въ область политики какъ бы противъ воли. Онъ судитъ законъ, потому что разбираетъ процессъ и не можетъ уклониться отъ постановленія приговора, такъ какъ это было бы отказомъ въ правосудіи. Такое тѣсное соединеніе обязанности съ правомъ дѣлаетъ его болѣе безпристрастнымъ.

Право суда объявлять законы неконституціонными предохраняетъ гражданъ отъ тиранніи законодательныхъ учрежденій. Отъ произвола исполнительной власти ихъ обезпечиваетъ подсудность должностныхъ лицъ обыкновеннымъ судамъ. Современные юристы, говоритъ Токвиль, находятъ нужнымъ наряду съ обыкновенной юстиціей существованіе особой административной юстиціи; ей должны подлежать всѣ процессы, гдѣ государство является заинтересованной стороной. Въ защиту такого взгляда приводятъ принципъ раздѣленія властей. На самомъ дѣлѣ существованіемъ административной юстиціи вовсе не достигается раздѣленіе властей. Суды, правда, больше не вторгаются въ область администраціи, за то администрація дѣйствуетъ въ области суда. Произволъ администраціи часто остается безнаказаннымъ и получаетъ, вдобавокъ, внѣшній видъ законности. При свободномъ образѣ правленія въ государствѣ административная юстиція является nonsens'омъ. При ея существованіи гражданинъ для защиты отъ произвола частныхъ лицъ обращается въ обыкновенные суды, къ несмѣняемымъ судьямъ — а для защиты противъ администраціи онъ долженъ обращаться къ судьямъ, пред-

ставляющимъ эту же самую администрацію. Когда его противникъ слабъ, и нечего опасаться пристрастія судей, то въ его распоряженіи независимый судъ. Наоборотъ, когда его противникъ—администрація—силенъ, онъ долженъ прибѣгать къ зависимому суду, гдѣ можно быть почти увѣреннымъ въ пристрастіи судей. При существованіи свободнаго образа правленія необходимо, поэтому, предоставить каждому гражданину право обвинять должностныхъ лицъ предъ обыкновенными судами, а судамъ—право ихъ наказывать. Только такимъ способомъ можно обезпечить свободу гражданъ отъ произвола администраціи. Напрасно думаютъ, что отвѣтственность должностныхъ лицъ предъ обыкновенными судами ослабляетъ авторитетъ государственной власти. Наоборотъ, она только увеличиваетъ его, такъ какъ должностныя лица будутъ стараться избѣгнуть привлеченія къ суду и, слѣдовательно, дѣйствовать строго законнымъ путемъ.

Кромѣ независимости суда громадную пользу для торжества въ государствѣ свободы приноситъ существованіе суда присяжныхъ. Судъ присяжныхъ всегда является, по духу, республиканскимъ учрежденіемъ, такъ какъ передаетъ въ руки народа дѣйствительное руководство обществомъ. По этой-то причинѣ абсолютные монархи обыкновенно стремятся уничтожить или по крайней мѣрѣ ослабить его. Судъ присяжныхъ—такой же логическій выводъ изъ принципа народнаго суверенитета, какъ всеобщее избирательное право. Присяжные представляютъ собою часть народа, обязанную обезпечивать исполненіе законовъ, точно такъ же, какъ палаты представляютъ часть народа, обязанную ихъ издавать. Но серьезное значеніе судъ присяжныхъ можетъ имѣть только тогда, когда онъ, кромѣ уголовнаго судопроизводства, распространенъ и на гражданское. Только тогда онъ проникаетъ въ жизненныя привычки и сливается, такъ сказать, съ самой идеей правосудія. Онъ распространяетъ во всѣхъ классахъ любовь къ законности, уваженіе къ суду и къ идеѣ права. Онъ пріучаетъ гражданъ къ отвѣтственности за свои поступки и внушаетъ имъ сознаніе долга по отношенію къ обществу. Наконецъ, онъ является какъ бы безплатной школой, гдѣ народъ знакомится съ своими правами, изучаетъ законы страны, получаетъ по тому или другому поводу объясненія отъ болѣе свѣдущихъ лицъ—постоянныхъ судей. „Не знаю,—восклицаетъ Токвиль—полезенъ ли судъ присяжныхъ для тѣхъ, кого судятъ, но онъ очень полезенъ для тѣхъ, которые судятъ. Я вижу въ немъ лучшее средство воспитанія народа".

Свобода печати, и при томъ самая неограниченная — одно

изъ необходимыхъ условій существованія свободнаго государства. Конечно, неограниченная свобода легко можетъ перейти въ произволъ. Но можно ли установить для печати положеніе, среднее между абсолютной свободой и полнымъ порабощеніемъ? Предположимъ, что правительство, возмущаясь злоупотребленіемъ печатнымъ словомъ, хочетъ подчинить его извѣстному порядку. Съ этой цѣлью преступленія печати сначала подчиняютъ суду присяжныхъ. Но присяжные выносятъ оправдательные приговоры— и то, что составляло прежде мнѣніе одного человѣка, распространяется по всему государству. Тогда преступленія печати подчиняютъ короннымъ судамъ. Но суды, прежде чѣмъ наказать писателя, должны его выслушать — и мысли, за которыя онъ привлекается къ отвѣтственности, опять-таки дѣлаются достояніемъ общественнаго мнѣнія. Цѣль, слѣдовательно, всетаки не достигнута. Тогда подчиняютъ печать цензурѣ. Но вѣдь политическая трибуна остается свободной. Слова, сказанныя съ нея какимъ-нибудь извѣстнымъ ораторомъ, сейчасъ же распространяются въ обществѣ и часто имѣютъ большее значеніе, чѣмъ тысячи журнальныхъ статей. Остается лишь запретить не только свободно писать, но и свободно говорить. „Тогда — говоритъ Токвиль—вы у цѣли: всѣ молчатъ. Но чего вы достигли? Вы начали съ преслѣдованія злоупотребленій прессы, а оказались подъ властью деспотизма!“.

Въ странѣ, гдѣ народъ участвуетъ въ управленіи, цензура не только опасна, но и безсмысленна. Народный суверенитетъ и свобода печати неразрывно связаны другъ съ другомъ. Разъ за гражданиномъ признаютъ право на участіе въ отправленіи верховной государственной власти, то какъ можно отказать ему въ возможности всесторонне знакомиться съ государственной жизнью и въ правѣ свободно выражать свои мысли? Безъ сомнѣнія, полная свобода печати можетъ приводить къ наглому и грубому произволу, можетъ оказывать на народъ деморализующее вліяніе. Но это неизбѣжно, и съ этимъ зломъ надо примириться, въ виду тѣхъ ни съ чѣмъ несравнимыхъ благъ, которыя она приноситъ. Политическая пресса является главнымъ органомъ общественнаго мнѣнія и требуетъ къ отвѣту государственныхъ дѣятелей. Она содѣйствуетъ организаціи партій, распространяетъ политическую жизнь по всѣмъ уголкамъ государства и является первой по могуществу силой послѣ самого народа. „Чтобы обезопасить личную независимость, — говоритъ Токвиль — я не полагаюсь ни на большія политическія собранія, ни на права парламента, ни на провозглашеніе народнаго суверенитета. Все

это примиряется, въ извѣстной мѣрѣ, съ рабствомъ личности. Но это рабство не можетъ быть полнымъ, если пресса свободна. Пресса—по преимуществу демократическое орудіе свободы!“

Признавая за человѣкомъ свободу распоряжаться самимъ собой, естественно признать за нимъ право соединять свои силы съ силами ему подобныхъ и дѣйствовать сообща. „Право вступать въ ассоціаціи—говоритъ Токвиль—кажется мнѣ столь же неотчуждаемымъ отъ природы человѣка, какъ и индивидуальная свобода. Законодательство не можетъ уничтожить этого права, не подкапываясь подъ самое общество“. Но ассоціаціи могутъ и не пользоваться такой неограниченной свободой, какъ политическая пресса. Свобода ассоціацій менѣе нужна и болѣе опасна, чѣмъ свобода печати. На нѣкоторые народы она оказываетъ только благотворное вліяніе, но у другихъ она вырождается и является средствомъ прямо разрушительнымъ. Если народъ не привыкъ пользоваться свободой, то на ассоціаціи онъ смотритъ какъ на высшее средство для борьбы съ правительствомъ.

Ихъ организуютъ тогда по военному образцу, устраиваютъ строгую централизацію и требуютъ безпрекословнаго повиновенія всѣхъ членовъ ассоціаціи ея выбраннымъ главамъ. Для достиженія цѣлей ассоціаціи часто примѣняютъ даже незаконныя средства. Результатомъ этого является то, что ассоціаціи теряютъ свой моральный авторитетъ и если и не ввергаютъ народъ въ анархію, то ежеминутно угрожаютъ ею. Поэтому народу иногда прямо необходимо заключить свободу ассоціацій въ извѣстные предѣлы. Во всякомъ случаѣ, какой бы характеръ ни принимала свобода ассоціацій, она всегда имѣетъ одно преимущество: она дѣлаетъ невозможнымъ существованіе тайныхъ обществъ. Самая важная ея заслуга—въ томъ, что она представляетъ противовѣсъ тиранническимъ наклонностямъ демократіи. Въ демократическомъ государствѣ, разъ одна партія занимаетъ господствующее положеніе, все государственное могущество оказывается въ ея рукахъ. Ея приверженцы занимаютъ всѣ должности и распоряжаются всѣми матеріальными средствами государства. Поэтому, чтобы господствующая партія не могла поработить всѣ остальныя, въ высшей степени необходимо, чтобы меньшинство противопоставляло моральную силу ассоціацій давящей матеріальной силѣ большинства. Демократизація общества разбиваетъ старыя корпоративныя связи и дѣлаетъ личность безсильной предъ всемогущимъ государствомъ. Ассоціаціи, соединяя индивидуально-слабыхъ людей, создаютъ коллективныя существа, достаточно сильныя для борьбы съ гнетомъ.

Наконецъ, громадное значеніе для сохраненія свободы въ государствѣ имѣетъ христіанская религія. Великая французская революція отличалась антирелигіознымъ характеромъ. Это сочетаніе было случайно; тѣмъ не менѣе сохранилось убѣжденіе, что демократія принципіально враждебна религіи. Токвиля какъ собственные религіозные взгляды, такъ и наблюденія, вынесенныя изъ Соединенныхъ Штатовъ, приводятъ, наоборотъ, къ заключенію, что свобода и религія не только не противорѣчатъ другъ другу, а даже оказываютъ одна другой помощь и поддержку. Религія видитъ въ свободѣ благородное упражненіе способностей человѣка. Свобода видитъ въ религіи свою постоянную спутницу, колыбель своего дѣтства, божественный источникъ своихъ правъ. Религія обезпечиваетъ чистоту нравовъ и святость семейнаго очага, избавляетъ человѣческую душу отъ сомнѣнія, столь вреднаго для свободы, борется съ страстью къ матеріальной наживѣ и эгоизмомъ, внушаетъ человѣку любовь къ ближнимъ и налагаетъ на него соотвѣтственныя обязанности. Христіанство вообще не враждебно демократіи. Наиболѣе демократическимъ и республиканскимъ христіанскимъ исповѣданіемъ является, конечно, протестантизмъ. Освобожденные отъ авторитета папы, протестанты не подчиняются никакой другой религіозной супрематіи. Но и католицизмъ, въ принципѣ, не противорѣчитъ демократіи. Онъ вполнѣ солидаренъ съ тѣмъ равенствомъ положеній, на которомъ зиждется демократія. У католиковъ религіозное общество состоитъ только изъ двухъ элементовъ: священства и народа. Священникъ возвышается надъ вѣрующими, но ниже его—всѣ равны. „Католицизмъ сливаетъ всѣ классы общества у подножія одного и того же алтаря, какъ они слиты предъ очами Господа".

Но имѣть большое вліяніе на общество религія можетъ только тогда, когда она вполнѣ свободна, когда за каждымъ признана не только полная свобода совѣсти, но и свобода богослуженія. Кромѣ того, для религіи всегда очень опасенъ тѣсный союзъ съ государствомъ. Она, правда, этимъ какъ будто усиливаетъ свое могущество: помимо вѣры, она опирается на страхъ—но она тѣмъ самымъ приноситъ будущее въ жертву настоящему, ослабляетъ свой моральный авторитетъ, теряетъ характеръ универсальности. Вступая въ союзъ съ правительствомъ и опираясь на житейскіе интересы, она становится такъ же хрупка, какъ и правительства, и революціи, низвергающія правительства, наносятъ и религіи непоправимые удары. Вотъ почему для демократіи необходимо полное отдѣленіе церкви отъ государства.

Итакъ, вотъ главныя условія сохраненія свободы въ демократическомъ государствѣ: правильная организація центральныхъ органовъ власти, широкая децентрализація и развитіе мѣстнаго самоуправленія, независимость и сила судовъ, широкое примѣненіе суда присяжныхъ, неограниченная свобода печати, широкое пользованіе правомъ ассоціаціи, свобода религіи и отдѣленіе церкви отъ государства. Только при помощи всѣхъ этихъ средствъ общество въ силахъ бороться съ вредными инстинктами, развиваемыми демократическимъ общественнымъ строемъ, и обезпечить существованіе свободы. Только въ такомъ случаѣ и сможетъ осуществиться въ будущемъ тотъ идеалъ истинной, свободной демократіи, который описываетъ Токвиль въ предисловіи къ своему главному сочиненію. „Я представляю себѣ общество,—говоритъ онъ—гдѣ всѣ, смотря на законъ какъ на собственное произведеніе, любятъ его и охотно ему подчиняются, гдѣ власть правительства уважается, какъ необходимая, гдѣ любовь, которую народъ питаетъ къ главѣ государства, является не страстью, а разумнымъ и спокойнымъ чувствомъ. Всякій пользуется своими правами и увѣренъ въ сохраненіи ихъ. Между всѣми классами общества устанавливаются прочное довѣріе и нѣкотораго рода взаимная снисходительность, одинаково чуждая и гордости, и низости. Сознавая свои истинные интересы, народъ понимаетъ, что для пользованія благами, доставляемыми обществомъ, необходимо подчиняться налагаемымъ съ его стороны обязанностямъ. Свободная ассоціація гражданъ можетъ тогда замѣнить индивидуальное могущество знати, и государство будетъ предохранено отъ тиранніи произвола. Я понимаю, что въ организованномъ такимъ образомъ демократическомъ государствѣ общество не будетъ неподвижно. Но движенія соціальнаго организма могутъ быть правильны и прогрессивны. Если здѣсь будетъ меньше блеска, чѣмъ въ аристократіи, то будетъ и меньше несчастій. Разница въ состояніяхъ не будетъ отличаться такими крайностями, но благосостояніе станетъ болѣе общимъ. Научные успѣхи будутъ менѣе велики, но невѣжество—болѣе рѣдко, чувства—менѣе энергичны, но обычаи—болѣе спокойны...

VI.

Таковы совѣты и указанія, которые даетъ Токвиль современному обществу. Его книга о демократіи имѣла шумный успѣхъ. Престарѣлый вождь либерализма, Ройе-Колларъ, про-

читавъ ее, воскликнулъ: „Со времени Монтескьё не появлялось ничего подобнаго!“ И дѣйствительно, Токвиль обнаружилъ въ ней во всемъ блескѣ свой замѣчательный политическій умъ, удивительную наблюдательность и прозорливость, рѣдкую способность психологическаго анализа. Чрезвычайно ярко онъ изобразилъ характерныя черты современнаго ему буржуазнаго общества, его политическій индифферентизмъ, культъ золотого тельца, непрочность существованія свободы во Франціи, не смотря на видимое торжество парламентаризма. Лучше, чѣмъ кто-либо другой изъ современныхъ ему писателей, онъ съумѣлъ разобраться въ вопросѣ о дѣйствительныхъ гарантіяхъ свободы и показать, что обезпеченіе свободы коренится не въ той или иной конституціи, а во всемъ укладѣ государственной и общественной жизни. Въ эпоху, когда наиболѣе искренніе либералы считали необходимымъ условіемъ правильной организаціи государства строжайшую централизацію власти, а въ административной юстиціи видѣли осуществленіе принципа раздѣленія властей, Токвиль блестяще доказалъ, что безъ широкаго мѣстнаго самоуправленія и независимости суда дѣло демократіи всегда будетъ непрочно. И тѣмъ не менѣе проповѣдь Токвиля не привела къ цѣли. Его книгами восторгались, отдавали должное таланту автора. Но его сочиненія не создали школы послѣдователей, не сплотили вокругъ него политической партіи. И либералы, и демократы остались глухи къ его призыву. Либерализмъ былъ слишкомъ тѣсно связанъ съ крупной буржуазіей, чтобы добровольно пойти навстрѣчу демократіи и отказаться отъ привилегированнаго положенія. Демократовъ ученіе Токвиля не могло затронуть потому, что онъ совсѣмъ обходилъ основной вопросъ, дѣлившій французское общество на два враждебныхъ лагеря—вопросъ соціальный. Экономическіе и соціальные вопросы вообще были слабымъ мѣстомъ въ міросозерцаніи Токвиля; въ его отношеніи къ нимъ надо искать главной причины безплодности его ученія. Особенно ярко это обнаруживается въ его взглядѣ на соціализмъ.

Въ то время, когда создавалась „Демократія въ Америкѣ“, соціализмъ еще не успѣлъ привлечь вниманіе французскаго общества и не выходилъ изъ стадіи чистаго утопизма. Поэтому въ главномъ своемъ сочиненіи Токвиль просто игнорируетъ его. Но и позже, когда вліяніе соціализма стало чувствоваться сильнѣе и Токвиль, въ своей знаменитой февральской рѣчи 1848-го года, предсказывалъ близкую революцію, онъ видѣлъ въ современномъ ему соціализмѣ только печальное заблужденіе части демократовъ. Научный соціализмъ второй половины XIX в., отказавшійся отъ

построенія утопій и пытающійся обосновать свое ученіе, какъ логическій выводъ изъ принциповъ свободы и равенства, въ то время еще не существовалъ, а авторитарныя построенія утопистовъ были не менѣе противоположны натурѣ Токвиля, чѣмъ военный деспотизмъ. Токвиль не изучалъ спеціально политическую экономію и мало интересовался экономическими вопросами, убѣжденный, что только въ самое послѣднее время экономическій факторъ сталъ играть большую роль въ жизни, вслѣдствіе развитія въ демократическихъ народахъ страсти къ матеріальному благосостоянію. Онъ жилъ и писалъ въ эпоху фритредерства, когда свобода торговли и промышленности добилась торжества въ Англіи, и, какъ всѣ либералы по обѣ стороны Ламанша, видѣлъ въ ней необходимое условіе прогресса. Соціализмъ, въ лицѣ своихъ главныхъ представителей, хотѣлъ, между тѣмъ, передать въ руки государства организацію экономическихъ отношеній. „Это недовѣріе къ свободѣ, къ человѣческому разуму глубоко задѣвало Токвиля. Онъ всю жизнь посвятилъ отстаиванію правъ личности по отношенію къ государству, самую свободу прежде всего понималъ, какъ протестъ противъ государственной опеки—а соціализмъ предлагалъ поставить подъ надзоръ государства повседневную жизнь человѣка. Соціализмъ исходилъ изъ несправедливаго распредѣленія матеріальныхъ благъ и обращалъ свое вниманіе только на экономическія отношенія. Рисуя идеалъ справедливаго распредѣленія продуктовъ труда, онъ взывалъ, такимъ образомъ, къ „матеріальнымъ страстямъ“ человѣка и поощрялъ въ немъ стремленіе къ матеріальному благосостоянію, опасное, по мнѣнію Токвиля, для свободы. Наконецъ, характерной чертой соціализма являлась война съ принципомъ собственности. Какъ ни различались другъ отъ друга соціальныя утопіи, онѣ сходились въ одномъ—въ нападкахъ на право собственности. Частная же собственность, по мнѣнію Токвиля—одинъ изъ основныхъ устоевъ современнаго общества.

Февральская революція поставила соціальный вопросъ на очередь дня и придала особенную силу аргументамъ соціалистовъ противъ капиталистическаго строя. Соціалисты требовали осуществленія „организаціи труда“; демократы включали въ свою программу коренныя соціальныя преобразованія. И Токвиль, либералъ и демократъ по убѣжденію, недавно еще громившій въ своихъ рѣчахъ буржуазію, оказывается выкинутымъ на мель, послѣ нѣкоторыхъ колебаній примыкаетъ къ консервативному лагерю и беретъ подъ свою защиту существующій общественный строй. Когда вопросъ о признаніи, въ числѣ индивидуаль-

ныхъ правъ человѣка, права на трудъ вызываетъ въ національномъ собраніи 1848-го года страстные дебаты, Токвиль, бывшій въ числѣ членовъ этого собранія, присоединяетъ свой голосъ къ голосамъ противниковъ соціализма. Онъ повторяетъ обычные аргументы консервативной партіи противъ соціальныхъ реформъ. Защищая право собственности отъ нападокъ соціалистовъ, онъ признаетъ, что на государствѣ лежитъ обязанность облегчить участь низшихъ классовъ, но не считаетъ возможнымъ идти въ этомъ направленіи дальше организаціи благотворительности. Признаніе права на трудъ, по его мнѣнію, въ концѣ концовъ неизбѣжно приведетъ къ коммунизму и къ полному подавленію личной свободы. Соціалисты утверждаютъ, что соціализмъ—логическій выводъ изъ принциповъ демократіи. Токвиль не можетъ съ этимъ согласиться. Это не только вещи различныя, но и противоположныя. „Демократія и соціализмъ—восклицаетъ онъ—сходятся только въ одномъ словѣ: въ равенствѣ. Но замѣтьте разницу: демократія хочетъ равенства въ свободѣ, а соціализмъ—въ стѣсненіи и рабствѣ!" Такимъ образомъ возраженія Токвиля противъ соціалистовъ покоятся на той же основѣ, какъ и вся его дѣятельность, — на стремленіи отстоять свободу личности, какъ главную цѣль государства.

Нельзя сказать, однако, чтобы Токвиль вовсе не интересовался соціальными вопросами; въ его сочиненіяхъ можно найти страницы, доказывающія, что онъ обращалъ вниманіе на антагонизмъ между капиталомъ и трудомъ и на тяжелое положеніе рабочаго пролетаріата. Мало того: Токвиль оказывается вовсе не такимъ убѣжденнымъ борцомъ за право собственности, какъ это можно было бы думать на основаніи его рѣчи 1848 г. Право собственности — послѣдняя изъ привилегій, противорѣчащихъ принципу полнаго равенства. И въ глубинѣ души Токвиль долженъ признаться, что демократизація общества можетъ привести къ уничтоженію и этой привилегіи. „Когда я изучаю древнее состояніе міра — пишетъ онъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" — и тщательно разсматриваю его современное положеніе, когда я принимаю во вниманіе то поразительное разнообразіе, которое замѣчается не только въ законахъ, но и въ ихъ принципахъ, и тѣ различныя формы, которыя приняло и сохранило право собственности на землю,—я склоняюсь къ мысли, что такъ называемыя необходимыя установленія — чаще всего только установленія, къ которымъ люди привыкли, и въ дѣлѣ соціальнаго устройства область возможнаго гораздо шире, чѣмъ могутъ себѣ вообразить люди, живущіе въ любомъ обществѣ". „Признаюсь вамъ,—

пишетъ онъ въ то же время въ одномъ частномъ письмѣ,—что я часто нахожу нашъ старый міръ достаточно истрепаннымъ. Этотъ большой и почтенный механизмъ портится съ каждымъ днемъ. И хотя я не представляю себѣ, что можетъ произойти, моя вѣра въ продолжительность того, что существуетъ, колеблется". Указавъ, затѣмъ, на цѣлый рядъ перемѣнъ соціальнаго строя, которыя пережило человѣчество, онъ заключаетъ: „Кто можетъ утверждать, что данная форма общества необходима, и что никакая другая не можетъ существовать? Но обязанность честныхъ людей, тѣмъ не менѣе, защищать ту единственную форму, которую они понимаютъ, и даже позволить себя убить за нее, въ ожиданіи, пока имъ покажутъ лучшую форму!"

Оба эти свидѣтельства относятся къ 1850-му году. Слѣдовательно, февральская революція не осталась безъ вліянія на міросозерцаніе Токвиля. Она привела его къ смутному сознанію, что политическая система, имъ построенная, не можетъ вполнѣ разрѣшить всѣ жгучіе современные вопросы. Становясь втупикъ предъ соціальнымъ вопросомъ, смутно понимая, что борьба между капиталомъ и трудомъ—нѣчто гораздо болѣе сложное, чѣмъ всѣ тѣ „пороки", которые онъ выводилъ изъ стремленія народовъ къ равенству, онъ оправдываетъ свою защиту интересовъ капитала тѣмъ, что современная форма общественности—единственная, которая доступна его уму, и признается, тѣмъ самымъ, въ безсиліи своей либеральной доктрины для разрѣшенія кризиса. И затрудненіе, въ которое онъ попадаетъ при этомъ и которое заставляетъ его очутиться въ лагерѣ консерваторовъ, въ высшей степени типично для всей либеральной школы. Оно необходимо вытекаетъ изъ сущности міросозерцанія Токвиля. Полный идеалистической вѣры въ благородство человѣческой души, смотря съ аристократической высоты на нужды и стремленія низшихъ классовъ общества, которыхъ онъ никогда близко не наблюдалъ и которыми въ сущности мало интересовался, онъ убѣжденъ, что развитіе страсти къ наживѣ есть только характерный признакъ современнаго ему общества и что старые порядки представляли собой многовѣковое состояніе устойчиваго равновѣсія, при которомъ матеріальныя страсти не играли роли движущихъ факторовъ въ исторіи человѣчества. Въ стремленіи къ матеріальному благосостоянію онъ видитъ не продуктъ законнаго инстинкта самосохраненія, а вредную наклонность, убивающую въ человѣкѣ любовь къ ближнему. Вѣрующій христіанинъ, онъ смотритъ на матеріальныя страсти человѣка съ точки зрѣнія моралиста и отъ души желаетъ воспитательнаго вліянія религіи на народныя

стремленія, чтобы приподнять ихъ надъ будничной повседневностью. Въ конечномъ счетѣ и для него, безъ сомнѣнія, цѣлью общежитія является благо входящихъ въ его составъ личностей; но единственнымъ средствомъ для достиженія этой цѣли, панацеей отъ всѣхъ общественныхъ бѣдствій можетъ быть, по его мнѣнію, сама свобода, и это единственное средство мало-по-малу становится главнымъ предметомъ его стремленій. Кто теперь не согласится, что не въ сочиненіи болѣе или менѣе идеальной конституціи, а именно въ широкомъ развитіи самоуправленія, въ независимости суда, въ свободѣ печати и ассоціацій коренятся главныя условія существованія политической свободы? Но сама по себѣ свобода не можетъ быть цѣлью демократическаго государства. Его цѣль—народное благо; во имя народнаго блага народъ потребуетъ отъ демократическаго правительства не одной отрицательной политики невмѣшательства въ индивидуальную жизнь человѣка, а соціальныхъ преобразованій, направленныхъ на улучшеніе участи нуждающихся.

Въ Токвилѣ, какъ и въ большинствѣ представителей либеральной школы, сказывается, въ данномъ случаѣ, одинъ изъ ея основныхъ недостатковъ—чрезмѣрное преувеличеніе значенія политическаго фактора въ общественной жизни. Духовный отецъ либерализма, Монтескьё, видитъ въ каждой формѣ правленія своего рода самобытный организмъ, оказывающійся могущественнѣйшимъ факторомъ общественной жизни. Токвиль въ этомъ отношеніи—прямой его послѣдователь. Конечно, онъ вноситъ въ разсужденія Монтескьё много поправокъ; демократія для него уже не только форма правленія, а цѣлый общественный организмъ — но все же она опредѣляетъ соціальныя и экономическія отношенія, а не является производной ихъ величиной. Онъ искренно убѣжденъ, что развитіе промышленности и торговли есть слѣдствіе демократіи, а не ея причина. Политическая свобода—безспорно, необходимое условіе прогресса; но организація взаимоотношеній между органами власти и обществомъ есть только форма, въ которую можно вложить самое различное содержаніе, въ зависимости отъ того, въ руки какого общественнаго элемента попадетъ обладаніе ею. И Токвиль самъ чувствуетъ, что онъ со своимъ идеаломъ далекъ отъ народныхъ стремленій. Онъ боится допустить къ власти невѣжественную толпу, не понимающую свободы и не дорожащую ею. Онъ признается, что демократическій общественный строй логически требуетъ признанія всеобщаго избирательнаго права, но не дѣлаетъ попытки примѣнить этотъ логическій выводъ къ современной ему Франціи. Еще въ 1842 г. онъ

оказывается противникомъ пониженія ценза. Въ 1847 г. онъ примыкаетъ къ агитаціи за избирательную реформу, но требуетъ только пониженія ценза. И когда въ 1848 г. революція заставляетъ провозгласить демократическую республику, онъ полонъ грустнаго раздумья о ближайшемъ будущемъ страны. Во время второй республики онъ становится въ ряды консерваторовъ и даже соглашается принять портфель въ одномъ изъ министерствъ Людовика-Наполеона, когда послѣдній еще не вполнѣ обнаружилъ свои цезаристскія стремленія. Дальнѣйшая судьба политической свободы во Франціи оправдала мрачныя предчувствія Токвиля. Демократія не пошла по пути, который онъ ей указывалъ. Примиреніе либерализма и демократіи оказалось невозможнымъ, и переворотъ 2 декабря 1851 г. вторично водворилъ во Франціи военный деспотизмъ. Народъ, уставшій ждать облегченія своего положенія отъ парламентскаго режима, сталъ искать единаго спасителя и, казалось, нашелъ его въ лицѣ Наполеона III. Понадобился горькій опытъ второй имперіи, чтобы новое поколѣніе либераловъ дополнило доктрину чистаго индивидуализма программой возможныхъ соціальныхъ реформъ, а новое поколѣніе демократовъ съумѣло оцѣнить всѣ блага политической свободы. Франція, въ лицѣ третьей республики, осуществляетъ, наконецъ, ту либеральную демократію, о которой мечталъ Токвиль, но которую не удалось создать его современникамъ.

В. Бутенко.

ГОРОДЪ СЪ КРАСИВЫМИ БАШНЯМИ

«Giovanna», von Sophus Michaëlis.

*Окончаніе *)*

Кондотьеръ лежалъ въ гробу подъ каменными плитами капеллы. Весь Санъ-Джиминьяно перебывалъ подъ траурнымъ балдахиномъ и зажигалъ восковыя свѣчи надъ золотымъ покровомъ гроба. Погребеніе было особенно торжественное, благодаря присутствію пословъ отъ пизанскаго совѣта, отъ миланскихъ Сфорца, отъ флорентинскихъ Медичи. Носилки съ гробомъ были пронесены по цѣлой аллеѣ знаменъ. Колокола гудѣли по всѣмъ городамъ Тосканы. А на ратушахъ была прибита доска съ именемъ Ринальдо дельи Ардингелли, котораго герольды на всѣхъ площадяхъ провозглашали нарушителемъ мира и изгнанникомъ изъ всѣхъ земель, находящихся подъ флагомъ Флоренціи.

Цѣлою волною хлынули почести на гробъ храбраго Леоне деи-Сальвуччи. Но волна пронеслась надъ нимъ, и каменныя плиты надъ нимъ закрылись. Съ его грубаго лица снята была маска; и ему предстояло возстать въ видѣ мраморной фигуры, съ обнаженнымъ мечомъ въ рукѣ.

Дочь его стояла на колѣняхъ передъ плитами, подъ которыми покоилось его тѣло. Она не рѣшалась ступить на только что скрѣпленныя известкой каменныя плиты. На нихъ лежалъ только ея длинный черный вуаль. На алтарѣ горѣло много свѣчей. Онѣ наполняли капеллу горячимъ, душнымъ воздухомъ заупокой-

---

*) См. ноябрь, стр. 258.

ной обѣдни, послѣ которой еще остался запахъ ладана. На мраморныхъ стѣнахъ капеллы словно еще трепеталъ отголосокъ пѣнія и голосовъ, только что отражавшихся отъ всѣхъ стѣнъ церкви.

Джіованна лежала здѣсь уже цѣлые часы, безсильно погрузившись въ свое горе, которое заполняло всю ея душу, распространяя въ ней тяжелую, давящую пустоту. Смерть была для нея еще такъ нова и непонятна. Лежа надъ гробомъ отца, она невольно думала, что, прислушавшись, можетъ услышать снизу его голосъ, услышать, какъ онъ пробуждается отъ сна и стучитъ по каменнымъ плитамъ. Отчего не обопрется онъ на свои сильныя руки, не сломаетъ крышки своей темницы, не сдвинетъ камня? Отчего не сзываетъ онъ своихъ слугъ, какъ дѣлалъ это еще нѣсколько дней тому назадъ? Какъ могла окоченѣть такая сила, и неужели она обречена на вѣчный покой? Вѣдь онъ не исчезъ съ лица земли, не былъ взятъ съ нея, не разсыпался въ ничто. Она видѣла его мертвое лицо, холодное, непреклонное, выражавшее упорство и скалившее зубы на враговъ, словно угрожая имъ. Неужели никогда не исполнятся эти угрозы, неужели непреклонная воля не сломитъ покоя? Развѣ смерть похожа на тысячелѣтнее безчувственное состояніе, которое будетъ нарушено лишь громомъ трубъ въ день страшнаго суда? Она представляла себѣ, что языкъ отца готовъ отвѣчать, мускулы готовы придти въ движеніе. Отчего горючія слезы ея не могли просочиться сквозь камни, чтобы оживить сжатыя судорожно черты лица, разгладить лобъ, раздвинуть плотно стиснутые зубы? „Отецъ, отецъ, неужели ты не чувствуешь, какъ плачетъ твоя дочь? Душа твоя была слишкомъ сильна и горда, чтобы быть любимой больше, чѣмъ одною, слишкомъ дика, чтобы мелкіе, трусливые, косящіеся слуги людей могли понять тебя. Не лежишь ли ты и въ гробу своемъ на посту противъ врага? Не выражаютъ ли и мертвыя черты твои ледяное презрѣніе къ твоему убійцѣ? Не боишься ли ты, что могутъ придти враги твои и торжествовать надъ твоею слабостью въ когтяхъ смерти, и не стиснулъ ли ты зубы, произнося проклятіе, которое еще много столѣтій спустя можно будетъ прочесть на твоемъ изсохшемъ лицѣ? Отецъ, отецъ, что ты теперь чувствуешь? Неужели ты не видишь, что здѣсь твоя дочь, единственная, видѣвшая тебя мягкимъ какъ дитя, терпѣливымъ какъ святой Христофоръ, единственная любившая тебя и живущая для того, чтобы тебя помнить?..“

Джіованна вздохнула такъ, что сама услышала свой вздохъ,

а черный вуаль зашуршалъ вокругъ нея. И въ отвѣтъ раздался другой вздохъ. Свѣчи замигали въ ея глазахъ, когда она его услышала. Не исходилъ ли вздохъ этотъ отъ покойника? Слышалъ ли онъ ее подъ камнями и онъ ли отвѣчалъ на ея вздохъ?

Когда она встала, колѣни ея были холодныя и закоченѣлыя. Собираясь уходить, она увидѣла фигуру, облеченную, какъ и она сама, во все черное и прислоненную къ стѣнѣ. Юноша выпрямился, и по молчаливымъ, почтительнымъ поклонамъ его она узнала Джентиле.

Она не отвѣтила на его поклонъ. Но, проходя мимо, она спросила его тихимъ голосомъ:

— Что вы дѣлаете здѣсь, мессеръ? Покой умершаго обыкновенно берегутъ даже его враги.

— Я мало зналъ его, но я не былъ его врагомъ, мадонна,— отвѣчалъ онъ голосомъ еще болѣе тихимъ, чѣмъ ея собственный. И онъ продолжалъ стоять на прежнемъ мѣстѣ, приложивъ руку къ сердцу.

Она посмотрѣла на его склоненную голову — рѣсницы его дрожали подъ бѣлымъ лбомъ, обрамленнымъ кудрями.

— Но вы пріютили у себя его врага и дали возможность совершить убійство,—сказала она.

— Нѣтъ, мадонна, въ тѣ дни я былъ во Флоренціи, и онъ убилъ также нашу дружбу. Ваше горе—мое горе.

— Я не понимаю васъ, мессеръ. Вѣдь вы не знали покойнаго.

— Ваше горе—мое горе, мадонна,—повторилъ онъ и медленно поднялъ глаза, не поднимая головы. Она никогда не видала такихъ глазъ — такихъ большихъ, чистыхъ, прекрасныхъ, съ влажнымъ взглядомъ, но безъ блеска, благородныхъ безъ гордости, карихъ и отливающихъ золотомъ. Эти глаза обратились на нее робко и съ обожаніемъ, но они не трепетали, они твердо глядѣли въ ея глаза, впивали въ себя ея душу, извлекали воспоминанія изъ ея сердца. Зачѣмъ стояла она здѣсь, для чего она вообще жила на свѣтѣ? Она принуждена была опустить свой взглядъ, чтобы по бѣлому и черному узору каменныхъ плитъ понять, гдѣ она. Она должна была устремить глаза на пламя алтарныхъ свѣчъ, чтобы придти въ себя. Она должна была обернуть свои руки въ черный вуаль, чтобы вспомнить, что она находится въ капеллѣ, гдѣ похороненъ ея отецъ. Она закрыла глаза, и съ трудомъ припоминала событія изъ своей жизни и причину смерти отца. Она подняла глаза, чтобы узнать молодого человѣка, стоявшаго передъ нею и повторявшаго, не спуская съ нея глазъ:

— Ваше горе—мое горе, мадонна.

Она подняла длинный вуаль, свѣшивавшійся внизъ, и обернула еще разъ концы его вокругъ своей головы, усугубляя такимъ образомъ мракъ, отдѣлявшій ее отъ него. Она не рѣшалась взглянуть на него и затрепетала, замѣтивъ, что онъ снова опустилъ глаза. Потомъ она сказала тономъ, мягкость котораго ее поразила, такъ какъ она старалась говорить какъ можно суше:

— Мессеръ, мое горе вы должны предоставить мнѣ одной.

— Развѣ вы боитесь раздѣлить его со мною, мадонна?

— Я ничего не боюсь, мессеръ.

— Не боитесь и того, что отецъ вашъ можетъ насъ услышать?

— Именно, если онъ слышитъ насъ, то мнѣ ничего не страшно.

— Но вы боитесь его самого. Онъ вложилъ цѣломудріе въ ваше сердце.

— Вы заблуждаетесь, мессеръ. Онъ научилъ меня, что такое свобода. Онъ научилъ меня ничего не бояться.

— Кромѣ одного, мадонна.

— Чего?

— Вашей собственной крови!

Они могли слышать, какъ чуть-чуть жужжали свѣчи на алтарѣ. Джіованна чувствовала, какъ кровь стучитъ въ ея вискахъ, и ей казалось, что поютъ и стучатъ полъ и стѣны.

— Есть страхъ, который сильнѣе всякаго другого, мадонна: боязнь послѣдовать за движеніемъ своего сердца. На что храбрость и блестящее оружіе, гордая походка и вызовъ цѣлому міру, если сердце спрятано, какъ связанный узникъ, и грызетъ свои цѣпи?

— И вы думаете, что сердце мое страдаетъ отъ цѣпей, которыя наложилъ на меня отецъ?

— Да, мадонна,—сказалъ онъ и увѣренно взглянулъ на нее.

Джіованна положила обѣ руки на свою волнующуюся грудь.

— Отчего вы не можете разбудить моего отца отъ мертваго сна и услышать отвѣтъ *отъ него*? Сорвите же камень съ его только-что замурованной могилы и глумитесь надъ нимъ безумно-дерзкими словами. Но, говорю вамъ, для меня онъ живъ. Я бросаю вамъ обратно ваше обвиненіе въ трусости. Сердце мое рѣшится совершить все, чего я захочу. Пусть *онъ* будетъ моимъ свидѣтелемъ. Но пусть онъ будетъ и вашимъ.

Джентиле приблизилъ свое лицо къ ея лицу, смертельно блѣд-

ному за своими многочисленными черными покрывалами. Онъ, улыбаясь, покачалъ головою и схватилъ ея руку, затянутую въ перчатку.

— Есть ли въ вашемъ сердцѣ столько мужества, какъ въ моемъ, Джіованна?

— Испытайте его!—возразила она.

— Боитесь ли вы темноты, мадонна?—спросилъ онъ и взглянулъ на свѣчи. Она покачала головой.

— Посмотримъ!—сказалъ онъ и легкими, мягкими шагами подбѣжалъ къ алтарю и началъ задувать свѣчи. Огоньки потухали не сразу. Онъ снялъ шапку и началъ ударять по нимъ плашмя, словно убивая одну за другою большихъ золотыхъ мухъ. Капелла погрузилась во мракъ, какъ будто на дворѣ наступилъ вечеръ. На черной стѣнѣ вдругъ выросло длинное, узкое окно, откуда лился темно-зеленый свѣтъ, словно исходящій изъ водной глубины и проникающій въ потонувшій корабль. И казалось, что въ эту щель входитъ святая Екатерина, съ ея пальмой и съ ея колесомъ, усаженнымъ остріями.

— Что̀ вы дѣлаете?—прошептала Джіованна.—Вы тушите огни заупокойной обѣдни за душу усопшаго.

— Онъ лучше видитъ насъ такъ,—прошепталъ онъ такъ же тихо.—Такъ онъ лучше увидитъ сіяніе мужества въ вашей груди, мадонна.

Но не мужество свѣтилось въ груди Джіованны. Она дрожала, словно совершила святотатство на могилѣ отца. Она закрыла глаза и замѣтила, что Джентиле тянетъ ее за вуаль.

— Какъ вы смѣете, мессеръ!—прошептала она едва слышно.

— Я смѣю больше, чѣмъ вы, мадонна. Ужъ не боитесь ли вы испытанія? И вы хотите оставаться въ вашемъ панцырѣ горя, въ вашихъ покровахъ могильныхъ мыслей? Это должно исчезнуть прежде чѣмъ мы будемъ въ состояніи говорить съ вами лицомъ къ лицу.

Нѣжно касаясь ея, онъ отстранилъ покрывала съ ея груди и головы. Ея кормилица не могла бы коснуться ея нѣжнѣе. Ласка струилась изъ его осторожныхъ пальцевъ, отъ прикосновенія которыхъ потрескивали волосы на ея вискахъ.

Онъ взялъ также ея руки. Онѣ дрожали въ его рукѣ, и она хотѣла отнять ихъ.

— Не начинается ли страхъ, мадонна?—спросилъ онъ, и она перестала сопротивляться. Онъ стянулъ съ нея перчатки и бросилъ ихъ на каменный полъ вмѣстѣ съ вуалемъ. Даже четки ея упали и звякнули объ полъ. Она наклонилась, чтобы поднять

ихъ, но попала прямо въ объятія Джентиле, стоявшаго передъ ней на колѣняхъ, цѣлуя ея холодныя руки до тѣхъ поръ, пока онѣ не согрѣлись. Она наклонилась еще ниже и волосы его скользнули по ея губамъ, какъ гладкій и сухой шелкъ. Обѣими руками онъ обхватилъ ея тѣло и прижалъ свою голову къ ея сердцу.

— Дайте мнѣ послушать, — прошепталъ онъ, — дайте мнѣ послушать, имѣетъ ли ваше сердце мужество биться.

Да, оно билось. Оно билось, какъ бьетъ крыльями испуганная птичка въ своей маленькой клѣткѣ, порхая, стараясь избѣгнуть наблюденія того, кто изъ-за жердей клѣтки прислушивается къ его біенію. Не смотря на то, что глаза ея были закрыты, она сама замѣтила, какъ колотилось сердце пташки, какъ оно въ слѣпомъ ужасѣ искало спасенія, какъ оно трепетало, то стихая, то снова поднимаясь, раня до крови свои крылья, теряя перья и испытывая смертельное отчаяніе. Джентиле слышалъ его дикое трепетанье, слышалъ, какъ настало въ немъ спокойствіе, какъ оно застучало долгими, дрожащими взмахами крыльевъ: „Да, да, да...“ Обѣ руки ея прижались къ груди, словно она опасалась, что сердце ея можетъ выпасть. Его поцѣлуи струились по ея пальцамъ, какъ теплая кровь. Ему уже больше не нужно было тянуть къ себѣ ея руки. Она сама упала на колѣни и наконецъ, побѣжденная и трепещущая, боясь своего собственнаго счастья, распростерлась надъ могилой своего отца.

— Слышишь ли ты, гордый Леоне деи-Сальвуччи, — прошепталъ Джентиле,—слышишь ли ты, какъ бьется сердце твоей дочери? Никогда сильнѣе не колотилось твое собственное, когда твоя лошадь поднималась на дыбы во время сраженія, и когда ты всаживалъ свое желѣзо въ дрожащее тѣло. Слушай, Леоне, слушай и гордись!

Руки ея обхватили его голову. Она обняла его, словно желая чувствовать его близость руками и видѣть его пальцами— его, такого нѣжнаго, и теплаго, и твердаго, и мягкаго. Она замѣтила, что губы его похожи на влажный плодъ, раскрывающійся при ея прикосновеніи; его рѣсницы касались поверхности ея руки, какъ крылья ночной бабочки.

— Гордый Леоне!—прошепталъ Джентиле.—Благодарю тебя, что ты научилъ твою дочь цѣломудрію.

Обширная церковь была погружена во мракъ, мерцали только огни на алтарѣ, какъ звѣзды въ вѣтряную погоду. Подъ почер-

нѣвшими сводами клубился, какъ облако, дымъ кадильницъ. А голоса священниковъ во время вечерняго служенія колебались словно зовы на помощь, то усиливаясь, то теряясь въ пространствѣ, между тѣмъ какъ отвѣты склонившихся на полу фигуръ звучали какъ ропотъ, несущійся изъ открытыхъ могилъ, какъ волны глухихъ вздоховъ.

Джіованна такъ спѣшила, что не успѣла даже опуститься на колѣни передъ алтаремъ и забыла зачерпнуть святой воды у главнаго входа.

Джентиле слѣдовалъ за нею. Они остановились на соборной площади и дышали такъ же свободно, какъ стройныя башни, крѣпкія и темныя, поднимавшіяся въ свѣтломъ, ясномъ весеннемъ воздухѣ. Небо было розовое, словно осыпанное миндальнымъ цвѣтомъ.

Большія собаки кондотьера вышли имъ на встрѣчу и сейчасъ же, потягивая носомъ и виляя пушистымъ хвостомъ, отошли отъ Джіованны и подошли къ Джентиле.

— Видишь,—промолвила Джіованна,—и онѣ знаютъ тебя и избираютъ тебя моимъ господиномъ, какъ это сдѣлалъ отецъ мой.

Взглянувъ на него, она нашла, что онъ похожъ на закованныхъ въ латы архангеловъ надъ алтарями: локоны точно такъ же обрамляли его нѣжныя щеки.

— Какъ твой отецъ, Джіованна? Развѣ твой отецъ избралъ меня?

— Да, Джентиле, такъ же, какъ и я сама. Развѣ ты не былъ во Флоренціи въ день его смерти? И развѣ ты не просилъ у него моей руки, какъ просилъ у меня позволенія раздѣлить мое горе?

— Джіованна! — возразилъ онъ и крѣпко схватилъ ее за руку.—Ты, кажется, видишь сны на яву? Когда говорилъ я съ твоимъ отцомъ? Или это было только потому, что ты имѣла мужество дать биться твоему сердцу?

— Джентиле, сердце мое билось потому, что я тебя полюбила. Но развѣ ты осмѣлился бы обнять меня на могилѣ отца безъ уваженія къ нему и къ его крови?

Онъ не отвѣчалъ. Онъ посмотрѣлъ на нее съ безконечной печалью. Взглядъ его сталъ такимъ темнымъ, что отъ него словно тѣни побѣжали по всему лицу его. Онъ выпустилъ ея руку и опустилъ голову, такъ что волосы покрыли его бѣлый лобъ. Онъ опустилъ голову передъ молящимъ страхомъ, который грозилъ въ видѣ слезъ вырваться изъ ея глазъ.

— Вотъ когда приходитъ страхъ, Джіованна! — только и могъ прошептать онъ.

— Нѣтъ, вотъ когда крѣпнетъ мужество!—возразила она.— Считай себя счастливымъ, что нѣтъ въ живыхъ Леоне деи-Сальвуччи. Но ты почувствуешь, что дочь его жива. Прими мой прощальный привѣтъ, Джентиле!

Она пошла черезъ площадь, между тѣмъ какъ Джентиле отступилъ, качая головой и шепча:—Невозможно, невозможно!

Собаки кондотьера продолжали лежать у его ногъ.

Богатый купецъ Никколо Меркатале прискакалъ верхомъ изъ Флоренціи на похороны кондотьера. На другой день онъ навѣстилъ дочь Леоне во дворцѣ Сальвуччи. Когда отворилась дверь въ залу, онъ остановился на порогѣ и спросилъ, не обнажая головы, но кланяясь дамѣ и единственной госпожѣ дома:

— Позвольте мнѣ задать вамъ одинъ вопросъ, мадонна. Вашъ отецъ былъ моимъ другомъ и моимъ гостемъ наканунѣ своей смерти. Я говорилъ съ нимъ о васъ и желалъ бы только знать, успѣлъ ли онъ сообщить вамъ о нашемъ разговорѣ прежде чѣмъ—да накажетъ Богъ его убійцу—прежде чѣмъ совершилось несчастіе, которое лишило васъ самаго любящаго отца, а меня— лучшаго друга?

Джіованна поднялась и пошла ему навстрѣчу.

— Мессеръ, не называя вашего имени, онъ думалъ о васъ въ послѣднія минуты, и уже умирая сообщилъ мнѣ о своемъ послѣднемъ желаніи.

— Благодарю васъ, мадонна. Я позволю себѣ навѣстить васъ въ такое время, когда горе снова позволитъ вамъ думать не только о могилѣ того, кто былъ вамъ дороже всѣхъ на свѣтѣ.

— Не хотите ли войти, мессеръ, и отдохнуть въ домѣ вашего друга?

— Благодарю васъ, мадонна. Мы еще увидимся. А до тѣхъ поръ прошу васъ считать Никколо Меркатале изъ Флоренціи своимъ самымъ близкимъ и самымъ преданнымъ защитникомъ.

Онъ снова поклонился и вышелъ прежде чѣмъ она успѣла замѣтить что бы то ни было, кромѣ морщинъ около широкаго рта и около маленькихъ глазъ, сидѣвшихъ подъ высокими бровями.

Джіованна видѣла передъ собою только одинъ путь, и глаза ея не свернули съ него. Она закрыла свой домъ для Джентиле и не хотѣла идти на могилу отца, не будучи въ состояніи просить прощенія за ея поруганіе.

Спустя недѣлю, Никколо Меркатале снова поѣхалъ въ Санъ-

Джиминьяно съ многочисленной свитой слугъ и коней. Часть ихъ была послана впередъ, чтобы увѣдомить о его прибытіи. Слуги сняли тяжести съ лошадей, внесли ящики и короба въ домъ и, получивъ на то разрѣшеніе, разложили содержимое ихъ на столѣ въ большой залѣ.

Джіованна сидѣла въ своемъ креслѣ, опустивъ кругомъ себя свой черный вуаль. Беритола оправила лежавшіе на землѣ концы его.

Когда явился самъ Никколо Меркатале, слуги отворили ему двери. Онъ поклонился прежде чѣмъ переступилъ порогъ. Слуги сняли съ него вооруженіе и большой дорожный плащъ и удалились. Онъ вошелъ легко и быстро, что однако не помѣшало Джіованнѣ замѣтить его хромоту.

Остановившись передъ нею, онъ снова поклонился и сказалъ:

— Привѣтствую васъ, мадонна. Будете ли вы столь великодушны, чтобы выслушать меня?

Она наклонила голову въ знакъ согласія.

— И не желаете ли вы пригласить свидѣтелей-мужчинъ, которые могли бы подтвердить дѣйствительность нашего разговора?

— Нѣтъ, мессеръ Никколо: послѣ моихъ родителей кормилица моя—единственное существо, пользующееся моимъ довѣріемъ.

— Пусть будетъ по вашему, — продолжалъ онъ, и теперь только снялъ съ головы высокій, твердый войлочный беретъ. Лысая голова его, безъ единаго волоса, заблестѣла передъ Джіованной. Затѣмъ онъ разстегнулъ свой дорогой черный атласный плащъ, затканный легкими черными узорами, сбросилъ его съ плечъ и остался въ одной простой суконной курткѣ, со складками на груди, едва доходившей до колѣнъ, обнаруживая недостатокъ въ строеніи ногъ, когда онъ сдѣлалъ послѣдній шагъ по направленію къ ней. Джіованна съ изумленіемъ глядѣла на всѣ эти торжественныя приготовленія.

И опять Меркатале поклонился, на этотъ разъ такъ низко, что ей было видно его лысину до самаго затылка.

— Мадонна, — сказалъ онъ своимъ яснымъ, но нѣсколько свистящимъ голосомъ, — тотъ шагъ, который я дѣлаю по отношенію къ вамъ, я совершаю съ полною искренностью. Путеводною нитью всѣхъ моихъ дѣйствій была всегда безусловная откровенность. Мои сограждане скорѣе могутъ упрекнуть меня во всякихъ другихъ недостаткахъ и ошибкахъ, но только не въ томъ, что я лгу или прикидываюсь. Я не хочу съ самаго на-

чала скрывать своихъ недостатковъ, а тѣмъ менѣе сталъ бы это дѣлать по отношенію къ вамъ. Во Флоренціи есть такіе прекрасные парикмахеры, что я легко могъ бы скрыть отъ всѣхъ, кромѣ самого себя, отсутствіе волосъ. Но, уважая самого себя, я не стану показываться съ волосами, не выросшими на моей головѣ. Для васъ же прибавлю,—и это вы и сами должны видѣть,—что еслибы у меня въ моемъ возрастѣ сохранились волосы, то они были бы не темными, а сѣдыми. Судьба избавила меня отъ печали видѣть первыя серебряныя пряди въ моихъ волосахъ и не вводила меня въ искушеніе вырывать эти первые признаки нашей бренности, которые смерть заставляетъ расти на нашей головѣ, какъ мягкое напоминаніе о нашемъ долгѣ. Прошу васъ, посмотрите на мое лицо, мадонна. Оно открыто и не прикрашено никакими бѣлилами и румянами. Я знаю, вы найдете, что на немъ больше морщинъ, чѣмъ это допустило бы какое бы то ни было представленіе о красотѣ. Я даже не желаю скрашивать ихъ и увѣрять, что эти борозды проведены мудростью, что каждая изъ нихъ стоила для меня многихъ безсонныхъ ночей и тяжело пріобрѣтеннаго опыта. Складки—всегда признаки изношенности. Мои морщины говорятъ только о ежедневной и неутомимой работѣ за конторкой и надъ счетными книгами. Такъ же обстоитъ дѣло и съ моей ногой. Я снялъ свой плащъ, чтобы поскорѣе показать вамъ, что я открыто признаю свою хромоту. Я могъ бы разсказать вамъ, что она—послѣдствіе раны, полученной на полѣ сраженія, въ походѣ, совершенномъ подъ начальствомъ вашего отца—да благословитъ его св. Марія дель-Фіоре! Правда, я былъ раненъ на войнѣ, но ногу я просто сломалъ на проѣзжей дорогѣ. Какъ видите, я не герой и не желаю слыть таковымъ. Единственное, что я отвергаю, это то, что я хвастунъ. Я старъ; наружность моя непривлекательна. Лучшее мое достоинство—въ томъ, что я это знаю. Теперь прошу васъ сказать, мадонна, могу ли я продолжать. Если вы этого не желаете, то протяните только руку. Тогда я опять надѣну свой плащъ, не выскажу ничего, и уйду безъ всякаго недобраго чувства.

Джіованна сдѣлала знакъ рукою.

— Продолжайте вашу рѣчь, мессеръ Никколо.—Она не смотрѣла на него, но слушала съ опущенными глазами. Легкій румянецъ покрылъ ея щеки подъ чернымъ вуалемъ.

— Въ такомъ случаѣ скажу вамъ, мадонна, что я давно уже выражалъ отцу вашему желаніе имѣть васъ своей женой. И онъ обѣщалъ мнѣ вашу руку, когда она была еще такъ мала,

что едва могла ухватить сосокъ кормившей ее груди. Я долженъ вамъ признаться, что одинъ единственный разъ я испытывалъ недружелюбное чувство къ вашему отцу: когда онъ привлекъ къ себѣ сердце вашей матери. Я отказался отъ претензіи на ея руку, такъ какъ я былъ младшій, и вашъ отецъ обѣщалъ мнѣ, что моимъ будетъ то, что она носитъ подъ сердцемъ, въ томъ случаѣ, если это будетъ дѣвочка. Я ждалъ терпѣливо, чтобы вы выросли, и старался сдѣлаться достойнымъ васъ. По правдѣ сказать, цѣломудріе имѣетъ небольшую цѣнность, если человѣкъ непріятенъ и некрасивъ. Но все-таки я думалъ, мадонна, что глубокое, нѣжное чувство, сохраненное во всей чистотѣ, украшаетъ человѣка, даже если это чувство относится къ ребенку. То, что невинно, слѣдуетъ любить незапятнаннымъ чувствомъ. Именно такъ я думалъ о васъ и работалъ въ тѣ годы, когда вы расли. Я знаю, вы можете сказать, что богатство безъ любви— ничто. Но мое богатство собрано именно изъ любви къ вамъ, а не изъ страсти къ наживѣ; оно выросло такъ же незамѣтно, какъ и вы сами. Подавая милостыню, я всегда давалъ ее отъ имени маленькой дѣвочки, и когда состояніе мое увеличилось, я благословлялъ мысль объ источникѣ всего моего благополучія. Я приказалъ положить на вашъ столъ всѣ владѣтельные титулы, всѣ цѣнныя бумаги и всѣ деньги не изъ хвастовства—ибо ничто не приноситъ человѣку меньше чести, чѣмъ деньги, — а для того, чтобы вы видѣли собственными глазами, какіе доходы принесла мысль о васъ, неотлучно бывшая въ моей душѣ, и чтобы вы поняли, что я буду считать себя достигшимъ цѣли, если все это попадетъ въ ваши руки.

И Никколо Меркатале, прихрамывая, подошелъ къ столу, снялъ покровъ съ золота и драгоцѣнностей, развернулъ большіе пергаментные свитки и открылъ толстые фоліанты счетовъ.

— Прошу васъ, мадонна, для правильной оцѣнки моихъ чистыхъ и непритворныхъ намѣреній, попросить вашего опекуна изслѣдовать все это, чтобы онъ могъ высказать свое мнѣніе о моемъ предложеніи.

Джіованна, стоя около него, снова опустила покровъ и свернула документы.

— Опекунъ мой уже выразилъ свое мнѣніе,—сказала она.

— Какимъ это образомъ?—спросилъ удивленный Меркатале.

— Опекунъ мой стоитъ передо мною,—сказала Джіованна.— Послѣ вашего перваго посѣщенія я просила записать на судѣ ваше имя, какъ имя того, кого я желаю имѣть своимъ покровителемъ.

— Благодарю васъ за такое довѣріе, мадонна. Быть можетъ, вы позволите мнѣ просить васъ о довѣріи еще бо́льшемъ. Простите, если мои желанія покажутся вамъ нескромными. Но я пріѣхалъ просить васъ быть моей женою. Обѣщаніе, данное мнѣ вашимъ отцомъ, связываетъ васъ меньше, чѣмъ шнурокъ этого свитка. Въ качествѣ вашего опекуна, я долженъ подать вамъ слѣдующій совѣтъ: отдайте ваше сердце только тому, къ кому вы можете питать самое глубокое и искреннее довѣріе. Не отдавайте мнѣ вашей руки, если чувствуете, что вмѣстѣ съ нею не можете отдать и сердца. Величайшимъ счастіемъ, какое только можетъ мнѣ доставить жизнь, было бы имѣть отъ васъ сына. Но не такого сына, который носилъ бы на себѣ печать заглушенной и подавленной любви къ другому. Я хочу быть любимымъ вами совершенно свободно, мадонна. Моя некрасивость не сломила моей мужской гордости. Я гордъ до мозга костей. И не смотря на мои зрѣлые годы, я люблю васъ не какъ опекунъ или отецъ, а какъ мужчина.

Джіованна подала ему руку и сказала:

— Никколо Меркатале, кромѣ отца только одинъ человѣкъ говорилъ со мной какъ мужчина. И за этого человѣка я выйду замужъ.

Она хотѣла откинуть свой вуаль. Но Меркатале сказалъ съ улыбкой:

— О, мадонна, носите его, пока не замѣните его другимъ. Не ослѣпляйте меня такъ скоро полнымъ сіяніемъ вашей красоты.

И цѣлуя ей руку, надъ которой онъ долго стоялъ склонившись, Меркатале прошепталъ:

— Хромому человѣку не къ лицу становиться на колѣни. Но я склоняю передъ вами колѣни въ моемъ сердцѣ, мадонна.

Когда Джіованна верхомъ на конѣ въѣзжала во Флоренцію, молодые люди вышли къ ней навстрѣчу съ цвѣтами и кидали цвѣты подъ копыта ея лошади. Она видѣла, что въ воздухѣ развѣвались бѣлыя лиліи, и всѣ наперерывъ старались поцѣловать край ея парчевой одежды. Одинъ Джентиле не склонился передъ нею: онъ искалъ ея взгляда. Но онъ встрѣтилъ холодные глаза, въ которыхъ онъ не прочелъ даже, что она узнаетъ его.

Когда она подъѣхала ко дворцу Меркатале, на нее изъ всѣхъ оконъ посыпались оливковыя вѣтви. Передъ нею, кружась, падали цвѣты, когда мужъ помогалъ ей сойти съ коня. На порогѣ она остановилась, словно ударившись ногою о кроваво-

красную гвоздику, сіявшую среди всей зелени и всѣхъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Она оглянулась на тотъ путь, какимъ пришла сюда—онъ весь словно былъ забрызганъ тѣми же красными брызгами.

— Вы ли, Никколо Меркатале, приказали бросать эти красные цвѣты?—спросила она.

— Нѣтъ,—возразилъ онъ,—мои люди ихъ не бросали.

— Тогда позаботьтесь о томъ, чтобы они были удалены съ порога моего дома, гдѣ только вы имѣете право бросать цвѣты.

Она не вошла въ домъ, пока всѣ красные цвѣты любви не были собраны. И на виду у всѣхъ прекраснѣйшихъ молодыхъ людей Флоренціи она поцѣловала своего стараго, некрасиваго мужа. Онъ затрепеталъ, словно возрождаясь подъ дѣйствіемъ этого поцѣлуя.

А около дома стоялъ Джентиле, скрывая рыданія своего сердца.

Непрошенные цвѣты любви никогда не проникали далѣе порога Джіованны. Ихъ отметали всякій разъ, когда Джіованна выходила изъ дому или возвращалась домой. Воздухъ въ высокихъ залахъ дворца былъ чистъ и прохладенъ, и тамъ она всегда сидѣла. Даже тогда, когда Флоренція посылала сюда потокъ остроумныхъ и распущенныхъ людей, тщеславныхъ и легкомысленныхъ молодыхъ женщинъ, всякое безуміе умѣрялось и обращалось здѣсь въ пристойное изящество. Остроуміе блистало какъ жемчужныя капли фонтана при свѣтѣ сіяющей красоты Джіованны. Распущенность обращалась въ шалость, вожделѣніе—въ обожаніе. Амуръ бралъ дикихъ львовъ за гриву и тащилъ ихъ по каменнымъ плитамъ, такъ что втянутые когти стучали объ полъ.

Когда молодыя флорентинки однѣ посѣщали ее, онѣ ходили по покоямъ Джіованны съ достоинствомъ богинь на древнихъ фризахъ. Свои жемчужныя ожерелья онѣ носили какъ Минерва свою эгиду. Парча стояла вокругъ нихъ словно панцырь, охранявшій ихъ честь. На завитыхъ волосахъ вуаль, легкій, бѣлый, прозрачный, сидѣлъ какъ пушокъ на только что распустившемся цвѣткѣ. Плутишка, притаившійся въ душѣ, былъ скрытъ за перламутровымъ блескомъ глазъ. Длинные, тонкіе пальцы словно на невидимой золотой цѣпи тянули за собою рѣчь. Но вѣтеръ могъ внезапно унести покрывала, золотая цѣпочка могла лопнуть, тугая парча—согнуться. Плутишка вдругъ выскакивалъ изъ смѣющихся глазъ, а утонченныя рѣчи обращались въ безсвязную смѣсь шутокъ и смѣха.

Джіованна смѣялась такъ, какъ будто она была счастливѣе всѣхъ. У нея былъ мужъ, который соединялъ въ себѣ внимательную заботливость отца съ смиреннымъ обожаніемъ любов-

ника. Всякій разъ онъ входилъ къ ней съ такимъ благоговѣніемъ, какъ будто самое помѣщеніе, въ которомъ она находилась, было святыней. Въ осторожной походкѣ Никколо Джіованна узнавала тихую, осторожную поступь отца. Онъ цѣловалъ ея руку, какъ вѣрующій кропитъ себя святою водой, приближаясь къ алтарю. Онъ былъ некрасивъ, но такъ сознавалъ свое безобразіе, что высота его помысла дѣлала его прекраснымъ. Всѣ морщины на лицѣ его были печатью ума, и эти письмена Джіованна съ каждымъ днемъ лучше выучивалась разбирать. Все существо его было преисполнено самопознанія, а не воображенія. Поэтому онъ во многихъ отношеніяхъ былъ для нея лучшимъ мужемъ, чѣмъ были бы самые красивые флорентинскіе юноши, которые не могли пройтись по залѣ или вложить ногу въ стремя безъ желанія понравиться. Она съ удовольствіемъ смотрѣла на голый черепъ Никколо. Она брала его голову въ свои тонкія руки, какъ берутъ большой и рѣдкостный плодъ. Его большія, жилистыя, хорошо холеныя руки нравились ей своею характерностью, своей манерой крѣпко и увѣренно брать всякую вещь—какъ соколъ обхватываетъ шестъ. Къ тому же Меркатале первый открылъ ея молодой, жадной душѣ все богатство культуры и искусствъ, какимъ обладала Флоренція. Онъ былъ неутомимымъ путникомъ въ мірѣ мыслей. Онъ принадлежалъ къ новой академіи Лоренцо Великолѣпнаго, къ блюстителямъ науки, открывавшимъ глубокій-глубокій кладезь мудрости Платона. На устахъ его жили лучшіе стихи Италіи. И онъ посвящалъ ее во все богатое и пламенное искусство, которое рождалось изъ земли какъ сіяющая весна радости и таланта. Церкви наполнялись произведеніями искусства, своды расцвѣтали, стѣны пѣли красками о красотѣ. Меркатале все это показывалъ ей. Во дворцахъ возрождался золотой вѣкъ Сатурна, воскресали древніе боги въ весеннемъ сновидѣніи, настолько живомъ и нѣжномъ, что, казалось, было видно, какъ цвѣты, дрожа отъ холода, выползаютъ изъ своихъ оболочекъ и начинаютъ краснѣть въ чистомъ, живительномъ воздухѣ.

Сама Минерва увѣнчивала себя оливковыми вѣтвями, вплетала въ тонкую ткань своей одежды красивый узоръ Медичисовъ и, полная сознаніемъ своей побѣдоносности, шествовала по свѣжей смарагдово-зеленой травѣ. Первобытная грубая животность человѣческой природы изображается въ видѣ дикаго кентавра. Минерва схватила кентавра за волосы и, притянувъ его къ землѣ, поставила на колѣни. И изъ моря временъ снова вышла Венера, цѣломудренная и нагая, прижавъ руку къ влаж-

нымъ, нѣжнымъ грудямъ, съ бѣлокурыми развѣвающимися волосами, какъ бы защищающими ея священное лоно. Она ѣдетъ въ раковинѣ по морю, дрожащему блестящими зигзагами. Боги вѣтра своимъ дыханіемъ гонятъ легкое судно по волнамъ. Изъ устъ ихъ сыплются розы и укутываютъ прекрасное тѣло благоуханіемъ.

А лавровая роща ждетъ со своими тихими, блестящими листьями, похожими на бронзовую листву вѣнка. Миртъ вырисовываетъ свои острые листья въ вѣчно голубомъ, чистомъ воздухѣ, достойномъ Элизіума. Словно мягкія лампочки въ зеленомъ сумракѣ лѣса, свѣтятся золотыя яблоки въ апельсинныхъ рощахъ. Въ травѣ расцвѣтаютъ цвѣты подъ стройными и смѣло изогнутыми ступнями весны. Голубой барвинокъ вьется по ногамъ богини. Гвоздика завладѣла ея одеждой и утвердилась на облекающей богиню бѣлой ткани. Вѣтви дикой розы, какъ руки, обхватываютъ ея тѣло. На шеѣ ея тяжело виситъ гирлянда изъ полевыхъ цвѣтовъ. На ея бѣлокурыхъ волосахъ побѣдоносно расположились, образуя діадему, бѣлая буквица и небесно-голубой барвинокъ. Легко, какъ кошка, ступаетъ она по миріадамъ луговыхъ цвѣтовъ. Убѣгая отъ объятій зефира, Флора высокомѣрно и цѣломудренно мчится по землѣ въ своемъ прозрачномъ покрывалѣ. Венера идетъ медленно, опуская голову, и лишь безмолвно говоритъ ея поднятая бѣлая рука. Словно ласточка, амуръ съ завязанными глазами пролетаетъ около ея головы и цѣлится изъ своего лука въ трехъ грацій. Невидимый воздухъ струится вокругъ нихъ и охватываетъ ихъ тѣла, такъ что покрывала ихъ развертываются подъ нѣжный ритмъ ихъ движеній. А Меркурій стоитъ въ своемъ пурпуровомъ плащѣ и своимъ герольдовымъ жезломъ сгоняетъ съ вѣчно-голубого неба легкія бѣлыя облачка.

Весна на этотъ разъ раскрыла Джіованнѣ свои объятія. На груди ея она выдыхала всю свою молодую и спокойную жажду счастья. Она пріѣхала во Флоренцію въ то время, когда этотъ городъ сдѣлался по истинѣ резиденціей весны. Вокругъ Джіованны сомкнулся городъ цвѣтовъ. Но всякій вечеръ желанія вырывались изъ города вмѣстѣ съ журчащимъ потокомъ Арно, протекали подъ застроенными мостами, мимо церквей, башенъ, мимо старыхъ, облупившихся стѣнъ и неслись въ чудную долину, гдѣ въ безцвѣтномъ воздухѣ вырисовывались молодые и дрожащіе тополи. Изъ своихъ оконъ она могла слѣдить за теченіемъ рѣки по каменистому руслу и видѣть, какъ струйки воды, поблескивая, перепрыгиваютъ черезъ ступеньку или въ видѣ узла омываютъ какой-нибудь камень.

Въ теплые весенніе вечера, когда солнце опускалось за вершины горъ и вдоль береговъ сверкали только бѣлыя виллы, словно цвѣты изъ пѣны, вся Флоренція гуляла по берегамъ Арно, наслаждаясь мягкимъ, дрожащимъ и золотистымъ воздухомъ, какъ будто озареннымъ далекими церковными свѣчами. Гуляющіе приносили другъ другу цвѣты: нарциссы, гіацинты и лиліи на длинныхъ стебляхъ. Они ходили и вдыхали въ себя красоту изъ самой глубины цвѣтовъ. Когда тѣни въ долинѣ поднимались, готовясь охватить все вокругъ, когда на тяжелыхъ стѣнахъ дворцовъ зажигались факелы, флорентинцы бросали цвѣты со сводчатыхъ мостовъ въ текущую воду, чтобы не брать ихъ домой, и Арно, журча, уносилъ съ собой всѣ цвѣты. Люди взлѣзали на башни и стѣны, чтобы слышать, какъ трещатъ факелы, какъ кипитъ въ нихъ смола. Холодное дыханіе горъ проникало въ улицы. Высоко вздымались надъ свѣтящейся огнями котловиной Флоренціи отвѣсныя колонны Кампаниллы, Баргелло, Палаццо Веккіо и пропадали во тьмѣ ночи. Статуи, казалось, оживали. Бѣлыя мраморныя фигуры словно вели во тьмѣ свои игры. Игра на инструментахъ и пѣніе проникали сквозь переплетъ оконъ и струились съ балконовъ. Въ тѣни стояли люди и жадно упивались звуками. Порою тишина ночи внезапно нарушалась дикимъ шумомъ; улица сотрясалась и гудѣла отъ толпы всадниковъ, скакавшихъ съ шипящими факелами, отъ которыхъ сыпались искры. Проходили шествія масокъ, толпы пѣвцовъ. Лоренцо и друзья его праздновали свой фантастическій карнавалъ, нарядившись поклонниками Вакха или Венеры, или же звѣздною свитою Луны. Они останавливались передъ дворцами, гдѣ жили самыя красивыя дамы Флоренціи, въ честь дамъ раздавалась музыка, въ окна имъ бросали цвѣты, имъ пѣли стихи, привѣтствовали ихъ криками.

Джіованна часто стояла въ своей темной комнатѣ и наблюдала за появленіемъ шествія. Отъ свѣта факеловъ у нея болѣли глаза. Сердце ея стучало, когда музыка останавливалась передъ ея балкономъ. Она отходила къ противоположной стѣнѣ и прислушивалась, стоя въ темнотѣ съ закрытыми глазами. Она вдыхала это поклоненіе, какъ вино изъ большого кубка, который подавала ей ночь. Она не знала никого изъ стоявшихъ на улицѣ. Она не видѣла Джентиле, который молча сидѣлъ на своемъ конѣ, съ горящими глазами, и старался заглушить рыданія своего сердца. Опьяненная пѣніемъ и привѣтствіями, она протягивала руки къ своему супругу, она чувствовала его теп-

лую морщинистую кожу, слышала его высокій, гибкій голосъ и находила любовь на груди его.

Джентиле она любила только въ тѣхъ безмолвныхъ и дремлющихъ глубинахъ, гдѣ похороненная тайна души еще дышитъ въ своемъ гробу. Когда пробуждается сознаніе, тайна эта какъ бы не существуетъ. Жизнь избѣгаетъ ея, какъ свѣтъ бѣжитъ отъ гроба съ покойникомъ, опускаемаго въ землю. „Джентиле“ — звучало въ самыхъ нѣдрахъ ея души — „Джентиле—Джентиле“ — и пальцы ея сгибались, словно лаская теплый и сухой шелкъ его кудрей. Она вбирала въ себя его любовь, какъ воду изъ источника на днѣ своей души. „Джентиле“ — шептала она—и просыпалась, и сама не знала, что къ нему рвется душа ея. Только сердце ея билось, какъ мнимо-умершій бьется о крышку гроба. При утреннемъ свѣтѣ она видѣла около себя старое и морщинистое лицо Меркатале, измятое сномъ. Она будила своего мужа, чтобы жизнь выпрямила мягкія линіи и чтобы въ глазахъ его загорѣлась радость при видѣ ея прекрасной, какъ утро, молодости.

И она подходила къ окну и видѣла, какъ внизу, словно змѣя съ золотой чешуей, извивается на солнцѣ Арно. Голуби, какъ бѣлые хлопья, блестѣли въ прозрачномъ воздухѣ. Весна входила во всѣ ворота Флоренціи съ полными цвѣтовъ корзинами изъ залитыхъ солнцемъ долинъ. Букеты цвѣтовъ, блистая красотой своихъ красокъ, буквально гуляли по улицамъ. Джіованна открыла ставень и чувствовала, что запахъ цвѣтовъ совершенно наполнилъ городъ.

Однажды Джіованна, послѣ долгаго безсознательнаго состоянія, открыла глаза и увидѣла передъ собою Никколо Меркатале, который несъ на рукахъ голову Джентиле.

Она пронзительно крикнула его имя громче, чѣмъ кричала, когда производила на свѣтъ своего ребенка. На крикъ ея отозвался, словно неудержимое эхо, жалобный, тонкій, неистовый плачъ, первый привѣтъ человѣка—жизни. Ребенокъ плакалъ до тѣхъ поръ, пока она не пришла въ себя и не собралась съ духомъ. Когда она открыла глаза, Никколо уже не было, но кормилица склонилась надъ Джіованной.

— Ребенокъ?—прошептала Джіованна.

Беритола не отвѣчала, но закрыла ей глаза поцѣлуемъ.

— Ребенокъ!—прошептала она. Ребенокъ отвѣтилъ уже самъ. Она чувствовала отвѣтъ въ своей крови. Дитя лежало у ея

груди и вытягивало сокровенное изъ ея души, просасывалось глубоко, сквозь упорство и гордость, до самаго источника на днѣ ея сердца.

Она плакала и сквозь слезы глядѣла на маленькое сосущее дитя, словно ей страшно становилось при мысли, что оно будетъ расти и расти, пока не выростетъ больше ея самой. —Джентиле!—прошептала она, и ей казалось, что она видитъ взглядъ Джентиле. Она произвела на свѣтъ глаза Джентиле. Дитя взглянуло на нее тѣмъ же долгимъ, безмолвнымъ взглядомъ, какимъ смотрѣлъ на нее Джентиле, стоя внизу на Піацца ди Тринитà и глядя на свое утраченное счастье взоромъ обнаженной души, взоромъ, полнымъ томленія, обожанія, непримиримой гордости.

Джіованна блаженно задремала, чувствуя, что она словно медленно покидаетъ жизнь, которую высасываетъ изъ нея этотъ маленькій, жадный ротикъ. Она проснулась, почувствовавъ, что мягкія губы касаются ея губъ и чей-то голосъ шепчетъ:

— Благодарю, Джіованна, за моего сына. Благодарю тебя за сына!

Она пробудилась, словно прижигаемая горячимъ желѣзомъ, пробудилась для дѣйствительной жизни. Она вернулась къ жизни и увидѣла благодарные глаза Меркатале.

— Нѣтъ! — сказала она и затрепетала отъ ужаса. — Нѣтъ, Никколо, я не могу тебѣ лгать. Только разъ въ жизни я солгала себѣ самой, но никому другому. И я не солгу тебѣ, хотя бы правда стóила мнѣ жизни.

— Успокойся, Джіованна. Не буди твоего и моего сына. Посмотри, онъ спитъ у твоей груди.

— Это не твой сынъ, Никколо.

Меркатале поцѣловалъ ея лобъ и сказалъ:

— Ты права, Джіованна. Ты всегда права во всемъ, что ты говоришь. Только не говори больше, но обѣщай мнѣ, что ты уснешь.

Вернувшись черезъ нѣсколько часовъ, онъ сѣлъ у ея постели и долго смотрѣлъ на ея тяжелыя, распухшія отъ слезъ вѣки. Сквозь слезы она видѣла, какъ онъ взялъ ея руку, и сказала:

— Ты можешь убить меня, Никколо, но не за невѣрность. Говорю тебѣ еще разъ: это не твой сынъ.

Онъ нахмурился своими безбровными глазами и хотѣлъ встать: но она обѣими руками схватила его за пальцы и удержала его.

— Нѣтъ, Никколо, ты долженъ остаться. Я не сына родила

тебѣ, а произвела на свѣтъ свою собственную вину. Во всѣ тѣ дни, когда я была твоей женой, я ни на одинъ часъ не измѣнила тебѣ, даже въ мысляхъ я была все время вѣрна тебѣ. Все время, съ тѣхъ поръ какъ я тебя знаю, я гордилась твоею любовью и была тебѣ благодарна за то счастье, которымъ ты окружилъ меня. Нѣтъ болѣе благороднаго человѣка, чѣмъ ты, ни во Флоренціи, ни въ цѣломъ мірѣ. Говорю это тебѣ, положивъ свою руку на святыню, такъ какъ держу твою руку въ моей.

— Говори же, Джіованна, чтобы я могъ понять и не впасть въ отчаяніе.

— Никколо, другъ отца моего, мой супругъ и хранитель, дай мнѣ покаяться передъ тобою, какъ я могла бы каяться передъ моимъ отцомъ. Мужчины, которыхъ я знала раньше, чѣмъ встрѣтилась съ тобою, не были мужчинами. Одинъ хотѣлъ совершить надо мной насиліе. Онъ ночью прокрался въ мою комнату, какъ воръ. Какъ воръ, онъ лишился своей правой руки. Но лѣвой рукой онъ умертвилъ моего отца. Былъ еще одинъ, который хотѣлъ научить меня любовнымъ шалостямъ, хотѣлъ научить меня пить напитокъ, который легкомысленная молодежь передаетъ другъ другу изъ устъ въ уста, какъ будто любовь— это кубокъ у колодца, изъ котораго всѣ хотятъ утолить общую жажду. Но я была горда и отбросила этотъ кубокъ. Затѣмъ явился тотъ, кого я любила, сама того не зная. Онъ заставилъ меня прислушаться къ біенію моего сердца. Я слышала, какъ оно бьется о гробовой камень на могилѣ моего отца. Меня опьянило біеніе моего собственнаго сердца. Онъ заключилъ меня въ свои объятія въ тотъ самый день, когда земля покрыла прахъ моего отца. Слышишь, Никколо, онъ соблазнилъ меня совершить святотатство. Онъ обнялъ меня надъ крышкой гроба отца моего. И я осквернила кровь моего собственнаго рода. Когда я пробудилась отъ моего опьяненія и отъ моего преступленія, я сказала себѣ: „Я рѣшилась на это не потому, что я любила, а потому только, что считала этого молодого человѣка тѣмъ, котораго отецъ мой избралъ для меня, а онъ рѣшился на это потому только, что обѣщалъ отцу моему жениться на мнѣ. Но ахъ, Никколо! какъ только я поняла, что мы оба послушались только дикаго голоса своей чувственности, я подавила эту слабость въ своемъ сердцѣ. Я поняла свою вину и сама себѣ поклялась возненавидѣть того, кто заставилъ меня почувствовать дикую власть моей крови. На другой день явился ты. Ты научилъ меня быть сильной.

Не глядя на нее, Меркатале промолвилъ:

— Ты была бы сильнѣе, если бы послушалась голоса своей крови. Помнишь ли мои слова, что я не желаю твоей руки, если ты не отдашь мнѣ вмѣстѣ съ нею и твоего сердца?

— Но я, Никколо, слѣдовала только моей потребности любить мужественность, силу, безстрашное чистосердечіе. Я хотѣла побѣдить мою собственную слабость. И я любила всякое твое слово, обращенное ко мнѣ, любила чистоту твоей воли, любила умное, ясное, твердое теченіе твоихъ мыслей. Ты говоришь о гордости и силѣ, какъ я объ этомъ мечтала, какъ говорилъ бы мой отецъ. Потому-то я и выбрала тебя, а не... Джентиле Кавальканти.

— Зачѣмъ называешь ты его имя? — спросилъ Меркатале, и всѣ морщины дрогнули на его лицѣ. — Развѣ ты еще любишь его?

— Нѣтъ!—возразила она твердо и долго плакала.—Нѣтъ! И если онъ заставитъ камни говорить въ свою защиту, то я никогда не повѣрю, что онъ дѣйствительно любилъ меня.

— И все-таки вся Флоренція знаетъ, что онъ тебя любитъ,— сказалъ Меркатале.

— Но ты, Никколо, знаешь, что я не посвятила ему ни одного взгляда, ни одной мысли съ тѣхъ поръ, какъ приказала сметать красные цвѣты съ моего порога.

— Какъ могу я знать твои мысли, Джіованна?—съ горечью сказалъ Меркатале. — И какъ ты сама можешь знать ихъ? Взгляни на твоего ребенка. Ты не думала о Джентиле, но принесла ему сына.

— Мой позоръ былъ сокрытъ внутри меня, — печалилась она.—И я произвела на свѣтъ мой скрытый грѣхъ. Если бы я только могла умереть! Я желала бы умереть отъ твоей руки, Меркатале!

— Смерть—плохая утѣшительница, Джіованна. Посмотри, я продолжаю жить, хотя и нѣтъ у меня наслѣдниковъ. И продолжаю любить, хотя и не имѣю надежды.

Джіованна ушла въ себя. Она больше не хотѣла кормить ребенка грудью; пришлось взять для него кормилицу. Цѣлые дни и ночи лежала Джіованна въ полузабытьѣ и боролась съ материнской любовью. Молоко горѣло въ ея напряженной груди, словно безмолвно требуя устъ ребенка. Но Джіованна не хотѣла уступить.

— До тѣхъ поръ не встану я съ постели, Никколо,—сказала она,—пока вы не исполните моего желанія.

Наконецъ Меркатале уступилъ ея желанію и приказалъ

отнести ребенка во дворецъ Кавальканти. Онъ велѣлъ кормилицѣ съ малюткой дожидаться на главной лѣстницѣ, а самъ отправился къ хозяину, бродившему вокругъ фонтана на дворѣ, окруженномъ колоннами. Когда Меркатале приблизился, Джентиле остановился на каменныхъ плитахъ, покрытыхъ талымъ снѣгомъ, не отвѣтилъ на привѣтъ, но глядѣлъ на снѣжные хлопья, распускавшіеся въ темной водѣ водоема.

Меркатале подошелъ къ нему вплотную и робко сказалъ:

— Джентиле Кавальканти, я принесъ вамъ отъ жены моей то, что принадлежитъ вамъ.

— Что же это?—спросилъ Джентиле рѣзкимъ голосомъ, въ которомъ звучала горечь.—Можетъ-быть, мое собственное сердце на блюдѣ?

— Во всякомъ случаѣ вашу собственную плоть и кровь,—тихо продолжалъ Меркатале, съ загадочной улыбкой.

Джентиле покраснѣлъ и подставилъ руку подъ тонкую струйку фонтана.

— Мою собственную плоть и кровь, мессеръ Меркатале?

— Вашего сына,—сказалъ Меркатале.—Жена моя родила сына и увѣряетъ, что этотъ ребенокъ—вашъ. Она проситъ передать вамъ, что, посылая вамъ этого ребенка, она въ то же время изгоняетъ изъ своей жизни послѣднее воспоминаніе о васъ.

— Мессеръ Меркатале,—сказалъ Джентиле съ усиліемъ,—передайте вашей женѣ, что если она хочетъ имѣть отъ меня сына, она должна прежде сама придти ко мнѣ. Я не приму его иначе, какъ изъ ея рукъ.

— Вы забываете, кто моя жена. Во всей Флоренціи, да и во всемъ мірѣ нѣтъ болѣе цѣломудренной женщины.

— Что такое цѣломудріе, мессеръ Меркатале?

— Цѣломудріе, Джентиле Кавальканти? Цѣломудріе — это гордость.

— Скажите моннѣ Джіованнѣ отъ меня, что ея цѣломудріе—трусость.

— И вы называете трусостью, когда мать отсылаетъ отъ себя своего новорожденнаго ребенка? Когда она добровольно, чтобы быть правдивой, говоритъ своему супругу: это не вашъ сынъ? И развѣ вы понимаете хоть что-нибудь въ любви, если не падаете на колѣни передъ ребенкомъ изъ вашей собственной плоти и крови?

— *Для васъ*, мессеръ Меркатале, любовь—это размноженіе, и отцовская радость, и хозяйка, украшенная добродѣтелями. Ахъ! я люблю ради самой любви.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ Меркатале, быстро направляясь къ выходу,—дитя и вправду совсѣмъ не ваше. Пусть будетъ оно моимъ. Оно будетъ носить мое имя и сдѣлается моимъ наслѣдникомъ.

— И это будетъ правильно! — воскликнулъ во слѣдъ ему Джентиле.

— Чтò вы говорите?—спросилъ Меркатале. Онъ обернулся и схватилъ Джентиле за обѣ руки.—Чему вы улыбаетесь?

— Никогда еще отъ поцѣлуя не рождался ребенокъ, мессеръ Меркатале. Но и во время родильной горячки можно сказать кое-что вѣрное. И ваша жена сказала, что она меня любитъ. Развѣ это для меня не радость?

— Чтò такое ваша радость по сравненію съ моею! — воскликнулъ Меркатале и, сіяя, ушелъ со своимъ сыномъ.

Джентиле Кавальканти уѣхалъ изъ Флоренціи. Единственнымъ его богатствомъ былъ соколъ, сидѣвшій то на его сѣдлѣ, то на лѣвой его рукѣ. Когда Джентиле снималъ съ головы птицы клобучокъ, она высматривала добычу съ усердіемъ двухъ голодныхъ людей. Соколъ сталъ кормильцемъ Джентиле.

Десять лѣтъ своей жизни Джентиле положилъ на то, чтобы доказать дамѣ своего сердца свою любовь. Ни единымъ взглядомъ не поблагодарила она его за его службу. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ растрачивалъ свое имущество, чтобы прославлять ея имя цѣлымъ фейерверкомъ блестящихъ празднествъ. Искры отъ него безслѣдно разсыпались по землѣ. Всѣ дни его жизни, подобно волнамъ, пронеслись мимо дворца, въ которомъ она жила. Въ общій потокъ не упало ни единаго цвѣтка изъ ея рукъ. На турнирахъ и играхъ онъ носилъ ея имя и ея цвѣта. Стрѣлы его проникали сквозь дерево и желѣзо, но были безсильны передъ льдомъ ея взгляда. Золото его обратилось въ пыль для ея прославленія и развѣялось по вѣтру трубными звуками. Всѣ молодые гуляки Флоренціи пили на его счетъ, восхваляя ея красоту. Весь городъ слагалъ въ честь ея канцоны. Она одна полагала честь свою въ томъ, чтобы ихъ не слышать. Всѣ видѣли, какія шествія устраивалъ Джентиле Кавальканти. Привѣтствуемые цѣлымъ городомъ, молодые люди отправлялись на охоту или на турниръ. Но та, чье имя было начертано на ихъ знамени, спокойно сидѣла у окна и не поднимала глазъ, когда шествіе проходило мимо и отъ стѣнъ ея дома отражались привѣтствія, или въ стѣны ударялись цвѣты. Всѣ знали ея изобра-

женіе на фрескахъ Доменико Гирландайо. Она одна не искала своего лица на церковной стѣнѣ.

Еслибы сама Венера поселилась во Флоренціи, у храма ея не могло бы быть болѣе пышной стражи. Когда Джіованна отправлялась къ обѣднѣ, стража выстраивалась двумя длинными рядами, держа въ рукахъ толстыя зажженныя свѣчи. Но Джіованна посылала своихъ слугъ впередъ и приказывала имъ при каждомъ ея шагѣ задувать свѣчи. Такъ она гасила всѣ свѣчи, которыя зажигалъ на пути ея Джентиле, и никогда ни взглядомъ, ни улыбкой не выслушивала его. Богатство его исчезло, какъ облака кадильнаго дыма передъ изображеніемъ богини. Но онъ до тѣхъ поръ не прекратилъ своего поклоненія, пока не разсѣялось послѣднее облако. Гимны смолкли, стража Венеры была распущена, друзья исчезли, и Джентиле одинокимъ бѣднякомъ стоялъ передъ своимъ дворцомъ, стѣны котораго были не болѣе безчувственны, чѣмъ то лицо, видѣть которое онъ стремился въ теченіе десяти лѣтъ.

Джентиле уѣхалъ изъ Флоренціи бѣднякомъ. Его соколъ оказался вѣрнѣе всѣхъ его друзей. Одинъ изъ нихъ, желая оказать ему услугу, предложилъ за сокола десять тысячъ скуди. Но Джентиле скорѣе согласился бы продать свою собственную душу.

Онъ отправился въ маленькое помѣстье въ Поджибонзи. Годы не измѣнили тамъ ничего къ лучшему. Земля была заброшена, виноградники запущены. Всѣ дороги и тропинки заросли сорной травой такъ, что ихъ не было видно. Известь, покрывавшая стѣны, поросла мхомъ. Ступени лѣстницъ разваливались, обращаясь въ камни. Но Джентиле нашелъ для себя кровлю и зажилъ бѣдно, съ однимъ крестьяниномъ и его женою, которые добывали непосредственно изъ земли то, что могло поддержать жизнь: зелень, овощи и кислое вино. Когда нужно было мясо, добывать его долженъ былъ соколъ. Джентиле въ своихъ пустынныхъ владѣніяхъ охотился на зайцевъ, на птицъ и на журавлей.

Одиночество принесло ему облегченіе. Онъ радовался тому, что всѣ покинули его и забыли. Ѣлъ онъ только тогда, когда надо было утолить голодъ. Тогда самая скудная пища казалась ему вкусной. Если душу его грызла тоска, онъ ходилъ, пока тѣло и духъ не изнемогали отъ утомленія. Когда онъ сидѣлъ у своего полуразрушеннаго камина и вращалъ вертелъ надъ огнемъ, глаза его загорались при видѣ яркаго пламени. Онъ улыбался надъ самимъ собою, думая о томъ, какъ онъ столько лѣтъ жарилъ свое собственное сердце на медленномъ огнѣ. Въ дождливую погоду онъ выходилъ за дверь и смотрѣлъ, какъ, словно стеклянныя бусы, капли

разбивались о землю. Такъ точно разбивалось всякое земное счастье. Надо было лишь умѣть любоваться въ это время игрою красокъ. Неподвижно сидѣлъ онъ въ своей каморкѣ съ голыми стѣнами и глядѣлъ, какъ сырость рисовала свои странные узоры на извести. Онъ различалъ среди нихъ лица, цѣлые ряды головъ, въ родѣ тѣхъ, что̀ кормились нѣкогда за его столомъ. То онъ узнавалъ чью-нибудь улыбку, то руку, поднявшую бокалъ, то обнявшуюся парочку. Или ему мерещились дикіе пѣнистые потоки, высокія горы, деревья, росшія на краю пропасти, большія темныя озера. Иногда онъ узнавалъ профиль Джіованны; иной разъ глазъ ея выглядывалъ сверху изъ какого-нибудь угла, но исчезалъ, какъ только Джентиле начиналъ въ него всматриваться. Или же онъ видѣлъ слѣдъ ея ноги, словно врѣзавшійся въ топкую почву. Всего болѣе неопредѣленны были его сны, когда онъ весною сидѣлъ на лугу и прислушивался къ журчанію ручейка. Ручеекъ болталъ о счастьѣ, за которымъ гнался Джентиле. И Джіованна сидѣла гдѣ-то далеко и до упаду хохотала надъ его мольбами о любви.

Соколъ звякнулъ своимъ колокольчикомъ на лугу. Онъ поймалъ птицу. Джентиле вырѣзалъ у нея внутренности и бросилъ ихъ соколу. И соколъ прыгалъ вокругъ своей дымящейся добычи. Джентиле бросился на спину и глядѣлъ на небо. Онъ любилъ смотрѣть на проходящія облака. Ихъ причудливая игра была неудержима и вѣчна. Они созидали и громоздили что-то изъ бѣлаго снѣга, который обваливался и таялъ. Они надувались, какъ гигантскіе драконы съ поднятымъ гребнемъ, а спустя мгновеніе разсыпались, словно жемчужно-бѣлыя рыбьи чешуйки по голубой водѣ, словно лепестки, которыя роза потеряла отъ дуновенія зефира. Они скользили, какъ корабли съ раздутыми парусами, и падали на дно, и исчезали безъ кораблекрушенія.

— Посмотри на твоего сокола, господинъ!—вдругъ сказалъ тонкій голосъ. Джентиле увидѣлъ стройнаго мальчика, одѣтаго въ черный шелкъ и гоняющагося за соколомъ, держа въ рукахъ его красный клобучокъ. Мальчикъ хотѣлъ накинуть ему клобучокъ на голову; соколъ старался укусить руку мальчика, когда она готовилась взять его за шею. Мальчикъ, волнуясь, не замѣчалъ, что все дальше и дальше отгоняетъ сокола отъ его господина.

— Позови его, господинъ, а не то онъ улетитъ!

Джентиле свиснулъ—и соколъ, пролетѣвъ надъ самой землей, усѣлся на плечѣ своего хозяина. Мальчикъ слѣдилъ за соколомъ восхищенными глазами и съ восторгомъ ударилъ въ ладоши:

— Можно ли мнѣ надѣть ему клобучокъ, господинъ?

— Попробуй!—сказалъ Джентиле, улыбаясь. Но всякій разъ, когда мальчикъ приближался съ клобучкомъ, птица клевала его руку. Кровь струилась по пальцамъ мальчика, но онъ все-таки не уступалъ.

— Дай, я сдѣлаю! — сказалъ Джентиле. Соколъ блеснулъ глазами, нагнулъ голову и сощурилъ вѣки еще прежде, чѣмъ господинъ его затянулъ клобучокъ.

Только теперь Джентиле хорошенько разсмотрѣлъ красиваго, стройнаго мальчика. Лицо ребенка горѣло, глаза блестѣли. Шапка свалилась съ его длинныхъ черныхъ волосъ, которые кудрями падали на его щеки.

— Могу ли я нести его, господинъ?—просилъ онъ.

Джентиле посадилъ сокола на протянутую руку мальчика. Мальчикъ ловко раскачивалъ его, ласково проводилъ рукою по его крыльямъ и цѣловалъ его мягкую бѣлую грудку.

— Я люблю твоего сокола больше всего на свѣтѣ. Могу ли я ходить съ тобою на охоту, господинъ?

Джентиле радовался радости ребенка и взялъ его съ собою. Мальчикъ несъ сокола какъ святыню. Онъ свиснулъ парѣ собакъ, которыя медленно выбирались изъ камыша. Мальчикъ плясалъ передъ ними, показывая на сокола и, забывъ свою шапку, бросился впередъ.

Джентиле обучалъ его охотѣ. Мальчикъ схватывалъ на лету всѣ правила искусства, всѣ охотничьи уловки. Онъ старался отыскать рѣдкихъ птицъ. Собаки вспугивали ихъ, а соколъ гнался за ними.

Джентиле не спрашивалъ мальчика, откуда онъ и какъ его зовутъ. Онъ ничего не хотѣлъ слышать ни о людяхъ, ни объ обстоятельствахъ ихъ жизни. Онъ ничего не хотѣлъ знать о сосѣдней мѣстности и ея обитателяхъ. Все было ему безразлично, какъ трава, по которой онъ ступалъ. Мальчикъ самъ ежедневно отыскивалъ его на томъ же мѣстѣ и приносилъ съ собою голубей, чтобы натравливать на нихъ сокола. Ручныя птицы оказывали мало сопротивленія. Онѣ сейчасъ же тяжело и неуклюже падали внизъ и оставались лежать въ травѣ. Ни Джентиле, ни мальчикъ не думали о нихъ послѣ того, какъ когти сокола ихъ выпустили.

Однажды мальчикъ вернулся изъ обширныхъ низменностей домой въ лихорадкѣ. Колѣни у него подгибались. Онъ просилъ пить, осушилъ кружку съ водой, но не утолилъ жажды. Онъ не

хотѣлъ ложиться въ постель, но упалъ и лишился чувствъ. Его подняли и уложили въ постель.

Молодая вдова Никколо Меркатале, монна Джіованна, сидѣла и держала горячую руку своего больного сына. Она вытирала его мокрый лобъ, смачивала губкой его горѣвшія словно въ огнѣ губы и прислушивалась къ біенію его сильно бившагося сердца. Онъ лежалъ цѣлыми днями и не хотѣлъ ни ѣсть, ни пить. Она осыпала его поцѣлуями, и ласками, и утѣшеніями, и старалась добиться отъ него отвѣта, обѣщая ему все, чего онъ только ни пожелаетъ.

Однажды онъ открылъ свои блестящіе глаза и сказалъ:—Мать, если вы принесете мнѣ сокола Джентиле Кавальканти, то, мнѣ кажется, я сейчасъ же буду здоровъ.

Послѣ этого онъ опять впалъ въ полузабытье. А монна Джіованна сидѣла и раздумывала о его желаніи. Она безсмысленно шептала: — Хорошо, хорошо, хорошо. — Цѣлыми часами продолжала она обѣщать ему это, и когда онъ снова взглянулъ на нее, она радостно сказала: —Да, мой сынъ, мое сердце, успокойся и поскорѣе выздоравливай; я тебѣ обѣщаю исполнить твое желаніе!

— Правда, мама?

— Да, да! Завтра утромъ я пошлю къ нему гонца. Завтра утромъ я сама пойду къ нему и добуду тебѣ сокола.

Мальчикъ улыбнулся и уснулъ. А монна Джіованна думала, какъ ей выйти изъ этого положенія. Она собрала свои драгоцѣнности, собрала всѣ свои наличныя деньги и послала надежнаго гонца къ Джентиле. Гонцу было внушено, чтобы онъ не говорилъ, для кого покупается соколъ, а просто предложилъ Джентиле продать его. Посылала же она болѣе пяти тысячъ скуди. Гонецъ вернулся: мессеръ Джентиле Кавальканти, жившій какъ нищій въ ветхой хижинѣ, не удостоилъ драгоцѣнности и одного взгляда, а только сказалъ, что не продастъ сокола и за сумму въ десять разъ большую.

Монна Джіованна во всю ночь не сомкнула глазъ. Рано утромъ мальчикъ проснулся и потребовалъ сокола. Джіованна сдержала слезы, заставила себя улыбнуться и прошептала:—Его еще нѣтъ, сынъ мой. Посмотри, солнце еще только восходитъ. Не могу я идти къ мессеру Джентиле раньше, чѣмъ онъ проснется.

Всякій разъ, когда мальчикъ приходилъ въ себя, онъ спрашивалъ о соколѣ. Мать уже больше не въ силахъ была встрѣчать его взглядъ. Она прислушивалась у двери и слышала

отвѣты Беритолы на вопросы ребенка:—Успокойся, маленькій господинъ.—Сейчасъ мать твоя придетъ съ соколомъ Кавальканти.—Подожди еще минуточку. Ей далеко идти.—Успокойся и подожди немного, молодой господинъ.

Никогда не приходилось Джіованнѣ совершать болѣе тяжелаго пути. Ей казалось, что страхъ несетъ ее впередъ. Ноги ея были словно налиты свинцомъ. Она летѣла какъ птица, у которой къ каждому крылу привязанъ камень. Она пришла къ дому Джентиле въ одно время съ слугой, который долженъ былъ доложить о ея посѣщеніи. „Сынъ мой умираетъ!—думала она при каждомъ шагѣ.—Слезы мои скажутъ все. Мнѣ нечего говорить. Слезы мои будутъ просить за меня“.

Но когда она увидѣла въ дверяхъ Джентиле, страданіе исчезло изъ ея глазъ, и мысль о близкой смерти ребенка исчезала изъ ея головы. Вотъ онъ со своею величественной, мягкой походкой. Она не видѣла его много, много лѣтъ. Коричневое сукно на его прекрасныхъ плечахъ совсѣмъ позеленѣло отъ времени. Онъ покраснѣлъ ярче дикаго мака, который расцвѣлъ у стѣны дома. Онъ весь пламенѣлъ отъ радости, что опять можетъ ей поклониться. И онъ поклонился ей и остановился передъ нею въ томъ же положеніи, какъ тогда, когда поклонился ей въ первый разъ—положивъ руку на свое сердце.

— Привѣтъ тебѣ, Джентиле!—сказала она и продолжала:—Я желала бы, чтобы ты могъ возмѣстить потери, которыя постигли тебя изъ-за меня. Ты любилъ меня больше, чѣмъ я заслуживала. Можешь ли... можешь ли ты сегодня позволить мнѣ пообѣдать съ тобою за твоимъ столомъ?

— Мадонна,—возразилъ смиренно Джентиле,—никогда я не терпѣлъ никакихъ потерь изъ-за васъ, но испыталъ благодаря вамъ столько хорошаго, что если мнѣ когда-нибудь и удавалось что-либо въ жизни, то удавалось благодаря вашей помощи и благодаря той любви, какую я питалъ къ вамъ. А это ваше посѣщеніе сдѣлало меня неизмѣримо болѣе богатымъ, чѣмъ еслибы мнѣ вернули все то, что я растратилъ. Ибо теперь вы пришли къ бѣдному хозяину.

И онъ вѣжливо указалъ ей на ветхій домъ и на маленькій огородъ, обрабатываемый старикомъ-крестьяниномъ. Онъ просилъ ее удовольствоваться такимъ незначительнымъ обществомъ, самъ же вошелъ въ домъ, чтобы распорядиться насчетъ обѣда.

Онъ прошелъ по своимъ бѣднымъ горницамъ и приказалъ служанкѣ накрыть на столъ. Скатерть оказалась бѣлой и блестящей. Но онъ только теперь понялъ, какъ онъ бѣденъ, когда

для обѣда ничего не нашлось, кромѣ хлѣба, сыра и стараго, мутнаго вина. Онъ послалъ женщину въ огородъ, чтобы нарѣзать салата и набрать укропа. Самъ онъ внѣ себя бѣгалъ по дому и открывалъ всѣ старые и полузабытые чуланы, какъ будто съѣстные припасы могли вырасти вездѣ внезапно, какъ грибы. Онъ думалъ только о мясѣ, о мясѣ. Онъ видѣлъ передъ собою всѣ тѣ нагроможденные яствами столы, за которыми онъ въ дни своего богатства угощалъ друзей своихъ въ честь своей дамы; теперь же онъ не могъ предложить этой дамѣ даже зажаренной птицы. Онъ вспомнилъ о голубяхъ, которыхъ они оставили на лугу, когда соколъ...

Соколъ! Онъ побѣжалъ черезъ комнату и наткнулся на шестъ, на которомъ сидѣла птица, такъ что зазвенѣлъ колокольчикъ. Соколъ! Онъ сидѣлъ на своемъ шестѣ и спалъ безъ клобучка. Джентиле схватилъ его руками, увидѣлъ, что онъ жиренъ, подумалъ, что это будетъ кушанье, достойное такой дамы, и безъ дальнихъ разсужденій свернулъ соколу голову. Такъ какъ женщина въ эту минуту входила съ охапкой салата, Джентиле бросилъ ей птицу и велѣлъ поскорѣе ощипать ее и тщательно изжарить на вертелѣ.

Когда Джентиле повелъ свою гостью къ столу, онъ разложилъ свой плащъ на каменной скамьѣ, гдѣ хотѣла сѣсть Джіованна. Онъ стоялъ около нея и предлагалъ ей кушать. У него была одна только мысль—желаніе служить ей. Она была голодна и все продолжала ѣсть, не рѣшаясь выговорить своей просьбы. Наконецъ, она сказала:

— Джентиле, не ради любви, которую ты питалъ ко мнѣ, но зная твое благородное сердце, умоляю тебя даровать жизнь моему сыну. Безъ твоей помощи онъ долженъ будетъ умереть.

— Вашъ сынъ, Джіованна?—сказалъ Джентиле, и сердце его забилось.—Могу ли я дать жизнь вашему сыну?

— Да, Джентиле.

Они оба поглядѣли другъ на друга, и краска залила лица обоихъ.

— Какъ мать, прошу за моего единственнаго сына, Джентиле. Ты поймешь это, когда ты самъ...

— Что могу я сдѣлать для вашего сына, Джіованна?

— Онъ боленъ, Джентиле. Онъ умретъ, если ты ему не поможешь.

— Что могу я сдѣлать, мадонна?

— Дай ему твоего сокола.

Слезы закапали изъ глазъ Джентиле. Джіованна слышала,

какъ онѣ падали на столъ. „Вотъ какъ онъ плачетъ о томъ, что долженъ потерять своего сокола!“—подумала она.

Но Джентиле сказалъ:

— Съ тѣхъ поръ какъ Богу угодно было, чтобы я полюбилъ васъ, мадонна, я часто сѣтовалъ на мою тяжелую и несчастную судьбу; но все это ничто по сравненію съ тѣмъ, что приходится мнѣ пережить теперь, когда вы пришли ко мнѣ въ домъ. Вы не хотѣли взглянуть на меня, пока я былъ богатъ—вы теперь просите меня о такой ничтожной вещи, и я плачу о томъ, что не могу исполнить вашей просьбы.

Онъ всталъ, вышелъ на мгновеніе, вернулся и положилъ клювъ и желтые когти сокола на ея тарелку. Потомъ онъ преклонилъ передъ ней колѣна и покачалъ головой.

Тогда Джіованна заплакала сильнѣе, чѣмъ плакала у постели своего сына. Не сильнѣе плакала она, когда Беритола появилась въ дверяхъ и своимъ безмолвнымъ рыданіемъ сказала ей, что мальчикъ умеръ.

Она прижала голову Джентиле къ своей груди.

— Не рай ли находится подъ твоимъ сердцемъ? Откуда ты, Джіованна?

— Ахъ, Джентиле,—прошептала она,—я вѣдь только изъ города съ красивыми башнями.

Перев. съ нѣмецкаго М. Чепинская.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ

Тактика отрицанія и созданная ею трудность положенія.

I.

Въ ряду всѣхъ трудностей, какими было обставлено развитіе радикальной доктрины въ шестидесятыхъ годахъ, самая главная заключалась въ непомѣрной смѣлости задачи, поставленной сторонниками этого ученія, столь неуступчиваго и столь въ себѣ самомъ увѣреннаго. Доктрины и программы всѣхъ иныхъ партій и кружковъ стремились, худо ли, хорошо ли, перекинуть мостъ съ одного берега на другой и, признавая неизбѣжнымъ разрывъ со старымъ порядкомъ, всетаки дорожили многими культурными пріобрѣтеніями прошлаго. Не говоря уже о сторонникахъ правительственной системы, о консервативно настроенныхъ людяхъ и о славянофилахъ — даже либералы всѣхъ оттѣнковъ, и тѣ никогда бы не согласились вступить на новый путь съ полнымъ забвеніемъ прошлаго. Осуждая формы общественной и политической жизни этого прошлаго, они не думали отрекаться отъ тѣхъ духовныхъ благъ, которыя были куплены большимъ трудомъ и дорогой цѣной въ старые дореформенные годы. Все накопленное богатство духа, хотя бы и скромное, хотѣли они взять съ собой въ новую жизнь.

Радикалы совсѣмъ не цѣнили этого богатства. Даже сильные среди нихъ, люди съ болѣе или менѣе широкимъ кругозоромъ, которые, казалось, не могли не признавать культурныхъ заслугъ старой жизни, и тѣ не упускали случая дискредитировать старину, всю цѣликомъ, въ глазахъ подроставшихъ поколѣній.

Такая тактика отрицанія поддерживала въ радикальной массѣ боевое настроеніе, имѣя всегда наготовѣ рядъ идейныхъ тезисовъ, которыми „новый" человѣкъ могъ волноваться даже въ тѣ минуты, когда ходъ общественной и политической жизни давалъ ему передышку. Отрицательное отношеніе къ старинѣ въ ея цѣломъ позволяло, кромѣ того, быть болѣе смѣлымъ и свободнымъ въ построеніи и разработкѣ новаго кодекса духовной и матеріальной жизни. Наконецъ, ощущеніе полной независимости отъ прошедшаго придавало людямъ и горячность, и нервную страстность, столь желанныя какъ противовѣсъ господствующей косности.

Это отрицательное отношеніе къ старинѣ въ ея цѣломъ получилось у радикаловъ отнюдь не какъ плодъ глубокаго, всесторонняго раздумья надъ цѣнностью отвергаемыхъ культурныхъ пріобрѣтеній. Оно было въ большой степени плодомъ накопившагося раздраженія и, притомъ, столько же противъ старины вообще, сколько и противъ попытокъ насильственно удержать эту старину во что бы то ни стало, во всей ея неприкосновенности. Еслибы въ самомъ ходѣ тогдашней общественной и политической жизни было замѣтно стремленіе извлечь изъ накопленнаго въ прежніе годы богатства прямую выгоду для назрѣвшихъ новыхъ потребностей; еслибы не давало себя такъ ясно чувствовать желаніе власти не считаться съ свершившейся перемѣной — быть-можетъ, и отношеніе радикальной группы къ прошлому было бы терпимѣе и болѣе справедливо. Повторилась та обычная несправедливость, которая такъ часто заставляетъ разныя проблемы духа разсчитываться за плохое ихъ толкованіе или плохое ихъ примѣненіе къ жизни.

Вожди радикализма и масса его послѣдователей были фанатиками отрицанія и фанатиками гражданской службы; они не умѣли ставить и рѣшать вопросы внѣ даннаго времени — а въ примѣненіи къ переживаемому моменту многія изъ духовныхъ началъ старой жизни могли, дѣйствительно, показаться первопричиной создавшагося общественнаго и политическаго положенія, подлежащаго упраздненію. Пока люди сильные брали на свою отвѣтственность отрицаніе этихъ началъ, оно въ извѣстной степени окупалось ихъ самостоятельной умственной работой;

когда же въ такомъ отрицаніи укрѣплялась масса людей сѣрыхъ и слабыхъ духомъ, то въ результатѣ получалось несомнѣнное духовное измельчаніе, которое могло пагубно отразиться на ихъ дѣятельности. И несомнѣнно, что безпощадное отрицательное отношеніе радикаловъ ко многимъ мнимымъ первопричинамъ общественной неурядицы затруднило ихъ реформаторскую дѣятельность.

II.

Жизненная задача, какъ она ставилась радикалами, была поистинѣ задачей грандіозной: создать свободный союзъ новыхъ людей, воспитанныхъ и обученныхъ по новой программѣ, союзъ, предназначенный для работы не надъ какимъ-нибудь частичнымъ общественнымъ дѣломъ, а надъ полнымъ преобразованіемъ всего общественнаго и государственнаго строя. Смѣлость этой мысли и очевидная непреодолимая трудность задачи не пугала молодые сердца и головы—конечно, прежде всего потому, что сама задача не рисовалась имъ въ какихъ-нибудь опредѣленныхъ и ясныхъ очертаніяхъ. Еслибы радикаламъ пришлось, какъ иногда это случалось въ эпохи крутыхъ политическихъ переломовъ, вырабатывать уложенія, которыя завтра могли бы вступить въ силу, то нѣсколько такихъ опытовъ вѣроятно бы ихъ охладили; но въ томъ положеніи, въ какомъ находились радикалы, при сознаніи вполнѣ свободнаго своего отношенія къ жизни, они, не неся никакой отвѣтственности за переживаемый моментъ, могли себѣ разрѣшить какую угодно смѣлость въ надеждахъ и упованіяхъ. И они вѣрили, что отдѣльныя личности, объединенныя новой программой идейной и житейской, смогутъ въ водоворотѣ враждебныхъ имъ стихій не только удержаться прочно на своемъ мѣстѣ, но и начать проводить въ жизнь задуманную реформу общественныхъ отношеній, съ полной надеждой на быстрый успѣхъ. Слова: „проводить въ жизнь“ радикаловъ также на первыхъ порахъ не пугали; они видѣли, какъ быстро начали мѣняться внѣшнія формы окружавшей ихъ жизни, они зорко слѣдили за все возроставшимъ вокругъ нихъ броженіемъ въ умахъ и чувствахъ все бо̀льшаго и бо̀льшаго количества людей интеллигентныхъ—и они, конечно, могли увѣрить себя, что недостатка въ случаяхъ и въ способахъ „проведенія ихъ идеаловъ въ жизнь“ не будетъ. Жизнь, однако, ихъ надежды не оправдала, и именно вопросъ о случаяхъ и о способахъ вмѣшательства въ теченіе событій сталъ для нихъ самымъ труднымъ и больнымъ вопросомъ.

Рѣшеніе этого вопроса—какъ и при какихъ случаяхъ начать вторгаться во враждебную имъ жизнь — было усложнено для радикаловъ именно ихъ принципіально отрицательнымъ отношеніемъ къ главнымъ духовнымъ устоямъ дореформенной жизни.

Пока новый человѣкъ имѣлъ въ виду лишь самого себя и близкихъ своихъ единомышленниковъ, онъ не ощущалъ никакой неловкости въ томъ положеніи скептика и смѣлаго отрицателя, въ какомъ онъ находился. Каждый человѣкъ воленъ вѣрить во что онъ вѣритъ, думать такъ, какъ онъ думаетъ, и отрицать все, что онъ находитъ нужнымъ отрицать. Достаточно ли такое отрицаніе обосновано или нѣтъ—это вопросъ иной; но одно только требованіе могутъ люди поставить своему собрату, а именно требованіе, чтобы онъ былъ искрененъ въ томъ, что утверждаетъ или отвергаетъ—и съ этой стороны радикаламъ, по крайней мѣрѣ огромному большинству изъ нихъ, упрековъ дѣлать не приходится. Но такая искренность не исключаетъ ни ошибочности взглядовъ, ни тѣхъ трудностей, которыя можетъ создать для плодотворной работы человѣка его образъ мыслей, принявшій оттѣнокъ фанатизма, какъ въ утвержденіи, такъ и въ отрицаніи.

Историкъ не имѣетъ права обвинять людей въ томъ, что они ошибочно мыслили; и мы, говоря о радикалахъ шестидесятыхъ годовъ, должны уберечь себя отъ категорическихъ сужденій объ истинности или неистинности ихъ взглядовъ на міръ и человѣка. Полемизировать съ покойниками—занятіе неблагодарное и къ тому же безполезное. Но историкъ не можетъ пройти мимо вопроса—насколько опредѣленный образъ мыслей людей облегчилъ или затруднилъ имъ выполненіе той культурной задачи, которую они себѣ поставили. Въ отношеніи къ радикаламъ этотъ вопросъ тѣмъ болѣе законенъ, что они считали себя, и по праву, партіей боевой, и не столько думали о теоретическомъ обоснованіи своего міропониманія, сколько о тактикѣ, каковой надлежало руководиться, чтобы одержать побѣду надъ жизнью.

Въ этой тактикѣ были допущены несомнѣнныя ошибки, и онѣ должны быть поставлены на счетъ не столько самимъ радикальнымъ мыслямъ, какія исповѣдывали молодые люди, сколько ихъ темпераменту и настроенію. Именно темпераментъ и настроеніе людей, разгоряченныхъ борьбой, укрѣпляли ихъ въ отрицаніи того, что ни въ какомъ случаѣ не могло подлежать суду настроенія. А между тѣмъ несомнѣнно, что *настроенные* враждебно противъ всего, напоминавшаго старину, люди желали и

разумомъ доказать ошибочность тѣхъ духовныхъ началъ, которыя съ этой старой жизнью были тѣсно связаны.

Такая тактика, давая извѣстныя минутныя выгоды, въ общемъ очень затруднила работу радикаловъ. Но если мы вспомнимъ, что эти радикальныя группы въ своемъ развитіи и образованіи были во многомъ предоставлены самимъ себѣ, что ихъ непосредственные учителя, изъ ихъ же молодой среды вышедшіе, сами раздѣляли съ ними эту ненависть къ старинѣ, и потому столь же откровенно осуждали все, что̀ переходило отъ этой старины по наслѣдству; если мы вспомнимъ о томъ вліяніи, какое оказывала на радикальную среду послѣдняя новая книжка, вышедшая на Западѣ, книжка принимаемая на вѣру,—то быстрый ростъ отрицательнаго отношенія ко всему, что не ново, удивлять насъ не долженъ.

III.

Къ радикальному ученію наше общество отнеслось вообще со слабой воспріимчивостью, а сами радикалы совсѣмъ не желали идти на встрѣчу людямъ, разно съ ними мыслящимъ.

Что общество не спѣшило на встрѣчу этимъ проповѣдникамъ крайнихъ взглядовъ и тѣмъ проповѣдникамъ крайнихъ средствъ, которые ихъ смѣнили—это подтверждается ходомъ нашей общественной и политической жизни за весь промежутокъ времени отъ шестидесятыхъ годовъ до нашихъ дней. Считаясь съ общественной косностью вообще, съ низкимъ уровнемъ образованія во всей странѣ, со всѣми неблагопріятными условіями, какими была обставлена жизнь любой прогрессивной идеи въ Россіи—всетаки приходится признать, что радикальная доктрина встрѣчала въ широкомъ обществѣ и въ народѣ пріемъ холодный, и даже тогда, когда она охватывала интеллигентные круги и разжигала народныя массы, она недолго владѣла людьми и была принуждена въ большинствѣ случаевъ пополнять свои убывающіе кадры самой юной молодежью. Явленіе это не можетъ быть объяснено исключительно нашей политической незрѣлостью: необходимо допустить, что въ самой радикальной доктринѣ было немало такихъ элементовъ, которые становились въ противорѣчіе съ духовными началами, достаточно крѣпкими и въ народной массѣ, и въ интеллигентныхъ кругахъ.

Если радикальное ученіе во всѣхъ его видахъ не встрѣчало довѣрчиваго отношенія въ обществѣ, то оно со своей

стороны не дѣлало никакихъ шаговъ къ сближенію съ тѣми доктринами и взглядами, которые могли бы оказать ему частичную поддержку. Радикалы, съ первыхъ же годовъ ихъ выступленія, какъ-то гордились своимъ одиночествомъ и своей полной независимостью. Они шли охотно на проповѣдь, обнаруживали большую смѣлость въ своей пропагандѣ, старались вербовать сторонниковъ во всѣхъ слояхъ общества, но уступокъ они никому и никогда не дѣлали. Они брали то, что могли взять, отпускали тѣхъ, кто не хотѣлъ дальше идти за ними, но никакихъ союзовъ они не заключали и ни съ кѣмъ не договаривались. Такая гордая политика, свидѣтельствовавшая о большой ихъ увѣренности въ своей правотѣ и силѣ, была несомнѣнно очень красива и могла импонировать—но несомнѣнно также, что она, рано или поздно, должна была изолировать радикальныя группы и осуждала ихъ на довольно тѣсную кружковую жизнь.

Что въ такой жизни сыграли свою роль самомнѣніе и гордыня молодыхъ умовъ — это безспорно; но главная причина изолированнаго положенія радикаловъ заключалась въ томъ, что они сразу круто порвали со всѣми традиціями прошлаго и въ этомъ разрывѣ не допускали никакихъ оговорокъ. А между тѣмъ ихъ положеніе въ шестидесятыхъ годахъ было столь исключительное и столь трудное, что обойтись безъ союзниковъ имъ было невозможно. Найти такихъ союзниковъ, не дѣлая уступокъ, было немыслимо, а уступка противорѣчила ихъ прямолинейнымъ убѣжденіямъ и въ неменьшей степени ихъ темпераменту.

Новые люди были окружены, такимъ образомъ, открытыми врагами или людьми, которые на нихъ косились. Рѣшительно ни одна изъ тогдашнихъ общественныхъ группъ и силъ не могла пойти имъ на встрѣчу, хотя несомнѣнно, что среди лицъ, ихъ окружавшихъ, было очень много способныхъ оцѣнить ихъ гуманныя и справедливыя тенденціи.

IV.

Религіозное начало, сильное и живое въ сознаніи простого народа, а также и очень большого числа людей интеллигентныхъ—вызывало въ радикальномъ лагерѣ непримиримое, крайнее отрицаніе.

Источниковъ этого отрицанія было, вѣроятно, много, и выслѣдить ихъ нѣтъ никакой возможности, такъ какъ тотъ внутренній

процессъ, какимъ вѣра въ новыхъ людяхъ смѣнялась безвѣріемъ, почти совершенно ускользаетъ отъ изслѣдователя. Критика религіозныхъ началъ гласному обсужденію не подлежала, и намъ приходится лишь догадываться о жаркихъ спорахъ на религіозныя темы по упорному молчанію, какое хранили о нихъ журналы и книги. Иногда удается кое-что прочитать между строками, или по подчеркнутому имени какого-нибудь извѣстнаго западнаго ученаго возстановить затаенный ходъ религіозной мысли русскаго публициста.

Впрочемъ, быть можетъ, что жаркихъ споровъ на религіозныя темы и не было: есть основаніе предположить, что многими людьми лѣваго фланга отрицаніе религіозныхъ началъ было куплено цѣной не особенно сильныхъ умственныхъ и душевныхъ бореній. Люди издавна привыкали связывать религіозныя понятія и чувства съ извѣстной формой общественнаго строя, и, отрицательно относясь къ этому строю, считали своимъ гражданскимъ долгомъ отрицательно относиться и къ религіи, которая повидимому жила въ такой тѣсной дружбѣ со свѣтской властью и свѣтскими порядками. Долгое время молчавшая религіозная мысль, стѣсненная въ своемъ развитіи и приведенная къ полному молчанію, не могла, къ тому же, устоять передъ соблазномъ новыхъ антирелигіозныхъ ученій, которыя, имѣя за собой всю прелесть запретнаго плода, начинали распространяться въ нашемъ обществѣ и были освящены ореоломъ европейской славы. Наконецъ, въ самомъ фактѣ отрицанія религіозныхъ началъ крылась для молодыхъ умовъ и сердецъ особая приманка, особый предлогъ проявить смѣлость и независимость свободной мысли и свободнаго чувства.

Радикалы шестидесятыхъ годовъ не были ни богословы, ни философы, и ихъ безвѣріе родилось и развивалось на почвѣ эмоцій и настроеній, лишь съ небольшимъ напряженіемъ спекулятивной мысли. Немалую роль сыграла, конечно, мысль научная, которая стала сразу въ открытое противорѣчіе съ вѣрой и никакихъ попытокъ примиренія вѣры и знанія не допускала. Защитники разумности и истинности религіознаго начала въ жизни могли бы многое возразить радикаламъ по поводу такого рѣзкаго разграниченія двухъ сферъ дѣятельности человѣческаго духа—и, какъ извѣстно, такія возраженія и были сдѣланы, но, конечно, не привели ни къ соглашенію, ни къ уступкамъ. Иначе впрочемъ и быть не могло, такъ какъ спорящіе исходили изъ совершенно разныхъ точекъ отправленія: радикалы полагали, что наиболѣе вѣрное рѣшеніе религіознаго вопроса

можетъ быть достигнуто при наименьшемъ напряженіи религіозной мысли; ихъ противники, наоборотъ, думали, что только при наивысшемъ напряженіи духовныхъ силъ человѣкъ можетъ приближаться къ ихъ рѣшенію.

Оцѣнивая какъ угодно отношеніе радикаловъ къ религіознымъ проблемамъ по существу, историкъ долженъ признать, что, примѣнительно къ потребностямъ того времени, такое быстрое и смѣлое рѣшеніе, или, вѣрнѣе, такой поспѣшный обходъ религіозныхъ вопросовъ, какой себѣ разрѣшили радикалы, былъ тактической ошибкой. Если бы мы имѣли дѣло съ апостолами безвѣрія или съ людьми, которые ищутъ новаго Бога и въ ревностныхъ поискахъ за новымъ отвергаютъ прежняго и проходятъ черезъ полосу безвѣрія—то смѣшно было бы говорить о какой-то тактикѣ въ такомъ дѣлѣ созиданія новыхъ религіозныхъ убѣжденій. Но радикалы шестидесятыхъ годовъ къ числу искателей вѣры или апостоловъ безвѣрія отнесены быть не могутъ. Они были индифференты въ вопросахъ религіи, и отрицаніе ихъ не было жаждою новой вѣры.

Религіозное господствующее міросозерцаніе могло требовать реформы и разработки въ новомъ духѣ, но отнюдь не упраздненія; и прегрѣшеніе радикаловъ—не передъ самой вѣрой, конечно, а передъ ихъ собственной задачей—заключалось въ томъ, что они сочли устарѣвшими и обветшалыми еще совсѣмъ живыя и жизнеспособныя духовныя силы. Такая ошибка повлекла за собой несерьезное и даже презрительное отношеніе къ этимъ силамъ, и слѣдствіемъ такого отношенія было умаленіе ихъ собственной власти надъ окружающими людьми. И безъ того трудное положеніе радикаловъ затруднялось теперь еще тѣмъ чувствомъ обиды, которое вскипѣло въ сердцахъ многихъ, тѣмъ чувствомъ раздраженія, которое вспыхнуло въ отвѣтъ на ихъ рѣзкія рѣчи. Такое раздраженіе могло быть тѣмъ болѣе естественно и понятно, что, разрушая и отрицая, радикалы ничего не могли предложить въ замѣну упраздняемаго. Когда они отрицали господствующій порядокъ семейной, общественной и государственной жизни, они имѣли что̀ дать въ замѣну, хотя бы въ видѣ проекта, который могъ подкупить своей ясностью; отрицая же господствующія формы религіозныхъ понятій и чувствъ, они не имѣли чѣмъ возмѣстить ихъ, такъ какъ, если умъ ихъ слушателей и могъ быть относительно удовлетворенъ тѣми новыми научными мыслями, какія они предлагали, то на мѣстѣ упраздненной вѣры въ сердцахъ ихъ послѣдователей оставалась все-таки пустота, ничѣмъ не восполнимая. Замѣнить вѣру идеей или

создать для себя нѣчто равносильное вѣрѣ могутъ лишь сильные духомъ люди, и едва ли можно предположить, что именно такіе люди составляли большинство въ лагерѣ радикаловъ. Но если и допустить, что тѣ, кто шелъ сознательно и свободно въ этотъ лагерь, были готовы пожертвовать старой вѣрой ради новыхъ убѣжденій, то нельзя забывать, какъ такая жертва, добровольная или вынуждаемая, должна была сердить и оскорблять всѣхъ, кто не могъ или не хотѣлъ идти на встрѣчу проповѣдникамъ новаго ученія. Много было людей—людей не только старшаго поколѣнія, но и молодого,—которые оставались глухи къ проповѣди новой личной, семейной и гражданской морали именно въ виду ея неуступчивости въ вопросахъ религіи. Радикалы лишали себя многихъ союзниковъ, которые, быть можетъ, и не примкнули бы къ нимъ, но могли отнестись къ нимъ съ симпатіей. Но именно этой симпатіи, которая облегчаетъ работу, радикалы не встрѣчали ни въ широкихъ интеллигентныхъ кругахъ общества, ни въ сѣрыхъ массахъ, не говоря уже о простомъ народѣ, который отнесся къ нимъ недовѣрчиво и минутами даже враждебно, когда они сами обратились къ нему за помощью. И несомнѣнно, что въ этомъ недовѣріи интеллигента и простого человѣка къ новымъ людямъ сыграли немалую роль радикальный индифферентизмъ и радикальное отрицаніе въ вопросахъ вѣры.

Строгій уставъ—не всегда залогъ успѣха: онъ можетъ слишкомъ съузить число членовъ новаго братства; можетъ оттолкнуть отъ него лицъ, которыя могли бы быть ему полезны и не входя въ его составъ; можетъ постепенно изолировать его и повредить ему корни питанія. Уставъ, по которому хотѣли жить радикалы, былъ во многихъ пунктахъ очень строгъ, и объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ такая строгость простиралась на вопросы, которые могли бы быть рѣшаемы въ болѣе терпимомъ духѣ безъ ущерба для поставленной культурной задачи.

V.

Почти столь же отрицательно, какъ къ вопросамъ религіознымъ, относились радикалы и къ проблемамъ идеалистической философіи, и, въ частности, къ вопросамъ эстетическимъ. Объ этихъ проблемахъ можно было говорить болѣе свободно, чѣмъ о религіи, и въ нашемъ распоряженіи могъ бы оказаться большой литературный матеріалъ, еслибы эти вопросы сами по себѣ интересовали радикаловъ. Но у большинства изъ нихъ такого инте-

реса къ самымъ вопросамъ не было, и въ то время какъ ихъ противники писали противъ нихъ цѣлые трактаты, они чаще всего ограничивались краткими афоризмами или случайными экскурсіями мысли въ область философскаго знанія, чтобы поскорѣе перейти къ очереднымъ публицистическимъ темамъ. Исключеніемъ въ данномъ случаѣ были Чернышевскій и Лавровъ; но Чернышевскій, послѣ опубликованія своей диссертаціи, возвращался къ философскимъ вопросамъ лишь изрѣдка, въ двухъ, трехъ короткихъ статьяхъ, а Лавровъ въ шестидесятыхъ годахъ каѳедры учителя еще не занялъ. Что же касается двухъ другихъ учителей — Добролюбова и Писарева, то философствовать они не любили и въ своихъ публицистическихъ статьяхъ говорили лишь мимоходомъ даже о самыхъ трудныхъ философскихъ вопросахъ, не робѣя передъ такой трудностью. А между тѣмъ и учителя, и масса, которая шла за ними, записались вполнѣ откровенно въ число непримиримыхъ враговъ философскаго идеализма и идеалистической эстетики.

Отъ философскаго идеализма и вытекающей изъ него эстетики люди отрекались подъ давленіемъ разныхъ мыслей, но не философскаго характера. И затѣмъ, когда разрывъ былъ уже рѣшенъ и втайнѣ совершился, они поспѣшили упраздненное замѣнить новымъ: они стали матеріалистами и утилитаристами. Но и на этой новой философской позиціи радикалы мало интересовались философскимъ строительствомъ. Матеріалистическое ученіе они приняли на вѣру, не замѣтивъ его метафизичности и не разрабатывая его въ деталяхъ; утилитарная этика ихъ заинтересовала больше, но они, не подвергая ее философской критикѣ, стремились лишь провѣрять ея кодексъ на практикѣ. Желая воспитать и образовать новаго человѣка, они думали, что ему прежде всего нужна новая философія, которая гарантировала бы свободу его мысли и чувства. Они не задумались надъ вопросомъ — въ какой степени для достиженія этой новой цѣли могло бы оказаться пригоднымъ старое міросозерцаніе, хотя бы въ нѣкоторыхъ его частяхъ. Требовать отъ радикаловъ такой осмотрительности въ столь острый и нервный моментъ ихъ жизни было бы странно; нельзя людямъ молодымъ ставить въ вину желаніе пойти по новымъ путямъ мысли или начать искать такихъ путей. Но самый фактъ рѣзкаго разрыва со старымъ философскимъ міросозерцаніемъ надо отмѣтить опять какъ тактическую ошибку, которая еще больше затруднила положеніе новаго человѣка среди старыхъ условій. Война, объявленная идеалистической философіи и тому туманному призраку, который назывался „мета-

физикой", могла, положимъ, обойтись новому человѣку и довольно дешево: немногіе изъ радикаловъ тяготѣли къ отвлеченному умозрѣнію и, неповинные во всякой „метафизикѣ", способны были въ любой день, съ легкимъ сердцемъ, признать себя „матеріалистами", „позитивистами", „реалистами" или, въ сущности, искателями истины, какими они на самомъ дѣлѣ были. Быстрое крещеніе въ любую новую философскую вѣру могло свершиться спокойно. Но когда, въ связи съ отрицаніемъ основъ идеалистической философіи и согласно съ требованіями утилитарнаго взгляда на міръ, приходилось подчинять красоту въ природѣ и въ искусствѣ прозаической злобѣ дня, то, кажется, такое жертвоприношеніе немало озадачивало и печалило самихъ радикаловъ. Были, конечно, такіе фанатики гражданскихъ чувствъ, которые съ бодрымъ духомъ принялись за „разрушеніе" эстетики и безпощадно глумились надъ художникомъ и его свободнымъ творчествомъ. Но многіе оставались попрежнему тонкими судьями искусства, любителями и цѣнителями истинной поэзіи во всѣхъ ея формахъ, и только приступая къ гражданскому жертвоприношенію старались они заглушить въ себѣ „эпикурейскія" наклонности, къ которымъ они причисляли всѣ эстетическія эмоціи. Боевая тактика была безпощадна: „эстетикѣ", „свободному искусству", „искусству для искусства" пришлось выслушать много дерзостей и упрековъ, которые, въ сущности, относились не къ нимъ, а къ людямъ стараго порядка, къ тѣмъ приверженцамъ косной гражданской морали, которые настолько „изнѣжились" въ эстетическихъ эмоціяхъ, что ни къ какой борьбѣ не стали годны: такъ, по крайней мѣрѣ, думали радикалы.

Историкъ и въ данномъ случаѣ можетъ избавить себя отъ необходимости спорить съ давно умолкшими людьми; но какъ въ оцѣнкѣ религіозныхъ мнѣній радикальнаго лагеря, такъ и въ оцѣнкѣ его философскихъ и эстетическихъ взглядовъ необходимо вновь подчеркнуть созданную такимъ отрицаніемъ опасность. Это новое отрицаніе ссорило радикаловъ со всѣми группами интеллигентнаго общества, вплоть до либераловъ всѣхъ оттѣнковъ и красокъ. Все старшее поколѣніе, воспитанное на идеалахъ сороковыхъ годовъ, всѣ, кто привыкъ даже съ чужихъ словъ говорить объ облагораживающемъ значеніи „высшихъ" идей и искусства—взглянули на радикальную проповѣдь какъ на оскорбительное издѣвательство надъ всѣмъ святымъ и вѣчнымъ, что есть въ жизни. Люди даже весьма либеральнаго образа мыслей приняли этотъ набѣгъ радикаловъ на идеалистическую философію и эстетику чуть ли не за личное оскорбленіе, за прямое

осужденіе всего, что они—либералы—думали и дѣлали, такъ какъ, по мнѣнію радикаловъ, ничего путнаго и нельзя было думать и дѣлать, состоя сторонникомъ пресловутой „метафизики“ и эстетики.

Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ рѣшеніе извѣстныхъ теоретическихъ вопросовъ имѣло своимъ слѣдствіемъ практическое неудобство положенія. Независимо отъ ошибокъ, которыя могли быть допущены въ самой проповѣдуемой теоріи, радикальное отрицаніе философскихъ началъ увеличивало ту пропасть, которая и такъ легла между людьми крайнихъ взглядовъ и людьми умѣренными и либерально настроенными. Трудность движенія по новому пути, вмѣсто того чтобы уменьшаться, возрастала.

VI.

Эта трудность повысилась еще на нѣсколько ступеней, когда радикалы попытались гласно оформить свои политическіе взгляды и отъ бесѣдъ и споровъ стали переходить къ демонстраціямъ и къ революціоннымъ актамъ. Опредѣленной, связующей ихъ политической теоріи они не имѣли, и, объединенные лишь общимъ настроеніемъ, они дробились на группы, несогласныя въ мысляхъ. Такое дробленіе ослабляло ихъ—а между тѣмъ новый врагъ, который становился имъ теперь поперекъ дороги, былъ значительно сильнѣе всѣхъ другихъ, чисто идейныхъ враговъ. Съ того момента, какъ радикалы рѣшили заявить о себѣ какъ о политической силѣ, съ момента демонстративныхъ выступленій, печатанья нелегальной литературы и распространенія ея въ обществѣ, они сталкивались съ оффиціальной административной силой, которая, во имя охраны существующаго порядка, начала примѣнять къ нимъ всѣ мѣры административныхъ каръ и пресѣченій.

Въ этой борьбѣ власть обнаружила ту же политическую недальновидность, что̀ и радикалы. Вмѣсто того, чтобы заняться воспитаніемъ политически недисциплинированныхъ группъ, власть сдѣлала все отъ нея зависящее, чтобы эти группы обособить, сплотить и заставить затвердѣть въ ихъ ненависти къ правительству. Привыкшая за долгіе годы стараго порядка къ сознанію своей непогрѣшимости и уповающая на спасительное дѣйствіе всяческой репрессіи, до сихъ поръ всегда побѣдоносной, власть не нашла нужнымъ изыскивать какіе-нибудь новые способы для обузданія разбушевавшейся молодой стихіи. Правда, найти такіе способы было дѣломъ далеко не легкимъ. Политическая мысль радикаловъ не шла ни на какіе компромиссы и двигалась безъ всякихъ отклоненій по

прямому направленію влѣво. Какъ въ религіозныхъ и философскихъ взглядахъ, такъ и въ политическихъ новые люди исходили изъ неуступчиваго отрицанія всего существовавшаго и существующаго. Для нихъ вопросъ политики не былъ вопросомъ о частичномъ обновленіи господствующаго порядка, а вопросомъ о полномъ упраздненіи стараго и о полномъ торжествѣ новаго уклада, очертанія котораго, къ тому же, были весьма расплывчаты и неясны. И, можетъ быть, въ силу этой неясности всякая попытка соглашенія съ существующимъ была исключена сама собою. Впрочемъ, власть и не пошла бы ни на какое соглашеніе, не будучи къ тому вынуждена; а принудить ее къ чему-нибудь радикалы, конечно, не были въ силахъ. Но положеніе ихъ все-таки могло бы быть не столь критическимъ, если бы ихъ политическія мечты не носили такого отпечатка непримиримаго отрицанія. Позиція, которую они заняли въ политическихъ вопросахъ, ставила ихъ прямо подъ разстрѣлъ, лицомъ къ лицу съ вполнѣ дисциплинированнымъ и очень сильнымъ врагомъ—и, добавимъ кстати, врагомъ озлобленнымъ и безсердечнымъ.

VII.

Положеніе радикальныхъ группъ, какъ видимъ, было совершенно исключительное по опасности и трудности. Въ народной массѣ и въ широкихъ среднихъ слояхъ, темныхъ или полукультурныхъ, радикалы не могли найти пока никакой поддержки. Въ этихъ слояхъ они вербовали единичныхъ, случайныхъ сторонниковъ, и только въ семидесятыхъ годахъ между ними и массой стало установляться, и то очень медленно, извѣстное общеніе. Въ интеллигентныхъ кругахъ у радикаловъ прямыхъ союзниковъ также не было; ихъ систематическое отрицаніе всѣхъ духовныхъ началъ, на которыхъ покоилось господствующее міросозерцаніе старшихъ поколѣній, создавало радикаламъ много недоброжелателей даже среди тѣхъ лицъ, которыя вмѣстѣ съ ними имѣли одного общаго врага. Наконецъ, вся оффиціальная Россія была радикаламъ принципіально враждебна, въ виду ихъ политическаго радикализма, который не шелъ ни на какое соглашеніе съ существующимъ порядкомъ.

Дѣлать свое дѣло въ такихъ условіяхъ было крайне трудно, тѣмъ болѣе трудно, что дѣло было совсѣмъ новое, не имѣвшее ни традиціи, ни корней въ прошломъ. Воспитать и образовать „новаго“ человѣка, подобрать для него подходящую обстановку,

на которой онъ могъ бы провѣрить разумность перемѣнъ, внесенныхъ имъ въ человѣческія отношенія, дать ему численно усилиться настолько, чтобы онъ могъ оказывать на окружающую жизнь прямое воздѣйствіе—для выполненія такой задачи нужна была осмотрительная тактика и дисциплина, нужны были опытные вожди и благопріятная, воспріимчивая почва. Ничего этого не было въ той мѣрѣ, въ какой было нужно для успѣха дѣла. И всетаки, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, часть программы — и самая существенная — была выполнена. Создано было извѣстное настроеніе, если не въ широкихъ, то въ тѣсныхъ кругахъ, настроеніе боевое, не идущее на убыль, поддерживающее въ людяхъ сознаніе своей силы и сознаніе своего права на свободную иниціативу въ мысляхъ, чувствахъ и поступкахъ. Въ годы, когда мѣнялись внѣшнія формы жизни и дѣлались всевозможныя попытки сохранить ея старый духъ, когда эти попытки одерживали верхъ надъ всѣми реформаторскими стремленіями—присутствіе въ обществѣ радикальнаго духа, хотя бы и смятеннаго, и недисциплинированнаго, имѣло свое и большое значеніе въ дѣлѣ общественнаго воспитанія.

VIII.

Трудность положенія, въ какомъ очутились радикалы, создалась, конечно, постепенно. Положеніе обострялось въ зависимости отъ роста отрицательнаго отношенія новыхъ людей къ духовнымъ устоямъ недавняго міропониманія. Этотъ натискъ на религію, идеалистическую философію и эстетику радикалы произвели не сразу. Потребовалось приблизительно около десяти лѣтъ со дня начала новаго царствованія, прежде чѣмъ выработался вполнѣ тотъ типъ „отрицателя“ и вмѣстѣ съ тѣмъ фанатика новизны, который подъ разными кличками—„реалиста“, „радикала“ и въ особенности „нигилиста“—сталъ пугаломъ въ Россіи и, какъ это ни странно, за ея предѣлами. Этотъ типъ опредѣлился ясно къ серединѣ шестидесятыхъ годовъ, когда теоретическая разработка радикальной доктрины была, въ ея цѣломъ, закончена.

Никакихъ точныхъ хронологическихъ граней нельзя, конечно, установить въ этой исторіи развитія радикализма. Онъ развивался по всѣмъ направленіямъ, охватывая одновременно мысль, чувства и волю тѣхъ молодыхъ людей обоего пола, которые пожелали жить „по новому“. За всѣ годы своего роста, расцвѣта и убыли, радикализмъ не обнаружилъ какихъ-нибудь рѣз-

жихъ перемѣнъ въ своей доктринѣ или въ той программѣ жизни, какую онъ предлагалъ своимъ послѣдователямъ; но онъ имѣлъ несомнѣнно свою юность и свою зрѣлость, и онъ также, какъ вообще всѣ ученія, долженъ былъ пережить эпоху критическаго къ себѣ отношенія.

Было время, когда онъ почти сливался съ либерализмомъ общаго типа и жилъ въ дружбѣ со старшимъ поколѣніемъ. Дружба эта длилась очень короткій срокъ, и уже во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ радикалы стали читать мораль либераламъ и открыто нападать на „отсталость" во всѣхъ ея видахъ. Попытокъ построенія новыхъ ученій религіозныхъ, философскихъ и политическихъ въ тѣ ранніе годы еще никто не дѣлалъ, и первые проблески новаго критическаго взгляда на старую жизнь стали мелькать въ литературныхъ бесѣдахъ и въ разсужденіяхъ объ эстетикѣ. Это были годы, когда Чернышевскій выступилъ въ „Современникѣ" съ первыми своими критическими статьями и когда онъ сдѣлалъ попытку созданія новой эстетики. Ему на помощь тогда же (1856—1861) пришелъ Добролюбовъ. Продолжая начатое Чернышевскимъ, Добролюбовъ сосредоточилъ всѣ свои силы на возбужденіи и укрѣпленіи въ людяхъ особаго, дотолѣ мало развитого чувства—чувства „гражданскаго". Въ насажденіи этого чувства въ душахъ мало съ нимъ освоенныхъ заключается главная историческая заслуга Добролюбова. Чтобы приготовить людей къ новой жизни, надо было вооружить ихъ этимъ новымъ чувствомъ.

Полное развитіе радикальной доктрины и выработка цѣльнаго типа настоящаго радикала начались уже послѣ смерти Добролюбова, когда Чернышевскій, покинувъ эстетику и отрываясь отъ экономики, началъ проводить принципы философіи Фейербаха въ статьяхъ, посвященныхъ вопросамъ философскимъ, историческимъ и соціологическимъ. Въ романѣ „Что дѣлать" (1863), на которомъ прервалась въ шестидесятыхъ годахъ работа Чернышевскаго, радикализмъ получилъ полное руководство практической житейской морали и краткій катехизисъ новой научно-философской вѣры. Эта новая мораль и вѣра, намѣченныя у Чернышевскаго въ ихъ общихъ началахъ и очертаніяхъ, были затѣмъ (1862—1868) детально разработаны Писаревымъ. Не вникая вглубь вопросовъ, а идя въ ихъ обсужденіи вширь, интересуясь не столько отвлеченностями, сколько практикой жизни, Писаревъ сосредоточилъ всю силу своего таланта на вопросахъ этики личной и гражданской, опираясь въ этой

работѣ на послѣднія слова западной исторической и естественно-исторической науки.

Подъ вліяніемъ идей Чернышевскаго и Писарева радикализмъ шестидесятыхъ годовъ окрѣпъ и сложился въ той окончательной формѣ, которая уже не измѣнялась, не развивалась, а начала вывѣтриваться.

Если Добролюбову новые люди обязаны устойчивостью и интенсивностью своего гражданскаго чувства, то Чернышевскому и Писареву они обязаны широтой своего умственнаго горизонта и закаленіемъ ихъ воли, стремившейся сочетать новую теорію съ практикой.

Лаврову выпала на долю особая роль. Участникъ и свидѣтель радикальнаго движенія въ шестидесятыхъ годахъ, онъ въ самомъ концѣ ихъ былъ призванъ обозрѣть весь этапъ, пройденный радикалами въ первый законченный періодъ ихъ дѣятельности. Лавровъ былъ выразителемъ того критическаго къ себѣ отношенія, къ которому радикализмъ неизбѣжно долженъ былъ придти послѣ годовъ исканій и сложившихся убѣжденій. Надо было, подведя итогъ прошлому, провѣрить укрѣпившіеся взгляды на философскія начала жизни и утвердившуюся на практикѣ радикальную тактику. Лавровъ и приступилъ (1869—1870) къ критическому пересмотру философскихъ, этическихъ и соціологическихъ основоположеній радикализма и къ пересмотру назрѣвшаго вопроса о наиболѣе тѣсномъ сближеніи интеллигента съ народной массой.

Съ того времени какъ былъ опредѣленъ этотъ новый путь, по которому должны были пойти радикалы въ семидесятыхъ годахъ, можно считать первый періодъ ихъ дѣятельности законченнымъ.

Несторъ Котляревскій.

ГОДЪ ИТОГОВЪ И ПОМИНОКЪ

(Изъ научной лѣтописи 1909 года.)

*Окончаніе *)*

Дарвинизмъ, „вызвавшій движеніе почти безпримѣрное въ области человѣческой мысли“, возникъ въ скромной сельской обстановкѣ англійскаго country squire'a; „ce n'est pas lui“, писалъ о Дарвинѣ Альфонсъ Декандоль, „qui aurait demandé de construire des palais pour y loger des laboratoires“. Профессоръ Павловъ производилъ и продолжаетъ производить свои изслѣдованія, уже ставшія классическими, въ обстановкѣ, по его собственнымъ словамъ, далеко неудовлетворительной. Такъ же было и со спектроскопіей. Она зародилась въ болѣе чѣмъ скромной, съ современной точки зрѣнія, обстановкѣ самаго поэтическаго изъ тѣхъ маленькихъ университетовъ, которыми справедливо гордилась до-бисмарковская Германія.

Я засталъ его, этотъ славный Гейдельбергскій университетъ, въ ту блестящую эпоху, когда въ немъ творили и учили Бунзенъ, Кирхгофъ, Гельмгольцъ и мало извѣстный широкой публикѣ самоучка-ученый Гофмейстеръ, чья слава съ годами продолжаетъ расти. Просвѣщенное баденское правительство не остановилось для привлеченія этихъ научныхъ силъ передъ неслыханными въ то время, а теперь вызывающими снисходительную улыбку расходами для сооруженія необходимыхъ лабораторій. На современный глазъ убогая, лабораторія Бунзена считалась въ то время лучшей въ Германіи, а вмѣщавшее въ себѣ лабораторіи Кирхгофа и Гельмгольца (въ то время еще физіолога) двухэтажное зданіе съ какими-нибудь десятью окнами фасада слыло подъ именемъ Natur-Palast'a. Все въ этомъ поэтическомъ уголкѣ было полно ими. Прогуливаясь послѣ заката по Рорбахскому шоссе [1]), съ одной стороны прижавшемуся къ вереницѣ хол-

*) См. ноябрь, стр. 315.

[1]) Теперь уже на значительное разстояніе застроенному.

мовъ, а съ другой обвѣваемому ночной прохладой съ равнины, разстилающейся вплоть до воспѣтаго Тургеневымъ Швецингена, вы могли ожидать, что изъ надвигающейся мглы передъ вами выраститъ высокая, плечистая фигура, съ сверкающимъ въ самомъ углу рта окуркомъ сигары, и на ваше увѣренное, не смотря на темноту, „Guten Abend, Geheimrath", получите старчески ласковое, протяжное: „gu-u-uten Abend"; это Бунзенъ совершаетъ свою обычную вечернюю прогулку, направляясь ужинать въ Hôtel Schrieder. А въ самый разгаръ дня, въ послѣобѣденные часы (послѣ ранняго патріархальнаго обѣда добраго стараго времени) тамъ, за Неккаромъ, на поворотѣ дороги, съ которой открываются такіе чудные виды на единственныя въ своемъ родѣ развалины замка и которая на этотъ разъ оправдываетъ свое прозвище—Philosophenweg'a, можно было нерѣдко встрѣтить стройную, съ нѣсколько военной выправкой, съ неизмѣнно заложенными за спину руками, задумчивую фигуру величайшаго ученаго-мыслителя своего времени—Гельмгольца. Воспоминаніе объ открытіи спектральнаго анализа было еще живо въ памяти всѣхъ образованныхъ людей и ежегодно поминалось обычнымъ топаніемъ ногъ, замѣняющимъ у нѣмецкихъ студентовъ неприличные по ихъ мнѣнію апплодисменты. Химическая лабораторія вмѣщала не болѣе 60-ти человѣкъ, но за то въ ней цѣлый день, за вычетомъ двухъ часовъ на обѣдъ, безвыходно находился самъ Бунзенъ, переходившій отъ практиканта къ практиканту, или занимавшійся съ преуспѣвающими въ двухъ крошечныхъ комнаткахъ, посвященныхъ его спеціальности — газовому и спектральному анализу. На practicum Кирхгофа допускались всего 10—12 человѣкъ, но за то какъ замирало сердце, когда за дверью небольшой комнаты, предназначенной для этихъ занятій и примыкавшей къ квартирѣ профессора, раздавался стукъ костылей и на порогѣ появлялся самъ великій ученый, за всю свою бытность въ Гейдельбергѣ не имѣвшій ассистента [1]). О неразрывной дружбѣ между Бунзеномъ и Кирхгофомъ ходили любопытные анекдоты [2]). Вмѣстѣ

[1]) На лекціяхъ ему помогалъ Johann—слуга, въ свободное время оффиціантъ на заказныхъ обѣдахъ.

[2]) О томъ, какъ проста была обыденная жизнь интимнаго кружка этихъ геніальныхъ людей, можно судить по слѣдующему факту, приведенному въ любопытномъ сборникѣ анекдотовъ и пр. подъ названіемъ: *Bunseniana*. Бунзенъ, хотя и холостякъ, дѣлалъ отъ времени до времени пріемы своимъ семейнымъ коллегамъ. Эти вечера отличались самой непринужденной веселостью, казалось бы такъ мало вязавшейся съ внѣшнею чопорностью окружавшей среды, въ которой никому и въ голову не пришло бы называть ихъ иначе, какъ Geheim- или Geheim-Hofrath'ами. На этихъ вечерахъ, между прочимъ, играли въ шарады. Обычнымъ посѣтителямъ однажды представилась такая картина: вожатай (Гельмгольцъ) велъ верблюда (Бунзена), на горбу у котораго, убранномъ ковромъ, сидѣлъ въ богатой восточной одеждѣ маленькій паша (Кирхгофъ).

мнѣ никогда не приходилось ихъ видѣть, но трудно было бы представить себѣ бо́льшій контрастъ. Одинъ—высокій, плечистый, съ походкой въ развальцу, съ печатью добродушія и почти отеческой ласковости на широкомъ, открытомъ лицѣ; другой—маленькій, быстрый во всѣхъ своихъ движеніяхъ (даже не смотря на костыли), всегда изысканно учтивый и любезный, но съ тонкими, слегка лисьими чертами лица, всегда оставлявшими впечатлѣніе будто затаенной ироніи остраго, необыкновенно живого ума.

Не подлежитъ сомнѣнію, что помимо личной дружбы, сдѣлавшей ихъ надолго неразлучными, едва-ли въ лѣтописяхъ науки найдется другой примѣръ такой удачной ассоціаціи двухъ ученыхъ, какъ блестящаго, талантливаго физика Кирхгофа, котораго судьба свела съ самымъ свѣдущимъ въ физикѣ изъ современныхъ химиковъ, къ тому же въ эту пору спеціально заинтересовавшимся свѣтовыми реакціями химическихъ элементовъ. Бунзена главнымъ образомъ интересовала возможность характеризовать оптически химическія тѣла по самымъ ничтожнымъ ихъ количествамъ. Кирхгофъ съ первыхъ же шаговъ взглянулъ на дѣло глубже. Получивъ въ темной комнатѣ солнечный спектръ и поставивъ на пути лучей пламя, окрашенное поваренною солью, онъ съ удивленіемъ, вмѣсто замѣны черной Фрауенгоферовой линіи D—желтой, замѣтилъ только усиленіе черной. „Das scheint mir eine fundamentale Geschichte!“ — говорятъ, воскликнулъ онъ, выбѣгая со свойственной ему живостью изъ лабораторіи. На слѣдующій же день имъ уже было найдено объясненіе для этого основного факта. Это былъ первый набросокъ его теоріи обращенія спектральныхъ линій—закона соотношенія между излученіемъ и поглощеніемъ лучей, носящаго его имя. Спектральный анализъ сталъ вскорѣ не только средствомъ для анализа почти безконечно малыхъ количествъ вещества, но и совершенно новымъ пріемомъ анализа на разстояніи — анализа неприступныхъ предметовъ. Однимъ изъ первыхъ случаевъ примѣненія такого пріема былъ анализъ Бунзеномъ состава фейерверка, спущеннаго въ отстоящемъ недалеко отъ Гейдельберга Мангеймѣ, а его вѣнцомъ—анализъ состава отдаленнѣйшихъ звѣздъ, основаніе новой области астрономіи: астрофизики. Первый спектроскопъ Бунзена, всегда любившаго самые простые приборы, состоялъ изъ сигарочнаго ящика съ призмой и нѣсколькими линзами. Послѣднимъ словомъ въ развитіи этого прибора можно считать спектро-геліографъ Гэля, при помощи котораго этотъ ученый наканунѣ юбилейнаго года сдѣлалъ свое блестящее изслѣдованіе солнечныхъ пятенъ, доказавъ, что это—магнитныя бури.

Здѣсь не мѣсто перечислять всѣ поразительныя завоеванія спектроскопіи, усовершенствованіе ея методовъ (замѣну призмы рѣшет-

кой, примѣненіе фотографіи и т. д.), открытіе новыхъ невиданныхъ элементовъ, иныхъ—ранѣе на солнцѣ, чѣмъ на землѣ, изслѣдованіе движеній отдаленнѣйшихъ звѣздъ по линіи зрѣнія и т. д. Быть можетъ, нигдѣ эти завоеванія не были такъ поразительны, какъ именно въ области астро-физики. Возникло это движеніе снова въ самой скромной обстановкѣ. Піонеромъ его справедливо признается на дняхъ умершій серъ Уильямъ Гёггинзъ—одинъ изъ представителей того типа ученаго дилеттанта, какими такъ богата англійская наука. Живо помню, какъ въ одно, необычайное для Лондона, ясное, весеннее, слегка морозное утро я съ изумленіемъ постучалъ и позвонилъ у дверей скромнаго уютнаго домика сэра Уильяма въ Upper Tulse hill'ѣ, такъ какъ еще изъ вагона высматривалъ обычную картину обсерваторіи на горѣ—а поѣздъ остановился въ предмѣстьѣ Лондона, съ обычнымъ лабиринтомъ улицъ и сѣро-желтыхъ двухэтажныхъ домиковъ.

Сэръ Уильямъ принялъ меня въ своемъ маленькомъ, узенькомъ кабинетикѣ, до того узенькомъ, что его кресло едва помѣщалось между громаднымъ письменнымъ столомъ и пылавшимъ, по случаю холоднаго утра, каминомъ. Я разсказалъ ему, съ какимъ трудомъ его разыскалъ, введенный въ заблужденіе словомъ hill, на что привѣтливый восьмидесятилѣтній старикъ, смѣясь, отвѣтилъ: „я самъ былъ и того хуже обманутъ“. Онъ поселился здѣсь въ надеждѣ провести свою старость въ деревнѣ, какой и былъ въ шестидесятыхъ годахъ Tulse-hill; но вскорѣ Лондонъ придвинулся къ дверямъ его домика, а затѣмъ и совсѣмъ проглотилъ его. Поговоривъ со мною нѣсколько минутъ и зная, что я работаю хотя и въ другой области спектроскопіи, онъ сказалъ, что мнѣ, вѣроятно, интересно будетъ посмотрѣть его лабораторію и обсерваторію, на что я, конечно, поспѣшилъ отвѣтить, что никогда не посмѣлъ бы безпокоить его лишнимъ подъемомъ на обсерваторію, но, конечно, былъ бы очень счастливъ увидать колыбель астрофизики, какъ видѣлъ въ Гейдельбергѣ колыбель всей спектроскопіи.

По узенькой витой лѣстницѣ мы прямо изъ кабинета поднялись во второй этажъ, въ небольшую, невысокую, но освѣщенную со всѣхъ сторонъ комнату—химическую лабораторію. Въ ней особенно бросалась въ глаза громадная коллекція препаратовъ въ маленькихъ скляночкахъ—вѣроятно, коллекція всѣхъ извѣстныхъ элементовъ для сравненія ихъ спектровъ со спектрами небесныхъ тѣлъ. Еще нѣсколько оборотовъ лѣстницы—и мы очутились въ маленькой, но очень уютной астрономической башнѣ, съ телескопомъ и всѣми приспособленіями для спектроскопированія и спектрофотографированія. Въ нѣсколько минутъ сэръ Уильямъ показалъ мнѣ нѣкоторыя изъ своихъ остро-

умныхъ и крайне простыхъ приспособленій для фотографированія звѣздныхъ спектровъ, и мы спустились обратно въ кабинетъ. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе простое и въ то же время болѣе цѣлесообразное, чѣмъ это непосредственно сообщающееся тройное помѣщеніе—кабинетъ, лабораторія, обсерваторія,—гдѣ мысль, развитая на бумагѣ, немедленно переходила въ дѣло и, провѣренная наблюденіемъ, получала новую прочную почву для дальнѣйшаго обобщенія. Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось познакомиться съ почтенною лэди Гёггинзъ; она была въ Лондонѣ, какъ старички, по старой памяти, продолжаютъ называть центръ города, въ отличіе отъ своей окраины. Извѣстно, что лэди Гёггинзъ была дѣятельной помощницей своего мужа во всѣхъ его трудахъ. Сверхъ того она гравировала на деревѣ и иллюстрировала его, обыкновенно художественно издаваемые, труды. И все это было сдѣлано имъ на собственныя частныя средства; только нѣкоторые инструменты были ему ссужены Королевскимъ Обществомъ. Свои собственные сэръ Уильямъ повидимому завѣщалъ Кэмбриджскому университету, гдѣ на дняхъ открывается астрофизическая обсерваторія его имени.

Отъ первыхъ піонеровъ этого научнаго движенія сдѣлаемъ скачокъ къ самымъ послѣднимъ его успѣхамъ—къ тѣмъ изслѣдованіямъ профессора Гэля, которыя такъ славно завершили юбилейный періодъ великаго открытія гейдельбергскихъ ученыхъ. Задача, которую себѣ поставилъ американскій астрономъ, заключалась въ изученіи природы солнечныхъ пятенъ. Для ея успѣшнаго исполненія оказались необходимыми полувѣковыя усовершенствованія самаго метода изслѣдованія, замѣна призмы Роландовской рѣшеткой, замѣна визуальнаго наблюденія фотографическимъ, усовершенствованіе чувствительности фотографической пластинки, сдѣлавшее возможнымъ изученіе солнечной атмосферы на различныхъ ея уровняхъ посредствомъ фотографированія при помощи одной красной линіи водорода и т. д. А главное, самъ наблюдатель долженъ былъ приступить къ своей задачѣ во всеоружіи всѣхъ теоретическихъ завоеваній физики послѣдняго полувѣка, электро-магнитной теоріи свѣта геніальнаго Максуэля и теоріи электроновъ Томсона, Лоренца, Зеемана и другихъ современныхъ физиковъ. А вотъ во что превратился сигарный ящикъ Бунзена въ рукахъ Гэля: весь его приборъ составляетъ сооруженіе приблизительно въ сто футовъ вышиною. И замѣтимъ, что ни одинъ размѣръ, ни одна подробность не представляетъ какой-нибудь пустой роскоши, для того только, чтобы импонировать или отбить у другихъ охоту тягаться съ такимъ конкуррентомъ: все вынуждено самыми условіями задачи. Начнемъ описаніе прибора съ его средней части. Передъ нами комната съ обстановкой обычной современной физиче-

ской лабораторіи для изслѣдованія спектровъ (могучій электромагнитъ, индукторій и т. д.), а по срединѣ каменный столбъ—консоль, употребляемая для прочной установки приборовъ; въ нее вдѣлана подвижная горизонтальная щель—такая, какую видимъ на переднемъ концѣ всякаго спектроскопа, только необычно большихъ размѣровъ. Эта щель представляетъ, такъ сказать, центральную часть всего прибора, у котораго помѣщается самъ наблюдатель [1]). Прямо надъ этой щелью на крышѣ комнаты возвышается башня (или скорѣе одинъ желѣзный остовъ башни) въ 60 футовъ вышиною. Это—телескопическая часть прибора. Подъ щелью—колодезь въ 30 футовъ глубиною: это—спектроскопическая и одновременно фотографическая часть прибора, дающая на матовомъ стеклѣ, рядомъ со щелью, изображеніе желаемаго спектра.

Познакомимся теперь съ различными частями въ подробности. На верхушкѣ башни помѣщается вращающееся при помощи часового механизма зеркало, отражающее постоянно лучъ солнца вертикально внизъ и, при помощи надлежащей комбинаціи линзъ этой башни-телескопа, дающее изображеніе солнца (величиною въ 10 сантиметровъ въ діаметрѣ), совпадающее со щелью спектроскопа. Стоящій около нея наблюдатель можетъ легко наводить на нее какую угодно часть солнечнаго изображенія, изучаемое въ настоящемъ случаѣ пятно или даже только извѣстную его часть. Этотъ изолированный лучъ проходитъ черезъ щель въ колодезь, на днѣ котораго помѣщается Роландовская рѣшетка съ большимъ свѣторазсѣяніемъ. Полученный спектръ, отражающійся обратно наверхъ, какъ уже сказано, даетъ на матовомъ стеклѣ фотографическаго аппарата рядомъ со щелью изображеніе спектра наставленной на нее части солнца. Вотъ во что превратился въ наши дни сигарочный ящикъ Бунзена. Сооружено это чудо современной научной техники на средства извѣстнаго Карнэги; но для этого американскому ученому не пришлось ухаживать за своимъ меценатомъ или унижаться передъ нимъ. Онъ просто указалъ ему, какое полезное для науки примѣненіе тотъ можетъ сдѣлать изъ своихъ денегъ, а затѣмъ пригрозилъ, что если онъ откажется, то самъ осуществитъ свой планъ на собственныя скромныя средства, и милліардеру будетъ стыдно. Любопытны и та школа, которую продѣлалъ самъ профессоръ Гэль, и его отношеніе къ своей современной обстановкѣ. Уже въ ранней молодости онъ увлекался физикой, и его отецъ, человѣкъ состоятельный, объявилъ ему, что готовъ снабдить его необходимыми приборами, хотя бы и дорогими, но подъ условіемъ, чтобы каждый необ-

[1]) Въ англійской газетѣ „Nature“ помѣщенъ портретъ профессора Гэля именно въ этой боевой его позиціи, въ центрѣ его прибора.

ходимый ему приборъ молодой Гэль первоначально самъ себѣ смастерилъ хотя бы въ видѣ немудреной модели. На этихъ-то нелегкихъ условіяхъ обзавелся Гэль первымъ рабочимъ кабинетомъ; но, въ свою очередь, располагая, быть можетъ, самымъ совершеннымъ, самымъ дорогимъ приборомъ въ мірѣ, онъ не сталъ проповѣдывать, что только въ такой роскошной обстановкѣ и можно работать. Напротивъ, онъ высказываетъ мысль, что еслибъ такія обстановки отбили охоту у многочисленныхъ дилеттантовъ работать со своими скромными средствами, то онъ считалъ бы, что такой результатъ принесъ бы наукѣ болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Задача Гэля сводилась первымъ дѣломъ къ двумъ серіямъ фотографій: фотографіямъ пятенъ, которыя подавала ему сверху его башнятелескопъ, и фотографіямъ спектровъ, которыя подавались снизу изъ его спектроскопа-колодца, тѣ и другія—на уровнѣ каменной консоли его средней части—лабораторіи.

Мнѣ привелось видѣть подлинныя фотографіи Гэля—онѣ представляли „гвоздь" научной выставки на прошлогоднемъ „Conversazione" Королевскаго Общества [1]). Фотографіи пятенъ имѣютъ видъ ясныхъ спиральныхъ воронокъ или вихрей, крутящихся или въ направленіи часовой стрѣлки, или въ обратномъ. На основаніи современнаго ученія объ электронахъ (Лоренца, Зеемана и др.), Гэль пришелъ къ цѣлому ряду заключеній относительно этихъ вихрей раскаленныхъ газовъ. Эти вихри представляютъ магнитное поле, а въ магнитномъ полѣ спектральныя линіи раскаленныхъ газовъ должны представить такъ называемое Зееманово явленіе, т.-е. расширеніе, распаденіе и раздвиганіе линій, свѣтъ которыхъ къ тому же долженъ быть различно поляризованъ. Эту длинную цѣпь умозаключеній Гэль блистательно провѣрилъ при помощи своего колоссальнаго спектроскопа и набора помѣщенныхъ передъ щелью соотвѣтственныхъ поляризаціонныхъ приборовъ. Изслѣдованныя имъ спектральныя линіи оказались болѣе широкими, чѣмъ въ смежной, невозмущенной части солнечнаго диска, или даже рѣзко раздвоенными. Изслѣдовавъ ихъ при помощи поляризаціоннаго прибора (призмы Николя), онъ могъ, вращая призму, вызывать, какъ и слѣдовало ожидать, поперемѣнное потуханіе то той, то другой полосы, т.-е. показать полное сходство съ явленіемъ Зеемана, а произведя рядомъ, при помощи упомянутыхъ физическихъ приборовъ, параллельные лаборатарные опыты, можно было сравнивать явленія и съ ихъ количественной стороны.

Конечный выводъ изслѣдованія—что солнечныя пятна представляютъ магнитныя бури въ атмосферѣ раскаленныхъ паровъ. Уже и

---

[2]) Нѣкоторыя изъ нихъ воспроизведены въ „Nature".

ранѣе было замѣчено совпаденіе между пятнами на солнцѣ и магнитными возмущеніями на землѣ. Теперь этотъ эмпирическій фактъ представляется раціональнымъ, хотя относительно количественной зависимости явленій существуютъ еще нѣкоторыя сомнѣнія.

Такимъ образомъ, спектроскопъ позволяетъ намъ не только узнавать химическій составъ отдаленныхъ свѣтилъ, не только измѣрять ихъ невидимыя движенія (по линіи зрѣнія), но и дозволяетъ обнаруживать и даже измѣрять невидимыя для глаза магнитныя явленія.

Здѣсь невольно приходятъ на память неизмѣнно въ теченіе полувѣка повторяющіяся нападки на великаго мыслителя, воздвигнувшаго свою философскую систему на прочной почвѣ науки и потому ненавистнаго всѣмъ мистикамъ и метафизикамъ, но на этотъ разъ, по непонятному недоразумѣнію обличаемаго именно учеными. Каждый разъ, когда возникаетъ рѣчь о спектральномъ анализѣ, Огюсту Конту ставятъ въ укоръ, будто бы за тридцать лѣтъ до открытія элементарнаго состава небесныхъ тѣлъ онъ признавалъ его невозможность. Не устоялъ отъ этого соблазна и профессоръ Егоровъ въ своей прекрасной рѣчи на Московскомъ съѣздѣ [1]). Вотъ эти инкриминируемыя Конту слова: „Мы никогда не сумѣли бы никакимъ способомъ изучить ихъ (т.-е. небесныхъ тѣлъ) химическій составъ и минералогическое строеніе и, тѣмъ болѣе, природу организованныхъ тѣлъ, живущихъ на ихъ поверхности". Но такъ охотно цитирующіе эти слова въ теченіе полувѣка не дали себѣ труда прочесть слѣдующую непосредственно за ними оговорку, совершенно упраздняющую возможность взведенной на Конта напраслины. Вотъ что онъ говоритъ далѣе: „Но, конечно, было бы слишкомъ слѣпымъ притязаніемъ опредѣлять точныя границы нашимъ знаніямъ въ какой бы то ни было области философіи природы, такъ какъ, вдаваясь въ подробности, мы неизбѣжно установили бы эти границы или слишкомъ близко, или слишкомъ далеко... Во всякаго рода вопросахъ, возбуждаемыхъ по поводу небесныхъ тѣлъ, мы или ясно надѣемся, что въ конечномъ результатѣ они сведутся на визуальныя наблюденія болѣе или менѣе непосредственныя—и тогда безо всякаго колебанія мы признаемъ, что рано или поздно они станутъ намъ доступны, или мы признаемъ за очевидное, что, по самой своей природѣ, для своего разрѣшенія они нуждаются въ иного рода изслѣдованіяхъ, и въ такомъ случаѣ мы не колеблясь устранимъ ихъ, какъ коренным образомъ намъ непод-

---

[1]) Профессоръ Егоровъ, по крайней мѣрѣ, вѣрно передалъ слова Конта; того же нельзя сказать о Стратоновѣ. Въ появившемся въ томъ же 1909 году его великолѣпно иллюстрированномъ популярномъ сочиненіи „Солнце", эти слова превратились уже въ „Мы никогда не узнаемъ", а затѣмъ слѣдуетъ строгій выговоръ Конту: „употреблять слово „никогда" въ наукѣ преступно" („Солнце", стр. 64).

чиняющіеся; или же, наконецъ, мы не видимъ съ полною ясностью ни того, ни другого и должны вовсе воздерживаться отъ какого бы то ни было сужденія, до той поры, пока успѣхи нашихъ знаній не дадутъ намъ на то какихъ-нибудь указаній. Это послѣднее настроеніе ума, по несчастію очень рѣдко встрѣчающееся—крайне необходимо". Такимъ образомъ Контъ сначала даетъ такой отвѣтъ, какой далъ бы каждый химикъ или физикъ его времени [1]), но вслѣдъ за тѣмъ, какъ точный, крайне осторожный мыслитель, онъ даетъ такое ограниченіе, подъ которое подходитъ и спектральный анализъ, такъ что взводимое на него обвиненіе падаетъ на самихъ обвинителей, невнимательно читавшихъ геніальное произведеніе великаго мыслителя. Онъ утверждаетъ, что мы можемъ разсчитывать на такія только знанія, которыя достижимы оптическимъ путемъ. И вотъ, Гэль видитъ на солнцѣ магнитныя бури, которыхъ и на землѣ мы видѣть непосредственно не можемъ—но для этого потребовалась геніальная теорія Максуэля, объединившая электро-магнитныя и оптическія явленія.

Меня всегда удивлялъ фактъ, почему люди науки относились съ такимъ злорадствомъ къ Огюсту Конту—человѣку, всегда убѣжденно отстаивавшему первенствующее значеніе науки въ современной умственной культурѣ и никогда не принимавшему на себя роли проповѣдника ignorabimus. Поступая такимъ образомъ, они только играютъ въ руку темнымъ силамъ, ненавидящимъ Конта именно за то, что онъ отстаивалъ самостоятельность науки, ея независимость отъ мистики и метафизики, доказывая, что она сама себѣ философія [2]).

Не лучше ли было бы обратить вниманіе на нѣкоторыхъ нео- или псевдо-позитивистовъ, которые, еслибъ имѣли поболѣе авторитета, дѣйствительно оказали бы вредное, тормозящее вліяніе на успѣхи науки, во имя какихъ-то своихъ излюбленныхъ философскихъ теорій, впередъ опредѣляющихъ границы человѣческаго знанія. Приведу два

---

[1]) Ни одинъ ученый наканунѣ открытія спектроскопа на вопросъ: можно ли различать химическіе элементы по ихъ цвѣту? не задумался бы дать отрицательный отвѣтъ. Для осуществленія этой задачи понадобился геній Кирхгофа.

[2]) Именно такую роль сыграло у насъ Московское Психологическое Общество, объ условіяхъ возникновенія и о дальнѣйшей судьбѣ котораго разсказалъ недавно М. М. Ковалевскій въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ. При своемъ возникновеніи оно чуть не въ большинствѣ состояло изъ позитивистовъ, но вскорѣ оказалось въ рукахъ заправилъ, не замедлившихъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ показать свое отношеніе къ позитивизму. Когда Обществу предстояло присудить премію за лучшее сочиненіе о позитивной философіи, они присудили ее автору поверхностнаго и бездарнаго пасквиля на Конта, а когда общество рѣшило почтить столѣтіе со дня рожденія Конта рядомъ лекцій и распредѣлило роли между спеціалистами, тѣ же заправилы повели дѣло такъ, что чествованіе не состоялось, между тѣмъ какъ чествованіе метафизика Шопенгауэра состоялось съ подобающею помпой.

примѣра. Припоминаю, какъ въ мартѣ 1903-го года, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пресловутой „Naturphilosophie“ Оствальда, съ которой я полюбопытствовалъ познакомиться вскорѣ послѣ ея появленія, и гдѣ меня особенно возмутила самоувѣренная фраза, въ которой нѣмецкій химикъ-философъ пророчествуетъ о томъ времени, когда „атомы будутъ существовать только въ пыли библіотекъ“, — я пріѣхалъ въ Лондонъ. Послѣ обѣда, даннаго мнѣ Королевскимъ Обществомъ, лордъ Кельвинъ, рядомъ съ которымъ я сидѣлъ, обратился къ подошедшему къ намъ сэру Уильяму Круксу:—„Круксъ, угостите нашего гостя вашей новинкой“. — Круксъ пригласилъ насъ (меня и моего сына) послѣдовать за нимъ мимо буфета и кухни въ какой-то совершенно темный чуланчикъ и, вынувъ изъ жилетнаго кармана маленькую трубочку, величиной не болѣе обыкновеннаго микроскопнаго окуляра, передалъ ее мнѣ. Никогда не забуду того впечатлѣнія, которое я испыталъ, заглянувъ въ нее. Передо мной былъ рой падающихъ звѣздъ, но на другомъ полюсѣ космоса—атомы гелія, какъ позднѣе выяснилъ Рутерфордъ, бомбардировали фосфоресцирующую пластинку *спинтарископа*: это былъ онъ, этотъ остроумнѣйшій приборъ одного изъ наиболѣе изобрѣтательныхъ современныхъ физиковъ. „Вы, конечно, понимаете“,—добавилъ Круксъ—„то, что мы видимъ, не сами атомы, а подобіе тѣхъ круговъ, которые разбѣгаются на поверхности воды отъ брошеннаго камня“. Когда я пришелъ въ себя отъ волненія, понятнаго только ученому, передъ блестящимъ завоеваніемъ человѣческаго ума, первая мысль, пришедшая мнѣ въ голову, была: „Ну, что теперь скажутъ г.г. Оствальдъ и К⁰? Куда упрячетъ онъ свое пророчество, не пережившее и нѣсколькихъ недѣль?“ Съ тѣхъ поръ прошло семь лѣтъ. Физики не только видятъ цѣлые рои, но и улавливаютъ отдѣльные атомы. Оствальдъ, кажется, раскаялся, но тотъ философъ, которому посвящена „Naturphilosophie“, даже въ эту минуту, послѣ окончательнаго торжества атомизма, продолжаетъ обнаруживать упорство, достойное лучшаго дѣла. Если Конта (какъ мы видѣли, безъ всякаго основанія) корили за то, что онъ за тридцать лѣтъ не угадалъ открытія спектроскопа, то что же сказать о Махѣ, который черезъ семь лѣтъ послѣ открытія спинтарископа, черезъ годъ послѣ окончательнаго торжества атомизма, отвѣчая Планку, высказавшему совершенно ясную мысль, что современный физикъ говоритъ о вѣсѣ атома съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ астрономъ говоритъ о вѣсѣ луны—позволяетъ себѣ такую сомнительнаго остроумія выходку [1]: „Если вѣра въ атомы для васъ такъ существенна, то я отказы-

[1]) Все въ той же „Revista“, менѣе и менѣе оправдывающей свое заглавіе (di Scienza) и болѣе и болѣе погружающейся въ бездну метафизики.

ваюсь отъ физическаго образа мышленія; я не желаю быть истиннымъ физикомъ, воздерживаюсь отъ какой бы то ни было оцѣнки научныхъ цѣнностей, не желаю оставаться въ общинѣ вѣрующихъ, свобода мысли мнѣ дороже".

Какія трескучія фразы! Свобода отъ чего? Отъ строго научно доказаннаго факта — опровергающаго излюбленную философскую теорійку. А еще недавно Махъ просилъ своихъ читателей считать его ученымъ, а не философомъ. Какъ неудачно это глумленіе надъ физиками, это обзываніе ихъ общиной вѣрующихъ, въ устахъ человѣка, выбывшаго когда-то изъ рядовъ физиковъ, чтобы стать адептомъ ученія его преосвященства епископа Клойнскаго! И не назидательно ли такое сравненіе: Гэль, какъ мы только-что видѣли, не имѣлъ инструментовъ и самъ себѣ ихъ сдѣлалъ; Махъ не имѣлъ инструментовъ и сдѣлался самъ философомъ—сталъ изучать Берклея [1]). Въ томъ все различіе между ученымъ и философомъ. Махъ такъ гордится своей экономической теоріей умственнаго творчества, что ему не мѣшало бы вспомнить, какъ отецъ экономической науки (Адамъ Смитъ) опредѣляетъ, что такое философъ: „a philosopher is a person whose trade is to do nothing and speculate on every thing" [2]).

Торжествомъ атомическаго ученія, противъ котораго Махъ затѣваетъ свой безнадежный походъ во имя какой-то призрачной свободы мысли, было прошлогоднее собраніе Британской Ассоціаціи въ Винипегѣ, на которомъ Рутерфордъ сообщалъ, какъ ему удалось, при помощи усовершенствованнаго пріема, основаннаго на примѣненіи спинтарископа Крукса, изолировать отдѣльные атомы гелія. А Томсонъ, въ своей президентской рѣчи, разъяснилъ, что этимъ замѣчательнымъ успѣхомъ физики обязаны тому обстоятельству, что обладаютъ теперь измѣрительнымъ методомъ, въ милліоны разъ превышающимъ чувствительность спектральнаго анализа. Вотъ это интересное мѣсто его блестящей рѣчи: „Великое преимущество электрическихъ методовъ для изученія свойствъ матеріи обязано своимъ происхожденіемъ тому факту, что когда частица заряжена, она очень легко обнаруживается, между тѣмъ какъ незаряженная частица легко ускользаетъ отъ наблюденія. Простое вычисленіе позволяетъ намъ наглядно выразить различіе въ нашей способности обнаруживать заряженныя и незаряженныя частицы. Наименьшее количество матеріи, когда-либо обнаруженное, вѣроятно — количество неона, одного изъ

[1]) Автобіографическая подробность, сообщаемая Махомъ въ той же его статьѣ. Но и безъ нея, я полагаю, всякому понятно вліяніе Берклея на весь философскій складъ мышленія Маха.

[2]) Трудно передаваемая игра словъ: „Философъ—такой субъектъ, который ничего не производитъ, а надъ всѣмъ спекулируетъ".

инертныхъ газовъ атмосферы. Проф. Струтъ показалъ, что содержаніе неона въ $^1/_{20}$ кубическаго сантиметра воздуха при обыкновенномъ давленіи можетъ быть обнаружено при помощи спектроскопа. По сэру Уильяму Рамзею, содержаніе неона не превышаетъ одной части на 100.000 частей атмосферы воздуха, такъ что въ $^1/_{20}$ кубическаго сантиметра воздуха при обыкновенномъ давленіи объемъ неона не превышаетъ половины милліонной доли кубическаго сантиметра. Выраженное такимъ образомъ количество это кажется очень мало. Но въ этомъ маломъ объемѣ заключается десять милліоновъ молекулъ. Если мы вспомнимъ, что все населеніе земли считается примѣрно въ полторы тысячи милліоновъ, то оказывается, что наименьшее число молекулъ неона, которое мы обнаруживаемъ спектроскопомъ, еще въ семь тысячъ разъ превышаетъ все населеніе земли. Другими словами, еслибъ у насъ не было лучшаго пріема для обнаруженія присутствія человѣка, то мы признали бы землю необитаемой. Сравнимъ этотъ пріемъ съ нашей способностью обнаруживать молекулы заряженныя. При помощи электрическаго метода, еще лучше—посредствомъ метода Вильсона, основаннаго на вызываніи туманнаго облачка, мы можемъ обнаруживать присутствіе трехъ или четырехъ молекулъ въ кубическомъ сантиметрѣ. Рутерфордъ показалъ, что мы можемъ доказать присутствіе одной α частицы. А эта α частица—не что иное, какъ одинъ заряженный атомъ гелія. Еслибъ этотъ атомъ не былъ заряженъ, понадобилось бы ихъ милліонъ милліоновъ вмѣсто одного для того только, чтобы обнаружить ихъ присутствіе".

Итакъ, спектроскопическій методъ, считавшійся самымъ чувствительнымъ изъ всѣхъ, находящихся въ распоряженіи физики, наканунѣ своего юбилея долженъ склонить голову передъ другимъ, въ милліонъ милліоновъ разъ болѣе чувствительнымъ. Благодаря послѣднему, атомическая теорія, бывшая давно уже очевидностью для умственнаго взора физика, стала легко и наглядно наблюдаемымъ фактомъ. Въ ней можетъ убѣдиться всякій при помощи спинтарископа, помѣщающагося въ жилетномъ карманѣ. Если не такъ непосредственно, то косвенно можетъ убѣдиться въ ней каждый микроскопистъ, наблюдавшій еще въ 1827-мъ году открытое англійскимъ ботаникомъ Брауномъ, но только въ прошломъ году окончательно разъясненное Перреномъ, движеніе мельчайшихъ частицъ любого вещества, взвѣшанныхъ въ жидкости. Въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что это видимое движеніе—только результатъ невидимыхъ движеній молекулъ жидкости [1]).

[1]) Могу съ гордостью сказать, что на своихъ лекціяхъ съ 1870-го года я указывалъ, что единственное удовлетворительное объясненіе этого явленія—то, которое даетъ кинетическая теорія строенія матеріи.

Но если спектроскопическій методъ, еще вчера стоявшій по своей чувствительности во главѣ всѣхъ пріемовъ физическаго изслѣдованія, долженъ уступить это мѣсто новѣйшимъ завоеваніямъ физики, то это нисколько не умаляетъ его заслугъ въ прошломъ, не ограничиваетъ поля его примѣненія въ будущемъ. Намъ приходится остановиться еще на одной области явленій, гдѣ онъ нашелъ себѣ примѣненіе и которой, по богатству своей темы, ни профессоръ Кайзеръ, ни профессоръ Егоровъ не имѣли возможности коснуться въ своихъ интересныхъ рѣчахъ. Это—область біологіи, область жизненныхъ явленій [1]). Такъ какъ жизнь ограничена очень узкими предѣлами температуры, то понятно, что спектроскопъ служилъ здѣсь почти исключительно для изученія спектровъ поглощенія. Какъ и въ астрофизикѣ, на первыхъ порахъ онъ служилъ для цѣлей аналитическихъ—для характеристики, для идентифицированія органическихъ тѣлъ по ихъ оптическимъ свойствамъ, ихъ спектрамъ поглощенія. Эти изслѣдованія касались двухъ самыхъ важныхъ въ органическомъ мірѣ пигментовъ: краснаго пигмента крови—гемоглобина—въ животномъ царствѣ и зеленаго пигмента листьевъ—хлорофилла—въ растительномъ. Англійскій физикъ Стоксъ, вскорѣ послѣ открытія спектроскопа, показалъ, какъ возможно имъ воспользоваться для характеристики превращенія крови изъ артеріальной въ венозную и обратно, и предложилъ реактивъ для воспроизведенія этихъ явленій передъ спектроскопомъ. Въ настоящее время каждый можетъ легко сдѣлать этотъ опытъ въ нѣсколько минутъ надъ самимъ собою. Для этого стоитъ только маленькій карманный спектроскопчикъ направить на хорошо освѣщенный ноготь своего пальца. Мы увидимъ тогда спектръ артеріальной крови; перетянемъ основаніе пальца бичевкой и черезъ минуту получается спектръ венозной крови. Эта спектральная характеристика крови въ рукахъ Клода Бернара доставила средство обнаруживать и то отравленіе крови, которое вызывается окисью углерода при угораніи. Ровно сорокъ лѣтъ тому назадъ я представилъ на первый московскій съѣздъ естествоиспытателей свою первую работу по спектральному анализу хлорофилла. Это была первая работа, въ которой сочетались точные химическіе пріемы разложенія съ точной спектральной характеристикой полученныхъ продуктовъ [2]). Что это былъ единственный вѣрный путь—доказываютъ неудачи моихъ ближайшихъ предшественниковъ, приведшія ихъ къ убѣжденію въ непригодности спектроскопа, а еще болѣе тотъ фактъ, что самый недавній изслѣдователь хлоро-

[1]) Эта сторона спектроскопіи должна была составить предметъ моей рѣчи при открытіи ботаническаго отдѣла Московскаго съѣзда.

[2]) Въ настоящее время число работъ, касающихся спектроскопическаго изслѣдованія хлорофилла, по Кайзеру дошло до полутысячи.

филла, Вильштеттеръ, въ началѣ своей работы отказавшійся отъ пользованія спектроскопомъ, въ концѣ ея прибѣгъ, въ качествѣ самаго убѣдительнаго доказательства, къ тому самому спектроскопическому пріему, который былъ предложенъ мною. Изслѣдованіе мое было сдѣлано въ лабораторіи Бунзена, и всѣ мои коллеги удивлялись, что онъ сдѣлалъ для меня исключеніе, дозволивъ работать надъ органическимъ веществомъ въ лабораторіи, исключительно предназначенной для неорганическихъ работъ. Какъ сейчасъ вижу добраго старика, когда я принесъ ему свой въ первый разъ полученный спектрально чистый хлорофиллинъ. Выхвативъ колбу изъ моихъ рукъ, онъ съ чисто юношеской поспѣшностью взбѣжалъ по скрипучимъ ступенькамъ аудиторіи къ единственному окну, въ которое заглядывало солнце, и, долго любуясь роскошной флуоресценціей препарата [1]), приговаривалъ своимъ тонкимъ теноркомъ: „sehr schön, sehr schön".

Позднѣе, при помощи того же спектроскопа, мнѣ удалось найти и для хлорофилла реакціи окисленія и раскисленія, подобныя тѣмъ, которыя Стоксъ нашелъ для крови. Самымъ интереснымъ результатомъ примѣненія спектроскопа въ этомъ аналитическомъ направленіи въ біологіи должно признать работы польскихъ химиковъ Ненцкаго и Мархлевскаго; имъ удалось показать, что изъ гемоглобина крови и хлорофилла можно получить продукты, положительно между собою схожіе—что даетъ право заключить объ общемъ происхожденіи этихъ двухъ веществъ, быть-можетъ наиболѣе характеристичныхъ для двухъ царствъ: растеній и животныхъ.

Но спектроскопія въ біологіи сыграла другую, болѣе важную роль, чѣмъ роль простого аналитическаго пріема. Мы видѣли, какъ Гэль сумѣлъ воспользоваться этимъ методомъ для раскрытія связи между магнитными явленіями на землѣ и на солнцѣ; но существуетъ другая, несравненно болѣе существенная связь — связь между солнцемъ и жизнью на землѣ. Истинное значеніе этой связи было выяснено только тѣмъ ученіемъ, которое возникло въ концѣ второй половины прошлаго вѣка и было едва-ли не самымъ важнымъ его научнымъ завоеваніемъ. Это было ученіе о сохраненіи энергіи. При свѣтѣ его приступило къ своей дѣятельности наше поколѣніе, и каждый, кто могъ, старался примѣнить его въ своей области изслѣдованія. Я былъ первымъ ботаникомъ, заговорившимъ о немъ, примѣнившимъ его въ физіологіи растеній. Робертъ Мейеръ вполнѣ опредѣленно высказалъ, что возможность жизни на землѣ зависитъ отъ поглощенія солнечной энергіи зелеными растеніями и ея превращенія въ потенціальную химическую

---

[1]) Въ то время эозинъ и пр. еще не были извѣстны и флуоресценція хлорофиллина была чуть ли не самой эффектной.

энергію образующагося при этомъ органическаго вещества. „Но—добавляетъ онъ—мы должны еще доказать, что свѣтъ, падающій на живое растеніе, дѣйствительно получаетъ иное назначеніе“.

Разрѣшенію этой задачи, поставленной великимъ творцомъ ученія о сохраненіи энергіи, посвятилъ я почти сорокъ лѣтъ своей научной дѣятельности, встрѣчая только враждебное отношеніе со стороны своихъ нѣмецкихъ коллегъ, въ концѣ концовъ однако оказавшихся вынужденными признать вѣрность всѣхъ полученныхъ мною результатовъ. Съ первыхъ же шаговъ для меня было ясно, что разрѣшить вопросъ можетъ только спектроскопъ: только онъ можетъ „опредѣлить составныя части солнечнаго луча, участвующія посредственно или непосредственно въ этомъ процессѣ, прослѣдить ихъ участь въ растеніи до ихъ уничтоженія, т.-е. до ихъ превращенія во внутреннюю работу“ и т. д. [1]) Установить связь между солнцемъ и дѣятельностью зеленаго растенія, значило доказать, что именно лучи, поглощаемые зеленымъ веществомъ растенія—хлорофилломъ, затрачиваются на разложеніе въ немъ углекислоты воздуха, результатомъ чего является образованіе того органическаго вещества, которое служитъ единственнымъ источникомъ пищи для всего растительнаго и животнаго міра. Этотъ хлорофиллъ, какъ извѣстно, встрѣчается въ зеленыхъ тканяхъ растенія въ видѣ ярко зеленыхъ зернышекъ или крупинокъ, распредѣленныхъ въ совершенно безцвѣтной массѣ и видимыхъ только въ микроскопъ.

Возьмемъ обыкновенный Бунзеновскій спектроскопъ и вмѣсто того, чтобы помѣщать передъ нимъ (какъ въ опытѣ Гэля) телескопъ, придвинемъ къ нему сзади зеркало микроскопа, помѣстивъ подъ столикомъ микроскопа (вмѣсто окуляра спектроскопа) одинъ изъ его объективовъ, но въ обратномъ положеніи. Въ полѣ микроскопа мы получимъ (вмѣсто огромнаго Гэлевскаго) блестящій маленькій спектръ величиною въ булавочную головку, который обычнымъ способомъ можемъ разсматривать при какомъ угодно увеличеніи. Если теперь на столикѣ микроскопа помѣстимъ препаратъ, заключающій хлорофилловыя зерна и будемъ его передвигать такъ, чтобы одно и то же зерно перемѣщалось изъ одной части спектра въ другую, то получимъ такую картину. Въ нѣкоторыхъ частяхъ спектра зерно будетъ совершенно прозрачно и, слѣдовательно, окрашено въ цвѣтъ этой части спектра; въ другихъ частяхъ оно будетъ становиться чернымъ, какъ уголекъ. Значитъ, въ этихъ послѣднихъ мѣстахъ лучи солнца исчезаютъ какъ свѣтъ, поглощаются, превращаясь во внутреннюю работу. Теперь предстоитъ доказать, что эта работа — не только физическая работа нагрѣванія (какъ было бы, еслибъ это были дѣйствительно черные угольки),

---

[1]) Труды перваго съѣзда въ Петербургѣ, 1868 г.

но и химическая работа разложенія углекислоты, какъ этого требовалъ Робертъ Мейеръ. Для этого необходимо было сдѣлать другой опытъ. Въ темной комнатѣ получается уже не микроскопическій спектръ, а такой большой, въ которомъ можно распредѣлить рядъ стеклянныхъ трубочекъ съ зелеными листьями. Отношеніе этихъ листьевъ къ углекислотѣ изслѣдуется усовершенствованнымъ пріемомъ газоваго анализа. Опытъ доказалъ, какъ того желалъ Мейеръ, что именно лучи, поглощаемые хлорофилломъ, и затрачиваются на химическій процессъ разложенія углекислоты. Результатомъ этого процесса разложенія углекислоты, какъ извѣстно, является отложеніе въ зеленомъ листѣ крахмала. И это явленіе, въ свою очередь, должно зависѣть отъ тѣхъ же лучей, которые поглощаются хлорофилломъ. Для провѣрки этого на живой листъ, находящійся въ связи съ растеніемъ, въ темной комнатѣ отбрасываютъ яркій солнечный спектръ. На мѣстѣ этого спектра долженъ образоваться въ листѣ крахмалъ, и если это зависитъ отъ поглощенія свѣта хлорофилломъ, то только въ тѣхъ лучахъ, которые поглощены хлорофилломъ. Другими словами, въ листѣ должно получиться изображеніе спектра хлорофилла—изъ крахмала. Но это изображеніе, какъ и скрытое изображеніе на фотографической пластинкѣ, невидимо: его нужно проявить. Проявителемъ въ этомъ случаѣ служитъ іодъ. Какъ и слѣдовало ожидать, на мѣстѣ солнечнаго спектра получается черный спектръ хлорофилла изъ окрашеннаго іодомъ крахмала. Словомъ, на живомъ листѣ, благодаря этой своеобразной фотографіи удается снова получить то доказательство, котораго требовалъ Р. Мейеръ.

Такимъ образомъ спектроскопъ сыгралъ въ біологіи совершенно особую роль; онъ служилъ не простымъ только аналитическимъ пріемомъ, а далъ объясненіе самому факту космической связи между солнцемъ и зеленымъ растеніемъ.

Если въ астрофизикѣ онъ пролилъ свѣтъ на происхожденіе солнечнаго луча, то здѣсь онъ показалъ его конечную участь на землѣ. Хлорофилловое зерно—тотъ фокусъ, та точка въ міровомъ пространствѣ, гдѣ солнечный лучъ, превращаясь въ химическую энергію, становится источникомъ всей жизни на землѣ [1]). Это, какъ я ее назвалъ, космическая функція зеленаго растенія.

---

[1]) Разсмотрѣнныя здѣсь явленія возбудили въ послѣднее время новый интересъ въ публикѣ, благодаря преувеличенному значенію, приданному интересному изслѣдованію Даніэля Бертло (сына знаменитаго химика) и еще болѣе благодаря тому невообразимому вздору, который ухитрился наговорить по этому поводу публицистъ „Новаго Времени"—Меньшиковъ. Даніэль Бертло сообщилъ Парижской академіи, что ему удалось наконецъ получить (предполагаемое физіологами) разложеніе углекислоты безъ участія зеленаго растенія подъ вліяніемъ одного свѣта—свѣта ртутно-

Такимъ образомъ спектроскопъ разъяснилъ природу космической связи между солнцемъ и жизнью на нашей планетѣ при посредствѣ хлорофилла. Отсюда понятенъ тотъ интересъ, который возбудило открытіе профессоромъ Лоуэлемъ въ спектрахъ дальнихъ планетъ абсорпціонной полосы, совпадающей съ самой характерной полосой хлорофилла. Присутствіе этого тѣла могло бы служить показателемъ возможности и того фотохимическаго процесса, съ которымъ связано существованіе жизни на нашей планетѣ [1]). Прежде всего мысль, конечно, обращалась къ той планетѣ, которая уже дала такія ясныя указанія на присутствіе жизни—къ Марсу. Еслибъ Лоуэлю удалось показать, что тѣ синезеленыя пространства, которыя прежде считали за моря, а онъ совершенно основательно признаетъ за площади, покрытыя растительностью—обнаруживаютъ эту абсорпціонную полосу, то его предположеніе превратилось бы въ достовѣрный фактъ. Я обмѣнялся съ профессоромъ Лоуэлемъ письмами, указывая, на основаніи своей долгой опытности въ этомъ вопросѣ, что только дифференціальный спектръ Марса, а не такіе интегральные спектры, которые получены на Флагстафской обсерваторіи для другихъ планетъ, могъ бы разрѣшить вопросъ [2]). Профессоръ Лоуэль любезно отвѣтилъ мнѣ, что вопросъ о хлорофиллѣ на Марсѣ уже болѣе семи лѣтъ интересуетъ астрономовъ Флагстафской обсерваторіи, но что полученіе дифференціальнаго спектра такого малаго предмета пока неразрѣшимъ. „Впрочемъ,—пишетъ онъ въ заключеніе,—время, быть можетъ, и въ этомъ случаѣ поможетъ найти разрѣшеніе".

Истекшій годъ въ извѣстномъ смыслѣ можетъ быть названъ годомъ Марса, такъ какъ послѣднее его противостояніе вновь обострило совершенно исключительный интересъ, возбуждаемый этой планетой. Всѣ телескопы направились на нее, а главное заскрипѣли перья многочисленныхъ противниковъ Лоуэля, пытающихся возбудить со-

---

кварцевой лампы. Къ сожалѣнію, имъ приведенъ только одинъ вполнѣ убѣдительный опытъ, такъ какъ въ остальныхъ результатъ усложнялся тѣмъ, что разложеніе происходило въ присутствіи фосфора и на очень близкомъ разстояніи отъ лампы, а разложеніе углекислоты фосфоромъ было осуществлено еще при Лавуазье русскимъ химикомъ —Мусинымъ-Пушкинымъ.

Приводимое Даніэлемъ Бертло соображеніе, что свѣтъ этой лампы особенно богатъ „химическими лучами", ничего не поясняетъ, такъ какъ выраженіе „химическіе лучи" давно сдано въ архивъ и объясненія нужно искать совершенно съ иной стороны.

[1]) Эти спектры воспроизведены Лоуэлемъ въ его крайне интересной книгѣ: „The Evolution of Worlds", вышедшей уже въ 1910-мъ году.

[2]) Благодаря любезности П. К. Штернберга и С. Н. Блажко, я могъ видѣть Марса при исключительно благопріятныхъ условіяхъ прошлаго года и воочію убѣдиться въ вѣрности моихъ соображеній.

мнѣнія въ блестящихъ результатахъ его изслѣдованій. И чего-чего не было наговорено по этому поводу. Одинъ въ тридцать секундъ, въ теченіе которыхъ ему удалось наблюдать, свелъ къ нулю двѣнадцатилѣтніе труды флагстафскихъ астрономовъ; другой утверждалъ, что новое наблюденіе „навсегда покончило съ легендой о каналахъ"; третій ухитрялся увѣрять, что новыя наблюденія подтверждаютъ наблюденія Скіапарелли, опровергая только Лоуэля. Между тѣмъ извѣстно, что покойный итальянскій астрономъ (онъ умеръ уже въ 1910-мъ году) давно успѣлъ высказать Лоуэлю свое nunc dimittis по поводу его чудныхъ фотографій каналовъ. Неизвѣстно, успѣлъ ли онъ увидѣть и тѣ еще болѣе поразительныя, которыми Лоуэль отвѣтилъ своимъ критикамъ. По словамъ одного англійскаго астронома, европейскіе противники Лоуэля лучше всего сдѣлали бы, еслибъ предприняли поѣздку въ Флагстафъ для того, чтобы убѣдиться, что небо Аризоны— не то, что небо европейскихъ столицъ, гдѣ можно дѣлать наблюденія частенько только въ теченіе нѣсколькихъ секундъ [1]).

Въ своей лекціи, прочитанной въ Лондонѣ, Лоуэль ограничился по адресу своихъ критиковъ замѣчаніемъ, что фотографіи—очень важное пособіе, но и глазъ—превосходное орудіе, важнѣе же всего нѣчто третье, что помѣщается гдѣ-то позади глаза. Это упоминаніе особенно умѣстно по адресу тѣхъ критиковъ, которые воображаютъ, что опровергли существованіе каналовъ потому, что имъ будто бы удалось разложить линіи каналовъ на ряды точекъ. Еслибъ это наблюденіе и оказалось вѣрнымъ, оно ничего не опровергло бы, такъ какъ полосы растительности въ долинахъ, орошаемыхъ каналами (а о нихъ только и говоритъ Лоуэль), могутъ расширяться и съуживаться и даже мѣстами вовсе прерываться.

Наблюденія 1909 г. любопытны въ томъ отношеніи, что Лоуэлю удалось открыть цѣлую новую систему каналовъ, которыхъ несомнѣнно не существовало, а не только не было замѣчено ранѣе; онъ замѣчаетъ, что только въ Флагстафѣ, съ его многолѣтней лѣтописью наблюденій, можно это утверждать съ полною увѣренностью, такъ какъ эти каналы значительно рѣзче многихъ другихъ зарегистрированныхъ ранѣе. Объясняетъ этотъ фактъ Лоуэль такимъ образомъ: вслѣдствіе болѣе обильнаго таянія полярныхъ снѣговъ вода вновь проникла въ каналы, которые пересохли за послѣдніе годы, и оживила растительность по ихъ берегамъ.

---

[1]) Припоминаются мнѣ слова покойнаго Ѳ. А. Бредихина: „повѣрьте, что Скіапарелли со своей небольшой трубой подъ итальянскимъ небомъ видитъ лучше, чѣмъ всѣ астрономы Пулковской обсерваторіи" (Бредихинъ тогда еще не былъ ея директоромъ). Въ настоящемъ году большая группа европейскихъ астрономовъ посѣщаетъ Гэля въ Маунтъ-Вильсонѣ, откуда предполагается экскурсія къ Лоуэлю, въ Флагстафъ.

Если существованіе растительности на Марсѣ очень вѣроятно, то спрашивается, возможно ли предположить, что на тѣхъ отдаленныхъ планетахъ, на которыхъ, повидимому, подмѣчаютъ спектръ хлорофилла, можетъ совершаться фотохимическій процессъ, подобный тому, который обусловливаетъ возможность жизни на землѣ?

Еще съ годъ тому назадъ отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы отрицательный; Бунзенъ и Роско въ шестидесятыхъ годахъ приходили къ заключенію, что на такомъ разстояніи солнечный свѣтъ долженъ утрачивать свое химическое дѣйствіе. Но въ своей удивительной по богатству содержанія уже упомянутой рѣчи Дж.-Дж. Томсонъ изложилъ въ доступной формѣ свои воззрѣнія на природу свѣта. На основаніи его воззрѣній, представляющихъ развитіе ученія Максуэля, лучистая энергія распредѣляется неравномѣрно по всему фронту свѣтовой волны, такъ что еслибъ мы могли наблюдать его въ какой-нибудь ультра-ультра микроскопъ, то увидали бы не равномѣрно освѣщенное поле, а темное, усѣянное свѣтлыми точками. На основаніи этого воззрѣнія можно сдѣлать выводъ, что и возможность химическаго дѣйствія свѣта не будетъ убывать съ разстояніемъ равномѣрно по всей поверхности, а будетъ убывать только число точекъ на извѣстной площади, скажемъ—число молекулъ, въ которыхъ вызывается химическое дѣйствіе. Этимъ, напримѣръ, объяснялась бы возможность фотографированія тѣлъ, лежащихъ на предѣлахъ доступной намъ вселенной [1]). Позволю себѣ для объясненія различія двухъ воззрѣній прибѣгнуть къ такому сравненію. Положимъ, мы имѣемъ какую-нибудь сумму денегъ, которую распредѣляемъ между все возрастающимъ числомъ людей. Если возможенъ безграничный размѣнъ этой суммы, то въ концѣ концовъ покупная сила каждой доли уничтожится; ужъ и на денежку или на полушку мы не можемъ ничего купить, а на сотую или тысячную ихъ долю—и подавно. Если же сумма находится въ неразмѣнныхъ серебряныхъ или золотыхъ монетахъ, то покупная сила каждой монеты не будетъ убывать: уменьшится только отношеніе числа людей надѣленныхъ къ возрастающему общему числу ихъ. Такъ и отдѣльныя химическія молекулы на основаніи этой теоріи могутъ находиться въ одинаковыхъ условіяхъ почти независимо отъ разстоянія ихъ отъ источника свѣта: будетъ убывать только ихъ число на данной площади, уменьшится темпъ реакціи, но она все-же будетъ возможна при увеличеніи времени экспозиціи, что мы и видимъ при фотографированіи небесныхъ тѣлъ [2]).

[1]) Этотъ выводъ изъ теоріи Томсона былъ мною предложенъ въ краткой замѣткѣ въ „Nature".

[2]) Профессоръ Дюаръ съ одной стороны доказалъ, что фотохимическое дѣйствіе возможно при температурѣ жидкаго воздуха и ниже. Съ другой стороны, въ лабо-

Въ одномъ мѣстѣ своей рѣчи Дж.-Дж. Томсонъ говоритъ, что современное ученіе о свѣтѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ соприкасается съ ученіемъ Ньютона, такъ что еслибъ изслѣдованіе проф. Лебедева о свѣтовомъ давленіи [1]), ставшее классическимъ, появилось столѣтіемъ ранѣе, оно, можетъ быть, было бы привѣтствовано, какъ доказательство вѣрности ученія Ньютона, и задержало бы блестящіе успѣхи противоположной теоріи, отмѣтившей начало девятнадцатаго вѣка.

Но если, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, современное ученіе о свѣтѣ приближаетъ къ Ньютону, въ другихъ—оно еще болѣе отъ него удаляетъ. Таково, напр., современное представленіе о бѣломъ свѣтѣ. По Ньютону, лучъ бѣлаго свѣта представлялся пучкомъ или снопомъ разноцвѣтныхъ лучей, разсыпающихся при прохожденіи черезъ призму, и т. д. Зееманъ въ интересной статьѣ, помѣщенной въ 1909-мъ году въ „Revista di Scienza“, излагаетъ современное воззрѣніе и припоминаетъ по этому поводу любопытное акустическое наблюденіе Гёйгенса. Знаменитый физикъ наблюдалъ, что на извѣстномъ разстояніи отъ фонтана въ паркѣ Шантильи слышится опредѣленный тонъ—и нашелъ объясненіе этого явленія въ отраженіи шума фонтана отъ ступеней лѣстницы сосѣдней терассы. Зимой, когда лѣстница была занесена снѣгомъ, звукъ этотъ исчезалъ. Исходя изъ этого сравненія, Зееманъ объясняетъ, что съ современной точки зрѣнія и бѣлый свѣтъ представляется не пучкомъ цвѣтныхъ лучей различной длины волны, а однородною очень сложною волною (подобною той напр., которая чертится на поверхности фонографа при исполненіи цѣлаго оркестра), и только призма или рѣшетка выдѣляетъ изъ нея отдѣльныя волны. До призмы или рѣшетки эти цвѣтныя волны не существуютъ уже отдѣльными, а только въ возможности; онѣ, такъ сказать, создаются призмой или рѣшеткой.

Старикъ Гёте, а еще болѣе его фанатическіе поклонники Шопенгауэръ и Карлейль, пожалуй, возликовали бы, что въ затѣянномъ имъ съ Ньютономъ спорѣ онъ все-же оказывается правымъ [2]). Гёте главнымъ образомъ возмущала мысль о сложности этого простого бѣлаго солнечнаго свѣта. Для него онъ долженъ былъ быть чѣмъ-то простымъ, первичнымъ, элементарнымъ, а цвѣта—чѣмъ-то вторичнымъ, производнымъ. Но вѣдь и по современному воззрѣнію простота эта только очень относительная, да къ тому же и бѣлизна—свойство этого луча

раторіи Томсона была показана возможность фотографическаго дѣйствія свѣта настолько ослабленнаго, что требовалась шестинедѣльная экспозиція.

[1]) Блестящее продолженіе котораго—о свѣтовомъ давленіи въ газахъ—П. Н. Лебедевъ представилъ на Московскомъ съѣздѣ.

[2]) Извѣстно, что вся теорія Гёте возникла на почвѣ грубаго, поспѣшнаго, невѣрно истолкованнаго имъ опыта.

только „на днѣ“ того воздушнаго океана, въ которомъ мы живемъ. За его предѣлами, въ міровомъ пространствѣ, этотъ лучъ болѣе или менѣе синеватый или, по просту, синій, какъ это доказалъ уже давно Ланглей.

Имя Ланглея невольно приводитъ на память ту сторону въ научной жизни истекшаго года, которая въ глазахъ многихъ является его самой выдающейся чертой. 1909-й годъ называютъ годомъ завоеванія воздуха; его кульминаціоннымъ пунктомъ былъ поразившій воображеніе, въ самыхъ широкихъ кругахъ, подвигъ Блеріо. Но для людей науки разрѣшеніе этого вопроса тѣсно связано съ именемъ несчастнаго Ланглея, какъ это напомнилъ въ своей поминальной рѣчи Грэамъ Бель (изобрѣтатель телефона), замѣстившій Ланглея въ качествѣ непремѣннаго секретаря Смитсоновскаго Общества. За смѣлыми подвигами Райтовъ, особенно за блестящимъ, почти фантастичнымъ полетомъ Блеріо, люди готовы забыть того, кому эти смѣльчаки обязаны главнымъ успѣхомъ своихъ подвиговъ — именно Ланглея. Онъ самъ вполнѣ сознавалъ свою роль, когда на порогѣ новаго вѣка (въ 1901-мъ году), заявляя о завершеніи имъ своихъ научныхъ трудовъ, говорилъ: „Я довелъ до конца ту часть дѣла, которую считалъ спеціально своею: я доказалъ практическую осуществимость механическаго полета. Для слѣдующей стадіи—практическаго и коммерческаго приложенія—придется обратиться къ другимъ“. Еще ранѣе, въ 1897-мъ году, онъ уже высказывалъ увѣренность въ полной вѣрности своихъ соображеній. „Люди окажутся крайне безпечными и лѣнивыми, если не оцѣнятъ, какія открываются передъ ними широкія возможности, если не поймутъ, что широкій путь, разстилающійся у насъ надъ головами, будетъ вскорѣ открытъ“. Хотя онъ нимало не сомнѣвался въ успѣхѣ своего дѣла, ему не привелось увидать человѣка парящимъ въ воздухѣ и конецъ его славной жизни былъ очень трагическій. Его модели летали безупречно. Одна изъ нихъ, снабженная паровой машиной, даже безъ человѣка пролетѣла 6-го мая 1896-го года полъ-мили. „Я былъ свидѣтелемъ этого чуднаго полета“,—говорилъ Грэамъ Бель,— „и вынесъ впечатлѣніе, что задача полета машинъ тяжелѣе воздуха вполнѣ разрѣшена“. Но предпринятые военнымъ министерствомъ новые опыты потерпѣли неудачу и вызвали градъ насмѣшекъ со стороны людей ничего не смыслившихъ въ причинахъ неудачи. Никто уже не желалъ болѣе тратить средствъ на новые опыты. Незаслуженныя оскорбленія глубоко потрясли Ланглея; его поразилъ ударъ паралича, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ второй, и физика потеряла высоко талантливаго ученаго [1]. Уже умирающій, онъ получилъ привѣтствіе

---

[1]) Кромѣ этой области аэронавтики, онъ прославился своими изслѣдованіями

только что сорганизовавшагося американскаго аэро-клуба, заявлявшаго о его выдающихся заслугахъ. Монопланъ Блеріо, этотъ самый изящный изъ аэроплановъ, въ основѣ построенъ по типу его моделей. Братья Райтъ сами заявили: „Только увѣренность, что глава высшаго научнаго учрежденія Америки признаетъ полетъ человѣка возможнымъ, поддержала въ насъ ту энергію, безъ которой мы не довели бы до конца задуманнаго дѣла". Смитсоновское общество учредило въ память своего секретаря медаль, по поводу присужденія которой братьямъ Райтъ Грэамъ Бель и произнесъ свою рѣчь о заслугахъ Ланглея.

Полетъ Блеріо—одинъ изъ выдающихся фактовъ 1909-го года, конечно, останется на вѣки однимъ изъ блестящихъ завоеваній человѣческаго ума и разумной отваги. Къ сожалѣнію, естественный подъемъ сознанія человѣческой мощи при этой новой побѣдѣ надъ непокоренной еще стихіей омрачается той задней мыслью, которая чуется за шумными восторгами, ею вызванными. Восемнадцатый вѣкъ привѣтствовалъ первый полетъ воздушнаго шара гордымъ возгласомъ: „sic itur ad astra!", никому не угрожавшимъ и только свидѣтельствовавшимъ о гордой увѣренности въ безграничномъ прогрессѣ человѣческаго разума. Зараженный націоналистической и милитаристической закваской второй половины девятнадцатаго, двадцатый вѣкъ встрѣчаетъ свою побѣду съ затаенной мыслью: „Такъ будемъ мы жечь города, топить цѣлые флоты". Зато и можно быть увѣреннымъ, что будущность изобрѣтенія, съ одной стороны сумѣвшаго пристроиться къ раззоряющимъ все человѣчество военнымъ бюджетамъ, а съ другой—обѣщающаго скучающему капиталу новый спортъ, еще болѣе дорогой и азартный, чѣмъ автомобиль—что будущность этого изобрѣтенія вполнѣ обезпечена. Это пессимистическое объясненіе неумѣренныхъ восторговъ, вызванныхъ особенно менѣе важными, въ научномъ смыслѣ, полетами Цеппелиновъ различныхъ нумеровъ смягчается нѣкоторыми культурными чертами, отмѣтившими самый блестящій эпизодъ этого движенія—полетъ Блеріо. Давно ли одно имя Булони или одинокая фигура на ея берегу Наполеона (извѣстная картина Месонье, помѣченная просто цифрой 1804) приводили въ трепетъ англійскую націю [1])? А теперь Блеріо встрѣчается въ Лондонѣ какъ тріумфаторъ, и англійскій народъ спѣшитъ увѣковѣчить память объ этомъ подвигѣ ориги-

---

по опредѣленію солнечной постоянной, особенно изобрѣтеніемъ болометра и опредѣленіемъ распредѣленія энергіи въ спектрѣ.

[1]) Даже такой уравновѣшенный человѣкъ, какъ Дарвинъ, говорилъ, что двѣ мысли отравляютъ его существованіе: необходимость выбрать „профессію для своихъ сыновей и опасенія, что путь высадившихся французовъ будетъ лежать черезъ Даунъ".

нальнымъ памятникомъ [1]) на той самой точкѣ, гдѣ первый французъ, спустившись съ небесъ, сталъ твердой ногой на англійской почвѣ. Быть можетъ, примѣръ, показанный двумя передовыми народами, послужитъ въ прокъ и третьему, позднѣе ихъ познавшему опьяненіе военной славой и еще не успѣвшему отъ него очнуться. Будемъ надѣяться, что и германская нація когда-нибудь сознаетъ, что спектроскопъ доставилъ ей болѣе прочную славу, чѣмъ его сверстникъ — Hinter-Lader [2]), когда-то гремѣвшій на всю Европу. Нѣкоторые едва замѣтные признаки отрезвленія уже проглядываютъ здѣсь и тамъ. Когда Гейдельбергскій университетъ праздновалъ свой пятисотлѣтній юбилей (въ 1886 г.), главную роль на немъ играли не Бунзенъ, не Кирхгофъ, не Гельмгольцъ, а герой „крови и желѣза". Затѣмъ Гейдельбергъ украсилъ свой публичный садъ уродливо-колоссальнымъ бѣлымъ мраморнымъ бюстомъ, неуклюже воспроизводившимъ и безъ того носорожьими складками своей кожи отталкивающія черты великаго канцлера. Еще позднѣе онъ увѣнчалъ одинъ изъ господствующихъ надъ городомъ холмовъ однимъ изъ тѣхъ жертвенниковъ-башней, на которыхъ въ ночь св. Бисмарка зажигаются идоложертвенные огни по лицу всей Германіи. Наконецъ, Гейдельбергъ вспомнилъ и своего Бунзена и наканунѣ юбилейнаго года воздвигъ ему прекрасный памятникъ у подножія тѣхъ зеленыхъ холмовъ, на которыхъ въ теченіе столькихъ лѣтъ такъ охотно останавливались его взоры. Не таковъ ли будетъ и приговоръ исторіи: не будутъ ли имена людей, завоевавшихъ для науки отдаленнѣйшіе звѣздные міры, повторяться съ удивленіемъ и восторгомъ и тогда, когда имя отвоевавшаго какихъ-то двѣ жалкихъ провинціи и ради того превратившаго всю Европу — весь міръ — въ одинъ сплошной вооруженный лагерь, будетъ повторяться развѣ только съ проклятіемъ?

К. Тимирязевъ.

[1]) На выложенной темными плитами поверхности бѣлымъ мраморомъ въ натуральную величину выведено въ горизонтальной проекціи изображеніе спустившагося здѣсь аэроплана.

[2]) Игольчатое ружье.

„ИЗВЕРЖЕННЫЕ"

На дняхъ въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, а затѣмъ, вѣроятно, и въ согласительной коммиссіи, получитъ окончательную формулировку законопроектъ объ „изверженныхъ".

Терминомъ: „изверженные" мы будемъ пользоваться для краткости. Это—терминъ стараго каноническаго права греко-восточной церкви. Въ церковно-славянскомъ текстѣ „Книги правилъ" говорится объ „изверженномъ изъ клира", „изверженномъ изъ церкви". Современная практика церковнаго суда замѣняетъ терминъ „изверженіе изъ клира" двумя выраженіями: „лишеніе сана" и „снятіе сана", при чемъ первое означаетъ наказаніе по суду, а второе—добровольный выходъ изъ духовнаго званія.

Полное заглавіе законопроекта: „Объ отмѣнѣ ограниченій политическихъ и гражданскихъ, связанныхъ съ лишеніемъ или добровольнымъ снятіемъ духовнаго сана или званія". Оно показываетъ, что наши законодательныя собранія, входя въ положеніе „изверженныхъ изъ клира", отнюдь не касаются компетентности церковнаго суда; они обсуждаютъ лишь тѣ гражданскія и политически-правовыя послѣдствія, которыя влечетъ за собою рѣшеніе этого суда. Такъ напр., священникамъ, лишеннымъ сана по суду, воспрещается вступать въ какой бы то ни было родъ государственной или общественной по выборамъ службы въ теченіе 20-ти лѣтъ; священникамъ, добровольно сложившимъ съ себя санъ, воспрещается государственная и общественная служба на 10 лѣтъ [1]). Такія „ограниченія" нельзя не назвать тяжкими, носящими характеръ уголовной кары. Они ложатся на людей и такъ уже понесшихъ крайнее по суровости церковное наказаніе—лишеніе священнаго сана, или переживших внутреннюю мучительную борьбу при рѣшеніи добровольно сложить съ себя этотъ санъ. „Изверженные" несутъ, въ сущности, двойное наказаніе: церковное и гражданское. Гражданскія правопораженія или ограниченія отнюдь не вытекаютъ изъ природы наказанія церковнаго: оно само себѣ „довлѣетъ" и не можетъ имѣть значенія уголовной кары („Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ").

„Изверженный" лишается у насъ священнаго сана навсегда, иначе говоря—лишается благодати священства. Между тѣмъ, въ Книгѣ Правилъ, на которую опирается современная практика нашего церков-

---

[1]) Для дьяконовъ соотвѣтствующіе сроки—12 и 6 лѣтъ.

наго суда, „изверженіе“ понимается бо̀льшею частью только какъ временное лишеніе степени, напр. епископской, пресвитерской. Иногда прямо указывается: „да престанетъ отъ епископства, и да совершаетъ дѣла пресвитерства“. Только въ крайнихъ случаяхъ, напр. при упорномъ неподчиненіи суду соборному, „изверженіе“ отягчается присоединеніемъ опредѣленія: „безъ возможности возстановленія въ прежній чинъ“ или „безъ надежды на возстановленіе въ прежній чинъ“.

Православный востокъ, держащійся, въ общемъ, тѣхъ же постановленій вселенскихъ и помѣстныхъ восточныхъ соборовъ, какъ и русская синодальная церковь, понимаетъ „изверженіе изъ клира“ не совсѣмъ такъ, какъ понимаетъ его нашъ современный духовный судъ. Лишенія сана, въ смыслѣ лишенія священства, православный востокъ не знаетъ. Въ извѣстномъ „Исповѣданіи восточныхъ патріарховъ“ (которое и у насъ считается символическою книгою) священство признается „неизгладимымъ“. Въ греческомъ текстѣ „Исповѣданія“, въ раздѣлѣ о крещеніи, говорится, что крещеніе такъ же неизгладимо, „какъ и священство“. Въ русскомъ переводѣ „Исповѣданія“ (изданномъ св. синодомъ) этихъ словъ нѣтъ; они вычеркнуты, какъ говорятъ, московскимъ митрополитомъ Филаретомъ, вообще весьма неблагосклонно относившимся къ восточному „документу“. Римско-католическій Западъ тоже не знаетъ лишенія священства. Знаетъ его, слѣдовательно, только наше синодальное вѣдомство. Въ связи съ такимъ безповоротнымъ характеромъ лишенія сана и наше гражданское законодательство усвоило суровый взглядъ на „изверженныхъ“, какъ на лицъ нравственно вполнѣ дискредитированныхъ. И потому существующія правоограниченія этой категоріи россійскихъ гражданъ являются уже не наказаніемъ (что противорѣчило бы принципу ne bis in idem, „не отмстиши дважды за едино“), а какъ бы мѣрой предохраненія общества отъ вреднаго вліянія безнадежно скомпрометировавшихъ себя людей.

Нравственно опорочившими себя являются, по взгляду церкви, не только лишенные сана по суду „за пороки“, но и добровольно сложившіе съ себя санъ, какъ отрекшіеся отъ обѣтовъ священства. Такому взгляду вполнѣ отвѣчаетъ и взглядъ законодателя. Императоръ Николай I, установившій дѣйствующія правоограниченія для бывшихъ клириковъ, исходилъ именно изъ мысли о высокомъ значеніи духовнаго сана. Въ оставленіи этого сана—все равно, по суду или добровольно—онъ видѣлъ большой соблазнъ для христіанскаго общества. „Полагаю, — писалъ онъ въ резолюціи на докладѣ св. синода отъ 28 октября 1838 г.,—что никакъ нельзя попускать, чтобы лицо, носившее сіе высокое званіе (священнослужителя), могло непосредственно

посвящаться иному служенію, какое бы оно ни было, безъ явнаго соблазна".

Итакъ, суровость гражданскихъ и политическихъ ограниченій, тяжелымъ гнетомъ ложащихся доселѣ на судьбы „изверженныхъ", имѣла своимъ основаніемъ съ одной стороны—догматическое мнѣніе церкви объ изгладимости священства, съ другой—взглядъ законодателя на лишеніе духовнаго сана, какъ на большой общественный соблазнъ. Съ точки зрѣнія и церкви, и гражданскаго закона, „изверженные" являются подонками общества. „Участь ихъ—смерть подъ заборомъ", по выраженію архіепископа волынскаго Антонія (намекъ на самоубійство магистра богословія Валеріана Орлова). Не такъ смотрѣли въ прежнее время. „Долго"—говоритъ историкъ приходскаго духовенства, проф. П. Знаменскій,—„мы не замѣчаемъ никакихъ ограниченій для лицъ духовнаго званія, ни по службѣ гражданской, ни по службѣ военной; и та, и другая были одинаково открыты для всѣхъ сословій и для всѣхъ представляли одинаковыя выгоды. Такъ повелось съ самаго начала XVIII вѣка, съ суровой служебной школы Петра Великаго, когда всякій долженъ былъ начинать свою служебную карьеру съ самыхъ низшихъ чиновъ и проходить всю ихъ лѣствицу наряду со всѣми, безъ различія происхожденія". Петръ I поощрялъ вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ къ оставленію сана и къ второбрачію и опредѣлялъ ихъ въ учителя архіерейскихъ школъ, въ духовные совѣты и управленія (указъ 30-го апрѣля 1724 г.). При Екатеринѣ II самъ синодъ писалъ въ коммиссію по составленію новаго уложенія, чтобы священникамъ и дьяконамъ, „въ непрестарѣлыхъ лѣтахъ овдовѣвшимъ" и вступающимъ во второбрачіе, „въ порокъ того не ставить и по желаніямъ ихъ принимать и опредѣлять ихъ въ свѣтскіе чины и въ военную службу, кто куда способенъ окажется, не ставя ни въ какой порокъ бывшаго ихъ въ духовенствѣ обращенія и производить бы ихъ въ чины по порядку и по достоинству и по заслугамъ, дабы они отъ другихъ никакой отличности не имѣли и тѣмъ бы ревностнѣе службы свои оказывали".

Случаи лишенія сана, въ смыслѣ церковнаго наказанія, были нерѣдки; но оно не считалось поражающимъ личность виновнаго клирика „навсегда", „безповоротно". Доказательствомъ тому служатъ многочисленные случаи возвращенія сана, часто даже безъ судебнаго пересмотра дѣла, безъ признанія судебной ошибки, а вслѣдствіе раскаянія осужденныхъ, на основаніи высочайшаго помилованія или акта общей амнистіи. Санъ возвращали священникамъ, монахамъ, архимандритамъ, даже архіереямъ. Возьмемъ хотя бы данныя за первые годы царствованія Елизаветы Петровны (съ 1741 г. по 1745 г.). По характеру дѣяній, повлекшихъ за собою „изверженіе изъ сана", „изверженныхъ" можно

раздѣлить на три категоріи. Первая и самая многочисленная группа— лица, пострадавшія за преступленія политическія. Неслуженіе, вопреки указу, царскаго молебна, уклоненіе отъ привода къ присягѣ, отказъ отъ поминовенія за богослуженіемъ новой царствующей особы—таковы политическія преступленія клириковъ въ эпоху дворцовыхъ переворотовъ. Много было лишенныхъ за такія вины и церковнаго сана, и монашества, и сосланныхъ въ разныя дебри и трущобы въ годы царствованія Анны Іоанновны. Со вступленіемъ на престолъ Елизаветы многіе изъ нихъ были помилованы; ихъ вернули изъ ссылки и возвратили имъ санъ. Такъ возвращенъ былъ санъ священникамъ Василію Иванову, Якимовичу, Сергѣеву, Ивану Степанову (наказанному плетьми), Гаврилову, іеродіаконамъ Тимофею Курятникову, Иринарху [1]. Вотъ что мы читаемъ, напримѣръ, въ опредѣленіи синода отъ 17 мая 1742 г.: „Церкви Преображенія Господня, что на Невскихъ кирпичныхъ заводахъ, бывшему попу Ѳеоктисту Гаврилову, который явился въ неслуженіи января 19 числа 1733-го года, т.-е. на день восшествія на россійскій императорскій престолъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти великія государыни императрицы Анны Іоанновны всенощнаго, и по лишеніи священства, для учиненія указа о ссылкѣ съ женой его въ Сибирь, въ Охотскій острогъ, отосланъ въ Тайную Канцелярію, — по силѣ всемилостивѣйшаго Ея И. В. состоявшагося декабря 15 дня указа, вину его отпустить, и о свободѣ его въ Тайную Канцелярію послать указъ; ежели же онъ (т.-е. Гавриловъ) ѣхать оттуда (изъ Сибири) не пожелаетъ, то оставить его въ Иркутской епархіи для священнослуженія“. По одному указу съ Гавриловымъ получилъ полное помилованіе священникъ г. Керенска Ермилъ Яковлевъ. Яковлеву „вины были отпущены“ и „священство возвращено“ еще годомъ ранѣе, „токмо свободу его изъ Сибири въ опредѣленіи не включено“. Теперь же ему разрѣшено вернуться изъ Сибири, „ежели онъ пожелаетъ ѣхать къ Москву“. Къ этой же категоріи лицъ можно отнести лишенныхъ монашества „за постриженіе вопреки запретительному указу“ Петра Великаго 1725-го года. Особенно пострадала братія Ниловой пустыни. Проживавшій на покоѣ въ этой пустыни епископъ Ааронъ имѣлъ неосторожность, по просьбѣ братіи монастыря, потревожить личнымъ письмомъ императрицу Анну Іоанновну, что „въ обители-де ихъ братіи велія туча и печаль о слышаніи состоявшагося изъ Св. Синода указа о разстриженіи монашескаго чина, которые послѣ регламента постриглись, и ежели де надъ тою Ниловою пустынею оное состоится, то де весьма монаше-

---

[1]) Эти факты, какъ и приводимые ниже, заимствованы нами изъ „Полнаго Собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія“.

скимъ чиномъ оная обитель оскудѣетъ и по указамъ де богомолія о здравіи Ея Величества и спасеніи молебновъ, такожъ и о поминовеніи преставшихся отправлять будетъ некому, и сего ради церковь Божія безъ пѣнія опустѣть можетъ". Письмо это повлекло за собою „дѣло". Наряжено было слѣдствіе. Оказалось, что никакого постановленія синода о разстриженіи монашествующихъ послѣ регламента не было. Вспомнили при этомъ про указъ Петра I-го 1723 г. и примѣнили его къ тѣмъ изъ числа братіи, которые упросили Аарона писать императрицѣ. Игуменъ Ниловой пустыни Иларіонъ, іеромонахъ Гурій, іеродіаконы Өеодосій, Макарій и Ипполитъ и монахъ Анисимъ были разстрижены и сосланы въ иркутскую епархію. Нѣсколько человѣкъ изъ низшей братіи высланы въ прежнія мѣста жительства. Когда при Елизаветѣ послѣдовала общая амнистія, всѣмъ означеннымъ лицамъ „вины были отпущены" и предоставлено право, „ежели пожелаютъ", вернуться обратно въ свой монастырь.

Въ числѣ разстриженныхъ при императрицѣ Аннѣ и амнистированныхъ при Елизаветѣ оказались и два архіерея: Левъ, епископъ воронежскій, и Игнатій, митрополитъ коломенскій. Воронежскій епископъ Левъ былъ обвиненъ въ томъ, что, по полученіи манифеста о вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, „молебнаго торжества не отправлялъ и во всѣхъ, въ тѣ числа бывшихъ церковнослуженіяхъ, на эктеніяхъ и гдѣ надлежало, велѣлъ вспоминать Государыню Царицу Евдокію Өедоровну", а Ея Величество Государыню Анну „настоящимъ императорскимъ титуломъ не возносилъ и возносить не приказывалъ". На допросѣ епископъ Левъ показалъ, что „такъ чинилъ онъ отъ простоты своей". Именнымъ высочайшимъ указомъ велѣно было епископа Льва воронежскаго, „по лишеніи всего священнаго и монашескаго чина", послать въ Крестный монастырь „для неисходнаго въ кельѣ подъ карауломъ содержанія". Коломенскій митрополитъ Игнатій, очевидно близкій къ опальному Льву, хотѣлъ-было ему помочь, но неудачно. Игнатій сталъ показывать, что Льва оклеветалъ воронежскій вице-губернаторъ Пашковъ: „онъ де со Львомъ часто ссорился и на Льва писалъ, и въ этотъ де разъ, по злобѣ на него, донесъ ложно". Тѣ лица, на которыхъ, какъ на свидѣтелей, указывалъ митрополитъ Игнатій, словъ его не подтвердили. Такимъ образомъ оказалось, что самъ Игнатій „показалъ ложно". По именному высочайшему указу велѣно было его, Игнатія, за ту его вину, „лиша сана архіерейскаго" послать въ Свіяжскій Богородицкій монастырь. Этимъ злоключенія Игнатія не кончились. Изъ Свіяжска на него скоро донесли, что онъ, Игнатій, ѣздилъ изъ монастыря въ сосѣднюю пустынь, для свиданія съ бывшимъ казанскимъ митрополитомъ Сильвестромъ, и они въ кельѣ намѣстника вели вечеромъ шумный разго-

воръ, при чемъ Игнатій сказалъ, будто бы, Сильвестру „нѣкоторыя важныя слова“. На допросѣ оба архіерея отозвались запамятованіемъ: Игнатій показалъ, что онъ былъ тогда пьянъ и потому ничего не помнитъ, а Сильвестръ сослался на свою старость. Игнатія сослали въ Архангельскую губернію, въ Николаевскій монастырь, „что на устьѣ Двины рѣки“; тамъ было велѣно „быть ему безвыходно и въ пищѣ и въ прочемъ содержать его какъ простого монаха“. Въ правленіе Анны Леопольдовны участь обоихъ низложенныхъ архіереевъ была нѣсколько смягчена. Какъ Льва, такъ и Игнатія освободили изъ заточенія; имъ предложено было избрать себѣ монастыри для мѣстожительства, какой кто пожелаетъ, но „быть имъ въ тѣхъ монастыряхъ простыми монахами“, хотя давать имъ пищу „противъ прочихъ впятеро“. Съ воцареніемъ Елизаветы Петровны и съ объявленіемъ широкой амнистіи, Синодъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ объ опальныхъ архіереяхъ — „не соизволитъ ли Ея И. В—во изъ своей высокомонаршей матерней милости, для своего вседражайшаго многолѣтняго здравія и благополучнаго государствованія, помянутымъ бывымъ коломенскому и воронежскому архіереямъ ихъ вину, яко уже довольно за оную пострадавшимъ, всемилостивѣйше отпустить и санъ архіерейскій имъ возвратить, въ коемъ бы они могли жизнь свою окончить“. Именнымъ высочайшимъ указомъ 19 апрѣля 1742 года повелѣно было возвратить архіерейскій санъ бывшему епископу Льву. Игнатій не дожилъ до монаршей милости: онъ умеръ 25 декабря 1741 года и былъ похороненъ простымъ монашескимъ чиномъ.

Примѣръ Льва и Игнатія весьма поучителенъ. Архіереевъ лишили сана, торжественно, по тогдашнему времени, совершили надъ ними обрядъ разстриженія, низвели ихъ на степень простыхъ монаховъ — и затѣмъ имъ возвращается все: и архіерейскій санъ, и всѣ его прерогативы, безъ всякаго новаго обряда или ритуала. Епископу Льву въ засѣданіи Синода лишь прочитывается этотъ высочайшій указъ и въ слышанія указа отъ помилованнаго отбирается росписка. Быть-можетъ, дѣйствительнаго лишенія сана здѣсь не было вовсе? Церковь вынуждена была подъ давленіемъ свѣтской власти поступить неканонически, „извергая“ лицъ, того не заслуживавшихъ? И лица эти лишены были священства только для видимости, а въ глубинѣ совѣсти, молчаливо, судъ церкви признавалъ ихъ въ „сущемъ санѣ“? Существуетъ и такое мнѣніе; но оно едвали заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Мы увидимъ далѣе, что санъ возвращаемъ былъ лишеннымъ его „за пороки“, лишеннымъ по опредѣленію самого церковнаго суда — и возвращаемъ не въ силу признанія судебной ошибки, не вслѣдствіе открытія новыхъ обстоятельствъ, а по убѣжденію въ до-

статочности понесеннаго виновными наказанія. Такъ было возвращено іеромонашество и архимандритство нѣкоему Плятковскому, начальнику китайской православной миссіи, наказанному лишеніемъ сана за учиненіе имъ „въ градѣ Пекинѣ нѣкоторыхъ непорядочныхъ поступковъ и чрезъ то нанесенные о россійскомъ духовенствѣ и обще о россійскомъ народѣ немалые соблазны“. Возвращено іеромонашество нѣкоему Мисаилу, лишенному священнаго сана и монашества за противозаконное постриженіе жены отъ живого мужа „и другіе проступки“. Возвращено іеродіаконство Макарію, наказанному „за доносы, набѣгъ и продерзости“. Этотъ Макарій „трижды бѣгалъ изъ-подъ караула, ложно сказывалъ за собой слово и дѣло государево“. Онъ сосланъ былъ въ Якутскій Спасскій монастырь; приказано было: „содержать его тамо въ крѣпкомъ смотрѣніи неисходно, и чернилъ и бумаги ему не давать, и впредь никакимъ его письменнымъ и словеснымъ показаніямъ не вѣрить“. Но пришло время—и повелѣно было его „простить и іеродіаконски дѣйствовать дозволить“. Игуменъ Желѣзноборовскаго монастыря Ѳеодосій былъ лишенъ сана „за нарушеніе законовъ о подсудности“; священникъ Ѳедоръ Кузнецовъ, кромѣ того, битъ кнутомъ, съ вырѣзаніемъ ноздрей; обоимъ возвращенъ санъ. Іеродіаконъ Арсеній Іовлевъ, сибирскій „провинціалъ-инквизиторъ“, „за взятки, за бой протопопа и попа, и за прелюбодѣйство, и за прочія подозрительства“, былъ лишенъ сана и сосланъ въ Оренбургъ. И ему возвращено монашество, но безъ іеродіаконскаго сана.

Въ настоящее время лишеніе сана по духовному суду опредѣляется какъ изгнаніе изъ клира „навсегда“, „за пороки“. Этимъ какъ бы подчеркивается нравственная невозможность возстановленія „изверженныхъ“ въ священномъ санѣ. Ссылаясь на слова: „за пороки“, нѣкоторые члены думской коммиссіи находили даже „неловкимъ“ отстаивать осужденныхъ. Между тѣмъ церковный судъ по существу не знаетъ ни пороковъ, ни преступленій: онъ вѣдаетъ лишь „проступки“ [1]). Статьи Устава духовныхъ консисторій, по которымъ полагается лишеніе сана, указываютъ лишь на частные, единичные случаи нравственнаго преткновенія—опьяненія, нарушенія цѣломудрія. Но каноны гласятъ: „седмижды падетъ праведникъ и возстанетъ“ Рискованно обобщать единичные случаи нравственнаго преткновенія именемъ „порока“.

Къ категоріи лишенныхъ сана „за пороки“ нынѣ у насъ духовный судъ относитъ даже „политическихъ“ [2]). Священники-члены первой

---

[1]) „Журн. Предсоборн. Присутствія“, т. I, стр. 590.

[2]) Представитель Синода въ предсоборномъ присутствіи, оберъ-секретарь по

и второй Думы лишены сана тоже „за пороки“, ибо иной категоріи присужденныхъ къ лишенію сана наша нынѣшняя практика духовнаго суда не знаетъ. Такимъ образомъ духовнымъ судомъ низводятся въ разрядъ „порочныхъ“ общественные дѣятели только потому, что въ данное время они являются „инакомыслящими“ въ политикѣ.

Что касается до лицъ добровольно сложившихъ съ себя духовное званіе, то указанный выше періодъ времени знаетъ два такихъ случая. Нѣкто Александръ Людвицкій, іеродіаконъ, пожелалъ оставить монашество. Въ 1717-мъ году онъ „самъ съ себя монашеское одѣяніе сложилъ“, „чего для“ отъ Синода объ увольненіи его изъ монашества и данъ ему „абшидъ“. Впослѣдствіи онъ пожелалъ опять воспріять и монашескій чинъ, и іеродіаконскій, и подалъ прошеніе объ этомъ епископу с.-петербургскому Никодиму. Св. Синодъ постановилъ „означенному Александру Людвицкому монашество возвратить и въ братствѣ быть ему въ монастырѣ Александроневскомъ, и ежели въ монашествѣ окажется доброжительнымъ, то въ томъ чрезъ довольное время его усмотря, и буде по исповѣди духовника достоинъ явится, и іеродьяконство ему, Людвицкому, возвратить“.

Второй случай касается возвращенія лишь одного монашества, вѣроятно потому, что желающій снова воспріять чинъ и санъ, Петръ Усовъ, послѣ добровольнаго выхода его изъ духовнаго званія былъ въ военной службѣ и проливалъ кровь на войнѣ. Синодъ рѣшилъ: „іеродіаконская дѣйствовать ему, Петру Усову, отнюдь не дерзать“. Возвращено ли было ему впослѣдствіи іеродіаконство—мы не знаемъ. Вѣроятнѣе, что возвращено, какъ и Людвицкому, ибо Усовъ былъ человѣкъ почтенный въ военной службѣ дослужившійся до капральскаго чина. Не случайно въ указѣ Синода съ его именемъ и фамиліей упоминается и отчество его: „Петръ Дмитріевъ Усовъ“.

Подводимъ итогъ вышесказанному. Мы видѣли, что политическія и гражданскія правоограниченія, ложащіяся на лицъ „изверженныхъ“ изъ клира, опираются въ идеѣ своей на два основанія: 1) на тенденцію русской синодальной церкви видѣть въ лишеніи сана лишеніе священства, и потому трактовать „изверженіе изъ клира“ какъ наказаніе „навсегда“, безповоротное, позорное для наказуемаго, и 2) на аналогичный взглядъ свѣтскаго законодательства. Если эти основанія падутъ или будутъ существеннымъ образомъ поколеблены, то неизбѣжно потеряютъ значеніе и выводы, слѣдующіе изъ нихъ, а съ ними—и практическія послѣдствія.

Мы считаемъ поколебленнымъ, и весьма существенно, первое осно-

---

судебному отдѣлу Рункевичъ, отрицалъ это (см. „Журн. Пр. Пр—ія“, т. IV, стр. 77); но дальнѣйшія событія опровергли г. Рункевича.

ваніе: ему противорѣчитъ практика Синода, хотя бы и за короткій періодъ времени. Санъ былъ возвращаемъ и дьяконамъ, и священникамъ, и архимандритамъ, и архіереямъ. Очевидно, наказаніе лишеніемъ сана не считалось „вѣчнымъ“: оно подлежало смягченію или отмѣнѣ, путемъ помилованія. Лица, которымъ возвращенъ былъ санъ, снова признавались заслуживающими своего прежняго положенія, достоинства и чести. И если за послѣднее время Синодъ держится иныхъ взглядовъ, то объясненіемъ этому можетъ служить „неосвѣдомленность“ синодальныхъ канонистовъ въ историческихъ прецедентахъ синодальной практики, а также неразработанность въ русской богословской литературѣ догматическаго вопроса о сущности священства и о значеніи лишенія сана. Изъ шаткаго основанія нельзя выводить положительныхъ юридическихъ послѣдствій. Если лишеніе сана, по характеру церковнаго суда — суда дисциплинарнаго, а не карательнаго—не можетъ быть наказаніемъ порочащимъ, то нѣтъ и съ государственной точки зрѣнія повода низводить наказанныхъ этимъ судомъ лицъ въ разрядъ граждански-опороченныхъ. И если представители церкви въ нашихъ законодательныхъ собраніяхъ отстаиваютъ необходимость сохраненія тяжелыхъ гражданскихъ правоограниченій для „крамольныхъ“ клириковъ, то не слѣдуетъ строить зданіе закона на сыпучемъ пескѣ, какой предлагаютъ ему вмѣсто твердаго камня.

Николай Огнѣвъ.

НАКАНУНѢ ЗЕМСТВА ВЪ СИБИРИ

Въ исторіи мѣстнаго сибирскаго управленія можно указать нѣкоторыя черты сходства съ исторіей мѣстнаго управленія въ Европейской Россіи; но въ то же время нельзя не замѣтить нѣкотораго различія. Сходство заключается въ томъ, что та система бюрократической опеки, которая господствовала въ метрополіи, была перенесена въ колонію, въ Сибирь; разница—въ томъ, что тѣ зачатки самоуправленія, которые насаждались и пускали корни въ Европейской Россіи, считались, по общему правилу, неумѣстными въ Сибири.

Система бюрократической опеки — это воеводское управленіе въ XVII в., замѣненное управленіемъ губернаторскимъ и генералъ-губернаторскимъ въ XVIII в. Извѣстны недостатки этой системы; извѣстны злоупотребленія воеводъ, губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ въ Европейской Россіи. На сибирской почвѣ недостатки системы

обнаружились съ особенной рѣзкостью; злоупотребленія мѣстныхъ правителей достигли колоссальныхъ размѣровъ. Этому способствовали какъ общія условія русской жизни, такъ и мѣстныя условія жизни сибирской.

Правительство центральное знало о злоупотребленіяхъ сибирскихъ властей, боролось съ этими злоупотребленіями. Но то была борьба не со зломъ, а съ его отдѣльными проявленіями. Нужны были не преслѣдованія отдѣльныхъ правителей, а измѣненія въ самой системѣ управленія: нужна была реформа сибирскаго управленія. Реформа была произведена Сперанскимъ. Результатъ реформы—такъ называемое „Сибирское учрежденіе" 1822-го года.

Принципы, которые слѣдовало положить въ основу реформы, были указаны прошлымъ Сибири. По краснорѣчивому свидѣтельству исторіи, Сибирь не знала законности: она замѣнялась здѣсь произволомъ, самоуправствомъ мѣстныхъ властей. Утвержденіе принципа законности въ сибирскомъ управленіи должно было составить главную задачу реформатора. Это прекрасно понималъ Сперанскій. Въ его „Отчетѣ" объ обозрѣніи Сибири мы читаемъ: „Гдѣ недостаетъ законовъ, тамъ всѣмъ управляетъ власть. Отсюда укоренилась въ Сибири столѣтняя привычка ничего не ожидать отъ закона и всего надѣяться или бояться отъ лица, и, слѣдовательно, привычка въ каждомъ дѣлѣ прибѣгать къ деньгамъ".

Но возможно ли провести въ жизнь принципъ законности, сохраняя въ полной силѣ систему бюрократической опеки? Конечно, нѣтъ. Бюрократическая опека и господство закона — несовмѣстимы. Бюрократія стремится къ безграничному властвованію; она не считается съ закономъ, который полагаетъ опредѣленныя границы власти.

Принципъ законности тѣсно связанъ съ принципомъ самоуправленія. И прошлое Сибири, и опытъ другихъ государствъ, и указанія государственной науки — все сводилось къ одному требованію: въ основу реформы долженъ быть положенъ принципъ мѣстнаго самоуправленія. Но въ правительственныхъ сферахъ того времени принципъ этотъ не пользовался кредитомъ.

Защитникомъ его былъ тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ. Когда проектъ сибирской реформы 1822-го года обсуждался въ комитетѣ по сибирскимъ дѣламъ и въ комитетѣ министровъ, Козодавлевъ представилъ свое отдѣльное мнѣніе. Онъ доказывалъ, что главнымъ недостаткомъ сибирскаго управленія было „самовластіе мѣстныхъ начальниковъ, происходящее отъ излишней власти, коею они облекаемы были и которую они употреблять могутъ во зло... Таковое самовластіе во всякой губерніи вредно и терпимо быть не можетъ, а тѣмъ менѣе въ отдаленной Сибири, откуда жалоба и стоны

страждущихъ едва ли до высшаго правительства достигать могутъ". Для обузданія самовластія мѣстныхъ сибирскихъ начальниковъ Козодавлевъ проектировалъ особое коллегіальное учрежденіе—„Верховное сибирскихъ губерній правительство, совѣтъ, или коммиссію", — состоящее изъ чиновниковъ, частью опредѣляемыхъ отъ правительства, частью избираемыхъ „отъ тамошнихъ жителей разныхъ сословій". „Мнѣ кажется, — прибавляетъ Козодавлевъ, — что для ограниченія власти мѣстнаго начальника небезполезно будетъ усилить и власть магистратовъ, и городскихъ правленій. Магистраты городовъ остзейскихъ губерній доказали и доказываютъ пользу, каковую они принесли и приносятъ промышленности, торговлѣ и вообще образованности жителей тѣхъ губерній". Въ частномъ письмѣ на имя Сперанскаго Козодавлевъ развиваетъ тѣ же мысли о преимуществахъ мѣстнаго самоуправленія. Онъ пишетъ: „Я не все сказалъ въ своемъ мнѣніи, что бы сказать хотѣлъ. Я—врагъ самовластія, а особливо нашинскаго; люблю муниципальное правленіе, магистраты и тому подобное. Князь Лопухинъ въ голосѣ своемъ полагаетъ Сенатъ; но я до коронныхъ чиновниковъ по губерніямъ небольшой охотникъ: они подкрѣпляютъ своимъ таканіемъ самовластіе мѣстныхъ начальниковъ. Лучше, кажется, выборные, коихъ интересъ собственный привязываетъ къ интересу земли".

Мнѣніе Козодавлева было единичнымъ. Оно не находило отклика и поддержки со стороны большинства тѣхъ лицъ, которыя обсуждали проектъ сибирской реформы 1822 г. Въ письмѣ къ Сперанскому Козодавлевъ такъ характеризуетъ настроеніе большинства: „большая часть членовъ думаетъ, что городничій въ лосинныхъ штанахъ, въ сапогахъ и шпорахъ съ подъятою тростью гораздо болѣе можетъ управлять городомъ, нежели магистратъ, а особливо такой, какъ въ Ригѣ или въ Нарвѣ, гдѣ большая часть членовъ ходятъ въ парикахъ, а тростями даже и на собакъ рѣдко дѣйствуютъ".

Таковы были условія, при которыхъ составлено „Сибирское учрежденіе". Несомнѣнно, что оно внесло нѣкоторыя частичныя измѣненія и улучшенія, но коренной реформы не произвело: система бюрократической опеки, господствовавшая въ сибирскомъ управленіи до Сперанскаго, осталась въ силѣ и послѣ него. Многочисленные факты снова указываютъ на ея непригодность и на необходимость призванія къ участію въ мѣстномъ управленіи выборныхъ представителей мѣстнаго населенія. Вслѣдствіе неумолимыхъ требованій жизни фактически эта необходимость иногда осуществлялась и при господствѣ системы бюрократической опеки.

Такъ, введеніе въ дѣйствіе составленнаго для Сибири „положенія о земскихъ повинностяхъ" встрѣтило большія затрудненія на прак-

тикѣ. Появился указъ императора Николая I, въ которомъ между прочимъ сказано, что „лучшіе судьи удобнѣйшаго исполненія земскихъ повинностей суть сами жители. Они ближе знаютъ, гдѣ, что и кто можетъ исправить деньгами, гдѣ, кто и что самъ собою, своими руками, своею лошадью". По приказанію государя сдѣланъ былъ опросъ мѣстнаго населенія о способахъ лучшаго исполненія земскихъ повинностей.

Съ 1889-го года, по иниціативѣ бывшаго иркутскаго генералъ-губернатора гр. А. П. Игнатьева, въ губерніяхъ Иркутской и Енисейской образованы съѣзды представителей крестьянскихъ волостей и инородческихъ вѣдомствъ для разверстанія гоньбовой и этапной повинностей.

Въ Тобольской губерніи во время голодовки 1891—1892 гг. были учреждены участковыя или сельскія попечительства, изъ лицъ разнаго званія, для оказанія продовольственной помощи нуждающемуся населенію.

По закону 19 января 1898-го года о замѣнѣ подушной подати оброчною, въ губерніяхъ Сибири установлены уѣздные съѣзды уполномоченныхъ отъ сельскихъ обществъ и селеній для провѣрки составляемой особыми коммиссіями раскладки оброчной подати по обществамъ.

Правилами, изданными министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ 1897-мъ году, были легализованы существовавшія на практикѣ организаціи золотопромышленниковъ. Эти правила замѣнены закономъ 28 февраля 1905 г., по которому мѣстные съѣзды золотопромышленниковъ вѣдаютъ различныя мѣстныя нужды золотопромышленныхъ районовъ и обладаютъ правомъ самообложенія.

Существующія организаціи въ Сибири сплошь и рядомъ несутъ функціи земскихъ учрежденій. Напримѣръ, сельскохозяйственныя общества устраиваютъ сельскохозяйственные и сѣменные склады, производятъ, по просьбѣ крестьянскихъ обществъ, межеваніе земли. За Байкаломъ, во время существованія порто-франко въ Владивостокѣ, крестьяне и казаки выписывали за общій счетъ для одного и даже нѣсколькихъ селеній сельскохозяйственныя машины. Въ Забайкальской области общими силами русскихъ и бурятъ ведутся устройство орошенія полей, очистка новинъ изъ-подъ лѣса и другія работы. Въ Иркутской губ. за общій счетъ одной или нѣсколькихъ волостей, а также инородческихъ вѣдомствъ, содержатся школы, пріемные покои, аптеки, фельдшера. Оригинальная организація съ чисто земскими функціями образовалась въ Тоуракскомъ приходѣ Кузнецкаго уѣзда Томской губерніи: Покровское попечительство въ 1905-мъ году содержало 8 школъ, 8 библіотекъ, читальню, фельдшера, пріемный покой съ аптекой,

устраивало народныя чтенія, организовало товарищество мелкаго кредита, выступало посредникомъ при покупкѣ сельскохозяйственныхъ машинъ.

Изъ приведенныхъ фактовъ вытекаетъ логическій выводъ, что мѣстнымъ жителямъ должно быть предоставлено постоянное участіе въ рѣшеніи вопросовъ мѣстной жизни. Другими словами, въ Сибири должно быть введено земство.

Къ такому выводу не разъ приходили представители правительства. Къ такому выводу пришло общественное мнѣніе Сибири.

Въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія былъ отправленъ въ Сибирь, въ качествѣ ревизора, генералъ Анненковъ. Въ своихъ запискахъ онъ указываетъ „на ненадежность управленія безъ участія въ немъ общественныхъ силъ, являющихся и сдержкой произвола правителей, и способомъ внесенія въ управленіе связи съ жизнью, съ мѣстностью“.

Въ 1899-мъ году иркутскій генералъ-губернаторъ Горемыкинъ указываетъ на необходимость введенія земства въ Сибири.

Въ 1903-мъ году такое же указаніе дѣлаетъ иркутскій генералъ-губернаторъ графъ Кутайсовъ.

Конечно, въ рядахъ представителей правительственной власти, рядомъ съ немногими убѣжденными сторонниками земства, встрѣчалось немало противниковъ самой идеи самоуправленія. Болѣе единодушнымъ по данному вопросу было общественное мнѣніе. Извѣстный сибирскій публицистъ Ядринцевъ вопросъ о земствѣ считалъ важнѣйшимъ въ политической платформѣ сибиряка. Въ его книгѣ „Сибирь, какъ колонія“ читаемъ, напримѣръ, слѣдующее: „только при участіи земскихъ силъ достигнется тотъ контроль въ земскомъ хозяйствѣ, къ какому стремится издавна высшая власть, уничтожатся существующія злоупотребленія и устранятся другія затрудненія по управленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ администрація будетъ имѣть подъ рукою живую силу общества, а не мертвый механизмъ. Призваніе этихъ лучшихъ земскихъ и народныхъ силъ на общественную арену, соединеніе общихъ усилій администраціи и общества на благо и пользу населенія будетъ единственнымъ разрѣшеніемъ административнаго вопроса въ Сибири... Апатичное доселѣ къ своимъ дѣламъ общество лучше научится понимать свои гражданскія обязанности, пробудитъ въ себѣ самодѣятельность, уразумѣетъ цѣль своего существованія и въ идеѣ гражданскаго развитія осуществитъ залогъ лучшаго своего будущаго“.

Такія же мысли о необходимости введенія земства въ Сибири много разъ высказывались въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ XIX в. и на страницахъ сибирской періодической печати, и на засѣданіяхъ сибирскихъ обществъ и сибирскихъ городскихъ управленій, и на съѣз-

дахъ сибирскихъ дѣятелей. Въ началѣ XX в. тѣ же мысли выражены оффиціально въ засѣданіяхъ сибирскихъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

Въ Тобольской губерніи вопросъ о необходимости введенія земства въ Сибири поднятъ былъ уѣздными комитетами ишимскимъ, курганскимъ, тюменскимъ и ялуторовскимъ; значительное число членовъ губернскаго комитета также было на сторонѣ земства. Въ Томской губерніи за необходимость введенія земства высказались уѣздные комитеты барнаульскій, змѣиногорскій, кузнецкій и маріинскій; въ губернскомъ комитетѣ это мнѣніе было поддержано 15-ю голосами противъ двухъ. Въ Енисейской губерніи всѣ уѣздные комитеты, кромѣ канскаго, признали возможнымъ и желательнымъ введеніе земства въ Сибири; къ этому мнѣнію присоединился и губернскій комитетъ. Въ Иркутской губерніи за необходимость введенія земства въ Сибири высказались нижнеудинскій уѣздный комитетъ и большинство членовъ губернскаго комитета, а балаганскій уѣздный комитетъ предложилъ устройство ежегодныхъ совѣщаній по сельско-хозяйственной промышленности.

Раздавались въ сибирскихъ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и голоса противъ земства. Они принадлежали представителямъ бюрократіи. Но даже въ бюрократической средѣ нашлись убѣжденные защитники идеи земскаго самоуправленія, представившіе обстоятельныя записки по этому вопросу. Приглашенные въ засѣданія комитетовъ представители мѣстнаго населенія (члены сельско-хозяйственныхъ обществъ, купцы, промышленники, крестьяне, инородцы), насколько можно судить по протоколамъ, всѣ высказались за введеніе земства въ Сибири.

Нѣкоторые изъ защитниковъ земства находили, что введеніе земства въ Сибири явится лучшимъ способомъ удовлетворенія назрѣвшихъ потребностей страны, и настаивали на разсмотрѣніи этого вопроса поэтому, по ихъ мнѣнію, раньше всѣхъ остальныхъ. Другіе постепенно, послѣ обсужденія разнообразныхъ вопросовъ, касающихся сельско-хозяйственной промышленности, приходили къ тому же выводу и дѣлались убѣжденными сторонниками земской идеи.

Неподготовленность населенія являлась главнымъ оружіемъ въ рукахъ противниковъ земства. Въ Сибири нѣтъ людей, способныхъ вести земское дѣло,—говорили они. Въ Сибири есть такіе люди,—возражали защитники земства, и въ подтвержденіе своего мнѣнія приводили цѣлый рядъ доказательствъ. Интересна горячая рѣчь въ защиту земства, произнесенная въ засѣданіи барнаульскаго комитета чиновникомъ министерства земледѣлія. Она заканчивается словами: „земство въ Сибири не только осуществимо, но оно находится здѣсь

въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ для своего возникновенія и будетъ, я увѣренъ, лучшимъ въ Россіи и наиболѣе передовымъ. Наши потомки будутъ удивляться, какъ это мы могли сомнѣваться въ возможности существованія земства у насъ".

Наступилъ 1905-й годъ. Казалось, что чаяніямъ и ожиданіямъ сибирскаго общества суждено осуществиться въ недалекомъ будущемъ. 3-го апрѣля 1905-го года данъ былъ Высочайшій рескриптъ на имя иркутскаго генералъ-губернатора. Въ рескриптѣ указано на то, что „вновь возникшія бытовыя условія выдвинули на очередь рядъ весьма важныхъ задачъ, рѣшеніе коихъ не можетъ быть достигнуто безъ участія представителей населенія", и „назрѣвшимъ потребностямъ не отвѣчаетъ болѣе дѣйствующій въ Сибири порядокъ завѣдыванія земскимъ хозяйствомъ", т.-е. порядокъ бюрократическій. Вслѣдствіе этого признано было за благо завѣдываніе земскимъ хозяйствомъ „въ предѣлахъ иркутскаго генералъ-губернаторства и въ губерніяхъ Тобольской и Томской образовать на плодотворныхъ началахъ общественной самодѣятельности, обезпечивающихъ своевременное удовлетвореніе непрерывно наростающихъ запросовъ жизни".

На очередь сталъ практическій вопросъ—о наилучшей организаціи земскаго самоуправленія въ Сибири. Для правильнаго его разрѣшенія нужно было призвать на помощь опытъ земской Россіи и указанія государственной науки, а также обратить вниманіе на особенности сибирской жизни.

Кто могъ это сдѣлать? Не агенты бюрократіи, не канцелярскіе дѣльцы, которые въ большинствѣ случаевъ враждебно относятся къ идеѣ земскаго самоуправленія и которымъ (за рѣдкими исключеніями) чужды, непонятны и неизвѣстны интересы и потребности мѣстной жизни. Это должно было сдѣлать само населеніе, въ лицѣ представителей разнообразныхъ слоевъ его. Реформа, состоящая въ призваніи общества къ завѣдыванію мѣстными дѣлами, могла быть наилучшимъ образомъ подготовлена общественными силами. Это хорошо понимала сибирская интеллигенція. Высшіе представители сибирской бюрократіи (иркутскій генералъ-губернаторъ, томскій и тобольскій губернаторы) обращаются къ обществу за содѣйствіемъ въ дѣлѣ проведенія земской реформы. Но эти обращенія не встрѣчаютъ отклика. Сибирское общество недовѣрчиво относится къ бюрократіи, избѣгаетъ совмѣстной работы съ нею, разъ что дѣло идетъ о замѣнѣ системы бюрократической опеки системой общественнаго самоуправленія. Самостоятельно, по собственному почину оно занялось всестороннимъ обсужденіемъ вопроса о земской реформѣ. Вслѣдъ за опубликованіемъ рескрипта 3-го апрѣля въ сибирскихъ газетахъ появляется длинный

рядъ статей, замѣтокъ и сообщеній, въ разныхъ мѣстахъ Сибири устраиваются совѣщанія по тому же вопросу, составляются записки и проекты.

Особаго вниманія заслуживаетъ томскій проектъ. По иниціативѣ юридическаго общества при томскомъ университетѣ организована была въ апрѣлѣ 1905 г. коммиссія изъ уполномоченныхъ тѣхъ томскихъ обществъ, дѣятельность которыхъ соприкасается съ дѣятельностью земскихъ учрежденій (юридическаго, сельско-хозяйственнаго, техническаго, практическихъ врачей, попеченія о начальномъ образованіи, взаимопомощи учащихъ и учившихъ). Коммиссія выработала „Проектъ основныхъ началъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ въ Сибири", который былъ принятъ на соединенномъ засѣданіи совѣтовъ и правленій всѣхъ названныхъ обществъ (въ началѣ мая).

Томскій „Проектъ" отличается отъ положеній о земскихъ учрежденіяхъ какъ 1864-го, такъ и 1890-го года. Онъ вводитъ, кромѣ уѣзда и губерніи, мелкую земскую единицу въ видѣ волости (къ ней приравниваются инородческія управы, золотые пріиски и малонаселенные города) и крупную земскую единицу въ видѣ области (въ составъ области входятъ всѣ тѣ сибирскія губерніи, въ которыхъ вводится земство).

Отличительныя особенности томскаго проекта касаются также опредѣленія органовъ земскаго самоуправленія. Кромѣ земскихъ собраній и земскихъ управъ, проектъ вводитъ спеціальныя земскія коммиссіи — училищную, медицинскую, агрономическую, статистическую и др. Коммиссіи пользуются извѣстной самостоятельностью, всѣ члены ихъ обладаютъ одинаковымъ правомъ рѣшающаго голоса.

„Проекту" чужда сословная окраска, какую имѣетъ Положеніе 1890 г.; отвергается проектомъ и тотъ имущественный цензъ, который установленъ Положеніями 1864 и 1890 гг. По проекту активнымъ избирательнымъ правомъ пользуются всѣ лица обоего пола, достигшія совершеннолѣтія, не лишенныя правъ, не состоящія подъ судомъ и слѣдствіемъ и прожившія на территоріи даннаго земскаго округа не менѣе двухъ лѣтъ. Всѣ эти лица пользуются и пассивнымъ избирательнымъ правомъ при выборахъ въ земскіе гласные. Но для того, чтобы быть избраннымъ въ составъ управы, требуется извѣстный образовательный цензъ.

Предметы вѣдомства земскихъ учрежденій значительно расширены: къ нимъ отнесены, напримѣръ, организація юридической помощи населенію, завѣдываніе переселенческимъ дѣломъ и земельнымъ устройствомъ крестьянъ и инородцевъ, производство естественно-историческихъ и другихъ научныхъ изслѣдованій. Въ число земскихъ доходовъ, кромѣ существующихъ въ земскихъ губерніяхъ, включены: прогрессивный земскій налогъ и пособіе отъ государственнаго казначейства. Кромѣ

того, въ цѣляхъ увеличенія земскихъ средствъ, проектъ предлагаетъ важную земельную реформу: „государственныя земли вмѣстѣ съ нѣдрами и лѣсами переходятъ во владѣніе областного земства; равнымъ образомъ во владѣніе земства переходятъ (путемъ выкупа) занадѣльныя земли Алтайскаго и Нерчинскаго округовъ". Земскимъ собраніямъ предоставляется право предварительнаго обсужденія законопроектовъ, право возбуждать ходатайства объ изданіи новыхъ законовъ. Органамъ правительственной власти долженъ принадлежать надзоръ только за законностью (но отнюдь не за цѣлесообразностью) дѣйствій земскихъ учрежденій. Въ связи съ введеніемъ земства въ Сибири должны быть произведены реформы въ области мѣстнаго управленія (упраздненіе крестьянскихъ начальниковъ, преобразованіе полиціи, волостныхъ судовъ и др.), а также коренная политическая реформа, на основѣ свободы и самоуправленія.

Таковъ томскій проектъ. Онъ былъ напечатанъ по распоряженію юридическаго общества при томскомъ университетѣ и разосланъ сибирскимъ общественнымъ организаціямъ и отдѣльнымъ лицамъ, съ просьбой доставить замѣчанія. Были получены отвѣты. Оказалось, что проектъ вездѣ встрѣченъ сочувственно, принятъ или цѣликомъ, или съ нѣкоторыми измѣненіями. Если мы сопоставимъ томскій проектъ съ другими, появившимися независимо отъ томскаго послѣ рескрипта 3-го апрѣля 1905 г., а также съ тѣми предположеніями о земской реформѣ, какія выставлялись въ сибирской прессѣ, то увидимъ почти полную солидарность. Единственное крупное разнорѣчіе касается вопроса объ областномъ земствѣ: были защитники, но были и противники его.

Спустя годъ слишкомъ послѣ опубликованія рескрипта 3-го апрѣля 1905 г. созвана была первая Государственная Дума. Казалось, все сложилось самымъ благопріятнымъ образомъ для того, чтобы Сибирь увидѣла, наконецъ, земство. Можно было ожидать, что правительство поторопится составить и внести въ Государственную Думу соотвѣтствующій законопроектъ, а народные представители не замедлятъ обсудить его, принявъ во вниманіе все высказанное сибирскимъ общественнымъ мнѣніемъ. Но... случилось нѣчто, съ перваго взгляда странное, въ дѣйствительности же весьма обычное въ условіяхъ бюрократическаго строя: правительство забыло о Высочайшемъ рескриптѣ. Шестой годъ идетъ со дня опубликованія рескрипта, а министерство и не приступало къ составленію законопроекта во исполненіе воли Государя Императора.

13-го мая 1906 г. прочитана была въ засѣданіи Государственной Думы декларація предсѣдателя совѣта министровъ, служившая отвѣтомъ правительства на всеподданнѣйшій адресъ Государственной

Думы. Въ деклараціи перечислены были изготовленные законопроекты, которые будутъ внесены на уваженіе законодательной власти. Между ними напрасно было бы искать законопроектъ о сибирскомъ земствѣ.

6-го марта 1907-го года предсѣдатель совѣта министровъ снова выступилъ съ деклараціей передъ депутатами второго призыва. Въ деклараціи нарисована была общая картина „законодательныхъ предложеній, которыя министерство рѣшило представить высокому вниманію законодательнаго собранія". Въ числѣ этихъ предположеній упомянуты земская реформа вообще и, въ частности, проектъ распространенія земскаго самоуправленія на неземскія губерніи, а именно—на Прибалтійскій край, Западный край и царство Польское. О Сибири предсѣдатель совѣта министровъ умолчалъ.

16-го ноября того же года снова произнесена была декларація отъ имени правительства, въ засѣданіи третьей Государственной Думы. Въ деклараціи, между прочимъ, сказано: „правительство надѣется въ скоромъ времени предложить на обсужденіе Государственной Думы проекты самоуправленія на нѣкоторыхъ окраинахъ примѣнительно къ предполагаемому новому строю внутреннихъ губерній". Относится ли Сибирь къ „нѣкоторымъ окраинамъ"? Декларація объ этомъ умалчиваетъ. Молчаніе можно толковать какъ угодно. Но фактъ тотъ, что и въ третью Думу правительствомъ не внесенъ законопроектъ о сибирскомъ земствѣ.

О сибирскомъ земствѣ забыло правительство, но не забыло общество. Сибирская періодическая печать по прежнему поднимаетъ наболѣвшій вопросъ, считая его важнѣйшимъ вопросомъ сибирской жизни; она энергично напоминаетъ сибирскимъ депутатамъ, что ихъ долгъ—настаивать въ Думѣ на неотложности введенія земства въ Сибири. Депутаты чутко прислушивались къ этимъ напоминаніямъ. Въ собраніяхъ парламентской сибирской группы неоднократно обсуждался вопросъ о введеніи земства въ Сибири.

Въ эпоху существованія Государственной Думы перваго и второго созывовъ и сибирская печать, и сибирскіе избиратели, и сибирскіе депутаты оставались на точкѣ зрѣнія составителей земскихъ проектовъ 1905-го года: обсуждался вопросъ о наилучшемъ, желательномъ земствѣ. Когда созвана была третья Дума, пришлось оставить эту точку зрѣнія, замѣнивъ ее другою. Теперь ставится вопросъ не о желательномъ, а о возможномъ при наступившей реакціи земствѣ, ибо лучше имѣть какое-нибудь земство, чѣмъ не имѣть никакого. Имѣя въ виду дать Сибири по крайней мѣрѣ такое земство, какимъ уже около пятидесяти лѣтъ пользуются центральныя губерніи Европейской Россіи, сибирскіе депутаты составили проектъ основныхъ положеній земской реформы въ Сибири. Подъ проектомъ удалось собрать довольно много подписей,

и онъ внесенъ въ Государственную Думу. Въ засѣданіи 19-го ноября 1908-го года состоялось обсужденіе „законодательнаго предположенія 101-го члена Государственной Думы о введеніи въ сибирскихъ губерніяхъ и областяхъ земскаго самоуправленія". Осуществленіе этого предположенія признано было желательнымъ, и оно было передано въ коммиссію по мѣстному самоуправленію.

Въ составѣ коммиссіи по мѣстному самоуправленію организована была особая „подкоммиссія по распространенію Положенія о земскихъ учрежденіяхъ на губерніи и области Сибири", подъ предсѣдательствомъ депутата кн. А. Д. Голицына. Докладчикомъ былъ сибирскій депутатъ В. А. Карауловъ. Подкоммиссія задалась цѣлью выработать законопроектъ примѣнительно къ земскому Положенію 1890 г., „съ тѣми лишь измѣненіями, которыя неизбѣжно вызываются мѣстными особенностями Сибири".

Эти особенности требуютъ, прежде всего, измѣненія земской избирательной системы. Докладчикъ Карауловъ въ первомъ засѣданіи подкоммиссіи правильно указалъ на то, что въ Сибири дворянства нѣтъ, почти нѣтъ и частнаго землевладѣнія; Сибирь представляетъ изъ себя крестьянское царство, и потому при выборѣ гласныхъ дворянская курія отпадаетъ и остаются только двѣ куріи—крестьянская и городская". Подкоммиссія согласилась съ мнѣніемъ докладчика и предположила раздѣлить избирателей на двѣ куріи—крестьянскую и частновладѣльческую, зачисливъ во вторую всѣхъ плательщиковъ земскаго налога, кромѣ крестьянъ. Согласилась подкоммиссія также съ предложеніемъ докладчика, чтобы крестьянская курія избирала по одному гласному отъ каждой волости, такъ чтобы каждая волость имѣла въ уѣздномъ земскомъ собраніи своего представителя, знакомаго съ мѣстными условіями и нуждами. Согласилась, наконецъ, подкоммиссія и съ тѣмъ, чтобы число гласныхъ отъ второй—частновладѣльческой—куріи „опредѣлялось пропорціонально суммѣ земскаго сбора, платимаго всѣми лицами, входящими въ составъ этой куріи, по отношенію къ суммѣ того же сбора, уплачиваемаго крестьянскими обществами, составляющими первую курію".

Докладчикъ сдѣлалъ еще одно предложеніе: въ видахъ привлеченія къ земской работѣ мѣстной интеллигенціи, предоставить пассивное избирательное право лицамъ хотя и не владѣющимъ никакимъ имущественнымъ цензомъ, но проживающимъ не менѣе года въ данномъ уѣздѣ и окончившимъ курсъ въ одномъ изъ учебныхъ заведеній Россійской Имперіи не ниже двухкласснаго училища. Это предложеніе перевѣсомъ голоса предсѣдателя было отклонено. Подкоммиссіей предположено только предоставить уѣзднымъ земскимъ собраніямъ право избирать на земскія должности лицъ и не обла-

дающихъ цензомъ, но проживающихъ въ предѣлахъ уѣзда не менѣе трехъ лѣтъ и имѣющихъ право, по полученному ими образованію, на производство въ первый классный чинъ.

Имущественный цензъ для избирателей второй куріи подкоммиссія предположила уменьшить приблизительно на половину, въ виду того, что оффиціальныя оцѣнки недвижимыхъ имуществъ въ Сибири крайне низки, и потому цензъ, установленный Положеніемъ 1890 г., представляется непомѣрно высокимъ. Для усиленія въ сибирскомъ земствѣ культурнаго элемента подкоммиссія предположила допустить къ участію въ земскихъ выборахъ торгово-промышленный классъ, установивъ для него налоговой цензъ, соотвѣтствующій имущественному цензу избирателей второй куріи. Такъ какъ въ Сибири почти нѣтъ частнаго землевладѣнія и, значитъ, лицъ, обладающихъ полнымъ земельнымъ цензомъ, окажется мало, то подкоммиссія нашла необходимымъ допустить сложный цензъ, земельный и имущественный, а также земельный, имущественный и налоговой, съ тѣмъ, чтобы отъ сложенія разныхъ цензовъ получилась полная единица земскаго ценза.

Таковы важнѣйшія измѣненія дѣйствующаго земскаго Положенія, предположенныя подкоммиссіей. Не буду останавливаться на другихъ, маловажныхъ. Подкоммиссія чрезвычайно осторожно, можно сказать боязливо отнеслась къ выполненію возложенной на нее задачи: она допускала измѣненія лишь тамъ, гдѣ необходимость ихъ представлялась очевидной и безспорной. Въ засѣданіи 18 ноября 1909 г. два члена подкоммиссіи высказались за внесеніе въ законопроектъ такихъ измѣненій, которыя не вызываются особенностями сибирскаго края, но являются вообще для земскаго самоуправленія необходимыми въ виду сознанныхъ всѣми недостатковъ дѣйствующаго Положенія. Казалось бы, предложеніе это вполнѣ пріемлемое. Въ самомъ дѣлѣ „разъ недочеты земскаго Положенія для всѣхъ ясны, то нѣтъ нужды переносить ихъ и на сибирское земство, а необходимо исправить теперь же". Однако предложеніе было отклонено по соображеніямъ практической цѣлесообразности: полный пересмотръ земскаго положенія занялъ бы слишкомъ много времени, а между тѣмъ представляется крайне желательнымъ распространить положенія о земскихъ учрежденіяхъ на Сибирь какъ можно скорѣе, такъ какъ для нея „гораздо лучше имѣть хотя какое-нибудь земство, чѣмъ не имѣть его совсѣмъ".

Работы подкоммиссіи, по видимому, уже закончены или, во всякомъ случаѣ, онѣ могутъ быть закончены въ самомъ непродолжительномъ времени. Нѣтъ никакихъ препятствій для того, чтобы составленный подкоммиссіей законопроектъ получилъ дальнѣйшее движеніе въ законодательномъ порядкѣ. Остается пожелать, чтобы движеніе

это шло по возможности быстрымъ темпомъ: слишкомъ долго ждетъ Сибирь земства, слишкомъ велика и настоятельна надобность въ немъ.

I. Малиновскій.

НАЦІОНАЛЬНАЯ ПРОГРАММА А. Н. КУРОПАТКИНА

Россія для русскихъ. Задачи русской арміи. Томы I — III. А. Н. Куропаткина. Спб., 1910 г.

Бывшій главнокомандующій русскими войсками въ Манчжуріи не принадлежитъ, очевидно, къ числу тѣхъ побѣжденныхъ полководцевъ, которые скромно и молчаливо несутъ на себѣ тяжкое бремя отвѣтственности за постигшія ихъ неудачи. Генералъ А. Н. Куропаткинъ писалъ и печаталъ очень много послѣ печальнаго завершенія своей дѣятельности на Дальнемъ Востокѣ; онъ не ограничился составленіемъ обширнаго оффиціальнаго отчета о японской войнѣ, въ шести томахъ, а выступилъ съ чѣмъ-то въ родѣ политической программы, вытекающей, будто бы, изъ обстоятельнаго обзора исторіи Россіи отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго момента. Сущность этой программы выражена въ словахъ, послужившихъ девизомъ для трехтомнаго военно-историческаго сочиненія А. Н. Куропаткина: „Россія для русскихъ".

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что мысль, заключающаяся въ приведенной формулѣ, достаточно ясна и опредѣленна; но если остановиться надъ вопросомъ, кого собственно слѣдуетъ причислять къ русскимъ, и о какой Россіи—оффиціально-политической или этнографической—идетъ вообще рѣчь, то получается цѣлый рядъ недоумѣній. А. Н. Куропаткинъ, говоря о русскихъ, имѣетъ прямо въ виду „русское племя"; подъ Россіею онъ разумѣетъ государство съ русскимъ православнымъ населеніемъ, свободнымъ отъ инородческихъ элементовъ. Россія несомнѣнно создана русскимъ народомъ; но въ какую эпоху нашей исторіи русское государство существовало для русскаго народа или для русскаго племени? Не тогда ли, когда массы коренного русскаго населенія обращены были въ крѣпостное состояніе и когда русскій народъ и русское общество были совершенно лишены права голоса при рѣшеніи и устройствѣ государственныхъ дѣлъ? Если „Россія—для русскихъ", то Манчжурія—для Китая, Польша—для поляковъ, Финляндія—для финновъ. Манчжурія ни въ какомъ

отношенiи не могла быть отнесена къ Россiи, и слѣдовательно она не могла быть предназначена для русскихъ; зачѣмъ же мы забрались въ эту чуждую намъ страну и затѣяли изъ-за нея ужасную, убiйственную войну? Неужели только для того, чтобы дать А. Н. Куропаткину случай удостовѣриться, что Манчжурiя принадлежитъ Китаю, а не Россiи? Относительно Польши также неловко было бы утверждать, что она существуетъ для русскихъ—хотя Польша или, вѣрнѣе, часть бывшей Польши несомнѣнно входитъ въ составъ Россiйской имперiи. И о Финляндiи нельзя сказать, что она существуетъ и предназначена для русскаго племени, хотя она и составляетъ часть великаго русскаго государства. Если стремиться къ тому, чтобы государство имѣло однородный племенной составъ, то надо отказаться отъ областей съ сплошнымъ инородческимъ населенiемъ и допустить возможность или даже неизбѣжность распаденiя нынѣшней разноплеменной Россiи. Прилагая къ современному государству узко-племенную мѣрку, мы естественно умаляемъ его силу и устанавливаемъ для него болѣе тѣсныя территорiальныя границы; а такъ какъ А. Н. Куропаткину представляется все-таки нежелательнымъ отречься отъ инородческихъ земель и племенъ, расширившихъ московское государство до степени великой мiровой державы, то онъ невольно колеблется въ своихъ выводахъ и впадаетъ въ странныя противорѣчiя.

Инородцы и иноземцы, какъ и солидарные съ ними русскiе западники, по мнѣнiю автора всегда приносили вредъ государству, подрывали русское нацiональное самосознанiе, подкапывались подъ историческiе устои самодержавiя, православiя и народности и „привели русское племя не къ усиленiю, а къ ослабленiю, какъ въ духовномъ, такъ и въ матерiальномъ отношенiяхъ“. Зловредное влiянiе инородцевъ началось, однако, съ давнихъ поръ—со времени призванiя варяговъ; оно продолжалось и послѣ монгольскаго ига, и въ перiодъ царей, и послѣ Петра I, когда, напримѣръ, для Россiи выписывали правителя изъ Курляндiи. Многiе изъ нашихъ служилыхъ родовъ пришли изъ Орды, изъ Литвы, „изъ Пруссъ“ или изъ „нѣмецъ“. Можемъ ли мы теперь сожалѣть о томъ что, напр., въ четырнадцатомъ вѣкѣ былъ принятъ въ Россiи на службу „мужъ честенъ Индрисъ“ изъ „цесарскiя земли“, родоначальникъ Толстыхъ и, слѣдовательно, предокъ Льва Николаевича Толстого?

Безполезно настаивать на инородческомъ происхожденiи такихъ русскихъ фамилiй, какъ Урусовы, Юсуповы, Карамзины, Аксаковы, Тургеневы и др. А Н. Куропаткинъ не отрицаетъ, что русское племя „стало могущественнымъ отчасти благодаря принятiю въ свой составъ представителей другихъ народностей“. Масса нѣмцевъ, — говоритъ онъ,—поляковъ, татаръ, финновъ, кавказцевъ, сибирскихъ инородцевъ

„совершенно слилась съ русскими. Въ боевой лѣтописи русскихъ войскъ встрѣчается, особенно въ девятнадцатомъ столѣтіи, много именъ инородцевъ, и русская армія всегда вспоминаетъ эти имена съ уваженіемъ: Барклай де-Толли, Беннигсенъ, Тотлебенъ, графъ Граббе, князь Багратіонъ, кн. Циціановъ, кн. Андронниковъ, кн. Бебутовъ, Лазаревъ, Теръ-Гукасовъ, Гейманъ, кн. Чавчавадзе..." То же самое свидѣтельствуетъ авторъ и о полякахъ: „Масса офицеровъ польскихъ въ послѣднія войны, веденныя Россіею, свято исполнила свой долгъ. Полки, въ которыхъ они служили, были ихъ семьями, а Россія—родиною. Не иначе какъ съ самымъ теплымъ чувствомъ вспоминаю офицеровъ пѣхотной дивизіи въ русско-турецкую войну 1877—78 годовъ. Среди нихъ было значительное число поляковъ, и многіе изъ нихъ оказали выдающіеся подвиги" (т. III, стр. 79). И „въ русской арміи, и на другихъ поприщахъ дѣятельности, уже находится много поляковъ, которые считаютъ Россію своимъ отечествомъ, любятъ ее, говорятъ въ своихъ семьяхъ только на русскомъ языкѣ, женятъ своихъ сыновей и выдаютъ замужъ своихъ дочерей за русскихъ. Этотъ польскій элементъ, конечно, только полезенъ Россіи" (т. II, стр. 270). Это—хорошіе, надежные поляки, достойные равноправія съ русскими людьми; но есть и дурные, упорно продолжающіе употреблять польскій языкъ и потому подлежащіе зачисленію въ разрядъ враговъ отечества. Такого рода поляки, „широко воспользовавшись возможностью получать высшее и среднее образованіе, начинаютъ вытѣснять русскихъ въ тревожной степени. Я не разумѣю при этомъ — оговаривается А. Н. Куропаткинъ — поляковъ, которые стали считать Россію своею родиною, а русскій языкъ своимъ роднымъ языкомъ,—это наши братья; но разумѣю поляковъ, которые демонстративно сохраняютъ свой языкъ: даже въ служебныхъ сношеніяхъ демонстративно громко говорятъ, внутри Россіи, по-польски въ буфетахъ, на платформахъ желѣзныхъ дорогъ... Пріемъ такихъ поляковъ на службу на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ, въ судебное и другія вѣдомства—большая ошибка. Мы уже поплатились за довѣріе къ такимъ полякамъ, особенно на забайкальской и другихъ желѣзныхъ дорогахъ, въ 1905-мъ году" (т. III, стр. 73). Между русскими нѣмцами тоже надо различать полезныхъ и вредныхъ: одни изъ нихъ „уже давно обрусѣли, приняли православіе, забыли нѣмецкій языкъ, переженились на русскихъ и только по фамиліи можно угадать ихъ нерусское происхожденіе. Многіе изъ балтійскихъ нѣмцевъ доблестно служили и теперь еще служатъ въ Россіи, считая ее своею родиною. Этотъ нѣмецкій элементъ желателенъ и полезенъ, ибо такіе нѣмцы вносятъ въ порученныя имъ дѣла порядокъ, точность и дѣловитость. Но много нѣмцевъ занимаютъ высокіе служебные посты въ Россіи, относясь пренебрежительно къ Россіи и всему русскому, со-

хранятъ въ семьѣ нѣмецкій языкъ и избѣгаютъ вести знакомство съ русскими. Многіе изъ такихъ нѣмцевъ отличаются большою династическою преданностью, но, не стѣсняясь, заявляютъ, что они служатъ русскому Государю, но не Россіи. Такіе нѣмцы очевидно вредны для Россіи" (тамъ же, стр. 74—5).

Въ устахъ бывшаго военнаго министра весьма любопытно признаніе, что можно быть преданнымъ престолу и усердно служить русскому Государю и въ то же время быть вреднымъ для Россіи. Значитъ, служба престолу и династіи не всегда совпадаетъ съ службою отечеству? Но такое противопоставленіе должно быть съ одинаковымъ правомъ примѣняемо и къ русскимъ царедворцамъ-карьеристамъ, а вовсе не къ однимъ нѣмцамъ. Аракчеевъ не былъ лучше отъ того, что считался русскимъ по вѣрѣ и происхожденію. Если отличать полезныхъ отъ вредныхъ людей между иноземцами и инородцами, то надо проводить такое же различіе и между чисто-русскими людьми. Устроители несчастной японской войны, виновники причиненныхъ ею пораженій и бѣдствій не могутъ быть признаны полезными для Россіи только потому, что они носятъ русскія фамиліи. Самоувѣренные, но бездарные или небрежные военные руководители, виновники негодности и гибели русскаго флота, смѣлые казнокрады, организаторы или попустители пьянства и распущенности въ тылу арміи, были несомнѣнно вреднѣйшими людьми для Россіи, хотя многіе изъ нихъ принадлежали къ числу лицъ русскаго происхожденія. Тотъ критерій пользы или вреда, которымъ руководствуется А. Н. Куропаткинъ, не имѣетъ никакого отношенія къ разумной оцѣнкѣ дѣйствій и заслугъ отдѣльныхъ лицъ или группъ обывателей: для него поляки, „демонстративно" сохранившіе свой родной языкъ, т.-е. добросовѣстно оставшіеся поляками по національности, всегда зловредны, независимо отъ практической цѣнности ихъ дѣятельности, а поляки, отрекшіеся отъ своего народа и демонстративно ставшіе русскими, зачисляются въ категорію полезныхъ гражданъ, хотя бы они были только лицемѣрами. Судить о людяхъ по ихъ именамъ и происхожденію было бы слишкомъ мелко даже для такихъ дѣятелей стараго режима, какъ А. Н. Куропаткинъ. Онъ хвалитъ инородцевъ за ихъ поведеніе во время послѣднихъ войнъ. „Нижніе чины другихъ національностей не отставали отъ русскихъ нижнихъ чиновъ, съ которыми сражались плечо къ плечу. Даже татары были настолько тверды въ присягѣ, что безъ колебанія шли противъ единовѣрныхъ турокъ. Такимъ образомъ въ арміи нашей въ военное время всѣ національности составляли одну семью. Но нельзя не признать,—прибавляетъ авторъ,—что болѣе однородный въ племенномъ отношеніи составъ арміи, подобно тому, какъ это было въ XVIII-мъ

столѣтіи, облегчилъ бы тяжелую задачу подготовки войскъ къ военному времени" (тамъ же, стр. 80). Но такъ какъ нельзя уже идти назадъ въ восемнадцатый вѣкъ, то о возвращеніи къ старому племенному составу арміи нечего и думать, и наша военная бюрократія не можетъ, конечно, требовать, чтобы задача подготовки войскъ искусственно облегчалась для нея въ ущербъ интересамъ дѣйствительной жизни. Самъ авторъ живетъ какъ будто въ идеяхъ московской старины; ему кажется, что все зло—въ иноземцахъ, полякахъ и евреяхъ. „Не будь присоединены къ намъ въ 1815-мъ году польскія области съ сплошнымъ польскимъ населеніемъ,—разсуждаетъ онъ,—мы могли бы слить оставшихся въ русскихъ мѣстностяхъ поляковъ съ русскимъ населеніемъ, а не пожелавшіе этого слиянія были бы выдѣлены, какъ иностранцы, безъ права поступленія въ русскія высшія учебныя заведенія, безъ права русской государственной службы, безъ права участія въ управленіи государственными дѣлами, касающимися всего русскаго племени" (т. II, стр. 270). Процессъ слиянія поляковъ съ русскими рисуется автору въ видѣ какой-то принудительной экзекуціи, съ выдѣленіемъ и соотвѣтственнымъ наказаніемъ нежелающихъ. Но „слить" живыхъ людей разныхъ народностей воедино можно было бы развѣ въ томъ смыслѣ, что всѣхъ ихъ легко помѣстить въ одну общую кутузку: другіе способы слиянія недоступны нашимъ расторопнымъ исправникамъ и губернаторамъ патріотическаго направленія. Люди, несогласные „сливаться" подъ наблюденіемъ полицейскихъ чиновъ, будутъ разсматриваться какъ иностранцы, лишенные гражданскихъ правъ. А. Н. Куропаткинъ ошибается, предполагая, что иностранцы, по общему правилу, не пользуются правомъ поступленія въ высшія учебныя заведенія. Автору вѣроятно извѣстно, что множество русскихъ подданныхъ издавна обучалось за границей въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и всегда имѣло доступъ къ нимъ въ передовыхъ государствахъ Запада; почему же у насъ школьное образованіе должно считаться привилегіею, недоступною для извѣстныхъ разрядовъ нашихъ собственныхъ согражданъ? То, чѣмъ широко пользуются русскіе люди за границею, не можетъ быть закрыто у насъ для иностранцевъ—и тѣмъ болѣе для русскихъ подданныхъ. По мнѣнію автора, государство, вмѣсто того, чтобы создать достаточное количество общедоступныхъ школъ для народа, должно ограждать существующія учебныя заведенія отъ желающихъ учиться иноплеменниковъ и иновѣрцевъ. Запрещать учиться, не пускать въ школы, закрывать доступъ къ образованію—такова по истинѣ варварская политика, которая съ особенною настойчивостью рекомендуется А. Н. Куропаткинымъ по отношенію къ инородческимъ элементамъ населенія Россіи. Онъ серьезно возмущается по поводу того, что либеральные дѣятели прошлаго сто-

лѣтія поощряли поступленіе евреевъ въ русскія школы, содержащіяся на казенный счетъ, что „евреи жадно схватились за предоставленное имъ право и начали наполнять русскія школы въ ущербъ образованію русскаго племени“, и что при министрѣ Деляновѣ были опредѣлены слишкомъ высокія процентныя нормы для евреевъ въ учебныхъ заведеніяхъ — 10% въ чертѣ осѣдлости, 5% внѣ этой черты и 3% въ столицахъ. „Въ 1889-мъ году Деляновъ самовольно разрушилъ и эту перегородку, сдерживавшую наплывъ евреевъ въ учебныя заведенія: онъ разрѣшилъ принимать лучшихъ учениковъ изъ евреевъ безъ нормы“ (т. III, стр. 19). „Несомнѣнно — замѣчаетъ авторъ,—что и между евреями встрѣчаются въ высокой степени достойныя уваженія личности“ (стр. 68); но ужасно то, что дѣтямъ ихъ позволено учиться и что, составляя только одинъ процентъ всего населенія въ губерніяхъ внѣ черты еврейской осѣдлости, евреи „правдами и неправдами добились въ пять разъ большихъ правъ на поступленіе во всѣ учебныя заведенія (кромѣ столицъ), чѣмъ русское населеніе, и нынѣ, совершенно неожиданно, ихъ права увеличены вдвое“, такъ что „относительно полученія средняго и высшаго образованія, начиная съ 1910-го года, евреи въ городахъ внѣ черты еврейской осѣдлости будутъ поставлены въ положеніе, въ десять разъ болѣе благопріятное, чѣмъ русское населеніе; во многія же техническія и художественныя заведенія пріемъ евреевъ будетъ производиться безъ всякихъ нормъ“ (стр. 71). Опять-таки евреи сами по себѣ, быть можетъ, хороши и полезны; „нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ одного милліона евреевъ, проживающихъ внѣ черты еврейской осѣдлости, находится много лицъ, весьма почтенныхъ, и дѣятельность которыхъ заслуживаетъ только глубокаго уваженія (стр. 339); но „уже одно то, что они добились возможности получать знанія при условіяхъ въ десять разъ болѣе легкихъ, чѣмъ русское племя, указываетъ на ихъ могущество и на необходимость сломить это могущество“ (тамъ же). „Предоставленіе инородцамъ, въ томъ числѣ и евреямъ, равныхъ съ русскимъ населеніемъ правъ на поступленіе во всѣ школы поведетъ къ тому, что инородческія племена, достигшія высшей, чѣмъ русское племя, культуры, широко воспользуются предоставленными правами и наполнятъ среднюю и высшую школы за счетъ средствъ, собираемыхъ съ русскаго племени и въ ущербъ его интересамъ“ (стр. 301).

Кажется, нигдѣ въ мірѣ не высказываются уже подобныя дикія мнѣнія. Повсюду масса сельскаго населенія въ несравненно меньшей мѣрѣ пользуется средними и высшими учебными заведеніями, чѣмъ городское населеніе; отсюда можно было бы сдѣлать практическій выводъ, что эти школы должны быть содержимы преимущественно

на средства городскихъ обывателей, а не на счетъ налоговъ, собираемыхъ съ крестьянства. Довольно высокая плата за ученье, взимаемая съ самихъ учащихся или съ ихъ родителей, устраняетъ соображеніе о томъ, что знанія пріобрѣтаются на чужой счетъ, на казенныя или народныя средства, въ ущербъ кому бы то ни было. Если городское и въ частности еврейское населеніе ищетъ школьнаго образованія и даетъ на это необходимыя средства, то нелѣпо отказывать ему въ этомъ на томъ основаніи, что большинство остальнаго населенія не можетъ пользоваться средними и высшими школами въ одинаковой мѣрѣ и не имѣетъ даже къ своимъ услугамъ достаточнаго числа начальныхъ школъ. Наполняя собою казенныя учебныя заведенія въ городахъ и столицахъ, дѣти городскихъ и болѣе зажиточныхъ сельскихъ обывателей ничего не отнимаютъ у остальныхъ и не причиняютъ никакого ущерба той крестьянской массѣ, которая вообще не отдаетъ и не можетъ отдавать своихъ дѣтей въ городскія и столичныя школы. Высчитывать, сколько мѣстъ въ гимназіяхъ и университетахъ должно быть удѣлено горожанамъ, полякамъ, армянамъ или евреямъ, соотвѣтственно процентному составу ихъ въ общей массѣ населенія—это явный абсурдъ, до котораго могли додуматься только наши націоналисты-обскуранты. Ни въ одной странѣ культурнаго міра не существуетъ ничего подобнаго; вездѣ двери публичныхъ школъ, особенно высшихъ, широко открыты не только для гражданъ даннаго государства, независимо отъ ихъ національности и религіи, но, по возможности, и для иностранцевъ. Считать стремленіе къ образованію, свойственное отдѣльнымъ группамъ обывателей, чѣмъ-то опаснымъ и зловреднымъ для остальной массы народа, предметомъ захвата, котораго добиваются „всякими правдами и неправдами“ — очевидный абсурдъ въ принципіальномъ отношеніи и вопіющая несправедливость на практикѣ. Каждый плательщикъ податей, кто бы онъ ни былъ, имѣетъ одинаковое право пользоваться услугами государственныхъ и общественныхъ учрежденій, въ содержаніи которыхъ онъ участвуетъ, и никому не придетъ въ голову отмѣривать, сколько такихъ услугъ можетъ быть оказано различнымъ элементамъ населенія или отдѣльнымъ лицамъ. Одни, напр., часто обращаются въ судъ и постоянно нуждаются въ содѣйствіи судебной власти, другіе никогда не имѣютъ и не ведутъ никакихъ судебныхъ дѣлъ; поэтому первые уплачиваютъ судебныя и гербовыя пошлины, отъ которыхъ вторые свободны—и всѣ находятъ такой порядокъ вещей вполнѣ естественнымъ и безобиднымъ. Точно такъ же каждый плательщикъ податей имѣетъ одинаковое право помѣщать своихъ дѣтей въ публичныя учебныя заведенія, и если послѣднихъ не хватаетъ для удовлетворенія существующей потребности, то государство должно озаботиться увеличеніемъ ихъ

числа, взимая соотвѣтственную особую плату за ученье. Самая мысль о томъ, что одни пріобрѣтаютъ знанія въ ущербъ другимъ и что учащіеся приносятъ вредъ неучащимся, есть постыдный продуктъ умственной тьмы, проявленіе безнадежнаго нравственнаго убожества. Если научныя и техническія знанія увеличиваютъ могущество отдѣльныхъ группъ и умножаютъ силу и способы эксплуатаціи народа разными предпринимателями, какъ думаетъ А. Н. Куропаткинъ, то вѣдь эти послѣдствія существуютъ независимо отъ вопроса объ инородцахъ, и остается только признать, что знанія ученыхъ людей вообще вредны для массы населенія и что невѣжественные эксплуататоры лучше образованныхъ и культурныхъ промышленныхъ дѣятелей. Наконецъ, если доступъ къ образованію и наукѣ долженъ быть закрытъ для извѣстныхъ классовъ населенія, то какъ достигнуть этой цѣли въ тѣхъ случаяхъ, когда знанія пріобрѣтаются помимо казенныхъ школъ, усиліями отдѣльныхъ лицъ, изученіемъ спеціальныхъ книгъ и руководствъ или посѣщеніемъ заграничныхъ учебныхъ заведеній? Или, быть можетъ, для пользованія книжною литературою также должна быть установлена извѣстная процентная норма, обязательная для инородцевъ вообще и для евреевъ въ особенности?

Любопытнѣе всего, что, излагая чрезвычайно пространно свои поразительныя идеи о полякахъ, „демонстративно сохраняющихъ свой языкъ", и объ евреяхъ, виновныхъ въ опасномъ для государства стремленіи къ образованію, А. Н. Куропаткинъ не считаетъ себя врагомъ инородцевъ, а напротивъ, иногда снисходительно говоритъ объ ихъ хорошихъ качествахъ и даже благодушно разсуждаетъ о взаимномъ сближеніи и единеніи на почвѣ общей любви къ родинѣ. Будущему—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своей книги (т. III, стр. 201)—„предстоитъ рѣшеніе многихъ огромной важности внутреннихъ вопросовъ. Въ числѣ ихъ однимъ изъ главныхъ стоитъ примиреніе съ такими племенами, намъ единокровными, какъ напр. польское,—включеніе въ общую русскую семью всѣхъ другихъ народностей, проживающихъ въ Россіи,—такъ чтобы на великой Руси каждый русскій подданный считалъ себя прежде всего *русскимъ* и гордился бы этимъ, — чтобы за границей полякъ, армянинъ, финнъ, на вопросъ: кто они? — отвѣтили бы: мы русскіе. Сохраняя свою религію, свои обычаи и вѣрованія, всѣ племена, населяющія Россію, по мѣрѣ пріобщенія ихъ къ русской государственности, должны признавать для себя необходимымъ знать русскій языкъ, не признавать возможнымъ обходиться безъ него и не смотрѣть на него какъ на чужой, навязываемый правительствомъ. Русскій языкъ и русскіе законы должны послужить тѣмъ цементомъ, который долженъ сковать въ одно нераздѣльное цѣлое всѣ племена, населяющія Россію".

Само собою разумѣется, что взаимное примиреніе „всѣхъ народностей" и внушеніе имъ чувства любви къ Россіи и къ русскому языку не могутъ быть достигнуты путемъ принудительныхъ и запретительныхъ мѣръ, при содѣйствіи полицейскихъ и административныхъ чиновъ, по системѣ А. Н. Куропаткина и его единомышленниковъ. Для того, чтобы признавать обязательнымъ для всѣхъ „пріобщеніе къ русской государственности", необходимо придать этой государственности болѣе культурныя черты, сдѣлать ее болѣе разумною и цѣлесообразною, перестать смотрѣть на нее какъ на законное достояніе немногихъ полновластныхъ распорядителей. Нельзя требовать, чтобы люди чувствовали любовь къ своимъ гонителямъ и видѣли въ нихъ воплощеніе государственной силы и авторитета. Нельзя ожидать, что русскіе обыватели будутъ гордиться званіемъ русскаго гражданина, пока это званіе соединяется для нихъ лишь съ сознаніемъ полнаго безправія. Нечего заботиться о распространеніи между инородцами русскаго языка: языкъ Гоголя и Льва Толстого не нуждается въ полицейской опекѣ. Неотразимая притягательная сила русской литературы дѣлаетъ совершенно излишнимъ грубое усердіе оффиціальныхъ, нерѣдко полуграмотныхъ распространителей государственнаго языка среди инородческаго населенія,—а между тѣмъ на это принудительное усердіе по прежнему возлагаютъ всѣ свои надежды націоналисты въ родѣ А. Н. Куропаткина.

Противъ инородцевъ предлагаются разныя ограничительныя мѣры во имя охраны интересовъ русскаго племени; но эта забота о русскомъ племени обнаруживаетъ свой истинный характеръ всякій разъ, когда заходитъ рѣчь объ общихъ вопросахъ внутренней политики. Для русскаго племени выставляется розга вѣрнѣйшимъ способомъ воздѣйствія съ цѣлью наказанія и исправленія. А. Н. Куропаткинъ откровенно разсказываетъ, что у него въ деревнѣ, съ его согласія, одинъ изъ поденныхъ рабочихъ былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію взамѣнъ законной отвѣтственности предъ судомъ за кражу бутылки домашней наливки. Виновному „было дано на конюшнѣ 25 розогъ въ присутствіи моего старшаго рабочаго",—говоритъ авторъ:— „и никакого угрызенія совѣсти за такое рѣшеніе этого дѣла я не чувствую" (т. III, стр. 333). Ибо что такое въ сущности русская народная масса для нашихъ націоналистовъ-патріотовъ? „Воровство въ разныхъ видахъ—такой порокъ русскаго племени, о которомъ свидѣтельствуютъ еще наши лѣтописи. По развитію нашъ простолюдинъ не выше тѣхъ англичанъ, которыхъ (когда-то) вѣшали за воровство" (тамъ же). Для русскаго племени, по понятіямъ А. Н. Куропаткина, тѣлесное наказаніе является вполнѣ естественнымъ и неизбѣжнымъ, не заключающимъ въ себѣ ничего позорящаго; притомъ

оно рекомендуется не въ видѣ законной судебной кары, налагаемой послѣ надлежащаго разбора дѣла на судѣ, а въ видѣ мѣры личнаго произвола заинтересованнаго помѣщика или хозяина, по соглашенію съ органами мѣстной администраціи. Для русскаго племени, для облегченія его существованія и развитія, авторъ ничего другого не придумалъ, кромѣ усиленія системы ежовыхъ рукавицъ. Онъ находитъ, что земскіе начальники должны обладать неограниченными полномочіями, и что „имъ необходимо возвратить отнятое у нихъ право наложенія взысканій въ административномъ порядкѣ на все сельское населеніе“ (т. III, стр. 16, 263 и др.). Нужно еще болѣе усилить власть нашихъ провинціальныхъ помпадуровъ, уничтожить зависимость ихъ отъ петербургскихъ канцелярій, устранить послѣдствія „обезличенія губернаторовъ“ и отсутствія твердой власти въ уѣздахъ, обезпечить на мѣстахъ подчиненіе представителей всѣхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ губернаторамъ и т. д. (стр. 262). Русскій народъ для А. Н. Куропаткина есть только матеріалъ для распоряженій и мѣропріятій высшей и низшей администраціи; самъ по себѣ онъ никакихъ правъ не имѣетъ, и если онъ играетъ какую-либо роль въ исторіи, то только благодаря попечительному начальству, которое неизмѣнно руководствуется принципами глубокой „преданности вѣрѣ, царю и родинѣ“. На этихъ устояхъ держится Россія: „рухнутъ они,—рухнетъ и русское государство“ (тамъ же, стр. 435). Подъ прикрытіемъ этого лозунга — преданности вѣрѣ, престолу и отечеству — выростаетъ и развивается всесильная бюрократія, подавляющая всѣ источники народной энергіи и самодѣятельности. Безграничныя полномочія властей и покорное долготерпѣніе русскаго народа — вотъ „основные устои“ государственной мудрости съ точки зрѣнія А. Н. Куропаткина. Другихъ устоевъ онъ не знаетъ, и ему кажется, что на нихъ стоитъ и держится Россія. Если желательно, напримѣръ, усилить наше положеніе на Дальнемъ Востокѣ, то для этого прежде всего предлагается „облечь особыми правами мѣстнаго генералъ-губернатора и командующаго войсками“, объединить въ его рукахъ дѣятельность пяти министерствъ, сдѣлать его „отвѣтственнымъ хозяиномъ“ въ трехъ главныхъ дѣлахъ и задачахъ—въ вопросѣ переселенческомъ, въ дѣлѣ постройки Амурской желѣзной дороги и въ вопросѣ о направленіи дѣятельности восточно-китайской желѣзной дороги (тамъ же, стр. 360); вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, надо предоставить въ распоряженіе этого „отвѣтственнаго хозяина“ широкія финансовыя средства, сверхъ неограниченной власти надъ населеніемъ. Злосчастное русское племя въ теченіе вѣковъ терпѣливо выноситъ на себѣ гнетъ безконтрольнаго хозяйничанья этихъ россійскихъ сатраповъ—и въ утѣшеніе угнетаемому народу поддерживается

жестокое и безцѣльное преслѣдованіе извѣстныхъ категорій инородцевъ. Эта лицемѣрная, раздражающая и мертвящая политика называется у насъ національною, и за нее стоитъ горой бывшій военный министръ, который долженъ по опыту знать всю фальшь и ничтожество подобнаго національизма.

А. Н. Куропаткинъ собралъ въ своемъ трехтомномъ сочиненіи множество матеріаловъ, заимствованныхъ изъ общеизвѣстныхъ трудовъ по русской исторіи и изъ разныхъ случайныхъ книгъ и брошюръ; онъ излагаетъ исторію по Соловьеву, Ключевскому, Милюкову и Рожкову, приводитъ свѣдѣнія о славянофильствѣ — изъ какой-то брошюры Мих. Бор—на, о политической экономіи — „изъ печатнаго, но не изданнаго труда одного изъ нашихъ замѣчательныхъ финансистовъ", при чемъ впадаетъ иногда въ странныя ошибки, на которыхъ мы останавливаться не будемъ [1]). Для чего понадобился автору этотъ балластъ плохо связанныхъ между собою историческихъ и теоретическихъ матеріаловъ — мы не знаемъ; но для выводовъ и положеній его „національной программы" они были совершенно ненужны. Въ теоріи, дѣлая длинныя выписки изъ чужихъ разсужденій, авторъ какъ будто склоненъ признавать несостоятельность и вредъ бюрократическаго самовластья—а разсуждая отъ себя, онъ постоянно возвращается къ тому же самовластью, какъ единственно доступному и понятному ему якорю спасенія. Иногда онъ сознаетъ, что самодержавіе стараго типа имѣло свои крупные недостатки, что оно нерѣдко приводило къ „грубому насилію кучки авантюристовъ" надъ всѣмъ русскимъ народомъ (т. I, стр. 433), что оно направляло политику государства согласно случайнымъ вліяніямъ и настроенію отдѣльныхъ лицъ, внѣ зависимости отъ жизненныхъ интересовъ и потребностей страны (стр. 499), что даже императоръ Николай I, „самъ того не замѣчая, подчинялся вліянію ближайшей среды, не допуская обсужденія государственныхъ и общественныхъ вопросовъ ни въ печати, ни въ совѣщаніяхъ свѣдущихъ людей" (т. III, стр. 8), и вслѣдствіе этого „не зналъ тяжкихъ нуждъ народа, его угнетенія", не зналъ упадка и отсталости арміи и вооруженія Россіи (т. II, стр. 405). Авторъ сочувственно цитируетъ слова графа Воронцова о министерскомъ деспотизмѣ, который „оподляетъ людей и бываетъ виновникомъ бѣдствій какъ для подданныхъ, такъ и для самого государя". „Въ результатѣ столѣтняго угнетенія министрами-бюрократами всѣхъ начальствующихъ

---

[1]) Между прочимъ, въ одномъ мѣстѣ (т. III, стр. 204) говорится о московскомъ философскомъ кружкѣ, образовавшемся въ *пятидесятыхъ годахъ* прошлаго столѣтія и имѣвшемъ въ своемъ составѣ Станкевича и Бѣлинскаго, рядомъ съ Хомяковымъ, Аксаковымъ и др.,—тогда какъ Бѣлинскій умеръ въ 1848 г., а Станкевичъ еще раньше, въ 1840 г.

лицъ, внѣ Петербурга находившихся, и угнетенія предпріимчивости и инициативы всѣхъ частныхъ людей—добавляетъ отъ себя А. Н. Куропаткинъ—на Руси исчезли во всѣхъ сферахъ дѣятельности сильные, стойкіе характеры" (т. III, стр. 259). И вслѣдъ затѣмъ тотъ же А. Н. Куропаткинъ предлагаетъ отдать народную массу подъ власть неограниченныхъ земскихъ и прочихъ начальниковъ, возстановить византійскіе нравы и обычаи временъ царя Алексѣя Михайловича и обязать весь народъ веселиться „въ царскіе праздничные дни", по заранѣе выработанной программѣ. Картина этого всеобщаго принудительнаго веселья, устраиваемаго не безъ помощи розги, подъ руководствомъ стражниковъ всякаго ранга, изображается авторомъ съ исчерпывающею обстоятельностью, и мы не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь краснорѣчивый обзоръ этой будущей всенародной идилліи.

„Начальствующія лица всѣхъ степеней обязываются въ этотъ день особою представительностью: церковная служба, парады, обѣды, вечера. Во всѣхъ театрахъ всей Россіи должны ставиться патріотическія пьесы; гдѣ можно, въ войскахъ и учебныхъ заведеніяхъ устраиваются домашніе спектакли, концерты, туманныя картины, кинематографы, чтеніе, пѣніе національныхъ пѣсенъ, тоже съ патріотическими программами. Къ празднику этому надо старательно готовиться... Послѣ церковной службы народу читаются правительственныя сообщенія о милостяхъ царскихъ и говорится соотвѣтствующее слово о царской власти". Народу раздаются патріотическія брошюры и портреты (изданія генерала Богдановича и др.). „Весь день, гдѣ только можно, организуются игры, катанья съ горъ, бѣганье на лыжахъ, устройство изъ снѣга укрѣпленій и штурмъ ихъ, съ раздачею призовъ отличившимся. Организуются шествія съ музыкою, пѣснями, національными флагами. Весь вечеръ рядятся по старинному, гадаютъ, ѣздятъ въ гости ряженые, танцуютъ, поютъ старыя русскія пѣсни. Во всѣхъ клубахъ, военныхъ собраніяхъ устраиваются праздники національнаго характера... Старыя русскія пѣсни, русскіе музыкальные инструменты, русскіе костюмы, русскія былины, русскія блюда и русское платье; вмѣсто водки — пиво, медъ, настойки, наливки, шипучки, квасы. Войска этотъ день должны проводить радостно и весело и, гдѣ только можно, участвовать въ общемъ съ населеніемъ праздновании этого дня" (т. III, стр. 261—2). И надо замѣтить, что всѣ эти умилительныя подробности святочныхъ празднествъ пріурочиваются къ такому дню, когда обыкновенно въ деревнѣ, по свидѣтельству самого автора, „церковь пуста".

Если вспомнить, что составитель этой необыкновенно радостной патріотической программы испыталъ всего пять лѣтъ тому назадъ ро-

ковые дни Мукденскаго пораженія, то становится жутко за Россію и русскую армію. Ни одинъ полководецъ, проигравшій кампанію, не обнаруживалъ такого легкаго отношенія къ своимъ неудачамъ, какъ А. Н. Куропаткинъ. Печальная роль его въ японской войнѣ прошла для него совершенно безслѣдно, и онъ не только не извлекъ никакого поученія изъ страшныхъ кровавыхъ событій, совершившихся при ближайшемъ его участіи и подъ его руководствомъ, но еще считаетъ возможнымъ выступать въ качествѣ организатора патріотическихъ программъ и національныхъ увеселеній. О дѣлахъ и событіяхъ 1904—1905 годовъ онъ вспоминаетъ въ такомъ тонѣ, какъ будто они его совершенно не касаются или какъ будто они относятся къ далекому прошлому, о которомъ можно строить разныя догадки и предположенія. Онъ догадывается, что „Англія, увлекаясь намѣреніемъ принизить міровое значеніе Россіи, способствовала успѣху японцевъ. Вмѣстѣ съ русскими революціонерами, вызвавшими устройствомъ безпорядковъ внутри страны несвоевременное заключеніе мира, Англія поработала, чтобы ослабить въ Азіи престижъ непобѣдимости Россіи“ (т. III, стр. 228). Въ борьбѣ съ Японіею Россія не имѣла успѣха; „причинъ тому много, но одна изъ главныхъ—это поддержка японцевъ Англіею“ (стр. 254). Виновата еще казна, не дававшая будто бы достаточнаго количества сотенъ милліоновъ рублей на армію (т. II, стр. 278, т. III, стр. 136 и др.). Главнокомандующій былъ тутъ ни при чемъ; онъ въ теченіе полутора года получилъ въ свое распоряженіе до семисотъ тысячъ отличнаго войска противъ державы, вся регулярная армія которой до войны состояла приблизительно изъ 250 тысячъ человѣкъ, но онъ не могъ одержать ни одной побѣды, потому что считалъ своею задачею заранѣе организовать отступленіе. Стремиться къ побѣдѣ и думать о ней мѣшали ему, во-первыхъ, англичане, вовсе не участвовавшіе въ войнѣ, во-вторыхъ—инородцы и особенно евреи, не допущенные имъ въ Манчжурію, и въ-третьихъ—революціонные безпорядки, устроенные въ предѣлахъ Европейской Россіи уже послѣ заключительнаго военнаго разгрома подъ Мукденомъ.

Къ крайнему нашему удивленію, мы узнаемъ отъ А. Н. Куропаткина, что съ самаго начала войны вовсе не имѣлось въ виду побѣдить японцевъ и вытѣснить ихъ изъ интересовавшихъ насъ китайскихъ земель. „Въ войну 1904-1905 годовъ—объясняетъ онъ—планъ дѣйствій былъ составленъ въ сущности тотъ же, что и въ 1812-мъ году. Рѣшено было отступать, если то потребуется, до Харбина и далѣе. Послѣ Мукдена японская армія уже не рѣшается сама напасть на русскую. Уже матеріальное превосходство перешло на нашу сторону: триста тысячъ молодежи, пришедшей къ арміи съ пѣснями, вмѣсто

многосемейныхъ запасныхъ, омолодили нашу армію; подошли горная артиллерія, мортиры, безпроволочный телеграфъ, запасы полевой желѣзной дороги, — все то, безъ чего нынѣ трудно сражаться. Въ моральномъ настроеніи японцевъ, напротивъ того, можно было усмотрѣть пониженіе пыла, пониженіе воинственности; многочисленныя письма плѣнныхъ свидѣтельствовали объ этомъ. Но нашимъ войскамъ, по серьезнымъ внутреннимъ дѣламъ, пришлось прекратить войну, когда мы наконецъ приготовились къ ней и получили боевой опытъ" (т. II, стр. 276). Въ прощальномъ приказѣ по манчжурской арміи А. Н. Куропаткинъ подтверждаетъ, что „войска уже съ мая прошлаго (1905) года радостно привѣтствовали бы переходъ въ наступленіе противника; но японцы, потрясенные потерями подъ Мукденомъ, полгода оставались на мѣстѣ, ожидая нашего перехода въ наступленіе... Никогда наша армія не представляла такой грозной силы въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи, какъ лѣтомъ 1905-го года, когда неожиданно для дѣйствующихъ войскъ, кои увѣрены были въ неудачѣ переговоровъ въ Портсмутѣ и горячо желали этой неудачи, былъ заключенъ миръ, необходимый для внутреннихъ дѣлъ Россіи, но тягостный для арміи" (т. III, стр. 380—381).

Приведенныя замѣчанія просто невѣроятны по своему внутреннему смыслу. Война съ Японіею была вызвана настойчивымъ желаніемъ тогдашняго русскаго правительства удержать Манчжурію и наложить руку на сѣверную часть Кореи; дѣло шло не объ отраженіи иностраннаго нашествія, а напротивъ, объ укрѣпленіи и расширеніи занятой нами позиціи у береговъ Тихаго океана. Какимъ же образомъ могъ быть составленъ у насъ такой планъ военныхъ дѣйствій, который напоминалъ бы оборонительную войну 1812 года? Если у насъ предполагалось постепенно отступать до Харбина и далѣе, внутрь Сибири, то зачѣмъ мы вообще предприняли военную оккупацію Манчжуріи и почему упорно отказывались очистить эту часть китайской территоріи? Вѣдь было бы неизмѣримо лучше и выгоднѣе уйти изъ Манчжуріи добровольно, чѣмъ удалиться послѣ тяжелыхъ военныхъ неудачъ. Намъ предстояла не защита нашихъ собственныхъ границъ, а наступательная война для пріобрѣтенія новыхъ владѣній и преимуществъ на Дальнемъ Востокѣ; поэтому о какой-либо аналогіи съ отечественною войною не могло быть и рѣчи. Въ первый періодъ войны можно было оправдываться недостаточною боевою готовностью нашей арміи; но въ августѣ 1904-го года, ко времени битвы подъ Лаояномъ, силы обѣихъ сторонъ почти сравнялись, а въ сентябрѣ уже оффиціально признавалось наше численное и техническое превосходство, вслѣдствіе чего и затѣяно было наступленіе противъ японцевъ при Шахэ, окончившееся безплодною потерею многихъ тысячъ человѣческихъ жизней.

Кромѣ возвѣщенной заранѣе битвы при Шахэ, имѣвшей цѣлью „заставить непріятеля повиноваться нашей волѣ", русскій главнокомандующій не позволялъ себѣ никакихъ проявленій сознательнаго энергическаго почина въ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій и всецѣло предоставлялъ инициативу японцамъ; онъ заботился лишь о подготовкѣ отступленій, а отнюдь не о побѣдахъ и не о сохраненіи занятыхъ позицій. Къ моменту Мукденскаго боя русскія войска были несомнѣнно сильнѣе японскихъ, и тѣмъ не менѣе они пассивно стояли на мѣстѣ до тѣхъ поръ пока маршалъ Ойяма не закончилъ своихъ приготовленій для обезпеченія за собою наибольшихъ шансовъ успѣха. Русская армія потерпѣла въ февралѣ 1905-го года неслыханное пораженіе, о которомъ нельзя вспомнить безъ ужаса; однако, по свидѣтельству А. Н. Куропаткина, армія оправилась и вскорѣ стала вновь терпѣливо ожидать наступленія японцевъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и русскія войска, будто бы, жаждали возмездія;—что же мѣшало нашимъ полководцамъ воспользоваться наконецъ превосходствомъ нашихъ силъ и одержать давно желанную побѣду, не дожидаясь переговоровъ о мирѣ? Почему эти полководцы бездѣйствовали въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы 1905-го года, до начала оффиціальныхъ совѣщаній въ Портсмутѣ, и заговорили только по полученіи извѣстія о мирномъ договорѣ? Мы не говоримъ уже о странности того утвержденія, что русскія войска, послѣ ряда тяжкихъ пораженій, чувствовали себя лучше и бодрѣе, чѣмъ ихъ побѣдоносные противники, не испытавшіе за все время войны ни одной крупной неудачи. Это противорѣчило бы природѣ вещей. Поразительна также ссылка на то, что наши главнокомандующіе имѣли въ виду будто бы болѣе продолжительный срокъ войны и что заключеніе мира было преждевременно и вызывалось не военными обстоятельствами, а внутренними политическими безпорядками. Но неужели полутора года непрерывныхъ военныхъ неудачъ на сушѣ и на морѣ было еще недостаточно? Сколько же лѣтъ думали воевать наши главнокомандующіе на Дальнемъ Востокѣ? На чемъ можно основывать предположеніе, что полководцы, привыкшіе къ систематическимъ отступленіямъ, внезапно начнутъ проявлять несвойственныя имъ военныя дарованія и превратятся въ счастливыхъ побѣдителей, а японцы, напротивъ, станутъ вдругъ дѣйствовать необдуманно, безъ энергіи и безъ сознательнаго плана? Кампанія была проиграна окончательно послѣ Мукдена и Цусимы. Безполезно отрицать этотъ огромный историческій фактъ при помощи пророческихъ соображеній о томъ, что произошло бы въ случаѣ дальнѣйшаго ожиданія наступательныхъ дѣйствій со стороны японцевъ. Быть можетъ, для достоинства заинтересованныхъ лицъ было бы выгоднѣе не затрогивать подобныхъ

щекотливыхъ вопросовъ въ трудѣ, посвященномъ выясненію будущихъ задачъ русской арміи въ связи съ національными нуждами Россіи и „русскаго племени“.

Л. Слонимскій.

ИЗЪ ОБЛАСТИ РУССКИХЪ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХЪ ОТКРЫТІЙ

Расцвѣтъ археологической науки въ Россіи относится ко второй половинѣ истекшаго вѣка. Въ это время у насъ, какъ и въ западной Европѣ, было обращено серьезное вниманіе на тѣ драгоцѣнные памятники, которые таились въ нѣдрахъ земныхъ. Молчаніе или скудость лѣтописныхъ свидѣтельствъ часто мѣшали рѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ исторіи; нерѣдки и цѣлые пробѣлы въ исторіи народовъ за полнымъ отсутствіемъ письменныхъ данныхъ. Именно тутъ и сказалось громадное значеніе науки о древностяхъ; ревниво оберегавшая свои сокровища земля разступилась передъ пытливой работой археолога. Изъ древнихъ, полуистлѣвшихъ жилищъ и могилъ вставали старинныя тѣни и выдавали свои тайны. Многія историческія эпохи, окутанныя дымкой тумановъ, прояснились и предстали передъ нами. Поле исторіи все росло, расширяясь и расчищаясь.

I.

Прежде всего естественно ставились вопросы о древности человѣка и его древнѣйшей культурѣ. Всѣ усилія ученыхъ были направлены къ разрѣшенію этихъ капитальныхъ вопросовъ, и всетаки они еще далеки отъ разрѣшенія. Правда, на основаніи сдѣланнаго можно установить нѣкоторыя положенія (напр. появленіе человѣка съ четвертичной эпохи), но вполнѣ возможны еще болѣе значительные продвиги вглубь, еще новыя перспективы. Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ заинтересованы какъ археологія, такъ и антропологія — и параллельные успѣхи обѣихъ наукъ свидѣтельствуютъ объ интенсивной работѣ въ этой области, хотя рядъ воздвигаемыхъ и разрушаемыхъ гипотезъ равно свидѣтельствуетъ и о неполной опредѣленности построеній. Въ Россіи поиски древняго человѣка — человѣка палеолитическаго вѣка—начались давно, и на русской почвѣ было сдѣлано немало цѣнныхъ открытій. Достаточно пересмотрѣть капитальный

трудъ графа А. С. Уварова о каменномъ вѣкѣ въ Россіи, чтобы убѣдиться въ этомъ. За послѣднее двадцатипятилѣтіе работа продолжалась въ направленіи, завѣщанномъ гр. Уваровымъ. На ряду съ изслѣдованной имъ въ 1877 г. Карачаровской стоянкой особенно крупнымъ открытіемъ является стоянка на Кирилловской улицѣ въ Кіевѣ, изслѣдованная въ началѣ 90-хъ годовъ В. В. Хвойкой и В. Б. Антоновичемъ и считающаяся одною изъ самыхъ большихъ стоянокъ палеолита (общее пространство—10 тысячъ кв. метровъ). Здѣсь на ряду съ остатками древней фауны — костями мамонта, носорога, пещернаго льва, медвѣдя—и флоры—разновидностями первобытнаго кедра, кипариса, пальмовиднаго дерева—были найдены и характерныя издѣлія рукъ человѣческихъ (ножи, скребки, острые осколки изъ камня, орудія изъ бивней и костей мамонта). Четыре бивня носятъ слѣды самой элементарной художественной отдѣлки. Немало сдѣлано и другихъ, менѣе крупныхъ открытій. Отмѣтимъ недавнія раскопки Ѳ. К. Волкова въ Мезинѣ, съ которыми онъ ознакомилъ членовъ Черниговскаго археологическаго съѣзда; найденную имъ стоянку съ остатками мамонта и скребками онъ относитъ къ маделенской эпохѣ, т.-е. къ концу старокаменнаго вѣка.

На ряду съ розысками палеолитическаго вѣка продолжались еще болѣе удачныя и цѣнныя открытія въ области неолита, богато представленнаго въ различныхъ областяхъ Россіи. И сѣверъ, и югъ, и востокъ, и западъ, Сибирь, Крымъ и Кавказъ давали и даютъ обильный матеріалъ, знакомящій насъ съ остатками ново-каменной культуры, въ видѣ стоянокъ, мастерскихъ, земляныхъ очаговъ, земляныхъ городищъ, свайныхъ построекъ и пещеръ.

Среди всѣхъ этихъ открытій неолитической эпохи особый интересъ для историка представляетъ открытіе до-микенской или трипольской культуры, изслѣдованной В. В. Хвойкой и одесскимъ профессоромъ Э. Р. фонъ-Штерномъ. Эти археологическія открытія на почвѣ Россіи имѣютъ интересъ всемірно-историческій. Врядъ-ли мы ошибемся, если скажемъ, что грандіознѣйшимъ завоеваніемъ археологической науки конца XIX и начала XX вв. было открытіе критско-эгейской и микенской культуръ. Счастливо начатыя энтузіастомъ Шлиманомъ раскопки велись затѣмъ съ исключительнымъ успѣхомъ Дернфельдомъ, Эвансомъ, итальянской миссіей и др., какъ на почвѣ самой Эллады, такъ и на островахъ (особенно на Критѣ). Уже Шлиманъ своими троянскими раскопками и, главное, открытіями „богатыхъ золотомъ“ Микенъ и Тиринѳскаго акрополя способствовалъ полной переоцѣнкѣ греческой исторіи, освѣтилъ цѣлый періодъ исторической жизни, дотолѣ скрывавшійся въ туманной дымкѣ и только смутно вспоминавшійся въ полулегендарныхъ сказаніяхъ и миѳахъ.

Еще дальше продвинулись раскопки—и изумленному взору предстала богатая, пышная культура могучихъ критскихъ царей, владыкъ Эгейскаго моря. Раскопки Эванса въ Кноссѣ, итальянцевъ въ Фестѣ и Гагіи Тріадѣ, веденныя систематично и планомѣрно, дали колоссальные результаты. Величественныя монументальныя зданія, дворцы съ роскошными тронными залами и колоннадами, грозныя крѣпостныя сооруженія, громадный, на много зрителей театръ, цѣлыя сѣти подземныхъ кладовыхъ и погребовъ („лабиринтъ Миноса" легендарныхъ сказаній) — все это представляетъ жизнь высокоразвитую. Найдены и памятники изобразительнаго искусства—рисунки, фрески, цѣлыя картины разнообразнаго содержанія, золотыя и бронзовыя украшенія, оружіе, пышно развившаяся керамика—преддверіе аттической вазовой живописи. Открыта обширная письменность; но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ, не смотря на интенсивную дѣятельность изслѣдователей, эти загадочныя письмена молчатъ и не выдаютъ своихъ тайнъ. Въ 1909 г. неутомимымъ Эвансомъ великолѣпно изданъ первый томъ „Scripta Minoa" на основаніи фотографическихъ снимковъ и копій; но пока на нихъ можно только смотрѣть и любоваться, ходить вокругъ и около. Тѣмъ не менѣе, на основаніи добытаго матеріала вполнѣ возможны отдѣльныя историческія построенія; такъ, можно установить рядъ хронологическихъ датъ, пользуясь египетскими параллелями [1]), можно намѣтить эпохи, съ ихъ болѣе мелкими подраздѣленіями на періоды (классификація Эванса), можно даже въ общихъ чертахъ конструировать строй и бытъ критской талассократіи. Расцвѣтъ критско-эгейской культуры относится къ бронзовому вѣку; бронзовымъ вѣкомъ славятся и Микены. За самое послѣднее время стали очищаться и древнѣйшіе пласты, относящіеся къ каменному вѣку, къ эпохѣ неолита. Здѣсь находятся болѣе грубыя, неискусныя сооруженія—блѣдные прообразы того, что получило такое пышное развитіе. Неолитическіе слои обнаружены на Критѣ, въ Кноссѣ, въ Фестѣ и дали любопытные образцы вазовой орнаментики. Древнѣйшія поселенія каменнаго вѣка найдены въ Сесхло и Димини, въ сѣверной Греціи (Өессаліи); любопытно, что добытая здѣсь өессалійская керамика является сходной съ находками, сдѣланными во Өракіи, Сербіи, Босніи, южной Россіи, Венгріи (Тордошъ), Богеміи, Македоніи, Румыніи, Испаніи, Италіи и т. д. Такимъ образомъ опредѣлилась сѣверная культурная область, стоящая въ связи съ неолитическими находками на Критѣ. Чѣмъ же объясняется сходство археологическихъ памятниковъ странъ,

[1]) Такъ въ Кноссѣ найденъ египетскій предметъ временъ гиксосскихъ царей (1800—1700 л. до Р. Х.); Флиндерсъ-Петри указываетъ на критскіе глиняные сосуды, найденные въ могилахъ XII-ой династіи, т.-е. приблизительно за 2500 л. до Р. Х.

прилегающихъ къ Средиземному морю, кто были носители этой общей культуры, гдѣ ихъ прародина и каковы ихъ миграціи? Эти вопросы стали въ первую очередь, все время освѣщаемые новыми и новыми открытіями. Накопилась уже обширная спеціальная литература по этимъ вопросамъ. Едва-ли не самыя интересныя страницы новаго изданія классическаго труда Эд. Мейера: „Geschichte des Alterthums“ посвящены эгейской культурѣ и ея антецедентамъ. Въ разработкѣ этихъ основныхъ вопросовъ древнѣйшаго прошлаго европейской культуры видное мѣсто принадлежитъ русскимъ ученымъ-археологамъ. Когда въ концѣ 90-хъ годовъ В. В. Хвойко напалъ на слѣды загадочной культуры, которую по мѣсту первыхъ находокъ онъ назвалъ культурой *трипольской*, этимъ положено было начало цѣнной и плодотворной работѣ.

Во многихъ частяхъ Кіевской губерніи, въ губерніяхъ Черниговской, Херсонской, Подольской и Бессарабской обнаружены слѣды интересующей насъ культуры. Для знакомства съ ея отличительными особенностями мы имѣемъ многочисленныя погребенья и жилища. Погребенья встрѣчаются на особаго рода площадкахъ, устроенныхъ изъ обожженной глины и крытыхъ бревнами. По снятіи комьевъ глины обнаруживаются черепки большихъ сосудовъ-урнъ; сохранились, частью, чаши, миски, вазы различныхъ видовъ и формъ; кромѣ того въ погребеньяхъ находятся глиняныя и костяныя издѣлья, метательные камни, каменные топоры, молоты, ножи, пилы, зубы и рога животныхъ. Въ погребеньяхъ на ряду съ трупосожженіемъ практиковалось и трупоположеніе (полуобожженные скелеты); площадки служили, повидимому, и для ритуальныхъ обрядовъ и жертвоприношеній. Жилища-землянки имѣютъ отъ 4 до 6 метровъ длины и отъ 3 до 6 метровъ ширины; посрединѣ четыреугольника находится овальная или четыреугольная яма, изъ которой устраивался выходъ въ видѣ ската или уступовъ. Колья или столбы поддерживали крышу, которую обмазывали глиной или засыпали землей. Въ землянкахъ найдены уголь, пищевые отбросы, черепки, кремневыя, роговыя и костяныя вещи. Найденныя вещи, особенно многочисленныя въ раскопкахъ Кіевской губерніи, В. В. Хвойко дѣлитъ на два типа, на двѣ культуры—культуру *А* и культуру *B*. Культура *А* отличается богатой керамической отдѣлкой (украшена вся поверхность сосуда); для нея характерны сосуды съ рельефными изображеніями человѣческаго лица, двойные, биноклеобразные сосуды, сосуды грушевидной, колоколообразной и плошкообразной формъ, крестообразныя статуэтки, просверленные каменные, роговые и костяные топорики. Встрѣчаются и издѣлія изъ мѣди. Культура *B* отличается болѣе простымъ и менѣе пропорціональнымъ орнаментомъ; сосуды имѣютъ видъ двухъ усѣченныхъ конусовъ,

боченка или черепахи; находятся кремневые серпы и грузила: нѣтъ мѣди и просверленныхъ орудій. Особенно интересной и характерной въ трипольской культурѣ является керамика, развитіе которой бросаетъ нѣкоторый свѣтъ и на исторію этой культуры. Наиболѣе опредѣленную классификацію керамическихъ издѣлій даетъ проф. фонъ-Штернъ въ своей работѣ: „Доисторическая греческая культура на югѣ Россіи"; онъ дѣлитъ сосуды на три большія группы: 1) сосуды безъ всякаго украшенія, монохромные, удержавшіе цвѣтъ глины, 2) сосуды съ рѣзной техникой и вдавленнымъ орнаментомъ (обыкновенно—небольшого размѣра) и 3) сосуды, украшенные, на полированномъ фонѣ глины или облицовки, декоративной росписью. Сосуды послѣдняго типа, составляющіе меньшинство въ кіевскихъ раскопкахъ, особенно богато представлены археологическими изысканіями въ Петренахъ [1] (Бессарабской губ.), что и заставляетъ проф. фонъ-Штерна высказать предположеніе, что центръ новой керамической промышленности находился въ Бессарабіи. Здѣсь замѣтны техническія усовершенствованія въ обжиганіи и изготовленіи глины; но гончарный кругъ еще не извѣстенъ, работа производится отъ руки или при помощи деревянныхъ палочекъ и дощечекъ. Украшающіе сосуды орнаменты свидѣтельствуютъ о долгой практикѣ въ искусствѣ, равно какъ и о художественномъ вкусѣ, поразительно зрѣломъ для эпохи неолита. Петренскія находки даютъ обильный матеріалъ для отвѣта на вопросъ о происхожденіи и развитіи спиральнаго орнамента и существенно измѣняютъ традиціонное мнѣніе, будто бы отдѣлка сосудовъ каменнаго вѣка въ Европѣ вращалась исключительно въ геометрическихъ формахъ и тѣмъ рѣзко рознилась отъ месопотамской культуры, гдѣ мотивы декораціи заимствовались изъ органическаго міра. При безусловномъ преобладаніи геометрической отдѣлки мы находимъ, однако, и изображенія органическаго міра, включая даже человѣка; особенно интересны рисунки на сосудахъ, найденныхъ В. В. Хвойкой. Немало найдено изображеній животныхъ, что помимо художественнаго интереса является важнымъ показателемъ извѣстной стадіи развитія. Изображены лошади, собаки, козы, быки; послѣдніе являются не только въ росписи, но и въ первобытной глиняной пластикѣ. Изъ найденныхъ терракотовыхъ фигурокъ однѣ даютъ изображенія идоловъ, другія—быковъ; фигуры быковъ (быкъ въ эпоху ново-каменнаго вѣка игралъ, повидимому, извѣстную роль въ религіозно-метафизическихъ представленіяхъ), особенно частыя, невольно вызываютъ сближеніе съ находками въ Микенахъ (головы коровы), Вофіо (быки на золотыхъ кубкахъ), Гурміи (изображеніе на каменномъ рогѣ для питья). Таковы пред-

[1]) Раскопки фонъ-Штерна въ 1902 и 1903 гг.

меты, знакомящіе насъ съ художественнымъ развитіемъ человѣка временъ этой культуры; но на основаніи находокъ возможна и нѣкоторая реконструкція его матеріальнаго быта. Предметы жилищъ-землянокъ показываютъ, что человѣкъ уже приручилъ домашнихъ животныхъ (козъ, свиней, воловъ), что онъ уже перешелъ къ осѣдлой земледѣльческой культурѣ. Послѣднее особенно иллюстрируютъ раскопки В. В. Хвойки, который вмѣстѣ съ сѣменами пшеницы и проса нашелъ примитивныя ручныя мельницы-зернотерки.

До сихъ поръ не рѣшены еще окончательно вопросы о носителяхъ этой культуры и о путяхъ ея распространенія. Сначала выставлена была гипотеза о микенскомъ вліяніи, о микенскихъ ремесленникахъ, занесшихъ свои издѣлія на сѣверъ, наконецъ о цѣломъ движеніи съ юга на сѣверъ. Но для непосредственныхъ изслѣдователей новооткрытой культуры было ясно, что ни о какомъ вліяніи Микенъ не можетъ быть и рѣчи, что это культура древнѣйшая и самобытная. Въ противовѣсъ первой точкѣ зрѣнія Шмидтъ, Мухъ, особенно фонъ-Штернъ выставили гипотезу о *сѣверномъ* происхожденіи критско-микенской культуры и о ея движеніи на югъ. Новокаменный вѣкъ — расцвѣтъ неолита—засвидѣтельствованъ этой культурой на сѣверѣ; къ концу неолита она спускается на югъ, за Балканы и въ бронзовомъ вѣкѣ даетъ пышныя разновидности культуръ миносскихъ и микенской. Гипотеза весьма интересна, остроумна и заманчива, но все-же пока не можетъ быть безусловно принята. Сузанскія раскопки де-Моргана (французской экспедиціи) указали на сходную съ трипольской керамику въ передней Азіи, а еще дальше, близъ Мерва и Асхабада, въ средней Азіи найдены аналогичные предметы, болѣе грубой и примитивной формы (сообщеніе Ѳ. К. Волкова на Черниговскомъ съѣздѣ). Загадочныя письмена на одномъ изъ приднѣпровскихъ сосудовъ (изъ раскопокъ В. В. Хвойки) по своимъ начертаніямъ представляютъ больше всего сходства съ средне-азіатскими надписями, изданными академикомъ Радловымъ. Итакъ, съ Востокомъ нельзя вполнѣ раздѣлиться. Все это, однако, вопросы и гипотезы, довольно еще далекіе отъ рѣшенія при помощи наличнаго матеріала. Тѣмъ болѣе интересной и привлекательной представляется дальнѣйшая работа въ области изученія великой и пока загадочной культуры, охватывавшей огромную территорію отъ Крита до Кіева и отъ береговъ М. Азіи до Испаніи.

II.

На ряду съ эгейско-микенскими открытіями западно-европейская археологія и исторія послѣднихъ лѣтъ особенно интенсивно изучала древности передней Азіи. Передне-азіатскія открытія 90-хъ и

900-хъ годовъ не менѣе, чѣмъ эгейскія, измѣнили раньше сложившіяся историческія представленія. Такія открытія, какъ кодексъ Хаммураби, съ его частями, относящимися къ суммерійскому праву, или недавно изслѣдованные М. В. Никольскимъ памятники хозяйственнаго быта Вавилоніи, раскрываютъ необъятные горизонты въ исторіи странъ между Тигромъ и Евфратомъ, отодвигая начало ихъ культурнаго бытія въ глубокую древность. Мы привели только наикрупнѣйшія открытія; одновременно идетъ менѣе шумная, но непрестанная и систематичная работа по обслѣдованію ассиро-вавилонскихъ древностей. На этомъ поприщѣ соперничаютъ націи; на ряду съ нѣмцами (особенно съ ихъ дѣятельной „Orientgesellschaft") интенсивно работаютъ американцы и французы. Русская наука во всей этой работѣ приняла минимальное участіе; можно указать только поѣздку Я. И. Смирнова и экскурсію въ Сирію директора константинопольскаго археологическаго института, Ѳ. И. Успенскаго. Но ассиро-вавилонскія древности, насъ не дождавшись, къ намъ пришли—и Кавказъ изъ своихъ нѣдръ сталъ давать памятники древнѣйшихъ восточныхъ культуръ. Теперь уже прочно установлено, что Кавказъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ месопотамской культуры и что даже до сихъ поръ въ нарѣчіяхъ его обитателей можно найти пережитки языка угасшихъ передне-азіатскихъ народовъ. Особенно интересными оказались результаты экспедиціи М. В. Никольскаго, снаряженной по иниціативѣ предсѣдательницы московскаго археологическаго общества, гр. П. С. Уваровой, для изслѣдованія Ванскаго царства. Это мощное государство, серьезно соперничавшее съ Ассиріей, съ цѣлымъ рядомъ царей-завоевателей, сковавшихъ силой меча большую и грозную имперію, образовалось еще въ XIV-мъ вѣкѣ до Р. Х. (борьба съ Салманассаромъ), но особенно крупную роль играло въ IX — VII вв. Многочисленные памятники, клинообразныя надписи знакомятъ насъ съ культурой „Наири", „Урарту" или „Вана"; въ нашемъ Закавказьѣ найдены памятники, сохранившіе подробныя описанія дѣятельности ванскихъ царей, которые подобно своимъ противникамъ — ассирійскимъ владыкамъ — увѣковѣчивали въ автобіографическихъ надписяхъ подвиги и славныя событія своего царствованія (цари Аргишти I, Сардури II, Руси II армавирскихъ надписей).

Если въ памятникахъ, находимыхъ въ предѣлахъ Россіи, мы встрѣчаемся съ ассиро-вавилонскимъ вліяніемъ, то Востокъ (передняя Азія) вліялъ и своей позднѣйшей культурой. Такъ, въ различныхъ областяхъ Россіи—особенно на дальнемъ сѣверѣ, въ Перми, находятъ при раскопкахъ многочисленныя произведенія (преимущественно—серебряную посуду) Сассанидскихъ временъ. Недавно эти памятники, отчасти извѣстные уже по изданію Толстого и Кондакова, изданы

археологической коммиссией, въ видѣ особаго атласа, подъ редакціей выдающагося спеціалиста Я. И. Смирнова. Мы не будемъ останавливаться подробно на этихъ открытіяхъ, какъ не остановимся и на новѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ области скиѳскихъ и сарматскихъ древностей, продолжавшихся съ большей или меньшей интенсивностью. Перейдемъ къ результатамъ черноморскихъ раскопокъ, раскрывающихъ широкую картину жизни греческихъ колоній на югѣ Россіи.

Исторія и древности этихъ колоній изучались уже давно и очень активно, но работы послѣднихъ лѣтъ прибавили немало цѣннаго и новаго матеріала, значительно расширившаго сложившіяся перспективы. И здѣсь раскопки на почвѣ Россіи представляютъ интересъ обще-историческій. Въ настоящее время, когда изученіе греческой исторіи передвигается отъ центра къ периферіямъ, особое значеніе получаетъ исторія колоній, часто кормившихъ свою метрополію. Хозяйственную исторію аѳинской республики необходимо основывать на черноморскомъ матеріалѣ, такъ какъ источникомъ питанія великаго города греческой демократіи былъ понтійскій хлѣбъ. Колоніи выводились на черноморскія побережья и другими государствами-городами Греціи. Можно сказать, что какъ только начался ростъ греческихъ городовъ и опредѣлились колонизаціонные процессы, нашъ черноморскій югъ вошелъ въ исторію Эллады. Совсѣмъ недавнія, но уже давшія богатый матеріалъ раскопки Э. Р. фонъ-Штерна на островѣ Березани устанавливаютъ громадное культурное вліяніе Милета на находившееся здѣсь поселеніе. Могущественный Милетъ, развивъ широкія торговыя сношенія съ Востокомъ и Египтомъ, являлся въ VIII—VII вв. однимъ изъ главенствующихъ городовъ; вліяніе его заходило далеко вглубь Россіи (находки въ Смѣлѣ, Кіевской губерніи). Постепенно вліяніе Милета падаетъ, когда является сильный конкуррентъ въ лицѣ Аѳинъ временъ тиранніи Писистрата и особенно греко-персидскихъ войнъ. И въ Березани милетское вліяніе смѣняется аттическимъ: въ керамикѣ это отмѣчено появленіемъ чернофигурныхъ вазъ. Поселеніе на Березани было, по видимому, небольшое; обитателями его были люди бѣдные, занимавшіеся рыболовствомъ и торговлей. Отъ этой скромной и небольшой колоніи перейдемъ къ остаткамъ пышной, богатой и много пережившей Ольвіи. Древности этой колоніи давно уже обратили на себя вниманіе; уже въ 1873 г. И. Е. Забѣлинъ производилъ здѣсь раскопки, но правильное и систематическое изслѣдованіе началось съ 1901 г., когда руководство археологическими работами принялъ Б. В. Фармаковскій. Въ теченіе 8—9 лѣтъ раскопки дали богатѣйшіе результаты, расширяя матеріалы для исторіи Ольвіи и являя цѣнные разнообразные образцы изобразительныхъ искусствъ. На памятникахъ Ольвіи можно видѣть цѣлую

смѣну чередующихся вліяній; эпоха милетскаго вліянія съ египетскими экскурсами, большая и плодотворная эпоха аттическаго вліянія, эллинизмъ, варваризація, романизація, новое разрушеніе — все это представлено ярко и характерно.

На ряду съ обслѣдованіемъ Ольвіи продолжались и продолжаются раскопки въ Херсонесѣ [1]). Одинаково интересенъ какъ Херсонесъ античный — греческій и римскій, такъ и Херсонесъ христіанско-византійскій. Не менѣе любопытны раскопки въ Керчи (Пантикапеѣ, столицѣ Митридата) и на мѣстѣ старшаго и младшаго Танаисовъ—самыхъ крайнихъ проводниковъ классическаго вліянія въ глубинѣ Россіи. Поиски Танаиса, начатые еще Леонтьевымъ, были продолжены въ различныхъ направленіяхъ проф. Н. И. Веселовскимъ и А. А. Миллеромъ. Н. И. Веселовскій въ Недвиговкѣ окончателько установилъ остатки новаго или младшаго Танаиса, воздвигнутаго во II-мъ вѣкѣ по Р. Хр., послѣ разгрома древняго Танаиса боспорскимъ царемъ Полемономъ; А. А. Миллеръ, разслѣдуя курганы Елисаветовской станицы, нашелъ золотыя украшенія и сосуды, датируемые IV—III вв. до Р. Хр., т.-е. временемъ древняго Танаиса. Не только черноморское побережье находилось подъ сильнымъ вліяніемъ классической культуры; вліяніе это проникало дальше и выше. Раскопки прошлаго и нынѣшняго года, предпринятыя классическими отдѣленіями Русскаго Археологическаго Общества, открыли на горныхъ высотахъ Кавказа — въ мѣстечкѣ Гирни—остатки римскаго храма, возведеннаго чуть не на уровнѣ орлиныхъ гнѣздъ.

Этимъ мы и заканчиваемъ свою замѣтку, главная цѣль которой— обратить вниманіе на тѣ результаты русскихъ археологическихъ открытій послѣднихъ лѣтъ, которые представляютъ интересъ для всебщей исторіи. Не съ пустыми руками предстанутъ русскіе археологи на предстоящихъ римскомъ международномъ конгрессѣ археологовъ-классиковъ и на XV-мъ всероссійскомъ археологическомъ съѣздѣ въ Новгородѣ.

И. Бороздинъ.

[1]) О Херсонесѣ см. статью Е. Иванова въ „Вѣстникѣ Европы" за 1907 г. Памятники христіанскаго Херсонеса выходятъ въ прекрасномъ изданіи гр. Уваровой.

КЪ ВОПРОСУ О СУДЬБАХЪ ОБЩИНЫ

Во время производства въ 1897-мъ году земскихъ оцѣночно-статистическихъ изслѣдованій въ моршанскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи мнѣ пришлось натолкнуться на весьма характерный „экспериментъ“ въ области „ломки“ общинныхъ земельныхъ устоевъ. Я посвятилъ ему докладъ, представленный, въ 1898 г., на съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ Кіевѣ.

Не будетъ ли теперь своевременнымъ возобновить въ памяти поучительные итоги искусственнаго разрушенія общины и насажденія участково-подворной формы землепользованія?

Бывшіе государственные крестьяне *всѣхъ селеній* Перкинской волости моршанскаго уѣзда въ 1872-мъ году, согласно составленнымъ и утвержденнымъ подлежащей властью мірскимъ приговорамъ, постановили перейти отъ общиннаго владѣнія землей къ подворному. Это— единственная волость во всемъ уѣздѣ, гдѣ совершился столь рѣдко встрѣчавшійся вообще по Россіи, до указа 9-го ноября, переходъ отъ общинной формы землевладѣнія къ подворно-участковой. Ни въ одномъ селеніи другихъ мѣстностей моршанскаго уѣзда (да, насколько мнѣ извѣстно, и другихъ уѣздовъ Тамбовской губерніи) подобнаго перехода до 1898 г. не происходило.

Почему *одна* только волость перешла къ подворному владѣнію, и притомъ *вся?*

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, обратимся къ „Сборнику статистическихъ свѣдѣній по моршанскому уѣзду“ (изд. тамбовскаго губернскаго земства, 1882 г.). „Пахатныя угодья—говорится тамъ—обществъ Перкинской волости принадлежатъ къ худшимъ въ уѣздѣ. Они, большею частью, песчаныя и иловатыя. Даже посредственныя черноземныя почвы составляютъ лишь малую часть полей. Земледѣліе здѣсь можетъ быть поставлено правильно только при тщательномъ удобреніи полей. Но это въ прежнее время сознавали весьма немногіе. Большинство крестьянъ волости совсѣмъ не удобряло полей и, получая плохіе урожаи хлѣбовъ, давно обратилось къ промысламъ. И въ настоящее время наибольшая часть крестьянъ Перкинской волости имѣетъ опредѣленные постоянные промыслы (пилка, расчистка угодій, обжиганіе угля, мелкая лѣсная торговля, плотничество, уходъ на Донскія каменноугольныя копи). Только одинъ изъ прежнихъ доходныхъ промысловъ, которымъ много занимались крестьяне волости, съ недавняго времени въ совершенномъ упадкѣ: это — извозъ. Причина

упадка и даже совершеннаго прекращенія промысла—проведеніе желѣзныхъ дорогъ и упадокъ огромной прежде хлѣбной торговли г. Моршанска. Черезъ селенія Перкинской волости совершалось торговое движеніе. Прекращеніе его отозвалось весьма невыгодно на благосостояніи крестьянъ. Тогда на первый планъ въ хозяйствѣ и выступаетъ земледѣліе, на которое крестьяне ранѣе не обращали должнаго вниманія. Цѣна на землю, вмѣстѣ съ цѣнами на хлѣбъ, вдругъ сильно поднялась, а между тѣмъ поля крестьянъ Перкинской волости оставались въ прежней запущенности, весьма мало удобрялись, вслѣдствіе чего и давали годъ отъ году худшіе урожаи".

И вотъ, „*состоятельные* и болѣе дальновидные люди стали понимать, что хлѣбопашество выгодно, что пренебрегать имъ отнюдь не слѣдуетъ". Къ числу такихъ дальновидныхъ и состоятельныхъ людей принадлежалъ старшина Перкинской волости Ивановъ, „человѣкъ дѣльный, нажившій себѣ значительное состояніе лѣсною промышленностью, во всякомъ случаѣ лицо энергичное и, *несомнѣнно, пользовавшееся въ своей волости большимъ вліяніемъ, пріобрѣтеннымъ долговременною службою въ должности волостного старшины*".

Подъ вліяніемъ этого энергичнаго старшины—предтечи вдохновителей указа 9-го ноября — и сфабрикованы были для *всѣхъ селеній* волости приговоры о раздѣлѣ общинной земли на подворные участки. Именно сфабрикованы. Приговоры были, несомнѣнно, навязаны селеніямъ. Они во всѣхъ обществахъ были составлены одновременно и имѣли одну общую редакцію. Формальной ихъ причиной выставлено желаніе удержать въ вѣчномъ владѣніи участки земли, въ цѣляхъ, будто бы, удобренія его надлежащимъ образомъ. Въ сущности согласіе крестьянъ было несознательное, а иногда просто мнимое. „Въ с. Атмановъ-Уголъ — читаемъ мы въ „Сборникѣ" — крестьяне заявили, что многіе изъ нихъ не были совсѣмъ на той сходкѣ, которая рѣшала вопросъ о раздѣлѣ земли на подворные участки; старшина собралъ ту сходку не въ селѣ, а гдѣ-то на выгонѣ около вѣтряной мельницы".

Если бы совершонный перкинцами переходъ къ участковому владѣнію соотвѣтствовалъ дѣйствительной потребности, то однородныя условія должны были вызвать перемѣну формы землевладѣнія и у крестьянъ—сосѣдей перкинцевъ. Однако, ничего подобнаго ни въ этихъ волостяхъ, ни гдѣ-либо еще въ уѣздѣ не произошло. Крестьянамъ другихъ волостей и въ голову не пришла та „блажь", которую внѣдрилъ „на бумагѣ" въ головы крестьянъ своего маленькаго царства „могутной" старшина, принимавшій самихъ губернаторовъ откушать хлѣба-соли.

Каково было „сознаніе" пользы и выгоды участковаго землевла-

дѣнія сравнительно съ общиннымъ — указываетъ слѣдующее мѣсто изъ „Сборника статистическихъ свѣдѣній“: „Личными распросами у крестьянскихъ обществъ мы *вполнѣ убѣдились*, что они *слишкомъ далеки еще отъ самаго пониманія будто бы установленной у нихъ формы подворнаго владѣнія*. Безъ преувеличенія можемъ сказать, что, не смотря на подробные распросы крестьянъ о порядкахъ землевладѣнія, мы могли бы уѣхать изъ Перкинской волости, не узнавъ, что тамъ земля подѣлена на подворные наслѣдственные участки. Этого не случилось, благодаря присутствію при нашихъ распросахъ старшины [1]). Сами крестьяне, т.-е. масса ихъ, *отнюдь не хотятъ даже признавать, что у нихъ установлено личное землевладѣніе и что передѣлы земли уже невозможны*. Нынѣ большинство крестьянъ всѣхъ обществъ волости очень желаетъ произвести общій передѣлъ земельныхъ угодій на наличныя души. Волостной старшина, конечно, не допускаетъ такого передѣла земли, указывая, что она подѣлена уже на подворные наслѣдственные участки. А крестьяне упрекаютъ его за это, думаютъ, что онъ напрасно стѣсняетъ ихъ, и увѣряютъ, что они *никогда не давали согласія* подѣлить землю *навѣчно*. Въ обществѣ с. Атмановъ-Уголъ очень недолго существовала та разверстка земли, какая сдѣлана была при устройствѣ подворнаго владѣнія. Крестьяне прямо объясняютъ, что намѣрянными имъ тогда кварталами они владѣли года четыре, а потомъ опять передѣлили поля по старому, и что въ послѣднее десятилѣтіе происходила у нихъ жеребьевка на землю не одинъ разъ. Какъ видно изъ вышеизложеннаго, подворное землевладѣніе крестьянъ Перкинской волости далеко нельзя еще признать фактомъ, и даже весьма сомнительно, чтобы такая форма землевладѣнія когда-либо дѣйствительно здѣсь утвердилась“.

Таково впечатлѣніе изслѣдователя моршанскаго уѣзда, вынесенное изъ бесѣдъ съ крестьянами спустя десять лѣтъ со времени перехода ихъ отъ общиннаго владѣнія къ участковому. Прошло еще пятнадцать лѣтъ, а со времени „перехода“, значитъ, всего четверть столѣтія, когда нижеподписавшійся производилъ обслѣдованіе моршанскаго уѣзда. За четверть вѣка сознаніе собственности на землю должно было, по видимому, глубоко проникнуть въ понятія и весь жизненный обиходъ крестьянъ. И однако общій мой выводъ такой: крестьяне все время только и жили мечтой, какъ бы возвратиться къ общинѣ и сбросить съ плечъ ту „обузу“, которую навязалъ имъ на шею старшина Ивановъ, какъ „лѣшій, обошедшій дураковъ“.

---

[1]) Старшиной и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, и въ 1897-мъ году состоялъ въ Перкинской волости сынъ Иванова — „закоперщика“ въ дѣлѣ уничтоженія общины, „сынъ своего отца“, „богатѣй“ и также вліятельный защитникъ „подворно-наслѣдственныхъ участковъ“.

Перкинское общество 4-го апрѣля 1896-го года составляетъ слѣдующій приговоръ: „Полевая пахатная земля раздѣлена у насъ на подворные участки; между тѣмъ владѣніе подворными участками для насъ оказывается крайне неудобнымъ. Семейное положеніе со временемъ у каждаго измѣняется, т.-е. изъ большого семейства членовъ дѣлается малымъ, а изъ малаго увеличивается; слѣдовательно, въ натурѣ семейству малому требуется сравнительно съ большимъ малый земельный надѣлъ, а семейству съ большимъ количествомъ членовъ болѣе земельнаго надѣла; притомъ малосемейные домохозяева большесемейнымъ своихъ надѣловъ не уступаютъ. Натуральная повинность у насъ отбывается опять же семействами, въ которыхъ имѣется большее число взрослыхъ членовъ, хотя и неимѣющихъ земельнаго надѣла. Вообще мы подворное участковое владѣніе землей считаемъ для насъ неудобнымъ, а потому съ общаго всѣхъ насъ согласія постановили: ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ о разрѣшеніи намъ какъ пахатную полевую землю, такъ и луговую раздѣлить на наличныя души“. Ходоками по дѣлу были избраны крестьяне Саяпинъ и Перетокинъ, полномочія которыхъ земскій начальникъ призналъ законными.

По всей вѣроятности, вслѣдствіе чьего-либо указанія на то, что приведенный приговоръ составленъ въ слишкомъ общей формѣ, крестьяне 22-го апрѣля составляютъ дополнительный приговоръ. Подворное владѣніе, предназначенное къ улучшенію каждаго хозяйства— сказано въ этомъ приговорѣ, — „какъ нынѣ видно, для насъ далеко несоотвѣтственно своему назначенію, неудобно и невыгодно. Нѣкоторые изъ насъ земли свои не удобряли за недостаткомъ работниковъ при крупномъ участкѣ, а нѣкоторые, *немногіе, хотя и удобряли*, но, имѣя малоземельный участокъ, по многолюдности семействъ получали съ него далеко недостаточное количество для семейства хлѣба, даже и на пятую часть года, а потому какъ для людей, такъ и на кормъ скота всякій хлѣбъ приходится пріобрѣтать покупкою почти круглый годъ. А потому мы постановили: за исключеніемъ земли, находящейся подъ усадьбами и огородами, всю нашу землю раздѣлить на наличныя души мужского пола, сколько таковыхъ въ настоящее время окажется на лицо въ живыхъ. По разрѣшеніи намъ таковаго раздѣла, мы, не причиняя казнѣ никакихъ убытковъ и ущерба, всѣ причитающіеся съ нашей земли выкупные платежи и всѣ прочіе окладные сборы обязуемся исправно платить за круговою другъ за друга порукою“.

И черезъ приговоры, и черезъ всѣ стремленія крестьянъ возвратить „общину“ красной нитью проходитъ отсутствіе какого-либо да-

вленія на нежелающихъ возвратиться къ общинѣ. Все построено на „добровольномъ согласіи"; несогласныхъ—одинъ, два.

Изъ бесѣдъ съ крестьянами я вынесъ убѣжденіе, что крестьяне согласны на всевозможные выходы, лишь бы старшина успокоился, „отвязался" отъ нихъ и не тормозилъ дѣла „тайными и явными ходами". Ему предоставлена возможность выдѣла, „какъ его душенькѣ угодно". Крестьяне даже готовы были внести за него выкупъ, лишь бы „заткнуть ему глотку" и возвратить общину.

Представленный въ уѣздный съѣздъ, вышеприведенный приговоръ не былъ утвержденъ съѣздомъ, такъ какъ въ немъ не обозначенъ срокъ передѣла и не приведенъ разсчетъ душевыхъ участковъ, причитающихся на каждаго домохозяина. Тогда перкинскимъ обществомъ, 28-го іюля, былъ составленъ новый приговоръ, исправившій всѣ недочеты, указанные съѣздомъ. Но на перкинцевъ, „какъ снѣгъ на голову и какъ громъ съ молоньей,—все вмѣстѣ" (буквальная характеристика момента, данная перкинцами) свалилась неожиданно слѣдующая бумага тамбовскаго губернатора: „До свѣдѣнія моего дошло, что нѣкоторые изъ вашихъ односельчанъ изъ своекорыстныхъ видовъ подстрекаютъ общество къ переходу отъ подворнаго пользованія надѣльной землей къ общинному. Предупреждаю васъ, что ваши совѣтники вовсе не думаютъ о вашей пользѣ, а заботятся только о своей собственной выгодѣ, что они уговариваютъ васъ перейти къ общинному землевладѣнію только потому, что, ссужая васъ деньгами, хотятъ отобрать отъ неисправныхъ своихъ должниковъ землю не черезполосно, какъ это имъ приходится дѣлать теперь при подворномъ пользованіи, а къ одной межѣ, что, конечно, для нихъ выгоднѣе. Затѣмъ разъясняю вамъ, что приговоръ отъ участковаго землепользованія къ общинному по закону (п. 7 ст. 51 общ. пол. о крестьянахъ) и разъясненію Сената, долженъ быть составленъ непремѣнно всѣми домохозяевами единогласно, т.-е. буде хотя одинъ домохозяинъ на такой передѣлъ не изъявитъ своего согласія, то приговоръ не будетъ допущенъ къ исполненію. Если же, сохрани Богъ, вы дозволите себѣ, не смотря на запрещеніе вашего начальства, приступить къ передѣлу самовольно, то понесете весьма тяжкое наказаніе, а ваши совѣтчики и подстрекатели, какъ бы богаты они ни были, будутъ наказаны вдвое".

При чтеніи губернаторскаго циркуляра, для появленія котораго не было никакихъ причинъ, въ видѣ „смутъ", волненій, насилій и т. д., въ населеніи, самыми лойальными и мирными средствами добивавшемся возстановленія общины, возникло одно сплошное недоразумѣніе. Передъ высшей губернской властью дѣло представлено было въ совершенно невѣрномъ свѣтѣ: что до власти дошли, повидимому, слухи и „доносы" (крестьяне знали, кто ихъ авторъ), оставшіеся непровѣрен-

ными. А затѣмъ грозное посланіе губернатора обнаруживало полное незнакомство съ общинными распорядками, съ общиннымъ укладомъ, съ тѣмъ, что̀ по закону допустимо и что̀ недопустимо. Перкинское общество все время дѣйствовало на вполнѣ законной почвѣ, съ вѣдома земскаго начальника, который и далъ утвержденіе приговорамъ. Одинъ изъ уполномоченныхъ для ходатайствъ отъ крестьянъ, въ то время, когда я производилъ изслѣдованія, состоялъ церковнымъ старостой, чего не могло бы быть, при наличности съ его стороны „смутьянства“ или какихъ-либо незаконныхъ поступковъ. Мнѣ пришлось слышать о немъ отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ отъ мѣстнаго священника, лучшіе отзывы, какъ о человѣкѣ „степенномъ“, далекомъ отъ мысли заводить смуту среди односельчанъ.

При всякомъ передѣлѣ земли наиболѣе заинтересованными въ немъ выступаютъ всегда домохозяева съ меньшимъ надѣломъ, многосемейные и нуждающіеся бѣдняки. Богатѣи деревни являются наиболѣе устойчивою, консервативною частью общества, не склонною къ передѣлу. Вообще передѣлы не въ интересахъ богачей, и тѣмъ болѣе переходъ къ общинѣ отъ подворнаго владѣнія. Вотъ что говоритъ составитель „Сборника по моршанскому уѣзду“: „главными сторонниками старшины Иванова (въ 1872 году) были именно сравнительно богатые крестьяне, которымъ обыкновенно общинные порядки передѣловъ земли, періодическаго сравненія ея, кажутся стѣснительными“. Между тѣмъ, тамбовскій губернаторъ объясняетъ желаніе перкинскаго общества перейти отъ участковаго владѣнія къ общинному происками богачей. Остается только совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ богачи могли агитировать за переходъ къ общинѣ потому, что, „ссужая крестьянъ деньгами, хотятъ отобрать отъ неисправныхъ своихъ должниковъ землю“. Извѣстно всѣмъ и каждому — кромѣ, повидимому, бывшаго тамбовскаго губернатора,—что при общинномъ землепользованіи земля по закону не подлежитъ ни отобранію, ни отчужденію— и наоборотъ, отчужденіе при участково-подворномъ владѣніи легко достижимо. Думается, что перкинскіе богатѣи это очень хорошо знали, и было бы странно ожидать отъ нихъ агитаціи въ пользу перехода отъ подворной формы землепользованія къ общинной.

Вмѣшательство губернатора сразу прекратило среди перкинцевъ попытки возвращенія къ общинѣ, ибо кому же охота попасть куда Макаръ телятъ не гоняетъ, „за подстрекательство къ незаконнымъ дѣйствіямъ“? Но примѣръ борьбы перкинцевъ за общину ярко показываетъ, къ чему приводитъ внѣшнее, искусственное усвоеніе плохо понятыхъ началъ.

И та смута и „спутка“ въ земельныхъ дѣлахъ, которыя „наблудилъ“ среди перкинцевъ старшина и которыя такъ корректно и

мирно изживали перкинцы, — не грозятъ ли теперь въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ, когда принялись разрушать общину, на манеръ всесильнаго старшины Перкинской волости, всесильные люди въ государствѣ?

Н. М—скій.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Полтавское дворянство весьма сурово расправилось съ дворянкой Ек. Ник. Скаржинской. Въ этомъ небольшомъ дѣлѣ довольно ярко отразилось господствующее настроеніе нынѣшняго дворянства, и потому небезполезно будетъ удѣлить ему нѣкоторое вниманіе. Общественная физіономія г-жи Скаржинской опредѣленно намѣчается въ слѣдующей корреспонденціи „Русскихъ Вѣдомостей“: „Уроженка Тверской губерніи, г-жа Скаржинская еще въ юныхъ лѣтахъ устроила у себя въ Весьегонскомъ уѣздѣ школу, въ которой сама учила дѣтей, а также богадѣльню для крестьянъ. Выйдя затѣмъ замужъ и поселившись въ имѣніи Кругликѣ, въ пяти верстахъ отъ г. Лубенъ, она въ 1876-мъ году начала заниматься собираніемъ коллекцій по мѣстной природѣ, древностямъ, народному быту, искусству (производила, между прочимъ, археологическія раскопки) и составила постепенно цѣлый музей, который принялъ столь обширные размѣры, что пришлось, наконецъ, подумать объ его дальнѣйшей судьбѣ, такъ какъ оставлять его въ деревянномъ домѣ, въ имѣніи, было небезопасно. Г-жа Скаржинская предложила его городу Лубнамъ, который сначала на это согласился, но затѣмъ, когда наступили тревожныя времена и когда выяснилось, что постройка дома-музея потребуетъ около 60-ти тысячъ рублей, сталъ медлить съ рѣшеніемъ вопроса, что заставило г-жу Скаржинскую обратиться съ такимъ же предложеніемъ къ полтавскому губернскому земству. Послѣднее изъявило готовность принять цѣнный даръ, такъ какъ въ вѣдѣніи земства въ Полтавѣ уже имѣлся музей, обогащеніе котораго богатыми коллекціями г-жи Скаржинской было вполнѣ умѣстно. Теперь эти коллекціи уже устроены и выставлены въ помѣщеніи полтавскаго земскаго музея. Кромѣ музея, г-жа Скаржинская устроила у себя въ имѣніи трехклассную школу, народный домъ — въ селѣ — съ библіотекой-читальней и чайной (со сценой для представленій), амбулаторію (въ особомъ зданіи), мастерскія—кузнечную, столярную; она же устроила на свои средства школу

при тюрьмѣ въ Лубнахъ и дала землю и нѣкоторыя средства для устройства въ трехъ верстахъ отъ Лубенъ земской сельскохозяйственной школы. Истративъ на всѣ эти учрежденія немалыя средства, а съ другой стороны озабочиваясь дать возможно лучшее образованіе своему сыну, г-жа Скаржинская переселилась года два тому назадъ въ Лозанну, но и здѣсь не могла сосредоточиться исключительно на своихъ личныхъ дѣлахъ и интересахъ. Многимъ изъ русской молодежи за границей приходится крайне бѣдствовать, ютиться въ трущобахъ, жить впроголодь, терпѣть вообще большія лишенія и испытанія. По разнымъ причинамъ къ русскимъ стали въ послѣдніе годы относиться за границей весьма недружелюбно. Въ Швейцаріи, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ городахъ русскимъ даже не сдаютъ комнатъ, и они ютятся, большей частью, въ извѣстныхъ кварталахъ, гдѣ относятся менѣе разборчиво къ постояльцамъ. Въ то время, какъ другія націи имѣютъ въ разныхъ городахъ свои „Дома", гдѣ пріѣзжающія недостаточныя лица, не знающія языка и мѣстной жизни, могутъ найти себѣ за дешевую плату помѣщеніе, столъ, а также могутъ пользоваться необходимыми указаніями, справками и т. п., — у русскихъ нѣтъ такихъ „Домовъ", и никто не думаетъ объ ихъ устройствѣ. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ быть отмѣченною всякая попытка въ этомъ направленіи, вызванная не какимъ-либо побужденіемъ къ наживѣ, а единственно чувствомъ гуманности. Присмотрѣвшись къ мѣстной жизни, ознакомившись съ положеніемъ здѣсь русскихъ и съ отношеніемъ къ русской молодежи мѣстнаго общества, г-жа Скаржинская убѣдилась, что было бы весьма важно и полезно устроить здѣсь русскій „Домъ", гдѣ бы могли находить себѣ за небольшую плату (а въ крайности, на нѣкоторое время—и безплатно) убѣжище недостаточныя лица изъ русской молодежи (для начала — особенно женщины) и гдѣ бы могъ пріютиться русскій клубъ съ библіотекой, справочнымъ бюро и т. д., при условіи, конечно, полной безпартійности. Неменьшая потребность сказывается здѣсь въ русской школѣ, такъ какъ въ Лозаннѣ живетъ немало русскихъ семействъ, затрудняющихся воспитаніемъ своихъ дѣтей, которыя не въ состояніи получить въ мѣстныхъ школахъ необходимое образованіе (особенно по русскому языку, исторіи, географіи и т. д.). Поэтому г-жа Скаржинская задумала соединить свой „Домъ" со школой, для которой пригласила изъ Лубенъ двухъ опытныхъ учительницъ. Для осуществленія всего этого г-жа Скаржинская сняла на три года два этажа одного дома въ предмѣстьѣ Лозанны". Это еще не все: г-жа Скаржинская изъявила готовность выдавать въ теченіе двухъ лѣтъ по 4.000 франковъ въ годъ женевскому священнику, о. Орлову, для основанной имъ русской гимназіи. Въ Давосѣ г-жа Скаржинская устроила санаторію для бѣдныхъ русскихъ туберкулезныхъ больныхъ

и здѣсь же пробовала основать русскій журнальчикъ: „За рубежомъ“, отъ котораго черезъ три мѣсяца отказалась, недовольная его содержаніемъ.

За всѣ эти „преступленія“ собраніе предводителей и депутатовъ дворянства Полтавской губерніи судило г-жу Скаржинскую въ августѣ нынѣшняго года. Протоколъ собранія содержитъ любопытныя строки. „Предводитель дворянства Лубенскаго уѣзда сообщилъ губернскому предводителю дворянства, что потомственная дворянка Лубенскаго уѣзда жена генералъ-маіора Ек. Ник. Скаржинская въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ продала свои имѣнія въ Тверской и Полтавской губерніяхъ, мѣрою свыше 3.000 десятинъ, и вырученныя отъ продажи деньги растратила самымъ непроизводительнымъ образомъ. Въ настоящее время у нея остается только часть стоимости послѣдняго проданнаго ею въ Лубенскомъ уѣздѣ хутора, недоплаченная ей при совершеніи сдѣлки. Г-жа Скаржинская давно живетъ отдѣльно отъ мужа и находится подъ вліяніемъ постороннихъ лицъ, эксплоатирующихъ ее въ свою пользу. Послѣднія нѣсколько лѣтъ она поселилась за границей въ Лозаннѣ, гдѣ, подъ вліяніемъ эмигрантовъ, устроила на свой счетъ убѣжище и библіотеку для русскихъ изгнанниковъ и издаетъ соціалистическаго направленія журналъ „За Рубежомъ“, редактируемый евреемъ Аврашевымъ. Покупка дома для убѣжища и его содержаніе, вмѣстѣ съ изданіемъ журнала, поглотили не только ея собственныя средства, но и тѣ значительныя суммы, которыя, пользуясь добротой и снисходительностью мужа, она отъ него требовала на свои надобности. Въ началѣ февраля сего года мужъ Екатерины Николаевны, генералъ-маіоръ Ник. Егор. Скаржинскій, заболѣлъ прогрессивнымъ параличомъ мозга и нынѣ помѣщенъ въ клинику для душевно-больныхъ. Такимъ образомъ Ек. Ник. Скаржинская въ одно и то же время лишилась какъ сдерживающаго ее вліянія, такъ и тѣхъ вспомогательныхъ средствъ, которыя ей доставлялъ мужъ, и если она непроизводительно растратитъ остальныя слѣдуемыя ей за проданный ею хуторъ деньги, то вмѣстѣ со своими пятью душами дѣтей окажется въ безвыходномъ положеніи. Оградить г-жу Скаржинскую и ея дѣтей отъ неминуемаго, на взглядъ г. предводителя дворянства, разоренія возможно только установленіемъ опеки надъ ея имуществомъ, о чемъ онъ и ходатайствуетъ. Предсѣдатель собранія, губернскій предводитель дворянства князь Щербатовъ, подтверждая изложенное выше, заявилъ, что зимою прошлаго года, проживая въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ г. Лозаннѣ, онъ убѣдился, что Скаржинская находится въ рукахъ сплоченной шайки еврейскихъ темныхъ дѣльцовъ, во главѣ которой стоитъ русскій эмигрантъ Аврашевъ, редакторъ журнала „За Рубежомъ“, издателемъ коего состоитъ г-жа Скаржинская. Журналъ „За Рубежомъ“

прекратился послѣ выхода трехъ книжекъ, которыя обошлись г-жѣ Скаржинской въ 25.000 рублей и, по мнѣнію компетентныхъ лицъ, оставили въ карманахъ Аврашева и Арцыбашева не менѣе 2.000 рублей. Всѣ попытки нѣкоторыхъ членовъ русскаго общества въ Давосѣ убѣдить г-жу Скаржинскую въ томъ, что она является слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ шайки мошенниковъ, не имѣли успѣха". Въ томъ же засѣданіи приводились еще свѣдѣнія, клонившіяся къ тому, чтобы доказать легкомысліе и непрактичность г-жи Скаржинской въ дѣловыхъ предпріятіяхъ. Въ концѣ концовъ результатъ былъ такой: „Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, собраніе предводителей и депутатовъ дворянства находитъ, что жена генералъ-маіора Ек. Ник. Скаржинская ведетъ расточительный образъ жизни, и если она не будетъ ограничена въ распоряженіи своимъ имуществомъ, таковое въ недалекомъ будущемъ будетъ растрачено, а потому опредѣляетъ: имущество Скаржинской взять въ опеку по расточительности".

Конечно, г-жа Скаржинская весьма встревожилась предпринятой противъ нея кампаніей. И до приведеннаго опредѣленія, и послѣ него она представила полтавскому дворянству нѣсколько заявленій, объясненій и опроверженій, которыми довольно явственно освѣщалась неосновательность, преувеличенность и несправедливость возведенныхъ на нее обвиненій. Представляя, между прочимъ, удостовѣреніе, въ которомъ говорится, что она, Скаржинская, Высочайше награждена 6-го декабря 1909-го года за труды по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія золотою медалью съ надписью: „за усердіе" для ношенія на груди на Аннинской лентѣ, и напоминая дворянству о своей многолѣтней просвѣтительной и благотворительной дѣятельности въ Россіи, г-жа Скаржинская съ горечью говоритъ въ одномъ изъ своихъ заявленій: „Но вотъ для воспитанія сына я переѣзжаю за границу, гдѣ, конечно, продолжаю поступать согласно своему душевному укладу, т.-е. продолжаю кормить голодныхъ, одѣвать сирыхъ, помогать способнымъ учиться. Неужели все то, что прежде вызывало похвалы и сочувствіе со стороны нашихъ дворянскихъ и земскихъ дѣятелей, на томъ единственномъ основаніи, что оно перенесено на нѣсколько градусовъ долготы къ западу, становится предосудительнымъ и нежелательнымъ?" Представленное ею удостовѣреніе генеральнаго консула свидѣтельствуетъ о томъ, что „г-жа Скаржинская образъ жизни ведетъ скромный, нерасточительный, занимается благотворительностью, помогая больнымъ и нуждающимся соотечественникамъ, исповѣдуетъ православную вѣру и къ политическимъ партіямъ не принадлежитъ". Настоятель женевской крестовоздвиженской церкви, протоіерей Сергій Орловъ, далъ удостовѣреніе въ томъ, что Ек. Ник. Скаржинская въ 1910-мъ году у св. исповѣди была и св. Таинъ

пріобщилась въ минувшую Пасху. Въ письмѣ того же протоіерея Орлова, сказано, между прочимъ, слѣдующее: „Зная васъ уже нѣсколько лѣтъ, посѣщая васъ на вашей квартирѣ, встрѣчаясь съ вами и въ другихъ мѣстахъ, я никогда не могъ наблюдать какихъ-либо признаковъ вашего роскошества въ чемъ-либо или излишества. Мнѣ всегда казалось, что скромность возможная и простота—это постоянныя характерныя черты вашей обыденной жизни. Извѣстно мнѣ ваше усердіе въ отношеніи къ благотворительности различными видами и въ разнообразныхъ формахъ. Утѣшительна, конечно, ваша христіанская ревность къ добродѣтели благотворенія. Нерѣдко слышалъ я о многомъ добромъ, творимомъ отъ васъ, и душевно радовался тому. О всемъ вышеизложенномъ, конечно, охотно готовъ свидѣтельствовать предъ всѣми, если только то нужно. Думаю, что не слѣдуетъ много смущаться всяческими неблаговидными слухами". Подробно, основательно и документально опровергла г-жа Скаржинская и другія обвиненія. Выписью изъ конторскихъ книгъ она доказала, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ на журналъ „За Рубежомъ" было израсходовано не 25.000 рублей, а всего 3.400 рублей. На легкомысленное утвержденіе полтавскаго дворянства, что „журналъ оставилъ въ карманахъ Аврашова и Арцыбашева капиталъ не менѣе 2.000 рублей", г-жа Скаржинская отвѣтила: „Считаю своимъ нравственнымъ долгомъ поставить на видъ, что оскорблять такимъ грубымъ обрвзомъ людей и публично—безъ нихъ—считать въ ихъ карманахъ награбленныя деньги можно развѣ только послѣ очень точнаго и тщательнаго освидѣтельствованія этихъ кармановъ, чтобы не ошибиться. А именно эта ошибка и произошла въ данномъ случаѣ. Никакого Арцыбашева въ редакціи или около нея не было,—слѣдовательно, въ карманы лица такого наименованія „капиталъ въ 2.000 рублей" никакъ попасть не могъ". Все участіе въ журналѣ г. Арцыбашева, какъ явствуетъ изъ представленныхъ г-жей Скаржинской засвидѣтельствованныхъ счетовъ журнала „За Рубежомъ", заключалось въ томъ, что онъ разрѣшилъ перепечатать въ немъ безплатно свой разсказъ „Старая Исторія". А полтавскіе дворяне называютъ его принадлежащимъ къ „мошеннической шайкѣ" и обвиняютъ его въ присвоеніи денегъ! Полтавскіе дворяне, понося зарубежныхъ эмигрантовъ, видимо, надѣялись на полную безнаказанность. Но г. Арцыбашевъ живетъ безвыѣздно въ Россіи, правъ своихъ онъ не терялъ. Какъ почувствуютъ себя полтавскіе дворяне, если г. Арцыбашевъ привлечетъ ихъ къ суду за клевету, запротоколированную въ оффиціальномъ отчетѣ.

Дальше въ своихъ объясненіяхъ г-жа Скаржинская говоритъ: „Семьѣ моей не можетъ грозить разореніе, такъ какъ мужъ мой, крупный помѣщикъ Лубенскаго уѣзда, владѣетъ болѣе чѣмъ 3.000 де-

сятинъ земли. За уплатой долга, его состояніе надо считать, по крайней мѣрѣ, въ 900.000 рублей, при чемъ завѣщаніемъ своимъ онъ всѣхъ своихъ дѣтей обезпечилъ вполнѣ, что хорошо извѣстно собранію. Страннымъ является возбужденіе вопроса объ опекѣ надо мной, когда моего имущества въ Россіи почти не осталось (пожизненное владѣніе имѣніемъ „Кругликъ“ и нѣсколько малоцѣнной земли подъ городомъ Лубнами), при чемъ опасеніе дворянства, что моя необезпеченность можетъ лечь бременемъ на дворянство, не имѣетъ отношенія, такъ какъ первое—пока живъ мужъ, я имѣю право на полученіе извѣстной ежегодной суммы изъ его средствъ; второе — еслибы, вслѣдствіе постигшей тяжкой болѣзни, его не стало, я имѣю право на полученіе пенсіи послѣ него и на пожизненное владѣніе частью его имѣнія“.

Въ послѣднихъ пунктахъ, кажется, и скрывается самая суть дѣла. Не забота о судьбѣ г-жи Скаржинской и ея дѣтей зажгла энергію полтавскихъ дворянъ (дѣти г-жи Скаржинской, въ лицѣ второй ея дочери Ольги, по мужу Климовой, письменно протестовали противъ опеки надъ матерью). Цѣлью полтавскаго дворянства было нѣчто противоположное. Въ послѣднемъ своемъ заявленіи г-жа Скаржинская высказываетъ такого рода догадку: „Только что я узнала изъ достовѣрнаго источника, что и все-то это дѣло опеки надо мной изобрѣтено, кѣмъ— не знаю, лишь какъ средство меня „обезвредить“, т.-е. поставить въ невозможность вмѣшиваться и контролировать, на правахъ жены, имущественныя дѣла моего мужа, а на правахъ матери и опекунши (сообразно волѣ и завѣщанію того же мужа) вмѣшиваться и контролировать имущественныя дѣла моихъ дѣтей“. Удалить отъ мужа, отъ дѣтей, отъ наслѣдства... А сверхъ всего такой штрихъ: „возможно предположить, что правительство лишитъ ее пенсіи за изданіе революціоннаго органа“. Эта угроза также запротоколирована въ отчетѣ о собраніи дворянства. Въ концѣ концовъ, дѣлается вполнѣ яснымъ, что не забота о судьбѣ г-жи Скаржинской руководила полтавскимъ дворянствомъ, а желаніе причинить возможно больше стѣсненій и непріятностей г-жѣ Скаржинской. Поэтому, не смотря на всѣ оправданія, объясненія и документальныя опроверженія г-жи Скаржинской, полтавскіе дворяне нисколько не пожелали отмѣнить свое постановленіе. Окончательное рѣшеніе предстоитъ постановить сенату.

Съ общественной точки зрѣнія интересенъ не тотъ или другой исходъ личнаго дѣла г-жи Скаржинской. Характерно и значительно выразившееся въ немъ настроеніе дворянскихъ сферъ, — настроеніе длительное, повсемѣстное, весьма опредѣленное и прямолинейное. Стоитъ только припомнить, съ какой неумолимостью, съ какимъ злорадствомъ исключали дворянскія собранія многихъ губерній изъ своей среды депутатовъ первой Думы, подписавшихъ выборгское воззваніе.

Первую Думу называли „Думой народнаго гнѣва“. Третью Думу можно назвать „Думой помѣщичьяго гнѣва“, а весь переживаемый нами съ 1907-го года мрачный періодъ — торжествомъ мстительнаго гнѣва, злорадной расплаты правыхъ помѣщиковъ. Конечно, въ глазахъ правыхъ дворянъ всѣ русскіе эмигранты за границей — „шайка мошенниковъ“. И вся всколыхнувшаяся къ новой жизни молодая Россія для нихъ тоже „шайка грабителей и мошенниковъ“. Ничего, кромѣ злобы и ненависти, къ этой сторонѣ русской жизни правые дворяне не могутъ чувствовать. А тѣ дворяне, которые отдали свои силы на служеніе новой Россіи, въ ихъ глазахъ, разумѣется, измѣнники и предатели. Ихъ нужно извергать изъ дворянской среды, имъ нужно мстить, ихъ нужно гнать и преслѣдовать. Такими же измѣнниками и предателями были въ глазахъ крѣпостниковъ-дворянъ мировые посредники начала шестидесятыхъ годовъ, отказывавшіеся держать руку помѣщиковъ и стремившіеся соблюсти справедливость при земельномъ устройствѣ освобожденныхъ крестьянъ. Г-жа Скаржинская вздумала помогать нуждающимся русскимъ за границей, т.-е. врагамъ праваго дворянства. Значитъ, и она—предатель и врагъ, котораго надо преслѣдовать правдой и неправдой...

Въ дѣлѣ г-жи Скаржинской отразился господствующій нынѣ въ Россіи общественно-политическій духъ — господствующій только на поверхности жизни, но все-же дающій тонъ въ третьей Думѣ и распоряжающійся дѣлами въ завоеванныхъ земствахъ и городскихъ самоуправленіяхъ. Повсюду идетъ мстительная расплата за пережитый страхъ и сѣется, какъ неизбѣжный отпоръ, новая злоба.

Такъ какъ у третьей Думы не можетъ быть искренняго желанія спѣшить съ реформой городского и земскаго самоуправленія, то на мѣстахъ попрежнему „нѣтъ людей“, и хозяйство во многихъ земствахъ и городахъ попрежнему влачится кое-какъ. Изъ Вольска пишутъ въ саратовскія газеты: „Кончилось уѣздное земское собраніе и можно подвести итоги. Собраніе не отличалось большимъ многолюдствомъ: въ составъ его входило 2 графа, 1 дѣйств. ст. сов., 3 просто дворянина, 2 священника, 3 купца и 3 крестьянина. При такомъ „соотношеніи силъ“ само собой разумѣется, что наиболѣе острые вопросы деревенской жизни не получили соотвѣтственнаго разрѣшенія. Собраніе велось форсированнымъ маршемъ, при чемъ всѣ почти доклады принимались безмолвно, не вызывая никакихъ преній и никакихъ, конечно, треній. То обстоятельство, что читалъ доклады и давалъ по нимъ объясненія гр. Орловъ-Денисовъ, сыграло огромную роль. Графъ своимъ авторитетомъ парализовалъ слабые протесты той небольшой

группы гласныхъ, которая не вѣрила въ непогрѣшимость управы. Любопытно, между прочимъ, отмѣтить, что нѣкоторые доклады не были отпечатаны и разосланы гласнымъ для ознакомленія. Эти доклады читались по рукописямъ и немедленно принимались. Ничего страннаго не было, поэтому, въ томъ, что и докладъ о телефонной сѣти въ уѣздѣ былъ принятъ безпрекословно, при чемъ однимъ изъ главныхъ доводовъ въ его пользу выставили то обстоятельство, что уѣздный исправникъ получитъ возможность ежечасно принимать рапорты становыхъ приставовъ или урядниковъ". Другой корреспондентъ добавляетъ о томъ же земскомъ собраніи такую подробность: „Въ теченіе трехъ послѣднихъ засѣданій выбывали одинъ за другимъ наиболѣе видные гласные: выбыли Мельниковъ, графъ Уваровъ, Меркульевъ, оба Киндякова и, наконецъ, Ружичка-де-Розенвертъ, передавшій предсѣдательство графу Орлову-Денисову. Собраніе кончилось въ составѣ 9 гласныхъ, изъ которыхъ добрая половина едва-ли произнесла за всѣ пять дней два-три слова. Большинство докладовъ, въ особенности подъ конецъ, докладывались вкратцѣ".

Можно подумать, что такое печальное безлюдье обнаружилось въ какомъ-нибудь выморочномъ мѣстѣ. Между тѣмъ, въ бойкомъ Вольскомъ уѣздѣ насчитывается свыше двухъ сотъ тысячъ человѣкъ населенія. А „людей нѣтъ", и земское хозяйство направляютъ 9 безсловесныхъ гласныхъ...

Въ другихъ мѣстахъ еще хуже. Изъ Грайворона, Курской губерніи, пишутъ въ „Рѣчь": „Настоящая цензовая система отдала нашъ злополучный уѣздъ въ руки славныхъ истинно-русскихъ греческихъ выходцевъ Григорасулъ. Григорасуло—предводитель дворянства. Григорасуло—предсѣдатель земской управы. Григорасуло—членъ дворянской опеки. Григорасулы—земскіе начальники. А тамъ цѣлая туча зятьевъ, свояковъ этихъ самыхъ Григорасулъ. Безъ преувеличенія, уѣздъ — это только вотчина гг. Григорасулъ. И такъ многіе годы, десятки лѣтъ. Какъ относятся къ русскому народу и его нуждамъ эти истинно-русскіе дворяне—понять нетрудно. Предсѣдатель Н. Н. Григорасуло ненавидитъ земскія школы и земскихъ учителей. Онъ, не стѣсняясь, публично признается: „Всѣхъ бы этихъ земскихъ учителишекъ перевѣшалъ! Только крамолу сѣютъ". Какими „принципами" руководствуется этотъ дѣятель, показываетъ такой анекдотическій фактъ. Разъ на узкомъ проселкѣ встрѣтился съ нимъ обозъ черкасскихъ мужиковъ, везшихъ на заводъ буракъ. Обозъ отказался свернуть съ дороги, и вотъ г. Григорасуло, чтобъ проучить непочтительныхъ, болѣе десяти лѣтъ не открывалъ въ ихъ селѣ школы, хотя зданіе стояло готовое. Сейчасъ мужики исправились, сворачиваютъ предъ старымъ корнетомъ чуть не за версту, и вотъ въ этомъ году

г. Григорасуло положилъ гнѣвъ на милость: разрѣшилъ мѣстному священнику открыть въ земскомъ училищномъ зданіи церковно-приходскую школу! Сдѣлано это безъ вѣдома и согласія земскаго собранія, но вѣдь „земское собраніе—это я",—можетъ сказать г. Григорасуло. Изъ года въ годъ ревизіонная коммиссія дѣлаетъ докладъ собранію о вопіющей безурядицѣ и хаотичности земскаго хозяйства, но всѣ эти замѣчанія гг. Григорасулы, опирающіеся на прочное, подавляющее большинство, оставляютъ безъ послѣдствій. Бюджетъ земскаго сельско-хозяйственнаго склада достигаетъ громадной суммы въ 200.000 рублей. И, тѣмъ не менѣе, отчетность въ складѣ ведется такъ небрежно, что, по мягкому, осторожному выраженію ревизіонной коммиссіи, „нѣтъ никакой возможности опредѣлить, сколько и на какую сумму извѣстной категоріи товаровъ имѣется на лицо въ складѣ". Въ ракитинскомъ отдѣленіи склада еще лучше: „тамъ уже нѣтъ никакого порядка, нѣтъ совсѣмъ денежной отчетности, а завѣдующій складомъ каждый день, по окончаніи торговли, вноситъ ежедневную выручку въ кассовую книгу, по своему усмотрѣнію, безконтрольно!" Самъ предсѣдатель управы и ея члены, а также родня и благопріятели изъ гласныхъ, пользуются невозбранно кредитомъ въ земскомъ складѣ. Расплачиваются же за забранный товаръ не деньгами, а продуктами и инвентаремъ своихъ захудалыхъ хозяйствъ, и, разумѣется, по отличнымъ цѣнамъ. Такъ, предсѣдатель Григорасуло въ обмѣнъ на товары земскаго склада сбываетъ свой овесъ, сѣно и т. п. продукты. Разъ онъ надѣлилъ складъ бобами по такой высокой цѣнѣ, что они провалялись въ складѣ нѣсколько лѣтъ и въ концѣ концовъ были выброшены за негодностью. Членъ управы Чеховъ въ уплату своего долга сбылъ свои допотопные, никуда негодные экипажи. Гласный Шеваидинъ, пользуясь родственной связью съ предсѣдателемъ, продалъ за породистаго производителя своего слѣпого, искалѣченнаго коня. Племенныхъ быковъ для крестьянскихъ стадъ доставляютъ исключительно самъ предсѣдатель управы и ближайшіе его сотрудники однофамильцы". Длинная корреспонденція приводитъ еще рядъ такихъ же удручающихъ фактовъ, которые, очевидно, близки къ печальной и возмутительной истинѣ, такъ какъ, называя полныя фамиліи дѣятелей, трудно измыслить или сильно преувеличить ихъ дѣянія.

Такіе плоды даетъ укороченное и зажатое со всѣхъ сторонъ земство. Но печальная дѣйствительность русской внутренней жизни идетъ еще дальше. Есть губерніи, которыя до сихъ поръ и объ укороченномъ земствѣ мечтаютъ, какъ о недосягаемомъ благополучіи. Сотрудникъ „Астраханскаго Листка" разсказываетъ: „—Когда у насъ будетъ земство?—спрашивали насъ нѣкоторые изъ астраханцевъ. Спрашивали потому, что наша газета слѣдитъ за ходомъ этого вопроса и сообщала

свѣдѣнія о его положеніи. Говоримъ: такъ и такъ, земство ожидать надо приблизительно къ іюлю. — Почему же именно къ іюлю? — А потому, что къ январю министерство внутреннихъ дѣлъ не успѣетъ, во всякомъ случаѣ. — Въ чемъ же препона? — Это, господа, и самъ квартальный не скажетъ. Вѣдь еще въ 1865-мъ году астраханскій губернаторъ писалъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, что къ введенію земскаго самоуправленія въ Астраханской губерніи, при условіи нѣкоторыхъ измѣненій, вызываемыхъ особенностями края, препятствій не встрѣчается. И вотъ, съ того времени ровнехонько сорокъ-пять лѣтъ прошло, а земства и до сихъ поръ въ нашемъ краѣ нѣтъ. И смѣшно, и грустно читать имѣющіяся у насъ замѣтки о рядѣ совѣщаній, публичныхъ и секретныхъ, по вопросу о введеніи земства въ Астраханской губерніи. И каждое совѣщаніе находило, что земство слѣдуетъ ввести въ губерніи, препятствій никакихъ къ этому нѣтъ, но... земства нѣтъ и нѣтъ. Говорятъ, въ февралѣ законопроектъ пойдетъ въ Государственную Думу. Будемъ ждать февраля. Будемъ ждать сорокъ-шестой годъ, когда рѣшенный вопросъ рѣшится...“

Третья Дума работаетъ четвертый годъ, а до реформы земскаго и городского самоуправленія все не можетъ добраться. Очевидно, и охоты особой добираться не имѣется въ наличности. Бюрократія, которая изъ года въ годъ обрѣзывала подъ всяческими предлогами земскую иниціативу или перекатывала изъ одной коммиссіи въ другую явно неотложные вопросы, нашла въ лицѣ третьей Думы для себя добрую пособницу и потатчицу. Да если и выберется, наконецъ, земская реформа въ законодательныя палаты, то не широкій свѣтъ увидитъ она здѣсь. Одна только развѣ есть маленькая надежда: устанутъ правые дворяне „спасать Россію“ и на мѣстахъ, и въ третьей Думѣ. Очень ужъ ихъ мало. Одни и тѣ же лица должны и въ Думу скакать, и въ земскихъ собраніяхъ устои отстаивать. Затрудненіе это уже усмотрѣно и вызываетъ заботу высшей администраціи. Въ прошломъ году уже былъ циркулярный совѣтъ губернаторамъ подгонять открытіе губернскихъ земскихъ собраній съ такимъ разсчетомъ, чтобы они совпадали со днями отдыха третьей Думы. И всетаки бываютъ безвыходныя положенія. „Людей нѣтъ, людей нѣтъ“. Приходится правымъ дворянамъ однихъ и тѣхъ же лицъ выбирать и въ земскія управы, и въ Государственную Думу. И ужъ тутъ совсѣмъ трудно. Даже при исключительной энергіи невозможно работать одновременно на двухъ концахъ Россіи. Такой случай, напримѣръ, былъ въ Саратовѣ. Предсѣдателя губернской земской управы, г. Гримма, избрали въ третью Думу. Сначала онъ пробовалъ совмѣщать обѣ дѣятельности. Однако въ результатѣ были упреки въ нерачительности и въ Думѣ, и въ земствѣ. Тогда г. Гриммъ оставилъ земскую работу для

государственной дѣятельности. Но пришли новые земскіе выборы, оглянулись гласные: „людей нѣтъ"—взяли и снова выбрали г. Гримма въ предсѣдатели губернской управы. Пришлось г. Гримму на этотъ разъ отказаться отъ званія члена Государственной Думы.

У г. Гримма оказалось достаточно такта, чтобы оба раза принять удовлетворительное рѣшеніе для выхода изъ труднаго положенія. У другихъ лицъ этого такта оказывается меньше. Безлюдье заставило самарскую думу выбрать въ головы члена Госуд. Думы М. Д. Челышева. Г. Челышевъ не пожелалъ ни отъ одной изъ этихъ должностей отказаться и, въ концѣ концовъ, самъ поставилъ себя въ конфузное положеніе. Самарскій корреспондентъ сообщаетъ: „Городская дума 27 октября приняла слѣдующую резолюцію: „Указать городскому головѣ (члену Госуд. Думы Челышеву), что частыя и продолжительныя отлучки его изъ Самары крайне вредно отражаются на городскомъ хозяйствѣ, обремененномъ большими долгами, настоятельныя и неотложныя нужды котораго требуютъ постоянной и усиленной работы всего состава управы, а главнымъ образомъ ея руководителя въ лицѣ городского головы, получающаго за свой трудъ по веденію городского хозяйства большое жалованье, и предложить городскому головѣ немедленно возвратиться къ исполненію своихъ обязанностей и на будущее время не отлучаться безъ особо на то выраженнаго согласія думы. Настоящее постановленіе сообщить г-ну городскому головѣ въ Петербургъ". Резолюція принята 24 голосами, противъ четырехъ, при 14-ти воздержавшихся".

Къ такимъ конфликтамъ приводитъ вынужденное безлюдье въ нашихъ земствахъ и городскихъ самоуправленіяхъ. Жизнь требуетъ расширенія земской и городской избирательной системы, требуетъ самыми разнообразными голосами. Даже правые дѣятели начинаютъ приходить къ неизбѣжному выводу, что имъ „непосильно". Можетъ-быть, хоть близкіе ей уставшіе голоса услышитъ третья Дума и дастъ земской реформѣ возможность сдѣлать шагъ впередъ,—конечно, шагъ небольшой и умѣренный. Но вѣдь отъ третьей Думы никто большихъ шаговъ впередъ и не ожидаетъ.

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общенародное горе.—Отношеніе къ нему Государственной Думы, Государственнаго Совѣта и реакціонной печати.—Образцы безтактности и лицемѣрія.—Волненія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Проектъ запроса о высшей школѣ.—Особое мнѣніе М. И. Горчакова по одному изъ вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ.—Государственный Совѣтъ и Государственная Дума.

Великимъ событіямъ свойственно вызывать наружу какъ лучшія, такъ и худшія чувства, въ обыкновенное время дремлющія на днѣ народной и общественной жизни. Раскрываются сокровища любви— и залежи ненависти; ярко освѣщаются вершины—и рельефнѣе обрисовываются низменныя вмѣстилища мрака. Именно такимъ было дѣйствіе послѣднихъ дней и кончины Льва Толстого. Какъ ни блестяща была слава, окружавшая его издавна и достигшая, по видимому, своего апогея два года тому назадъ, въ моментъ его юбилея—только теперь стало ясно, чѣмъ онъ былъ для русскихъ и не-русскихъ, для всего мыслящаго человѣчества. И въ то же время еще интенсивнѣе, чѣмъ прежде, проявилась вражда, не обезоруживаемая даже смертью. Особенно характерны тѣ ея вспышки, которыя произошли на верхнихъ ступеняхъ государственной лѣстницы. Протестъ правыхъ членовъ Государственной Думы и дополняющая его рѣчь деп. Замысловскаго останутся памятникомъ злобы, достигшей своего крайняго предѣла. Называя преклоненіе передъ свѣжей могилой „противогосударственной и противорелигіозной демонстраціей", правые сами совершаютъ демонстрацію—демонстрацію противъ народной скорби, противъ правъ генія, противъ драгоцѣннаго наслѣдства, оставленнаго Россіи, противъ свободы человѣческаго духа. „Графъ Л. Н. Толстой"—сказано въ заявленіи, поданномъ предсѣдателю Думы,—„отрицательно относился ко всякой государственности и всѣмъ государственнымъ установленіямъ, отвергалъ собственность и выполненіе гражданскихъ обязанностей, придерживался крайне разрушительныхъ воззрѣній, отрицая всѣ устои современной культуры". Что̀ это такое, какъ не попытка уложить мысль въ Прокрустово ложе узкой, мелкой, себялюбивой тенденціи, охраняющей существующее, насколько оно выгодно для охранителей? Чѣмъ внушены „разрушительныя воззрѣнія", что̀ они выдвигали на мѣсто нынѣшнихъ „устоевъ", какъ рисовалось будущее передъ устремленнымъ вдаль взоромъ философа-поэта — это безразлично для авторовъ протеста: имъ непонятенъ и ненавистенъ твор-

ческій полетъ ума, пролагающаго, не стѣсняясь вѣхами и заставами, новыя дороги къ новымъ цѣлямъ. И не странно ли видѣть г. Пуришкевича и К° въ роли защитниковъ культуры, въ концѣ концовъ несущей для нихъ неминуемую гибель? Не ясно ли, что „государственность“, которою они дорожатъ, не имѣетъ ничего общаго съ идеаломъ государства?.. „Толстой—читаемъ мы дальше—„былъ отлученъ церковью отъ сонма вѣрующихъ за свои богохульныя сочиненія, подрывающія въ русскомъ народѣ вѣру православную, являющуюся основой русской государственности“. Что въ сочиненіяхъ Толстого нѣтъ ничего похожаго на богохульство — это, по всей вѣроятности, очень хорошо знаютъ сами „протестанты“. Менѣе доступно для нихъ, быть можетъ, все безконечное различіе взглядовъ на русскую государственность и на ея основы; но даже имъ слѣдовало бы понять, что обязательной силы не имѣетъ ни одинъ изъ этихъ взглядовъ. Было время, когда рожденный въ православіи считался неразрывно связаннымъ съ православною церковью, связаннымъ съ нею и послѣ того, какъ она сама отлучала его отъ общенія съ нею. Это время прошло: Толстой, въ моментъ своей смерти, не только фактически, но и легально стоялъ внѣ православной церкви. Церковнымъ сужденіемъ о немъ не могло быть и не было предрѣшено сужденіе народа, нашедшее слабый отголосокъ въ образѣ дѣйствій большинства Государственной Думы. Какъ ни мало общаго между третьей Думой и истинно народнымъ представительствомъ, она, какъ цѣлое, все же не пошла въ разрѣзъ съ народнымъ чувствомъ и предоставила ничтожному меньшинству незавидную роль оскорбителей могилы. Спѣшимъ прибавить, что даже не всѣ правые подписали протестующее заявленіе, не всѣ остались сидѣть, когда предсѣдатель Думы предложилъ почтить память Толстого вставаніемъ.

Еще менѣе единодушія оказалось среди правыхъ членовъ Государственнаго Совѣта. Значительно бо̀льшая ихъ часть ограничилась болѣе или менѣе демонстративнымъ уходомъ изъ залы засѣданій; оставшіеся въ залѣ поднялись, по призыву предсѣдателя, съ своихъ мѣстъ, за исключеніемъ только двухъ представителей чернаго духовенства. Весьма можетъ быть, впрочемъ, что ходъ дѣла былъ бы иной, еслибы въ промежутокъ времени между засѣданіемъ Думы (8-го ноября) и засѣданіемъ Государственнаго Совѣта (10-го ноября) не была обнародована извѣстная Высочайшая отмѣтка на докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ о смерти Л. Н. Толстого. Не случайно, конечно, на эту отмѣтку сослался предсѣдатель Государственнаго Совѣта, предлагая почтить память „великаго писателя земли русской“... Болѣе непримиримыми оказались, въ данномъ случаѣ, нѣкоторые органы правой печати. Одинъ изъ нихъ нашелъ „недопустимымъ“ предлагать, „въ при-

сутствіи высшихъ іерарховъ церкви", „чествованіе памяти человѣка, котораго церковь вынуждена была отлучить". Не подобало, по мнѣнію той же газеты, „предлагать, въ присутствіи иностранныхъ представителей, чествованіе въ высшемъ государственномъ учрежденіи явнаго противника царя"... Образу дѣйствій большинства Государственной Думы и Государственнаго Совѣта приписываются—должно быть, по формулѣ: post hoc, ergo propter hoc—всѣ послѣдующія „безобразія". Даже „Московскія Вѣдомости", обычно претендующія на сдержанность и академичность, признаютъ чествованіе памяти Толстого въ Государственномъ Совѣтѣ „чрезвычайно прискорбною ошибкой, которая будетъ имѣть въ обществѣ и народѣ вредныя послѣдствія". Если такъ говоритъ серьезный органъ печати, то нетрудно себѣ представить, до чего доходятъ мелкія газетки, вдохновляемыя союзомъ русскаго народа. Намъ присланъ номеръ небольшого листка, выходящаго въ Нижнемъ-Новгородѣ подъ заглавіемъ: „Козьма Мининъ". Что тамъ написано о Толстомъ наканунѣ его смерти, когда всѣмъ было извѣстно опасное, почти безнадежное его положеніе — это съ трудомъ можетъ себѣ представить даже тотъ, кто хорошо знакомъ съ прелестями языка, введеннаго въ моду изданіями типа „Русскаго Знамени" и рѣчами бессарабско-курскаго типа. Достаточно замѣтить, что уходъ Толстого изъ Ясной Поляны названъ здѣсь „фарсомъ", „комедійнымъ дѣйствомъ", предпринятымъ съ цѣлью „заставить поговорить про себя" и поднять „все ниже и ниже падающія акціи графской популярности", а въ „бутафорномъ бѣгствѣ" усмотрѣна „самая яркая иллюстрація къ правдивому опредѣленію интеллигенціи", данному г. Пуришкевичемъ... И этотъ листокъ, какъ намъ пишутъ, считается въ Нижнемъ-Новгородѣ чѣмъ-то въ родѣ оффиціоза мѣстной администраціи! До такого униженія не доходилъ еще, кажется, печатный станокъ.

Не въ однѣхъ только попыткахъ развѣнчать Толстого, очернить его нравственный образъ, набросить тѣнь на его славу заключается печальная сторона всего пережитаго Россіей за послѣднее время. Насколько естественно и законно было волненіе, возбужденное сначала уходомъ Толстого изъ Ясной Поляны, потомъ его болѣзнью, наконецъ—его смертью, насколько понятенъ былъ сердечный интересъ ко всѣмъ деталямъ его путешествія, его обстановки въ Астаповѣ, его своеобразно-торжественнаго погребенія, настолько несимпатично любопытство, старавшееся проникнуть въ область интимной жизни, настолько возмутительны сужденія — и осужденія, — построенныя на слухахъ, сплетняхъ и произвольныхъ догадкахъ. Особенно противнымъ все это становилось тогда, когда прикрывалось маской уваженія

къ великому человѣку, стремленіемъ оградить его права и интересы. Приведемъ только одинъ примѣръ, очень характерный. Наканунѣ смерти Толстого, въ газетѣ, издавна совмѣщавшей преклоненіе предъ его именемъ съ отрицательнымъ отношеніемъ къ его взглядамъ, появилась замѣтка извѣстнаго писателя, въ которой—вслѣдъ за категорическимъ указаніемъ на то, въ чемъ нуждается Толстой и кто имѣетъ право быть около него,—мы читаемъ слѣдующія, по истинѣ невѣроятныя слова: „Толстой буквально находится въ рукахъ Черткова, ограниченнаго и фанатическаго своего поклонника... Чертковъ запретилъ ему, поклоненіемъ и преданностью, выходъ изъ такой-то фазы, въ которой засталъ Толстого, и буквально задушилъ Толстого мыслями Толстого же... Толстой буквально захворалъ около Черткова, когда тотъ до земли поклонился ему и произнесъ надъ нимъ мертвымъ голосомъ: теперь—ни шагу далѣе и въ сторону". Дальше Чертковъ уподобляется протестантскому или духоборческому „духовнику", а также отцу Матвѣю, сыгравшему печальную роль въ жизни Гоголя; на сцену выступаетъ „ядъ Черткова", усиливающійся „превратить льва въ земноводное"—и все заканчивается угрозой „жестокаго суда", которому Россія подвергнетъ Черткова. И это написано и напечатано въ то время, когда не исключена еще была возможность ознакомленія самого Толстого съ статьею, глубоко оскорбительною не только для его друга, но и для него самого! Безцеремонный авторъ впадаетъ въ вопіющее противорѣчіе съ самимъ собою: онъ говоритъ о „волнующемся и вѣчно растущемъ, вѣчно мѣнявшемся мірѣ думъ, чувствъ и настроеній Толстого"—и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что „ограниченному" поклоннику Толстого удалось „запечатать этотъ міръ вѣчною печатью"! Какимъ же образомъ это могло случиться, и гдѣ доказательство тому, что это случилось? Когда началось и въ чемъ выразилось порабощеніе Толстого Чертковымъ? Вѣдь тѣсная ихъ дружба продолжалась цѣлыя десятилѣтія, въ теченіе которыхъ не прекращалась и не ослабѣвала кипучая внутренняя жизнь Толстого. Волноваться, томиться, искать онъ не переставалъ до послѣднихъ дней, ознаменованныхъ такимъ рѣшеніемъ, которому неизбѣжно должна была предшествовать тяжелая внутренняя борьба. Что̀ же, и эта борьба происходила подъ давленіемъ чужой воли? Величіе Толстого заключается, между прочимъ, въ томъ, что онъ всегда былъ и до конца оставался самимъ собою, духовнымъ вождемъ многихъ, никѣмъ извнѣ не руководимымъ. Пускай это отрицаютъ его враги, удручаемые достигнутою имъ высотою и готовые на все, чтобы низвести его на уровень, болѣе имъ понятный и доступный; но что̀ сказать о почитателѣ Толстого, вступающемъ на ту же дорогу—и вступающемъ

на нее въ моментъ напряженно-тревожнаго ожиданія рѣшительной вѣсти?.. [1])

Въ тѣхъ сферахъ, изъ которыхъ вышла только-что упомянутая нами статья, идетъ, не прерываясь, усиленная работа надъ разными темами, связанными съ судьбой Толстого — и почти каждый фазисъ этой работы приноситъ съ собою новые матеріалы для характеристики теченій, порождаемыхъ господствующей политической конъюнктурой. Въ тотъ самый день, когда одинъ изъ сотрудниковъ „Новаго Времени“ оплакивалъ плѣненіе Толстого Чертковымъ—забывая, что этотъ плачъ можетъ быть понятъ какъ призывъ къ мѣропріятіямъ противъ виновника плѣна,—другой сотрудникъ той же газеты трудился надъ опроверженіемъ обвиненій, никѣмъ еще не предъявленныхъ, но предусматриваемыхъ въ будущемъ. Вопросъ былъ формулированъ такъ: отъ кого бѣжалъ Толстой? „Бѣжалъ ли онъ отъ отрицаемаго имъ государства? Нѣтъ, ибо онъ не собирался бѣжать изъ Россіи. Бѣжалъ ли онъ отъ отвергаемой имъ церкви? Нѣтъ, ибо церковь его нисколько не преслѣдовала и не стѣсняла... Отношенія и церкви, и государства къ великому человѣку отличались большимъ благородствомъ. Ему была оказана величайшая терпимость... Ему была предоставлена широкая свобода развивать таланты и жертвовать ихъ на пользу общую. Ни государство, ни церковь ничѣмъ не возмутили тишины геніальной жизни“. Плохую услугу оказываетъ своимъ подзащитнымъ беззастѣнчивый апологетъ. Предупреждая обвиненія, онъ ставитъ ихъ на очередь и, неудачно пытаясь оправдывать другихъ, пишетъ жестокій обвинительный актъ противъ самого себя. Что̀ ставитъ онъ въ заслугу государству? Что оно не принимало никакихъ репрессивныхъ мѣръ противъ самого Толстого? Да, до этого дѣло не доходило, хотя несомнѣнно былъ моментъ, когда Толстому, по соглашенію между властями свѣтской и церковной, серьезно угрожала тяжкая, внѣ-законная кара—заточеніе въ Соловецкомъ монастырѣ. Но развѣ „тишину жизни“—въ особенности жизни такого человѣка, какъ Толстой—можетъ нарушить только непосредственное посягательство на его личность, прямое ограниченіе его правъ, его свободы? Развѣ въ великомъ исповѣдникѣ не вызывало жгучей, мучительной боли всякое преслѣдованіе его учениковъ, его послѣдователей—преслѣдованіе, сплошь и рядомъ прямо мотивированное распространеніемъ его сочиненій? Развѣ забыты горячія мольбы Толстого привлечь къ суду его самого,

---

[1]) Послѣ смерти Льва Николаевича однородныя обвиненія были выставлены противъ В. Г. Черткова однимъ изъ сыновей покойнаго, въ письмѣ, произведшемъ, въ широкихъ кругахъ, самое тяжелое впечатлѣніе. Оно вызвало рѣшительный отпоръ со стороны двухъ другихъ сыновей Льва Николаевича и уже потому одному не требуетъ опроверженія.

не возлагая на другихъ отвѣтственность за его взгляды, за его стремленія? Развѣ „тишина жизни“ Толстого не пострадала, когда отъ него былъ надолго удаленъ ближайшій его другъ, когда изъ-за него былъ высланъ на край свѣта его любимый секретарь?.. Толстому—говорятъ намъ—„была оказана величайшая терпимость“. Терпимостью, слѣдовательно, надлежитъ считать запрещенія, нѣсколько десятилѣтій сряду тяготѣвшія почти надъ всѣми богословскими, этическими, публицистическими сочиненіями Толстого, т.-е. именно надъ тѣмъ, во что онъ вкладывалъ свою душу, чѣмъ хотѣлъ дѣйствовать на умы и сердца людей? Терпимостью была внушена политика, освобождавшая отъ узъ тѣло Толстого, но создававшая темницу для его идей, ставившая предѣлъ ихъ вліянію? Терпимостью, въ такомъ случаѣ, отличался и церковный трибуналъ, освободившій Галилея подъ условіемъ отреченія отъ Коперниковой системы... А что значитъ фраза о предоставленіи Толстому возможности „развивать таланты и жертвовать ихъ на пользу общую“? Если рѣчь идетъ о талантахъ самого Толстого, то развитію ихъ, конечно, не могло помѣшать ничто—но въ мѣрахъ, стѣснявшихъ „обращеніе ихъ на общую пользу“, недостатка не было. Нужно ли прибавлять, насколько тѣмъ самымъ было затруднено развитіе талантовъ, по духу родственныхъ Толстому?.. Что касается до церкви, то стѣснить дѣятельность Толстого она могла не иначе, какъ черезъ посредство государства. Какъ часто и въ какой мѣрѣ она обращалась къ этому посредству — покажетъ время, въ концѣ концовъ раскрывающее всѣ тайны. Если вѣдомству православнаго исповѣданія не удалось „возмутить тишину геніальной жизни“, то объясненіе этому слѣдуетъ искать исключительно въ самомъ Толстомъ, душевное спокойствіе котораго не было нарушено отлученіемъ отъ церкви. Заранѣе предвидѣть такой результатъ было невозможно; невозможна, при тогдашнихъ условіяхъ, была и увѣренность, что актъ отлученія не повлечетъ за собою ни вспышки фанатизма въ той или другой группѣ невѣжественныхъ людей, ни „соотвѣтствующихъ“ мѣропріятій со стороны свѣтской власти... Хвалебный гимнъ государству и церкви, поспѣшно пропѣтый услужливымъ писателемъ, производитъ, такимъ образомъ, дѣйствіе прямо противоположное тому, которое имѣлъ въ виду панегиристъ.

Съ особенною силой всеобщее волненіе, вызванное кончиною Толстого, отразилось, какъ и слѣдовало ожидать, въ воспріимчивой, легко воспламеняющейся средѣ учащейся молодежи. Этотъ совершенно естественный фактъ оффиціозные публицисты стараются связать съ подпольными махинаціями зловредной „оппозиціи въ кавычкахъ“. Подтвержденіемъ излюбленнаго тезиса являются, подъ ихъ перомъ, даже факты, прямо доказывающіе противное. Когда началось броженіе въ

высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, группа оппозиціонныхъ депутатовъ обратилась къ учащимся съ увѣщаніемъ воздержаться отъ уличныхъ манифестацій. И вотъ что пишетъ по этому поводу такъ называемое „частное изданіе“: „понятенъ истинный смыслъ того обращенія къ молодежи, съ которымъ выступили за полчаса до уже окончательно слаженной демонстраціи представители думской оппозиціи. Теперь, когда все уже находится во власти событій—замѣтьте: событій, искусственно созданныхъ трудами кадетскихъ листковъ и всѣмъ, что ими прикрывается,—когда, слѣдовательно, всякое такое обращеніе не только не можетъ подѣйствовать отрезвляюще, а наоборотъ, неизбѣжно должно разжечь страсти—теперь пускается въ ходъ это обращеніе“!—Когда же, по мнѣнію „Россіи“, слѣдовало пустить его въ ходъ? Когда только что пришла вѣсть о кончинѣ Толстого? Когда все было спокойно и никто не зналъ, будетъ ли нарушено спокойствіе? Представимъ себѣ, что это было бы сдѣлано. Не подлежитъ сомнѣнію, что на страницахъ той же „Россіи“ не замедлилъ бы появиться обвинительный актъ, однородный съ только что приведеннымъ, но нѣсколько лучше мотивированный. „Какъ!“—поспѣшили бы написать казенныя перья.—„Все тихо, никто не думаетъ поднимать шумъ, выходить на улицу, предъявлять мятежныя требованія—а „господа изъ оппозиціи“ уже чѣмъ-то встревожены, что-то предвидятъ, что-то предвѣщаютъ? Не заключается ли въ этомъ намекъ, что нѣчто *должно* произойти? Подъ видомъ успокоенія не кроется ли здѣсь возбужденіе, облеченное въ столь же осторожную, сколько коварную форму“?.. Допустимъ теперь противоположный случай: никакого обращенія къ молодежи со стороны оппозиціи сдѣлано бы не было. Опять-таки имѣлся бы на лицо и, конечно, былъ бы использованъ поводъ къ благонамѣренной филиппикѣ... Немного нужно безпристрастія, чтобы признать моментъ обращенія къ молодежи избраннымъ совершенно правильно. Первымъ днемъ сколько-нибудь крупныхъ демонстрацій была среда, 10-ое ноября, а максимальной силы движеніе достигло на слѣдующій день. И вотъ, именно утромъ этого дня и былъ оглашенъ въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній призывъ оппозиціонныхъ депутатовъ. Если онъ не предупредилъ демонстрацію, то это не можетъ служить доказательствомъ его несвоевременности или, тѣмъ болѣе, его намѣренной запоздалости—и вся тяжесть обвиненія упадаетъ на слишкомъ усердныхъ обвинителей.

Вмѣсто того, чтобы доискиваться внѣшнихъ пружинъ движенія, гораздо полезнѣе было бы подумать о его внутреннемъ источникѣ. Теперь, послѣ многолѣтняго опыта, для всѣхъ должна быть ясна настоящая причина студенческихъ волненій. При старомъ режимѣ они возникали потому, что не было вовсе или было слишкомъ

мало другихъ формъ протеста противъ безчисленныхъ дефектовъ государственнаго и общественнаго строя. Теперь положеніе дѣлъ нѣсколько измѣнилось, но не настолько, чтобы совершенно могла исчезнуть память о путяхъ, на которыхъ прежде искало выхода наболѣвшее чувство. Существуетъ Государственная Дума, въ стѣнахъ которой могутъ болѣе или менѣе свободно раздаваться требованія оппозиціонныхъ партій; но для нихъ закрыты общества, союзы и собранія, далеко не всегда и не вездѣ доступна печать. Внѣ столицъ, а иногда и въ столицахъ, давленіе власти чувствуется съ такой же—если не большей—силой, какъ въ до-конституціонное время. Лишена твердыхъ, прочныхъ основъ и жизнь высшей школы; у нея нѣтъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, надъ нею производятся безконечные эксперименты—и царствующая въ ней неопредѣленность уменьшаетъ силу противодѣйствія случайнымъ толчкамъ. Понятно, что вѣсть о кончинѣ Толстого, нарушивъ и безъ того неустойчивое равновѣсіе студенчества, вызвала въ немъ нѣчто въ родѣ возврата къ недавнему прошлому. Чрезвычайно характеренъ девизъ, избранный молодежью: „долой смертную казнь". Непосредственно примыкая къ задачѣ, надъ которой съ особымъ жаромъ работалъ Толстой въ послѣдніе годы своей жизни, онъ затрогивалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ современной дѣйствительности. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что вопросъ о смертной казни не могъ бы сдѣлаться предметомъ уличныхъ демонстрацій, еслибы существовали другіе, болѣе нормальные пути для его разработки. Еще недавно и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ проектировалось основаніе обществъ, спеціальною цѣлью которыхъ была бы борьба съ смертной казнью, т.-е. выясненіе, всѣми законными способами, несправедливости и нецѣлесообразности этого вида уголовной кары. Общества эти разрѣшены не были, по соображеніямъ, несостоятельность и незаконность которыхъ была раскрыта, въ свое время, прогрессивною печатью. Не былъ открытъ, такимъ образомъ, предохранительный клапанъ — и избытокъ пара, въ силу закона, дѣйствующаго не въ одномъ только мірѣ физическихъ явленій, сталъ искать другого выхода. При иномъ составѣ народнаго представительства этимъ выходомъ могла бы служить надежда на Государственную Думу; но кому же неизвѣстно отношеніе большинства третьей Думы къ вопросу о смертной казни? Оно осталось вѣрнымъ само себѣ и теперь, когда, въ засѣданіи 12-го ноября, двѣ оппозиціонныя фракціи (к.-д. и с.-д.) предложили почтить память Толстого постановкой на очередь законопроекта, внесеннаго въ Думу (въ порядкѣ законодательной иниціативы) *два съ половиной года* тому назадъ, въ іюнѣ 1908-го года. „Нынѣ, когда весь цивилизованный міръ отдаетъ дань уваженія величайшему сыну Россіи",—сказано было въ предложеніи

партіи народной свободы,—„мы считаемъ своимъ нравственнымъ долгомъ передъ свѣтлою памятью покойнаго настаивать на включеніи въ повѣстку ближайшаго засѣданія Думы законопроекта объ отмѣнѣ смертной казни". Въ другомъ собраніи возраженія, вызванныя этимъ предложеніемъ, могли бы скорѣе способствовать, чѣмъ помѣшать его принятію—до такой степени они были грубы по формѣ и отталкивающи по содержанію. „Когда будетъ сметена съ лица земли русской"—воскликнулъ, напримѣръ, деп. Образцовъ (крайній правый)—„вся нечисть въ видѣ эсдековъ, трудовиковъ и кадетовъ, тогда вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни рѣшится самъ собою, ибо некого будетъ вѣшать и разстрѣливать". Нельзя быть болѣе откровеннымъ въ признаніи смертной казни орудіемъ политической борьбы, способомъ искорененія не преступленій, а убѣжденій; нельзя быть болѣе циничнымъ въ призывѣ къ насилію, конечная цѣль котораго—единогласіе, достигаемое и поддерживаемое страхомъ. Можно было думать, что если не націоналисты, то хоть октябристы постыдятся стать въ ряды, руководимые деп. Образцовымъ, и подадутъ голосъ хотя бы за ничего, въ сущности, не предрѣшающее включеніе вопроса о смертной казни въ повѣстку ближайшаго засѣданія Думы. Случилось, однако, не то: къ оппозиціи присоединилось лишь нѣсколько отдѣльныхъ октябристовъ, и предложеніе ея было отклонено большинствомъ 161 голоса противъ 131. Та же судьба ожидаетъ, по всей вѣроятности, и остальныя предложенія, связанныя съ чествованіемъ памяти Л. Н. Толстого.

Лить масло въ огонь можно по незнанію или недоразумѣнію, можно съ намѣреніемъ усилить пламя—но ужъ конечно не съ намѣреніемъ потушить его. Горючихъ матеріаловъ въ высшей школѣ накопилось теперь немало; неужели отсюда слѣдуетъ, что нужно какъ можно скорѣе поставить на очередь запросы, обсужденіе которыхъ менѣе всего можетъ способствовать возстановленію спокойствія и тишины? Между тѣмъ, именно къ этому направлены, въ послѣднее время, усилія крайнихъ правыхъ. Еще въ концѣ октября, до смерти Л. Н. Толстого, была сдѣлана попытка добиться внѣ-очередного разсмотрѣнія запроса, единственнаго въ своемъ родѣ: онъ касался не того, что уже произошло, а того, что *могло* произойти (и на самомъ дѣлѣ не произошло вовсе). Самозванные досмотрщики за высшей школой узнали, путемъ только имъ доступнымъ, что готовится, будто бы, что-то неладное на актѣ института путей сообщенія. И вотъ, за три дня до этого акта депутатъ Замысловскій, по порученію своей партіи, внесъ въ Думу запросъ, требовавшій, эвентуально, самыхъ строгихъ мѣръ противъ директора института. Поддерживаемый, конечно, депутатомъ Пуришкевичемъ, г. Замысловскій настаивалъ весьма энергично на признаніи запроса спѣшнымъ. Это вызвало негодующій отвѣтъ даже со стороны такого

благонамѣреннаго октябриста, какъ депутатъ Шубинскій—и спѣшность была отвергнута огромнымъ большинствомъ голосовъ. Прошло полторы недѣли: настроеніе, подъ вліяніемъ національнаго траура и отрицательнаго отношенія къ нему извѣстныхъ группъ, стало тревожнымъ; заволновалась учащаяся молодежь. Эту минуту выбираютъ крайніе правые, чтобы потребовать постановки на очередь давняго, полузабытаго запроса, направленнаго противъ высшей школы. Въ засѣданіи 10-го ноября депутатъ Шульгинъ 2-ой произноситъ рѣчь, полную мрачныхъ предсказаній и неопредѣленныхъ извѣтовъ: кто-то поведетъ „панургово стадо" на улицу, кому-то нужны жертвы, нужны столкновенія съ полиціей... Никакого рѣшенія тогда постановлено не было, но нѣсколько дней спустя въ газетахъ появилось извѣстіе объ изготовленіи коммиссіею запросовъ доклада по данному предмету. Со дня на день слѣдуетъ ожидать, что Дума приступитъ къ его разсмотрѣнію. Неужели кто-нибудь серьезно вѣритъ въ дѣйствительность средства, рекомендуемаго представителями правыхъ? Не ясно ли, наоборотъ, что оно можетъ только распалить страсти, усилить взаимную вражду? Вѣдь именно по поводу запроса о высшей школѣ была, если мы не ошибаемся, произнесена, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, рѣчь г. Пуришкевича, глубоко возмутившая учащуюся молодежь—и не ее одну,—и чуть-было не повлекшая за собою безпорядки въ высшей школѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что такія же рѣчи будутъ произнесены, въ большомъ количествѣ и, можетъ быть, въ еще болѣе безцеремонномъ тонѣ, при обсужденіи запроса, которымъ такъ заинтересованъ г. Шульгинъ. Опасность заключается здѣсь, очевидно, не въ промедленіи, а въ торопливости, особенно въ торопливости явно тенденціозной. Самое элементарное благоразуміе требуетъ отсрочки—но съ противоположнымъ требованіемъ выступаетъ непримиримая злоба.

Присмотримся, однако, поближе къ самому тексту запроса, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ принятъ большинствомъ коммиссіи и мотивированъ ея докладчикомъ (октябристомъ, княземъ Тенишевымъ). Замѣтимъ, прежде всего, что докладчикъ, по собственнымъ его словамъ [1]), „произвелъ *частное разслѣдованіе* и предпринялъ наведеніе достовѣрныхъ въ мѣрѣ возможности *частныхъ справокъ*, дающихъ основаніе вывести съ нѣкоторой вѣроятностью рядъ данныхъ". Все изложенное въ докладѣ—сказано въ другомъ мѣстѣ — „подтверждается лишь на основаніи частнымъ порядкомъ собранныхъ свѣдѣній, несовершенства которыхъ нельзя, конечно, отрицать". Въ концѣ концовъ практическая обоснованность изложенныхъ въ запросѣ данныхъ „оставляется

[1]) Заимствуемъ ихъ изъ № 12028 „Биржевыхъ Вѣдомостей".

на отвѣтственности интерпеллянтовъ". Еслибы таково было обычное отношеніе коммиссіи ко *всѣмъ* запросамъ, можно было бы спросить себя, зачѣмъ существуетъ самая коммиссія, почему запросы, снабженные узаконеннымъ числомъ подписей, не вносятся прямо въ общее собраніе Думы: вѣдь нельзя же допустить, что однимъ интерпеллянтамъ довѣріе отпускается въ кредитъ, а другимъ, такимъ же членамъ Думы—не иначе какъ за наличныя доказательства. На самомъ дѣлѣ, однако, коммиссія далеко не всегда оказывается столь сговорчивою, не всегда прикрывается отвѣтственностью авторовъ запроса. Для принятія запроса она признаетъ достаточною *вѣроятность* его основаній—и это понятно, потому что полную достовѣрность можетъ дать только судебное разбирательство; но самая вѣроятность выводится обыкновенно не изъ частныхъ справокъ, не изъ „частнаго разслѣдованія", а изъ матеріаловъ болѣе солидныхъ, болѣе поддающихся объективной провѣркѣ. Особенно рискованною постройка запроса на „частныхъ справкахъ" представляется въ тѣхъ случаяхъ, когда другъ противъ друга стоятъ враждебные лагери, меньше всего склонные къ безпристрастію. На такіе лагери распадается теперь учащаяся молодежь. И едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что „справки" могли быть даны коммиссіи только однимъ изъ нихъ—тѣмъ самымъ, отъ котораго получены и первоосновы запроса. На шаткомъ фундаментѣ нользя возвести прочнаго зданія; способъ установленія предпосылокъ подрываетъ въ корнѣ выводы, къ которымъ приходитъ докладъ.

„Извѣстно ли правительству"—гласитъ первый пунктъ запроса въ редакціи большинства коммиссіи [1]),—„что въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, напримѣръ въ с.-петербургскомъ университетѣ, горномъ и политехническомъ институтахъ, фактическое завѣдываніе казенными стипендіями, пособіями и освобожденіемъ отъ платы за ученіе незаконно находится въ рукахъ студенческихъ организацій, дѣйствующихъ на началахъ студенческаго представительства и нерѣдко допускающихъ въ своей дѣятельности злоупотребленія?" Въ докладѣ сказано, что въ с.-петербургскомъ университетѣ такою организаціей является экспертная коммиссія, члены которой номинально назначаются ректоромъ, но на самомъ дѣлѣ выбираются землячествами, по два отъ каждаго. Допустимъ, что это вѣрно [2]), и спросимъ себя,

[1]) Меньшинствомъ коммиссіи подано два особыхъ мнѣнія: одно—отъ пяти октябристовъ, другое—отъ пяти членовъ оппозиціи.

[2]) Бесѣды съ профессорами спб. университета, горнаго и политехническаго институтовъ, помѣщенныя въ №№ 12029 и 12030 „Биржевыхъ Вѣдомостей", возбуждаютъ серьезное сомнѣніе въ точности фактовъ, отъ которыхъ отправляется запросъ.

могло ли бы учебное начальство обойтись, при назначенiи стипендiй и т. п., безъ помощи самихъ студентовъ? Какимъ путемъ оно стало бы собщать и провѣрять свѣдѣнiя о сотняхъ или тысячахъ студентовъ, нуждающихся въ поддержкѣ? Не пришлось ли бы ему относиться къ трудной задачѣ совершенно формально, основывать свои рѣшенiя на оффицiальныхъ свидѣтельствахъ о бѣдности, внутренняя цѣнность которыхъ слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстна? И разъ что содѣйствiе студентовъ необходимо, то можно ли было придумать для него лучшую форму, чѣмъ избранiе отъ землячествъ—организацiй наименѣе партiйныхъ и наименѣе пристрастныхъ? Совѣту ставится въ вину, что онъ всегда утверждаетъ мнѣнiя экспертной коммиссiи; но какъ доказать, что правильнѣе было бы не считаться съ ними? И чѣмъ уравновѣсить неизбѣжное влiянiе товарищеской анкеты? Контръанкетой, гласной или тайной? Но гдѣ же ручательство въ томъ, что ея результаты заслуживали бы бóльшаго довѣрiя? Что̀ могло бы послужить основанiемъ рѣшенiя при разногласiи между обѣими анкетами? Третье, еще болѣе строгое разслѣдованiе—и такъ далѣе до безконечности?.. Большинство членовъ экспертной коммиссiи—утверждаетъ докладчикъ—принадлежитъ къ партiямъ соцiалъ-демократической и соцiалъ-революцiонной. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ объ авторитетности источника, изъ котораго черпаются подобныя свѣдѣнiя; предположимъ, что они согласны съ истиной. Что же дѣлать, если большинство учащихся тяготѣетъ къ крайнимъ партiямъ? Исключать ихъ изъ университета? Этого не предлагаютъ, пока, даже чернѣйшiе изъ черныхъ. Выживать ихъ оттуда, обрекая ихъ на голодовку? Мечтать объ этомъ можно будетъ только тогда, когда изъ университета будутъ удалены всѣ профессора, неугодные гг. Дубровину и Пуришкевичу... Что касается до злоупотребленiй, то они возможны при всякой системѣ, да и существованiе ихъ не подтверждено даже тѣмъ, что на юридическомъ языкѣ называется началомъ доказательства.

Во второмъ пунктѣ запроса идетъ рѣчь о противозаконныхъ студенческихъ сходкахъ, происходившихъ до апрѣля 1910-го года—сходкахъ, „къ прекращенiю коихъ и наказанiю виновныхъ начальство учебныхъ заведенiй не приняло надлежащихъ мѣръ“. Итакъ, разумно и справедливо было бы вспомнить теперь о прошлогоднемъ снѣгѣ—возбудить цѣлый рядъ производствъ о забытыхъ, безслѣдно миновавшихъ фактахъ? Это содѣйствовало бы успокоенiю умовъ и поддержанiю порядка?... По истинѣ удручающее впечатлѣнiе производитъ четвертый пунктъ запроса [1]), формулированный такъ: „извѣстно ли

[1]) Пунктовъ третьяго и пятаго, какъ сравнительно неважныхъ, мы касаться не будемъ.

правительству, что въ нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, за время до 1908-го года, наблюдались сцены разврата"? Запросъ имѣетъ смыслъ только тогда, когда послѣдствіемъ его можетъ быть принятіе опредѣленныхъ мѣръ, административнаго или судебнаго характера. Административныхъ мѣръ явленіе, относимое ко времени до 1908-го года, очевидно не требуетъ и не вызываетъ; рѣчь можетъ идти, слѣдовательно, только о возбужденіи судебнаго преслѣдованія. Но противъ кого же оно можетъ быть возбуждено? Развратъ—преступленіе противъ нравственности, но не противъ уголовнаго закона; еслибы въ немъ и могли быть уличены студенты, для преданія ихъ суду юридическаго повода не было бы на лицо. Или, быть можетъ, авторы запроса имѣютъ въ виду обвиненіе начальства въ „слабомъ смотрѣніи", въ бездѣйствіи власти? Не обладая всевѣдѣніемъ, оно могло не знать о совершающемся гдѣ-нибудь въ темномъ углу громаднаго зданія или, тѣмъ болѣе, въ одной изъ комнатъ студенческаго общежитія. Да и совершалось ли что-нибудь въ родѣ того, о чемъ коммиссія заключаетъ изъ „частнымъ порядкомъ собранныхъ свѣдѣній, несовершенство которыхъ конечно нельзя отрицать"? Въ докладѣ говорится о „комнатѣ молодыхъ" (въ университетѣ), гдѣ въ 1907 г. читались „рефераты порнографическаго содержанія". Не рискованно ли подводить рефераты, прочитанные три года тому назадъ и едва-ли кому извѣстные теперь въ подлинникѣ, подъ понятіе „разврата"? „Въ общежитіи политехническаго института"—читаемъ мы дальше—„найдено было во время обыска сорокъ-двѣ женщины". Съ которыхъ поръ одно присутствіе женщинъ среди мужчинъ составляетъ доказательство „разврата"? И не идетъ ли здѣсь рѣчь о томъ обыскѣ, послѣдствіемъ котораго былъ извѣстный процессъ директора и должностныхъ лицъ политехническаго института? Ужъ не забыли ли составители запроса и доклада золотое правило: ne bis in idem?... Неужели съ столь легковѣснымъ матеріаломъ позволительно пускать въ ходъ столь тяжкое и вмѣстѣ съ тѣмъ столь безцѣльное обвиненіе? Неужели трудно понять, сколько оно должно внести раздраженія въ тѣ сферы, которыхъ оно касается косвенно или прямо? И неужели не ясно, кому оно на руку, для кого оно служитъ какъ бы оправданіемъ и поощреніемъ?..

Достойнымъ заключеніемъ запроса служитъ послѣдній, шестой пунктъ его: „извѣстно ли правительству, что вслѣдствіе партійныхъ увлеченій, понижающихъ научный уровень преподаванія, нѣкоторые профессора въ своихъ лекціяхъ возбуждаютъ слушателей противъ правительства и существующаго государственнаго строя, а между тѣмъ сдача студенческихъ экзаменовъ по этимъ лекціямъ является обязательною для полученія диплома, дающаго права государственной

службы"? Составители этого пункта забыли, что государственные экзамены, которыми обусловлено полученіе диплома, сдаются не *по лекціямъ* того или другого профессора, а *по предмету*, и что слѣдовательно никто не можетъ требовать отъ студента усвоенія или хотя бы повторенія *взглядовъ*, высказанныхъ профессоромъ. Они забыли, что осужденіе „партійныхъ увлеченій" не должно зависѣть отъ ихъ источника, т.-е. отъ характера партіи и партійной программы—и обрушились исключительно на представителей одного направленія. Они забыли, что судить о „пониженіи уровня преподаванія" можетъ только тотъ, кто самъ стоитъ на нормальной высотѣ этого уровня. И что еще важнѣе—у нихъ не было надежныхъ точекъ опоры для заключенія, на которыхъ они остановились. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ матеріаломъ они могли располагать? Едва-ли чѣмъ-нибудь большимъ, чѣмъ отрывочныя замѣтки или записи отдѣльныхъ слушателей, быть можетъ—пристрастныхъ, тенденціозно настроенныхъ, быть можетъ — добросовѣстно ошибающихся, вслѣдствіе недостатка развитія или знаній. Давно уже сказано, что любую строку любого автора можно растолковать—т.-е. перетолковать—такъ, чтобы сдѣлать изъ нея основу серьезнѣйшаго обвинительнаго акта. Гдѣ ручательство въ томъ, что такой пріемъ не былъ употребленъ составителями „частныхъ справокъ", которыми воспользовалась коммиссія? Ея докладъ возвращаетъ насъ ко временамъ Магницкаго и Рунича, когда орудіемъ противъ четырехъ профессоровъ петербургскаго университета послужили „избранныя мѣста" изъ ихъ лекцій, записанныхъ студентами. Будемъ надѣяться, что даже третья Государственная Дума не пойдетъ по стопамъ тогдашнихъ доморощенныхъ русскихъ инквизиторовъ.

Своеобразный ходъ мыслей, свойственный составителямъ доклада, отражается даже въ той его части, которая направлена противъ первоначальнаго, черезчуръ широкаго размаха интерпеллянтовъ. Докладъ отказывается включить въ число основаній запроса принадлежность нѣкоторыхъ профессоровъ къ конституціонно-демократической партіи. „Прежде всего"—читаемъ мы въ докладѣ,—„формальная принадлежность ихъ къ этой партіи не доказана. По имѣющимся свѣдѣніямъ, на посланные о семъ министерствомъ запросы всѣ профессора отвѣчали отрицательно. Кромѣ того, принадлежность къ этой партіи карается лишь по ст. 124 уголовнаго уложенія, влекущей за собою въ видѣ максимальнаго наказанія тюрьму или крѣпость безъ лишенія правъ". Какъ! Члены Государственной Думы, постоянно приходящіе въ соприкосновеніе съ партіей народной свободы, иногда даже голосующіе вмѣстѣ съ нею, признающіе, тѣмъ самымъ, не только фактъ ея существованія, но и право ея на существованіе, не нашли ни слова въ ея защиту?! Октябристамъ представлялся рѣдкій случай

протестовать противъ взгляда, совершенно неправильно смѣшивающаго понятіе о партіи съ понятіемъ объ обществѣ, осудить рутину, удерживающую въ силѣ явно устарѣлые законы, заявить, что есть преступныя *дѣйствія*, но нѣтъ преступныхъ *убѣжденій*. Вмѣсто этого они, въ лицѣ докладчика коммиссіи, спѣшатъ разыскать статью, опредѣляющую степень уголовной отвѣтственности кадетовъ—и утѣшаются тѣмъ, что послѣднимъ не грозитъ лишеніе правъ! Это—одна изъ тѣхъ страницъ въ исторіи третьей Думы, которыя нельзя читать безъ чувства стыда и негодованія.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что запросъ о высшей школѣ, въ лучшемъ случаѣ—нѣсколько смягченный, будетъ принятъ большинствомъ Думы и встрѣченъ въ правительственныхъ сферахъ съ тѣмъ сочувствіемъ и вниманіемъ, на которое разсчитываютъ его иниціаторы. Начнутся стѣсненія студенческихъ сходокъ, репрессіи противъ ихъ участниковъ; профессорамъ, особенно подозрительнымъ съ точки зрѣнія правыхъ группъ, будетъ поставлена альтернатива: se soumettre ou se démettre. Чего можно ожидать отъ всѣхъ подобныхъ мѣръ—это съ достаточною ясностью показываетъ исторія университетовъ за время дѣйствія устава 1884-го года. Тогда дѣло доходило до такихъ крайностей, какъ отдача студентовъ въ солдаты, какъ увольненіе длиннаго ряда „неблагонадежныхъ“ профессоровъ—и тишина все же не наступала, волненія происходили все чаще и становились все сильнѣе. Гдѣ же основаніе думать, что теперь сходныя причины приведутъ къ существенно различнымъ послѣдствіямъ? Или, можетъ быть, повтореніе и обостреніе безпорядковъ является желанной картой въ игрѣ тѣхъ, кто хотѣлъ бы не оставить камня на камнѣ въ высшей школѣ? Можетъ быть, недостаточнымъ представляется даже возвращеніе къ уставу 1884-го года, все же не все подчинившему тенденціи и сохранившему нѣкоторое мѣсто для науки? Можетъ быть, чѣмъ „мятежнѣе“ высшая школа, тѣмъ легче вытравить изъ нея всѣ „партійныя увлеченія“, кромѣ реакціонныхъ, и водворить на развалинахъ академической свободы обязательное слушаніе лекцій, продиктованныхъ учеными изъ „русскаго собранія“? Что такія стремленія существуютъ — въ этомъ трудно сомнѣваться; но еще труднѣе повѣрить въ ихъ побѣду, хотя бы мимолетную и кажущуюся. „На поприщѣ ума нельзя намъ отступать“—нельзя уже потому, что это значило бы окончательно испортить безъ того уже неблестящее международное положеніе Россіи.

Плохимъ способомъ умиротворенія высшей школы является модное въ настоящую минуту распространеніе такъ называемыхъ „академическихъ союзовъ“. Еслибы они были академическими не только по имени, еслибы ихъ задачей и лозунгомъ было погруженіе въ науку, оберегающее отъ политической злобы дня, ихъ можно было бы при-

вѣтствовать, какъ убѣжища для спокойныхъ, уравновѣшенныхъ натуръ, чуждающихся шума и волненій. Слишкомъ ясно, однако, что не таковы кружки, вдохновляемые и руководимые крайними правыми; слишкомъ очевиденъ ихъ боевой характеръ, слишкомъ бросается въ глаза ихъ односторонняя окраска. Само собою разумѣется, что консервативныя, даже реакціонныя студенческія группы имѣютъ такое же право на существованіе, какъ и всѣ остальныя. Студенчество — микрокосмъ общества: въ средѣ перваго могутъ быть представлены всѣ оттѣнки, имѣющіеся на лицо въ послѣднемъ. Этого требуетъ взаимная терпимость, безъ которой немыслима нормальная общественная жизнь. Необходимо только одно условіе: равноправность, отсутствіе привилегій, создаваемыхъ воздѣйствіемъ посторонней силы. Подобно женѣ Цезаря, студенческія организаціи не должны навлекать на себя даже подозрѣній — подозрѣній въ близости къ власти, въ пользованіи ея милостями. Въ этомъ отношеніи студенчество похоже на прессу: какъ въ той, такъ и въ другой области совершенно особое мѣсто занимаютъ оффиціозы. Оффиціозность—синонимъ заинтересованности, порождающей зависимость. Между тѣмъ, менѣе чѣмъ когда-либо зависимость умѣстна въ средѣ студенчества именно теперь, когда возбуждены умы, разгорается борьба и неопредѣленнымъ является будущее высшей школы. Пока производятся „частныя разслѣдованія", собираются „частныя справки", чрезвычайно нежелательно все дающее поводъ думать, что въ этой закулисной работѣ принимаютъ участіе студенты... Чтобы достигнуть своей цѣли и пріобрѣсти хоть какой-нибудь нравственный авторитетъ въ стѣнахъ и внѣ стѣнъ высшей школы, академическіе союзы должны оставаться на строго-академической почвѣ.

Въ напечатанной выше статьѣ г. Огнева доказана историческими примѣрами несостоятельность правоограниченій, которымъ, на основаніи дѣйствующихъ законовъ, подвергаются священнослужители и монашествующіе, добровольно сложившіе санъ или лишенные его по приговору духовнаго суда. Законопроектъ, устраняющій эти правоограниченія, принятъ былъ Государственной Думой болѣе полутора года тому назадъ, но встрѣтилъ упорное противодѣйствіе въ коммиссіи Государственнаго Совѣта. Ея докладъ, направленный къ удержанію существующаго порядка, вызвалъ особое мнѣніе одного изъ ея членовъ, протоіерея М. И. Горчакова. Смерть помѣшала ему облечь это мнѣніе въ окончательно отдѣланную форму; но и въ томъ видѣ, въ какомъ оно обнародовано теперь, оно опрокидываетъ всю аргументацію противниковъ. Покойный профессоръ, извѣстный знатокъ церковнаго права, утверждаетъ категорически

и прямо, что правоограниченія, какъ существующія, такъ и проектируемыя большинствомъ коммиссіи, „не имѣютъ ни малѣйшихъ основаній или оправданій ни въ священномъ писаніи, ни въ канонахъ вселенской церкви первыхъ девяти вѣковъ христіанства, ни въ правилахъ и практикѣ всѣхъ помѣстныхъ восточныхъ церквей всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ и настоящаго времени, ни въ исторіи законодательства и практикѣ русской церкви древней и новой Россіи до тридцатыхъ годовъ XIX-го вѣка“. Всѣ новшества, начинающіяся съ этого момента, являются дѣломъ не синода, а его оберъ-прокуроровъ, поддерживаемыхъ вліятельнымъ іерархомъ (митрополитомъ московскимъ Филаретомъ). Когда ограниченія были установлены свѣтскою властью, Синодъ (въ 1860 г.) ходатайствовалъ о ихъ отмѣнѣ. Аналогичный взглядъ былъ выраженъ имъ не дальше, какъ въ 1907-мъ году. Противъ ограниченій высказывался и Государственный Совѣтъ, пока спрашивали его мнѣнія о нихъ (въ 1832—33 гг.); они были введены безъ его участія. Прежнее правосознаніе Государственнаго Совѣта—замѣчаетъ не безъ горечи М. И. Горчаковъ — „совпадало съ правосознаніемъ Святѣйшаго Синода того времени и совпадаетъ съ правосознаніемъ Государственной Думы; но правосознаніе большинства членовъ особой коммиссіи нынѣшняго Государственнаго Совѣта совпадаетъ съ правосознаніемъ оберъ-прокурора гр. Протасова и его преемниковъ“... „Лица духовнаго званія“—читаемъ мы дальше—„такіе же граждане, какъ и граждане другихъ состояній. По исключеніи ихъ за спеціальныя религіозныя и церковныя правонарушенія они возвращаются къ первобытному состоянію, изъ котораго они вступили въ духовное званіе. Справедливость требуетъ, чтобы сила государственныхъ гражданскихъ законовъ была обращаема на нихъ въ одинаковой степени, какъ на людей другихъ состояній... Ограниченіе, какъ наказаніе—несправедливо, какъ мѣра предупредительная — недѣйствительна, какъ принудительная—неблаговидна, какъ способъ оказанія уваженія къ церкви или служебному положенію—унизительна и вредна для церкви и для дѣла, представляя угрозу и составляя чуждый духу христіанства актъ мести, двойной кары“. Въ какой степени горячія, искреннія слова покойнаго служителя церкви повліяли и повліяютъ на большинство коммиссіи и общаго собранія Государственнаго Совѣта — покажетъ время. Докладъ взятъ назадъ, для переработки; но мы не знаемъ, объясняется ли это загробнымъ голосомъ, указавшимъ вопіющіе его недостатки — или только неполнотою, которую, нѣсколько поздно, усмотрѣла въ немъ сама коммиссія (забыто было, по видимому, указаніе послѣдствій, какія должно имѣть снятіе монашескаго сана).

Все больше и больше обрисовывается особый характеръ работы Государственнаго Совѣта. Нерѣшенной остается до сихъ поръ судьба

законопроекта о старообрядцахъ, волнующаго милліоны умовъ, и не видно признаковъ готовности верхней палаты пойти по данному вопросу на встрѣчу нижней, едва ли способной пожертвовать чуть ли не единственнымъ цѣннымъ продуктомъ ея трехлѣтней дѣятельности. Обсужденіе законопроекта о мѣстномъ судѣ въ коммиссіи Государственнаго Совѣта только что началось, и когда онъ поступитъ на разсмотрѣніе общаго собранія—сказать трудно. Можно опасаться, что первая половина сессіи — если сложить со счетовъ законопроектъ объ авторскомъ правѣ, далеко не лишенный значенія, но не принадлежащій къ числу тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ обновленіе русской жизни — пройдетъ столь же безплодно, какъ и въ прошломъ году, а вторая, также по примѣру прошлаго года, будетъ отдана политической злобѣ дня, въ видѣ разныхъ окраинныхъ мѣропріятій... Еще болѣе опаснымъ, чѣмъ привычка „медленно торопиться", представляется принципіальное нерасположеніе Государственнаго Совѣта къ преобразованіямъ, идущимъ въ разрѣзъ съ преданіями недавно закончившейся эпохи. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что реформѣ мѣстнаго суда предстоитъ здѣсь такая же участь, какая постигла вѣроисповѣдные законопроекты. Большинство Государственнаго Совѣта — это оплотъ, на который твердо разсчитываетъ правое меньшинство Государственной Думы: объ этотъ rocher de bronze должны разбиться всѣ прогрессивныя начинанія, какъ бы они ни были робки и осторожны. Чрезвычайно характерна, съ этой точки зрѣнія, рѣчь, произнесенная г. Пуришкевичемъ въ засѣданіи 12-го ноября. Усматривая въ законопроектѣ о низшей школѣ—въ томъ видѣ, въ какомъ онъ проводится въ Думѣ при дѣятельномъ участіи октябристовъ (октябристовъ!), — „подтачиванье основъ русской государственности", бессарабскій депутатъ ищетъ и находитъ утѣшеніе въ томъ, что пренія Думы не имѣютъ „серьезнаго значенія". „Мы видимъ сплошь и рядомъ—восклицаетъ онъ, — особенно въ послѣдніе годы, какъ законопроекты, проходившіе въ Государственной Думѣ, подвергаются существеннѣйшимъ измѣненіямъ и оздоровленію въ Государственномъ Совѣтѣ. Я глубоко вѣрю въ то, что настоящій законопроектъ правительственный, искажаемый каждый день и каждый часъ фракціями Государственной Думы—увы, и фракціей 17-го октября,—что и этотъ законопроектъ будетъ оздоровленъ въ Государственномъ Совѣтѣ". Когда дѣло доходитъ до такихъ беззастѣнчивыхъ—и, вмѣстѣ съ тѣмъ, фактически правдоподобныхъ — заявленій, тогда становится яснымъ, что въ положеніи вещей есть какая-то глубокая аномалія, настоятельно требующая устраненія. Это, судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, начинаетъ понимать и союзъ 17-го октября, такъ долго и такъ упорно забывавшій о необходимости „сосчитаться" съ Государственнымъ Совѣтомъ.

Безспорно, такой разсчетъ представляется далеко не легкимъ — но безъ него немыслима остановка на наклонной плоскости, по которой все быстрѣе и быстрѣе катится нашъ обновленный государственный строй.

Къ наиболѣе интереснымъ сторонамъ думскихъ преній о народной школѣ—а ихъ немало—мы возвратимся тогда, когда въ Думѣ будетъ закончено обсужденіе этого законопроекта.

ПИСЬМО ИЗЪ ЛИССАБОНА

I.

Огромная бѣло-голубая зала съ высокими сводами и лѣпнымъ потолкомъ. Огромнѣйшій столъ, весь заваленный разбросанными въ безпорядкѣ бумагами, величественное, похожее на тронъ, мрачное кресло и въ немъ маленькій, сѣденькій старичокъ-профессоръ съ забавно взъерошеннымъ хохолкомъ и добрыми, умными глазами. Это первый президентъ Португальской республики—Теофиль Брага, философъ, ученый и поэтъ.

Онъ сидитъ передо мной за тѣмъ же самымъ столомъ, за которымъ два года тому назадъ всемогущій диктаторъ Франко подписывалъ декреты объ арестахъ и ссылкахъ республиканцевъ и создавалъ „исключительные законы" для окончательнаго порабощенія страны—и тихимъ, мечтательнымъ голосомъ разсказываетъ мнѣ, что̀ намѣрено теперь сдѣлать временное правительство для своего народа.

— Главная наша задача—это прежде всего поднять культурный и экономическій уровень народныхъ массъ. Крестьянство наше въ большинствѣ безграмотно: 80% не умѣютъ ни читать, ни писать... Землю обрабатываютъ тѣми же способами, какъ при финикіянахъ или во времена нашествія мавровъ. Нищета, голодъ, невѣжество... Наши предшественники нарочно держали Португалію въ темнотѣ для своихъ эгоистическихъ цѣлей, ибо, по справедливому замѣчанію Ферри, „не школы нужно раньше имѣть для того, чтобы создать республику, а республику, для того, чтобы имѣть возможность создать школы!"

— Сеньоръ Теофиль — съ почтительной фамильярностью переби-

ваетъ президента какой-то подошедшій сзади демократическаго вида молодой человѣкъ—вотъ тутъ бумагу надо подписать...

Президентъ извиняется передо мной и, надѣвъ очки, углубляется въ чтеніе. Морщинистое лицо его становится внимательнымъ и серьезнымъ. Сѣдыя брови напряженно хмурятся.

Я смотрю на него, смотрю на окружающую обстановку, и мнѣ кажется невольно, что я присутствую сейчасъ при переѣздѣ новыхъ жильцовъ на покинутую старыми квартиру. Тотъ же безпорядокъ, который обыкновенно бываетъ при переборкѣ, такъ же все разбросано и перевернуто вверхъ дномъ, такая же атмосфера дѣловитой суетни и неопредѣленнаго ожиданія.

Входятъ и выходятъ съ озабоченными физіономіями самые разнообразные люди, такъ странно не гармонирующіе своими демократическими пиджаками съ величавой важностью этой пустынной и аристократической залы. Гдѣ-то хлопаютъ двери; гулко звучатъ подъ высокими сводами торопливые шаги. Потомъ все снова затихаетъ и только слышно, какъ скрипятъ перьями шестеро секретарей президента, изъ вчерашнихъ „враговъ существующаго режима“ попавшіе сегодня прямо въ министерскій кабинетъ. Дѣла много, очень много, и они работаютъ не отрываясь.

И странно также мнѣ видѣть здѣсь этого милаго, симпатичнаго старика, крохотной, точно дѣтской ручкой подписывающаго сейчасъ, быть-можетъ, какой-нибудь „государственный декретъ“ или „правительственное распоряженіе“... Сколько труда, лишеній, разочарованій, мгновенныхъ радостей и разбитыхъ надеждъ пришлось ему перенести за весь свой долгій жизненный путь прежде чѣмъ увидѣть на склонѣ лѣтъ возможность осуществленія своихъ далекихъ идеаловъ!

Со студенческой скамьи Теофиль Брага отдалъ себя на служеніе португальскому народу. Одинъ изъ членовъ знаменитой „коимбрской группы“, давшей первый идейный толчокъ пробужденію общественнаго сознанія въ Португаліи, Теофиль Брага, сначала бѣдный, борющійся съ нуждою и голодомъ студентъ, читаетъ рефераты, переводитъ иностранныхъ философовъ и ученыхъ на португальскій языкъ, а потомъ, получивъ наконецъ профессорскую каѳедру, издаетъ свой капитальный трудъ, въ 32 томахъ—„Исторію Португальской литературы“. Этотъ трудъ сразу же создаетъ ему извѣстное даже за предѣлами Португаліи имя. Но Брага не ищетъ популярности: онъ живетъ замкнуто и одиноко, зарывшись въ книги, въ тиши своего ученаго кабинета. Онъ пишетъ также повѣсти, романы, стихотворенія, изъ которыхъ большая философская поэма—„Эпопея человѣчества“—ставитъ его въ первые ряды португальскихъ литературныхъ свѣтилъ.

Ни научныя, ни литературныя занятія не мѣшаютъ ему въ то же

время отдаваться непосредственной пропагандѣ идей республиканской партіи, къ которой онъ примкнулъ съ самаго ея основанія. Его преслѣдуютъ, ссылаютъ; въ послѣдніе годы онъ, какъ и многіе изъ лучшихъ и искреннѣйшихъ португальскихъ патріотовъ, принужденъ жить въ изгнаніи—но ничто не можетъ поколебать его душевной бодрости, его горячей вѣры въ окончательное торжество воодушевляющихъ его идеаловъ...

Теофиль Брага оканчиваетъ чтеніе.

— Да!..—какъ бы угадывая мои мысли, продолжаетъ онъ, и застѣнчивая усмѣшка мелькаетъ на его добрыхъ и морщинистыхъ губахъ:—вотъ ужъ не думалъ я, что стану когда-нибудь президентомъ республики... Да и республики-то не надѣялся дождаться! А между тѣмъ...

Онъ разводитъ руками съ такимъ видомъ, точно я долженъ извинить его за то что онъ дождался наконецъ республики и даже сталъ ея президентомъ!

И снова онъ разсказываетъ мнѣ своимъ тихимъ, неторопливымъ голосомъ, какъ боролся за свободу португальскій народъ, какъ долго и мучительно тянулись безпросвѣтныя сумерки реакціи и все ближе и упорнѣе подходила къ Португаліи черная ночь.

— Они насъ вели къ гибели... Мы, какъ нація, готовились уже исчезнуть. Все смѣлое, честное, искреннее было задушено; всему правдивому было велѣно молчать... Сила, грубая, безсмысленная сила давила насъ и мы не могли уже и устали съ ней бороться! — „Все кончено!“ — въ порывѣ безнадежнаго отчаянія воскликнулъ однажды нашъ знаменитый поэтъ Александръ Геркулано.—„Спи спокойно, португальскій народъ!—ты никогда - уже больше не проснешься...“ Но Александръ Геркулано былъ неправъ!..

Теофиль Брага неожиданно выпрямляется въ креслѣ и поднимаетъ свою сѣдую голову. Горделивыя искры загораются въ его черныхъ, блестящихъ глазахъ.

— Онъ проснулся наконецъ, такъ долго спавшій португальскій народъ, и это мы... мы его разбудили!..

Но тутъ старый президентъ только что народившейся республики какъ будто конфузится своего юношескаго порыва: снова предо мной уже не гнѣвный народный трибунъ, а прежній милый и славный старичокъ-профессоръ. Онъ сидитъ въ величественномъ креслѣ „злого генія Португаліи“, диктатора Франко, и разсказываетъ мнѣ, сейчасъ единственному его слушателю, о происхожденіи и развитіи португальской революціи, какъ нѣкогда разсказывалъ съ университетской каѳедры своимъ безчисленнымъ ученикамъ о происхожденіи и развитіи португальской литературы...

На прощанье я прошу у него разрѣшенія посѣтить покинутый королевскій дворецъ, который сейчасъ охраняется войсками.

Теофиль Брага озабоченно морщитъ брови.

— Надо, знаете ли, объ этомъ поговорить съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Онъ вѣдаетъ теперь разрѣшенія... Впрочемъ, я могу попросить кого-нибудь къ нему сходить... Это вѣдь тутъ же рядомъ, всего черезъ двѣ-три комнаты.

Онъ оглядывается на своихъ многочисленныхъ секретарей. Тѣ усердно пишутъ, не поднимая головы. Одинъ только изъ нихъ, юноша съ безукоризненнымъ проборомъ, стоитъ у окна, погруженный въ чтеніе сегодняшняго „O Mundo“. Онъ, должно быть, и есть тотъ самый, котораго можно „попросить“.

Но старому профессору, повидимому, неловко отрывать человѣка отъ газеты.

— Подождите... я сейчасъ! — кротко говоритъ онъ мнѣ, и старчески-бодрой походкой сѣменитъ черезъ всю пустынно бѣлѣющую залу. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвращаетси, слегка запыхавшись:

— Вотъ разрѣшеніе!.. Досталъ...

Я, молча, крѣпко жму ему руку и выхожу въ коридоръ. Хочется улыбнуться и въ то же время какъ-то радостно и свѣтло на душѣ...

Да!.. Португалія дѣйствительно можетъ сказать, что имѣетъ „демократическаго“ президента!

Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ декорація уже совсѣмъ другая. Тамъ, въ уютныхъ и роскошно обставленныхъ салонахъ, толпятся господа съ блестящими цилиндрами въ рукахъ; величественные швейцары неподвижно замерли у дверей и элегантнѣйшіе секретари безшумно скользятъ съ любезными улыбками по темному, только-что вылощенному паркету.

— Господинъ министръ проситъ немного обождать!

„Господинъ министръ“—это Бернардино Мачадо.

Хотя вся демократическая Португалія и зоветъ его „дѣдушкой португальской революціи“, однако къ республиканцамъ онъ примкнулъ сравнительно недавно.

Въ одинъ зимній вечеръ 1903-го года въ республиканскій комитетъ Лиссабона пришелъ маленькій, похожій на гнома, крѣпкій старикъ съ сѣдой бородой и густыми черными бровями, и скромно заявилъ, что хотѣлъ бы поступить въ число членовъ партіи „на общихъ основаніяхъ“. Старикъ этотъ былъ десять лѣтъ тому назадъ самымъ выдающимся политическимъ дѣятелемъ въ либеральномъ министерствѣ Гинтце Рибейро, работалъ вмѣстѣ съ Франко, тогда еще не военнымъ диктаторомъ, а просто министромъ внутреннихъ дѣлъ, и, убѣдившись, что либеральной монархіи въ Португаліи больше не су-

ществуетъ, возвратилъ Гинтце Рибейро свой министерскій портфель.

— Разъ я не могу выполнить тѣ реформы, которыя я считаю необходимыми для блага народа—что же я буду еще дѣлать среди васъ?

И вслѣдъ за этимъ Бернардино Мачадо покинулъ ряды монархической партіи.

Политическая карьера его была добровольно разбита. Мачадо удалился въ частную жизнь, отдался весь вопросамъ народнаго образованія, по которымъ написалъ рядъ замѣчательныхъ трудовъ, а также своимъ научнымъ занятіямъ, ибо снова сталъ профессоромъ антропологіи въ коимбрскомъ университетѣ. Но за эти десять лѣтъ, проведенныхъ внѣ политической борьбы, въ его душѣ постепенно тускнѣли старые идеалы, прежніе кумиры рушились одинъ за другимъ—и недавній искренній монархистъ превратился мало-по-малу въ искренняго республиканца.

Къ концу этого періода относится рядъ студенческихъ волненій въ Коимбрѣ по поводу недопущенія одного студента къ докторскому экзамену „за превратный образъ мыслей“. Популярнѣйшій профессоръ и бывшій министръ немедленно встаетъ на сторону молодежи. Въ результатѣ--волненія усмирены, „зачинщики“ арестованы, а гордость коимбрскаго университета, Бернардино Мачадо, теряетъ каѳедру „за поощреніе безпорядковъ“.

Дальнѣйшая его карьера уже въ качествѣ республиканца—это непрерывные годы лишеній и борьбы, правительственныхъ преслѣдованій и все возрастающей популярности въ народныхъ массахъ.

„Идти съ Бернардино Мачадо по улицамъ Лиссабона—писалъ три года тому назадъ одинъ испанскій журналистъ—это значитъ быть свидѣтелемъ какого-то тріумфальнаго шествія. Передъ Мачадо обнажаютъ головы рѣшительно всѣ: извозчики, служащіе, торговцы рыбой, изящные господа... Ему приходится жать руки направо и налѣво, останавливаться чуть ли не на каждомъ шагу, чтобы перекинуться двумя, тремя словами съ знакомыми и друзьями... Я уже не говорю о фотографическихъ карточкахъ, бюстахъ, медаляхъ и т. д.—ими пестрятъ всѣ лиссабонскія витрины“...

И теперь, послѣ революціи, когда случайно приходится встрѣчаться на улицѣ съ ѣдущимъ въ автомобилѣ или просто демократически шагающимъ по тротуару министромъ иностранныхъ дѣлъ, восторженныя „viva!“ отовсюду сбѣгающейся толпы гремятъ не переставая.

На долю Мачадо выпала трудная задача провести государственный корабль молодой республики черезъ всѣ тайныя и явныя мели международной дипломатіи, завязать сношенія съ Европой, добиться, на-

конецъ, оффиціальнаго признанія ею совершившагося въ Португаліи переворота. Поэтому въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ все такъ непохоже на скромную, по-домашнему и на скорую руку налаженную „Presidencia". Тамъ—у себя дома, между своими, которые не осудятъ; здѣсь—все время толкутся и наблюдаютъ чужіе, наѣзжіе люди, и нужно имъ показать, что Португалія хотя и совсѣмъ рядомъ съ Африкой, а всетаки Европа!

Самъ Бернардино Мачадо, въ своемъ элегантномъ сюртукѣ, съ сѣдой подстриженной бородкой, тоже скорѣе приближается къ типу „его высокопревосходительства", чѣмъ скромный и застѣнчивый глава португальской республики Теофиль Брага. Это въ полномъ смыслѣ слова европейскій политическій дѣятель и „настоящій", представительный и ловкій дипломатъ. Онъ владѣетъ словомъ съ привычнымъ краснорѣчіемъ трибуна, но въ настоящій моментъ замѣтно, что онъ больше слѣдитъ за впечатлѣніемъ, какое производятъ на слушателя его мѣткія сравненія, чѣмъ за искренностью и непосредственностью ихъ содержанія. Мастерскими, яркими штрихами онъ набрасываетъ общіе контуры недавняго прошлаго, осторожно касается настоящаго и, переходя въ непосредственное будущее, говоритъ долго и горячо.

Но я выхожу изъ его кабинета безъ того чувства теплоты на душѣ, съ какимъ я простился съ старымъ президентомъ. „Его высокопревосходительство" любезно провожаетъ меня до дверей.

Въ пріемной—густо-чернѣющая и глухо жужжащая интернаціональная толпа. Высокій, бритый англичанинъ, съ оловянными глазами и блестящимъ цилиндромъ въ рукахъ, выжидательно поднимается съ кресла при нашемъ появленіи. Это—корреспондентъ одного изъ важнѣйшихъ лондонскихъ изданій. Отъ Англіи другія державы ждутъ, чтобы она сдѣлала первый шагъ къ признанію новаго португальскаго режима. Сейчасъ очередь за англичаниномъ.

— Позвольте... будьте добры!..—слышится изъ толпы взволнованный голосъ. Какой-то кругленькій господинъ, въ обвисшихъ на колѣняхъ клѣтчатыхъ брюкахъ и потертомъ пиджакѣ, проталкивается впередъ и неожиданно бросается въ объятія Мачадо.

— Извините—съ поблѣднѣвшимъ лицомъ говоритъ „первый дипломатъ Португаліи" англійскому корреспонденту—я долженъ попросить васъ немного обождать...

И онъ скрывается съ вновь прибывшимъ за дверями.

— Кто это?.. кто это?..—съ интересомъ спрашиваютъ вокругъ.

— Человѣкъ, который только что вышелъ изъ тюрьмы!—на плохомъ французскомъ языкѣ, но изящно наклоняя свою курчавую голову, удовлетворяетъ всеобщую любознательность элегантнѣйшій секретарь Мачадо.

Министра юстиціи Альфонсо Коста я засталъ послѣ проведенной имъ безсонной ночи. Въ десять часовъ вечера былъ арестованъ лиссабонскій патріархъ, кардиналъ Нетто, съ нѣсколькими іезуитами. Съ трехъ часовъ до семи утра длился допросъ арестованныхъ, послѣ чего они были отпущены на свободу, съ обязательствомъ немедленно покинуть Португалію. Съ 8 до 10 министръ допрашивалъ арестованныхъ монахинь, которымъ тоже было предложено собираться въ путь.

А съ 10 часовъ онъ уже былъ въ своемъ министерствѣ, принимая просителей и иностранныхъ журналистовъ. На его энергичномъ, смугломъ лицѣ „африканскаго типа" не было замѣтно никакого утомленія.

— Буду принимать до шести—съ улыбкой отвѣтилъ онъ мнѣ на мое изумленіе—а въ шесть у насъ совѣтъ министровъ. Раньше полу ночи навѣрное не освобожусь... Вотъ только бы успѣть пообѣдать!..

Альфонсо Коста—душа португальской революціи. Блестящій ораторъ, европейски образованный человѣкъ, онъ выдвинулся еще будучи профессоромъ юридическаго факультета въ Коимбрѣ. Когда же ему пришлось оставить каѳедру, изъ-за политическихъ убѣжденій, подъ давленіемъ правительственной реакціи—онъ всецѣло посвятилъ себя республиканской партіи и ея борьбѣ. Популярность Коста—громадная во всей Португаліи. Съ ней можетъ развѣ только сравниться популярность другого народнаго трибуна—Бернардино Мачадо.

Но по своему темпераменту и характеру эти два человѣка—полная противоположность. Альфонсо Коста — рѣшительный практикъ-революціонеръ, сторонникъ заговорщицкой тактики и уличныхъ выступленій. Бернардино Мачадо — спокойный, выдержанный и разсчетливый кабинетный теоретикъ, который больше вѣритъ въ историческую эволюцію, чѣмъ въ революціонные скачки. Но оба одинаково преданы республиканской идеѣ, оба искренно боролись за нее, терпѣли нужду, лишенія, преслѣдованія, изгнанье—и оба теперь одинаково честно и смѣло будутъ проводить свои идеалы въ жизнь послѣ одержанной блестящей побѣды.

Въ разговорѣ со мной министръ коснулся только что изданнаго правительственнаго декрета объ изгнаніи іезуитовъ.

— Мы рѣшили покончить съ такъ называемымъ „клерикальнымъ вопросомъ" разъ навсегда. Вотъ сейчасъ, напримѣръ, я только что пришелъ сюда послѣ допроса арестованныхъ монаховъ и монахинь. Еслибы знали вы, сколько грязи, лжи, хитростей, всяческихъ изворотовъ и лукавства пришлось мнѣ выслушать за эту ночь! Глубокое отвращеніе поднимается у меня на душѣ по отношенію къ этимъ людямъ... Нѣтъ, чѣмъ скорѣе Португалія будетъ избавлена отъ нихъ— тѣмъ будетъ лучше! Нашъ народъ и безъ того ужъ слишкомъ долго

былъ подъ ихъ растлѣвающимъ вліяніемъ. Маркизъ Помбаль выгналъ всю эту публику изъ Португаліи еще въ 1759-мъ году, съ запрещеньемъ когда бы то ни было вступить на португальскую почву. Декретомъ 1834-го года во всей странѣ были закрыты монастыри—а между тѣмъ іезуиты и всяческіе монахи продолжали кишмя кишѣть всегда и всюду, подъ видомъ „религіозныхъ братствъ", обществъ „Родина и вѣра" и т. д. Наша монархія 18-го апрѣля 1901-го года оффиціально узаконила ихъ существованіе въ Португаліи, подъ условіемъ, чтобы они „посвятили себя дѣламъ благотворительности и воспитанію дѣтей"... И насъ схватили за горло и начали душить. Клерикальная реакція проползла во всѣ отверстія и щели: она господствовала въ королевскомъ дворцѣ, она распоряжалась дѣлами страны въ министерствахъ; съ нею можно было столкнуться рѣшительно во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, начиная съ банковъ и кончая народными школами. Судьи, министры, чиновники, профессора—всѣ были только послушными орудіями въ ея рукахъ. Республика должна все это уничтожить... Бѣлое духовенство, разумѣется, будетъ оставлено на своихъ мѣстахъ, ибо мы боремся не противъ религіи, а только противъ клерикализма. Монахамъ же и монахинямъ мы предложимъ на выборъ: кто хочетъ остаться въ Португаліи въ качествѣ частнаго лица, тотъ пусть остается и живетъ какъ хочетъ. Кто же предпочитаетъ монашеское dolce far niente, тотъ будетъ высланъ за границу навсегда. Имущество монастырей конфискуется государствомъ. Въ зданіяхъ ихъ будутъ устроены народныя школы и вообще всякаго рода просвѣтительныя учрежденія. Вопросъ объ отдѣленіи церкви отъ государства уже поставленъ на очередь и будетъ скоро рѣшенъ...

Выходя отъ Альфонса Коста, я натолкнулся на только что приклеенное на стѣнѣ свѣжее объявленіе:

„Временное правительство португальской республики.

Отечество и свобода".

Въ виду распространившихся слуховъ, что преслѣдуемые монахи находятъ себѣ убѣжище въ домахъ частныхъ лицъ, правительство приглашаетъ гражданъ отнюдь не принимать на себя никакой личной инціативы для розысковъ ихъ и т. д. Жилище каждаго гражданина должно быть неприкосновеннымъ, а потому...

Густая толпа, показавшаяся на углу сосѣдней улицы, отвлекла мое вниманіе отъ объявленія. Это вели только что арестованныхъ іезуитовъ послѣ оказаннаго ими вооруженнаго сопротивленія. Почтенные патеры, съ смиренными лицами и злобно сжатыми губами, быстро шагали подъ конвоемъ отряда матросовъ и солдатъ. Ихъ было около

тридцати—всѣ черные, тощіе, похожіе на хищныхъ птицъ, которымъ неожиданно обрѣзали крылья.

Но ни одного ироническаго или оскорбительнаго восклицанія не раздалось по ихъ адресу изъ рядовъ пестрой и многочисленной публики, съ любопытствомъ тѣснившейся на тротуарахъ.

Народъ-побѣдитель встрѣтилъ и проводилъ побѣжденныхъ и униженныхъ враговъ въ холодномъ, пренебрежительномъ молчаньѣ.

II.

Португальская „corrida" (бой быковъ) значительно отличается отъ испанской: во-первыхъ, мягкосердечные португальцы никогда не убиваютъ животное, а только дразнятъ его красными плащами и раздражаютъ, втыкая ему въ шею стрѣлы—бандерильи. А во-вторыхъ, и самъ быкъ никого убить не можетъ, такъ какъ на рогахъ у него надѣты огромные пробковые шары.

Я пошелъ на эту корриду потому, что она значилась на афишахъ „первой послѣ революціи", и еще потому, что на ней долженъ былъ присутствовать Мачадо досъ Сантосъ, герой только что происшедшаго возстанія.

Огромный амфитеатръ, разсчитанный на двадцать тысячъ человѣкъ, полонъ оживленно волнующейся толпою. Ложи и привилегированныя мѣста блистаютъ роскошными дамскими туалетами. На скамьяхъ для дешевой публики пестрѣютъ и переливаются яркими, неожиданными въ своихъ сочетаньяхъ красками шали и разноцвѣтные костюмы женщинъ изъ простонародья. Много крестьянъ изъ провинціи, въ широкихъ черныхъ шляпахъ и живописныхъ короткихъ курткахъ съ зелеными, желтыми и красными поясами. Синее небо кажется совсѣмъ близко надъ ареной — привѣтливое, смѣющееся... Сіяетъ ослѣпительное осеннее солнце; густыя, черныя тѣни лежатъ неподвижно на бѣломъ пескѣ.

Къ сожалѣнію, португальской народной музыки нѣтъ. Для особо торжественныхъ случаевъ музыку приходится заимствовать у испанцевъ. И сейчасъ два военныхъ оркестра поочередно играютъ на своихъ эстрадахъ различные испанскіе мотивы. Пламенныя аррагонскія „хоты", страстныя, полныя мечтательной грусти „малагеньи" звучатъ одна за другой, пробуждая въ душѣ настроеніе смутной и неопредѣленно-задумчивой тревоги...

Наконецъ наступаетъ моментъ появленія „квадрильи". Эффектная группа участниковъ боя, сверкающихъ золотомъ и блестками, выходитъ и располагается на аренѣ. Выпускаютъ быка.

Но толпа невнимательно слѣдитъ сегодня за этимъ дикимъ и красивымъ зрѣлищемъ. Едва-едва только апплодируютъ какой-нибудь ужъ особенно отчаянной выходкѣ тореадора. Его смѣлые, ловкіе жесты, которые въ другое время вызвали бы цѣлую бурю рукоплесканій, остаются почти незамѣченными. Всѣ точно чего-то ждутъ.

— Viva!...—внезапно раздается оглушительный крикъ съ верхнихъ рядовъ амфитеатра, гдѣ чернѣетъ сплошной массой демократическая публика. Всѣ поспѣшно и торопливо вскакиваютъ со своихъ мѣстъ—на арену уже больше никто не смотритъ. Оба оркестра сразу, точно по уговору, начинаютъ играть „Portugeza", революціонный маршъ, и все вокругъ смѣшивается въ общемъ многотысячномъ и восторженно гремящемъ:

— Да здравствуетъ Мачадо Сантосъ!...

Маленькій, худощавый человѣкъ, въ очкахъ и длинномъ, форменномъ сюртукѣ, стоитъ въ дверяхъ на порогѣ, растерянный, смущенный, видимо не зная—что ему сейчасъ дѣлать? Наконецъ онъ догадывается и неловкимъ движеніемъ прикладываетъ руку къ козырьку.

— Я буду бороться съ этимъ быкомъ въ честь нашего героя Мачадо Сантоса!—провозглашаетъ на аренѣ тореадоръ, когда все понемногу успокаивается.

Снова громъ апплодисментовъ—и опять двадцати-тысячная толпа стоитъ на ногахъ и машетъ шляпами и платками, обернувшись въ сторону Мачадо, который тѣмъ же неловкимъ и застѣнчивымъ движеньемъ отдаетъ честь и садится.

Бой продолжается.

Но публика по прежнему неспокойна. То и дѣло слышится глухой шумъ, отдѣльные выкрики; на арену снова никто не обращаетъ вниманія, хотя тамъ несчастный тореадоръ старается изо всѣхъ силъ.

Неожиданно человѣкъ около двухъ-сотъ наиболѣе экспансивныхъ зрителей, въ числѣ которыхъ есть и крестьянскія куртки, и модные рединготы, широкополыя, фантастическія шляпы и ультра-шикарные котелки, нестройной и бурной лавиной спускаются по скамейкамъ амфитеатра, громко крича и размахивая руками. Остальная толпа тоже поднимается и, обернувшись къ Мачадо Сантосу, продолжаетъ настойчиво выкрикивать что-то, чего за общимъ шумомъ невозможно разобрать. Между тѣмъ первая группа уже завладѣла героемъ революціи и, посадивъ его на плечи, куда-то уноситъ подъ общія восторженныя рукоплесканія.

— Въ чемъ дѣло?—рѣшаюсь я наконецъ обратиться за разъясненіемъ къ своему ближайшему сосѣду, добродушнаго вида толстяку. Но тотъ апплодируетъ и кричитъ свое „viva!" съ такимъ ожесточеніемъ, что ничего не слышитъ и не понимаетъ.

— Народъ требуетъ, чтобы Мачадо Сантосъ показался ему изъ королевской ложи — приходитъ мнѣ на помощь какая-то пожилая дама;—его сейчасъ туда принесутъ...

Черезъ нѣсколько секундъ маленькій чиновникъ изъ канцеляріи морского министерства дѣйствительно появляется около обитаго краснымъ бархатомъ величественнаго барьера, изъ-за котораго еще въ прошлую корриду раскланивался съ публикой король Мануэль.

Онъ стоитъ прямо и неподвижно, точно во снѣ; некрасивое, мужественное лицо его мертвенно блѣдно, близорукіе глаза смотрятъ черезъ очки куда-то поверхъ головъ бѣснующейся внизу толпы далекимъ, невидящимъ взглядомъ...

— Да здравствуетъ Мачадо!—сливается тысячеголосый крикъ съ рукоплесканьями и громомъ двухъ играющихъ революціонный гимнъ военныхъ оркестровъ.

Мачадо Сантосъ дѣлаетъ рукой знакъ, что хочетъ говорить. Мгновенье—и все умолкаетъ, точно по мановенію волшебнаго жезла. Становится такъ тихо, что слышно, какъ далеко въ городѣ звенитъ пробѣгающій гдѣ-то электрическій трамвай.

— Да здравствуетъ наша португальская республика!—отчетливымъ и твердымъ голосомъ произноситъ вчера еще никому невѣдомый канцеляристъ, перегибаясь черезъ бархатный барьеръ королевской ложи,

— Да здравствуетъ португальскій народъ!... Да здравствуетъ...

Крупныя слезы внезапно текутъ у него по щекамъ изъ-подъ очковъ; онъ задыхается отъ волненія и умолкаетъ, поспѣшно закрывъ лицо руками.

— Viva!...—гремитъ со всѣхъ сторонъ, и снова торжественные, полные тоскливой грусти звуки революціоннаго гимна широкой волной разливаются среди апплодисментовъ двадцати-тысячной, неистово кричащей толпы.

И невольно мнѣ вспоминаются простыя и героическія слова этого плачущаго сейчасъ отъ волненія человѣка, которыя онъ сказалъ тамъ, на площади Ротонды, въ ночь на четвертое октября, своему смутившемуся передъ неизвѣстностью отряду:

— Если вы даже всѣ уйдете отсюда—я останусь!..

Эти слова рѣшили участь португальской революціи.

— Что хотите вы, чтобы мы сдѣлали для васъ?—обратились къ нему на другой день послѣ побѣды члены временнаго правительства.

— Обезпечьте, пожалуйста, семьи убитыхъ на баррикадахъ и наградите, если возможно, тѣхъ, кто дрался вмѣстѣ со мной...

— Но для васъ... для васъ лично чего бы вы хотѣли?

— То, чего я хотѣлъ давно—я теперь уже имѣю: республику! Больше мнѣ ничего не нужно...

И Мачадо Сантосъ по прежнему остался маленькимъ чиновникомъ въ канцеляріи морского министерства.

...Безмолвная толпа тѣснится около высокихъ и мрачныхъ дверей. Въ огромной прихожей съ каменными сводами, на покрытыхъ чернымъ сукномъ столахъ лежатъ безчисленные листы бумаги. Каждый входящій расписывается на одномъ изъ нихъ и потомъ поднимается вверхъ по лѣстницѣ, убранной республиканскими флагами, обвязанными траурнымъ крепомъ.

Это—старинный португальскій обычай выражать свое уваженіе памяти покойнаго, оставляя свою подпись на особомъ листѣ, который потомъ будетъ храниться у родныхъ. Но памятные листы этихъ двухъ покойниковъ, съ тысячами и тысячами подписей, будетъ хранить у себя португальскій народъ...

Ни докторъ Бомбардо, ни вице-адмиралъ Кандидо досъ Рейсъ не были для широкихъ народныхъ массъ какими-нибудь отвлеченными, далекими дѣятелями революціи. Напротивъ—они все время находились въ самой гущѣ демократическихъ низовъ, въ самомъ центрѣ чисто рабочаго и крестьянскаго движенія. Блестящій вице-адмиралъ, независимый и богатый, Кандидо досъ Рейсъ самъ лично руководилъ подготовленіемъ вооруженнаго возстанія среди солдатъ и матросовъ. Еще три мѣсяца тому назадъ онъ объѣхалъ всѣ португальскія провинціи, дѣлая смотръ республиканскимъ силамъ. Полиція гналась за нимъ по пятамъ, имѣя смутныя свѣдѣнія, что какой-то „специальный комиссаръ ѣдетъ въ Опорто съ специальнымъ порученіемъ изъ Лиссабона“... Но никому и въ голову не приходило, что одинъ изъ высшихъ военно-морскихъ авторитетовъ Португаліи и разыскиваемый полиціей революціонный делегатъ—одно и то же лицо! Объ этомъ зналъ только португальскій народъ, такъ какъ онъ почти in corpore принималъ участіе въ республиканскихъ организаціяхъ; но этого не знало и не могло даже подозрѣвать португальское правительство, такъ какъ оно давно уже отгородило себя непроницаемой стѣной отъ своего народа...

Знаменитый аліенистъ, модный врачъ, визиты котораго цѣнились на вѣсъ золота, директоръ клиническаго госпиталя Мигуэль Бомбардо поздно вечеромъ, когда кончались его занятія и пріемы больныхъ, уходилъ, переодѣтый, въ рабочіе кварталы Лиссабона и тамъ, съ обычнымъ своимъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, рисовалъ передъ демократическими членами „приходовъ“ и „кружковъ“ перспективы обновленной Португаліи. Популярность его въ народныхъ массахъ была такъ велика, что не нашлось предателя, чтобы установить тожде-

ство лиссабонскаго медицинскаго свѣтила съ „неизвѣстнымъ“, который, оставаясь все время неуловимымъ для политической полиціи, каждый вечеръ неизмѣнно выступалъ то на одномъ, то на другомъ изъ тайныхъ рабочихъ собраній. А на нихъ, по свѣдѣніямъ правительства Тексейра де Суза, трактовались шансы и способы государственнаго переворота.

Теперь, когда этотъ переворотъ сталъ уже совершившимся фактомъ, два человѣка, такъ много сдѣлавшіе для него, лежатъ неподвижно, рядомъ, на высокомъ помостѣ, окруженномъ республиканскими флагами и цвѣтами. Оба гроба покрыты зелено-красными покрывалами. На гробѣ Кандидо досъ Рейсъ—его адмиральская трехуголка и шпага. Четыре матроса съ ружьями въ рукахъ стоятъ по угламъ помоста въ почетномъ караулѣ.

Въ этой темной и мрачной залѣ городского муниципалитета двѣ недѣли тому назадъ была провозглашена португальская республика; сегодня новые португальскіе граждане идутъ проститься съ тѣлами ея двухъ первыхъ жертвъ. Идутъ сотнями, тысячами быть можетъ, одинъ за другимъ, въ глубокомъ, торжественномъ молчаніи... Проходятъ съ опущенными головами бѣдно одѣтые и неуклюже ступающіе по скользкому паркету обитатели рабочихъ предмѣстій Лиссабона; за ними пожилой господинъ въ золотыхъ очкахъ ведетъ за руку разряженную, какъ куклу, дѣвочку семи-восьми лѣтъ. Дальше виднѣется группа солдатъ и матросовъ, пришедшая поклониться праху своего „краснаго адмирала“. Тамъ—бѣдно одѣтыя женщины, нарядныя дамы, делегаты студентовъ коимбрскаго университета, въ характерныхъ беретахъ и средневѣковыхъ плащахъ. Въ дверяхъ толпятся спеціально пріѣхавшіе проститься съ Бомбардо и досъ Рейсомъ крестьяне. Почти вся Португалія, въ лицѣ своихъ представителей, проходитъ здѣсь, передъ этими двумя гробами, и весь безъ исключенія Лиссабонъ...

Я медленно спускаюсь внизъ вмѣстѣ съ возвращающейся толпой. Навстрѣчу намъ непрерывно движется чернѣющая людская масса. Въ прихожей по прежнему только что пришедшіе расписываются на печальныхъ листахъ. Какой-то крестьянинъ, съ темнымъ, морщинистымъ лицомъ и въ широкой шляпѣ, внимательно и напряженно смотритъ, перегнувшись черезъ плечо сидящаго за столомъ муниципальнаго чиновника, какъ тотъ подписываетъ за него его имя. Потомъ онъ киваетъ ему въ знакъ благодарности головой и, осторожно снявъ шляпу, начинаетъ подниматься.

Я выхожу на площадь. Она вся полна народомъ: одни только что вышли изъ зданія муниципалитета, другіе туда идутъ. Безоблачное небо прозрачно и недосягаемо синѣетъ въ вышинѣ. Жизнь, суетливая, безпокойная въ своей ежедневной тревогѣ, шумитъ и

льется пестрыми ручейками по залитымъ мягкимъ осеннимъ солнцемъ улицамъ Лиссабона. Но что-то новое, еще невѣдомое смутно чудится въ ней.

Къ старому прошлому здѣсь теперь нѣтъ и не можетъ быть возврата!..

А. Деренталь.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ТУРЦІИ

Говоря о народномъ образованіи въ Турціи, мы будемъ касаться исключительно мусульманскаго населенія страны; наши свѣдѣнія не распространяются ни на иностранныя школы, ни на школы турецкихъ христіанъ. Послѣднія, въ силу продолжающихъ еще существовать въ Турціи капитуляцій и привилегій, находятся въ исключительномъ положеніи; онѣ существуютъ совершенно самостоятельно, пользуясь полною независимостью. Множество учебныхъ заведеній, основанныхъ миссіонерами разныхъ исповѣданій, какъ въ Константинополѣ, такъ и во всѣхъ болѣе или менѣе населенныхъ центрахъ Турціи, находятся подъ покровительствомъ дипломатическихъ миссій. Учебныя заведенія турецкихъ христіанъ—греческія, армянскія, болгарскія, сербскія школы — совершенно не знаютъ, что значитъ правительственный контроль. Всѣ эти учебныя заведенія не обязаны въ своей внутренней организаціи или системѣ преподаванія придерживаться хотя бы нормальнаго устава, и власть народныхъ инспекторовъ на нихъ не распространяется.

Особую категорію школъ составляютъ, далѣе, военныя учебныя заведенія, служащія въ Турціи чуть ли не самымъ серьезнымъ элементомъ народнаго образованія. Они открыты для всѣхъ, безъ различія положенія и происхожденія,—и такъ какъ они обладаютъ низшими подготовительными отдѣленіями, то привлекаютъ массу дѣтей не потому только, что турки любятъ военное ремесло, а потому главнымъ образомъ, что военныя училища организованы и поставлены лучше всѣхъ другихъ турецкихъ школъ. Въ военныхъ училищахъ преобладаетъ нѣмецкая система обученія, тогда какъ гражданскія турецкія школы, какъ по постановкѣ, такъ и по организаціи, скопированы съ французскихъ. При старомъ режимѣ эти послѣднія въ несравненно большей степени были подвержены его растлѣвающему вліянію. Какъ ни старался Абдулъ-Гамидъ наложить свою желѣзную руку на всѣ проявленія жизни, онъ, нуждаясь въ офицерствѣ, по

неволѣ относился осторожнѣе къ военнымъ училищамъ. Вотъ почему и сейчасъ въ Турціи наблюдается поразительное явленіе умственнаго и нравственнаго превосходства военнаго класса надъ гражданскимъ. Турецкое офицерство — самая образованная, здоровая, серьезная и жизнеспособная часть турецкаго общества. Даже въ области литературы, публицистики, поэзіи въ современной Турціи преобладаетъ офицерскій элементъ; всѣ лучшіе журналисты, общественные дѣятели, писатели и поэты — офицеры. Конечно, школы, дающія такихъ питомцевъ, заслуживаютъ самаго глубокаго вниманія, но въ настоящей статьѣ мы не будемъ ихъ касаться.

Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія въ Турціи едва доходитъ до 900 тысячъ турецкихъ ливровъ (около $7^1/_2$ милліоновъ рублей), что составляетъ едва $^1/_{28}$ часть общаго бюджета за минувшій годъ; въ прошломъ же году расходы на просвѣщеніе не достигали и $^1/_{40}$ части общей цифры государственныхъ расходовъ. Эти цифры говорятъ сами за себя. Турція не знаетъ правильно организованныхъ земскихъ учрежденій; не существуетъ въ ней и настоящаго городского самоуправленія. Поэтому во всей Турціи нѣтъ до сихъ поръ ни одной городской или земской школы; въ Константинополѣ, напр., съ его полуторамилліоннымъ населеніемъ, тщетно было бы искать хоть одной школы, содержащейся на счетъ города.

Тѣмъ не менѣе число народныхъ училищъ въ Турціи довольно велико; ихъ насчитываютъ до 32 тысячъ. Если принять, что въ Турціи имѣется до 30 милліоновъ населенія и допустить, что изъ нихъ 20 милліоновъ приходится на долю мусульманъ, то окажется, что на каждыя шесть сотъ жителей мусульманъ приходится по одной школѣ; это довольно удовлетворительная пропорція. Но далеко не всѣ эти народныя школы содержатся министерствомъ народнаго просвѣщенія, съ его ничтожнымъ бюджетомъ.

Въ Турціи, какъ и вездѣ, школы дѣлятся на три степени: низшія (ибтидаи), среднія (эйдади) и высшія (аліа). Низшія учебныя заведенія въ свою очередь подраздѣляются на министерскія (моарифъ) и на благотворительныя (авкифъ). На одну министерскую школу приходится почти восемьдесятъ благотворительныхъ народныхъ школъ.

Единственныя въ своемъ родѣ школы этого типа существуютъ, кажется, только въ Турціи. Онѣ и организованы крайне своеобразно. Въ одномъ Константинополѣ такихъ школъ существуетъ сейчасъ 325; нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ со временъ Магомета Завоевателя. Всѣ онѣ основаны и обезпечены благотворителями. Всякій хотя бы мало-мальски зажиточный турокъ, умирая, заботился о двухъ вещахъ: о школѣ и водѣ; желая оставить по себѣ добрую память и быть богоугоднымъ, онъ основывалъ для народа даровую школу и прово-

дилъ для него же воду. Вотъ почему, гуляя по Константинополю, туристы невольно поражаются обиліемъ, съ одной стороны, гробницъ, а съ другой—фонтановъ при нихъ; войдите въ сосѣдній дворъ—и вы увидите тамъ неизмѣнно сопровождающую ихъ школу. На надгробныхъ камняхъ можно прочесть слѣдующія слова: „Помяните добромъ память этого тлѣннаго, о вы, которые утоляете жажду, черпая воду изъ этого фонтана или изъ этой школы!“

Основывая школу, благотворитель большею частью заботился также о ея вѣчномъ обезпеченіи; для этого онъ предоставлялъ въ ея пользу недвижимое имущество на доходы съ котораго могла бы существовать школа, и опредѣлялъ сумму на содержаніе учителю, сторожу, сумму для поддержанія зданія школы, а также долю дѣтей. По принятому обычаю, учительствовать въ такихъ школахъ должны прямые наслѣдники тѣхъ, кого первоначально избирали въ учителя благотворители. Если наслѣдникъ учителя малолѣтній, онъ до совершеннолѣтія замѣщается другимъ, съ которымъ онъ и дѣлитъ получаемое содержаніе; по достиженіи же совершеннолѣтія онъ долженъ держать экзаменъ на званіе учителя и лично вести школу.

Обыкновенно дѣти и служащіе въ такихъ школахъ кормятся на счетъ благотворителя; ежедневно они получаютъ по хлѣбу и по чашкѣ супу (чорба), а по четвергамъ къ этому прибавляется еще плавъ (любимое турецкое кушанье изъ рису); нерѣдки также случаи, когда по завѣщанію основателя школы дѣти получали вдобавокъ ежемѣсячное денежное пособіе, колеблющееся между тремя и десятью группами (отъ 26 до 40 коп.). Отпускъ хлѣба и пищи дѣтямъ производится въ Константинополѣ чрезъ посредство содержателя ближайшей кухмистерской, которому въ замѣнъ отпущеннаго выдаютъ билеты, и на основаніи этихъ билетовъ ведутся непосредственные разсчеты съ министерствомъ вакуфовъ, завѣдующимъ матеріальною стороною этихъ школъ.

Въ такихъ школахъ обучаются приблизительно около 20 тысячъ дѣтей обоего пола. Мальчики и дѣвочки отъ 5 до 12, а иногда и до 14—15 лѣтъ, обучаются въ нихъ совмѣстно. Курсъ обученія въ этихъ школахъ обыкновенно четырехъ-лѣтній; предметы преподаванія — коранъ, исторія Турціи, географія, начальныя понятія о природѣ и о гражданственности, ариѳметика. Уроки гражданственности введены послѣ объявленія конституціи. Внѣшняя обстановка школъ вполнѣ европейская: дѣти сидятъ на скамейкахъ, классы снабжены досками, географическими картами и другими учебными пособіями.

Въ учебномъ же отношеніи школы находятся въ зависимости отъ министерства народнаго просвѣщенія.

Министерскія народныя школы носятъ названіе рушдіа; по своей

программѣ онѣ соотвѣтствуютъ второй, болѣе высокой степени народнаго образованія и напоминаютъ русскія городскія училища. Основанныя министерствомъ народнаго просвѣщенія, онѣ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ учебно-воспитательномъ отношеніяхъ находятся въ полномъ вѣдѣніи этого министерства. Такихъ школъ имѣется по крайней мѣрѣ по одной въ каждомъ губернскомъ и уѣздномъ городѣ. Въ Константинополѣ ихъ 29—18 мужскихъ и 11 женскихъ. Дѣти каждаго пола обучаются здѣсь отдѣльно; женскія школы обслуживаются исключительно женскимъ учительскимъ персоналомъ. Нѣкоторыя министерскія школы не имѣютъ особаго начальнаго отдѣленія и, состоя изъ трехъ классовъ съ трехъ-годичнымъ обученіемъ, называются просто рушдіа; другія, имѣя начальное отдѣленіе, состоятъ изъ шести классовъ съ шести-годичнымъ обученіемъ и носятъ названіе центральныхъ рушдіа (марказъ рушдіаси). Имѣющіяся при такихъ училищахъ начальныя отдѣленія вполнѣ соотвѣтствуютъ по своей программѣ начальнымъ авкифскимъ школамъ.

Во всѣхъ константинопольскихъ казенныхъ рушдіа обучаются до 7.000 дѣтей, въ томъ числѣ 4.500 мальчиковъ и 2.500 дѣвочекъ. Помимо того, въ Константинополѣ же имѣется до 50 частныхъ рушдіа, въ которыхъ обучаются до 10.000 дѣтей-мусульманъ обоего пола. Въ этихъ школахъ преподаются слѣдующіе предметы: священная исторія и каноны Шаріата, арабскій, персидскій и французскій языки, турецкій языкъ, турецкая исторія, всеобщая исторія, географія общая и турецкая, ариѳметика до учета векселей и правила смѣшенія включительно, алгебра до извлеченія корней и рѣшенія уравненій третьей степени включительно, геометрія до вычисленія площадей и объемовъ включительно. Преподаваніе естественныхъ наукъ замѣнено здѣсь преподаваніемъ такъ называемыхъ „научныхъ свѣдѣній“. Учитель старается передавать ученику практическія, ежедневно нужныя знанія. Напр., онъ объясняетъ, какъ строится домъ, при чемъ даетъ общія свѣдѣнія о физическихъ и химическихъ свойствахъ матеріаловъ, нужныхъ для постройки дома. Турецкій мальчикъ, окончившій курсъ такого учебнаго заведенія, понимаетъ атмосферическія явленія, понимаетъ силы природы. Не менѣе достоинъ вниманія другой предметъ, преподаваемый въ этихъ школахъ подъ названіемъ „*малумати маданіа*“, или „гражданскія свѣдѣнія“. Чтобы дать приблизительное представленіе о томъ, какъ преподаются въ турецкой школѣ „гражданскія свѣдѣнія“, я приведу вопросы, которые предлагались ученику рушдіа въ моемъ присутствіи, и данные имъ отвѣты.

Учитель.—Боишься ли ты султана?

Ученикъ.—Нѣтъ! Я его люблю!

Учитель.—А почему ты его любишь?

Ученикъ.—Потому что онъ уважаетъ наши законы.

Учитель.—А если бы онъ не уважалъ законовъ?

Ученикъ.—Я пересталъ бы его любить!

Учитель.—А что такое законъ?

Ученикъ.—Законъ—это то, что рѣшаютъ наши палата депутатовъ и сенатъ и утверждаетъ султанъ.

Учитель.—А если султанъ не утвердитъ?

Ученикъ.—Онъ имѣетъ на то право, но онъ долженъ тогда обратиться къ народу и узнать его мнѣніе; безъ народа султанъ ничего не можетъ дѣлать.

Учитель.—А что намъ даетъ законъ?

Ученикъ.—Законъ намъ даетъ свободу, равенство.

Учитель.—Есть ли разница между христіаниномъ и мульманиномъ?

Ученикъ.—Предъ закономъ и предъ отечествомъ—никакой!

Помимо этихъ общихъ низшихъ учебныхъ заведеній, въ Турціи существуютъ низшія спеціальныя школы; въ каждомъ округѣ ихъ имѣется по одной, а въ Константинополѣ ихъ семь. Онѣ бываютъ либо земледѣльческія, либо ремесленныя, смотря по преобладающей въ данной мѣстности отрасли занятій. Старый режимъ держалъ ихъ въ полномъ пренебреженіи. Существуютъ также спеціальныя женскія учебныя заведенія. Въ Константинополѣ ихъ три, съ 700 ученицами, обучающимися и содержащимися на счетъ государства. Ихъ обучаютъ всему, что по турецкимъ понятіямъ необходимо для матери семейства: кулинарному искусству, рукодѣлію, вышиванію, пѣнію, музыкѣ, портняжному дѣлу, стиркѣ бѣлья и т. п. Общіе предметы преподаются въ объемѣ курса рушдіа. Въ эти школы принимаются исключительно сироты или дѣти неимущихъ родителей. По выходѣ изъ школы, онѣ большею частью идутъ въ учительницы рукодѣлія, музыки и пѣнія въ женскія рушдіа.

Старый режимъ относился крайне подозрительно и враждебно къ народному образованію. Учителя мѣсяцами, а иногда и годами не получали содержанія; въ учителя шли тѣ, кто не могъ пріискать другихъ занятій. Турецкой литературы по вопросамъ народнаго образованія почти не существуетъ; учебники крайне рѣдки, почти нѣтъ и географическихъ картъ, такъ какъ ихъ изданіе было при Абдулъ-Гамидѣ небезопаснымъ дѣломъ. Теперь положеніе народнаго образованія въ Константинополѣ можетъ, въ общемъ и сравнительно, считаться удовлетворительнымъ. Общее число обучающихся въ столичныхъ начальныхъ школахъ дѣтей доходитъ до 40 тысячъ; если же къ нему прибавить мусульманскихъ дѣтей, обучающихся въ разныхъ миссіонерскихъ, иностранныхъ и военныхъ училищахъ, то окажется, что число всѣхъ мусульманскихъ дѣтей школьнаго возраста, посѣщающихъ

учебныя заведенія, доходитъ до 50 тысячъ, а цифра эта вѣроятно равняется 90% всего количества мусульманскихъ дѣтей отъ 6 до 14 лѣтъ. Въ Константинополѣ необучающихся мусульманскихъ дѣтей, какъ бы бѣдны они ни были, почти нѣтъ. Конечно отсюда не слѣдуетъ, чтобы повсюду въ Турціи положеніе вещей было столь же удовлетворительно. Но и въ провинціяхъ, благодаря существованію авкафскихъ школъ, дѣло обстоитъ не слишкомъ плохо: онѣ едва ли уступаютъ, по степени развитія грамотности, нѣкоторымъ областямъ, напр., Италіи или Испаніи. Объ этомъ можно судить хотя бы по количеству умѣющихъ читать и писать среди турецкихъ новобранцевъ; оно обыкновенно доходитъ до 25%, а иногда и до 30%.

Среднія учебныя заведенія въ Турціи двоякаго типа; чисто среднія училища или эйдади, соотвѣтствующія нашимъ гимназіямъ и реальнымъ училищамъ, и смѣшанныя училища, представляющія нѣчто среднее между средними учебными заведеніями и высшими. Послѣднія имѣются лишь въ Константинополѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ центрахъ, какъ Салоники, Алеппо.

Одно среднее учебное заведеніе имѣется и въ каждомъ губернскомъ городѣ; въ Константинополѣ ихъ восемь; въ нихъ преподаются главнымъ образомъ математика, естественныя науки, исторія, коммерческая географія, бухгалтерія, а изъ языковъ французскій, персидскій и арабскій. Древніе языки въ программахъ турецкихъ школъ абсолютно отсутствуютъ; за то въ нихъ подробно изучается литература современныхъ европейскихъ народовъ. Въ этихъ училищахъ обучаются исключительно мальчики; для дѣвочекъ до сихъ поръ въ Турціи нѣтъ среднихъ учебныхъ заведеній, ни открытыхъ, ни закрытыхъ.

До прошлаго года обученіе въ среднихъ школахъ было даровое. Въ прошломъ году министерство народнаго просвѣщенія установило плату за право ученья въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, колеблющуюся между 6 и 40 ливр. въ годъ, т.-е. между 50 и 350 руб. Такая громадная разница въ платѣ объясняется тѣмъ, что въ турецкихъ среднихъ школахъ имѣются или полные пансіонеры, или полупансіонеры, или приходящіе ученики. Число существующихъ среднихъ школъ въ общемъ весьма недостаточно.

Смѣшанныя учебныя заведенія отличаются отъ эйдади тѣмъ, что обладаютъ спеціальными классами, для подготовленія дѣятелей въ разнообразныхъ отрасляхъ государственной дѣятельности. Таковы существующія въ Константинополѣ мактаби мулкія, изъ которой выходятъ администраторы и дипломаты, мактаби маніа, подготовляющія чиновниковъ для министерства финансовъ, императорскій лицей Галата Сараи, коммерческая школа (дару-шафака), поставляющая исклю-

чительно служащихъ по министерству почты и телеграфовъ. За исключеніемъ этой послѣдней, куда принимаются исключительно сироты и дѣти бѣдныхъ чиновниковъ, всѣ остальныя смѣшанныя школы довольно дороги и мало доступны. Въ нихъ большею частью преподаваніе идетъ на французскомъ языкѣ, профессора иностранцы и вообще господствуетъ иностранное, т.-е. французское вліяніе и настроеніе. Многочисленные коллегіумы и лицеи, содержимые католическими и протестантскими миссіями, а также сіонистами и еврейскими alliance'ами во всей Турціи, привлекаютъ массу мусульманской молодежи. Нѣкоторыя изъ этихъ школъ, какъ напр. американская школа „Robert College" въ Константинополѣ или еврейская сіонистская школа въ Яффѣ, пріобрѣли большую популярность и даютъ пріютъ значительной части учащейся турецкой молодежи.

Высшія учебныя заведенія Турціи сосредоточены исключительно въ Константинополѣ, Салоникахъ и Алеппо. До самаго послѣдняго времени въ Турціи не было университета; только за нѣсколько лѣтъ до своего паденія Абдулъ-Гамидъ, желая выиграть во мнѣніи Европы, торжественно объявилъ объ открытіи турецкаго университета и даже приказалъ устроить по этому поводу пышныя торжества. Въ дѣйствительности все свелось къ тому, что одинъ изъ дворцовъ, расположенныхъ въ Стамбулѣ, былъ отведенъ подъ университетъ и на немъ былъ вывѣшенъ плакатъ съ надписью: „Даруль-Фипину" (домъ наукъ—университетъ). Настоящій университетъ существуетъ только два года. Въ немъ теперь три факультета: юридическій, математическій и философско-теологическій. Медицинскій факультетъ, служившій при старомъ режимѣ пріютомъ для всей мыслящей, идеально настроенной турецкой молодежи, составляетъ независимое отъ университета учрежденіе. Раньше онъ распадался на два отдѣленія—гражданскихъ и военныхъ медиковъ; въ настоящее время оба отдѣленія объединены. Здѣсь царитъ нѣмецкое вліяніе; большинство профессоровъ—нѣмцы, нѣкоторые предметы до сихъ поръ читаются на иностранныхъ языкахъ. Изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Константинополѣ находятся: ветеринарный институтъ, институтъ гражданскихъ инженеровъ, технологическій институтъ, академія земледѣльческихъ наукъ и академія высшихъ коммерческихъ наукъ. Въ Салоникахъ находится прекрасно обставленная высшая земледѣльческая школа, а въ Алеппо—медицинскій факультетъ, руководимый миссіонерами. Во всѣхъ этихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ обучается до пятнадцати тысячъ человѣкъ. За исключеніемъ медицинскаго факультета, поставленнаго вполнѣ удовлетворительно, всѣ остальныя высшія учебныя заведенія Турціи оставляютъ желать многаго.

Для подготовленія преподавательскаго персонала въ среднія и низ-

шія учебныя заведенія въ Турціи существуютъ мужскіе и женскіе учительскіе институты (даруль-моаллимейнъ); всего ихъ въ Константинополѣ четыре, а въ провинціяхъ пять. Эти институты подраздѣляются на низшіе и высшіе; первые подготовляютъ преподавателей въ низшія учебныя заведенія и рущдіа, вторые—въ среднія учебныя заведенія.

Какъ постановка этихъ учебныхъ заведеній, такъ и программы преподаваемыхъ въ нихъ наукъ, были до послѣдняго времени весьма неудовлетворительны; главное вниманіе обращалось на преподаваніе богословской схоластики, арабскаго и персидскаго языковъ; психологія, физіологія, педагогика, дидактика—отсутствовали вовсе; другіе предметы проходились приблизительно въ томъ же объемѣ, что и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ виду этого уровень приготовленнаго ими педагогическаго персонала крайне невысокъ. Но и такихъ учителей немного въ турецкихъ школахъ.

Обыкновенно рущдіа, состоящій изъ трехъ классовъ, имѣетъ педагогическій персоналъ, состоящій изъ 14 лицъ, изъ коихъ только три—профессіональные педагоги, а остальные 11—вольнонаемные чиновники (сайсеръ). Такое соотношеніе зависитъ также и отъ принятой въ турецкихъ школахъ системы чрезвычайнаго дробленія уроковъ между учителями, весьма дурно отражающагося какъ на педагогической сторонѣ школьнаго дѣла, такъ и на матеріальной обезпеченности учителей. Не смотря на то, что турецкая школа обходится довольно дорого (каждый ученикъ рущдіа обходится въ среднемъ въ пять ливровъ, т.-е. сорокъ пять рублей въ годъ), нигдѣ положеніе учителей не обезпечено такъ плохо, нигдѣ учительскій трудъ не оплачивается такъ низко, какъ въ Турціи. Инспектора шестикласныхъ городскихъ школъ получаютъ не болѣе пятнадцати ливровъ въ мѣсяцъ, т.-е. около ста двадцати семи рублей, включая сюда и квартирныя, и столовыя, а инспектора трехклассныхъ училищъ—восемь ливровъ (сорокъ пять рублей), содержаніе учителей колеблется между двумя и шестью ливрами, смотря по числу даваемыхъ ими уроковъ, никогда не превышая послѣдней цифры.

На всѣ эти недостатки школьной системы, завѣщанной старымъ режимомъ, теперь обращено серьезное вниманіе. Министерство народнаго просвѣщенія энергично работаетъ надъ улучшеніемъ какъ учительскаго персонала, такъ и методовъ преподаванія и программъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Надо полагать, что турецкая школа, обладающая всѣми данными, чтобы стать на высотѣ своего призванія, вскорѣ, благодаря этой энергичной работѣ, оправится отъ нанесенныхъ ей старымъ режимомъ ударовъ.

А. А.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ

„Вселенная выпустила насъ не въ нашихъ интересахъ, и ей нужны наши страданія... Ни революціи, ни какія бы то ни были формы правленія, ни капитализмъ, ни соціализмъ,—ничто не дастъ счастья человѣчеству, обреченному на вѣчныя страданія. Что намъ въ вашемъ соціальномъ строѣ, если смерть стоитъ у каждаго за плечами, если міръ прежде всего—огромное кладбище, которое зачѣмъ-то мы сторожимъ!" Но и безсмертіе не спасло бы людей отъ страданія и отчаянія, ибо неспособенъ человѣкъ удовлетвориться тѣмъ, что ему дано. „Кто не имѣетъ любви, тотъ страдаетъ о ней и мечтаетъ, какъ о величайшемъ счастіи, чтобы его полюбила и приласкала хоть одна женщина; кто имѣетъ одну жену—тотъ погибаетъ въ однообразіи чувства; кто будетъ имѣть сотни женщинъ — тотъ начнетъ тосковать о единой страсти. Такъ и во всемъ. Человѣкъ не удовлетворится ни единымъ положеніемъ, и самое безсмертіе представится ему невыносимо скучнымъ". Изъ такого взгляда на жизнь съ неизбѣжной послѣдовательностью вытекаетъ выводъ: „Надо разсѣять въ людяхъ суевѣріе жизни, надо заставить понять, что они не имѣютъ права тянуть эту безсмысленную комедію"—т. е. родъ людской самъ долженъ пресѣчь свое существованіе.

Такъ проповѣдуетъ фанатическій апостолъ небытія Наумовъ, одинъ изъ героевъ новаго романа Арцыбашева: „У послѣдней черты", и, повидимому, весь романъ имѣетъ цѣлью доказать справедливость догматовъ Наумова. По крайней мѣрѣ строится онъ какъ разъ по схемѣ, заключающейся въ приведенной цитатѣ. Все произведеніе насквозь проникнуто паническимъ страхомъ передъ смертью. Уже въ первой части, напечатанной въ четвертомъ выпускѣ сборника „Земля", сугубо мучительно и безсмысленно помираетъ нѣсколько человѣкъ. Другой рядъ героевъ съ полной очевидностью и весьма быстрымъ темпомъ ведется къ самоубійству. Третью группу составляютъ лица, срывающія цвѣты наслажденій и пока не собирающіяся умирать, но только потому, что они „еще не столкнулись со своимъ ужасомъ". Однако, и ихъ волосы уже отъ времени до времени дыбятся отъ смутныхъ предчувствій неизбѣжнаго „ужаса". Чуть не каждая страница романа желаетъ напугать читателя картинами безсмысленно жестокаго умиранія или напоминаніями о неизбѣжности смерти и тщетѣ всѣхъ радостей и интересовъ человѣческихъ передъ ея без-

пощаднымъ ликомъ. Въ сущности всѣ наши интересы и радости—лишь мимолетные призраки, способные приковать вниманіе лишь людей недалекихъ, либо робкихъ, сознательно или безсознательно лгущихъ передъ собою. А „умъ ясный и смѣлый, сердце твердое" отчетливо и безстрашно ставитъ передъ собою перспективу самоистребленія, какъ самаго благороднаго и разумнаго акта.

Общественными интересами могутъ увлекаться развѣ наивные упрямцы, въ родѣ нервическаго студента Чижа, который проповѣдуетъ, что истинная человѣчность и истинный смыслъ жизни заключаются въ активной борьбѣ лучшихъ представителей человѣчества за преображеніе жизни, за уничтоженіе окружающихъ насъ со всѣхъ сторонъ золъ и за воцареніе новаго, свѣтлаго и справедливаго уклада жизни, при которомъ не будетъ уже болѣе безсмысленныхъ страданій. Но Чижъ, въ глубинѣ души своей, самъ не вѣритъ въ свои надежды. Что-то стало уже „между нимъ и солнцемъ и вмѣсто будущаго показываетъ какую-то сѣрую пустоту". И по временамъ Чижу кажется, что жизнь—это огромная шахматная партія, въ которой „смутно, но неизбѣжно намѣчается вѣчная ничья". Онъ еще топорщится противъ угнетающей логики Наумова, но въ сущности готовъ съ нимъ согласиться, что „великіе умы — идіоты", и что лучше самоубійства ничего не выдумаешь.

Можно, конечно, усумниться, является ли Чижъ исчерпывающимъ воплощеніемъ инстинкта общественности, покрываются ли его смятою и смятенною, растерянною психикою души истинно великихъ и сознательныхъ борцовъ за лучшее будущее. Особой активности и выдержки, составляющихъ основу темперамента общественнаго дѣятеля, у Чижа не примѣтно. Онъ—просто наивный маленькій человѣчекъ, котораго захватило то „время, когда на улицахъ стрѣляли, толпы народа ходили съ красными флагами и все выбилось изъ колеи". Тогда „казалось, что цѣль достигнута и начинается новая жизнь, ради которой онъ и дѣлалъ все, что̀ дѣлалъ". За такимъ наивнымъ подъемомъ неразсуждающаго энтузіазма естественно долженъ былъ послѣдовать не менѣе наивный душевный упадокъ. Когда „все пошло по старому и даже хуже стараго", въ душу заползъ унылый, брюзжащій пессимизмъ. Какъ прежде замѣтно было лишь то, что̀ есть въ жизни прекраснаго и сулящаго свѣтлыя перспективы, и, за недостаткомъ реальныхъ опоръ для нетерпѣливаго оптимизма, онѣ вылѣплялись услужливой фантазіей, такъ теперь глазъ началъ особенно интенсивно воспринимать лишь то, что̀ есть въ жизни мелкаго, пошлаго, убивающаго надежду, и, не довольствуясь матеріаломъ этого типа, обильно доставляемымъ дѣйствительностью, сталъ создавать еще и преувеличенные фантомы въ томъ же стилѣ. „Люди и въ моменты подъема

оказались такими же скотами, какъ всегда, и можетъ быть больше, чѣмъ всегда: до революціи ихъ хоть связывала и приподымала общая ненависть, а въ самый рѣшительный моментъ они всѣ перессорились изъ-за какихъ-то очень туманныхъ разногласій въ программахъ". Арцыбашевъ какъ будто уже позабылъ, что самъ онъ, рисуя фигуру „рабочаго Шевырева", видѣлъ въ психологіи революціи далеко не одно только „скотство". Немудрено, если человѣкъ, дошедшій до такого унынія, какъ Чижъ, покончитъ съ собой даже и безъ всякаго давленія со стороны Наумова—и, конечно, гибель его отнюдь не будетъ смертнымъ приговоромъ для стремленія человѣчества къ общественному строительству. Но это-то и характерно для новаго романа Арцыбашева, что, по мнѣнію автора, не только неудавшаяся русская революція шла исключительно на Чижахъ, но и во всей міровой исторіи борьбѣ за лучшее будущее для рода людского отдавались одни только Чижи.

Съ такой же малой степенью объективной убѣдительности развертываетъ Арцыбашевъ и другую часть своей схемы—о тщетѣ радостей жизни. Прежде всего радость жизни представляется ему въ одной только формѣ—въ формѣ любви, и притомъ чисто половой. Непрочность такого именно счастья авторъ и показываетъ намъ, проводя свой анализъ какъ-разъ по тѣмъ ступенямъ, которыя намѣчены въ цитированномъ монологѣ Наумова.

Престарѣлый докторъ Арнольди прожилъ всю жизнь безъ нѣжной женской ласки. Но вотъ оказывается среди его паціентокъ прелестная, однако лежащая при смерти въ чахоткѣ артистка Марья Павловна Раздольская. Между ними постепенно наростаетъ взаимная привязанность, которая, встань только Раздольская съ одра смерти, дала бы имъ обоимъ тепло, уютъ и радость. Но Раздольская, конечно, умираетъ, и докторъ Арнольди остается одинокимъ, какъ и былъ. „А еслибы она не умерла,—предсказываетъ Арцыбашевъ,—пошли бы дни скучной, обыкновенной человѣческой жизни: черезъ полгода они стали бы ссориться, понемногу *погасла бы страсть*, можетъ-быть они стали бы тяготиться другъ другомъ... Можетъ-быть, она бросила бы его". „Счастья нѣтъ, есть только призракъ счастья"—резюмируетъ этотъ казусъ Арцыбашевъ.

Правильность своего предсказанія и резюме авторъ доказываетъ исторіей офицера Тренева и его жены. Чета Треневыхъ ничѣмъ не связана, кромѣ какъ вспыхивающей время отъ времени физической страстью. Въ минуты прилива такой нѣжности супруги падаютъ другъ другу въ объятія, а затѣмъ испытываютъ взаимное отвращеніе, рвутся прочь другъ отъ друга, учиняютъ скандальныя домашнія сцены и т. п. Жена не прочь пококетничать своимъ тѣломъ съ другими офицерами,

мужъ мечтаетъ о тѣлахъ другихъ женщинъ, — словомъ, согласно съ рецептомъ Наумова, супруги Треневы „погибаютъ въ однообразіи чувства“.

Но и въ „разнообразіи чувства“ нѣтъ спасенія. Для доказательства этой теоремы Арцыбашевъ воскрешаетъ нашего стараго знакомаго Санина, который, по новому своему паспорту, именуется Михайловымъ, а по спеціальности оказывается живописцемъ. Художникъ Михайловъ—существо, въ смыслѣ страстности, безпредѣльно могущественное и обаятельное. Передъ нимъ никакая женская особь устоять не можетъ, и онъ безъ всякаго стѣсненія пользуется своей неотразимостью. Его не останавливаютъ ни стыдливость чистой дѣвушки, ни упорство опытной кокетки; не побрезгуетъ онъ, при случаѣ, и подвернувшейся подъ руку горничной. Онъ „имѣетъ сотни женщинъ“, и—опять-таки по рецепту Наумова—„начинаетъ тосковать по единой страсти“. Какъ человѣкъ опытный, Михайловъ сразу спохватывается, понимая, что „тоска по единой“ коварно втягиваетъ его въ заколдованный кругъ, въ невыгодной половинѣ котораго застрялъ офицеръ Треневъ. „Глупости! — думаетъ Михайловъ съ досадой.—Развѣ я перестану видѣть, какъ прекрасны другія женщины? Развѣ я могу смѣнить ихъ всѣхъ на одну, какъ бы хороша ни была она?“ Но „тоска по единой“ всетаки не проходитъ, „и два непримиримыя чувства окружали Михайлова смутнымъ хаосомъ, изъ котораго не было выхода“. Вотъ и кара, предреченная Наумовымъ. Ну, не ясно ли, что въ столь трагическомъ положеніи „самое безсмертіе представится невыносимо скучнымъ“?..

Правда, минута досаднаго раздвоенія раскрываетъ Михайлову глаза на нѣкоторыя вещи, которыя, при внимательномъ къ нимъ отношеніи, заставили бы поставить вопросъ о цѣнности жизни вообще и о любви въ частности совсѣмъ не такъ, какъ ставятъ его Наумовъ и Арцыбашевъ. Господа Михайловскаго пошиба ищутъ въ женщинахъ только „сладострастныхъ, прекрасныхъ тѣлъ“, только „ласкающихъ, нѣжныхъ голыхъ рукъ“, и берутъ женщинъ „только такъ, изъ животной жадности“. Но надъ животной жадностью есть еще иное „огромное, свѣтлое чувство, которое называется любовью“ и которое влечетъ „отдаться одной женщинѣ навсегда, видѣть въ ней весь міръ, успокоиться на ея груди—груди вѣчно любимой и любящей жены, а не случайной любовницы“. Въ сторону вотъ этого чувства, такой радости анализъ Арцыбашева не идетъ. Вѣдь пророча недоброе доктору Арнольди, повѣствуя о четѣ Треневыхъ, изображая Михайлова, Арцыбашевъ вездѣ говоритъ о *страсти*, т.-е. о „животной жадности“, и если къ этому порядку житейскихъ утѣхъ теорема Наумова можетъ оказаться вполнѣ примѣнимой, то надъ другой категоріей она, по-

жалуй, и не властна. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ обрекать весь міръ на самоистребленіе, не мѣшаетъ обслѣдовать всѣ права его на существованіе. Но Арцыбашеву представляется почему-то, что „возражать Наумову надо только отъ тѣла, отъ радости самой простой, животной жизни“.

Впрочемъ, если принять даже такую постановку вопроса, то отъ этого убѣдительность Арцыбашевскаго романа не выиграетъ. Тезисъ его былъ бы доказанъ лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ съ мощью художественнаго таланта покорилъ и увлекъ насъ яркой картиной „самой простой животной радости“, а затѣмъ заставилъ бы насъ содрогнуться передъ столь же художественной картиной ужаса смерти, рядомъ съ которой блѣднѣетъ и никнетъ, перестаетъ быть желанной всякая радость. Но въ томъ-то и дѣло, что на сей разъ у Арцыбашева художественно не удалась ни та, ни другая половина антитезы. Радость въ его изображеніи не влечетъ и не плѣняетъ, его ужасы не пугаютъ.

„Животная радость“ превратилась подъ его перомъ въ плоскую похотливость, и циничныя подробности, которыми обильно уснащены описанія „страстныхъ“ сценъ, только отталкиваютъ, а не воспламеняютъ. Вмѣсто настоящаго огня, темперамента—какой-то нудный шаблонъ. Выдумано нѣсколько штриховъ, и они безъ конца повторяются каждый разъ, какъ авторъ доходитъ до соотвѣтствующаго момента. Въ рѣшительную минуту дѣвушка должна почему-то подойти къ двери, подержаться за ручку, а затѣмъ вернуться къ своему покорителю (Лиза у Михайлова, Нелли у адъютанта). Затѣмъ, въ каждой сценѣ „побѣды“ мужчины надъ женщиной обязательно подчеркивается одна и та же деталь—„голыя ноги женщины“ (Лиза, Нелли, Евгенія Самойловна). Эти ноги и дальше преслѣдуютъ автора: когда Евгенія Самойловна прыгаетъ черезъ костеръ, „мелькнула полоска розоваго тѣла надъ чулкомъ“; за нею стали прыгать деревенскія дѣвки, „показывая голыя ноги чуть не до пояса“; не забываетъ про голыя ноги Арцыбашевъ даже тогда, когда докторъ осматриваетъ больную... Я могъ бы привести и еще нѣсколько образчиковъ столь же шаблонныхъ и назойливыхъ повтореній другихъ подробностей, но очень ужъ противно долго останавливаться на такой безвкусицѣ. Что же стоитъ за этими упорными повтореніями: „радость самой простой, животной жизни“—или „плѣнной мысли раздраженье“?..

Не успѣвъ повергнуть читателя въ восторгъ передъ радостью жизни, Арцыбашевъ тщетно пытается и напугать его. Жгучесть страсти онъ подмѣняетъ нагромożденіемъ деталей, ненужныхъ, скучныхъ и противныхъ, и ужасъ смерти пытается фальсифицировать тоже нагроможденіемъ страховъ, выдуманныхъ нарочито и тоже только

скуку внушающихъ, совсѣмъ какъ въ плохихъ вещахъ Леонида Андреева, въ родѣ „Краснаго Смѣха“ или „Проклятія Звѣря“. Старый профессоръ Иванъ Ивановичъ въ предсмертную минуту долженъ почему-то дико захохотать. Къ умирающей артисткѣ долженъ почему-то явиться новый докторъ и такъ-таки и брякнуть ей сразу, что ей надо посылать не за докторомъ, а за священникомъ, и т. п. Прямо какъ-то обидно наталкиваться у писателя, несомнѣнно талантливаго, на такіе кляксы, свидѣтельствующіе о недостаточной бдительности и вкуса, и чувства мѣры. Хватаніе черезъ край бываетъ простительно, когда оно обусловлено лихорадочной напряженностью переживаній автора, не подчиняющихся инстинкту художественнаго самообладанія; но въ данномъ случаѣ нагроможденія диктуются не избыткомъ темперамента, а наоборотъ—творческимъ безсиліемъ.

Мнѣ кажется, что въ своемъ послѣднемъ романѣ Арцыбашевъ оказался жертвой довольно элементарной ошибки. Переживаемый нами моментъ богатъ пессимистическими нотами. Какъ чуткій и воспріимчивый писатель, Арцыбашевъ заразился ими и отлилъ ихъ въ фигуру Наумова. Ему слѣдовало взглянуть на этотъ типъ, какъ на одно изъ созданій своего таланта, т.-е. какъ на одинъ изъ доступныхъ ему голосовъ, какъ на одно изъ доступныхъ ему міровоззрѣній. Надо было, далѣе, прислушаться къ другимъ голосамъ, звучащимъ въ душѣ художника, голосамъ діаметрально противоположнымъ, воплотить ихъ тоже въ соотвѣтственные по законченности, глубинѣ и силѣ образы и типы—и заставить ихъ столкнуться съ Наумовымъ въ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Тогда только возникла бы настоящая художественная діалектика, фигура Наумова попала бы въ надлежащую рамку, пріобрѣла бы свойственныя ей пропорціи, а романъ въ цѣломъ отразилъ бы не тенденцію, а истинную правду души автора. Вмѣсто этого Арцыбашевъ началъ подгонять весь романъ подъ идеи, развиваемыя Наумовымъ. Послѣдствія ошибки оказались самыми пагубными. Искренніе, наросшіе въ душѣ голоса, хватающіе куда глубже Наумовской идеологіи, пришлось скомкать, затушевать, отбросить какъ нѣчто ненужное. Живого же матеріала для оправданія конструкціи не нашлось въ распоряженіи автора, и пришлось ему изъ собственнаго архива вытаскивать давно уже использованное Санинское старье и уснащать имъ новый романъ, далеко не къ выгодѣ послѣдняго.

Опору для такого утвержденія я нахожу въ самомъ романѣ, въ значительномъ количествѣ обрывковъ не-Наумовскихъ настроеній и концепцій, которыя, быть можетъ противъ воли Арцыбашева, мѣстами прорываются и, не находя себѣ надлежащаго мѣста и развитія въ общей конструкціи романа, являются просвѣтами въ совсѣмъ другое

міровоззрѣніе, отъ котораго авторъ упорно отворачивается, хотя, со времени „Смерти Ланде“ и повѣсти о „Рабочемъ Шевыревѣ“, его психика эволюціонируетъ несомнѣнно въ этомъ, не-Санинскомъ и не-Наумовскомъ направленіи.

Возьмемъ хотя бы упомянутое уже мною различеніе между страстью и любовью, столь пренебреженное Арцыбашевымъ въ ту пору, когда онъ писалъ „Санина“. Теперь онъ уже ясно понимаетъ, что дѣло не въ животномъ соединеніи самца и самки, при чемъ они остаются другъ другу безразличны какъ индивидуальности и до момента взрыва, и послѣ него. Нужна длительная связь двухъ индивидуальностей, какъ таковыхъ, связь не физическая только, а и психическая, забота другъ о другѣ, нѣжная чуткость къ горю и радости другъ друга. Такое чувство побѣждаетъ многіе изъ ужасовъ, на которыхъ базируется Наумовъ—и такое чувство мелькаетъ не разъ и въ новомъ романѣ Арцыбашева. На какихъ нѣжныхъ, мягкихъ и чуткихъ нотахъ построенъ весь романъ между докторомъ Арнольди и умирающей Марьей Павловной, сколько „свѣтлой жалости“ сверкаетъ иногда въ отношеніяхъ жены умирающаго профессора къ мужу. Стыдъ и жалость захватываютъ не разъ даже душу Михайлова, когда онъ сталкивается съ страданіемъ, въ которое повергаетъ обиженныхъ имъ дѣвушекъ. Нѣжныя ноты звучатъ въ душѣ офицера Тренева, когда имъ завладѣваетъ предчувствіе, что наглый адъютантъ (кстати сказать, одна изъ самыхъ мелодраматическихъ фигуръ въ романѣ) будетъ убитъ на дуэли—и тутъ уже совершенно ни при чемъ „физическія радости“, тутъ просто способность человѣка содрогнуться передъ участью ближняго. Еще показательнѣе то, что случилось съ этимъ самымъ звѣремъ и негодяемъ адъютантомъ, когда онъ внезапно понялъ всю глубину несчастія Нелли: такъ потрясло его это откровеніе, что онъ весь перерождается морально и со свѣтлымъ лицомъ идетъ на смерть. И сколько еще такихъ черточекъ разсѣяно въ романѣ. И вѣдь каждый подъемъ психической силы, каждая побѣда ея надъ физіологическимъ, примитивнымъ инстинктомъ раскрываетъ новые, свѣтлые горизонты въ удушливомъ царствѣ, бьющемся въ судорогахъ „у послѣдней черты“, разрываетъ огненную нить этой черты и ясно говоритъ о возможности выхода за ея предѣлы. Въ этомъ духовномъ свѣтѣ какъ призракъ исчезаетъ животный ужасъ передъ перспективой личнаго уничтоженія, и новую привлекательность, новый смыслъ пріобрѣтаетъ жизнь, раскрывая невѣдомыя Наумову цѣнности свои. Но упрямо отворачивается авторъ отъ этихъ прозрѣній души своей, радостныхъ и умиротворяющихъ, затушевываетъ великій трагизмъ жизни, одинаково истинной и въ радости, и въ скорби, подгибаетъ все подъ однобокій, дешевый

пессимизмъ и упрямо самъ повторяетъ и героевъ своихъ заставляетъ повторять:

— Уныла и безсмысленна человѣческая жизнь.

— Жизнь—только ловушка.

— Наумовъ правъ.

Въ проповѣди самоистребленія, какъ неизбѣжнаго и благороднаго конца для человѣчества, Арцыбашевъ не одинокъ и, боюсь, даже не самостоятеленъ. Недавно вышелъ вторымъ изданіемъ сборникъ прозаическихъ разсказовъ Валерія Брюсова подъ заглавіемъ: „Земная Ось". Написаны разсказы, какъ и все, что выходитъ изъ-подъ пера Брюсова, изысканнымъ и даже щегольскимъ стилемъ, сжатымъ, сильнымъ, выразительнымъ. По содержанію далеко не все одинаково цѣнно, но такія вещи, какъ разсказъ „Республика Южнаго Креста" и драма „Земля", положительно недюжинны и производятъ сильное впечатлѣніе. Оба эти произведенія родственны по основной идеѣ и имѣютъ характеръ апокалипсическій, т.-е. даютъ нѣчто въ родѣ видѣній о кончинѣ міра. Впрочемъ, сейчасъ я упоминаю объ этомъ сборникѣ не для того, чтобы анализировать его въ цѣломъ, а только потому, что въ немъ есть мотивы, весьма родственные Арцыбашевскимъ, особенно въ драмѣ „Земля".

Человѣчество прожило уже многіе милліоны вѣковъ, достигло вершинъ мудрости и овладѣнія силами природы, превратило всю землю въ одинъ сплошной стоярусный городъ, прикрытый отъ междупланетнаго пространства непроницаемой крышей, питаемый, освѣщаемый и снабжаемый воздухомъ и водой могучими, вѣчно движущимися машинами. Достигнувъ вершины своего численнаго размноженія и культурности, человѣчество стало склоняться къ духовному упадку и вымирать. Драма застаетъ въ живыхъ лишь два-три милліона людей, сконцентрированныхъ въ сравнительно немногихъ подземныхъ залахъ всемірнаго города: остальныя давно уже необитаемы и погружены въ вѣчный мракъ. И носителемъ остатковъ былой мудрости остался лишь одинъ старикъ, имѣющій немногихъ учениковъ. Конецъ человѣчества близокъ и неизбѣженъ. Безпощадный законъ уничтожитъ тѣхъ, кто остался, и, по мѣрѣ вымиранія, послѣднія особи человѣческія будутъ все болѣе и болѣе дичать. Не мирится съ такой рабьей, подневольной и унизительной перспективой гордость, сохранившаяся еще въ нѣсколькихъ сердцахъ. Создается особое тайное общество слугъ смерти, идейныхъ убійцъ, которые полагаютъ, что благороднѣе человѣчеству самому положить предѣлъ своему существованію, чѣмъ ждать, когда року будетъ угодно опустить послѣднюю сѣкиру на его выю, предварительно унизивъ благородную природу людскую мракомъ одичанія. Мудрецъ и его ученики, наоборотъ, полагаютъ истинную гордость

человѣчества въ томъ, чтобы какъ можно дольше бороться съ рокомъ, а въ послѣдній часъ встрѣтить его разящій мечъ съ гордо поднятой головой и безтрепетнымъ взглядомъ.

Одинъ изъ учениковъ мудреца, въ поискахъ за новыми источниками жизни, проникаетъ въ давно забытые самые верхніе ярусы города, видитъ солнце черезъ стекло окна и возвращается къ своимъ братьямъ полный вдохновенной вѣры въ то, что, поднявъ тяжкую крышу, выйдя на солнце, вступивъ вновь въ союзъ съ природой, человѣчество почерпнетъ новыя силы для новаго расцвѣта. Энтузіазмъ охватываетъ всѣхъ, проникаетъ и въ среду членовъ тайнаго общества поклонниковъ смерти. И вотъ что говоритъ колеблющимся братьямъ глава ордена:

„Вамъ нравятся зачатія и рожденія, крикъ младенцевъ, и опять первые поцѣлуи, и опять первыя объятія—вся сказка вѣковъ и милліоновъ поколѣній! Вамъ хочется паутины жизни, сѣрой и липкой, которая вновь оплела бы землю и вновь заткала бы внутренній свѣтъ освобожденія... За радостные миги, когда вы кричите отъ сладострастія, вы готовы заплатить всѣми жизнями страданій, униженій и позоровъ—и себя самихъ, и своихъ дѣтей. Малодушные!“

Теотль напрасно опасался замысловъ Неватля; послѣдній, поднявъ крышу города, только завершилъ однимъ ударомъ дѣло „освобожденія“, надъ которымъ трудился орденъ. Земная атмосфера давно уже разсѣялась въ междупланетномъ пространствѣ, люди давно уже имѣли только свой искусственный воздухъ, спрятанный подъ непроницаемой крышей, и когда крыша разверзлась, черезъ расщелину, вмѣстѣ съ лучами солнца, ворвалась въ городъ и всеистребляющая смерть.

Проповѣдь Теотля, отрицающая и проклинающая рожденіе, требующая убійства и самоубійства, зовущая людей къ самоистребленію, какъ къ высшему подвигу разума и мужества, въ этихъ чертахъ своихъ (есть въ ней и другія, для Брюсова весьма характерныя, но о нихъ я сейчасъ не говорю) совершенно совпадаетъ съ проповѣдью Наумова. Разница только въ томъ, что Брюсовъ сдѣлалъ изъ этой идеи красивую сказку, а Арцыбашевъ — символъ вѣры для немедленнаго осуществленія..

Тема смерти привлекла вниманіе и еще одного изъ нашихъ художниковъ слова — Бориса Зайцева. Въ послѣднемъ, тринадцатомъ альманахѣ „Шиповника“ находимъ небольшой разсказъ этого автора, такъ и озаглавленный: „Смерть“. Но тутъ уже нѣтъ ни проклятій жизни, ни проповѣди самоистребленія, ни животнаго ужаса передъ концомъ нашего земного существованія. Наоборотъ, смерть является началомъ, примиряющимъ съ жизнью, фактомъ, передъ лицомъ котораго спадаетъ съ человѣка вся шелуха житейскихъ недоразумѣній,

паденій, тягостей, вражды, и обнаруживается истинная природа души, прекрасная, кроткая и любящая. Нѣчто въ родѣ того, что когда-то рисовалась Баратынскому:

Смерть дщерью тьмы не назову я
И, раболѣпною мечтой
Гробовый остовъ ей даруя,
Не ополчу ее косой.

О, дочь верховнаго Эѳира!
О, свѣтозарная краса!
Въ рукѣ твоей олива мира,
А не губящая коса.

Павелъ Антоновичъ имѣлъ жену и сына. Кромѣ того онъ любилъ другую женщину, отъ которой у него была дочь. Теперь онъ умираетъ, но мысль о смерти нисколько не пугаетъ его. Нѣтъ въ его сердцѣ и проклятій жизни, хотя она сложилась для него страшно тяжко, не порадовала ни одной удачей, обманула лучшія мечты его юности. Онъ только проситъ жену, неотступно при немъ находящуюся, помириться съ той, съ другой. Но то, что такъ ясно и просто для кончающаго счеты съ жизнью Павла Антоновича, еще невозможно для его жены. Она не внемлетъ мольбамъ мужа; ему тяжко, ѣдкія старческія слезы льются изъ глазъ, но ни бунта, ни проклятій все-таки въ немъ нѣтъ. Мучаетъ болѣзнь, терзаетъ воспоминаніе о причиненномъ дорогимъ людямъ злѣ, томитъ смерть. Не меньше скорбей переживаетъ Павелъ Антоновичъ, чѣмъ Наумовы, но ихъ путемъ не идетъ. Почему? Потому что раскрытъ для него міръ иныхъ настроеній, которыми пренебрегаютъ Наумовы.

„Едва говоря, онъ попросилъ нарвать сирени. Сирень была свѣжая, блѣдно-фіолетовая, съ капельками росы. Вдыхая ея запахъ, онъ слабыми пальцами трогалъ цвѣты. И улыбнулся горько, вспомнивъ, что никогда не могъ найти въ сирени пять лепестковъ—счастья. Потомъ, закрывъ глаза, сталъ думать о Богѣ. Въ это время онъ забылъ о своей жизни, товарищахъ, врагахъ; ему казалось, *Богъ есть, и эта сирень, и вообще прекрасные цвѣты, прекрасная любовь суть именно свидѣтельства и проявленія Бога.* Вспомнивъ же о женщинахъ, которыхъ любилъ, онъ подумалъ, что, быть можетъ, самой дивной, неземной любви, о которой мечталъ въ юности, онъ не зналъ вовсе. Тогда онъ снова взялъ сирень, *поцѣловалъ ее* и мысленно просилъ Бога, чтобы Онъ скорѣе избавилъ его отъ этой несчастной, страдальческой жизни".

Личная жизнь не удалась, не осуществила всей полноты красоты и любви. Но это не основаніе считать лживымъ призракомъ красоту, любовь и правду вообще. Прекрасны цвѣты, прекрасна природа,

прекрасна робкая мечта человѣка о любви и правдѣ. Стоитъ только раскрыть сердце для многообразныхъ зововъ всей жизни, насъ окружающей и внутри творящейся — и мракъ гнетущихъ насъ индивидуальныхъ бѣдствій, какъ бы тяжки они ни были, растаетъ въ немеркнущемъ свѣтѣ жизни въ цѣломъ, богатой воплощающимися и еще ждущими воплощенія прекрасными возможностями. Достаточно обнять сердцемъ красоту хотя бы одного цвѣтка, полюбить его, чтобы ясно почувствовать, въ чемъ заключается истинная правда сердца, чего оно по истинѣ жаждетъ, чѣмъ оно живо, въ чемъ заключается основной стержень его и жизни вообще. Пусть моя личная слабость, мое несовершенство не дали упиться мнѣ тѣмъ, что одно только на потребу. Пусть, захваченный суетой вѣчной торопливости, я не успѣвалъ углубленно и сосредоточенно вопросить себя, и потому совершалъ поступки по истинѣ ненужные и ложные, причиняя тѣмъ горе и страданіе и себѣ, и близкимъ. Пусть по торопливости и поверхностности я заметался, засуетился, заблудился и не нашелъ пяти лепестковъ въ сирени, но вѣдь эти пять лепестковъ есть, я знаю это точно, и въ минуту сосредоточеннаго созерцанія вижу ихъ ясно. Только ослабѣлъ ужъ я очень, усталъ отъ ненужныхъ порываній, не дотянуться мнѣ до завѣтнаго цвѣтка. Горько, однако „вся вина здѣсь на мнѣ“, и, понимая это, я грущу о моей неудавшейся жизни, но не анаѳематствую жизнь вообще. Наоборотъ, хочу, чтобы другіе, еще не усталые, поняли то, что я теперь понимаю, создали ту красоту, которой я не успѣлъ создать, насладились тѣмъ, чѣмъ мнѣ уже не насладиться. „Желаю тебѣ ясной и свѣтлой жизни,—пишетъ Павелъ Антоновичъ сыну,—помни, другъ мой, что величайшее счастье, какъ и величайшее горе человѣка, есть любовь, и постарайся создать себѣ жизнь достойнѣе отцовской. Меня же, если можешь, пожалѣй; если каплю любишь — помоги: не отталкивай послѣ моей смерти Анну, поддержи Наташу—все-же она тебѣ сестра“.

Грусть смягчается надеждою, что своею смертью, уходомъ изъ жизни, человѣкъ унесетъ изъ жизни и то горе, которое онъ, по неудачливости своей, принесъ другимъ, дорогимъ и близкимъ. И еще другая надежда теплится. Умирающій знаетъ, какъ тяжко будетъ и сыну, и женѣ, если они не послушаются его. Теперь, покорные суетливымъ голосамъ души, они могутъ счесть себя вправѣ оттолкнуть ту, другую—но потомъ, когда поймутъ то, что понимаетъ теперь, въ смертную минуту, Павелъ Антоновичъ, будутъ скорбѣть такъ же, какъ онъ скорбитъ теперь. И жалость за другихъ, дорогихъ, заливаетъ его сердце, и хочется ему спасти ихъ отъ грядущихъ мукъ—и въ этой заботѣ о другихъ растворяется безъ остатка его личная скорбь, и

самая смерть, умудрившая его и помогающая ему спасти другихъ, уже не является для него безсмысленнымъ страшилищемъ.

И онъ правъ: въ минуту кончины еще разъ лепечетъ онъ коснѣющимъ языкомъ свою неотступную просьбу къ женѣ. „Она заплакала, припала къ его щекѣ и сердце ея разорвалось, когда она увидѣла эти большіе, нѣсколько суровые, давно любимые и измученные глаза. Вѣроятно, онъ прочелъ что-то въ ея лицѣ. Онъ качнулъ головой, молча, и произнесъ: Такъ". Смерть мужа, въ самомъ дѣлѣ, что-то шевельнула въ суровомъ, обиженномъ сердцѣ жены. Начался душевный процессъ, медленный, но неуклонно руководимый памятью о почившемъ — не объ обидчикѣ, какимъ его сдѣлала жизнь, а объ иномъ, какимъ его сдѣлала смерть. „Просиживая надъ могилой подолгу, молясь, она ощущала умершаго не совсѣмъ такимъ, какимъ онъ былъ въ жизни; временное, будничное уходило. Въ воспоминаніяхъ образъ его былъ чище и возвышеннѣй".

Процессъ завершился. Наступила, наконецъ, минута, когда она почувствовала, что простила до глубины сердца. „Теперь, Павелъ Антонычъ, я исполнила, что ты хотѣлъ". Послѣднія узы — земли, жизни — падали... Во снѣ видѣла Павла Антоныча. Онъ былъ ясенъ, говорилъ ей что-то, но что именно, она не могла понять... Черезъ недѣлю она умерла". И не могла не умереть, ибо исполнила задачу жизни, осуществила смыслъ ея — очищеніе и просвѣтленіе души человѣческой, совлекла съ нея все злое, случайное, ненужное, и явила ее въ ея истинной сущности красоты, правды и добра.

С. Адріановъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Споры о рѣчахъ Вильгельма II въ германскомъ парламентѣ. — Свиданіе монарховъ въ Потсдамѣ. — Конституціонный кризисъ въ Англіи. — Австрійскія дѣла.

Личныя выступленія Вильгельма II за послѣднее время послужили предметомъ запроса въ германскомъ имперскомъ сеймѣ и вызвали интересныя пренія въ засѣданіи 26-го (13-го) ноября. Запросъ, внесенный соціалъ-демократической партіею, основывался на фактическомъ нарушеніи обѣщанія, даннаго два года тому назадъ, отъ имени императора, княземъ Бюловомъ — обѣщанія соблюдать сдержанность въ публичныхъ заявленіяхъ по вопросамъ общей политики. Еще недавно, при посѣщеніи католическаго монастыря близъ Донауэшингена—ре-

зиденціи князя Фюрстенберга, — Вильгельмъ II произнесъ рѣчь, содержаніе которой чрезвычайно понравилось всѣмъ реакціоннымъ и консервативнымъ партіямъ, особенно католической партіи центра. Въ принципѣ императоръ долженъ стоять внѣ и выше отдѣльныхъ партій, а въ дѣйствительности онъ высказывается въ чисто-партійномъ духѣ, чѣмъ причиняетъ искреннее огорченіе вѣрноподданнымъ нѣмецкимъ либераламъ. Передовыя либеральныя группы не скрывали своего неудовольствія, но все-таки не рѣшались внести этотъ щекотливый вопросъ на обсужденіе парламента. Честь иниціативы въ данномъ случаѣ была предоставлена соціалъ-демократамъ.

Мотивировать запросъ выпало на долю одному изъ самыхъ горячихъ партійныхъ ораторовъ, депутату Ледебуру. Онъ наговорилъ, быть можетъ, много лишняго, но его аргументы производили серьезное впечатлѣніе. Соціалъ-демократы, по его словамъ, ничего не имѣютъ противъ того, чтобы императоръ высказывался сколько ему угодно и о чемъ угодно безъ всякихъ стѣсненій, ибо его рѣчи вѣрнѣе всякой соціалистической пропаганды способствуютъ распространенію оппозиціонныхъ идей въ народѣ; но по справедливости можно желать, чтобы и народъ получилъ возможность отвѣчать императору, отражать его нападки и опровергать его мнѣнія. Между тѣмъ всякая рѣзкая критика его рѣчей внѣ стѣнъ парламента можетъ повлечь за собою процессъ объ оскорбленіи величества. „Мы требуемъ, — заявлялъ депутатъ Ледебуръ, — чтобы личное вмѣшательство императора въ политику было введено въ извѣстныя законныя границы, такъ какъ это вмѣшательство подвергаетъ опасности жизненные интересы, честь и репутацію Германіи“. Вильгельмъ II ошибается, утверждая, что международный миръ покоится на вооруженіяхъ; въ защиту общаго мира работаютъ народныя массы и, въ частности, соціалъ-демократы. „Нельзя не вспомнить по этому поводу — прибавилъ ораторъ — о великомъ русскомъ писателѣ и мыслителѣ Толстомъ. Онъ зналъ войну не по парадамъ и маневрамъ, а по личному опыту; не было на свѣтѣ болѣе рѣшительнаго противника войны, чѣмъ онъ. Всею силою своей энергіи и своихъ дарованій онъ боролся противъ международныхъ убійствъ; онъ сдѣлалъ въ пользу мира больше, чѣмъ всѣ монархи Европы“. Монархъ обязанъ управлять страною согласно мнѣніямъ и желаніямъ народа; „въ противномъ случаѣ онъ подготовитъ кризисъ, который можетъ окончиться или его личнымъ устраненіемъ, или устраненіемъ монархическаго строя вообще“. Путь, избранный императоромъ въ союзѣ съ клерикалами, не ведетъ къ добру; „по этому пути шли Стюарты въ Англіи и Бурбоны во Франціи; еще на дняхъ шествовалъ по той же дорогѣ молодой король Мануэль португальскій, который былъ обремененъ по наслѣдству такими же идеями, какъ

Вильгельмъ II, и вынужденъ былъ въ темную ночь покинуть родную землю". Необходимо предпринять что-нибудь для противодѣйствія личному режиму и для устраненія господства бюрократіи; народъ долженъ добиться самоуправленія черезъ посредство парламента. „Министры должны быть только исполнительными органами народной воли; имперскій канцлеръ можетъ назначаться только изъ числа лицъ, пользующихся народнымъ довѣріемъ". Въ борьбѣ противъ правыхъ „соціалъ-демократы будутъ съ радостью привѣтствовать тѣхъ свободомыслящихъ и прогрессистовъ, которые пожелаютъ присоединиться къ нимъ, въ качествѣ союзниковъ". Эти слова Ледебура вызвали шумное одобреніе въ рядахъ оппозиціи, и оттуда раздался возгласъ: „мы съ радостью будемъ бороться вмѣстѣ съ вами!" Ораторъ закончилъ свою рѣчь нѣсколькими рискованными фразами, доставившими большое удовольствіе консерваторамъ. „Мы твердо по прежнему — сказалъ онъ — держимся республиканскихъ требованій. Какъ и въ другихъ странахъ, въ Германіи долженъ восторжествовать республиканскій духъ. Духъ времени, который императоръ называетъ пагубнымъ, одержитъ побѣду. Но это не мѣшаетъ намъ поддерживать стремленія къ парламентскому владычеству, какое мы видимъ въ Англіи".

Излишняя откровенность депутата Ледебура значительно облегчила задачу обычныхъ враговъ и обличителей соціалъ-демократіи. Такъ какъ самъ Ледебуръ признаетъ свою партію республиканскою, то какую цѣну можетъ имѣть его защита существующей имперской конституціи отъ мнимыхъ или дѣйствительныхъ посягательствъ императора? Имперскій канцлеръ, Бетманъ-Голльвегъ, въ своемъ отвѣтѣ на предъявленный запросъ, не преминулъ воспользоваться оплошностью оппозиціоннаго оратора. „Разсужденія депутата Ледебура—началъ онъ—ясно показываютъ, что онъ и его партія руководствуются въ данномъ случаѣ не заботою объ общественномъ благѣ, не желаніемъ упрочить конституціонныя учрежденія, а напротивъ, страстною враждою къ нашей конституціи. Вѣдь онъ самъ только что заявилъ о республиканскомъ характерѣ своей партіи. Въ этомъ нѣтъ, разумѣется, ничего новаго; но никогда еще конечная цѣль соціалъ-демократіи не выставлялась передъ обществомъ съ такою опредѣленностью, какъ сегодня. По крайней мѣрѣ теперь вся страна будетъ знать, къ какой цѣли вы стремитесь. Если вы хотѣли достигнуть этой ясности, то можно поздравить васъ съ успѣхомъ". Нѣтъ сомнѣнія, что намекъ на республику дѣйствуетъ устрашающимъ образомъ на умѣренныхъ либераловъ; но даже самые скромные нѣмецкіе патріоты могли бы замѣтить, что политическая программа соціалъ-демократіи издавна всѣмъ извѣстна и что стремленіе къ республикѣ, какъ къ конечной цѣли, нисколько не исключаетъ возможнаго усовершенствованія монархическаго строя

въ смыслѣ приближенія его къ парламентаризму. Между теоретическими, принципіальными программами и текущими практическими задачами всегда замѣчается существенное различіе, и это обстоятельство повсюду признается вполнѣ естественнымъ, какъ противорѣчіе между теоріею и практикою, между идеаломъ и его примѣненіемъ. Въ программѣ любой изъ реакціонныхъ партій, на которыя опирается правительство Бетмана-Голльвега, содержатся высокіе принципы, совершенно чуждые ихъ практической дѣятельности; объ этихъ принципахъ стараются забыть сами представители заинтересованныхъ партій, чего никакъ нельзя сказать о соціалъ-демократахъ.

По существу вопроса имперскій канцлеръ ограничился чисто-формальными соображеніями. Король-императоръ, по мнѣнію Бетмана-Голльвега, ни въ чемъ не нарушилъ своихъ обязательствъ и не вышелъ изъ предѣловъ своихъ конституціонныхъ полномочій; онъ имѣетъ полное право публично подтверждать свое религіозное міросозерцаніе и свою увѣренность въ самостоятельномъ источникѣ своей власти. „Личная безотвѣтственность короля, первобытность монархическаго права, независимость его отъ народнаго верховенства—это основныя черты прусской государственной жизни, которыя сохранились и въ періодъ конституціоннаго развитія. Когда прусскій король, въ противовѣсъ перемѣнчивымъ общественнымъ взглядамъ, ссылается на свою совѣсть, какъ на руководящую нить своей дѣятельности, то это онъ дѣлаетъ въ силу сознанія полноты своего права и своихъ обязанностей. Въ этомъ пониманіи положенія императора и короля мы стоимъ на конституціонной почвѣ“.

Въ дальнѣйшихъ преніяхъ выяснилась противоположность точекъ зрѣнія различныхъ парламентскихъ партій, при чемъ большинство было, конечно, на сторонѣ правительства. Отъ имени центра говорилъ баронъ Гертлингъ, который съ особеннымъ сочувствіемъ останавливался на религіозныхъ идеяхъ императора и не находилъ въ нихъ никакого отступленія отъ началъ конституціонной монархіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ взывалъ къ единенію всѣхъ нравственныхъ силъ для совмѣстной борьбы противъ атеизма и вольнодумства крайнихъ политическихъ группъ. Вождь консерваторовъ, фонъ-Гейдебрандъ, одобрилъ заявленіе канцлера, но настоятельно требовалъ энергическихъ мѣръ противъ соціалъ-демократіи, подрывающей всѣ нравственныя и политическія основы современнаго гражданскаго общества. Предводитель націоналъ-либераловъ, Бассерманъ, произнесъ обстоятельную дѣловую рѣчь, въ которой съ возможною объективностью разобралъ доводы интерпеллянтовъ и возраженія ихъ противниковъ. Онъ находитъ и тѣхъ и другихъ неправыми, но признаетъ основательными нѣкоторые упреки, обращаемые къ монарху. „Хотя мы всѣ убѣждены—говоритъ

онъ—въ искренности чувствъ, одушевляющихъ императора при обсужденіи извѣстныхъ вопросовъ, но мы все-таки должны желать большей сдержанности, требуемой прежде всего интересами самой короны, и я думаю, что канцлеръ заслужилъ бы благодарность народа, еслибы онъ старался слѣдовать въ этомъ направленіи по стопамъ своего предмѣстника. Мы не можемъ считать правильнымъ, чтобы носитель короны становился въ центрѣ партійнаго спора, который притомъ, къ сожалѣнію, часто переходитъ за черту обязательнаго благоговѣйнаго отношенія къ императору". Въ то же время Бассерманъ совѣтуетъ соціалъ-демократамъ не подчеркивать своихъ республиканскихъ идей, отказаться отъ революціонныхъ плановъ и примириться съ монархіею: тогда они могли бы дѣйствовать за-одно со всѣми либеральными партіями. При настоящихъ же условіяхъ, „чѣмъ рѣзче будутъ они выступать противъ монархическаго принципа, тѣмъ сильнѣе значительные слои нѣмецкаго общества будутъ чувствовать потребность опираться на крѣпкую монархію". Соціалъ-демократы не послушались Бассермана и не увлеклись перспективою превращенія въ союзниковъ націоналъ-либераловъ.

Всецѣло въ защиту запроса и его авторовъ высказался ораторъ прогрессивной народной партіи, фонъ-Пайеръ. Ссылка на божественное право — объясняетъ онъ — не соотвѣтствуетъ тому факту, что власть монарха опредѣляется конституціонными законами и ограничивается парламентскими постановленіями. „Въ Германской имперіи нѣтъ подданныхъ, а есть только граждане, изъ которыхъ каждый можетъ заявлять притязаніе на гарантированныя ему государственныя права въ той же мѣрѣ, какъ и германскій императоръ. И парламентъ имѣетъ права, предъ которыми должна останавливаться высшая воля въ государствѣ, если право должно оставаться правомъ". Нѣтъ ничего несправедливаго или обиднаго для императора въ требованіи, чтобы онъ признавалъ себя конституціоннымъ государемъ, правителемъ въ современномъ смыслѣ этого слова. Что его рѣчи имѣютъ вызывающій оттѣнокъ и могутъ быть истолкованы въ пользу опредѣленныхъ реакціонныхъ стремленій—это, по словамъ фонъ-Пайера, видно уже изъ того, что партіи консерваторовъ и центра заговорили теперь тономъ побѣдителей и стали вновь поддерживать требованія и претензіи, которыя до недавняго времени казались слишкомъ смѣлыми и односторонними. Пассивное отношеніе канцлера къ этимъ политическимъ аномаліямъ, по мнѣнію фонъ-Пайера, недопустимо. Въ томъ же духѣ, но съ примѣсью язвительнаго остроумія, говорилъ второй соціалъ-демократическій ораторъ, д-ръ Давидъ. Если слѣдовать толкованію канцлера, что формула „Божіею милостью" означаетъ лишь вѣру въ Бога, то и имперскій сеймъ существуетъ Бо-

жіею милостью, и сами соціалъ-демократы существуютъ и умножаются Божіею милостью. „Милость Божія—замѣчаетъ д-ръ Давидъ—обратилась въ нашу сторону при дополнительныхъ частичныхъ выборахъ". Императоръ отозвался отрицательно объ общественныхъ чувствахъ и стремленіяхъ женщинъ; поэтому всѣ просвѣщенныя нѣмецкія женщины должны примкнуть къ соціалъ-демократіи, когда наступитъ моментъ борьбы за народныя права. „Воля народа есть высшій законъ".

Пренія закончились небольшою рѣчью консерватора фонъ-Дирксена, члена имперской партіи, который нашелъ, что все обсужденіе внесеннаго запроса было только напрасною потерею времени. „Многихъ стѣсняетъ—сказалъ между прочимъ Дирксенъ—энергическая личность Вильгельма II. Ихъ идеалъ—маріонетка. Но мы желаемъ имѣть короля, стоящаго надъ партіями, въ видѣ спокойнаго центра. Если король и ошибается иногда, какъ всякій человѣкъ, то онъ все-таки проникнутъ наилучшими намѣреніями. Бебель сказалъ однажды, что Гогенцоллерны никогда не мѣняются. Пусть Гогенцоллерны всегда останутся такими, какъ они есть". Консервативный патріотъ Дирксенъ незамѣтно, противъ своей воли, подтвердилъ въ сущности все то, что говорили ораторы оппозиціи. Если король долженъ стоять надъ партіями, внѣ и выше ихъ, то онъ не можетъ выражать свою солидарность и сочувствіе одной партіи, а порицаніе—другой; онъ долженъ съ одинаковымъ безпристрастіемъ относиться какъ къ консерваторамъ, аграріямъ и клерикаламъ, такъ и къ передовымъ прогрессистамъ и соціалъ-демократамъ. Никто не сомнѣвается въ томъ, что даже ошибки короля истекаютъ изъ добрыхъ намѣреній—но тогда не слѣдуетъ приписывать ему непогрѣшимость, освобождающую его отъ общественнаго контроля и отъ перемѣнчивыхъ вліяній народнаго мнѣнія; тогда нѣтъ и повода ссылаться на непосредственныя внушенія свыше. Что же касается добрыхъ намѣреній, то давно уже сказано, что ими вымощенъ адъ. Такимъ образомъ, и съ точки зрѣнія консерватора Дирксена своеобразныя „божественныя" рѣчи Вильгельма II не имѣютъ за собою внутренняго оправданія. Впрочемъ, и предположенія оппозиціи о вредныхъ послѣдствіяхъ этихъ рѣчей могутъ казаться преувеличенными, если принять во вниманіе ту свободу критики, которая безпрепятственно примѣняется къ нимъ въ значительной части нѣмецкой печати.

Въ области внѣшней политики императоръ Вильгельмъ II пользуется гораздо большею свободою дѣйствій и менѣе подвергается критикѣ, чѣмъ въ дѣлахъ внутреннихъ. Всѣ признаютъ за нимъ замѣчательное искусство въ устройствѣ выгодныхъ для Германіи между-

народныхъ комбинацій. Нельзя, поэтому, удивляться и тѣмъ толкамъ, которые были вызваны въ западно-европейской печати недавнимъ свиданіемъ двухъ императоровъ въ Потсдамѣ. Говорили, что Вильгельму II удалось опять вовлечь Россію въ кругъ своего политическаго вліянія, что при его посредничествѣ вновь возстановлены старыя русско-австрійскія связи и что представляется, будто бы, вполнѣ возможною какая-то коренная перемѣна въ общей группировкѣ великихъ европейскихъ державъ. Симптомы предстоящаго поворота усматривались и въ рѣзкихъ выходкахъ нѣкоторыхъ нашихъ реакціонеровъ по адресу Франціи, и въ пренебрежительномъ тонѣ разсужденій извѣстной части нашей печати по поводу внутреннихъ французскихъ дѣлъ. Дружеское свиданіе монарховъ, имѣвшее мѣсто 4—5-го ноября (нов. ст.) въ обычной резиденціи прусскаго короля, было несомнѣнно крупнымъ политическимъ фактомъ и указывало на смягченіе той натянутости, которая давала себя чувствовать въ русско-германскихъ и особенно въ русско-австрійскихъ отношеніяхъ со времени крутой развязки боснійскаго вопроса. Оффиціозный берлинскій корреспондентъ „Кельнской газеты" удостовѣряетъ, что „при переговорахъ и бесѣдахъ между вновь назначеннымъ русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, имперскимъ канцлеромъ Бетманъ-Голльвегомъ и статсъ-секретаремъ фонъ-Кидерленъ-Вехтеромъ были подробно обсуждены всѣ тѣ пункты, въ которыхъ замѣшаны германскіе интересы и которые могли бы привести къ разногласіямъ и затрудненіямъ между Россіею и Германіею". „Весьма утѣшительный результатъ этихъ прямодушныхъ переговоровъ — замѣчаетъ тотъ же корреспондентъ—заключается въ томъ, что обѣ стороны согласились въ будущемъ вступать въ непосредственныя сношенія для откровенныхъ взаимныхъ объясненій при всякихъ возникающихъ недоразумѣніяхъ".

Это дѣловое сближеніе съ Германіею не можетъ, конечно, повліять на характеръ нашего союза съ Франціею, который покоится не только на общности политическихъ интересовъ, но и на твердыхъ финансовыхъ основаніяхъ. Каковы бы ни были личныя чувства и желанія нашихъ вліятельныхъ „патріотовъ", нѣтъ возможности отрицать, что, кромѣ соображеній политическаго равновѣсія, насъ неразрывно связываютъ съ французскою націею какъ тѣ милліарды, которые помѣщены ею въ нашихъ займахъ, такъ и тѣ, которые намъ предстоитъ еще занять у французовъ въ будущемъ. Въ финансовомъ отношеніи французскій союзъ не можетъ быть замѣненъ никакимъ другимъ, и уже по одной этой причинѣ, независимо отъ всѣхъ прочихъ, онъ составляетъ для насъ безусловную необходимость. Съ другой стороны, и Франція нуждается въ русскомъ союзѣ, тогда какъ Германія отлично обходится безъ насъ, имѣя за собою Австро-Венгрію и отчасти Италію. Притомъ близость съ Франціею обезпечиваетъ намъ постоянное и

прочное соглашеніе съ Англіею, которое является, безспорно, однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ общаго международнаго мира въ Европѣ и въ Азіи. Мы можемъ, поэтому, вполнѣ спокойно оставлять безъ вниманія періодически возникающіе слухи объ ослабленіи франко-русскаго союза и о замѣнѣ его другою политическою комбинаціею.

Въ Англіи конституціонный кризисъ, связанный съ вопросомъ о реформѣ верхней палаты, развивается съ неожиданною быстротою и близится къ окончательной развязкѣ.

Какъ извѣстно, вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между обѣими палатами британскаго парламента былъ формально возбужденъ четыре года тому назадъ покойнымъ Кемпбелль-Баннерманомъ, послѣ отклоненія лордами правительственнаго школьнаго билля. Либеральная партія издавна чувствовала ненормальность своего положенія при существованіи полноправной аристократической палаты: консерваторы, даже будучи въ меньшинствѣ и находясь въ оппозиціи, держатъ законодательную власть въ своихъ рукахъ и могутъ парализовать дѣятельность парламентскаго большинства при помощи солидарной съ ними палаты лордовъ. Пока власть принадлежитъ консерваторамъ, обѣ палаты дѣйствуютъ заодно; при либеральномъ же министерствѣ оппозиція располагаетъ верхнею палатою и превращаетъ ее въ орудіе борьбы противъ народной воли, выраженной путемъ парламентскихъ выборовъ. Опираясь на лордовъ, вожди консервативной оппозиціи контролируютъ либеральное законодательство и останавливаютъ его ходъ по своему усмотрѣнію. Какимъ бы большинствомъ ни располагала либеральная партія въ парламентѣ, она всегда находится въ зависимости отъ консерваторовъ, господствующихъ въ верхней палатѣ и имѣющихъ возможность наложить свое *вето* на важнѣйшія законодательныя рѣшенія палаты общинъ.

Противъ этого права *вето* и предпринята была либералами энергическая кампанія. Въ іюнѣ 1907-го года палата общинъ, большинствомъ 434 противъ 149 голосовъ, одобрила внесенную правительствомъ резолюцію, направленную къ тому, чтобы обезпечить первенство и преобладаніе выборной палаты въ дѣлахъ законодательствъ. Борьба на нѣкоторое время затихла, но разгорѣлась съ новою силою, когда лорды въ 1909-мъ году отвергли цѣликомъ весь бюджетъ, принятый палатою общинъ. Правительство вынуждено было обратиться къ избирателямъ. Парламентскіе выборы рѣшили дѣло противъ лордовъ. Новая палата собралась въ февралѣ настоящаго года. Въ засѣданіи 29-го марта премьеръ Асквитъ внесъ свои „резолюціи", которыми съ достаточною ясностью опредѣлялась сущность предположенной кон-

ституціонный реформы. Во-первыхъ, палата лордовъ должна быть лишена по закону права отклонять и исправлять финансовые билли; во-вторыхъ, всѣ прочіе законопроекты, трижды принятые палатою общинъ и отвергнутые лордами въ теченіе трехъ послѣдовательныхъ сессій, получаютъ законную силу безъ согласія верхней палаты, если отъ первоначальнаго внесенія билля въ палату общинъ до принятія его въ третій разъ прошло не менѣе двухъ лѣтъ. Послѣ обстоятельнаго обсужденія этихъ резолюцій палата приняла ихъ 14-го (1-го) апрѣля значительнымъ большинствомъ голосовъ; въ тотъ же день правительство представило соотвѣтствующій этимъ резолюціямъ законопроектъ, который и былъ одобренъ въ первомъ чтеніи. Тѣмъ временемъ, въ теченіе марта, шло параллельное обсужденіе конституціонной реформы въ палатѣ лордовъ, по резолюціямъ гр. Розбери, при чемъ имѣлось въ виду преобразованіе состава верхней палаты, независимо отъ вопроса о предѣлахъ ея полномочій. Предложенія лорда Розбери, ставящія извѣстныя границы принципу наслѣдственности, были приняты лордами послѣ продолжительныхъ преній; но главный предметъ спора—объемъ правъ верхней палаты—остался незатронутымъ, и потому эта попытка не могла способствовать желательному разрѣшенію кризиса.

Неожиданная смерть короля Эдуарда, (6-го мая нов. ст.), охладила горячность партійной борьбы и побудила обѣ стороны искать мирнаго соглашенія, цѣною обоюдныхъ уступокъ. Рѣшено было устроить секретныя совѣщанія между главными представителями обѣихъ партій—правительственной и оппозиціонной. Первое собраніе этой примирительной междупартійной конференціи состоялось 17-го (4-го) іюня, при участіи восьми человѣкъ, по четыре представителя съ каждой стороны: отъ правительственной партіи были делегатами премьеръ Асквитъ, лидеръ верхней палаты лордъ Крю, канцлеръ казначейства Ллойдъ-Джорджъ и статсъ-секретарь по дѣламъ Ирландіи Биррель; со стороны оппозиціи — Бальфуръ, лордъ Лэнсдаунъ, лордъ Каудоръ и Остинъ Чемберлэнъ. Конференція собиралась двадцать одинъ разъ, и послѣ послѣдняго ея засѣданія, 10-го ноября (нов. ст.), стало извѣстно, что никакого соглашенія не достигнуто. Обѣ стороны разошлись въ воинственномъ настроеніи, съ готовностью идти на встрѣчу дальнѣйшимъ событіямъ. Правительство не видѣло другого исхода, кромѣ роспуска парламента и назначенія новыхъ выборовъ.

Парламентъ собрался 15-го (2-го) ноября послѣ трехмѣсячнаго перерыва. Вождь оппозиціоннаго большинства въ палатѣ лордовъ, маркизъ Лэнсдаунъ, потребовалъ отъ правительства, чтобы оно внесло въ палату свой парламентскій билль. Это желаніе оппозиціи было исполнено графомъ Крю на слѣдующій день, 16-го, и парламентскій

билль поступилъ на разсмотрѣніе лордовъ, хотя безполезность этого шага была для всѣхъ очевидна. Лордъ Розбери предложилъ свои дополнительныя резолюціи о реформѣ состава верхней палаты; но уже 18-го (5-го) правительство сообщило палатамъ о своемъ рѣшеніи распустить парламентъ тотчасъ послѣ принятія существенныхъ отдѣловъ бюджета и нѣкоторыхъ второстепенныхъ законопроектовъ.

Въ палатѣ лордовъ, 21-го ноября, происходило второе чтеніе правительственнаго парламентскаго билля; лордъ Крю произнесъ большую объяснительную рѣчь, на которую отвѣчалъ лордъ Лэнсдаунъ, и пренія приняли неожиданный оборотъ: вождь оппозиціи заявилъ о своемъ намѣреніи внести свои контръ-предложенія и просилъ, поэтому, отложить разсмотрѣніе правительственнаго билля на два дня. Лордъ Крю съ недоумѣніемъ спрашивалъ, почему эти предложенія не вносятся въ видѣ поправокъ къ обсуждаемому биллю; но консервативные ораторы давали понять, что для нихъ очень важно выступить теперь же съ опредѣленною реформаторской программою, въ виду предстоящихъ выборовъ. Лордъ Лэнсдаунъ внесъ свои контръ-предложенія 23-го ноября; сущность ихъ заключалась въ томъ, что въ случаѣ упорнаго разногласія между обѣими палатами вопросъ рѣшается въ соединенномъ засѣданіи ихъ; если же споръ касается интересовъ и вопросовъ особенной важности, относительно которыхъ народъ не имѣлъ еще случая высказаться съ достаточною опредѣленностью, то дѣло передается на рѣшеніе избирателей, путемъ народнаго голосованія. Лорды отказываются отъ права отвергать или исправлять чисто-финансовые билли, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы въ случаѣ какихъ-либо сомнѣній истинный характеръ спорнаго билля подвергался тщательной провѣркѣ въ соединенной коммиссіи обѣихъ палатъ, подъ предсѣдательствомъ спикера.

Эти контръ-предложенія, крайне либеральныя на первый взглядъ, обходятъ молчаніемъ основной вопросъ объ ограниченіи правъ верхней палаты сравнительно съ полномочіями выборныхъ народныхъ представителей. На практикѣ положеніе лордовъ только усилилось бы при системѣ соединенныхъ собраній обѣихъ палатъ, такъ какъ огромное консервативное большинство верхней палаты, вмѣстѣ съ меньшинствомъ палаты общинъ, легко доставляло бы перевѣсъ консерваторамъ, даже послѣ несомнѣннаго торжества либераловъ на выборахъ. Контръ-предложенія лорда Лэнсдауна вызвали рѣзкую критику со стороны немногихъ либеральныхъ лордовъ, но послѣ двухдневныхъ преній были приняты безъ голосованія, 24-го (11-го) ноября. Нѣсколько дней спустя, 28-го числа, въ палатѣ лордовъ, въ присутствіи членовъ палаты общинъ, была прочитана рѣчь короля, которою засѣданія парламента отсрочены до 15-го (2-го) декабря; затѣмъ королевскимъ при-

казомъ объявленъ роспускъ палаты общинъ, съ назначеніемъ новыхъ выборовъ. Срокъ созыва новаго парламента—31-го (18-го) января будущаго года.

Избирательная борьба началась еще до открытія заключительной краткой сессіи парламента и дѣятельно велась во время послѣднихъ его засѣданій. Главные ораторы обѣихъ партій, начиная съ Асквита и Бальфура, выступали уже съ своими програмными рѣчами въ различныхъ пунктахъ страны. Борьба ведется горячо и страстно съ обѣихъ сторонъ; кромѣ доводовъ разсудка и логики, пускаются въ ходъ личные уколы и нападки. Либеральная партія и поддерживаемый ею кабинетъ Асквита находятся теперь въ условіяхъ довольно затруднительныхъ, не обѣщающихъ имъ вѣрнаго успѣха въ избирательной кампаніи. Либералы вынуждены были вступить въ соглашеніе съ ирландскими автономистами, безъ которыхъ они не располагали бы большинствомъ въ парламентѣ; предводитель ирландской группы, Джонъ Редмондъ, получилъ возможность ставить правительству свои условія, и онъ съумѣлъ воспользоваться этимъ для того, чтобы вновь выдвинуть на первый планъ вопросъ объ ирландской автономіи. Въ случаѣ побѣды либераловъ, правительство внесетъ въ парламентъ проектъ „гомруля", способный удовлетворить ирландцевъ: таковъ первый результатъ парламентскаго союза, котораго добился Редмондъ. Между тѣмъ, идея гомруля далеко не пользуется популярностью въ широкихъ массахъ англійскихъ избирателей и до сихъ поръ вызываетъ ожесточенные протесты среди патріотовъ, принимающихъ близко къ сердцу интересы и чувства вліятельной протестантской части населенія Ирландіи. На необыкновенно многолюдномъ митингѣ въ Бельфастѣ патріотическое воодушевленіе мѣстныхъ обывателей дошло до того, что участники рѣшили организовать вооруженное сопротивленіе противъ всякой попытки принудительнаго гомруля; для этой цѣли было тутъ же собрано свыше десяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Введеніе гомруля въ той или другой формѣ представляется большинству англичанъ слишкомъ рискованною и опасною мѣрою, и на этой почвѣ консерваторы-уніонисты могутъ наносить сильные удары либераламъ.

Съ другой стороны, министерство должно было сблизиться также съ рабочею группою, которая вошла и входитъ въ общій составъ либеральной партіи; а требованія и стремленія рабочихъ далеко не соотвѣтствуютъ интересамъ господствующаго промышленнаго класса и часто рѣшительно противорѣчатъ имъ. Опасность гомруля и соціализма—таковъ лозунгъ нынѣшней оппозиціи, и нельзя отрицать, что значительныя массы британскаго населенія склонны поддаться этимъ предостерегающимъ призывамъ уніонистовъ. Либералы имѣютъ только одно оружіе—неудовольствіе противъ несправедливыхъ привилегій и

притязаній лордовъ; но и это оружіе притупилось и ослабѣло, вслѣдствіе своевременныхъ уступокъ и кажущагося либерализма верхней палаты. Вѣдь лорды скромно подчинились народному приговору и приняли безъ возраженій отвергнутый и вновь предложенный имъ бюджетный билль Ллойда-Джорджа; они утвердили и новый бюджетъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ прошелъ въ нижней палатѣ. Трудно будетъ убѣдить англійскихъ избирателей, что лорды отстаиваютъ свое право *вето* и возстаютъ противъ общественнаго и народнаго мнѣнія: вѣдь палата лордовъ сама отказывается отъ своихъ правъ относительно финансовыхъ биллей и идетъ даже дальше либераловъ въ своемъ демократизмѣ, предлагая республиканскій принципъ референдума для рѣшенія спорныхъ вопросовъ. Частые парламентскіе выборы чрезвычайно дорого обходятся странѣ и народу, не говоря уже о самихъ кандидатахъ и поддерживающихъ ихъ организаціяхъ; а въ данномъ случаѣ оппозиція имѣетъ нѣкоторое основаніе утверждать, что роспускъ не былъ вызванъ необходимостью и что за него отвѣтственны либералы, а не консерваторы-уніонисты. Передовые прогрессивные ораторы всегда найдутъ благодарный матеріалъ для критики и насмѣшекъ, имѣя предъ собою партію герцоговъ и ихъ союзниковъ; но странѣ предстоитъ теперь рѣшить вопросъ не о герцогахъ и не о денежной аристократіи, а объ извѣстномъ компромиссѣ для урегулированія отношеній между палатою лордовъ и народнымъ представительствомъ. Подобные компромиссы неспособны увлекать кого бы то ни было, не вызываютъ подъема общественнаго настроенія, не затрагиваютъ живыхъ силъ и чувствъ народной массы. Споръ идетъ между двумя скромными формулами взаимодѣйствія двухъ существующихъ законодательныхъ палатъ, и если задать себѣ вопросъ, которая изъ этихъ формулъ шире и смѣлѣе, то по внѣшнимъ признакамъ, въ глазахъ зауряднаго обывателя, преимущество можетъ оказаться на сторонѣ уніонистской формулы, съ ея референдумомъ. Тѣмъ не менѣе партійная полемика ведется съ обѣихъ сторонъ въ обычномъ повышенномъ тонѣ.

Оппозиціонные дѣятели подчеркиваютъ то обстоятельство, что союзники либераловъ, ирландцы, ведутъ свою агитацію при помощи иностранныхъ капиталовъ и что всѣ средства на избирательную кампанію въ Ирландіи получаются Джономъ Редмондомъ изъ Америки. Канцлеръ казначейства, Ллойдъ-Джорджъ, замѣчаетъ по этому поводу, что партія герцоговъ не можетъ жаловаться на американскіе доллары или считать привлеченіе ихъ предосудительнымъ, такъ какъ сами герцоги охотно принимаютъ иностранные милліоны въ видѣ приданаго; такъ напримѣръ, герцогъ Мальборо получилъ десять милліоновъ долларовъ за своею женою, дочерью милліардера Вандербильта. Въ

рѣчи, сказанной затѣмъ въ Вудстонѣ, герцогъ Мальборо упомянулъ о томъ, что еще не такъ давно Ллойдъ-Джорджъ гостилъ у него въ замкѣ Бленгеймъ и былъ принятъ какъ джентльменъ, а нападать на политическихъ противниковъ, задѣвая ихъ женъ, едва ли совмѣстимо съ чувствомъ порядочности. Герцогъ Мальборо принялъ видъ оскорбленнаго, конечно, только потому, что это предписывается тактикою борьбы: вѣдь онъ же обвинялъ ирландцевъ и ихъ союзниковъ въ пользованіи американскими долларами; а въ указаніи на то, что его супруга, какъ дочь милліардера, получила многомилліонное приданое, нѣтъ для нея, разумѣется, ничего обиднаго. Стремленіе уязвить противниковъ или выставить ихъ въ дурномъ свѣтѣ проявляется одинаково во всѣхъ партіяхъ; подъ вліяніемъ избирательной горячки легко забываются обычныя правила вѣжливости и приличія. Даровитые и популярные ораторы, какъ Ллойдъ-Джорджъ и Черчилль, привлекаютъ слушателей своимъ неистощимымъ остроуміемъ, находчивостью и въ то же время искреннею убѣжденностью; они вѣроятно одержали бы верхъ надъ всякимъ противникомъ при публичномъ словесномъ спорѣ,—но результатъ выборовъ отъ этого не зависитъ. Серьезную роль въ современной избирательной агитаціи играютъ и женщины, добивающіяся избирательныхъ правъ,—а этотъ вліятельный женскій элементъ относится враждебно къ вождямъ либеральной партіи и къ главнымъ членамъ правительства. Страхъ передъ призракомъ возрожденнаго гомруля, боязнь соціалистическихъ вліяній, незначительность и слабость возвѣщенныхъ парламентскихъ перемѣнъ,—все это усиливаетъ позицію уніонистовъ и консерваторовъ, предводимыхъ такими опытными политическими стратегами, какъ Бальфуръ, Чемберлэнъ и лордъ Лэнсдаунъ. Какъ бы то ни было, обстановка начавшейся борьбы не говоритъ въ пользу неминуемаго торжества либеральнаго кабинета и его союзниковъ: какъ почва для состязанія, такъ и моментъ для рѣшительной встрѣчи выбраны, повидимому, не совсѣмъ удачно.

Засѣданія австрійской и венгерской делегацій обыкновенно мало обращаютъ на себя вниманія въ Европѣ. Всѣ заранѣе знаютъ, что австро-венгерскій министръ иностранныхъ дѣлъ прочтетъ длинный, утомительно-скучный канцелярскій докладъ, свидѣтельствующій о полномъ благополучіи во всѣхъ областяхъ дѣятельности вѣнскаго кабинета; заранѣе извѣстно также, что оппозиціонныя рѣчи чеховъ и прочихъ славянъ будутъ выслушаны съ нѣкоторымъ вниманіемъ и затѣмъ будутъ оставлены безъ послѣдствій.

На этотъ разъ произошло нѣчто другое: мирная дипломатиче-

ская атмосфера австрійской делегаціи была неожиданно нарушена крупнымъ скандальнымъ эпизодомъ, поставившимъ въ тупикъ даже уравновѣшеннаго и увѣреннаго въ себѣ графа Эренталя. Въ засѣданіи 11-го ноября (нов. ст.) одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ и авторитетныхъ членовъ австрійскаго парламента, профессоръ Масарикъ, категорически заявилъ, что подложные документы, послужившіе матеріаломъ для извѣстныхъ „разоблаченій" д-ра Фридъюнга, были сфабрикованы при ближайшемъ участіи австрійскаго посланника въ Бѣлградѣ, графа Форгача, и что объ этомъ долженъ былъ знать самъ графъ Эренталь. Министръ пробовалъ отнестись къ этимъ указаніямъ какъ къ „инсинуаціямъ", но когда взволнованный проф. Масарикъ выразилъ готовность представить неопровержимыя доказательства въ подтвержденіе своихъ словъ, Эренталь остался сидѣть на своемъ мѣстѣ, не зная, что̀ отвѣчать, и только нѣсколько минутъ спустя поднялся для краткаго голословнаго заявленія, что „графъ Форгачъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ составителемъ подложныхъ документовъ". Вся эта сцена произвела на присутствовавшихъ такое впечатлѣніе, какъ будто внезапно, на одно мгновеніе, былъ брошенъ лучъ свѣта въ одинъ изъ скрытыхъ угловъ закулисной политической лабораторіи, подготовляющей нужные матеріалы для достиженія маленькихъ цѣлей такъ называемой текущей политики. Изъ этой лабораторіи выходятъ свѣдѣнія о мнимыхъ заговорахъ хорватскихъ и сербскихъ дѣятелей, о преступныхъ сношеніяхъ ихъ съ чужими правительствами и т. п., и такимъ образомъ систематически создаются и поддерживаются аргументы для оправданія традиціоннаго положенія славянскихъ народностей, подвластныхъ нѣмцамъ и особенно мадьярамъ въ предѣлахъ Австро-Венгріи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

— Б. Л. Модзалевскій. Библіотека А. С. Пушкина. (Библіографическое описаніе). Отд. оттискъ изъ изданія: „Пушкинъ и его современники", вып. IX—X. Спб. 1910.

Умирая, Пушкинъ тоскливо обводилъ глазами свои полки съ книгами, прощаясь навѣки съ ними, какъ съ лучшими друзьями. Значительная часть библіотеки поэта, болѣе или менѣе пощаженная временемъ, сыростью, мышами, а также и людьми, дошла до насъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ была куплена въ казну за 18.000 рублей.

Сумма эта непомѣрно велика (въ библіотекѣ, тысячи въ три томовъ, очень мало рѣдкихъ и цѣнныхъ книгъ), но владѣльцы ея сумѣли воспользоваться нѣкоторыми благопріятными обстоятельствами. Къ тому же для насъ имѣетъ значеніе не самая библіотека, а точныя и обстоятельныя свѣдѣнія о ея составѣ. Они-то и даются описаніемъ, которое составилъ, внимательно и систематично, г. Модзалевскій, старательно перелистовавшій каждую книгу.

Изъ 1.522 названій въ библіотекѣ Пушкина русскихъ книгъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказывается немногимъ болѣе трети (529 номеровъ); остальныя по большей части—французскія. Составитель описанія распредѣлилъ ихъ по содержанію на слѣдующіе отдѣлы: богословіе, философія, народная словесность, изящная словесность, драматическія произведенія, теорія словесности, исторія литературы, исторія, исторія церкви, географія, путешествія, современныя описанія государствъ, статистика, этнографія, естествознаніе и медицина, юриспруденція, языкознаніе и „смѣсь“. Пользованіе описаніемъ облегчаютъ указатели собственныхъ именъ и географическихъ названій, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, годовъ и мѣстъ изданія книгъ и даже типографій, въ которыхъ онѣ печатались; при такой предусмотрительности является недостаткомъ отсутствіе указателя, въ которомъ книги, хоть за исключеніемъ русскихъ и французскихъ, были бы распредѣлены по языкамъ (нѣмецкій, англійскій, итальянскій, латинскій, греческій, польскій, испанскій, еврейскій). Всюду указывая имена авторовъ анонимныхъ сочиненій, г. Модзалевскій, однако, не отмѣтилъ, что „Явленіе Венеры на солнцѣ“ принадлежитъ Ломоносову, а „Kordjan“—Ю. Словацкому; „Les Consolations“ (№ 812)—кажется, Сентъ-Бёва. Жаль также, что не весь указатель составленъ по номерамъ книгъ, а большею частью по страницамъ; тогда онъ былъ бы удобнѣе. Зато составитель не полѣнился приложить списокъ книгъ, принадлежавшихъ Пушкину, но не имѣющихся въ его библіотекѣ. Вообще книгъ болѣе или менѣе интересныхъ и цѣнныхъ, которыя когда-то, несомнѣнно, были у Пушкина, теперь нѣтъ. Такъ, нѣтъ въ библіотекѣ „Путешествія N. N. въ Парижъ и Лондонъ“ И. И. Дмитріева, Радищевскаго „Путешествія“, попавшаго въ Публичную библіотеку, романовъ В. А. Ушакова, Погорѣльскаго, нѣкоторыхъ сочиненій Погодина, Гоголя, Жуковскаго, Булгарина, Полнаго Собранія Законовъ, которыя у Пушкина должны были имѣться; нѣтъ ни № „Телескопа“ съ знаменитымъ „письмомъ“ Чаадаева, ни отдѣльнаго оттиска, который былъ посланъ Чаадаевымъ Пушкину (см. „Вѣстникъ Европы“ 1871 г., ноябрь, 330). Съ другой стороны, какъ справедливо признаетъ г. Модзалевскій, „даже при наличности той или иной книги въ каталогѣ нельзя съ полною достовѣрностью сказать, что она при-

надлежала безусловно къ составу библіотеки поэта (если, конечно, не носитъ ясныхъ, положительныхъ признаковъ такой принадлежности), а не попала въ нее со стороны при тѣхъ случайностяхъ, которымъ она подвергалась". Такъ, въ одной книгѣ (№ 866) составитель описанія нашелъ визитную карточку 1849—1856 г.г. Кромѣ того, много книгъ вовсе неразрѣзанныхъ; во многихъ разрѣзано лишь по нѣскольку страницъ. Извѣстно, что Пушкинъ пріобрѣталъ книги впрокъ и въ одинъ послѣдній годъ своей жизни накупилъ французскихъ и англійскихъ книгъ на нѣсколько тысячъ рублей. Среди разрѣзанныхъ книгъ, весьма возможно, есть такія, которыхъ Пушкинъ никогда не читалъ, а среди неразрѣзанныхъ должны быть такія, которыя были ему извѣстны въ другихъ изданіяхъ или экземплярахъ. Всѣ подобныя соображенія должны быть приняты во вниманіе при пользованіи каталогомъ, который, при несомнѣнномъ нѣкоторомъ значеніи для изученія Пушкина, однако очень мало увеличиваетъ существующія свѣдѣнія о великомъ писателѣ и ни въ чемъ не измѣняетъ сложившихся представленій о немъ.

Составъ библіотеки довольно разнообразенъ и богатъ. Преобладаютъ, конечно, изящная литература и исторія; много классиковъ; среди писателей древности есть и второстепенные (объ интересѣ Пушкина къ нимъ свидѣтельствуютъ его антологическія стихотворенія, наброски „Египетскихъ ночей"); хорошо представлена французская литература XVIII-го вѣка, которая первая пріучила Пушкина къ чтенію. Среди книгъ немало авторскихъ подарковъ; нашлись автографы Баратынскаго, о. Іакинѳа Бичурина, Гнѣдича, Ганки, Мицкевича („Bajrona Puszkinowi poswięca wielbiciel obódwóch A. Mickiewicz"), А. И. Тургенева, И. И. Лажечникова, В. К. Кюхельбекера, бар. А. А. Дельвига. Нашлись кое-гдѣ на книгахъ и на вложенныхъ въ нихъ отдѣльныхъ листкахъ и автографы самого Пушкина. Нѣкоторые хранятъ слѣды свѣтлой пушкинской веселости и вызываютъ улыбку. Напримѣръ, на книжкѣ „О запоѣ и о лѣченіи онаго", которую Пушкинъ подарилъ или собирался подарить своему брату, большому гулякѣ, написано: „Милостивому Государю Братцу Льву Сергѣевичу Пушкину"; на листкѣ, найденномъ въ извѣстной „Физіологіи вкуса", записаны наставленія въ родѣ: „не откладывай до ужина того, что можешь съѣсть за обѣдомъ"; въ другой книгѣ—веселые стишки, набросанные, вѣроятно, вмѣстѣ съ А. П. Кернъ. Процензурованный (для несостоявшагося изданія) экземпляръ стихотвореній Пушкина даетъ двѣ поправки въ текстѣ „Сказки о рыбакѣ и рыбкѣ" (одна изъ нихъ—„Жемчуги огрузили шею" вмѣсто „окружили"). Гдѣ-то въ сборникѣ пословицъ поэтъ прибавилъ изъ запаса своей памяти: „въ кабакъ далеко, да ходить легко—въ церковь близко, да ходить склизко". На нѣко-

торыхъ книгахъ, впрочемъ—очень немногихъ, сохранились краткія замѣтки Пушкина, крестики, черточки; нѣсколько автографовъ дано въ снимкахъ. При осторожномъ пользованіи каталогъ кое въ чемъ пригодится изучающимъ Пушкина. Составитель, съ своей стороны, сдѣлалъ все, чтобы избавить ихъ отъ обращенія къ самымъ описаннымъ имъ экземплярамъ.

— Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Собраніе сочиненій. Томъ IV. Пушкинъ. Спб. 1910.

Новая книга нашего талантливаго критика останавливаетъ вниманіе читателя прежде всего самой темой своею, широкимъ охватомъ предмета. Со временъ Бѣлинскаго, написавшаго обзоръ пушкинской поэзіи, у насъ не появлялось труда, предметомъ котораго была бы вся лирика Пушкина какъ нѣчто цѣльное—и уже это одно подчеркиваетъ значеніе книги Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Къ тому же критикъ подошелъ къ своей задачѣ съ тѣмъ орудіемъ, которымъ владѣетъ особенно мастерски. Кое-что у насъ сдѣлано для историко-литературнаго изслѣдованія Пушкина, но рѣшительно новъ по самому методу этотъ „опытъ психологическаго изученія" пушкинскаго лиризма и реализма, приведшій автора и къ опыту разрѣшенія „теоретическаго вопроса—о существѣ лирики и о ея принципіальномъ отличіи отъ поэзіи образной", давно уже занимающаго Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. „Попытка заглянуть въ психологію пушкинскаго творчества" блестяще удалась автору, нарисовавшему живой и яркій портретъ великаго художника-лирика. „Геній Пушкина — говоритъ Д. Н. Овсянико-Куликовскій—тѣснѣйшимъ образомъ связывался у него съ самой натурою, съ его характеромъ, складомъ ума и даже темпераментомъ. Душа Пушкина представляетъ картину рѣдкой цѣльности, почти полной согласованности психическихъ элементовъ,—законченнаго синтеза души... Пушкинъ былъ геній общительный, съ ярко выраженной соціальной тягой, и это было въ полномъ согласіи съ его натурою какъ человѣка... Лиризмъ Пушкина, чуткій и всеобъемлющій, былъ однимъ изъ выраженій или проявленій его общительной души, его широкихъ человѣческихъ сочувствій". Теоретическіе взгляды автора на лирику важны по отношенію не къ одному только Пушкину, а ко всякому поэту вообще; пушкинская гармонія и разнообразіе лирическихъ мотивовъ явились, конечно, благодарною почвою для научнаго анализа. Послѣдній, замѣтимъ, не всегда можетъ быть примѣненъ съ полной чистотою и точностью. Такъ, указывая на „моцартовскую непосредственность" и жизнерадостность Пушкина, Д. Н. Овсянико-Куликовскій выражаетъ сомнѣніе въ принадлежности стихотворенія „Три ключа" къ „натуральной" лирикѣ Пушкина и относитъ его къ

„искусственной“ (стр. 135); между тѣмъ, самъ же Д. Н. Овсянико-Куликовскій въ другомъ мѣстѣ („Гоголь“, изд. 1909 г., стр. 166) находитъ, что „едва-ли найдется геній, который бы хоть разъ въ жизни не почувствовалъ фатальнаго, психически необходимаго разлада съ общественной средой, своей отчужденности отъ нея,—оттуда, между прочимъ, предрасположенность генія къ пессимизму“,—и въ видѣ примѣра указаны здѣсь именно „Три ключа“. „Ангелъ“ — примѣръ не столько „искусственной“ лирики (стр. 137), сколько „синкретическаго“ сочетанія искусственнаго лиризма съ натуральнымъ: Ангелъ и Демонъ здѣсь не только символы „духа отрицанія“ и „высшаго идеала“, но, какъ подсказываетъ біографія поэта—характеристики лицъ, сыгравшихъ нѣкоторую роль въ его жизни; въ пьесѣ не только изображено воздѣйствіе добра на зло, но и разсказано романическое происшествіе, участникомъ котораго былъ самъ Пушкинъ. Относя къ „искусственному“, противорѣчащему „укладу ума и натуры“ Пушкина, лиризму „Анчара“ и „Пророка“, Д. Н. Овсянико-Куликовскій (стр. 138) указываетъ на „жестокость“ перваго и идею „обличительной проповѣди“ во второмъ, упуская изъ виду, что „жестокость“ „Анчара“ продиктована глубокою жалостью „человѣка къ человѣку“, Пушкина—къ бѣдному рабу, и что въ той главѣ пушкинской этики и поэтики, которая называется „Пророкомъ“, вовсе не указывается, что жгучій глаголъ есть обличеніе. Знаменитое „Изъ VI Пиндемонте“ Д. Н. Овсянико-Куликовскій (стр. 161) считаетъ „прозой въ стихахъ“: „въ немъ нѣтъ ни лирики, ни образной поэзіи“. Однако, это ли не образъ— „безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья“, и не лирика ли, говоря словами самого критика (стр. 164), „вторая половина пьесы, гдѣ выраженъ страстный порывъ—порвать всѣ связи съ обществомъ и жить своимъ внутреннимъ міромъ“?..

Подобныя спорныя опредѣленія, впрочемъ, свидѣтельствуютъ не противъ самой классификаціи, а лишь въ пользу зыбкости тѣхъ или иныхъ поэтическихъ произведеній. Методъ же самъ по себѣ вполнѣ приложимъ къ искусству и облегчаетъ не только теоретическое изученіе его, но и практическое ознакомленіе съ нимъ. Книгу Д. Н. Овсянико-Куликовскаго можно назвать введеніемъ въ Пушкина, помогающимъ понимать его и какъ поэта, и какъ личность. Жаль только, что этотъ психологическій діагнозъ не полонъ: такъ, оставлена безъ вниманія столь значительная черта писательской физіономіи Пушкина, какъ юморъ. Безъ юмора, которымъ пропитанъ „Евгеній Онѣгинъ“, поэту никогда бы не удалось „художественное обобщеніе натуръ и умовъ, имѣющихъ очень мало общаго съ личностью Пушкина“: именно имъ объясняются заинтересовавшія критика художественныя „мистификаціи“ Пушкина. — Н. Лернеръ.

— Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Выпускъ III. Москва, изд. „Научнаго Слова". 1910.

Первые два выпуска „Силуэтовъ" г. Айхенвальда были удостоены Академіею Наукъ пушкинскаго почетнаго отзыва, и они, дѣйствительно, выдѣляются въ ряду критическихъ произведеній послѣднихъ лѣтъ уже самымъ своимъ оригинальнымъ построеніемъ. Г. Айхенвальдъ—критикъ-эстетикъ, вникающій исключительно въ стиль и настроенія избраннаго имъ писателя, чтобы сказать, что говоритъ онъ душѣ и сердцу, чѣмъ авторъ обаятеленъ и чѣмъ отталкиваетъ отъ себя въ пріемахъ и манерѣ творчества и въ своихъ преобладающихъ настроеніяхъ. Каждый писатель для г. Айхенвальда—самодовлѣющая величина; историческая перспектива совершенно отсутствуетъ, и оттого чтеніе сплошь этихъ силуэтовъ кажется чѣмъ-то отрывочнымъ, необъединеннымъ, подчасъ утомительнымъ. Утомителенъ своею изысканностью самый наборъ опредѣленій стиля писателей. Автору нельзя отказать въ настоящей продуманности и въ красивой, закругленной формѣ; но этой красивости, пожалуй, слишкомъ много, и хотѣлось бы временами больше настоящаго огня. Впрочемъ, кому что дано... Можетъ-быть, было бы желательно, чтобы авторъ свое критическое мѣрило—которое теперь читателю приходится разгадывать и вычитывать изъ множества отдѣльныхъ набросковъ—выяснилъ въ самостоятельной вступительной статьѣ будущаго изданія „Силуэтовъ". Въ сущности, мѣрило это несложно: писателей г. Айхенвальдъ любитъ въ мѣру ихъ подлинной искренности, отсутствія риторизма и всяческой выдумки, безпощадно имъ преслѣдуемой. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи авторъ бываетъ дѣйствительно безпощаденъ, и его гладко-вылощенная, журчащая, медоточивая рѣчь иногда убійственно ядовита. Таковы его силуэты Горькаго, Леонида Андреева, Өедора Соллогуба, вошедшіе въ составъ III выпуска. Надъ этими писателями много смѣялись и глумились, много пародировали ихъ, но, кажется, никто не говорилъ въ глаза такой спокойной и злой правды о недочетахъ ихъ творчества: „Стихія скуки и сочинительства унаслѣдована позднѣйшими произведеніями Горькаго отъ его прежнихъ опытовъ... Когда, въ послѣднее время, толкуютъ о концѣ Горькаго, то невольно является мысль, что Горькій, собственно, и не начинался"... „Самый необязательный и неубѣдительный изъ беллетристовъ", Леонидъ Андреевъ—„талантъ впустую... онъ—только сочинитель, но не творецъ. Именно поэтому онъ стоитъ внѣ жизни, внѣ правды, и можетъ случиться, что онъ уйдетъ, и жизнь не замѣтитъ его". Стихи Соллогуба—„это ледяной домъ, ледяной гробъ, мимо котораго мы проходимъ не сочувствующіе, не взволнованные, и съ тѣмъ невольнымъ отчужденіемъ, какое въ живыхъ порождаетъ

хотя бы и красивая, хотя бы и глубокая смерть, хотя бы и умный Упырь, на котораго такъ похожъ Ѳедоръ Соллогубъ". Невольно чувствуется, что во всѣхъ подобныхъ жесткихъ приговорахъ правда не вся: часть ея заслонена отъ требовательнаго критика его отвращеніемъ къ риторизму и выдумкѣ, и лучше почувствована, можетъ-быть, толпою, создававшею успѣхъ своимъ любимцамъ. Полнѣе звучитъ правда въ статьяхъ г. Айхенвальда о такихъ современныхъ писателяхъ, какъ Бунинъ и Борисъ Зайцевъ, очень тепло привѣтствуемые, и о писателяхъ отошедшихъ, рѣчь о которыхъ не можетъ дать повода къ нарочитому подчеркиванію отдѣльныхъ слабыхъ ихъ сторонъ.

— К. И. Арабажинъ.—Леонидъ Андреевъ. Итоги творчества. Литературно-критическій этюдъ. Спб. 1910.

Г. Арабажинъ—весьма популярный лекторъ. Книга его составилась изъ многократно прочитанныхъ въ разныхъ городахъ лекцій объ извѣстнѣйшемъ писателѣ послѣдняго десятилѣтія. Каждое произведеніе Андреева вызываетъ за послѣдніе годы живой интересъ къ себѣ и оживленное обсужденіе въ печати затронутыхъ имъ, въ повѣсти или драмѣ, общественно-философскихъ мотивовъ и проблемъ. Попытка дать общій обзоръ дѣятельности Андреева, подвести итоги его творчеству представляетъ, поэтому, значительный интересъ. „Между современнымъ человѣкомъ и Андреевымъ (и русскимъ человѣкомъ въ особенности) есть глубокая связь,—справедливо констатируетъ г. Арабажинъ:—тысячи психологическихъ нитей соединяютъ Андреева съ его читателемъ и даютъ имъ взаимный интересъ другъ къ другу. Современное общество, переживая тяжелый моментъ духовнаго распада... встрѣчаетъ въ Андреевѣ своего философа, психолога, истолкователя". Обзоръ литературной дѣятельности Леонида Андреева въ книгѣ г. Арабажина—весьма элементарный: изложено содержаніе самыхъ извѣстныхъ произведеній. Это, можетъ-быть, было необходимо въ лекціяхъ, предъ аудиторіей неопредѣленнаго состава и разнообразнаго знакомства съ Андреевымъ, но едва ли не лишнее въ книгѣ. У автора осталось слишкомъ мало мѣста для того, чтобы глубже обосновать собственные взгляды на задачи искусства и на затронутыя Андреевымъ проблемы, и приговоры, какъ объ отдѣльныхъ произведеніяхъ, такъ и обо всемъ творчествѣ, звучатъ иногда легковѣсно. Тѣмъ не менѣе, основные мотивы и особенности творчества Андреева намѣчены довольно вѣрно. „Основная черта Андреевскаго творчества—пессимизмъ. Но это чисто русскій обывательскій пессимизмъ... Здѣсь нѣтъ глубины, здѣсь нѣтъ дѣйствительно научныхъ построеній

и строго философскихъ концепцій; передъ нами упрощенный переводъ съ западно-европейскаго первоисточника, пересказъ своими словами не весьма мудренаго знаніями переводчика, эскизно передающаго контуры болѣе сложнаго рисунка". Искусство Л. Андреева есть искусство резонирующее, разсудочное; онъ по преимуществу адвокатъ тѣхъ или другихъ его увлекшихъ тезъ, которыя и главенствуютъ надъ непосредственнымъ вдохновеніемъ. Средства Андреева—фантастика и отвлеченіе отъ конкретной дѣйствительности чисто романтическаго пошиба. Всѣ герои его поставлены либо въ совершенно исключительныя условія, либо сами представляютъ по своей судьбѣ и особенностямъ нѣчто исключительное. Ярый протестъ Андреева противъ всего, чѣмъ живо человѣчество, излившійся въ такихъ вещахъ, какъ „Савва", „Іуда", „Тьма", большею частью менѣе всего убѣдителенъ. Усердно полемизируя съ мыслями г. Андреева, г. Арабажинъ только мимоходомъ говоритъ о тѣхъ вещахъ Андреева, въ которыхъ онъ выказалъ себя не романтикомъ-резонеромъ, а бытописателемъ-реалистомъ. Критикъ, впрочемъ, высоко ставитъ такія безспорно хорошія вещи, какъ „Жили были", „Семеро повѣшенныхъ", въ особенности „Губернатора". Несомнѣнная двойственность въ творчествѣ Андреева такъ и остается неразъясненною. Общій приговоръ критика крайне суровъ, „Художественное богатство, созданное Андреевымъ, напоминаетъ намъ тотъ замокъ, который соорудилъ для себя Человѣкъ (въ „Жизни Человѣка"). Масса комнатъ, великолѣпный новый стиль и во всѣхъ окнахъ фасада этого дома горятъ тысячами огней лучи заходящаго солнца... Кажется, что на горѣ какой-то прекрасный храмъ, гдѣ возжены огни невѣдомому Богу. Но это только такъ кажется, это только иллюзія. Тамъ нѣтъ храма, нѣтъ Бога, нѣтъ огней, и сіяютъ отраженнымъ блескомъ только холодные лучи заходящаго солнца. Въ домѣ пусто, уныло и бѣгаютъ крысы". Лично намъ идеи г. Андреева кажутся во многихъ его произведеніяхъ намѣренно парадоксальными, ему самому неясными; его резонирующая фантастика часто вычурна и не эстетична. Но его угловатое творчество богато безпокойствомъ объ Истинѣ, и это безпокойство освобождаетъ его отъ упрека въ безсодержательности.

— „Братья Карамазовы" на сценѣ Художественнаго театра. Текстъ Н. Шебуева, рисунки Д. Мельникова. Ц. 50 коп.

Московскій Художественный театръ, вопреки традиціи, признающей, что передѣлки для сцены повѣсти и романа по существу неудачны, рискнулъ превратить въ сценическое представленіе знаменитый романъ Достоевскаго, стремясь дать не болѣе, какъ „отрывки",

но въ этихъ отрывкахъ—подлиннаго Достоевскаго. Печать къ этой постановкѣ отнеслась сначала съ большимъ или меньшимъ скептицизмомъ, но успѣхъ—какъ и всего, что даетъ Художественный театръ—видимо несомнѣнный. Г. Шебуеву, однако, мало успѣха театра, ему „хочется кричать истерическимъ крикомъ... протестовать всѣми силами противъ отношенія московской печати къ подвигу Художественнаго театра", и онъ написалъ восторженную хвалу ему, восторженную до тона дружеской рекламы („Подвигъ" склоняется во всѣхъ падежахъ), въ которой театръ вовсе не нуждается. Болѣе спокойное сообщеніе о трудностяхъ, которыя пришлось одолѣть режиссерамъ и артистамъ, вѣроятно, было бы не менѣе вѣско, чѣмъ восторженно растрепанный тонъ очерка г. Шебуева. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря о чисто технической сторонѣ, театру пришлось шагъ за шагомъ отвоевывать самую возможность дать со сцены волнующую, захватывающую рѣчь героевъ Достоевскаго, что касается религіозно-философскаго ядра романа. Драматическая цензура сначала категорически отказала въ разрѣшеніи постановки „Братьевъ Карамазовыхъ" въ томъ видѣ, какъ это было задумано, и постановка была отложена на годъ. Потомъ пришлось выпустить всю монастырскую часть, и были разрѣшены только два посыла Алеши въ міръ, и то только въ чтеніи. Цензурныя условія не давали также возможности вывести на сцену уголовный судъ. Пришлось обратиться къ министру юстиціи за спеціальнымъ разрѣшеніемъ. Министръ разрѣшилъ, съ условіемъ, чтобы на сценѣ не было предсѣдателя. По существу, въ восторженныхъ отзывахъ г. Шебуева мы не нашли никакихъ особыхъ откровеній о достигнутомъ въ постановкѣ „Братьевъ Карамазовыхъ": печать довольно дружно подчеркнула и игру отдѣльныхъ артистовъ, и отдѣльныя великолѣпныя сцены, въ особенности сцену въ „Мокромъ". Къ очерку г. Шебуева приложены (можетъ быть и наоборотъ, приложенъ текстъ г. Шебуева?) воспроизведеніе извѣстнаго Перовскаго портрета Достоевскаго и рисунки г. Мельникова. Интересны наброски персонажей Достоевскаго въ исполненіи Художественнаго театра; очень плохи рисунки, изображающіе отдѣльные моменты представленія.—Ч. В—скій.

— І. И. Желѣзновъ.—Уральцы. Очерки быта уральскихъ казаковъ. С.-Петербургъ, 1910 г. Изданіе 3-е, посмертное. Цѣна 4 рубля за 3 тома.

Бытъ казаковъ вообще представляетъ въ русской жизни нѣчто замкнутое и особое, а бытъ уральскихъ казаковъ—въ особенности. На границѣ дикихъ степей, гдѣ въ недавніе, сравнительно, годы приходилось воевать съ киргизами, башкирами и другими кочевниками, образовалась громадная община уральскихъ казаковъ. Мирные

сѣнокосы, рыбная ловля въ Уралѣ и Каспійскомъ морѣ и набѣги въ киргизскія степи переплели бытъ казаковъ причудливыми нитями. Особымъ остался этотъ бытъ и до настоящаго времени. Для собственныхъ цѣлей государственная власть оставляетъ казачество въ прежнемъ полувоенномъ положеніи. Строй жизни, привычки, преданія, народная психологія—все здѣсь иное, чѣмъ во внутренней Россіи: иное и малоизвѣстное для широкой публики.

Талантливый писатель-казакъ Желѣзновъ даетъ въ своихъ книгахъ богатый художественный и этнографическій матеріалъ для близкаго ознакомленія съ бытомъ уральскихъ казаковъ. Можетъ быть, нѣкоторыя картины этого быта теперь уже нѣсколько устарѣли (писатель кончилъ жизнь самоубійствомъ въ 1863-мъ году). Но читатель, заинтересовавшійся казачествомъ, почерпнетъ здѣсь свѣдѣнія и образы, дающіе глубокое историческое освѣщеніе казаческой психологіи. Къ тому же жизнь казаковъ, въ ея особыхъ рамкахъ, искусственно поддерживаемыхъ правительственной властью, за послѣднее полустолѣтіе мало измѣнилась въ своихъ бытовыхъ основахъ.—И. Ж.

— I. Конрадъ. Сельское хозяйство и аграрная политика. Часть I. Москва. 1910.

Разсматриваемая книжка, составляющая первую часть задуманнаго издателями перевода сочиненія проф. университета въ Галле, Конрада, объ экономической политикѣ, посвящена двумъ вопросамъ: о сельско-хозяйственномъ производствѣ, какъ таковомъ, съ экономической и технической сторонъ и въ его отношеніи къ народному хозяйству, и исторіи аграрныхъ отношеній, крѣпостного права и правительственныхъ мѣропріятій по регулированію землеустройства; въ заключеніи этой части имѣется оцѣнка крупнаго и мелкаго землевладѣнія и хозяйства съ соціальной и технической сторонъ и разсматриваются мѣропріятія противъ чрезмѣрнаго дробленія земли. По нѣкоторымъ вопросамъ авторъ обращается къ исторіи многихъ западно-европейскихъ государствъ; но главнѣйшимъ матеріаломъ, по понятнымъ причинамъ, служили ему данныя германской прошлой и настоящей жизни. Имя автора служитъ порукой за достоинство разсматриваемаго труда, который можетъ напомнить образованному читателю главнѣйшіе факты и законы сельско-хозяйственной экономіи, освѣжить и дополнить его свѣдѣнія по предмету, пріобрѣтающему у насъ особый интересъ вслѣдствіе энергичной дѣятельности правительства по переустройству крестьянскаго землевладѣнія и сельскаго хозяйства. Но мы сомнѣваемся, чтобы данное произведеніе достаточно способствовало удовлетворенію потребности въ дополнительномъ пособіи при прохожденіи курса политической экономіи въ высшихъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ

или путемъ самообразованія, какъ это полагаютъ редакторы перевода. Оно кажется намъ слишкомъ элементарнымъ для того, кто проходитъ систематическій курсъ по этому предмету, и слишкомъ краткимъ, а подчасъ и слишкомъ сжатымъ для того, чтобы ввести въ кругъ предметовъ своего вѣдѣнія только-что приступающаго къ ихъ изученію.

Книжка Конрада написана въ прошломъ столѣтіи и переиздана въ настоящемъ, при чемъ выраженія ея не всегда были измѣнены соотвѣтственно времени послѣдняго изданія. И теперь, встрѣчаясь со словами: въ „прошломъ“, „послѣднемъ“, „этомъ“ вѣкѣ, читатель сплошь и рядомъ отнесетъ описываемыя событія не къ тому времени, въ которомъ они происходили. Эти выраженія слѣдовало бы измѣнить, равно какъ и дополнить по новѣйшимъ изслѣдованіямъ слишкомъ иногда устарѣвшія статистическія данныя Конрада.

— С. Бернштейнъ-Коганъ. Численный составъ и положеніе петербургскихъ рабочихъ. Спб., 1910.

— А. М. Стопани. Заработная плата и рабочій день бакинскихъ нефтепромышленныхъ рабочихъ. Баку, 1910.

Экономика Россіи представляетъ благодарную для изслѣдователя почву въ томъ отношеніи, что многія экономическія явленія изучены весьма недостаточно, и каждое хотя бы и не вполнѣ освѣдомленное въ экономическихъ предметахъ лицо, при живомъ интересѣ къ данному вопросу, можетъ дать цѣнную работу хотя бы въ области собранія, сводки и первоначальной обработки соотвѣтствующихъ матеріаловъ. Оттого-то многіе наши извѣстные писатели по экономическимъ вопросамъ не принадлежатъ къ дипломированнымъ ученымъ, начали свою литературную дѣятельность невполнѣ подготовленными къ всестороннему трактованію экономическихъ предметовъ и достигли довольно солидныхъ знаній путемъ постепеннаго усвоенія матеріаловъ ради опредѣленныхъ задачъ и литературныхъ работъ. Оттого же, между прочимъ, мы имѣемъ немало болѣе или менѣе интересныхъ и солидныхъ работъ, принадлежащихъ учащимся высшихъ заведеній, работающимъ въ семинаріяхъ, при факультетахъ, подъ руководствомъ своихъ профессоровъ.

Къ числу такихъ работъ принадлежитъ первая изъ вышеназванныхъ книжекъ. Она вышла изъ семинарія петербургскаго политехническаго института, руководимаго В. Э. Деномъ. До извѣстной степени она примыкаетъ къ другой работѣ того же института—„Профессіональный и соціальный составъ населенія Европейской Россіи по даннымъ переписи 1897 г.“, г. Кадомцева, о которой въ свое время была рѣчь и въ нашемъ журналѣ. За отсутствіемъ у насъ производ-

ства промышленныхъ и профессіональныхъ переписей, доставляющихъ, такъ сказать, естественный матеріалъ для изученія профессіональнаго и соціальнаго состава населенія, г. Бернштейнъ-Коганъ, задавшійся цѣлью изученія такого состава по отношенію къ петербургскимъ рабочимъ, долженъ былъ удовольствоваться тѣми данными о предметѣ, какія онъ могъ извлечь изъ переписей населенія—всероссійской 1897 г. и четырехъ петербургскихъ. Дополнительными матеріалами служили ему нѣкоторыя изданія министерства финансовъ о фабрикахъ и заводахъ, одна неопубликованная работа этого вѣдомства (о сверхурочной работѣ), нѣкоторыя анкеты и собранныя самимъ авторомъ свѣдѣнія о рабочемъ времени на 44 петербургскихъ фабрикахъ. Разсматриваемый трудъ касается численности, профессіональнаго, возрастнаго и полового состава рабочихъ различныхъ профессій г. Петербурга, по возможности сравнительно съ остальной Россіей, семейнаго состоянія и грамотности, заработной платы и рабочаго времени и, наконецъ, размѣровъ промышленныхъ предпріятій г. Петербурга. Наличность матеріаловъ нѣсколькихъ переписей позволила автору остановиться и на динамикѣ нѣкоторыхъ изучаемыхъ явленій. Работа г. Бернштейнъ-Когана имѣетъ статистическій характеръ, и по нѣкоторымъ явленіямъ она не только констатируетъ данный фактъ самъ по себѣ, но и устанавливаетъ совпаденіе его съ другими явленіями, бросающее свѣтъ на его происхожденіе и причины.

Вторая изъ вышеназванныхъ книжекъ относится къ серіи довольно многочисленныхъ въ послѣдніе годы изданій по рабочему вопросу въ бакинскомъ нефтепромышленномъ раіонѣ, богатомъ крупными событіями въ области классовой борьбы рабочихъ и предпринимателей. Эти изданія въ свое время отмѣчались литературной лѣтописью „Вѣстника Европы“. Въ разсматриваемомъ нынѣ трудѣ А. М. Стопани новыми являются данныя о заработной платѣ, собранныя мѣстными профессіональными союзами. Вопросъ о заработной платѣ бакинскихъ рабочихъ имѣетъ оригинальную постановку въ томъ отношеніи, что лишь $^2/_3$ вознагражденія рабочихъ носятъ наименованіе заработной платы, а $^1/_3$ его часть составляется изъ добавочныхъ денежныхъ выдачъ, наградныхъ, квартирныхъ и банныхъ, и отпуска натурой воды, нефтяного топлива и керосина. До половины текущаго десятилѣтія наградныя и квартирныя деньги выдавались очень рѣдко; всеобщее почти распространеніе они получили въ годы наибольшаго развитія забастовочнаго движенія. Это послѣднее привело къ увеличенію вознагражденія бакинскаго рабочаго въ среднемъ на 186 р. въ годъ, изъ коихъ всего 47 р. или $^1/_4$ часть приходится на твердую заработную плату, а 139 или $^3/_4$ составляются добавочными выдачами разнаго рода.

Раздѣленіе заработной платы на двѣ части и нахожденіе въ составѣ одной изъ нихъ наградныхъ,—составляющихъ $^1/_8$ часть всего заработка и $^2/_5$ дополнительной его части—ставитъ размѣръ вознагражденія рабочаго въ довольно неустойчивое положеніе. Предприниматели смотрятъ на наградныя какъ на нѣчто зависящее отъ ихъ доброй воли; и когда съ „успокоеніемъ" бакинскаго раіона они стали стремиться къ ликвидаціи рабочихъ завоеваній недавнихъ лѣтъ,—первымъ шагомъ къ тому въ сферѣ вознагражденія рабочихъ была отмѣна наградныхъ и сокращеніе другихъ видовъ довольствія.

Выше мы упоминали о возвышеніи, во второй половинѣ текущаго десятилѣтія, вознагражденія бакинскаго рабочаго на 186 р. въ годъ, или почти на $^2/_3$. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ заключать о соотвѣтствующемъ улучшеніи его благосостоянія. Реальная заработная плата бакинскаго рабочаго въ концѣ концовъ измѣнилась очень мало, потому что цѣны предметовъ потребленія поднялись почти въ томъ же отношеніи, что и вознагражденіе за трудъ.—В. В.

— Zeitschrift für osteuropäische Geschichte, herausgegeben von Theodor Schiemann, Otto Hötzsch, L. K. Goetz, H. Uebersberger. T. I, вып. 1-ый, Берлинъ, 1910.

Въ Германіи за послѣднее время замѣчается усиленіе интереса къ вопросамъ русской исторіи; появляются спеціальныя изслѣдованія не только по новой или новѣйшей исторіи Россіи, но и по исторіи древней Руси. Такъ, на ряду съ берлинскимъ профессоромъ Шиманомъ, авторомъ капитальныхъ трудовъ по исторіи царствованія императора Александра I и Николая I, недавно выступилъ съ большой работой о государствѣ и церкви въ древней Руси боннскій профессоръ Гетцъ. Изученіе русской исторіи породило и мысль о созданіи спеціальнаго историческаго журнала, посвященнаго исторіи восточной Европы, главное—Россіи. Мысль эта, высказанная на послѣднемъ конгрессѣ историковъ въ Берлинѣ, нашла теперь осуществленіе, благодаря энергіи проф. Шимана. Недавно вышелъ первый выпускъ новаго журнала, который будетъ выходить въ видѣ четырехъ книжекъ въ годъ. Первая книжка содержитъ рядъ любопытныхъ статей и замѣтокъ. Проф. Шиманъ, въ статьѣ о посылкѣ фельдмаршала Дибича въ Берлинъ осенью 1830-го года, разсказываетъ объ интересныхъ и характерныхъ попыткахъ императора Николая I активно реагировать на іюльскія событія во Франціи. Профессоръ Гетцъ помѣстилъ начало изслѣдованія о титулѣ „великій князь" въ древне-русскихъ лѣтописяхъ; авторъ въ этой спеціальной работѣ выказываетъ широкую эрудицію и внимательное знакомство съ источниками. Проф. Хётчъ, въ статьѣ-обзорѣ: „Der Stand der polnischen Verfassungsgeschichte", на

ряду съ трудами польскихъ ученыхъ отмѣчаетъ извѣстныя работы по литовской исторіи проф. Любавскаго, Максимейко, Тарановскаго. Южнославянской исторіи посвящена небольшая статья вѣнскаго профессора Юберсберга, который реферируетъ трудъ сербскаго ученаго Гавриловича о князѣ Милошѣ Обреновичѣ. За отдѣломъ статей идутъ рецензіи; одна изъ нихъ принадлежитъ академику Лаппо-Данилевскому, разбирающему „Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II“, Н. Д. Чечулина, другая — барону Остенъ-Сакену, о книжкѣ рижскаго городского архиваріуса Фейерейзена „Livländische Geschichtsliteratur“. Болѣе тридцати страницъ убористаго и мелкаго шрифта посвящено обзору журналовъ; такіе обзоры чрезвычайно нужны и полезны, но при необходимомъ условіи наименьшей случайности въ подборѣ матеріала, чего въ настоящемъ выпускѣ не вполнѣ удалось избѣжать. Замыкаетъ книжку статья проф. Шимана, разбирающая труды и изданія великаго князя Николая Михаиловича. Содержаніе перваго выпуска новаго журнала интересно и разнообразно; можно пожелать прочнаго и возможно широкаго успѣха почтенному ученому предпріятію.—И. Бороздинъ.

Въ теченіе ноября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Аверченко, Аркадій.—Зайчики на стѣнѣ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Адлеръ, Августъ.—Теорія геометрическихъ построеній. Перев. съ нѣмец. подъ ред. прив.-доц. С. О. Шатуновскаго. Одесса, 1910 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

Александровъ, В.—Въ мірѣ безумія и отчаянія. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Алексѣевъ, А. А.—Министерская власть въ конституціонномъ государствѣ. Харьковъ, 1910 г. Цѣна 2 р.

Амивконъ.—Собраніе сочиненій. Книга 1-я. Лодзь, 1910 г. Цѣна 65 коп.

д'Аннунціо, Габріэле.—Собраніе сочиненій. Т. VII. Пламя. Пер. съ итал. З. А. Венгеровой. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Аполлонская (Стравинская), И. А. — Театръ Ибсена. I. Росмерсгольмъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Баранцевичъ, Е. М.—Первый въ Россіи капиталъ имени присяжныхъ засѣдателей. Томскъ, 1910 г.

Барботъ-де-Марни, Е. Н.—Уралъ и его богатства. Екатеринбургъ, 1910 г.

Бордаковъ, П.—Моя юность. Повѣсть. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Борель, Э.—Элементарная математика. I. Ариѳметика и алгебра. Пер. съ нѣм. подъ ред. прив.-доц. В. Ф. Кагана. Одесса, 1911 г. Цѣна 3 р.

Борманъ, С. Н., д-ръ. — Сифилисъ и препаратъ Эрлихъ-Гата „606“. Спб., 1910 г. Цѣна 20 коп.

Бурдо, Луи.—Вопросъ о смерти и его различныя рѣшенія. Перев. съ 3-го франц. изданія Е. Предтеченскаго. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Бутми, Н. В.—Могутъ ли мужчины судить женщинъ? (Психологическій этюдъ). Спб., 1911 г. Цѣна 20 коп.

Бѣльскій, Адамъ.—Разсказы. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Валишевскій, К. — Смутное время. Переводъ съ франц. подъ ред. Е. Н. Щепкиной. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Веселовскій, Борисъ. — Исторія земства. Томъ. III. Спб. Цѣна за четыре тома 20 рублей.

Винеръ, Отто, проф. — О цвѣтной фотографіи. Перев. съ нѣм. подъ ред. проф. Н. П. Кастерина. Одесса, 1911 г. Цѣна 60 коп.

Воейковъ, А. И.—Климатъ Кисловодска въ зимнее полугодіе и сравненіе его съ другими климатолѣчебными мѣстами. Спб., 1910 г. Цѣна 10 коп.

Гартъ.—Почему зашаталась Россія. Бывшая русская правда и будущая. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Гефлеръ, Алоизъ, проф. — Основныя ученія логики. Перев. съ 4-го нѣм. изданія I. Давыдова и С. Салитанъ. Съ предисловіемъ И. И. Лапшина. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Григорьевъ, Вас. — Помощь земледѣльцу. Вып. I. Какъ отъ хлѣвнаго навоза получить больше пользы. Цѣна 5 коп. Вып. II. Чѣмъ удобрить землю, когда навоза мало. Цѣна 10 коп. Спб., 1911 г.

Гюнтеръ, Конрадъ.—Борьба за самку въ царствѣ животныхъ и человѣка. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 10 коп.

Данилевскій, В. Я. — Этюды по физіологіи личной и соціальной жизни. I. Чувство и жизнь. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Делевскій, Ю.—Соціальные антагонизмы и классовая борьба въ исторіи. Спб., 1910 г. Цѣна 3 р.

Егурновъ, И.—Малоспособность учащихся дѣтей и пріемы борьбы съ нею. Спб., 1911 г. Цѣна 60 коп.

Желѣзновъ, I. И.—Уральцы. Очерки быта уральскихъ казаковъ. 3 тома. Изд. 3-е. Спб., 1910 г. Цѣна за три тома 4 р.

Зельцеръ, Д. М.—Медицина и магія древняго востока. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Іордано, К. К.—Какъ устроить сельскую добровольную дружину. Тверь, 1911 г. Цѣна 12 к.

Ибаньесъ, Бласко.—Полное собраніе сочиненій. Т. III. Новеллы. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Каменскій, Анатолій.—Сочиненія. Томъ третій. Разсказы. Спб., Цѣна 1 р. 25 коп.

Клейнманъ, I. А. Между молотомъ и наковальней. (Польско-еврейскій кризисъ). Спб., 1910 г. Цѣна 30 коп.

Клейнъ, Г.—Звѣздный міръ. Перев. съ нѣм. Н. В. Горкина. Спб., 1911 г. Цѣна 60 коп.

Ковалевскій, Г., проф.—Основы дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія. Перев. съ нѣм. подъ ред. прив.-доц. С. О. Шатуновскаго. Одесса, 1911 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Кокоринъ, Павелъ.—Фантастическая явь. Второй сборникъ. Спб., 1910 г. Осень. Цѣна 15 коп.

Котомкинъ, А. Е.--Сборникъ стихотвореній (1900—1909). Со вступительной статьей К. Р. Спб., 1910 г. Цѣна 75 коп.

Кульчинскій, Владиміръ.—Разбитая арфа. Книга стиховъ. Ярославль, 1910 г. Цѣна 50 коп.

Лагерлефъ, Сельма. — Полное собраніе сочиненій. Т. III. Невидимыя узы. Разсказы. Москва, 1909 г. Цѣна 1 р.

Ладо-Свѣтогорскій, Ѳ.—Пѣсни о свѣтлой странѣ. Спб., 1911 г. Ц. 20 к.

Лебъ, Джонъ, проф.—Динамика живого вещества. Перев. съ нѣмец. подъ ред. проф. В. В. Завьялова. Одесса, 1911 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Лемонье, Камиллъ. — Собраніе сочиненій. Томъ IV, часть I и II. Конецъ буржуа. Москва, 1910 г. Цѣна за обѣ части 1 р. 60 коп.

Лотцій, Генрихъ.—Душа твоего ребенка. Книга для родителей. Перев. съ нѣм. Е. Максимовичъ. Подъ ред. и съ пред. проф. П. И. Ковалевскаго. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Марковъ, А.—Исчисленіе конечныхъ разностей. Изд. 2-е, пересмотрѣнное и дополненное. Одесса, 1911 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

Марксъ, Карлъ.—Теорія прибавочной стоимости. II ч. IV тома капитала Давида Рикардо. Подъ ред. М. В. Бернацкаго. Кіевъ, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Махаевъ, Ф. Н.—Техническо-ремесленная библіотека. Вып. I. Работы изъ сучьевъ. Спб., 1911 г. Цѣна 30 коп.

Мережковскій, Д. С.—Собраніе стиховъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Меніаль, Эдуардъ.—Мопассанъ, его жизнь и творчество. Перев. съ франц. Н. П. Кашина. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Мопасанъ, Гюи.—Полное собраніе сочиненій и письма. Томъ XIV. Стихотворенія. Драматическія произведенія. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Нарбутъ, Владиміръ.—Стихи. Книга I. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Никоновъ, Л.—О происхожденіи культурныхъ растеній. Спб., 1910 г. Цѣна 40 коп.

Новицкій, Григорій.—Манифестъ сэнсэризма (эолоарфизма). Спб., 1910 г. Цѣна 25 коп.

Островская, М.—Изученіе правописанія по способу списыванія. Вып. I. Спб., 1910 г. Цѣна 8 коп.

Писарева, Ю. Е.—Улыбки и слезы. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. Варшава, 1910 г. Цѣна 95 коп.

Полевой, П. Н.—Сочиненія. Подъ ред. П. В. Быкова. Т. I. На роковомъ просторѣ. Типы смутнаго времени. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

——— Сочиненія. Подъ ред. П. В. Быкова. Томъ II. Среди перелетовъ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Пуанкаре, Г. — Наука и методъ. Перев. съ франц. И. К. Брусиловскаго, подъ ред. прив.-доц. В. Ф. Кагана. Одесса, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Ражо, Гастонъ. — Ученые и философія. Перев. Б. С. Бычковскаго. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

Рашильдъ. — Собраніе сочиненій. Т. I. За предѣлами природы. Романъ. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Рей, Абель. — Энергетическое и механическое міропониманіе съ точки зрѣнія теоріи познанія. Перев. Б. С. Бычковскаго. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Рихтеръ, Рауль.—Скептицизмъ въ философіи. Т. I. Спб., 1910 г. Цѣна 3 р.

Розановъ, М. Н.—Ж. Ж. Руссо и литературное движеніе конца XVIII и начала XIX в. Очерки по исторіи руссизма на Западѣ и въ Россіи. Томъ I. Москва, 1910 г. Цѣна 2 р.

Ролланъ, Роменъ.—Народный театръ. Перев. съ франц. I. Гольденберга. Спб., 1910 г. Цѣна 70 коп.

Свѣтловъ, В. Я. — Сочиненія. Томъ II. Колхида. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Семеновъ, Вл.—Расплата. Трилогія. I. Портъ-Артуръ и походъ 2-й эскадры. 3-е посмертное изданіе. Съ портретомъ автора. Спб., 1910 г. Цѣна 3 р.

Семигоровъ.—Томъ первый. Муть трясинная. Спб., 1910 г. Ц. 1 р. 25 коп.

——— Томъ II. Волшебное царство. 1910 г. Цѣна 1 р.

Сергѣичъ, П.—Искусство рѣчи на судѣ. Спб., 1910 г. Цѣна 3 р.

Сланскій, В. В.—О границахъ гипнотическаго воздѣйствія и его общественномъ значеніи. Спб., 1910 г.

Смитъ, Александръ.—Введеніе въ органическую химію. Перев. съ англ. подъ ред. проф. П. Г. Меликова. Одесса, 1911 г. Цѣна 2 р.

Содди, проф.—Радій и его разгадка. Перев. съ англ. подъ ред. Д. Д. Хмырова. Одесса, 1911 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Сологубъ, Өедоръ.—Собраніе сочиненій. Т. IX. Стихи. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Спиноза, Б.—Политическій трактатъ (Tractatus politicus). Перев. съ лат. и примѣчанія С. М. Роговина и Б. В. Чредина. Предисловіе проф. С. А. Котляревскаго. Москва, 1910 г. Цѣна 1 р.

Стоюнинъ, В.—Высшій курсъ русской грамматики. Изд. 6-е. Спб., 1910 г. Цѣна 70 коп.

—— Руководство для теоретическаго изученія литературы. Изд. 8-е. Спб., 1910 г. Цѣна 60 коп.

Тужилинъ, А. В.—Современный Китай. Т. I и II. Спб., 1910 г.

Тыркова, А. (А. Вергежскій). Ночью. Повѣсть. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Ульянова, А. — Туманъ и другіе разсказы для дѣтей младшаго возраста. Съ нѣм. Спб., 1911 г. Цѣна 35 коп.

Уэллсъ, Гербертъ Джорджъ.—Собраніе сочиненій. Т. I. Война въ воздухѣ. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Фрейтагъ-Лоринговенъ, А., бар. — Реформа наслѣдованія въ крестьянской недвижимости. Спб., 1910 г.

Фридрихъ, Н. А.—Бухара. Этнографическій очеркъ. Спб., 1910 г. Ц. 25 к.

Цвѣтаевъ, Григорій. — Указатель по всеобщей литературѣ. Пособіе при изученіи иностранной литературы. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Чиликинъ, Ф. Н., чл. гос. думы отъ Амурской области.—Къ вопросу о земской реформѣ въ Амурской области. Благовѣщенскъ, 1910 г.

Шапошниковъ, И. Н.—Новая практическая грамматика для городскихъ и сельскихъ начальныхъ училищъ. Часть I. Первоначальныя свѣдѣнія. Москва, 1910 г. Цѣна 30 коп.

Шевыревъ, Ив.—Загадка короѣдовъ. Изд. 3-е. Спб., 1910 г. Цѣна 50 коп.

Шмелевъ, Ив.—Разсказы. Томъ I-ый. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Штейнъ, Э. И.—„Я“. Стихотворенія. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

Энгельмейеръ, П. К. — Творческая личность и среда въ области техническихъ изобрѣтеній. Спб., 1911 г. Цѣна 1 р.

— Вопросы воздухоплаванія. Подъ редакц. инж.-техн. I. М. Герцфельда. Вып. I. Н. Базенахъ. Три системы управляемыхъ аэростатовъ. Выпускъ II. Ф. Ганзенъ. Какъ построить аэропланъ. Вып. III. Н. Штернъ. Современные аэропланы. Цѣна каждаго выпуска 15 коп. Спб., 1911 г.

— Журналы засѣданій X-й очередной сессіи 12—13 августа 1910 г. Харьковскаго Порайоннаго Комитета по регулированію массовыхъ перевозокъ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ. Харьковъ, 1910 г.

— Землеотводное и землеустроительное дѣло за Ураломъ въ 1909 году. Изданіе переселенческаго управленія Главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Спб., 1910 г.

— Историческая хрестоматія. Отрывки изъ источниковъ и художественныхъ произведеній. Древняя исторія. Составили Яр. Кулжинскій и В. Нейкирхъ. Спб.-Кіевъ, 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

— Juventus - издательство. I. М. Бродовскій. „Все къ добру". Ц. 10 коп. II. С. Г. Фругъ. „Дача" и другіе разсказы. Цѣна 25 коп. III. В. Никитинъ. „Вѣкъ прожить—не поле перейти". Цѣна 20 коп. IV. Лонгфелло. „Іуда Маккавей". Цѣна 15 коп. V. Л. Леванда. „Авраамъ Іезофовичъ". Цѣна 25 коп. Одесса, 1910 г.

— Киргизское хозяйство въ Акмолинской области. Повторныя изслѣдованія 1908 года: Т. II. Омскій уѣздъ. Т. III. Петропавловскій уѣздъ. Повторныя изслѣдованія 1909 года: Т. IV. Атбасарскій уѣздъ. Т. V. Акмолинскій уѣздъ. Спб., 1910 г.

— Матеріалы по текущей статистикѣ Тульской губерніи за 1908 годъ. Тула, 1910 г.

— Методъ въ наукахъ. Тома, Пикаръ, Таннери, Пеклевэ, Бауссъ, Жобъ, Жіаръ, Ле-Дантекъ, Дельбэ, Рибо, Дюркгеймъ, Леви-Брюль, Моно. Перев. со 2-го франц. изданія П. С. Юшкевича и И. К. Брусиловскаго. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р.

— Николай Яковлевичъ Гротъ въ очеркахъ, воспоминаніяхъ и письмахъ товарищей и учениковъ, друзей и почитателей. Спб., 1911 г. Цѣна 2 р.

— Общедоступный Литературно-Художественный альманахъ. Книга 1-я. Москва, 1911 г. Цѣна 75 коп.

— Общеземская организація на Дальнемъ Востокѣ. Составилъ по порученію Общеземской Организаціи Т. И. Полнеръ. Т. I, 1908 г. Т. II, 1910 г. Москва. Цѣна за 2 тома 3 р.

— Особое мнѣніе прот. М. И. Горчакова по докладу особой коммиссіи Госуд. Совѣта относительно проекта Госуд. Думы объ отмѣнѣ ограниченій политическихъ и гражданскихъ, соединенныхъ съ лишеніемъ или добровольнымъ снятіемъ духовнаго сана и званія. Спб., 1910 г.

— Отчетъ о дѣятельности реальнаго училища для дѣтей обоего пола Е. И. Милевской-Шмидтъ за 1909—1910 учебн. годъ. Спб., 1910 г. Цѣна 30 к.

— Отчетъ о состояніи народнаго здравія и организаціи врачебной помощи въ Россіи за 1908 годъ. Спб., 1910 г.

— Отчетъ Этнографическаго Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III за 1909 годъ. Спб., 1910 г.

— „Посредника" изданія: № 9. „Странникъ". Разсказъ. № 216. Х. Андерсенъ. „Соловей" и другія сказки въ пер. А. и П. Ганзенъ. № 218. Х. Андерсенъ. „Послѣдняя жемчужина" и другія сказки. Въ перев. А. и П. Ганзенъ. № 294. „Мать и дитя". Сборникъ разсказовъ. № 299. Эркманъ-Шатріанъ. „Воспоминанія часового мастера". Изложила В. Лукьянская. № 383. А. Додэ. „Крушеніе корабля". № 396. „Греческій мудрецъ Сократъ". № 498. И. Наживинъ. „Въ неволѣ". „Сосѣди". № 511. Б. Гринченко. „Голосъ совѣсти". № 97. „Греческій мудрецъ Діогенъ". № 135. „Объ уходѣ за малыми дѣтьми". Сост. д-ромъ Е. А. Покровскимъ. № 202. „Краткій опредѣлитель важнѣйшихъ минераловъ". Составилъ Е. И. Поповъ. № 244. М. Черняева. „Разсказы объ Австраліи и австралійцахъ". № 460. „Пьянство—горе наше". Сборникъ. Составила В. Лукьянская. № 761. „Конфуцій. Жизнь его и ученіе". Составилъ П. А. Буланже. Подъ ред. Л. Н. Толстого. № 771. „Изреченія китайскаго мудреца Лао-Тзе", избранныя Л. Н. Толстымъ. № 779. С. Т. Семеновъ. Крестьянскіе разсказы. Т. II. „Дѣвичья погибель". № 780. Проф. П. Фёрстеръ. „Вегетаріанство, какъ основа новой жизни". № 781. „Тайный порокъ". Вып. II. № 785. Ѳедоръ Страховъ. „Исканіе истины". Сборникъ статей и мыслей. Со вступительнымъ письмомъ Л. Н. Толстого. Библіотека для дѣтей и юношества

И. Горбунова-Посадова: „Киска Мурыська". „Любимчикъ". № 1. Эдмондъ д'Амичисъ. „Школьные товарищи". № 31. „Бѣдные звѣрки—Ужъ и Жаба". Два разсказа проф. М. Н. Богданова. № 35. „Бѣдный звѣрокъ Летучая мышь". Разсказъ проф. М. Н. Богданова. № 32. „Мышка". Разсказъ проф. М. Н. Богданова. № 33. „Ласточка". Разсказъ проф. М. Н. Богданова. № 34. „Скворецъ и воробей". Два разсказа проф. М. Н. Богданова. № 48. „Голуби, галки, аисты и другія птицы". Разсказы проф. М. Н. Богданова. № 45. „Сиротка Герти" и другіе разсказы. № 79. „По дорогѣ въ школу" и другіе разсказы В. Лонга. № 80. „Встрѣча съ медвѣдемъ" и другіе разсказы В. Лонга. № 82. „Кондитеръ Савельичъ и его друзья". Разсказъ Вл. А. Попова. № 145. „Другъ животныхъ". Гуманитарно-зоологическая хрестоматія. Часть II. Для старшаго возраста. Вып. II. „Жизнь въ лѣсу". Составила В. Лукьянская. № 187. М. Брессъ. „Какъ птицы строятъ гнѣзда". Перев. съ нѣм. С. Л. Порѣцкаго. № 188. П. Хлѣбниковъ. „Краснокожіе". № 191. Л. Н. Толстой. „Вѣрьте себѣ". Обращеніе къ юношеству и молодежи. № 192. С. Т. Семеновъ. „Безотвѣтные". Четыре разсказа. Борьба съ пьянствомъ (алкоголизмомъ). Книжки, листки и картинки. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. III. „Спиртные напитки, какъ причина преступленій". Составилъ Отто Лангъ. Съ нѣмецкаго. Вып. 22. „Приключенія бутылки съ виномъ, разсказанныя ею самою". Бодриліара. Съ франц. перевела В. Величкина. Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Книжка 2-я. „Какъ дѣлать самодѣльныя крестьянскія вѣялки и молотилки?" Книжка 3-я. „Объ улучшеніи крестьянскаго молочнаго скота". Ив. Попова. Книжка 14-я. „О молочномъ дѣлѣ въ крестьянскомъ хозяйствѣ". Проф. Ив. Попова. Книжка 8-я. „Объ уходѣ за копытами лошади". Проф. Ив. Попова. Книжка 16-я. „Какъ построить крестьянскую кирпичную избу?" Сост. Д. Горностаевъ. Книжка 30-я. „Какую пользу приноситъ травосѣяніе и какъ оно устраивается на крестьянскихъ земляхъ". Первая бесѣда агронома А. Зубрилина. Книжка 60-я. „Землемѣріе". Составилъ Б. Н. Тицъ.

— Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Изд. 2-е. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Томъ I, II и III. Москва, 1909—1910 г. Цѣна каждаго тома 2 р. 50 к., трехъ томовъ вмѣстѣ 6 р. 50 коп.

— Русскій Біографическій Словарь. Притвицъ—Рейсъ. Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣд. Импер. Русскаго Историч. О-ва А. А. Половцова. Спб., 1910 г.

— Садокъ Судей. (?)

— Сокращенныя таблицы десятичной библіографической классификаціи. Перев. съ франц. изд. междунар. библіографическаго института, подъ ред. и съ пред. Б. С. Боднарскаго. Москва, 1910 г. Цѣна 50 коп.

— Ссудо-сберегательныя товарищества въ чертѣ еврейской осѣдлости. (Обзоръ операцій 253 т—въ за 1909 годъ). Спб., 1910 г.

— Стенографическій отчетъ Портъ-Артурскаго процесса. Подъ общей редакціей К. И. Кендо и М. К. Соколовскаго. Вып. VII. Спб., 1910 г. Цѣна 1 р.

— Труды перваго всероссійскаго съѣзда по борьбѣ съ пьянствомъ. С.-Петербургъ, 28 декабря 1909 г.—6 января 1910 г. Въ 3-хъ томахъ. Спб., 1910 г. Цѣна за три тома 2 р.

— Школьныя экскурсіи, ихъ значеніе и организація. Сборникъ статей подъ редакціей Б. Е. Райкова. Спб., 1910 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

— 1910 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. IV. Спб., 1910 г.

Богучарский, В.—Русския народъ, общество и върховна власть въ дѣлото на освобождението на Българія. София, 1910 година.

Кропивницькій, Марко.—Збірникъ творів. Том I. Частина I. Видання 4. Полтава, 1911 р. Ціна 1 р. 50 коп.

Чупринка, Грицько.—Ураганъ. Вірші. Киів, 1910. Ціна 15 коп.

Schalfejew, P.—Die volkstümliche Dichtung Kolcov's und die russische Volkslyrik. Berlin, 1911.

ДИМИТРІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ДРИЛЬ

Въ исторіи нашей культуры Московскому университету въ разное время пришлось играть, какъ всѣмъ извѣстно, весьма выдающуюся роль. Дѣятельность его профессоровъ оставила замѣтные слѣды и въ созданіи доктрины оффиціальнаго народничества, проводимой Шевыревымъ, съ его тремя устоями—православіемъ, самодержавіемъ и народностью, и въ либеральномъ западничествѣ, съ Грановскимъ и Кудрявцевымъ во главѣ, и въ славянофильствѣ, душою котораго одно время былъ Константинъ Аксаковъ.

Въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка всѣ эти теченія общественной мысли далеко не являлись уже господствующими. Для нихъ насталъ не только періодъ критики, но и эпоха увяданія и забвенія. Европейская мысль предлагала новыя рѣшенія; вернувшиеся изъ двухлѣтнихъ, а то и многолѣтнихъ оффиціальныхъ командировокъ или добровольныхъ странствованій на Западѣ молодые профессора и преподаватели приступали къ чтеніямъ съ совершенно новыми заданіями, посѣянными въ нихъ близкимъ знакомствомъ съ европейской наукой и жизнью. Одни, какъ Тимирязевъ и В. О. Ковалевскій, мужъ знаменитой Софьи Ковалевской — профессора математики въ Стокгольмѣ, озабочены были проповѣдью дарвинизма. Ковалевскому русская литература обязана первыми переводами Дарвина, а его брату, знаменитому одесскому ученому Александру Онуфріевичу—первыми удачными попытками подтвержденія доктрины Дарвина о трансформизмѣ. Что касается до Тимирязева, то въ области ботаники, менѣе затронутой изслѣдованіями Дарвина, чѣмъ міръ зоологическій, онъ стремился и продолжаетъ стремиться къ обоснованію того взгляда, что жизнь растеній подчиняется тому же закону естественнаго подбора, какъ и жизнь животныхъ. О всемъ этомъ направленіи, широко

орудовавшемъ сравнительнымъ методомъ, Тимирязевъ въ своихъ „Основныхъ чертахъ исторіи развитія біологіи въ XIX-мъ вѣкѣ" выражается слѣдующимъ образомъ: „рядомъ съ методомъ сравненія существующаго, которымъ пользовался Беръ въ первые годы XIX-го столѣтія въ своихъ изслѣдованіяхъ, все больше и больше сталъ выступать методъ сравненія образующагося, т.-е. изслѣдованія организма въ послѣдовательныхъ стадіяхъ развитія отъ клѣточки; это — методъ эмбріологіи или, правильнѣе, исторіи развитія. Здѣсь слово „исторія" въ первый разъ принималось не въ томъ неопредѣленномъ смыслѣ, какъ выраженіе „естественная исторія", а въ строгомъ смыслѣ сопоставленія фактовъ во времени, не въ пространствѣ. Эмбріологія особенно развилась въ области зоологіи и на долю русскихъ зоологовъ выпала едва ли не самая выдающаяся роль (Беръ и Пондеръ въ началѣ вѣка, А. О. Ковалевскій и И. И. Мечниковъ — во второй его половинѣ). Изученіе исторіи развитія было наиболѣе плодотворно на первыхъ порахъ въ примѣненіи къ животнымъ организмамъ; по отношенію къ нимъ удалось установить широко распространенныя общія черты развитія и показать, что черты сходства, не обнаруживающіяся на вполнѣ развитыхъ организмахъ, ясно выступаютъ при сравненіи болѣе или менѣе раннихъ стадій развитія, и что эти раннія стадіи у болѣе сложныхъ организмовъ представляютъ глубокое сходство съ развитымъ состояніемъ болѣе простыхъ. Ботаника на первыхъ порахъ будто отстала отъ зоологіи въ этомъ направленіи; зато позднѣе ей удалось представить едва ли не самый широкій и обстоятельно разработанный примѣръ объединенія наиболѣе рѣзко между собою обособленныхъ группъ растительнаго царства на основаніи изученія ихъ исторіи развитія. Это открытіе сдѣлано было въ 1851-мъ году нѣмецкимъ ботаникомъ самоучкой Гофмейстеромъ: ему удалось перебросить мостъ изъ полуцарства такъ называемыхъ споровыхъ растеній въ полуцарство сѣменныхъ".

Въ то время, какъ сравнительный методъ торжествовалъ свою побѣду въ біологіи, благодаря примѣненію его къ исторіи развитія организмовъ, онъ дѣлалъ первые шаги въ направленіи къ созданію сравнительной исторіи нравовъ, правовыхъ порядковъ и учрежденій, благодаря сближенію этнологіи съ сравнительной исторіей права и широкому пользованію методомъ такъ называемыхъ пережитковъ. Въ этомъ направленіи шли одновременно и англійскіе, и нѣмецкіе ученые,— Макъ-Ленанъ и Мэнъ, Бахофенъ и Іерингъ. Почти одновременно начавшіе свою преподавательскую дѣятельность въ Московскомъ университетѣ молодые профессора-юристы—и въ числѣ ихъ покойный С. А. Муромцевъ—были учениками и послѣдователями только-что названныхъ ученыхъ и въ своихъ курсахъ старались знакомить слушателей

съ этими новыми теченіями въ области такъ называемыхъ гуманитарныхъ наукъ,—теченіями, сближавшими эти науки по методу съ науками, посвящающими себя изученію законовъ природы. С. А. Муромцевъ тѣмъ существенно отличался отъ другихъ своихъ товарищей по преподаванію и научной разработкѣ явленій права, что, подобно своему учителю Іерингу, искалъ фактовъ, образующихъ право въ отдѣльныя эпохи его развитія, не столько въ организаціи данной общественной среды, сколько въ психологическихъ свойствахъ личности въ изучаемую эпоху. Одинъ изъ его учениковъ, проф. Нечаевъ, недавно выразился о немъ слѣдующимъ образомъ: „Муромцевъ всегда и по преимуществу былъ склоненъ къ психологическому объясненію явленій; въ методологическихъ своихъ построеніяхъ онъ отводилъ психологіи первенствующее мѣсто; онъ вѣрилъ въ мощь человѣческой личности, человѣческаго разума и человѣческой совѣсти, считалъ ихъ всесильными двигателями въ развитіи права; онъ не подчеркивалъ вліянія классовой борьбы, по примѣру своего учителя Іеринга, и объяснялъ развитіе права упорнымъ психическимъ трудомъ". Но рядомъ съ Муромцевымъ другіе молодые профессора-экономисты, ученики не только Вагнера, но и Лоренца Штейна и Шмоллера, испытавшіе на себѣ также вліяніе доктринъ автора „Капитала", Карла Маркса,—болѣе оттѣняли вліяніе, какое на развитіе народнаго хозяйства имѣетъ не одинъ ростъ техники, но и борьба противорѣчивыхъ экономическихъ интересовъ. Они указывали, какъ подъ вліяніемъ этой борьбы складывалась хозяйственная дѣятельность въ разныя эпохи такъ называемаго натуральнаго или самодовлѣющаго, денежнаго и кредитнаго хозяйствъ. Съ этой точки зрѣнія вся современная политическая экономія представлялась имъ не болѣе, какъ теоретизаціей основъ капиталистическаго строя, и они не видѣли причинъ, по которымъ этотъ строй долженъ былъ считаться окончательнымъ и не подлежащимъ дальнѣйшимъ измѣненіямъ; они не считали, поэтому, возможнымъ примириться съ тою мыслью, чтобы политическая экономія, занимающаяся теоретизаціей основъ хозяйственнаго строя, могла считаться сказавшей свое послѣднее слово. Во главѣ этихъ людей стоялъ блестящій преподаватель, съ хорошей логической и философской подготовкой—А. И. Чупровъ. Не на одномъ юридическомъ факультетѣ сказывалось вліяніе сравнительно историческаго метода и теоріи эволюціонистовъ. Въ средѣ филологовъ и историковъ попадались люди, интересовавшіеся сравнительной исторіей религій и фольклоромъ, а также развитіемъ общественныхъ и политическихъ учрежденій у того или другого народа, но не иначе какъ въ историко-сравнительномъ освѣщеніи. Одинъ изъ нихъ, П. Г. Виноградовъ, продолжаетъ свои работы въ прежнемъ направленіи,

хотя и перенесъ часть своей преподавательской дѣятельности въ Оксфордъ. Другой — Н. И. Карѣевъ — стоитъ во главѣ зарождающагося историко-филологическаго факультета при психоневрологическомъ институтѣ. Сравнительно-историческое изученіе народныхъ вѣрованій и суевѣрій, въ связи съ изученіемъ міровыхъ религій, находило въ молодомъ профессорѣ-филологѣ Миллерѣ не только талантливаго выразителя, но и самостоятельнаго изслѣдователя, которому мы обязаны и научной постановкой у насъ Кавказовѣдѣнія, и тѣмъ направленіемъ въ истолкованіи нашего былиннаго эпоса, которое извѣстно подъ названіемъ теоріи странствующихъ сказаній и нашло себѣ самаго блестящаго представителя въ лицѣ А. Н. Веселовскаго—покойнаго профессора Петербургскаго университета.

Изъ всѣхъ научныхъ дисциплинъ, занимающихся проявленіями общественности, одно только уголовное право коснѣло въ прежней рабской зависимости отъ метафизики. Мы заучивали тридцать-сорокъ расходящихся между собою теорій наказанія, на которыхъ въ свою очередь отражались ученія нѣмецкихъ метафизиковъ, столько же категорическіе императивы Канта, сколько и діалектическій методъ Гегеля; мы заучивали, что наказаніе необходимо, такъ какъ является синтезомъ по отношенію къ тѣмъ двумъ—тезѣ и антитезѣ, какія представляютъ право и его отрицаніе въ преступленіи; наказаніе, учили насъ, необходимо, какъ отрицаніе отрицанія, т.-е. возстановленіе права. Необыкновенная отвлеченность и абсолютность положеній, высказываемыхъ русскими криминалистами отъ Баршева и Палюмбецкаго до Спасовича включительно, ихъ отрѣшенность отъ жизни и добровольное игнорированіе психическихъ особенностей преступника, столько же созданныхъ наслѣдственностью, сколько общественной средою,—имѣли то неизбѣжное послѣдствіе, что каждый изъ насъ смотрѣлъ на уголовное право, какъ на нѣчто вполнѣ ему чуждое, врѣзавшееся клиномъ въ обновленную эволюціонизмомъ область обществовѣдѣнія, съ его разнообразными развѣтвленіями историческихъ, психологическихъ, нравственныхъ и юридическихъ дисциплинъ. Этимъ, можетъ быть, объясняется и то странное обстоятельство, что съ упованіемъ и надеждою смотрѣли въ это время на ту вѣтвь криминологіи, которая извѣстна подъ наименованіемъ тюрьмовѣдѣнія и которая задается не только мыслью объ изоляціи преступника, но и о его перевоспитаніи, а послѣднее немыслимо безъ изученія его психической природы и факторовъ преступности. То, что было сколько-нибудь живого въ средѣ университетскихъ ревнителей криминалистики, готовилось поэтому посвятить себя тюрьмовѣдѣнію. Въ числѣ этихъ молодыхъ ученыхъ самымъ живымъ, увлекающимся и увлекающимъ своимъ примѣромъ другихъ явился Димитрій Андреевичъ Дриль. Я познакомился

съ нимъ въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ, гдѣ мнѣ не разъ приходилось присутствовать при чтеніи его докладовъ и гдѣ онъ также нерѣдко выступалъ въ преніяхъ, посвященныхъ вопросамъ уголовнаго права. Нѣкоторыя изъ статей Дриля появлялись затѣмъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ и знакомили русскую публику съ мало еще извѣстной у насъ въ то время уголовной антропологіей и ея ближайшимъ творцомъ, Ломброзо. Къ чести Дриля надо сказать, что, являясь горячимъ послѣдователямъ ученій туринскаго профессора и автора книги: „Преступный человѣкъ“, онъ въ то же время умѣлъ отнестись съ критикой къ его несомнѣннымъ увлеченіямъ. Ломброзо, какъ извѣстно, долгое время придавалъ рѣшающее значеніе при объясненіи преступности факту наслѣдственности и приходилъ отсюда къ тому заключенію, что преступныя наклонности, какъ унаслѣдованныя, не могутъ быть искоренены, и что имѣются преступные типы, отъ которыхъ общество можетъ быть избавлено только однимъ путемъ—истребленіемъ, препятствующимъ дальнѣйшему дѣйствію закона наслѣдственности. Дриль съ самаго начала выступилъ рѣшительнымъ противникомъ тѣхъ, кто въ недостаточной степени оттѣняетъ вліяніе общественной среды. Въ его статьѣ, появившейся въ маѣ 1880-го года въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ и озаглавленной „Новыя вѣянія“, съ подтитуломъ: „Къ вопросу о наказаніяхъ“, авторъ платитъ дань теоріи наслѣдственной преступности, говоря о необходимости отнять у вырождающихся личностей возможность продолжать себя въ потомствѣ и тѣмъ вносить порчу и заразу въ общество; но онъ въ то же время особенно настаиваетъ на томъ, что „преступное дѣйствіе человѣка, какъ и всякое его дѣйствіе вообще, есть всегда результатъ взаимодѣйствія двухъ факторовъ: воздѣйствій, исходящихъ изъ внѣшней среды, съ одной стороны, и физической и психической структуры подвергающагося этимъ воздѣйствіямъ, съ другой. Мы, къ сожалѣнію, ничего не сдѣлали или сдѣлали весьма мало для борьбы съ тѣмъ факторомъ преступности, который обнимается понятіемъ общественной среды. Увеличивающееся скопленіе богатства въ рукахъ немногихъ, усиливающееся развитіе крупной промышленности, обоснованной на способахъ капиталистическаго производства, соотвѣтствующее этому увеличеніе пролетаріата и умноженіе всякихъ норъ и берлогъ, въ которыхъ обитаетъ одичалое, загнанное и вырождающееся отребье человѣческаго рода,—вотъ нѣкоторыя изъ сторонъ общественной среды, которыя вліяютъ на развитіе преступности“. Я нарочно привожу отрывки изъ раннихъ работъ Дриля, такъ какъ вся дальнѣйшая его научно-литературная дѣятельность сведется къ раскрытію тѣхъ общихъ формулъ, выраженіе которыхъ можно найти въ приведенныхъ мною словахъ. Заглянемъ еще въ нѣкоторыя изъ первыхъ статей Дриля, напечатанныхъ въ

томъ же органѣ Юридическаго Общества. Въ теченіе 1883—1884 годовъ „Юридическій Вѣстникъ“ далъ рядъ его этюдовъ подъ общимъ заглавіемъ: „Очеркъ развитія ученія новой позитивной школы уголовнаго права“; они вошли затѣмъ въ 1-й выпускъ извѣстной книги „Малолѣтніе преступники“. Нельзя сказать, чтобы статьи Дриля были первыми по времени работами, познакомившими русское общество съ трудами итальянской положительной школы уголовнаго права и въ частности Ломброзо. Въ томъ же „Юридическомъ Вѣстникѣ“ появились статьи Минцлова: „Особенности класса преступниковъ“; въ основу ихъ легла знаменитая книга итальянскаго криминолога, но авторъ не дѣлалъ попытки критическаго отношенія къ новой школѣ. Далеко не такъ отнесся къ ней Дриль. Вотъ нѣсколько отрывковъ, по которымъ легко будетъ судить и о впечатлѣніи, какое его статьи должны были произвести въ нашей средѣ—средѣ сторонниковъ положительнаго направленія въ обществовѣдѣніи, и о томъ, какъ самостоятельно относился къ уголовной антропологіи молодой русскій криминалистъ. Говоря о томъ, что новое направленіе выразилось въ созданіи цѣлой школы только въ Италіи, Дриль словами итальянскихъ послѣдователей Ломброзо слѣдующимъ образомъ характеризовалъ новую школу: „она признаетъ, что существующее ученіе о преступленіи и наказаніи не имѣетъ основаній въ опытѣ, а построено на выводахъ изъ недоказанныхъ принциповъ, доставляемыхъ абстрактными теоріями, часто противорѣчивыми и невѣрными. На мѣсто вывода изъ данныхъ самонаблюденія послѣдователи новой школы считаютъ нужнымъ поставить наблюденіе реальныхъ фактовъ, замѣняя преступника воображаемаго преступникомъ дѣйствительнымъ и подвергая его тщательному и всестороннему изслѣдованію, какъ любой объектъ научнаго изученія“. Относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ этой перемѣнѣ метода, Дриль одобрялъ и общественную тенденцію новой школы, говоря: „если въ предшествующій періодъ своего развитія наука уголовнаго права главнымъ образомъ имѣла въ виду борьбу съ средневѣковой жестокостью наказаній, то въ настоящее время она, по мнѣнію ученыхъ новой итальянской школы, задается не менѣе гуманной цѣлью—цѣлью борьбы съ преступленіемъ и изысканія средствъ возможнаго уменьшенія числа ихъ“. Но Дриль не принималъ цѣликомъ всѣхъ положеній новой школы: „къ сожалѣнію,—прибавлялъ онъ,—идея борьбы и теорія удаленія изъ общества, въ видахъ искусственнаго подбора, его отбросовъ, по моему мнѣнію слишкомъ увлекаетъ итальянскихъ представителей позитивной школы, начиная отъ самого Ломброзо. Она мѣшаетъ имъ достойнымъ образомъ оцѣнить нѣкоторыя другія не менѣе важныя стороны вопроса“. Особенно у Гарофало и отчасти также у Ферри того времени Дриль отмѣчалъ такое увлеченіе идеей борьбы.

Оно заставляло перваго не оцѣнивать должнымъ образомъ ни тѣхъ гарантій личной свободы, какія заключаетъ въ себѣ Habeas Corpus, ни тѣхъ гарантій правосудія, какія связаны съ судомъ присяжныхъ. И то, и другое, казалось ему удаляющимъ отъ истинной цѣли—борьбы съ преступленіемъ. Той же господствующей идеей объясняется, по мнѣнію Дриля, готовность Гарофало поражать нѣкоторыя категоріи преступниковъ со всею строгостью наказаніями на вѣчныя времена и тѣмъ самымъ совершать искусственный подборъ общества, удаляя навсегда порочныхъ и неисправимыхъ его членовъ. Что же касается до Энрико Ферри, бывшаго въ то время профессоромъ въ Болоньѣ, то онъ въ своихъ „Новыхъ горизонтахъ уголовнаго права и процесса“ не отступалъ отъ мысли о благодѣтельномъ вліяніи искусственнаго подбора, совершающагося при посредствѣ смертной казни. Соглашаясь съ тѣмъ, что наказаніе должно имѣть въ виду, какъ на этомъ настаиваетъ итальянская школа уголовнаго права, главнымъ образомъ огражденіе общества и выводя отсюда то послѣдствіе, что наказаніе должно быть опредѣляемо сообразно не одной только значительности преступленія, но и тому, въ какой степени преступникъ представляетъ собою опасность для общества, Дриль расходился съ учителями новой школы въ распредѣленіи преступниковъ по степени этой опасности для общества на категоріи сумасшедшихъ, прирожденныхъ и неисправимыхъ и, наконецъ, случайныхъ. „Въ сферѣ преступленія,—писалъ онъ,—какъ и вездѣ въ природѣ, нѣтъ ничего обособленнаго и строго ограниченнаго: явленія и здѣсь представляютъ постепенные и неуловимые переходы“. Онъ прибавлялъ къ этому, что термины „прирожденный“ и „неисправимый“ выбраны крайне неудачно: они ставятъ предубѣждающіе ярлыки, при чемъ первый высказываетъ несправедливую мысль, что нѣкоторые уже рождаются роковыми преступниками. „Опытъ, конечно, не позволяетъ сомнѣваться, — писалъ Дриль, — что человѣкъ можетъ унаслѣдовать отъ своихъ восходящихъ такія особенности психо-физической организаціи, которыя предрасполагаютъ его къ преступленіямъ; но сдѣлаются ли они таковыми, это будетъ зависѣть отъ окружающей обстановки, отъ всѣхъ жизненныхъ условій вообще и отъ характера воспитанія въ частности“. Дриль высказываетъ далѣе соболѣзнованіе, что, слишкомъ увлекаясь идеей борьбы и черезчуръ полагаясь на прочность разъ установленныхъ ею категорій преступниковъ, итальянская школа для преступниковъ прирожденныхъ и рецидивистовъ настаиваетъ на пожизненныхъ наказаніяхъ и не отступаетъ даже отъ мысли примѣненія къ нимъ смертной казни (въ особенности Гарофало). Дриль жалѣетъ, что по отношенію къ третьей категоріи—случайныхъ преступниковъ—итальянская школа при опредѣленіи нака-

занія недостаточно становится на точку зрѣнія теоріи исправленія.

Я не пойду дальше въ разборѣ мыслей Дриля, выраженныхъ еще въ статьяхъ, напечатанныхъ имъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“. Онѣ нашли развитіе въ послѣдующихъ его сочиненіяхъ и въ особенности въ „Малолѣтнихъ преступникахъ“. Мнѣ важно было показать, что Дриль никогда не закрывалъ глазъ на неизбѣжныя несовершенства, связанныя съ попыткою пойти новою дорогою и сказать новое слово въ такихъ сложныхъ вопросахъ, какимъ является вопросъ о преступности и о борьбѣ съ нею. Изъ упомянутаго выше можно притти, наоборотъ, къ заключенію, что имъ отмѣчены были весьма рано тѣ слабыя мѣста въ новой школѣ, которыя позднѣе указываемы были Тардомъ и многими новѣйшими критиками. Не чрезмѣрнымъ увлеченіемъ доктриной Ломброзо, а предвзятымъ воззрѣніемъ, что новая доктрина подкашиваетъ якобы въ корнѣ самую идею наказанія, надо объяснить, почему въ московскомъ юридическомъ факультетѣ, въ лицѣ его декана, который былъ медикомъ по профессіи, нашелся человѣкъ, признавшій совершенно недопустимой публичную защиту взглядовъ Дриля на диспутѣ. Профессоръ Легонинъ — преподававшій судебную медицину, — отрицалъ за нами даже способность съ знаніемъ дѣла отнестись къ работѣ Дриля, увѣряя насъ, что оцѣнить ее должнымъ образомъ можетъ только естествоиспытатель и медикъ. Но Дриль былъ именно въ нашей средѣ тѣмъ рѣдкимъ юристомъ, который предпослалъ спеціализаціи по правовѣдѣнію нѣсколько лѣтъ занятій біологіей и въ частности анатоміей, физіологіей и патологіей человѣка. Ища провѣрки моихъ собственныхъ взглядовъ на качество представленной намъ диссертаціи, я обратился къ извѣстному въ то время спеціалисту, врачу-профессору Лашкевичу въ Харьковѣ, съ которымъ связывали меня давнишнія пріятельскія отношенія. Прочитавъ книгу Дриля, онъ сказалъ мнѣ, что авторъ несомнѣнно имѣетъ нужную подготовку по физіологіи вообще и физіологіи нервной системы въ частности; ему недостаетъ только знакомства съ клиническимъ методомъ, что и вполнѣ понятно для человѣка, не завершившаго своего медицинскаго образованія практической работой въ госпиталяхъ. Заявленіе профессора Лашкевича побудило моего бывшаго учителя, Леонида Евстафьевича Владимирова, въ то время профессора уголовнаго права въ Харьковѣ, заявить о своей готовности принять работу Дриля въ качествѣ магистерской диссертаціи. Я имѣлъ счастье передать автору эту добрую вѣсть. Въ диспутѣ, рядомъ съ криминалистами по профессіи, выступилъ и докторъ медицины проф. Лашкевичъ. Диспутанту дана была полная возможность обнаружить разнообразіе и основательность сво-

ихъ свѣдѣній и въ біологіи, и въ уголовной антропологіи. Извѣстность Дриля, какъ русскаго представителя уголовной антропологіи, не замедлила съ этого времени упрочиться въ широкихъ кругахъ. Къ сожалѣнію, одновременно проникло въ правящія сферы убѣжденіе, что новая доктрина не можетъ быть терпима въ преподаваніи, такъ какъ сводится къ отрицанію карательной власти государства. Всѣ попытки Дриля устроиться при университетѣ на правахъ преподавателя встрѣтили рѣшительный отпоръ; почтенному ученому пришлось довольствоваться сравнительно скромнымъ положеніемъ сначала податного инспектора, а затѣмъ чиновника въ распоряженіи министра юстиціи и, наконецъ, юрисконсульта при томъ же министерствѣ. Несправедливость, обнаруженная по отношенію къ Дрилю и опиравшаяся на самомъ явномъ недоразумѣніи, казалась особенно возмутительной тѣмъ, кто зналъ его близко. Дриль принадлежалъ къ небольшому числу людей, которые ждали и ждутъ всего не отъ политическихъ реформъ, не отъ установленія въ нашей странѣ конституціонныхъ порядковъ, а отъ перевоспитанія общества. Онъ одно время даже не оцѣнивалъ достаточно преимуществъ представительной системы, которая рисовалась его воображенію какъ дающая полный просторъ владѣтельнымъ классамъ угнетать невладѣтельные. Онъ готовъ былъ, вслѣдъ за соціалистами и Нордау, говорить по поводу ея о системѣ прикрытаго обмана, о „Conventionelle Lügen", объ обманѣ, какой необходимо предполагаетъ передача законодательной власти въ руки земельныхъ собственниковъ и предпринимателей, особенно при существованіи высокаго избирательнаго ценза. Бюрократія стала внушать ему заслуженныя опасенія только съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ попалъ въ ея среду. Его послѣдніе разговоры со мною свидѣтельствовали о тяжелыхъ впечатлѣніяхъ, какія онъ вынесъ изъ своихъ поѣздокъ съ цѣлью осмотра тюремъ, и изъ того отношенія, какое онъ встрѣтилъ къ предложеннымъ имъ мѣрамъ со стороны мѣстныхъ губернаторовъ... Добрую волю онъ приносилъ въ избыткѣ при выполненіи возложенныхъ на него порученій. Онъ не боялся съ этою цѣлью предпринимать и дальнихъ странствованій по сушѣ и морямъ, въ Сахалинъ и австралійскія колоніи, съ цѣлью изученія дѣйствительныхъ условій каторги. Рѣдкій съѣздъ криминалистовъ и тюрьмовѣдовъ, гдѣ бы онъ ни собирался, обходился безъ присутствія Дриля, его доклада и участія въ преніяхъ. Онъ находилъ также пищу для своего ума и сердца въ устройствѣ дешевыхъ жилищъ для рабочихъ, въ борьбѣ съ алкоголизмомъ, въ устройствѣ народнаго университета и народнаго политехникума. И не смотря на всѣ эти разнообразныя занятія, его постоянно влекло къ преподаванію дорогой ему уголовной антропологіи и соціологіи въ высшемъ учебномъ заведеніи. Къ чести

директора политехническаго института и профессоровъ его экономическаго отдѣленія, съ А. С. Посниковымъ во главѣ, надо отнести то, что съ момента, когда высшая школа получила у насъ автономію, они привлекли Дриля въ свою среду и поручили ему преподавать дорогую ему науку. Я встрѣтился съ Дрилемъ уже какъ съ товарищемъ на собраніяхъ профессоровъ политехникума и знаю отъ его слушателей, какъ занимательны и поучительны были его чтенія. Курсъ его, къ счастью, былъ отлитографированъ и можетъ служить дополненіемъ къ недочитаннымъ имъ лекціямъ въ психо-неврологическомъ институтѣ. Мнѣ пришлось недавно писать о Дрилѣ въ періодической печати. Я сказалъ о немъ, что это былъ человѣкъ высокой нравственной чистоты, у котораго слово шло всегда заодно съ дѣломъ и который всецѣло готовъ былъ отдать себя дѣятельному и разумному служенію человѣческой нуждѣ. Покинувшій насъ товарищъ не нуждается въ похвальномъ словѣ: мы только воздаемъ ему должное, сказавъ, что онъ былъ человѣкомъ въ высшемъ значеніи этого слова.

Максимъ Ковалевскій.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

Кто отъ кого оказался изолированнымъ въ дни болѣзни, смерти и погребенія Толстого? — Послѣднія слова великаго покойника. — Н. И. Пироговъ объ университетскомъ вопросѣ. — „Дни національнаго подъема“. — „Новое Время“ о „пресловутомъ“ мусульманскомъ самоопредѣленіи. — Законъ и сенатское разъясненіе, отмѣненные петербургской городской думой. — Бельгійскій милліонъ. — Несбывшіяся надежды гг. Сопоцько и Бухмейера. — Новыя времена для „истинно-русскихъ“ союзниковъ.

Смерть Толстого была, въ общественно-политическомъ смыслѣ, однимъ изъ тѣхъ событій, все значеніе которыхъ сразу даже не поддается учету. Она воочію показала, кто и отъ кого въ русской жизни изолированъ. Тѣ ли занимаютъ изолированное положеніе, кто въ дни, когда на станціи Астапово стоялъ гробъ съ едва остывшимъ тѣломъ, напрасно стучались съ просьбами отслужить панихиду объ упокоеніи души усопшаго болярина Льва, — или тѣ, кто обязывалъ подписками содержателей увеселительныхъ заведеній не прекращать въ эти дни увеселеній. Тѣ ли, кто считали, что всѣ обычныя формы почитанія памяти умершихъ несоотвѣтственно малы сравнительно съ глубиною преклоненія передъ памятью только-что почившаго мірового генія, —

или тѣ, кто демонстративно отказывались почтить его память простымъ молчаливымъ вставаніемъ. Тѣ ли были и остаются выразителями народныхъ чувствъ, кто требуютъ внѣшняго увѣковѣченія имени Льва Толстого созданіемъ памятника, выкупомъ Ясной Поляны, обращеніемъ его сочиненій въ національное достояніе,—или тѣ, кто таятъ въ себѣ желаніе, чтобы имени Толстого не знала молодежь, чтобы это великое имя забылось. Съ тѣми ли были и остаются мысли и надежды народа, кто лучшей и достойнѣйшей формой чествованія памяти Толстого считали и считаютъ отмѣну смертной казни, кто въ дни поминокъ, подобно ему, „не могли молчать“ о тысячахъ казненныхъ,—или тѣ, кѣмъ въ эти дни налагался запретъ на слова о смертной казни...

Отказъ православной церкви служить панихиды по Толстомъ оставитъ глубокій слѣдъ въ народной душѣ. Толстой былъ вѣрующій христіанинъ. Онъ вѣрилъ въ Христа—и понималъ евангеліе не такъ, какъ учитъ православная церковь. Но кто ближе къ церкви: тотъ ли, кто, вѣруя, вноситъ въ свою вѣру свободное и независимое „я“, кто, вѣруя, заблуждается—допустимъ это,—или тотъ, кто не вѣруетъ вовсе? Для ума, чуждаго тонкостей церковной догматики, двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ быть не можетъ. Но почему же церковь примиряется послѣ ихъ смерти даже съ завѣдомыми атеистами? Почему церковь не отказывается ни хоронить по христіанскому обряду людей, при жизни не знавшихъ Христа и не желавшихъ Его знать, не отказывается публично, въ храмѣ, возносить молитвы объ упокоеніи ихъ „со святыми“ и возглашать имъ „вѣчную память“? Неужели заблужденіе въ вѣрѣ—бо́льшій грѣхъ, чѣмъ невѣріе, т.-е. полное отрицаніе вѣры въ Христа? Церковь молится объ упокоеніи души усопшаго. Такъ не все ли равно, если одинъ человѣкъ, заблуждаясь въ вѣрѣ, обнаруживалъ при жизни свои заблужденія—говорилъ о нихъ, писалъ, проповѣдывалъ,—а другой, быть-можетъ заблуждаясь еще болѣе, не дѣлился своими заблужденіями ни съ кѣмъ? Не одинаково ли—съ церковной именно точки зрѣнія—нужна обоимъ посмертная молитва?...

Смерть Толстого раскрыла ту душевную драму, которую онъ переживалъ въ теченіе долгихъ лѣтъ. Она раскрыла, что на свою жизнь въ Ясной Полянѣ онъ смотрѣлъ какъ на крестъ, ниспосланный ему судьбой. Его мучилъ этотъ крестъ, но онъ считалъ себя обязаннымъ его нести—и несъ. Не потому Толстой не уходилъ „въ міръ“, что былъ не въ силахъ отказаться отъ обстановки и условій жизни въ Ясной Полянѣ, а потому, что эта жизнь была для него тяжкимъ подвигомъ любви. Только за девять дней до смерти онъ сложилъ съ себя крестъ. И Толстой умеръ примиреннымъ съ собою,—„на міру“,

въ домѣ начальника желѣзнодорожной станціи, окруженный заботами и любовью „міра“...

Послѣднее, что̀ вышло изъ-подъ похищеннаго смертью пера Толстого, было посвящено „тому злу, которое такъ сильно и болѣзненно чувствуется всѣми лучшими людьми нашего времени“. Мучимый исканіемъ способовъ достиженія отмѣны смертной казни, Толстой, 27-го октября въ Ясной Полянѣ и 29-го октября въ Оптиной Пустынѣ, писалъ:

„Думаю, что въ наше время для дѣйствительной борьбы съ смертной казнью нужны не проламыванія раскрытыхъ дверей; не выраженія негодованія противъ безнравственности, жестокости и безсмысленности смертной казни (всякій искренній и мыслящій человѣкъ и, кромѣ того, еще и знающій съ дѣтства шестую заповѣдь, не нуждается въ разъясненіяхъ безмысленности и безнравственности смертной казни); не нужны также и описанія ужасовъ самого совершенія казней; такія описанія могутъ только успѣшно подѣйствовать на самихъ палачей, такъ что люди будутъ менѣе охотно поступать на эти должности и исполнять ихъ, и правительству придется дороже оплачивать ихъ услуги.

„И потому думаю, что главнымъ образомъ нужно не выраженіе негодованія противъ убійства себѣ подобныхъ, не внушеніе ужаса совершаемыхъ казней, а нѣчто совсѣмъ другое.

„Какъ прекрасно говоритъ Кантъ, „есть такія заблужденія, которыя нельзя опровергнуть. Нужно сообщить заблуждающемуся уму такія знанія, которыя его просвѣтятъ—тогда заблужденіе исчезнетъ само собою“.

„Какія же знанія нужно сообщать заблуждающемуся уму человѣческому о необходимости, полезности, справедливости смертной казни, для того, чтобы заблужденіе это уничтожилось само собой.

„Такое знаніе, по моему мнѣнію, есть только одно: знаніе того, что̀ такое человѣкъ, каково его отношеніе къ окружающему его міру, или, что̀ одно и то же, въ чемъ его назначеніе и, потому, что̀ можетъ и долженъ дѣлать каждый человѣкъ, а главное, что̀ не можетъ и не долженъ дѣлать.

„И потому, если ужъ бороться съ смертной казнью, то бороться только тѣмъ, чтобы внушать всѣмъ людямъ, въ особенности же распорядителямъ палачей и одобрителямъ ихъ, ошибочно думающимъ, что они, только благодаря смертной казни, удерживаютъ свое положеніе,—внушать этимъ людямъ то знаніе, которое одно можетъ освободить ихъ отъ ихъ заблужденія.

„Знаю, что дѣло это нелегкое. Наемщики и одобрители палачей инстинктомъ самосохраненія чувствуютъ, что знанія эти сдѣлаютъ

для нихъ невозможнымъ удержаніе того положенія, которымъ они дорожатъ, и потому не только сами не усваиваютъ этого знанія, но всѣми средствами..... стараются скрыть отъ людей эти знанія, извращая ихъ и подвергая распространителей ихъ всякаго рода лишеніямъ и страданіямъ.

„И потому, если мы точно хотимъ уничтожить заблужденіе смертной казни, и главное, если имѣемъ то знаніе, которое уничтожаетъ это заблужденіе, то давайте же будемъ, несмотря ни на какія угрозы, лишенія и страданія, сообщать людямъ это знаніе, потому что это единственно дѣйствительное средство борьбы".

13-го ноября, въ Петербургѣ, литературными и учеными обществами былъ организованъ „вечеръ памяти Льва Николаевича Толстого". На программѣ было напечатано: „Участники вечера, заранѣе благодаря за возможное сочувствіе ихъ рѣчамъ, покорнѣйше просятъ воздержаться отъ знаковъ одобренія, считая всякія шумныя манифестаціи (аплодисменты, пѣніе и т. п.) неумѣстными на скорбномъ вечерѣ, посвященномъ памяти великаго писателя". И эта просьба была свято исполнена. Въ залѣ, гдѣ собралось 1700 человѣкъ, гдѣ не было ни одного свободнаго мѣста, гдѣ бо́льшую половину присутствующихъ составляла учащаяся молодежь, гдѣ всѣмъ были извѣстны условія, въ которыхъ удалось получить разрѣшеніе на вечеръ,—не раздалось ни одного хлопка и ни одного протестующаго звука. Это такой показатель общественнаго воспитанія, которому и за границей могли бы позавидовать.

Минуло столѣтіе со дня рожденія Н. И. Пирогова,—знаменитаго хирурга въ эпоху крымской войны, врача-профессора и педагога. А. И. Шингаревъ въ канунъ чествованія его памяти кстати возобновилъ въ общественной памяти то, что писалъ Пироговъ по университетскому вопросу („Рѣчь", № 312). Повторимъ за нимъ нѣкоторыя выдержки.

„Старое и забытое является въ извѣстные періоды снова на свѣтъ..." „Нѣтъ ничего мудренаго, что и въ университетской жизни встрѣчаются возвраты къ старому, забытому и прожитому. Возвраты зимы весною и лѣтомъ наносятъ вредъ земледѣльцамъ; возвраты болѣзней опасны для больныхъ; съ стихійными силами ничего не подѣлаешь; зато умъ, данный намъ Богомъ, долженъ былъ не на шутку и не разъ призадуматься, придавая возврату худого и худо-забытаго значеніе благодѣтельной новизны". Эти слова Пироговъ относилъ къ проекту „новаго" университетскаго устава графа Д. А. Толстого, который, по его выраженію, въ этомъ проектѣ „наступилъ ногою на здравый смыслъ".

„Въ наукѣ есть свои повороты; въ жизни—свои. Иногда и тѣ и другіе сходятся: но всѣ переходы, перевороты и катастрофы общества всегда отражаются на наукѣ, а чрезъ нее и на университетѣ“.

„Въ университетахъ два рода представителей: одни представляютъ степень просвѣщенія и зрѣлости общества, другіе—его молодость, его нужды, потребности, направленіе, взгляды, увлеченія, страсти, пороки. Все сосредоточено въ одномъ пунктѣ и потому высказывается яснѣе, сильнѣе. Чего въ немъ нѣтъ, того нѣтъ въ обществѣ, или то спитъ и не живетъ духовно. Общество видно въ университетѣ, какъ въ зеркалѣ и перспективѣ. Университетъ есть лучшій барометръ общества. Если онъ показываетъ такое время, которое не нравится, то за это его нельзя разбивать или прятать; лучше всетаки смотрѣть и, смотря по времени, дѣйствовать“.

„Всякій понимаетъ, что университетъ не казарма и не корпусъ, и студенчество не солдатство, однако“... „Есть же, говорятъ, въ Англіи воспитательный университетъ. Про него всего чаще начали говорить, когда прочли Визе. Но Визе, приписывая все хорошее въ англійскихъ лордахъ университетскому воспитанію въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, забылъ одно: Habeas corpus. А это одно воспитываетъ англичанъ, и не однихъ лордовъ,—не хуже всякихъ университетовъ“.

Читаешь и не вѣришь, что все это писалось не для насъ и не для нашихъ „послѣ-конституціонныхъ“ дней. Разница лишь въ томъ, что когда писалъ Пироговъ, „наступалъ ногою на здравый смыслъ“ графъ Д. А. Толстой. А теперь его топчутъ ежедневно Пуришкевичи, Марковы, Тимошкины...

„Въ наши дни національнаго подъема русскаго общества“—такъ опредѣляетъ г. Я. Н—овъ въ „Новомъ Времени“ (№ 12459) общественно-политическое положеніе нынѣшняго момента. Что это за подъемъ—провѣрить весьма просто. Задайте любому читателю газетъ, а еще лучше задайте себѣ, несложный вопросъ: въ чемъ состоитъ сущность той очередной реформы, которая подъ названіемъ проекта о всеобщемъ начальномъ обученіи составляетъ чуть не цѣлый мѣсяцъ предметъ занятій Государственной Думы? Ни вы сами и никто изъ тѣхъ, кого вы спросите, навѣрное на этотъ вопросъ не отвѣтятъ. У русскаго общества есть совершенно ясное впечатлѣніе, что общій фонъ обсужденія реформы составляли и составляютъ скандалы, перешедшія всѣ границы приличія бранныя слова, выкрики и стукъ по пюпитрамъ. Какъ яркіе блики на этомъ фонѣ, вырисовываются вопросъ объ инородцахъ и о языкѣ преподаванія на окраинахъ, споръ о параллельномъ сохраненіи со свѣтской школой школы церковно-

приходской и страстные дебаты о роли, которую реформа отводитъ законоучителямъ и предводителямъ дворянства. А чѣмъ будетъ проектируемая школа, по сравненію съ нынѣ существующей земской и городской школой обычнаго типа,—будетъ ли она давать бо̀льшую или меньшую сумму знаній, повысить или понизитъ положеніе учителя, сблизитъ ли начальное обученіе съ курсомъ средней школы или наоборотъ, расширитъ или съузитъ область общественной самодѣятельности въ школьномъ дѣлѣ,—объ этомъ, кромѣ членовъ Думы (всѣхъ ли?), никто не знаетъ, и этимъ никто не интересуется. Ни статей проекта, раскрывающихъ суть реформы, поскольку она не затрагиваетъ боевыхъ вопросовъ минуты, ни преній по этимъ статьямъ, думскіе референты не воспроизводятъ. И, конечно, винить ихъ за это было бы несправедливо. Ежедневная печать даетъ то, что представляетъ общественный интересъ. Если она обходитъ молчаніемъ существо обсуждаемой реформы, значитъ къ реформѣ нѣтъ интереса.

Но было бы несправедливо укорять и общественное сознаніе. Тотъ „ходъ законодательной работы“, который, по словамъ „Свѣта“, вызываетъ „надлежащее одобреніе“,—о чемъ корреспонденту газеты „посчастливилось узнать изъ высоко-авторитетнаго источника“,—показалъ не со вчерашняго дня, что „обновленный“ законодательный механизмъ никакой болѣе или менѣе крупной реформы пропустить черезъ себя не въ силахъ. Слѣдовательно, изучать проектъ школьной реформы просто не стоитъ: если въ немъ есть хоть что-либо улучшающее положеніе школьнаго дѣла, въ законъ онъ все равно никогда не обратится. При такомъ общественномъ настроеніи можно говорить о чемъ угодно, но ужъ никакъ не о національномъ подъемѣ русскаго общества. Долгіе десятки лѣтъ вся мыслящая Россія была занята вопросомъ о всеобщемъ начальномъ обученіи и въ связи съ нимъ—вопросомъ объ измѣненіи формъ государственнаго строя, ибо прежній строй служилъ преградой его разрѣшенію. Въ условіяхъ новаго строя, вопросъ дождался своей очереди и обсуждается. А интереса къ тому, какъ намѣчается его разрѣшеніе, въ обществѣ нѣтъ и слѣда.

Нельзя не сказать, впрочемъ, что г. Н—овъ, пожалуй, и правъ. Подъ „русскимъ обществомъ“ онъ, очевидно, разумѣетъ тѣ общественныя теченія, которыя сейчасъ сгруппировались вокругъ проповѣди человѣконенавистничества и изолировались въ всероссійскомъ національномъ союзѣ и въ студенческихъ клубахъ академистовъ. А подъ „національнымъ подъемомъ“—внѣшній шовинизмъ и внутреннюю травлю инородцевъ и иновѣрцевъ. Если называть „русскимъ обществомъ“ писателей и читателей „Новаго Времени“, „Земщины“ и „Русскаго Знамени“ и если подъ національнымъ подъемомъ пони-

мать стремленіе подавить чужія національности и чужія религіозныя воззрѣнія, полагая въ этомъ все покрывающій свой собственный религіозно-національный интересъ,—то для такого общества „наши дни" дѣйствительно суть дни небывалаго подъема. „Истинно-русскіе" патріоты изъ союзническихъ чайныхъ, уподобившись китайцамъ-боксерамъ, открыто объявили на весь міръ, что онѣ „разнесутъ" строящійся въ Петербургѣ буддійскій храмъ. „Земщина" требуетъ, чтобы, независимо отъ ихъ содержанія, были изъяты изъ обращенія всѣ книги, принадлежащія перу Л. Н. Толстого, разъ онѣ посвящены религіознымъ вопросамъ. „Неужели—заявляетъ органъ думскихъ крайнихъ правыхъ—могутъ быть какія-нибудь сомнѣнія въ томъ, что самое имя Толстого на книгѣ, трактующей религіозные предметы, является уже оскорбленіемъ религіи?" „Новое Время", утомившись въ преслѣдованіи евреевъ, финляндцевъ и поляковъ, начало, при содѣйствіи г. Н—ова, кампанію противъ мусульманъ.

Поводомъ начать кампанію послужило распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ, командировавшаго чиновниковъ въ уфимскую и оренбургскую губерніи для ревизіи дѣлъ магометанскаго духовнаго собранія. По свѣдѣніямъ газеты, командировка вызвана „необходимостью возможно полнаго изученія управленія духовными дѣлами русскихъ мусульманъ въ отношеніи согласованности этого управленія съ потребностями мусульманскаго населенія имперіи; чинамъ ревизіи, кромѣ того, поручено и другое важное дѣло—изученіе современнаго состоянія мусульманскихъ учебныхъ заведеній, перешедшихъ отъ конфессіональной къ общеобразовательной программѣ обученія". Въ „изученіи" чего бы то ни было и кѣмъ бы то ни было, само собою разумѣется, нѣтъ ничего ни худого, ни опаснаго. И если бы вопросъ шелъ, въ данномъ случаѣ, только объ „изученіи"—управленія и состоянія учебныхъ заведеній,—починъ министерства заслуживалъ бы, какъ это и дѣлаетъ „Новое Время", только привѣтствія. Но и младенцу ясно, что „не въ изученіи тутъ сила". Г. Н—овъ откровенно перескакиваетъ отъ изученія къ тому, что за изученіемъ должно послѣдовать. Онъ напоминаетъ о Финляндіи, „которая предстала передъ глазами русскихъ въ ея настоящемъ видѣ лишь сто лѣтъ спустя послѣ покоренія", рекомендуетъ, далѣе, „особенно считаться" съ событіями въ Турціи и затѣмъ обращаетъ „самое серьезное вниманіе" государственной власти на „пресловутое мусульманское самоопредѣленіе". Какъ реальные признаки мусульманскаго сепаратизма, онъ выставляетъ, съ одной стороны, фактъ перехода въ магометанство десятковъ тысячъ инородцевъ, едва только въ 1905 г. такой переходъ сталъ возможенъ, а съ другой—то, „что въ новыхъ мусульманскихъ школахъ въ число предметовъ обученія входятъ турецкій языкъ,

въ качествѣ языка, объединяющаго тюркскія нарѣчія приволжскаго края, исторія и географія Турціи и распространены турецкіе учебники константинопольскаго изданія, а также что ученикамъ нѣкоторыхъ школъ присвоена форма турецкихъ школьниковъ".

Послѣдній кивокъ похожъ на сплетню, и мы безъ возраженія оставляемъ его на отвѣтственности автора. Возвращаться же къ ссылкѣ на переходъ въ магометанство тѣхъ православныхъ, которые православными никогда не были, а только числились, стыдно, казалось бы, даже и для „Новаго Времени". Это была естественная и неизбѣжная расплата за вѣковое насиліе въ дѣлахъ вѣры — т.-е. за ту самую политику, возврата къ которой жаждетъ „въ дни національнаго подъема" специфическое „истинно-русское" общество. Г. Н—овъ желаетъ, чтобы русскіе чиновники, отправляемые для службы на окраины, проходили такой же искусъ въ знаніи мѣстныхъ языковъ, обычаевъ и нравовъ, какой установленъ въ Англіи для лицъ, поступающихъ на службу въ колоніи. Цитируя „Bombay Gazette", онъ перечисляетъ слѣдующіе предметы, знаніе которыхъ обязательно: „индійскій уголовный кодексъ и уставъ о судопроизводствѣ, законъ Индіи о свидѣтельскихъ показаніяхъ, исторія Индіи и, наконецъ, главный туземный языкъ провинціи, куда кандидатъ предположенъ къ назначенію". Но вотъ вопросъ: въ какой связи съ этимъ желаніемъ стоитъ напоминаніе о Финляндіи и о событіяхъ въ Турціи и рекомендація обратить „самое серьезное вниманіе" на „мусульманское самоопредѣленіе", именуемое „пресловутымъ"? На страницахъ „Новаго Времени" этотъ послѣдній эпитетъ краснорѣчивѣе всѣхъ разсужденій и всякихъ цитатъ. Онъ раскрываетъ тотъ конецъ мыслей автора, для котораго два столбца тягучихъ фразъ служатъ покровомъ. Авторъ въ командированіи чиновниковъ въ уфимскую и оренбургскую губерніи провидитъ войну съ „мусульманскимъ самоопредѣленіемъ" или, иначе, обычныя и привычныя мѣры обрусенія восемнадцати милліоновъ „монголовъ-мусульманъ": закрытіе школъ, религіозныя гоненія, запретъ общественной дѣятельности, изгнаніе изъ земства и т. д. „Въ добрый часъ!" — напутствуетъ онъ авангардъ, за которымъ не замедлятъ послѣдовать обученные на англійскій манеръ щедринскіе „ташкентцы".

„Петербургская городская дума не перестаетъ изумлять даже ко всему привыкшихъ россійскихъ обывателей". Этими словами началъ свой отчетъ о засѣданіи думы 10-го ноября одинъ изъ газетныхъ референтовъ. Дѣйствительно, какъ только дѣло касается раздачи другъ другу платныхъ мѣстъ и системы „кормленія" вообще, петербургская дума рѣшительно все забываетъ. При распредѣленіи между гласными

пайковъ изъ городского сундука, въ цѣляхъ закупки этими пайками вѣрныхъ голосовъ, большинство думы не знаетъ ни въ чемъ препятствій: ни въ элементарныхъ требованіяхъ приличія, ни, даже, въ томъ, что черпымъ по бѣлому, съ недопускающей сомнѣній ясностью, написано въ законѣ. Тутъ стародумцы обнаруживаютъ такую смѣлость—чтобы не сказать другого слова,—что остается одно: въ недоумѣніи пожимать плечами и разводить руками. 10-го ноября они ни болѣе, ни менѣе, какъ вотировали закрытой баллотировкой и отвергли категорическое опредѣленіе положенія объ общественномъ управленіи города Петербурга.

Въ этомъ положеніи есть статья 110-ая, которая гласитъ, что голова, его товарищъ и члены управы, „а равно прочія лица, занимающія должности по общественному управленію" (т.-е. предсѣдатели и члены городскихъ исполнительныхъ коммиссій), „не участвуютъ въ постановленіи опредѣленій о назначеніи содержанія по занимаемымъ ими должностямъ". Едва ли можетъ быть надобность въ какихъ-либо оправданіяхъ этого правила, ибо было бы совершенно дико допустить, что люди могутъ сами себѣ назначать жалованье. Аналогичное правило имѣетъ мѣсто въ земскомъ положеніи и въ общемъ городовомъ положеніи 1892 г., и нигдѣ никогда оно не возбуждало сомнѣній. Петербургская же городская дума, большинствомъ голосовъ, поставила на свое разрѣшеніе и разрѣшила въ положительномъ смыслѣ вопросъ, формулированный приблизительно въ слѣдующей редакціи: „Угодно ли думѣ признать, что предсѣдатели и члены исполнительныхъ коммиссій *могутъ участвовать* въ баллотировкѣ размѣра содержанія по занимаемымъ ими должностямъ". Законъ говоритъ: „не участвуютъ", а дума рѣшила: „могутъ участвовать". И такое рѣшеніе состоялось въ условіяхъ, при которыхъ и мысли не можетъ быть о какой-либо случайности. Напротивъ, оно было результатомъ преній, которыя заняли цѣлыхъ два засѣданія.

Впервые докладъ „объ опредѣленіи содержанія личному составу исполнительныхъ коммиссій" былъ поставленъ на повѣстку 3 ноября. Послѣ споровъ по существу вопроса, когда стародумцы, подсчитавъ голоса, уже предвкушали сладость побѣды въ видѣ сохраненія жалованья и разъѣздныхъ, одинъ изъ гласныхъ-обновленцевъ прочелъ текстъ ст. 110-ой и потребовалъ отъ предсѣдателя, чтобы законъ получилъ примѣнепіе. Если бы бомба вдругъ разорвалась въ залѣ, то и тогда, пожалуй, стародумцы не болѣе бы растерялись. Они съ быстротою молніи сообразили, что имѣютъ перевѣсъ всего около десяти голосовъ и что такъ какъ членовъ санитарной коммиссіи 12, а больничной 20, то этимъ двумъ коммиссіямъ, подкармливающимъ 32 голоса, придется лишиться „разъѣздныхъ". Въ ихъ рукахъ появи-

лось положеніе. Одни изъ нихъ стали рыться въ сборникѣ сенатскихъ рѣшеній Мыша. Другіе начали возражать. Заговорили такіе гласные, которые никогда не открываютъ рта. „Я гласный! никто не можетъ лишить меня права участвовать въ баллотировкѣ" — кричалъ членъ больничной коммиссіи, исправно получающій 50 рублей въ мѣсяцъ и никогда не бывающій во ввѣренной его попеченію больницѣ. „Надо поискать; навѣрное было рѣшеніе сената"—успокаивали его не менѣе пораженные сосѣди. Гласный гр. Бобринскій—членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ и бывшій предсѣдатель городской думы—предложилъ любопытный способъ парализовать разрушающій благополучіе douдумцевъ законъ. Онъ заявилъ, что члены коммиссій передъ баллотировкой вопроса о содержаніи могутъ сложить съ себя званіе и участвовать въ голосованіи, а черезъ часъ ихъ можно снова выбрать. Въ его словахъ блеснулъ-было лучъ надежды, но тутъ же и погасъ, когда, въ отвѣтъ, прочли другой законъ, на основаніи котораго для увольненія членовъ исполнительныхъ коммиссій отъ должностей требуется не одно ихъ заявленіе, а распоряженіе утвердившей ихъ въ должностяхъ власти. Спросили предсѣдателя юридической коммиссіи. Онъ сказалъ, что ст. 110-ая ясна и спорить не о чемъ. Спросили предсѣдателя думы, какъ онъ намѣренъ поступить. Неожиданно застигнутый и все-таки присяжный повѣренный, юристъ, г. Унковскій объявилъ, что, въ силу ст. 110-ой положенія, онъ участія въ баллотировкѣ членовъ коммиссіи не допуститъ. Но тутъ же г. Унковскій спохватился и, не доведя вопроса о жалованьѣ до рѣшенія, закрылъ собраніе.

Ближайшее засѣданіе, 5 ноября, стародумцы „сорвали". Они не пришли, и собраніе думы не могло состояться. Засѣданіе 10 ноября г. Унковскій открылъ чтеніемъ заявленія двѣнадцати гласныхъ, представившихъ протестъ противъ примѣненія ст. 110 положенія. Съ юридической аргументаціей эти двѣнадцать гласныхъ справились очень просто. Они выписали изъ сборника Мыша тезисъ рѣшенія сената, хотя и напечатанный подъ ст. 110-ою, но, по заявленію самого составителя сборника, не имѣющій никакого отношенія къ вопросу объ участіи должностныхъ лицъ городского общественнаго управленія въ назначеніи самимъ себѣ жалованья,—и поставили точку. Къ этой несложной аргументаціи товарищъ городского головы, г. Демкинъ, прибавилъ столь же убѣдительное соображеніе: до сихъ поръ ст. 110-я не примѣнялась. Г. Унковскій предложилъ начать пренія и предупредительно заявилъ, что хотя въ предшествующемъ засѣданіи онъ высказалъ противоположное мнѣніе, но въ толкованіи закона подчинится рѣшенію думы. Напрасно говорили выдающіеся юристы—В. О. Люстихъ, П. А. Потѣхинъ. Напрасны были слова о томъ, что нельзя

подвергать баллотировкѣ дѣйствующій законъ. Стародумцы, признающіе только одну „логику“,—логику шаровъ,—пришли спеціально для того, чтобы шарами отмѣнить законъ—и отмѣнили.

Въ томъ же засѣданіи, петербургская городская дума объявила, что она не желаетъ считаться какъ съ закономъ, такъ и съ тѣмъ, что въ обывательскомъ обиходѣ русской жизни имѣетъ болѣе закона обязательное значеніе—съ преподаннымъ къ руководству „всѣмъ мѣстамъ и лицамъ“ разъясненіемъ общаго собранія сената. Съ „разъясненіемъ“, впрочемъ, стародумцы поступили не совсѣмъ такъ, какъ съ закономъ. Законъ они отмѣнили цѣликомъ за свой страхъ и рискъ. А „разъясненіе“—заручившись, по ихъ, по крайней мѣрѣ, словамъ, обѣщаніемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ поискахъ „достойнаго“ предсѣдателя городской училищной коммиссіи, стародумцы мечутся отъ одного крупнаго чиновника къ другому. Какъ извѣстно, весной они выбрали сенатора г. Лузанова. Были ли передъ его избраніемъ имъ даны какія-либо обѣщанія—не знаемъ. Но, во всякомъ случаѣ, его избраніе было прямымъ нарушеніемъ разъясненія сената по дѣлу сенатора М., нѣсколько лѣтъ назадъ избраннаго членомъ петербургской уѣздной земской управы, и утвержденія г. Лузанова не послѣдовало. Теперь стародумцы остановили свой выборъ на начальникѣ главнаго управленія по дѣламъ печати, г. Бельгардѣ. Что этимъ избраніемъ опять явно нарушено „разъясненіе“, сомнѣній быть не можетъ. Сенатъ въ основу толкованія положилъ недопустимость совмѣстительства такихъ должностей по государственной и общественной службѣ, по которымъ одно и то же лицо можетъ оказаться въ положеніи органа надзора за самимъ собою и за лицами, осуществляющими въ отношеніи его функціи начальства. Сенатъ есть высшій органъ надзора въ имперіи, и каждый сенаторъ, безразлично, въ составъ какого департамента онъ входитъ, можетъ оказаться членомъ той коллегіи, которая будетъ, въ качествѣ высшей инстанціи, разсматривать дѣла объ отвѣтственности земской или городской управы, присутствія по земскимъ и городскимъ дѣламъ и губернатора. По этимъ основаніямъ, избраніе г. М. было кассировано. Г. Бельгардъ, по должности начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, состоитъ членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, т.-е. той коллегіи, постановленіями которой налагаются дисциплинарныя взысканія на городского голову и подвергаются удаленію отъ должности, а равно предаются суду „прочія должностныя лица общественнаго управленія“ (ст. 130 и 131 положенія), къ числу коихъ, на правахъ члена управы, принадлежитъ предсѣдатель училищной коммиссіи. Очевидно, слѣдовательно, что „разъясненіе“ столь же касается г. Бельгарда, какъ и касалось г. Лузанова.

И опять въ избраніи г. Бельгарда не было ни случайности, ни ошибки. Приведенныя соображенія были подробно развиты въ засѣданіи думы. Но на нихъ даже возразить никто не счелъ нужнымъ. „Намъ обѣщалъ П. А. Столыпинъ“! Этотъ аргументъ стародумцы передавали и до выборовъ, и послѣ выборовъ въ кулуарахъ и, вѣря въ министерскую полноту власти, съ спокойной совѣстью нарушили „разъясненіе“... Среди гласныхъ-обновленцевъ, послѣ отмѣны ст. 110 положенія и послѣ избранія г. Бельгарда, естественно всталъ вопросъ: какъ быть? Дважды совершено нарушеніе тѣхъ формъ, въ которыхъ должно дѣйствовать городское самоуправленіе. И совершено оно не стародумцами—кто и зачѣмъ будетъ разбираться въ думскихъ партіяхъ? — а думой. Отвѣтственность за эти нарушенія — передъ общественнымъ мнѣніемъ, передъ избирателями и передъ своей совѣстью—падаетъ на всю думу, слѣдовательно и на то меньшинство, которое баллотировало противъ незаконныхъ предложеній. Можетъ ли, однако, это меньшинство что-либо сдѣлать, чтобы противозаконныя рѣшенія были отмѣнены? Прямого пути для этого нѣтъ. Есть путь обходный: жалоба въ порядкѣ надзора. Но пусть лучше, вопреки установленнымъ въ законѣ условіямъ голосованія, члены больничной и санитарной коммиссій будутъ получать шестисотрублевыя подачки, пусть лучше, вопреки сенатскому разъясненію, г. Бельгардъ станетъ во главѣ городского училищнаго дѣла! Изнутри общественнаго учрежденія апелляція къ органамъ бюрократии исходить не должна. Борьба въ думѣ должна заканчиваться въ думскомъ залѣ. По иниціативѣ гласныхъ ее можно выносить на судъ общественный, но не на судъ канцелярій и министерскихъ кабинетовъ. И безъ того чрезмѣрно велика власть надъ самоуправленіемъ этихъ канцелярій и этихъ кабинетовъ... Да и съ практической точки зрѣнія, какая гарантія, что жалоба градоначальнику или министру будетъ уважена? А что, если П. А. Столыпинъ дѣйствительно „обѣщалъ“? Въ газетахъ уже сообщалось, что съ утвержденіемъ избранія г. Бельгарда „встрѣтились затрудненія“ и что для ихъ устраненія предполагается покрыть думскую баллотировку Высочайшимъ соизволеніемъ на его утвержденіе...

Одновременно съ засѣданіемъ петербургской городской думы 10-го ноября, въ „Раннемъ Утрѣ“, а затѣмъ въ „Рѣчи“ появилась слѣдующая перепечатка замѣтки изъ бельгійскихъ биржевыхъ газетъ: „Намъ сообщаютъ, что инцидентъ съ милліономъ франковъ, потраченнымъ на полученіе трамвайной концессіи въ Петербургѣ, разыгравшійся въ антверпенскомъ трамвайномъ трестѣ, будетъ улаженъ въ скоромъ времени. Правленіе треста получило уже предварительное согласіе на возмѣщеніе произведенныхъ затратъ. Разумѣется, не

можетъ быть и рѣчи, что кто-либо возмѣститъ израсходованныя суммы, но трестъ получитъ полную компенсацію въ формѣ наиболѣе желательной для него". За этой „успокоительной" для брюссельскихъ и антверпенскихъ биржевыхъ круговъ замѣткой была напечатана въ тѣхъ же газетахъ и другая, оправдывающая заправилъ треста: „Правленіе не имѣло никакихъ основаній не вѣрить петербургскимъ обязательствамъ и обѣщаніямъ, такъ какъ и тѣ, и другія исходили отъ большого количества лицъ, занимающихъ самыя видныя положенія въ городскомъ управленіи. По имѣющимся у насъ даннымъ, такихъ лицъ было болѣе тридцати".

Эти замѣтки прочла вся Россія. Юмористическіе журналы и листки на всѣ лады изображаютъ бельгійскій милліонъ. А петербургская городская дума молчитъ, — какъ будто „петербургскія обязательства", исходившія отъ лицъ, „занимающихъ самыя видныя положенія въ городскомъ управленіи", ея не касаются. Молчатъ коммиссіи трамвайная и ревизіонная. Молчатъ тѣ „видные" гласные, которые еще весной съ жаромъ доказывали, что постройку трамваевъ второй очереди надо отдать концессіонерамъ. Имена этихъ гласныхъ у всѣхъ на устахъ. На нихъ пальцемъ показываютъ. А они завернулись въ тогу неуязвимаго благородства—и молчатъ...

Въ прошломъ мѣсяцѣ мы писали о бывшемъ студентѣ военно-медицинской академіи Сырокомлѣ-Сопоцько, о полученной имъ на экзаменѣ двойкѣ и о производившемся по поводу этой двойки разслѣдованіи. Мы ошиблись въ нашемъ предсказаніи побѣды г. Сопоцьки надъ академіей и надъ тверскимъ губернаторомъ. Въ концѣ концовъ, онъ понесъ пораженіе, но такое, которое для студента, не справившагося послѣ двухъ лѣтъ пребыванія на третьемъ курсѣ академіи съ трудностями оперативной хирургіи и топографической анатоміи, немногимъ уступаетъ побѣдѣ.

Военный министръ счелъ нужнымъ опубликовать по „дѣлу" оффиціальное сообщеніе. Изъ этого сообщенія узнаемъ, что „12-го сентября сего года, М. Сырокомля-Сопоцько подалъ на имя военнаго министра прошеніе, въ которомъ заявилъ, что будучи принятъ по личному Государя Императора повелѣнію въ число студентовъ Императорской военно-медицинской академіи, какъ георгіевскій кавалеръ, онъ нынѣ несправедливо уволенъ постановленіемъ конференціи вслѣдствіе того, что профессоръ Делицынъ по злобѣ на него призналъ его познанія неудовлетворительными, а равно и потому, что онъ вѣрноподданный и стоитъ за вѣру, царя и отечество". Далѣе проситель предупреждалъ, „что если онъ не получитъ защиты отъ военнаго министра то на

георгіевскомъ праздникѣ будетъ просить о ней Государя Императора".

Казалось бы, что болѣе чѣмъ оригинальная мотивировка прошенія и совершенно недопустимое въ условіяхъ военной службы „предупрежденіе" предрѣшали его судьбу. Но военный министръ прошенію далъ ходъ и назначилъ разслѣдованіе. Разслѣдованіе выяснило, что „студентъ Сопоцько былъ переведенъ изъ новороссійскаго университета не по личному Высочайшему повелѣнію, а по постановленію конференціи Императорской военно-медицинской академіи", — т.-е., что онъ допустилъ въ прошеніи завѣдомо невѣрное утвержденіе. Опять, казалось бы, дѣло должно было получить неблагопріятное для г. Сопоцьки разрѣшеніе. Военный же министръ, „во вниманіе къ боевымъ заслугамъ бывшаго студента Сопоцько", предписалъ начальнику академіи его принять на четвертый курсъ, „съ обязательствомъ въ теченіе предстоящаго учебнаго года подвергнуться вновь переэкзаменовкѣ по оперативной хирургіи и топографической анатоміи". И только выступленія г. Сопоцьки въ печати съ угрозой „увольненіемъ со службы лицамъ, увольненіе коихъ зависитъ лишь отъ непосредственнаго усмотрѣнія Его Императорскаго Величества", „вынудили военнаго министра отказаться отъ первоначальнаго рѣшенія принять его вновь въ академію, доложивъ о такомъ рѣшеніи Его Императорскому Величеству Государю Императору".

Былъ ли хоть одинъ случай въ практикѣ военнаго министерства, чтобы по поводу увольненія не только студента военно-медицинской академіи, но высшаго генерала публиковались такія подробности, вплоть до предшествовавшихъ увольненію колебаній военнаго министра?

Не повезло, по крайней мѣрѣ въ томъ объемѣ, на какой онъ, повидимому, разсчитывалъ, и другому союзнику, г. Бухмейеру,—тому самому предсѣдателю земской управы, который ввѣрилъ провалившемуся на экзаменѣ г. Сопоцькѣ леченіе крестьянъ с. Мологина старицкаго уѣзда. Имя г. Бухмейера извѣстно, какъ „истинно-русскаго" земца тверской губерніи, и года два назадъ мы имѣли случай упоминать о его выступленіяхъ въ тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Въ г. Старицѣ г. Бухмейеръ совмѣщаетъ въ своемъ лицѣ, можно сказать, всю законую и надзаконную уѣздную власть: онъ состоитъ предводителемъ дворянства, предсѣдателемъ земской управы и предсѣдателемъ мѣстнаго отдѣла союза русскаго народа. При такой „полнотѣ власти" онъ, очевидно, былъ спокоенъ и за себя, и за уѣздъ. И вдругъ—пишетъ онъ въ „Русскомъ Знамени"—„іюня 14-го я былъ вызванъ въ г. Тверь, гдѣ г. губернаторъ предложилъ мнѣ на выборъ одно изъ двухъ: или активную дѣятельность въ союзѣ

русскаго народа, или же службу въ должности предводителя дворянства и предсѣдателя земской управы". Г. Бухмейеръ, конечно, требованію губернатора не подчинился и подалъ жалобу на Высочайшее имя. Однако, и тутъ его ждала неудача: „сентября 15-го" онъ получилъ увѣдомленіе, что его ходатайство оставлено „безъ удовлетворенія". Но г. Бухмейера сломить не такъ легко. „Среди союзниковъ—взываетъ онъ—есть люди, стоящіе непосредственно у трона, голосъ которыхъ доходитъ до Царя помимо канцелярій. Есть въ союзѣ знаменитые іерархи и общественные дѣятели. Къ вамъ я обращаюсь"...

Послѣ пораженія, понесеннаго г. Сопоцькой, мы не рискнемъ предсказывать побѣду г. Бухмейеру. Что касается успѣха его обращенія къ „знаменитымъ іерархамъ", то въ этомъ отношеніи г. Бухмейеру, пожалуй, и вовсе нѣтъ основанія разсчитывать на поддержку. Въ „Рѣчи" (№ 320) мы прочли разсказъ о слѣдующемъ, глубоко печальномъ для союзниковъ, „обмѣнѣ мнѣній" и „пожеланіи" членовъ синода. Два мѣсяца тому назадъ, одинъ изъ отдѣловъ союза Михаила Архангела обратился въ синодъ съ ходатайствомъ объ открытіи въ какомъ-то селѣ новаго прихода. Не получая отвѣта, отдѣлъ пожаловался въ главную палату союза. Тогда г. Пуришкевичъ послалъ въ синодъ „негодующій запросъ". Оберъ-прокуроръ, С. М. Лукьяновъ, приказалъ оставить запросъ безъ отвѣта. „Въ связи съ этимъ инцидентомъ — говоритъ хроникеръ газеты — произошелъ обмѣнъ мнѣній между членами синода, которые констатировали, что въ послѣднее время то союзъ русскаго народа, во главѣ съ Дубровинымъ, то союзъ Михаила Архангела, во главѣ съ Пуришкевичемъ, часто обращаются къ высшей церковной власти съ разными некорректными запросами, причемъ свои обращенія всегда пишутъ на бланкахъ того или другого союза. Членами синода высказано было пожеланіе, чтобы впредь всякія ходатайства и запросы союзниковъ и ихъ лидеровъ прямо безъ обсужденія сдавались въ архивъ. По слухамъ, соотвѣтственное распоряженіе уже сдѣлано"... „Послѣднія времена настали!"—плачутся сейчасъ навѣрное Сопоцьки и Бухмейеры. Плакать о послѣднихъ временахъ имъ еще рано. Но что для союзниковъ прошли недавнія былыя времена—повидимому, это такъ. Недаромъ г. Айвазовъ говорилъ въ Москвѣ, въ собраніи монархистовъ, что онъ иногда начинаетъ „желать новой революціи". Рѣчь его, — какъ передаетъ „Раннее Утро",—„состояла сплошь изъ болѣе или менѣе ясныхъ намековъ на разныхъ „генераловъ-отъ-монархистовъ", добравшихся „потомъ и кровью черносотенцевъ" до видныхъ мѣстъ и измѣнившихъ своимъ знаменамъ. Печаловался Айвазовъ и о томъ, что монархисты ослабѣли, съ ними никто не хочетъ считаться, что ряды ихъ разрознены...

Письмо въ редакцію.

Позвольте черезъ посредство вашего уважаемаго журнала обратить вниманіе широкихъ круговъ на одну изъ настоятельнѣйшихъ нуждъ современной жизни: на необходимость организовать общества, которыя поставили бы своею цѣлью доставленіе молодымъ людямъ средствъ для научнаго усовершенствованія по окончаніи курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. У насъ широко развита помощь со стороны общества учащейся молодежи, какъ въ средней, такъ и въ высшей школѣ. Но, насколько мнѣ извѣстно, почти ничего не дѣлается со стороны частной иниціативы, чтобы дать возможность кончившему университетъ продолжать дальнѣйшее изученіе избранной имъ спеціальности. Правда, существуютъ правительственныя стипендіи для такъ называемыхъ „оставляемыхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію“, а также казенныя командировки такихъ стипендіатовъ за границу. Но число такихъ оставляемыхъ при университетахъ вообще невелико и совершенно не удовлетворяетъ потребностямъ самихъ университетовъ. Какъ извѣстно, открытіе новыхъ университетовъ съ какими-либо факультетами кромѣ медицинскаго встрѣчаетъ, между прочимъ, препятствіе въ недостаткѣ профессоровъ. Дѣйствительно, изъ преній въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу отпуска средствъ на приготовленіе профессоровъ (засѣданіе 30-го мая 1909 г., рѣчь проф. Афанасьева) видно, что въ университетахъ 113 вакантныхъ каѳедръ, которыя только отчасти замѣщены такъ называемыми внѣштатными профессорами, такъ что 60 каѳедръ совершенно свободны. А если будутъ утверждены новые университетскіе штаты, въ чемъ чувствуется настоятельная необходимость, то тогда число незамѣщенныхъ каѳедръ поднимется до 200. Но, помимо того, что число оставляемыхъ при университетахъ крайне недостаточно, и способъ подбора ихъ не вполнѣ удовлетворителенъ. При выборѣ кандидатовъ руководствуются зачастую не только даровитостью и работоспособностью, но и соображеніями совершенно посторонними научнымъ задачамъ. Такъ, извѣстны случаи, когда талантливые молодые люди не были оставляемы при университетѣ изъ-за такихъ поводовъ, какъ предсѣдательствованіе на студенческихъ сходкахъ или участіе въ студенческихъ безпорядкахъ—и такимъ образомъ молодымъ талантамъ закрывалась дорога къ научной работѣ.

Очевидно, что въ этомъ дѣлѣ нельзя разсчитывать цѣликомъ на правительство; здѣсь необходимо выступленіе общественной самодѣятельности. Именно теперь чувствуется потребность въ людяхъ,

прошедшихъ серьезную научную школу, больше, чѣмъ когда-либо. Было когда-то время, когда человѣкъ, научившійся грамотѣ, уже тѣмъ самымъ становился интеллигентной силой, когда кончить среднее учебное заведеніе или университетъ—значило пріобрѣсти серьезное, для того времени, образованіе. Въ настоящее же время человѣкъ, по выходѣ изъ университета закончившій свои научныя занятія, не можетъ считаться стоящимъ на томъ уровнѣ, который необходимъ для культурной работы при современныхъ условіяхъ. Выше было говорено о недостаточномъ числѣ лицъ, которыя могли бы преподавать въ университетахъ. Но вѣдь въ настоящій моментъ кромѣ университетовъ имѣются другія высшія учебныя заведенія, число которыхъ во много разъ превышаетъ число университетовъ, и всѣ они нуждаются въ преподавателяхъ съ серьезной научной подготовкой.

Кромѣ того, научно образованные лекторы необходимы для народныхъ университетовъ и для чтенія популярныхъ курсовъ. Вѣдь извѣстно, что хорошо читать популярный курсъ можетъ быть труднѣе, чѣмъ преподавать подготовленной аудиторіи, и требуетъ отъ лектора очень серьезной научной школы. Наконецъ, каждый изъ насъ желаетъ видѣть въ качествѣ учителей для своихъ дѣтей въ средней школѣ непремѣнно людей съ искрой Божіей, не ограничившихъ время своего ученья университетомъ, а продолжающихъ научно работать и имѣющихъ къ тому возможность и послѣ окончанія курса.

Такимъ образомъ потребность въ людяхъ, спеціализировавшихся въ какой-либо научной области и получившихъ въ ней серьезную подготовку, въ высшей степени велика. Весьма вѣроятно, что дальнѣйшій ростъ образованія встрѣтитъ у насъ самое главное препятствіе въ отсутствіи достаточнаго числа удовлетворительно подготовленныхъ преподавателей для вновь открывающихся курсовъ и народныхъ университетовъ.

Но, кромѣ общественной, здѣсь есть еще и другая сторона вопроса. Что можетъ быть привлекательнѣе, какъ помочь людямъ, стремящимся къ наукѣ, но которымъ тяжелыя внѣшнія обстоятельства не даютъ возможности ею заниматься? Нужно представить себѣ тяжелое положеніе ассистентовъ, лаборантовъ и другихъ такъ называемыхъ младшихъ преподавателей, а также педагоговъ и больничныхъ врачей, которые всеми силами души рвутся къ научной работѣ, а между тѣмъ все время и лучшія силы имъ приходится отдавать тяжелому, одуряющему труду, необходимому для заработка. Такимъ людямъ нужно иногда только на короткое время помочь, вырвать ихъ изъ тяжелыхъ условій ихъ жизни, дать имъ возможность научно поработать, открыть для нихъ широкіе научные горизонты, чтобы удесятерить ихъ силы, какъ культурныхъ и научныхъ дѣятелей.

Для такихъ людей была бы благодѣяніемъ возможность одинъ или два года цѣликомъ провести въ научной работѣ за границей. Я ставлю такъ высоко заграничную обстановку работы не потому, чтобы у насъ въ Россіи не было въ настоящее время выдающихся ученыхъ и такихъ лабораторій, гдѣ бы научная работа интенсивно кипѣла. Такъ, несомнѣнно первый физіологъ въ мірѣ настоящаго времени работаетъ въ Россіи. Но поѣздка для научной работы за границу важна не только потому, что благодаря ей молодой ученый попадаетъ въ руки какого-нибудь выдающагося учителя. Поѣздка за границу важна тѣмъ, что въ продолженіе ея молодой ученый совершенно отрывается отъ условій русской жизни, отъ всего того, что, по удачному выраженію И. И. Мечникова, „сверху, съ боковъ и снизу" врывается въ жизнь ученаго и мѣшаетъ ему здѣсь работать. Работа за границей важна потому, что она расширяетъ научный кругозоръ, даетъ возможность сравнить свою подготовку, свою технику съ таковыми заграничныхъ научныхъ работниковъ и т. д. Поэтому, вовсе не отрицая важности доставленія возможности работать въ русскихъ институтахъ, я думаю, что всетаки цѣлесообразнѣе всего было бы тратить средства на организацію ученыхъ занятій за границей.

Въ виду этого мнѣ кажется необходимымъ образованіе общества, которое поставило бы своею цѣлью доставленіе средствъ для посылки молодыхъ людей (безъ различія національности, вѣроисповѣданія и пола) съ ученою цѣлью за границу. Правленіе общества или само должно отыскивать достойныхъ кандидатовъ, или вступать для этой цѣли въ сношенія съ отдѣльными выдающимися учеными или съ факультетами и совѣтами учебныхъ заведеній. Членскій взносъ долженъ быть небольшой (напр. 5 р.), чтобы широкіе круги могли принять въ обществѣ участіе. Но, конечно, такое общество будетъ имѣть значеніе не только тѣми средствами, которыя оно собираетъ своими членскими взносами, но и тѣмъ, что оно должно сдѣлаться центромъ, куда будутъ притекать пожертвованія. Мнѣ казалось бы только нежелательнымъ, если бы въ дѣятельности такого общества на первый планъ выступило стремленіе собирать капиталы, процентами съ которыхъ можно было бы обезпечивать на вѣчныя времена выдачу стипендій. Мнѣ кажется нецѣлесообразной эта забота о будущемъ времени, когда, можетъ быть, всѣ условія существованія измѣнятся. Теперь существуетъ потребность въ научныхъ работникахъ, имѣются на лицо молодые люди, которымъ надо помочь въ тяжелыхъ условіяхъ ихъ научной дѣятельности. Вмѣсто того, чтобы накапливать капиталъ въ облигаціяхъ и тратить только проценты на поддержку молодыхъ ученыхъ, лучше по возможности всѣ получаемыя средства тратить теперь же на стипендіи и создать живой капиталъ

кадръ молодыхъ, энергичныхъ, даровитыхъ людей, работающихъ на научномъ поприщѣ.

Въ настоящее время мы переживаемъ мрачный періодъ русской жизни; но если возможно вообще бороться съ общественной реакціей, то какое же средство можетъ быть болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ тотъ путь, который мы предлагаемъ: найти даровитыхъ и энергичныхъ людей и дать имъ возможность подняться надъ окружающей средой. Я былъ бы очень обязанъ, если бы другіе журналы и газеты перепечатали это письмо.

Проф. А. Яроцкій.

Юрьевъ.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ второго литературнаго конкурса редакціи „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Правила второго литературнаго конкурса редакціи „Биржевыхъ Вѣдомостей“ на оригинальные русскіе разсказы и повѣсти:

1) Представленные на конкурсъ разсказы и повѣсти (въ прозѣ) должны быть оригинальными, нигдѣ не напечатанными, размѣромъ приблизительно въ одинъ печатный листъ (около 1.000 газетныхъ строкъ).

2) Означенныя произведенія доставляются въ литературный комитетъ второго конкурса „Биржевыхъ Вѣдомостей“ (Петербургъ, Галерная, 40) подъ девизомъ, вмѣстѣ съ запечатаннымъ конвертомъ, на которомъ означенъ тотъ же девизъ. Въ конвертѣ содержится записка съ указаніемъ фамиліи автора и его адреса. Конверты вскрываются лишь въ случаѣ присужденія преміи произведенію. Рукописи, подписанныя авторомъ, или не сопровождаемыя девизомъ, въ конкурсѣ не участвуютъ. Члены жюри въ конкурсѣ не участвуютъ.

3) Авторамъ произведеній, за которыя не присуждены преміи, гарантируется полная тайна имени. Рукописи не премированныхъ разсказовъ и конверты съ именами (не вскрытые) будутъ уничтожены, послѣ публичнаго провозглашенія премій, въ особомъ засѣданіи литературнаго комитета, о чемъ будетъ составленъ актъ.

4) Для полной гарантіи безпристрастія комитета представляемыя на конкурсъ произведенія должны быть отпечатаны на пишущей машинѣ, или, въ

крайнемъ случаѣ, четко переписаны, однако не авторской рукой, такъ какъ членамъ комитета могутъ быть извѣстны почерки нѣкоторыхъ авторовъ.

5) Предѣльнымъ срокомъ для представленія рукописей назначается для авторовъ, живущихъ въ Петербургѣ, 31-е декабря 1910 г.; этотъ же день признается послѣднимъ (число почтоваго штемпеля) для отсылки въ Петербургъ произведеній изъ провинціи или изъ-за границы. Произведенія, отправленныя послѣ этого срока, въ конкурсѣ не участвуютъ.

6) Редакція ассигновала на преміи, съ правомъ напечатать премированныя произведенія на страницахъ „Биржевыхъ Вѣдомостей", или безплатныхъ къ этой газетѣ приложеній,—10.000 рублей. Устанавливается всего 10 премій. Первая премія составляетъ 2.000 руб., вторая—1.500 руб., третья—1.250 руб., остальныя семь—по 750 рублей каждая. Изо всѣхъ произведеній литературный комитетъ избираетъ 10 лучшихъ и присуждаетъ каждому премію въ 750 руб.; три добавочныя преміи (въ 1.250 руб., 750 и 500 руб.) присуждаются голосованіемъ читателей „Биржевыхъ Вѣдомостей".

7) Въ публичномъ засѣданіи въ Петербургѣ въ мартѣ 1911 года въ присутствіи всѣхъ желающихъ будутъ прочитаны доклады о ходѣ и результатахъ конкурса и постановленія комитета съ подробной ихъ мотивировкой, послѣ чего состоится вскрытіе 10 конвертовъ съ девизами для оглашенія фамилій авторовъ, произведенія которыхъ литературный комитетъ призналъ наилучшими. Выдача 10 премій по 750 рублей каждая, присужденныхъ литературнымъ комитетомъ, будетъ производиться со слѣдующаго послѣ засѣданія дня въ конторѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей". Печатаніе 10 премированныхъ произведеній на страницахъ „Биржевыхъ Вѣдомостей" или безплатныхъ къ этой газетѣ приложеній начнется въ апрѣлѣ 1911 года и будетъ закончено въ ноябрѣ того же года.

8) Премированныя произведенія впервые печатаются на страницахъ „Биржевыхъ Вѣдомостей" и не могутъ быть перепечатываемы или издаваемы авторами или кѣмъ-либо съ ихъ разрѣшенія ранѣе 31 декабря 1912 года.

9) Одновременно съ отпечатаніемъ всѣхъ премированныхъ произведеній читателямъ „Биржевыхъ Вѣдомостей" будутъ разосланы особые опросные листки съ фамиліями получившихъ преміи авторовъ. Читатели избираютъ трехъ авторовъ, которымъ хотѣли бы предоставить добавочныя преміи, и возвращаютъ опросные листки по адресу литературнаго комитета конкурса къ 10 декабря 1911 года. Три добавочныя преміи (1-я—въ 1.250 рублей, 2-я—въ 750 рублей и 3-я—въ 500 руб.) выдаются авторамъ, сообразно количеству собранныхъ авторами читательскихъ голосовъ, вслѣдъ за оглашеніемъ результата подсчета опросныхъ листковъ. Провѣрка результатовъ подсчета опросныхъ листковъ производится въ Петербургѣ въ публичномъ засѣданіи въ присутствіи всѣхъ желающихъ.

Въ составъ литературнаго комитета (жюри) второго конкурса редакціи „Биржевыхъ Вѣдомостей" вошли: В. Г. Авсѣенко, К. С. Баранцевичъ, П. В. Быковъ, П. П. Гнѣдичъ, Вас. И. Немировичъ-Данченко, И. Н. Потапенко, И. Л. Щегловъ (Леонтьевъ), І. І. Ясинскій (предсѣдатель комитета) и представители редакціи „Биржевыхъ Вѣдомостей".

II. — Отъ Императорской военно-медицинской академіи.

Императорская военно-медицинская академія объявляетъ конкурсъ на соисканіе преміи медико-хирурга С. Ф. Тучемскаго.

1) Къ соисканію преміи допускаются врачи—русскіе подданные и притомъ исключительно бывшіе воспитанники академіи, за исключеніемъ членовъ конференціи академіи и лицъ, занимающихъ въ академіи штатныя должности по учебной части.

2) Премія выдается: а) преимущественно за такіе ученые труды, которые, по важности изложенныхъ въ нихъ самостоятельныхъ изслѣдованій автора, послужатъ существеннымъ обогащеніемъ той или другой изъ преподаваемыхъ въ академіи наукъ, и б) за такія особенно важныя сочиненія, которыя, хотя и не содержатъ въ себѣ новыхъ изслѣдованій и открытій, тѣмъ не менѣе обогащаютъ ученую медицинскую литературу полнымъ и основательнымъ изложеніемъ той или другой отрасли ея. Диссертаціи на ученыя степени, а равно сочиненія, изданныя на счетъ правительства, академіи, университета или ученыхъ обществъ, къ соисканію преміи не допускаются.

3) Сочиненія, предназначаемыя для соисканія преміи, должны быть представлены въ академію *не позже 1-го мая 1911-го года*. Присужденіе преміи имѣетъ быть 2-го января 1912-го года.

4) Сочиненія могутъ быть рукописныя или напечатанныя—на русскомъ языкѣ. Рукописи должны быть написаны чисто и четко.

5) На сочиненіи долженъ находиться девизъ, имя же автора должно находиться въ особомъ запечатанномъ пакетѣ подъ тѣмъ же девизомъ.

6) Сумма преміи—1000 руб. Раздѣленіе преміи не допускается.

III.—О пріисканіи занятій и мѣстъ бывшимъ депутатамъ 1-ой и 2-ой Думы.

Принимая во вниманіе, что многіе изъ бывшихъ депутатовъ 1-ой и 2-ой Государственной Думы оказались лишенными ихъ обычнаго заработка и въ пріисканіи таковаго на мѣстѣ своего жительства они часто встрѣчаютъ затрудненія, *группа* лицъ изъ бывшихъ членовъ 1-ой Думы рѣшила организовать дѣло по пріисканію занятій и мѣстъ оставшимся безъ подходящаго заработка своимъ товарищамъ. Въ

этихъ видахъ она предполагаетъ сосредоточить у себя свѣдѣнія о предложеніи ими труда и о спросѣ на тотъ трудъ, который они предлагаютъ.

Разсчитывая въ этомъ трудномъ дѣлѣ на поддержку широкихъ слоевъ русскаго общества, *группа* проситъ оказать ей содѣйствіе въ прiисканіи подходящихъ мѣстъ и занятій (по профессіямъ, начиная отъ простого рабочаго, кончая интеллигентнымъ трудомъ разныхъ категорій) тѣмъ изъ бывшихъ депутатовъ, о коихъ у *группы* уже имѣются свѣдѣнія, а также сообщать ей свѣдѣнія о возможныхъ открывающихся мѣстахъ и о спросѣ на трудъ. Только путемъ широкаго ознакомленія съ ея задачами и при помощи лицъ, сочувствующихъ этому дѣлу, *группа* надѣется выполнить весьма трудную задачу, которую она себѣ поставила.

Отвѣты, съ указаніемъ характера мѣстъ и условій, а также запросы по данному предмету можно адресовать въ редакцію *для группы.*

Группа Членовъ 1-ой Государственной Думы.

IV.—Отъ Симбирской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, въ 18-ый день прошлаго іюня, Высочайше соизволилъ разрѣшить Симбирской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи открыть всероссійскій сборъ добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе въ г. Симбирскѣ памятника писателю И. А. Гончарову. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ уже сдѣлано сношеніе съ министерствомъ финансовъ относительно пріема казначействами жертвуемыхъ суммъ для перевода таковыхъ въ распоряженіе Симбирской Архивной Коммиссіи.—Предсѣдатель Симбирской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи гофмейстеръ Высочайшаго Двора *В. Поливановъ.*

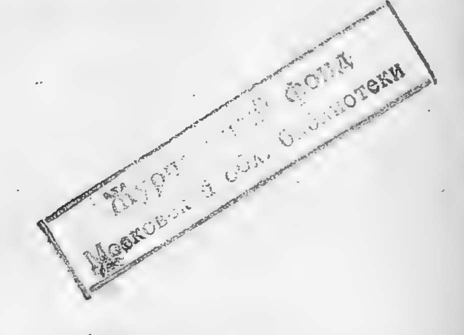
P. S. Пожертвованія Коммиссія проситъ съ извѣщеніемъ ея вносить въ казначейство или переводить на ея условный текущій счетъ № 1402 въ Симбирское Отдѣленіе Волжско-Камскаго Коммерческаго Банка.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВТОРОВЪ И СТАТЕЙ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ «ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ»

въ **1910** году.



Хроника.

I. Внутреннее Обозрѣніе. — Январь.—Итоги минувшаго года.—Партизаны и вспомогательныя войска реакціи.—Поддерживающіе или поддерживаемые?—Характерное воззваніе. — Новый фазисъ финляндскаго вопроса.—„Націонализмъ" и мѣстный судъ.—Рѣчь депутата Шульгина.—Вопросъ о выборѣ или назначеніи предсѣдателя мирового съѣзда.—Два эпизода думскихъ преній. — Post-scriptum (стр. 308).—Февраль.—Продленіе дѣйствія чрезвычайной охраны. — Оцѣнка этой мѣры съ точки зрѣнія законопроекта объ исключительномъ положеніи.—Первый всероссійскій съѣздъ по борьбѣ съ пьянствомъ и отношеніе къ нему оффиціальной печати.—Докладъ Н. Н. Львова о національмѣ. — Надо ли воевать?—Странное письмо (стр. 330).—Мартъ.—Новый проектъ университетскаго устава.—Сравненіе его съ проектомъ 1907-го года.—Усиленіе „начальственнаго" принципа. — Роль ректора и роль совѣта.—Порядокъ замѣщенія профессорскихъ каѳедръ. — Учебные планы. — Инспекція и судъ.—Отношеніе къ студенчеству.—Постановленіе московскаго университета и реакціонная печать.—Замѣчательный циркуляръ (стр. 334).—Апрѣль.—Впечатлѣніе, произведенное избраніемъ А. И. Гучкова въ предсѣдатели Государственной Думы. — Вступительная рѣчь А. И. Гучкова.—Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ.—Вопросы уголовнаго права въ Государственномъ Совѣтѣ. — Новый фазисъ финляндскаго вопроса (стр. 362).—Май.—П. А. Столыпинъ о современномъ положеніи Россіи.—Задачи правительства и способъ ихъ исполненія.—Второе чтеніе законопроекта о мѣстномъ судѣ.—Вопросъ объ условномъ осужденіи въ Государственномъ Совѣтѣ. — Своеобразные политическіе взгляды. — Печальное засѣданіе.—Московское юридическое общество (стр. 342).—Іюнь. — Общій характеръ настоящей минуты.—Указъ 12-го декабря и законопроектъ о введеніи земства въ шести западныхъ губерніяхъ.—Программа и ея исполненіе. — Докладъ финляндской коммиссіи Государственной Думы.—„Напоминаніе", сдѣланное 15-го мая, и отголоски его въ засѣданіи 17-го числа.—Заявленіе предсѣдателя Государственнаго Совѣта (стр. 350). — Іюль.—Усиленная охрана, вмѣсто чрезвычайной, въ Петербургѣ и петербургской губерніи. — Законопроектъ о старообрядцахъ въ Государственномъ Совѣтѣ; рѣчи представителей чернаго и бѣлаго духовенства.—Разсужденіе о границахъ свободы совѣсти. — Пренія о финляндскомъ вопросѣ въ Государственномъ Совѣтѣ (стр. 362).—Августъ.—Первые признаки приближенія общихъ выборовъ. — Несостоятельность дѣйствующей избирательной системы. — Предстоящіе дополнительные выборы въ Государственную Думу.—Государственный Совѣтъ въ до- и послѣконституціонное время.—Задачи ближайшаго будущаго.—Казанскій миссіонерскій съѣздъ и „Кишиневскія Епархіальныя Вѣдомости" (стр. 382).—Сентябрь.—Неумѣренный оптимизмъ.—Два оффиціальныхъ проекта устройства всесословной волости.—Сравненіе ихъ между собою и съ проектомъ, составленнымъ партіею народной свободы.—Множественность избирательныхъ собраній.—Степень независимости волостныхъ учрежденій.—Синодальное опредѣленіе о церковно-приходскихъ школахъ (стр. 358).—Октябрь. — Чрезвычайная сессія финляндскаго сейма.—Отношеніе къ ней финляндскаго общественнаго мнѣнія.—Мудрые совѣты, данные четыре столѣтія тому назадъ.—Дополнительные выборы въ Государственную Думу.—Вѣроятная программа предстоящей сессіи.—Настроеніе страны и оффиціозная пресса.—Забота о „реальныхъ нуждахъ" народа—и закрытіе обывательскихъ обществъ.—Временная пріостановка „Московскаго Еженедѣльника" (стр. 367).—Ноябрь.—Похороны С. А. Муромцева, какъ „признакъ времени".—Засѣданіе 15-го октября въ Государственной Думѣ.—Результаты „охранной политики" (Москва, Кіевъ) и новый ея манифестъ (Нижній - Новгородъ). — Юбилей „академическаго союза" и рѣчь управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія.—Правила о сектантскихъ собраніяхъ. — Начало думскихъ преній о начальной школѣ.—Юбилей П. Д. Боборыкина (стр. 342).—Декабрь. — Общенародное горе.—Отношеніе къ нему Государственной Думы, Государственнаго Совѣта и реакціонной печати.—Образцы безтактности и лицемѣрія.—Волненія въ

высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Проектъ запроса о высшей школѣ.—Особое мнѣніе М. И. Горчакова по одному изъ вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ. — Государственный Совѣтъ и Государственная Дума (стр. 345).

II. Иностранное Обозрѣніе. — Январь.—Главныя событія истекшаго года. — Дипломатическія предпріятія и неудачи.—Идеи новаго германскаго канцлера.—Политическій кризисъ въ Австро-Венгріи.—Внутреннія дѣла въ другихъ государствахъ. — Тревога на Дальнемъ Востокѣ (стр. 398).—Февраль.—Парламентскіе выборы въ Англіи.—Пруссія и германскія дѣла.—Инцидентъ въ имперскомъ сеймѣ.—Нѣмецкіе ученые о финляндскомъ вопросѣ.—Греческій кризисъ. — Международно-манчжурскій проектъ (стр. 390).—Мартъ.—Французскіе парламентаріи въ Россіи.—Балканскія дѣла и австро-русскія комбинаціи. — Болгарскій царь и царскосельскіе тосты.—Греческій кризисъ.—Политическія волненія въ Пруссіи.—Начало парламентской сессіи въ Англіи (стр. 390). — Апрѣль.— „Благополучные“ дипломатическіе переговоры съ Австро-Венгріею. — Мнимое соглашеніе на Балканахъ. — Политика А. П. Извольскаго въ освѣщеніи П. Н. Милюкова.—Сербскій король въ Петербургѣ. — Внутреннія дѣла въ Австро-Венгріи и Италіи.—Министерство Луццати и Бетманъ-Гольвега.—Русскій процессъ въ Венеціи (стр. 393). — Май.— Парламентскіе выборы во Франціи.— Избирательныя программы и воззванія кандидатовъ.—Рѣчь министра-президента Бріана и враждебная ему демонстрація.— Общій характеръ выборовъ и ихъ особенности.—Лекція Рузвельта въ Парижѣ. —Избирательная реформа въ Пруссіи.— Политическій кризисъ въ Англіи (стр. 392).—Іюнь.—Король Эдуардъ VII, его характеръ и дѣятельность.—Главныя его политическія заслуги. — Внѣшняя политика Англіи прежде и теперь. — Новый король. — Неопредѣленный кризисъ въ Пруссіи.—Балканскія дѣла (стр. 398).— Іюль.—Политическія дѣла въ Пруссіи.— Консервативныя партіи и правительство. —Вопросъ о содержаніи прусской королевской фамиліи. — Дѣло Гелльфельда и его значеніе для Россіи.—Критская автономія и великія державы. — Мѣстный сеймъ въ Босніи и Герцеговинѣ (стр. 391).—Августъ. — Русско-японское соглашеніе.—Новыя манчжурскія заботы и обязательства.—Опасныя послѣдствія старыхъ ошибокъ. — Вызывающая политика Ватикана. — Политическій кризисъ въ Испаніи.—Внутреннія дѣла въ Германіи и во Франціи (стр 399).—Сентябрь.— Императоръ Францъ-Іосифъ и его политическія испытанія. — Прусско-польская политика. — Титулы балканскихъ государей и вопросъ о Черногорскомъ „королевствѣ“.—Японія и Китай (стр. 393). —Октябрь.—Королевскія рѣчи въ Пруссіи.—Обращеніе кронпринца къ нѣмецкимъ ученымъ. — Монархическія деклараціи Вильгельма II. — Германская соціаль-демократія и съѣздъ въ Магдебургѣ. — Безпорядки въ Берлинѣ.—Балканскія дѣла и дипломатическія перемѣны.—Культурные результаты присоединенія Кореи къ Японіи (стр. 398). — Ноябрь.—Паденіе монархіи въ Португаліи.—Парламентскія битвы во Франціи: министерство Бріана и его противники.— Турецкіе займы и французская дипломатія.—Греческій кризисъ.—Персидскія дѣла (стр. 402).—Декабрь. — Споры о рѣчахъ Вильгельма II въ германскомъ парламентѣ. — Свиданіе монарховъ въ Потсдамѣ.—Конституціонный кризисъ въ Англіи.—Австрійскія дѣла (стр. 395).

III. Литературное Обозрѣніе. — Январь, стр. 411:—I. М. Гершензонъ. Историческія записки (о русскомъ обществѣ). II. М. Пришвинъ. У стѣнъ града невидимаго. **Ч. В — скаго.** — III. Дневникъ солдата въ русско-японскую войну. Ф. И. Шикуца, п. р. В. И. Пржевалинскаго. **Л. С.** — IV. Н. Лосскій. Обоснованія интуитивизма. **С. О. Марголина.**— V. Вліяніе урожаевъ въ связи съ другими экономическими факторами на потребленіе спиртныхъ напитковъ. Изслѣд. С. А. Первушина. VI. А. Гудванъ. Въ царствѣ тьмы и эксплоатаціи. VII. А. П. Болобанъ. Земледѣліе и хлѣбопромышленность Сѣв. Манчжуріи. **В. В.** — VIII. Walter Schücking. Die Organisation der Welt.—Alfred Fried. Das internationale Leben der Gegenwart.—Karl v. Stengel. Welstaat und Friedensproblem. IX. D-r. P. Rohrbach. Deutschland unter den Weltvölkern. — D-r. P. Rohrbach. Das politische Krisengebiet Europas im Jahre 1908-09. **Р. Ст.** — Новыя книги и брошюры.—Февраль, стр. 404:— I. Куда мы идемъ? Настоящее и будущее русской интеллигенціи, литературы, театра и искусствъ. Сборникъ статей и замѣтокъ.— II. А. А. Измайловъ. Помраченіе божковъ и новые кумиры. Книга о новыхъ вѣяніяхъ въ литературѣ. **Ч. В—скаго.**— III. В. Базаровъ. На два фронта. **Л. Слонимскаго.** — IV. Рождественскій, Т. С. Памятники старообрядческой поэзіи. **Вл. Бончъ-Бруевича.** — V. Москва въ ея прошломъ и настоящемъ. Вып. 1-й и 2-й. **В. Нечаева.**—VI. А. И. Чупровъ. Рѣчи

и статьи. Томъ III, съ приложеніемъ Указателя печатныхъ трудовъ А. И. Чупрова. **В. Э.**—VII. Б. Д. Бруцкусъ. Землеустройство и разселеніе въ Россіи и за границей.—VIII. И. Г. Тайновъ. Золотое обращеніе и центральные банки главнѣйшихъ государствъ.—IX. Л. Б. Кафенгаузъ. Синдикаты въ русской желѣзной промышленности.—X. Географическій Словарь Россіи. Подъ редакціей Д. И. Рихтера. **В. В.** — Новыя книги и брошюры. — Мартъ, стр. 411: — I. Д. Мережковскій. Больная Россія.—II. „Друкарь". Литературный сборникъ.—Художникъ-иллюстраторъ П. М. Боклевскій, его жизнь и творчество. Сост. Конст. Кузьминскій.—**Ч. В—скаго.**—IV. С. А. Котляревскій. Правовое государство и внѣшняя политика. — **Н. Болдырева.**—V. Врачебная помощь фабрично-заводскимъ рабочимъ въ 1907 г. Сост. А. Зотовъ. Очерки землевладѣнія и земледѣлія въ современной Англіи. — VII. Перси Ашлей. Мѣстное и центральное управленіе. Перев. съ англ. подъ ред. В. Ѳ. Дерюжинскаго. — VIII. К. Я. Загорскій. Обзоръ желѣзнодорожныхъ тарифовъ Франціи, Германіи и Австро-Венгріи сравнительно съ тарифами русскихъ желѣзныхъ дорогъ.—**В. В.**—Новыя книги и брошюры. — Апрѣль, стр. 406: — Инж. П. К. Энгельмейеръ. Теорія творчества. Съ предисл. Д. Овсянико-Куликовскаго и Эрнста Маха.—Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. II, вып. 2-й. Ред. Б. А. Лезинъ.—Евг. Аничковъ. Реализмъ и новыя вѣянія. — Записки Н. Ф. Бунакова. „Моя жизнь", и т. д. Съ портретомъ и факсимиле.—Щукинскій сборникъ. Вып. VIII.—**Ч. В—скаго.** — В. I. Дмитріева. Повѣсти и разсказы. — **Е. К.** — Августъ Бебель. „Изъ моей жизни" (Мемуары). Перев. съ рукоп., подъ редакціей Н. Рязанова.—**М. Славинскаго.**—В. Ѳ. Матвѣевъ. Право публичныхъ собраній.—**Н. Болдырева.**—Пфлейдереръ. I. Отъ іудейства къ христіанству. II. Образъ Христа древнехристіанской вѣры. —Его же: Возникновеніе христіанства. Перев. Г. Ѳ. Львовича. — **Н. Никольскаго.** — Ю. Велльгаузенъ. Введеніе въ исторію Израиля. Перев. съ нѣм. Н. М. Никольскаго.—**Василія Сторожева.**—Подворное и хуторское хозяйство въ Самарской губ. Опытъ агрономическаго изслѣдованія, т. I-III, изд. сам. губ. земства. — **Сем. Маслова.** — Y. Delage et M. Goldsmith. Les Théories de l'Evolution. Bibliothèque de Philosophie scientifique. — **А. Щ.** — Новыя книги и брошюры.—Май, стр. 409:—I. Юбилейный сборникъ Литературнаго Фонда. — 1859-1909. — И. А. Родіоновъ. Наше преступленіе (не бредъ, а быль). Изъ современной народной жизни. 5-е испр. изд.—Изъ исторіи новѣйшей русской литературы. В. Базаровъ, П. Орловскій, В. Фриче и В. Шулятиковъ. — Общестуденческій Литературный Сборникъ.—Студенческій альманахъ. Книга I. Изд. Д. Тягая.—**Ч. В—скаго.** — „Незабвенному Владиміру Васильевичу Стасову". Сборникъ воспоминаній.—**Е. К.**—„Книга для чтенія по исторіи новаго времени", т. I, изд. подъ ред. „Историч. Ком. учебн. отд. Общества Распр. Технич. Знаній". — **А. Прѣснякова.** — Влад. Грабеньскій. Исторія польскаго народа. Разр. авторомъ перев. со 2-го, доп. польскаго изд. подъ ред. Н. Ястребова. — **М. А. Славинскаго.**—К. Гюнтеръ. Происхожденіе и развитіе человѣка. Путь развитія отъ простѣйшаго животнаго до человѣка. Съ атласомъ изъ 90 табл., перев. съ нѣм. подъ ред. проф., д-ра зоологіи Н. А. Холодковскаго.—**Н. Рубакина.**—Наши неурожаи и продовольственный вопросъ, ч. I и II, А. С. Ермолова.—В. Твердохлѣбовъ. Обложеніе городскихъ недвижимостей на Западѣ. Часть II. Мѣстное обложеніе. — П. Гензель. Новѣйшія теченія въ коммунальномъ обложеніи на Западѣ.—**В. В.** — Новыя книги и брошюры. — Іюнь, стр. 409: — 1809—1909. Гоголевскіе дни въ Москвѣ. — Академическая библіотека русскихъ писателей, вып. 2: Полн. собр. соч. М. Ю. Лермонтова, т. I. — В. Чарнолускій. Частная иниціатива въ дѣлѣ народнаго образованія. **Ч. В—скаго.**—Труды В. Г. Васильевскаго, т. I и II.—**И. Бороздина.**—Проф. Э. Бернгеймъ. Философія исторіи, ея исторія и задачи.—**М. А—ва.**—Проф. И. Х. Озеровъ. Основы финансовой науки.—**I. Кулишера.**—З. С. Каценеленбаумъ. Меліораціи, меліоративныя товарищества и меліоративный кредитъ въ Россіи.—**Сем. Маслова.**—P. Chasles.—Le parlement russe. Son organisation. Ses rapports avec l'Empereur. Avec une préface de Anatole Leroy-Beaulieu.—**А. Л. Саккетти.**—Новыя книги и брошюры.—Іюль, стр. 405:—Б. В. Варнеке. Исторія русскаго театра. — Эпоха Николая I, подъ ред. М. Гершензона.—Жизнь В. С. Печерира, М. Гершензона.—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова. Кн. 22-я.—А. П. Чеховъ. Сборникъ статей.—Чеховская библіотека.—**Ч. В—скаго.**—Р. И. Сементковскій. Современная Россія. Записки японца. — **Л. С.** — Пфлугъ - Гартунгъ. Всемірная исторія.—Труды Ѳ. Ѳ. Соколова. **И. Бороздина.**—М. И. Боголѣповъ. Государственный долгъ. А. А. Кизеветтеръ. Мѣстное самоуправленіе въ Россіи. —

Орестъ Семинъ. Основные вопросы мѣстнаго самоуправленія. — **В. В.** — Новыя книги и брошюры.—Августъ, стр. 412:—Несторъ Котляревскій. Міровая скорбь въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в.—А. С. Изгоевъ. Русское общество и революція. — И. П. Бѣлоконскій. Земское движеніе (Земство и Конституція). — Полное Собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго, подъ ред. и съ прим. С. А. Венгерова, т. IX. — Источники словаря русскихъ писателей. Собралъ С. А. Венгеровъ, т. II.—**Ч. В—скаго.**—Э. Фельсбергъ. Братья Гракхи. — **И. Бороздина.**—Ученые труды въ изданіи Имп. Моск. Унив., ч. I: проф. А. И. Чупровъ. Желѣзнодорожное хозяйстао, т. I и II.—**К. Загорскаго.** — Проф. А. С. Алексѣевъ. Къ вопросу о юридической природѣ власти монарха нъ конституціонномъ государствѣ. — **Н. Болдырева.**—Новыя книги и брошюры. — Сентябрь, стр. 412: — Владиміръ Короленко. Бытовое явленіе (Замѣтки публициста о смертной казни).—Е. А. Колтоновская. Новая жизнь. Критическія статьи.—Историко-литературная библіотека, подъ ред. А. Е. Грузинскаго.—Современники. Альбомъ біографій Н. И. Афанасьева, т. I-II.—**Ч. В—скаго.**—Г. Ф. Шершеневичъ. Соціологія. Лекціи. Изд. „Моск. Общ. Народн. Университ.“—**И. Бороздина.**—Проф. А. К. Бороздинъ. Русское религіозное разномысліе, изд. 2-е.—**Влад. Бончъ-Бруевича.**—И. Левинъ. Свеклосахарная промышленность въ Россіи.—В. Г. Бажаевъ. Крестьянская аренда въ Россіи.—**В. В.**—Richard M. Meyer: Die deutsche Literatur des Neunzehnten Jahrhunderts.—Samuel Max Melamed. Theorie, Ursprung und Geschichte der Friedensidee. — Max Apel. Die Weltanschauung Haeckels. — Eugen v. Philippovich. Die Entwicklung der wirtschaftlichen Ideen im XIX Jahrhundert.—**Р. Стрѣльцова.**—Новыя книги и брошюры.—Октябрь, стр. 413:—Стихотворенія А. С. Хомякова, изд. „Русскаго Архива“.—Л. Н. Толстой. Біографія, характеристики, воспоминанія (Жизнь. Личность. Творчество). Сборн. статей, изд. тов. „Образованіе“. — **Ч. В — скаго.** — С. Кондурушкинъ. Разсказы, т. II, изд. т-ва „Знаніе“. — **Е. Колтоновской.**—Проф. М. К. Любавскій. Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства. Изд. Имп. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ.—**И. Бороздина.**—Н. П. Павловъ-Сильванскій. Очерки по русской исторіи XVIII—XIX в.в.—**Ч. В—скаго.**—Мирный переворотъ въ экономической жизни. Кооперація въ Великобританіи. Перев. съ англ., подъ ред. Екат. Веббъ.—**В. В.**—Статистическій Ежегодникъ 1909 г.“, изд. Харьк. Губ. Земск. Управы.—**Сем. Маслова.**—Handwörterbuch der schweizerischen Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. — **Н. Р.** — Новыя книги и брошюры.—Ноябрь, стр. 419:—П. Коганъ. Очерки по ист. нов. русск. лит., т. III, Современники, вып. III, Мистики и богоискатели. — Андрей Бѣлый. „Лугъ зеленый“. Книга статей, книгоиздательство „Альціона“.—Чеховскій юбилейный сборникъ.—1860 — 17 января — 1910.—Сергѣй Муромцевъ. Статьи и рѣчи. Вып. I-III.—Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864-1909 гг. Вып. I. — **Ч. В—скаго.** — Александръ Бенуа. Царское Село въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны.—Словарь литературныхъ типовъ. Вып. IV: Грибоѣдовъ, подъ ред. Н. Д. Носкова.—**Н. Л.**—Другъ народа Александръ Львовичъ Караваевъ. — **В. В.**—П. Г. Виноградовъ, проф. Оксфордскаго и Московскаго университетовъ. Римское право въ средневѣковой Европѣ, изд. А. А. Карцева. — **И. Бороздина.** — I. М. Кулишеръ, „Лекціи по исторіи экономическаго быта зап. Европы“, изд. 2-е. — **И. Иванюкова.** — Алексѣй Боровой. Исторія личной свободы во Франціи. Т. I: Старый порядокъ и революція. — **Максима Ковалевскаго.** — Новыя книги и брошюры. — Декабрь, стр. 408:—Б. Л. Модзалевскій. Библіотека А. С. Пушкина (Библіогр. описаніе). — Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Собраніе сочиненій. Т. IV. Пушкинъ.—**Н. Лернера.**—Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей, Вып. III.—К. И. Арабажинъ. Леонидъ Андреевъ. Итоги творчества. Литературно-критическ. этюдъ.—„Братья Карамазовы“ на сценѣ Худож. театра. Текстъ Н. Шебуева, рис. Д. Мельникова.—**Ч. В—скаго.**—I. И. Желѣзновъ. Уральцы. Очерки быта уральскихъ казаковъ.—**И. Ж.**—I. Конрадъ. Сельское хозяйство и аграрная политика. Ч. I.—С. Бернштейнъ-Коганъ. Численный составъ и положеніе петербургскихъ рабочихъ.—А. М. Стопани. Заработная плата и рабочій день бакинскихъ нефтепромышленныхъ рабочихъ. — **В. В.** — Zeitschrift für osteuropäische Geschichte von Theodor Schiemann, Otto Hötzsch, L. K. Goetz, H. Uebersberger. T. I, вып. 1-й.—**И. Бороздина.** — Новыя книги и брошюры.

IV. Изъ Общественной Хроники.—Январь. — Великій князь Михаилъ Николаевичъ †. — Реакція торжествуетъ и торопится.—Пустое мѣсто.—Многогранная иллюстрація: злоключенія члена Думы

никъ. Объ интеллигенціи—Сентябрь.— Ив. Бунинъ. Сочиненія. Т. VI. Б. Краевскій. По поводу самоубійства учащихся. Ѳ. П. Будкевичъ. Проектъ министра юстиціи о преобразованіи мѣстнаго суда въ связи съ системою и планомъ кодификаціи законовъ. А. М. Обуховъ. Ближайшіе практическіе вопросы народнаго образованія въ Россіи. — Октябрь. — А. К. Дживилеговъ. Исторія современной Германіи. Часть II. А. С. Панкратовъ. Ищущіе Бога. Очерки современныхъ религіозныхъ исканій и настроеній. Л. Шалландъ. Свобода слова въ англійскомъ парламентѣ. Другъ народа Александръ Львовичъ Караваевъ.—Ноябрь.—П. Я. (П. Якубовичъ - Мельшинъ). Стихотворенія, т. I и II. Илья Сургучевъ. Разсказы. Т. I. Проф. Бузескулъ. Историческіе этюды.—Декабрь.—Великая реформа. 19 февраля 1861—1911. Русское общество и крестьянскій вопросъ въ прошломъ и настоящемъ. Исторія нашего времени (современная культура и ея проблемы). Подъ редакціей профессоровъ М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Похвала глупости. Сатира Эразма Роттердамскаго. Перев. съ латинскаго, съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. П. Н. Ардашева. И. Галантъ. Черта еврейской осѣдлости. Митрофанъ Павловичъ Щепкинъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.—ДЕКАБРЬ.